

Записки М.Гарновского

Императрица Екатерина II
и князь Потёмкин

Подлинная их переписка
1786–1790

Государственная публичная
историческая библиотека России

**ЗАПИСКИ
МИХАИЛА
ГАРНОВСКОГО**

**ЕКАТЕРИНА
И ПОТЕМКИН**

**ПОДЛИННАЯ ИХ ПЕРЕПИСКА
1782—1791**

Москва
2017

УДК 94(47) (044)

ББК 63.3 (2) 47

Г 20

Печатается по изданиям:

Гарновский М. А. Записки Михаила Гарновского // Рус. старина. 1876. Т. XV, XVI.

Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1782—1791 / из сб. проф. П. С. Лебедева // Рус. старина. 1876. Т. XVI, XVII.

Гарновский М. А

Г 20   Записки Михаила Гарновского. / М. А. Гарновский. Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1786—1790 / Екатерина II, Г. А. Потемкин; предисл., коммент. Т. А. Лобашковой; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2017.— 560 с.: ил.

ISBN 978-5-85209-415-5

Настоящее издание состоит из двух частей. Первая часть — «Записки Михаила Гарновского». Михаил Антонович Гарновский (Горновский; 1764–1810/17), адъютант и доверенное лицо князя Г. А. Потемкина, был приближен ко двору Екатерины II. В его записках, охватывающих период с 1786 по 1790-е гг., читатель встретит имена всех известных государственных деятелей того времени: членов царской фамилии великих князей Павла Петровича, Александра и Константина Павловичей, графа А. Безбородко, генерал-прокурора А. Вяземского, многих фаворитов императрицы. Автор повествует о торжественных обедах, иллюминациях, спектаклях, излагает беседы Екатерины с придворными, приводит политические слухи, отзывы иностранцев о России. Вторая часть издания включает переписку императрицы Екатерины II с князем Потемкиным за период с 1782 по 1791 гг.

Записки Гарновского наряду с письмами оцениваются современными историками как источник, без которого невозможно осмыслить результаты царствования Екатерины II.

УДК 94(47) (044)

ББК 63.3 (2) 47

ISBN 978-5-85209-415-5

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2017

© Лобашкова Т. А., предисловие, комментарии, 2017

© ООО «Микрографтех», оформление, 2017

ДОКУМЕНТЫ И ЛИЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

(Записки Михаила Гарновского,
переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло четыреста лет со дня восшествия на российский престол первого представителя дома Романовых. За это время история России разделилась на два периода — дореволюционный и после Октябрьской революции 1917 года. И хотя на дореволюционный период приходится немногим более трехсот лет царствования Романовых (с исторической точки зрения не такой значительный отрезок времени), именно тогда историческая наука обогатилась исследованиями о правителях и публикациями документов, которые представляют научную ценность.

За трехсотлетнюю историю правления Романовых появился целый ряд тем, интересных не только специалистам, но и широкому кругу лиц. Некоторые из событий жизни правителей были таковы, что сами Романовы не хотели их обсуждения и для сокрытия нежелательных сведений использовали все рычаги самодержавной власти, в том числе возможность регулировать книгопечатание, контролировать цензурное законодательство и формировать определенный образ верховной власти.

В дореволюционный период среди российских самодержцев только два правителя удостоились прозвания Великих — Петр I и Екатерина II. Оба монарха понимали ценность исторических исследований и заботились об их написании. Историческая литература о жизни и деятельности императрицы весьма значительна и сравнима по количеству с изданиями о Петре I и Александре I.

Академик Я.К. Грот в 1875 г. справедливо считал, что в России вскоре должны появиться основательные иссле-

дования о жизни Екатерины II: «Разработка истории Екатерины II у нас только что начинается. До сих пор почти все наши суждения об этой государыне носили чисто панегирический характер; немногие попытки истории ее царствования на русском языке, как то: Колотова, Сумарокова, Лефорта, Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствием всякой критики, так что нельзя без чувства некоторого смирения, чтоб не сказать более, взять в руки изданные у нас доселе исторические сочинения о Екатерине II. В нашей периодической литературе 1860-х гг. явилось относительно ее времени несколько статей с более серьезным направлением; но их авторы, желая стать на новую точку зрения, впадают в другую крайность: видят во всем одну темную сторону и стараются доказать, что весь блеск царствования Екатерины был только внешний, что под ним скрывалась бездна неурядиц и страданий народа. Будущему историку предстоит решить, насколько верен такой взгляд. Покуда не следует однако ж забывать, что государство, оставленное Екатерине в наследие Анною и Елизаветою, не могло быть пересоздано вдруг: Екатерина пожинала плоды того, что было посеяно после Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала потребности России и старалась удовлетворять их, что она в пределах возможности изменила, исправила многое и заметно подвинула развитие русского народа»*.

С 1875 г. начинают выходить тома капитального труда С.М. Соловьева «История России с древнейших времен», способствовавшего выработке научно обоснованных взглядов на жизнь и государственную деятельность Екатерины II, базировавшихся на тщательно изученных первоисточниках. Историк посвятил царствованию Екатерины II тома с 25 по 29. С.М. Соловьев рассматривал внутреннюю политику Екатерины как продолжение европеизации страны, начатой Петром I. Внешняя политика императрицы, считал Сергей Михайлович, отвечала национальным интересам России.

Создать исторический труд, более-менее полно освещающий царствование Екатерины II, возможно было лишь при ознакомлении с огромным количеством источников, остав-

* Грот Я.К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия, 1875. Т. 1. № 2. С. 110.

ленных потомкам. Значительный вклад в это направление исследовательской работы внесли периодические издания России — журналы «Русская старина» и «Русский архив». В 70-е гг. на страницах периодических изданий были напечатаны мемуары и воспоминания лиц, хорошо знавших придворный быт конца XVIII века и часто общавшихся с Екатериной II. Среди них записки Михаила Гарновского* — управляющего делами князя Г.А. Потемкина, переписка самого князя Г.А. Потемкина с императрицей**, записки «бриллианщика» Иеремии Позье о его пребывании в России с 1729 по 1764 г.***, записки обер-камергера императорского двора А.И. Рибопьера**** и многие другие.

Предлагаемые вниманию читателя записки Михаила Антоновича были опубликованы в журнале «Русская старина» в 1876 г. после предоставления Алексеем Ираклиевичем Левшиным,***** членом Государственного совета, одним из теоретиков реформы по освобождению крестьян ста четырех тетрадей записок Гарновского. Записки перешли к Левшину в составе бумаг Василия Степановича Попова*****,

---

* Гарновский Михаил. Записки Михаила Гарновского. 1786—1790. // РС. 1874. № 1. С. 9—38; № 2. С. 237—265; № 3. С. 471—499; № 4. С. 687—720.

** Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1782—1791 // РС. 1876. Т. XVI—XVII.

*** РС. 1870. Т. I. Изд. 3-е. С. 42—127.

**** Записки графа Александра Ивановича Рибопьера / Предисл. и примеч. А.А. Васильчикова // РА. 1877. Вып. 4. С. 461—506.

***** Левшин А.И. (1798—1879), гос. деятель Российской империи. Окончил Харьковский университет, по окончании курса поступил в 1818 г. на службу в Коллегию иностранных дел и был зачислен в Азиатский департамент. В 1820 г. назначен в Оренбургскую пограничную комиссию и занялся разбором архива киргиз-кайсацких (казахских) дел. Результатом знакомства Лёвшина с историей и бытом казахов и их соседей — казаков-уральцев явилось его «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков». В 1831 г. назначен одесским градоначальником. В 1844 г. назначен управляющим 3-м департаментом Министерства государственных имуществ, а в 1855 — сенатором и помощником министра внутренних дел, сыграл видную роль в деле освобождения крестьян. В 1845 г. вместе с группой единомышленников учредил Императорское Русское географическое общество, став одним из членов-учредителей этого общества. Автор мемуаров «Достопамятные минуты в моей жизни» (Русский архив. 1885. Т. VIII).

***** В 1781—1783 гг. В.С. Попов был правителем канцелярии Московского главнокомандующего, князя В.М. Долгорукова-Крымского, а затем занимал должность правителя канцелярии, князя Г.А. Потемкина-Таврического и был его доверенным лицом. После смерти Григория Алексан-

который являлся правителем канцелярии князя Г.А. Потемкина. М.А. Гарновский — управляющий делами князя Потемкина в Петербурге, регулярно не только сообщал В.С. Попову о положении дел самого князя, но и описывал новости двора, великосветские сплетни и слухи. Эти донесения и составили записки Гарновского, которые редакция журнала опубликовала, отметив отличную сохранность оригинала. Записки охватывали период с 1786 по 1790 г., с одним более ранним донесением за 1783 г., которое открывало публикацию.

Как отмечал М.И.Семевский*, публикуя записки Гарновского, лишь немногие из писем начинались официально принятым обращением «Милостивый государь Василий Степанович» и оканчивались уверениями в чувствах. Зна-

---

дровича в 1791 г., В.С. Попов прибыл в 1792 г. в Петербург с бумагами Потемкина для личного предоставления их Екатерине II. Императрица оставила Василия Степановича для ведения ее личных бумаг: он заведовал Кабинетом императрицы и докладывал ей дела. В 1797—1798 гг. при Павле I он был назначен президентом Камер-коллегии. При императоре Александре I В.С. Попов управлял комиссариатским и провиантским департаментами. Василий Степанович окончил службу членом Государственного совета в чине действительного тайного советника. Он скончался в 1822 г. и был похоронен в пожалованном ему Екатериной II местечке Решетиловке Полтавской губернии.

* Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк, журналист, общественный деятель. Значительную роль в русской науке и культуре Семевский сыграл как издатель (с 1870 г. до конца жизни) крупнейшего исторического журнала «Русская старина», в основном посвященного XVIII в. Из-за служебных соображений до 1877 г. не выступал в качестве официального редактора журнала, которым числился его родственник, Василий Арсеньевич Семевский; но в действительности он был полным, самостоятельным хозяином журнала. М. И. Семевский не только активно участвовал в нем собственными материалами, но и активно стимулировал розыск в частных архивах интересных документов, а также советовал свидетелям эпохи писать воспоминания. Был членом Археографической комиссии и почетным членом Археологического института. Предпринимал путешествия по России с научной целью, ознакомился с учеными архивными комиссиями, осмотрел богатый семейный архив кн. Куракина в Саратовской губ., с важными документами, относящимися к истории XVIII в. Результатом ознакомления Семевского с этим архивом было предпринятое князем Ф. А. Куракиным издание «Архив князя Куракина», первые тома которого вышли под редакцией Семевского. На основании открытых в куракинском архиве новых материалов, преимущественно по истории Петра Великого, Семевский прочел ряд публичных лекций о Петре Великом, в 1890—1891 гг. Впервые опубликовал мемуары А. Т. Болотова (1870), Я. П. Шаховского (1872), Эрнста Миниха, сына фельдмаршала (1891), а также мемуары и письма декабристов.

чительная часть писем написана без всяких обращений на больших листах синеватой бумаги, скорописью, без помарок, очевидно, тотчас после того или другого события, после разговора с государыней или с кем-либо из ее приближенных, который под самым живым впечатлением дословно и передавал Гарновский.

Личность Михаила Антоновича Гарновского весьма примечательна, он уже в юности смог выделиться среди сверстников благодаря образованности, исключительным способностям к языкам и организационному таланту. Сведения о его происхождении предоставила внучка Михаила Антоновича, переводчица Е.Н. Ахматова, которая отметила целый ряд неточностей многих авторов, описывавших жизнь и деятельность ее деда.

«Прежде всего, я должна заявить,— писала Е.Н. Ахматова,— что фамилия моего деда Горновский, а не Гарновский, как его переименовали все писавшие о нем. <...> Фамилия Горновских одна из самых старинных в Малороссии. Отец моего деда служил в казачьем войске бунчуковым товарищем и имел в Черниговской губернии, Стародубского уезда, землю и крестьян. Это был человек очень образованный и имел хорошее состояние. Образованность и материальные средства моего прадеда доказываются, кроме отзыва о нем его сына Ивана Антоновича, бумаги которого дали мне материал для этой статьи, воспитанием, которое он дал своим пятерым сыновьям: Михаилу, Николаю, Петру, Степану и Ивану, особенно двум старшим. Михаил, отец моей матери, о котором собственно идет здесь речь, и Николай кончили курс в германском университете, в каком именно — мне неизвестно, и знали основательно главные европейские языки, а остальные три брата воспитывались в лучших пансионах и училищах Петербурга»*.

Все пять сыновей были определены на службу в гвардейские полки, и уже в девятнадцать лет Михаил Антонович стал адъютантом Г.А. Потемкина. Гарновский не только говорил на европейских языках, но и прекрасно владел письмом. «Это обратило на него внимание не только Потемкина, но и императрицы Екатерины, умевшей ценить

* Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 401—402.

талантливых и образованных людей. Разве их было много в то время?»*

Александр Михайлович Тургенев описал Гарновского в своих «Записках» следующим образом: «Полковник Михаил Антонович Гарновский — чудо своего времени: довольно будет сказать, что он на восьми или девяти языках, кроме природного, изъяснялся, как бы природный того языка, на котором, из им знаемых, случалось ему разговаривать; писал отлично хорошо на всех. Императрица Екатерина II его любила, уважала, отличала; Гарновский всегда, во всякое время имел право входить без доклада в кабинет к государыне. Князь Потемкин — фаворит сначала, потом истинный друг, единственный друг ее — был бескорыстным, неліцеприятным другом Гарновского; чтил, уважал в нем ум, познания и отличные качества души, любил его, как брата; может быть, во всю жизнь свою Потемкин любил искренно одного только Михаила Антоновича. Гарновский приходил к Потемкину в кабинет в халате, сюртуке, как был вставши с постели, в то время как перед князем, валявшимся на диване, стояла с подобострастием толпа — князей, графов, вельмож, царедворцев, воинов, покрытых сединами и лаврами! Нужно было Гарновскому говорить с князем одному, Потемкин приказывал: «Подите вон, нам дело есть!» — почтительно кланялась толпа и спешила оставить князя с Гарновским заниматься делом»**.

Нужно сразу оговориться, что «Записки» А.М. Тургенева изобилуют ошибками и преувеличениями, однако в отношении Михаила Антоновича он, очевидно, вполне искренно пытался передать общее впечатление, производимое Гарновским на окружающих, видевших в нем одного из доверенных лиц всемогущего Потемкина. А.М. Тургенев один из немногих, кто представил личность и деятельность Гарновского, как безусловно заслуживавшего высокой оценки. Даже источник богатства, на который указывали многие в своих воспоминаниях и исследованиях, не был поставлен Тургеневым в вину Михаилу Антоновичу, так как он «приобрел великое, по выражению того времени, несметное, богатство, но не грабежом казны государствен-

* Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 3.

** Записки Александра Михайловича Тургенева // РС. 1886. Ноябрь. С. 264.

ной, не дележом с поставщиками и подрядчиками»*. Источником этим явилась служба и близкие отношения, как считали современники, с английской герцогиней Кингстон**, приехавшей в 1777 г. в Петербург, где она купила земельный участок на Неве, управление которым поручила впоследствии Гарновскому. По рекомендации Потемкина он стал ее поверенным в делах. Герцогиня, умершая за границей, завещала своему российскому приближенному, «в уважение его почтительной привязанности и тех постоянных и тяжелых забот, какие он оказывал в отношении её во время поездки из Петербурга во Францию», куда он был послан с нею по воле императрицы, 50 000 рублей, которые ему следовало получить в течение года со дня кончины герцогини. После того как императрица Екатерина II признала ее завещание действительным в России, Михаил Антонович получил взамен завещанных ему денег дом герцогини у Измайловского моста***, участок земли у Красного кабачка и землю по Неве близ Островков.

Благодаря наследству герцогини, Гарновский вошел в число богатейших людей в Петербурге. Демонстрацией его обеспеченности стал великолепный дом, который он построил на Фонтанке, рядом с домом поэта Гавриила Романовича Державина. Этот дом был выше, чем полагалось, и должен был примыкать к дому Державина эрмитажем, где предполагалось устроить сад и фонтан. Гарновский строил свой дом в надежде, что его купит казна для кого-нибудь из великих князей или княжон. Дом Гарновского, как свидетельствует историк и бытописатель М.И. Пыляев****, долго стоял непокрытый, и после смерти Потемкина Михаил Антонович неоднократно просил у императрицы пособия

* Записки Александра Михайловича Тургенева // РС. 1886. Ноябрь. С. 265.

** Чадли Элизабет (1720—1788), в браке Элизабет Пьерпонт, герцогиня Кингстон (Elizabeth Pierrepont, Duchess of Kingston-upon-Hull), английская авантюристка XVIII в., фигурантка нескольких громких процессов о двоебрачии, владелица участка на берегу Невы в Петербурге и Чудлейских мыз в Эстляндии.

*** Дом № 2 по Измайловскому проспекту долгое время именовали в Петербурге домом Гарновского. Топонимика города сохраняла это имя вплоть до 1923 г., когда улица Гарновского была переименована в Советский переулок (от 1-й Красноармейской до 7-й Красноармейской ул.).

**** Пыляев Михаил Иванович (1842—1899), писатель, краевед, журналист, собиравший исторические сведения о петербургской жизни XVIII и начала XIX в.

на его достройку. Г.Р. Державин, возмущенный, что сосед лишил его солнечного света, жаловался в полицию и даже написал эпиграмму:

Воззри, монархиня! на дом, покрова не имущий,
В столице от крупиц царя Тавриды сущий.
Воззри! и украси сей хижиной твой трон:
Прибавь к украденным еще хоть миллион*.

Сам М.И. Пыляев, в отличие от А.М. Тургенева, рассматривал личность Гарновского как очередного авантюриста, которому удалось приблизиться к трону благодаря службе у князя Потемкина: «Полковник Михаил Гарновский, статный, красивый мужчина, по происхождению шляхтич, был поверенным в делах князя Потемкина и английской графини Кингстон, известной по своей красоте и приключениям в Европе; с последней Гарновский состоял в связи и унаследовал ее имения в России. По смерти Потемкина Гарновский лучшие вещи из Таврического дворца вывез к себе, как то: статуи, картины, мебель и даже строительные материалы; узнав об этом, наследники остановили расхищение через полицию, перехватывая барки на Фонтанке с добром; от этого, как пишет Державин, нередко были крики и споры**». Кроме того, Пыляев привел утверждение о том, что, в качестве поверенного в делах Потемкина, Михаил Антонович переводил в армию во время Русско-турецкой войны большие денежные суммы, не отдавая никому в них отчета.

В «Записках» Гарновского читатель встретит имена всех известных государственных деятелей царствования Екатерины II, начиная с князя Г.А. Потемкина, графа Безбородко, генерал-прокурора Вяземского и членов царской фамилии — великого князя Павла Петровича и его супруги великой княгини Марии Федоровны, многочисленных внуков Екатерины II, в том числе великих князей Александра и Константина Павловичей. Текст сообщает как бытовые подробности жизни царской семьи и ее приближенных, так и обстоятельства, связанные с посещением Екатерины II представителями владетельных домов Европы, например, принцессы Виртембергской в 1787 году. «Записки» под-

* Пыляев Михаил. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 286.

** Там же. С. 285.

робно обрисовывают, как развивались взаимоотношения с фаворитами у Екатерины II и как чутко реагировали придворные на любые слухи о возвышении или отстранении лиц, которым удалось быть «в случае».

Из «Записок» видно, что Гарновский был прекрасно осведомлен обо всем, что происходило при дворе, чутко следил за отношением императрицы к придворным и всегда учитывал настроение и взаимоотношения партий при дворе. Наряду с политическими слухами, отзывами иностранцев о внутренних и внешних событиях России, Михаил Антонович писал о торжественных обедах, иллюминациях, спектаклях, излагал содержание бесед императрицы с разными лицами и о тех поручениях, которые императрица давала Гарновскому.

В отсутствие князя Потемкина в столице, Гарновский заведовал всеми его делами: управлял домами, дачами и стеклянным заводом в Петербурге и исполнял его поручения при дворе, в разных правительственных учреждениях и у вельмож, в 1783 г. заведовал постройкой Таврического дворца. Пользуясь таким доверием светлейшего князя, он допускался и к самой императрице.

Однако, по мнению А.М. Тургенева, Михаил Антонович прогневал императрицу непозволительным браком с артисткой балета, из-за чего впал в немилость, хотя от дел отстранен не был, но являться перед императрицей более не имел права: «Умнейший, образованный, опытный, дальновидный Гарновский, друг Потемкина, удостоенный высокого благорасположения и милостей государыни, любимый страстно и благодетельствованный герцогинею Кингстон, взглянул в балете на прелестную танцовщицу Матрешу — и все забыто. <...> Государыня на Гарновского изволила прогневаться... Гарновский через три дня после того увез танцовщицу и в имении князя Потемкина, Островках, за пороховыми заводами, в 40 верстах от Петербурга, с Матрешей обвенчался. Объявлена Гарновскому опала, запрещено являться к государыне. Гнев Екатерины был непреклонен. Потемкин неоднократно писал императрице о прощении Гарновского, но не получил удовлетворения. Однако

же Гарновскому Екатерина делала поручения, через него посылала письма свои князю Потемкину, принять же его по-прежнему не хотела»*.

Внучка Гарновского, Е.Н. Ахматова, писала, что «немильность императрицы продолжалась недолго. Екатерина давала моему деду поручения и через него посылала письма к Потемкину, а когда по смерти князя Михаил Антонович хотел выйти в отставку, императрица удержала его»**.

Переломным в жизни Михаила Антоновича стал 1796 г., когда скончалась императрица Екатерина II и на престол взошел Павел I, не расположенный ценить государственных деятелей прошлого правления, в том числе любимца матери — князя Г.А. Потемкина. Богатство и роскошная жизнь, которую вел Гарновский, и ранее вызывали зависть и увеличивали количество его недоброжелателей. Граф Стенбок пожаловался на Гарновского как на недобросовестного душеприказчика герцогини Кингстон, и Павел I повелел заключить Михаила Антоновича в крепость и распорядился пересмотреть дело о наследстве герцогини и «всё имение ее оставить в казённом секвестре»***. И хотя дело Гарновского не закончилось для него обвинительным заключением и было окончено 14 апреля 1789 г., Михаил Антонович лишился права быть душеприказчиком покойной герцогини и потерял все свое состояние. Он был выпущен из крепости, но за ним был установлен надзор Тайной экспедиции, а его дом отобран в казенное ведомство и превращен в казармы Конно-гвардейского полка.

«Сам же Гарновский,— писал Е.П. Карнович,— за неплатеж частных долгов попал в городскую тюрьму, где и оставался до вступления на престол Александра Павловича. Он потерял все свое громадное состояние до последней копейки, и хотя после испытанных им передрыг и пускался в разные спекуляции, преимущественно по комиссариат-

* Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1886. Ноябрь. С. 267.

** Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 403.

*** Подробности приезда и пребывания в России герцогини Кингстон и ее наследства описаны в работе Е.П. Карновича, см.: Карнович Е.П. Герцогиня Кингстон и дело об имении ее в России: 1777—1789 гг. // РС. 1877. № 1. С. 79—108.

ской части, но уже не мог поправиться и кончил жизнь в крайней бедности»*.

Младший брат Михаила Антоновича – Иван, имевший достаточное состояние, зная гордый и непреклонный нрав Михаила, «секретно давал прислуге старшего брата деньги на расход, а на платье ему и его дочерям можно было дарить только в дни именин и рождения»**.

Михаил Антонович овдовел в 1809 г. и лично занимался образованием трех дочерей. Скончался Гарновский в 1817 г.*** в крайней нищете. Как вспоминала его внучка Елизавета Николаевна Ахматова, Иван Антонович Гарновский называл своего брата «человеком прямодушным, человеколюбивым, но гордым, самонадеянным и расточительным. Как всякий, восстановивший против себя завистников и врагов, он не мог не подвергнуться клевете и, не довольствуясь его истинными недостатками, приписывали ему то, к чему по своему характеру он способен не был. Горд остался мой дед до самой смерти, и если гордость была ему непростительна во время его успехов и силы, то в последние годы его жизни, когда крайность его была ужасна, эта гордость может быть поставлена ему в заслугу»****.

Потомки Михаила Антоновича не предполагали, что наиболее значимым наследством, которое вызовет интерес у огромного количества любителей отечественной истории и исследователей царствования Екатерины II, станут донесения их предка, написанные в период службы у князя Г.А. Потемкина. Прошло несколько столетий, а издаваемые «Записки» М.А. Гарновского остаются ценным историческим источником по истории России конца XVIII в.

* * *

Вторая часть издания включает переписку императрицы Екатерины II с князем Потемкиным за период с 1782

---

* Карнович Е.П. Герцогиня Кингстон и дело об имении ее в России: 1777—1789 гг. // РС. 1877. № 1. С. 108.

** Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 405.

*** В литературе приводились разные даты кончины М.А. Гарновского, уточнила год смерти своего деда Е.Н. Ахматова, см.: Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 406.

**** Там же.

по 1791 г., которая была опубликована в 1876 году на страницах журнала «Русская старина»*, редактируемого Михаилом Ивановичем Семевским**. Подбор писем императрицы и Потемкина подготовил для журнала профессор Николаевской академии Генерального штаба П.С. Лебедев. Эта публикация явилась частью общей работы М.И. Семевского по изданию документов, освещающих жизнь и деятельность Г.А. Потемкина. «Исполинская личность Потемкина,— писал историк,— резко выделяется из сонма сподвижников Екатерины II. Его ум, дарования, способности, разнообразная деятельность во всех правительственных сферах, гигантские замыслы и подвиги, наконец, самый склад характера, сотканного из противоречий,— все своеобразно в этом баловне счастья. Почти двадцать лет (1773—1791) Потемкин — по выражению Державина — «был наперсником Северной Минервы», и этот период был самым блестящим временем ее царствования»***. Причину того, что Потемкину еще не отведено место по заслугам в отечественной истории, М.И. Семевский видел в узости круга опубликованных источников о деятельности светлейшего князя. Через шесть лет, в 1881 г., М.И. Семевский вновь возвратился на страницах «Русской старины» к переписке Екатерины II и Потемкина. На этот раз он сам подготовил публикацию под названием «Язык любви сто лет назад»****. Эта подборка знакомила читателей с материалами, характеризующими личность Потемкина, с его письмами Варваре Энгельгардт, Прасковье Андреевне Закревской.

Письма князя Потемкина императрице и Записки Гарновского информативны и взаимно подтверждают сведения, приведенные как в письмах, так и в донесениях Гарновского. Документы проливают свет на внутреннюю и внешнюю политику Екатерины II, которая характеризовалась в основном сохранением и развитием тенденций,

* Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка. 1782—1791 // РС. 1876. Т. XVI—XVII.

** Екатерина и Потемкин: Подлинная переписка, 1782—1791 /Сообщ. П.С. Лебедев // РС. 1876. № 5. С. 33; № 6. С. 239—262; № 7. С. 441—478; № 8. С. 571—590; № 9. С. 21—38; № 10. С. 205—216; № 11. С. 403—426; № 12. С. 635—652.

*** Семевский М.И. Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739—1791 // РС. 1875. № 3. С. 481—482.

**** РС. 1881. Т. 31. № 7. С. 498—503; № 9. С. 195—200.

заложенных ее предшественниками. В середине царствования императрица провела административную (губернскую) реформу, определившую территориальное устройство страны вплоть до 1917 г., а также судебную реформу. Территория Российского государства существенно возросла за счет присоединения плодородных южных земель — Крыма, Причерноморья, а также восточной части Речи Посполитой. Две войны с Турцией (1768—1774 гг. и 1787—1792 гг.) ознаменовались крупными военными победами Румянцева, Орлова-Чесменского, Суворова, Ушакова и утверждением России на Чёрном море. Письма рисуют образ политика, царедворца, военного стратега — Потемкина, стремящегося претворить в жизнь идеи и планы императрицы.

Последние письма князя свидетельствуют, что, приближаясь к концу жизни, теряя силы, он все еще стремился выполнить задуманное.

В целом, переписка князя с императрицей и донесения Гарновского стали теми историческими документами, без которых невозможно осмыслить результаты царствования Екатерины II.

Однако, знакомясь с опубликованными во второй половине XIX в. материалами, необходимо учитывать интересы публики того времени; неизвестной для большинства населения оставалась личная жизнь императрицы и ее роль как российской государыни.

Уже при жизни Екатерины II зарубежные «писатели» не гнушались сочинять памфлеты о российской правительнице, которые были ей известны и вызывали возмущение. Так, Гельбиг написал и начал анонимно публиковать в гамбургском журнале «Минерва» (http://militera.lib.ru/research/eliseeva_oi/app.html) книгу «Потемкин Таврический». Это сочинение пользовалось большой популярностью в Европе и в первой четверти XIX в. было переиздано в Голландии, Англии и Франции. Сам Гельбиг назвал свой труд сборником анекдотов. В 1811 г. на русском языке появилась перепечатка французского издания Гельбига о Потемкине*. Именно Гельбиг способствовал распростра-

---

* Жизнь генерал-фельдмаршала Князя Г.А. Потемкина-Таврического. СПб., 1811.

нению представлений о деятельности светлейшего князя Потемкина-Таврического как о творце «потемкинских деревень». Нужно отметить, что соратники князя Г.А. Потемкина были возмущены трактовкой деятельности князя, изложенной Гельбигом. Изменение взгляда историков на деятельность светлейшего князя Потемкина-Таврического было во многом связано с обширной издательской работой, которую проводили российские исторические журналы второй половины XIX — начала XX в., в первую очередь «Русский архив» П.И. Бартенева и «Русская старина» М.И. Семева*, а также публикаций Я.К. Грота**.

Философ Н.Я. Данилевский, в отличие от многих, высоко оценил роль князя Потемкина, считая его выдающимся сподвижником императрицы. Роль светлейшего князя Потемкина в царствование Екатерины II особенно интересовала специалистов и читающую публику. Для Н.Я. Данилевского решение основных внешнеполитических задач, происходившее в царствование Екатерины II, связано с именем светлейшего князя Потемкина. По мысли философа, императрица и ее сподвижник сумели создать Европе как наследнице Западной Римской империи «противовес в возобновленной Иоанном, Петром и Екатериной Восточной Римской империи... Мысль о таком значении России обнаружилась и определилась в гениальной русской монархии и в гениальном полномочном министре ее Потемкине-Таврическом»***.

Спустя столетие после смерти Г.А. Потемкина, историки и публицисты оценивали период пребывания князя у власти, отдавая должное его уму и силе характера. «В жизни и характере его долгое время многое представлялось загадочным. Современные ему писатели, одержимые известною страстью того века делать из истории своего времени хронику придворных скандалов, постарались загромоздить

* См. напр.: Семевский М.И. Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739—1791 // РС. 1875. № 3; Самойлов А.Н. Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. № 6—11.

** Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // Сборник РИО. 1874. Т. 13; 1880. Т. 27; 1885. Т. 42.

*** Там же. С. 322.

биографию Потемкина массою рассказов анекдотического характера, в которых крайне трудно, а иной раз и совершенно невозможно, разграничить правду от лжи. Но история на многое смотрит иначе, чем современники», — писал в 1892 году один из авторов журнала «Исторический вестник»*. Последние слова относились к биографии Потемкина, написанной А.Г. Брикнером, и вышедшей в свет 5 октября 1891 г. В своем очерке о Потемкине автор высоко оценил труд Александра Густавовича, отметив — «это чуть ли не первая монография о знаменитом временщике, в которой собран весь обширный, в последнее время так разросшийся, исторический материал»**.

Историки конца XIX в. смотрели на Потемкина не только как на любимца Екатерины II и человека, обладавшего несомненными государственными способностями, но и как на последнего фаворита, имевшего такое огромное влияние в России: «Эпоха полновластных временщиков, которая является в нашей истории почти весь XVIII век, получила, можно сказать, завершение в лице Потемкина, наиболее ясно воплотившего в себе главные черты «полудержавных властелинов», десятки лет державших в руках судьбы нашего отечества. Таким завершителем является он и по той мере власти, которою был облечен, и по тому ничем неограниченному произволу, с которым ею пользовался, придавая исполнению своих личных причуд и капризов не меньшее значение, чем важнейшим государственным интересам. Наряду с этим, однако, и в характере, и в делах этого человека было много такого, что заставляет нас уделить ему особое место, признать его стоящим несравненно выше многочисленных фаворитов того времени, обязанным своим возвышением заслугам скорее личного, чем государственного характера»***.

Документальные материалы приоткрывали завесу тайны над взаимоотношениями Екатерины II и Г.А. Потемкина.

В 1876 г. на страницах журнала «Русская старина» было опубликовано двести четыре письма Екатерины II

* А.Л. Екатерининский временщик // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 4. С. 160.

** Там же. С. 160.

*** Там же. С. 161.

князю Г.А. Потемкину*. Письма подтверждали, что императрица высоко ценила таланты и заслуги князя перед Отечеством, о чем неоднократно ему писала. В письме от 8 марта 1788 г. Екатерина II, справляясь о здоровье князя, выразила ему свое исключительное доверие. В том же году 7 ноября она отметила, что уход князя от дел был бы равносильным для императрицы «смертельному удару». С Потемкиным Екатерина обсуждала цели и задачи Русско-турецкой войны 1787—1791 гг., советовалась о награждениях и назначениях. Императрица также сообщала в письмах придворные и семейные новости. Она была уверена, что с князем можно делиться самыми сокровенными переживаниями, в том числе связанными с появлением и отставкой новых фаворитов. В июне и июле 1789 г. Екатерина написала Г.А. Потемкину о неблаговидном поведении графа А.М. Дмитриева-Мамонова, чей роман скрыли от императрицы, хотя она «никогда ничьим тираном не была».

Яков Карлович Грот включил ряд писем и записок Потемкина в обширную публикацию «Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел»**. Готовя четвертый том, охватывающий период с 1774 по 1788 г., Грот писал в предисловии, что большинство введенных им новых документов составляют указы, рескрипты, письма и записки императрицы к князю Г.А. Потемкину-Таврическому. «В это время полного развития ее правительственной деятельности,— отмечал издатель,— императрица ни с кем не вела такой обширной переписки, как с князем Потемкиным»***.

Впоследствии письма императрицы Г.А. Потемкину публиковались в работах многих историков, изучавших не только историю царствования Екатерины II, но и военную историю России, биографии отдельных полководцев****.

* Екатерина и Потемкин: Подлинная их переписка, 1782—1791 /Собр. П.С. Лебедев // РС. 1876. Т. XVI. № 5. С. 33—58; № 6. С. 239—262; № 7. С. 441—478; № 8. С. 571—590; № 9. С. 21—38; № 10. С. 205—216; № 11. С. 403—426; № 12. С. 635—652.

** Сборник РИО. СПб., 1874. Т. XIII; 1880. Т. XXVII; 1885. Т. LII.

*** Грот Я.К. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // Сборник РИО. 1880. Т. XXVII. С. 78.

**** Брикнер А. Потемкин // Новь. 1887. № 1. С. 6—14; Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического /Ред. Н.Ф. Дубровин.

А.Г. Брикнер в своей монографии «Потемкин» главное внимание уделил отношениям Потемкина и Екатерины II, не имея «в виду разработку частных политической роли князя»*. В двухтомном труде, посвященном царствованию Екатерины II, Брикнер, основываясь на фрагментах переписки, опубликованной Я.К. Гротом, дал описание взаимоотношений императрицы с ее ближайшим сподвижником: «Напрасно говорят о перевесе, который будто бы имел Потемкин над императрицей. Из множества писем Потемкина и императрицы можно убедиться, что она и нравственно, и умственно стояла гораздо выше светлейшего князя, остававшегося до гроба в безусловной зависимости от императрицы. Впрочем, она высоко ценила способности Потемкина, нуждалась в его советах и во многих случаях руководствовалась его соображениями. Во время второй турецкой войны она писала к нему по два раза в неделю и чаще, сообщая о состоянии дел... Весьма часто Екатерина называла Потемкина своим учеником... жаловалась на его отсутствие, просила его щадить себя. При всем том, однако, Потемкин на каждом шагу зависел от степени расположения к нему Екатерины. Милость императрицы была главным условием его счастья и успехов»**http://militera.lib.ru/research/eliseeva_oi/app.html — 56.

Некоторые исследователи не могли отойти от устоявшихся легенд, использовали рассказы Гельбига, как, например, К.Ф. Валишевский, труды которого российские историки оценивали критически. Одна из причин подобного отношения к книге К.Ф. Валишевского «Вокруг трона» в том, что автор поддержал версию о «потемкинских деревнях», сообщил много непроверенных сведений из частной жизни императрицы и Потемкина, о его государственной деятельности. «Он не государственный муж, — писал Валишевский о Г.А. Потемкине. — Человека подобного физического и нравственного облика можно счесть только за крайнего любителя наслаждений... С точки зрения внешней политики Потемкин, главным образом, был фокусником.

СПб., 1895. Т. 3; [Белянчиков Н.] А.В. Суворов в рукописях императрицы Екатерины II и императора Павла I // Военный сборник. 1900. № 5; Императорская Главная квартира. История государевой свиты / Сост. В. Квадри. СПб., 1902.

* Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891.

** Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 746—748.

Если есть определенный план и великая идея, преследуемые Россией в эту минуту, то они принадлежат не ему, а Екатерине... Не Потемкин показал своей стране путь в Константинополь. Но, чтобы идти по этому пути, он умел искусно жонглировать интересами и соперничеством европейских держав. Хотя он и не учился дипломатии в западной школе, однако его дипломатия, несмотря на кажущуюся неудовлетворительность чисто азиатских приемов,— была дипломатией первоклассной... Внутри империи в роли администратора Потемкин являлся ловким декоратором, уже тогда оправдывая суждение о показной стороне в современной России»*.

В начале XX в. Академия наук издала в 12-ти томах «Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей» и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина**. Академическое издание Сочинений Екатерины II после кончины в 1904 г. А.Н. Пыпина возглавил Яков Лазаревич Барсков***. Еще в начале XX в. он занялся исследованием писем и записок Екатерины II и Потемкина. Тонкий знаток царствования, допущенный к разбору рукописей дворцового архива и имевший доступ к закрытым для большинства ученых историко-литературным материалам, он плодотворно занимался изучением литературной деятельности Екатерины II и ее эпистолярного наследия. Яков Лазаревич составил и прокомментировал последний том екатерининского собрания, вышедшего в 1907 г. и включившего в себя семь редакций мемуаров царицы, а также ряд мемуарных фрагментов. Об особенностях издания мемуаров царицы, достижениях и трудностях комментаторов Барсков рассказал во вступлении к изданию. В этом же томе дан перечень всех изданий «Записок» Екатерины II.

Личная жизнь императрицы была предметом огромного интереса. После подписания Манифеста 17 октября 1905 г.,

* Валишевский К. Вокруг трона. М., 1989. С. 155—156.

** Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей /С примеч. А.Н. Пыпина: в 12 т. СПб., 1901—1907 (т. 6 не публиковался).

*** Барсков Яков Лазаревич (1863—1937), историк. Его профессиональные интересы сосредоточивались в основном на двух темах: одна — литературная и общественная, в том числе революционная мысль (автор работ об А.Н. Радищеве, Н.И. Новикове, Кутузове, И.В. Лопухине и др.). Другая тема — Екатерина II, ее государственная и литературная деятельность.

в котором провозглашалась свобода печати, и правительство признало ее как составную часть общегражданских прав, стало возможным более открыто обсуждать частные вопросы.

Однако изыскания, касавшиеся, например, тайного венчания Екатерины Алексеевны и Г.А. Потемкина, начались значительно раньше.

В 1881 г. М.И. Семевский поместил в «Русской старине» любовные записочки некоей дамы Г.А. Потемкину*. В предисловии редакции говорилось, что автором записочек являлась «анонимная дама», но многие решили, что это письма Екатерины II. В ряде писем императрица называла Потемкина «мужем», «супругом», а себя «женой». Историк Д.Ф. Кобеко в добавлении к монографии «Цесаревич Павел Петрович»** впервые в печати рассмотрел вопрос о тайном браке Екатерины II с Потемкиным, ссылаясь, в том числе, и на опубликованные в «Русской старине» письма.

В 1890 г. появилась еще одна публикация, касавшаяся личной жизни Екатерины II и вызвавшая недовольство членов императорского дома. В журнале «Русский архив» было опубликовано письмо Екатерины II П.В. Завадовскому, в примечании к которому сообщалось, что императрица состояла в браке с Потемкиным***. Публикация стала причиной спора, разгоревшегося между почетным членом РИО великим князем Владимиром Александровичем, интересовавшимся отечественной историей, и редактором «Русского архива» П.И. Бартеновым. Свидетелем спора был А.А. Половцов. Великий князь настаивал на том, «что императрица Екатерина не была замужем за Потемкиным и что Бартенов не вправе печатать это в своем «Русском архиве»****.

Издатель «Русского архива» П.И. Бартенов, с особенным интересом изучавший царствование Екатерины II, уже с 1863 г. искал свидетельства тайного венчания Екатерины с Г.А. Потемкиным. Подтверждал версию о браке рассказ графа Д.Н. Блудова, которому Николай I поручал разбор секретных бумаг XVIII в. Д.Н. Блудов ссылался на князя

* РС. 1881. № 7, 9.

** Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887.

*** РА. 1890. Вып. 9. Стб. 102—103.

**** Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М.: Наука, 1966. Т. II. С. 428.

М.С. Воронцова, женатого на внучатой племяннице светлейшего князя Таврического. Ее мать — Александра Васильевна Энгельгардт, в замужестве графиня А.В. Браницкая, была любимой племянницей Г.А. Потемкина и доверенным лицом Екатерины II. Она сохранила брачную запись о венчании Потемкина с Екатериной II. Дочь А.В. Браницкой, вышедшая замуж за новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, Елизавета Ксаверьевна Воронцова, наряду с потемкинскими миллионами унаследовала от матери шкатулку. В ней содержалась брачная запись, которую Елизавета Ксаверьевна приказала бросить в Черное море.

П.И. Бартенев опубликовал материалы, собранные им более чем за пятьдесят лет, лишь в 1906 г.* после отмены цензурных ограничений.

Издатель использовал также информацию бывшего генерал-прокурора Сената графа А.Н. Самойлова, племянника светлейшего князя, о том, что «Екатерина вследствие упорственного желания князя Потемкина и ее к нему страстной привязанности с ним венчалась у Самсония, что на Выборгской стороне»**. Изучение семейных легенд нескольких известных родов: Энгельгардтов, Браницких, Самойловых, Воронцовых, Чертковых, чьи предки присутствовали на церемонии венчания Екатерины II и Г.А. Потемкина, привели П.И. Бартенева к уверенности, что версия о тайном церковном браке Екатерины и Потемкина могла быть реальностью. По мнению историка, брак был заключен либо в сентябре 1774 г., либо в начале января 1775 г., до отъезда двора в Москву. Екатерина приехала в сопровождении своей любимой камер-юнгферы М.С. Перексихиной, «Апостол» во время венчания читал племянник Г.А. Потемкина — А.Н. Самойлов.

В 12-томном академическом издании Сочинений Екатерины II среди приложений к основному тексту записок императрицы была опубликована «Чистосердечная исповедь»***, открывавшая переписку царицы с Потемки-

* Бартенев П.И. Брак Екатерины II // РА. 1906. Вып. 11. Стб. 613—616.

** РА. 1906. Т. III. Стб. 608.

*** «Чистосердечная исповедь» — это письмо, адресованное императрицей Г.А. Потемкину, в котором она поведала о своих прежних увлечениях, перечислив бывших фаворитов.

ным*, а также одно из позднейших (июнь 1789 г.) писем Екатерины II князю Таврическому**. В комментариях составитель издания Я.Л. Барсков рассказал о том, как эти документы с соблюдением большой секретности хранились во дворце, и привел пример реакции потомков императрицы на содержание ее рукописей. Так, ознакомившись с «Чистосердечной исповедью», Николай I приказал 1 декабря 1841 г. запечатать документы «в секретном шкафу кабинета в Аничковом»; из этого шкафа рукопись была извлечена лишь 24 сентября 1898 г. для подготовки академического издания***. Учитывая негативное отношение Николая Павловича к личности Екатерины II, можно порадоваться, что царь не отдал распоряжение о его уничтожении или не уничтожил его сам.

В настоящее время завеса тайны над многими вопросами, касающимися и государственной, и личной жизни императрицы, раскрыта благодаря фундаментальному труду Вячеслава Сергеевича Лопатина, опубликовавшего в 1997 г. полный комплекс переписки императрицы с князем Потемкиным за период с 1769 по 1791 г., сверив опубликованные ранее документы с архивными материалами****.

Но во второй половине XIX в. переписка императрицы с князем Г.А. Потемкиным-Таврическим, который, как узнали читатели, был не только выдающимся государственным деятелем, но и супругом Екатерины II, произвела огромное впечатление. Документы позволили день за днем проследить занятия императрицы, показав ее Великой государыней, как впоследствии и назвали ее в официальной исторической литературе. Императрица, по происхождению принцесса Ангальт-Цербская, относилась к Российской империи как единственной родине, интересы которой были неотделимы от ее интересов. В письме князю от 27 ноября 1788 г., когда русские войска штурмовали Очаков, императрица отметила: «Я ко мщению несклонна, но что чести моей империи и интересам ее существенным противно, то ей и вредно; — провинции за провинциею не отдам,

* Екатерина II, имп. Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. XII. С. 697—698.

** Там же. С. 699—701.

*** Там же. С. 795—796 (подлинник на франц. яз.).

**** См.: Лопатин В.С. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М.: Наука, 1997. Серия «Литературные памятники».

законов себе предписать — кто дает — они дойдут до посрамления, ибо никому подобное никогда еще не удавалось; они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду, дураки, кладут, что мы уступчивы будем!»*.

*Т.А. Лобашкова,
кандидат исторических наук*

---

* РС. 1876. Т. XVI. С. 22.

**ЗАПИСКИ
МИХАИЛА
ГАРНОВСКОГО**

1786—1790

Уокер Джеймс. Портрет Г. А. Потемкина-Таврического.
(По оригиналу И. Б. Лампи-старшего). 1789

Небольшое собрание обнародованных записок русских деятелей, современников императрицы Екатерины II, увеличивается новым историческим памятником: Записками артиллерии полковника Михаила Гарновского. Управитель домов, дач и стеклянного завода князя Г. А. Потемкина в Петербурге — Гарновский ведал в отсутствие князя из столицы всеми его делами, как по его обширному хозяйству, так и по предмету его поручений при дворе, у государственных дельцов, у людей «случая», наконец, во всевозможных правительственных учреждениях.

Доверие и полномочия, данные Потемкиным Гарновскому, обеспечили ему прием и доверие при дворе. Все двери ему были отворены; с ним беседовали и его требованиям уступали: граф Безбородко, генерал-прокурор князь Вяземский, ему поверяли свои тайные думы и намерения «люди случая» — Мамонов, Зубов, наконец, его принимала императрица Екатерина: через него шли деньги, письма, посылки и разные поручения к князю Потемкину.

Обо всем виденном и слышанном, начиная с дел государственной важности и кончая толками при дворе и в городе, писал Гарновский еженедельно, иногда два-три раза в неделю, к правителю канцелярии Потемкина, к его «правой руке», Василию Степановичу Попову; писалось же это для немедленного сообщения общему их начальнику, который благодаря об-

ширным обозрениям всего виденного и слышанного его поверенным, мог зорко следить за положением дел в Петербурге и при дворе.

Донесения Гарновского по форме не письма, а как бы отдельные, не сшитые страницы записок, почти ежедневник. В самом деле, лишь немногие из них начинаются обращением: «Милостивый государь Василий Степанович» и оканчиваются уверениями в чувствах; большая же часть написаны без всяких обращений и все на больших листах синеватой бумаги, бойкою скорописью, без помарок, очевидно тотчас после того или другого события, после разговора с государыней или с кем-либо из ее приближенных, который под самым живым впечатлением дословно и передается Гарновским.

Записки Гарновского сохранились в бумагах А. И. Левшина и притом столь бережно, что на многих страницах не осыпался еще золотистый песок, которым они были засыпаны; перешли они к А. И. из бумаг В. С. Попова. Долгом считаем поблагодарить Алексея Ираклиевича за его вполне важное для истории Екатерины II сообщение; при этом с признательностью вспомним о покойном М. Н. Лонгинове, который привел в хронологический порядок отдельные листы печатаемых ныне Записок.

Дошедшие до нас Записки Гарновского (будем так и называть его обозрения или донесения о событиях государственной, общественной и придворной жизни) объемлют 1786—1790 гг.; из предыдущих годов имеем мы одно его донесение 1783 г., которое и помещаем в начале. Из первых же страниц читатель увидит, в какой степени интересны Записки Гарновского и насколько важны они для характеристики Екатерины II и ее главнейших сподвижников в последний период ее царствования.

1783 г.*В Царском Селе, июня 6-го*

Разные суммы, как то: на строение херсонское за майскую треть (1783 г.), плотникам при адмиралтействе херсонском за июнь месяц, экстраординарная на июнь же месяц, за вычетом из сей последней, по предложению его сия-тва князя Александра Алексеевича (Вяземского)¹, по известному якобы его св-сти расчету 14 335 рублей 90 копеек с четвертью, отправлены в Херсон 4 июня в четырех повозках, на двенадцати лошадях, потому что в число экстраординарной суммы отпущено 50 000 рублей серебряною монетою; и как не вся сумма к получению здесь назначена, а 129 916 руб. 10 коп. следует получить из Москвы, то, для получения и доставления и оных в Херсон, отправлен г. Сорокин по Московскому тракту.

Петр Степанович (Валуев)², сказывая мне, что пишет к нему Захар Зотов³ о присылке туда куба, хотел, чтобы я оный послал вместе с казною; но как под казну и без сего немалое число лошадей взято, а под куб, в рассуждении великости и тягости его, надобно нарядить было две особливые повозки, да и не положивши его и трубы, к нему принадлежащие, каждую вещь в особый ящик, везти нельзя, то я от сей комиссии отказался, тем более что на сие от вас повеления не имею.

Артиллерии офицер г. Меиер и Преображенского полку первый барабанщик на сих днях отправятся туда.

О племяннике Александра Андреевича (Безбородко)⁴, г. капитане Новицком, выстряпал я, по приказанию вашему, и скорое представление, и скорую резолюцию. Определение еще четвертого дня подписано его сия-вом здесь, в Царском Селе, хотя, впрочем, коллежские дела не иначе как по средам в коллегии подписывать изволит.

Шествие Ее И. В-ва в Фридрихсгам, которое назначено было 9 июня, отсрочено ныне до 15-го сего же месяца, по случаю полученных известий, что е. в. король шведский⁵ руку переломил.

25 мая (1783 г.) прислан, при сообщении из С.-Петербургского губернского правления, в коллегия адъютант г. генерал-майора Зорича⁶, Мейнерс, с обвинением в размене оным фальшивой ассигнации. Я с оного сообщения и с приложений при оном посылаю при сем копии, донося при том, что оригиналы сообщены от имени его сия-ва при письме г-ну генерал-прокурору со испрошением резолюции, каким образом в сем случае поступить. Отзыва на сие не было, а слышу, что по оному Ее В-ву докладывано, и третьего дня послан от кн. Александра Алексеевича (Вяземского) курьер к Зоричу о задержании его*.

Сию минуту вошло в коллегия представление от генерал-провиантмейстера о возврате в провиантскую канцелярию издержанных оною на экстраординарные расходы суммы. Я оное препровождаю к вам, покорнейше прося снабдить меня повелением, что по оному делать? Его сия-во приказал заготовить по оному доклад Ее В-ву; но, как мне кажется, в ведомости, приложенной при том представлении, много лишнего написано, то я с докладом о сей сумме удержусь, доколе не получу вашего повеления.

Посылается при сем также пакет от его прев-ва Михайлы Сергеевича (Потемкина)⁷ и при оном посылка в ящике на имя его св-сти; два письма от его сия-ва графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина)⁸ и указы коллежские на имя же князя; пакет и два письма к князю Василию Васильевичу (Долгорукому)⁹ и несколько писем на имя ваше.

---

* Семен Гаврилович Зорич, флигель-адъютант Екатерины, пользовался значением при дворе в течение одиннадцати месяцев, с 8 июня 1777 г.

1786 г.

Декабрь

14-го числа сего месяца, поутру, присылал за мною гр. Александр Андреевич (Безбородко), чтоб я к нему немедленно явился. Пришедши в ту Ее В-ва комнату, где иногда гг. докладчики, по выходе из кабинета Ее В-ва, занимаются рассмотрением бумаг, застал я графа, пишущего письмо, не знаю к кому, которое, кончивши, он отдал г. Ефремову, коему также нечто в ухо шепнул. Тут я его сия-ву поклонился, и граф, отведя меня в сторону, имел со мною следующий разговор:

Гр. Безбородко. Скажите, пожалуйста, топятся ли княжие покои, чисты ли они и есть ли в оных какие ни есть бумаги?

Г. Покои исподволь топятся, чисты и имеются не только бумаги, но и другие вещи, из коих многие хранятся в таких комнатах, в коих двери заперты, запечатаны и до коих коснуться я власти не имею.

Примечание (Гарновского). Когда г. Завадовский¹⁰ из дворца удалился, то от графа Александра Андреевича (Безбородко), проведавшего тогда, что покои его прев-ства назначены были для его светлости племянниц, отдан был приказ всем служителям г. Завадовского, чтоб они сказали, что в стоящих в тех комнатах комодах хранятся нужные казенные бумаги, если о том спрошены будут. Мне сие вдруг пришло на мысль, и не зная, на какой конец учинен мне был вышеписанный вопрос, я для того и отвечивал, что во многих комнатах хранятся вещи и бумаги.

Гр. Б. Государыне покои нужны не более как дни на четыре или на пять. Княжие комнаты удобнее прочих. Не худо, если бы они были теплы и чисты, и как нельзя статья, чтобы княжие вещи и бумаги хранились во всех покоях, то какие из них менее других заняты бумагами?

Г. Присмотр за покоями имеет камер-лакей и бум....

Гр. Б. Нет, нет, не надобно камер-лакею говорить; да и ни с кем о сем не говорите. Государыне хочется близ своих покоев поместить перед отъездом своим на несколько дней принцесс, дабы они после отъезда принцев не скучали. То скажите мне, которые из княжих покоев свободнее других, и из оных бумаги уберите в другие покои; ведь это на весьма короткое время.

Г. Те, в которых жил г. Ермолов^{*11}.

(Граф уходит к Ее В-ву и приказывает мне дожидать себя; потом, возвратясь оттуда, разговор продолжает).

Гр. Б. Пожалуйте, никому о сем не говорите. Там, кажется, есть покоя три или четыре?

Г. Есть.

(Граф уходит вторично к Ее В-ву, мне не велит удаляться и, возвратясь, разговор возобновляет).

Гр. Б. Государыне покои нужны; ей хочется поместить туда принцесс на самое короткое время, и так, пожалуйста, приберите вы бумаги из сих покоев в другие. Надобно, однако же, чтоб они теплы и чисты были, да и в верхнем этаже нужно также, чтоб покои были теплы и чисты, дабы в оных можно было поместить находящихся при принцессах женщин.

Г. Слышу, я топить прикажу.

Гр. Б. Нет, нет, не приказывайте, разве сторонним образом. Прошу, чтоб это было секретно.

Г. Слышу.

Гр. Б. Когда ж вы к князю курьера отправите?

Г. Я только ожидаю писем от вашего сия-ва и коли угодно писать, то и сегодня отправлю.

Гр. Б. Нет, мне писать нечего; вы можете курьера своего отправить. Мы ожидаем от князя на наши письма ответов: или хорошо, подождите до завтра, я напишу.

---

* Ермолов Александр Петрович, флигель-адъютант Екатерины II. Значение его при дворе относится к 1785 г. и было непродолжительно (до 15 июля 1786 г.).

Г. Слышу. Не благоугодно ли доложить и Ее И. В-ву.

Гр. Б. Хорошо, хорошо.

(Я хотел было откланяться, но граф сказал: «погодите». Тут камер-юнгфера позвала графа к Ее В-ву и граф, возвратясь, начал мне паки говорить).

Гр. Б. Я чаю, что государыня до помещения туда принцесс пошлет наперед камердинера своего осмотреть те покои, а вы между тем бумаги приберите, или же государыня мне прикажет, а вы от меня приказание получите, а может быть, и от Александра Матвеевича (Мамонова)¹². Кто-нибудь из нас даст вам знать о сем дни за два наперед. Пожалуйста, только никому не сказывайте.

Г. Слышу.

После сего откланялся я, а граф и еще раз подтвердил мне держать сие в секрете.

Размышляя о сем прерывном и странным для меня показавшемся разговоре, я не в состоянии отгадать, что бы оный значил. Если бы покои действительно назначены были для принцесс, то какая нужда держать намерение сие в секрете? Разве только для того, чтоб помещением сим не подать публике повода думать, что будто бы у светлейшего князя покои отнимают? Но тем благоприятство графа Александра Андреевича (Безбородко) так далеко не простирается. Не утверждаю, а догадываюсь, что под претекстом помещения принцесс покои сии на что-нибудь другое назначаются.

Нет почти ни малейших следов думать, чтоб это было предзнаменование смены Александра Матвеевича (Мамонова), который, кажется, состоит в милости и в милости чрезвычайно великой; однако ж при дворе нередко и накануне падения ласкают. Впрочем, событию сему хотя и невероятно, однако же и не невозможно, и ежели покои назначаются не на сей предмет, то тем менее, мнится мне, на пятидневное помещение принцесс, которые хотя, наконец, и будут

туда помещены, но, может статься, для того только, чтоб сим происшествием прикрыть тайну, которая уповательно между тем имеет быть произведена в действо. Недаром граф (Безбородко) твердил мне, чтоб я никому о сем не говорил. Легко быть может и то, что тут ничего более не кроется, кроме только помещения принцесс, и что не велено говорить о сем по причине существующего ныне между двумя половинами двора несогласия.

Означенные покои я топить приказал под претекстом могущего нечаянным образом воспоследовать прибытия сюда его св-сти, а под сим претекстом и я, до отъезда Ее В-ва, недремлющим оком во дворце продежурить намерен.

15-го числа (декабря), ходил я к гр. Александру Андреевичу (Безбородко) за обещанным письмом, но граф сказал мне «заутра напишу» и потом начал у меня спрашивать.

Гр. Б. Расписания о войсках и о шефах по команде еще не посланы?

Г. О войсках посланы давно, а о шефах не знаю. Может быть, и об оных от его св-сти уже послано.

Гр. Б. Граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) находится, кажется, в Таврическом гренадерском полку? Командует ли он оным?

Г. Граф состоит шефом в Сибирском гренадерском полку, но не командует оным, потому что сей полк находится в команде у графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского¹³.

Гр. Б. Да, так, в Сибирском; у меня есть расписание.

После сего граф пошел домой пешком, а г. Ефремов спросил у меня: «Что покои?». Я отвечал ему, что покои стоят на своем месте.

— Они назначены на некоторое секретное употребление,— сказал он мне.

— А на какое?— спросил я его.

— Не знаю,— отвечал он.

Г. Новицкий, находившийся тут же, когда меня граф спрашивал о расписаниях, спросил меня, по выходе его сия-ства, что бы это значило, что о шефах о сю пору не послано? Да у вас и многие дела залеживаются, верно граф не сам от себя, но по повелению государыни о сем справлялся?

Я отвечивал, что дела у нас идут своим порядком, так как и везде.

Александр Матвеевич (Мамонов) говорил, между прочим, Ее В-ву, что ему «при дворе жить очень скучно» и что «между придворными людьми почитает он себя так, как между волками в лесу». Не наскучил бы он таковыми отзывами прежде времени.

Гр. Александр Андреевич (Безбородко) открыл ему было нечто, мне неизвестное, которое принято было Александром Матвеевичем (Мамоновым) за знак отличного к нему графского доброхотства; но вскоре потом открылось, что сообщенная ему тайна была неосновательна. Александр Матвеевич (Мамонов) говорил после сего о графе Александре Андреевиче (Безбородко), что он весьма хитер и что так силен у царицы, как более быть нельзя.

Слышно также, что в то время, когда вы помещены в число Ее В-ва секретарей и когда граф Александр Андреевич (Безбородко) пожалован гофмейстером, государыня изволила будто бы отзываться, что внесенные к ней о сем просьбы значат не что иное, как сделанные против графа Безбородко заговоры.

Господа гр. Воронцов¹⁴ и Завадовский всячески стараются о приобретении украшения Распятія, Первозванного Андрея изображающего. Петр Васильевич (Завадовский) весьма прилежно занимается теперь сочинением устава о вверенном ему новом банке, который он пред отъездом Ее В-ва кончить намерен*.

---

* Завадовский Петр Васильевич в 1786 г. состоял при собственных делах императрицы и у принятия челобитень. Определен одновременно с Безбородко по рекомендации гр. П. А. Румянцева; упоминаемый здесь устав — Государственного заемного банка, основанного 28 июня 1786 г.

Сочиняет же оной устав издатель «Зеркала света», г. Туманской¹⁵.

Случилось недавно, что Александр Матвеевич (Мамонов) настроен был поднести государыне купленные Ее И. В-вом тысяч в 30 руб. серьги, в то время, когда государыня, купно с великим князем (Павлом Петровичем)¹⁶ и великою княгинею (Мариєю Феодоровною)¹⁷, разговаривать изволили. Государыня, взявши серьги от Александра Матвеевича (Мамонова), соизволила, показав оные великой княгине, спросить ее высочество: «*Madame, comment les trouvez vous?*»*. И как они великой княгине весьма понравились, то и были подарены ее высочеству. Великая княгиня была чрезвычайно рада, благодарила государыню и тотчас, скинув старые серьги, соизволила вложить новые. Это было пред обедом в воскресенье.

После обеда великая княгиня приказала звать Александра Матвеевича на другой день к себе. Александр Матвеевич просил на сие позволения у Ее И. В-ва, но государыня была сим крайне недовольна и изволила сказать:

— Ты! К великой княгине? Зачем? Ни под каким видом. Как она смела тебя звать.

После сего Ее И. В-во, призвав гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), приказала ему: «Поди тотчас к великой княгине, скажи, как она смела звать Александра Матвеевича (Мамонова) к себе. Зачем? Чтоб этого впредь не было».

Великая княгиня так сильно была сим огорчена, что, плакавши горько, наконец, занемогла. После сего прислана была от великого князя Александру Матвеевичу в подарок прекрасная, бриллиантами осыпанная, табакерка, которую его прев-во показывал Ее И. В-ву.

Государыня, посмотрев оную, изволила сказать: «Ну, теперь ты можешь идти благодарить великого князя, но с гр. Валентином Платоновичем, а не один».

* Мадам, как Вы их находите?

Однако же великий князь от принятия сей визиты отказался.

Г-ну Рибопьеру¹⁸ дозволен вход во внутренние покои*.

На сих днях отъезжает обратно в Москву Матвей Васильевич Дмитриев-Мамонов, которому пожаловано на дорогу 10 000 руб.

Его прев-во Михайло Сергеевич (Потемкин) и ее сият-во гр. Катерина Васильевна (Скавронская)¹⁹ предприняли сегодня путь в Москву. Податель сего отправлен отсель вместе с ее сия-вом, а ее сия-во хотела одного от себя с дороги отправить, и сие для того, что ее сия-ву хотелось писать с дороги, не знаю, что такое, чего здесь писать поопасалась.

Отъезд Ее И. В-ва и их высочеств имеет последовать отсель в Царское Село 2 января 1787 г., а из Царского Села далее Ее В-во изволит предпринять путь 7 января, их же высочества — 3 января.

17-го числа, в 10 часов пополудни, спросили гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) к государыне в такое время, когда граф уже спать ложился. Граф находился у государыни и у их и. в. почти до 3-го часа пополуночи. Примечено, что с сего числа несколько комнат Ее И. В-ва в эрмитаже, где, кроме ночников, ничего по ночам не горело, освещаются ныне по всякой вечер многими свечами. Чуть ли не живет тут принцесса Виртембергская²⁰, однако же живет секретно. В сие же время удалился отселе принц Виртембергской, по повелению Ее В-ва. В чужие ли края он поехал или в другое место — неизвестно. Уповательно, что наши покои назначены были для помянутой принцессы, ибо 19-го числа сказал мне граф Александр Андреевич (Безбородко): «По переменявшимся обстоятельствам покои ваши, кажется, более не надобны, однако же не худо, если они и будут на случай готовы».

* Рибопьер Иван Степанович.

20-го числа, то есть в воскресенье, ни великий князь, ни великая княгиня никуда из своих покоев не выходили. Сия половина находится в великой печали и, Бог знает, какая тут происходит расстройка.

1787 г.

Январь 1787 г.

Принцесса Виртембергская, жившая несколько времени в эрмитаже, предприняла путь в Ревель, где она, расположась в приуготовленном для нее замке, до тех пор пробывать имеет, пока супружество ее уничтожится законным порядком. Находившийся в деревнях своих отставной егермейстер Польшман, быв сыскан сюда по именному указу, отправлен вместе с принцессою, и имеет находиться при ней через все время пребывания ее в Ревеле. Принц, супруг ее свет-сти²¹, действительно удалился отсель, и удалился, как некоторые говорят, в чужие края. Принцесса, претерпев от принца ужасные побои и опасаясь потерять ноги и руки, коих он лишит ее предполагал, после отъезда отсель Е. И. В., приносила Ее В-ву жалобу и через сие самое подала повод к скорому его отъезду. Вот что большая часть людей в городе думают об отъезде принца; однако же — не все; другие подозревают, будто бы принцу, впадшему в преступление государственное, назначено по секрету пребывание в Пернове или Риге.

Стечение разных обстоятельств подало им повод шептать друг другу в уши, будто бы принц имел со шведским двором опасную здешнему государству переписку, о которой г. Шпренгпортен преподал Ее И. В-ву первое известие, и как граф Ангальт²² ездил недавно в Финляндию, то думают, что и сей послан был туда для того только, чтоб разведать обстоятельнее о подозрительных деяниях принца и о взятии надлежащих против оных предосторожностей.

Говорят, якобы некоторые и в крепости уже по сему делу содержатся. Впрочем, какая бы ни была причина внезапного принца отъезда, нет в городе ни одного человека, не исключая и самых коренных немцев, которые бы сожалели об отъезде его.

Великий князь и великая княгиня, обременены бывши по случаю происшествия сего ужасною печалью, до нового года из своих покоев никуда не выходили; да их и в. и к себе, кроме гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) и г-жи Бенкендорфши²³, никого не допускали.

17-го числа прошедшего месяца, как гр. Валентин Платонович поднес их и. в. и принцу (что случилось пред самым ужином в комнатах их и. в.) касательно отъезда сего собственноручные Ее И. В-ва письма, каждому особое, то принц усиленно просил великого князя о показании ему полученного его высочеством письма, к чему и великая княгиня просьбу свою присовокупить изволила. Однако же великий князь изволил, как я слышал от достоверного человека, отозваться тако: «Я — подданной российской и сын императрицы российской, что между мною и ею происходит, того знать не подобает ни жене моей, ни родственникам, ниже кому другому». Его высочество, сказав сие, изволил удалиться в свой кабинет и приказал принца к себе не допускать.

Я крайне доволен, что не наши покои принцессою заняты были, ибо видно, что они для ее светлости назначены были. Заведя о сем разговор с гр. Валентином Платоновичем (Мусиным-Пушкиным), сказал я с умыслу его сия-ву, что от меня для принцессы требовали покоев, но что я на уступку оных не был податлив. Граф отвечал мне: «Ты хорошо сделал, а иначе ее высочество изволила бы думать, что и светлейший князь соучаствовал в удалении принца».

Его высоч. изволил, между прочим, проговаривать: «После отъезда Ее В-ва останется в городе еще много людей и именно великой князь и гр. Валентин Плато-

нович, граф Валентин Платонович и великой князь». И сии слова повторял его высоч. раз десять.

1787 г., весною

Ее и. в. находится в беременном состоянии. Здесь носились слухи, что Ее И. В-во далее Киева путешествовать не изволит; возвращение Ее И. В-ва сюда пророчествовали к празднику Светлого Христова Воскресения. Отвращение от путешествия в Крым приписывали негодованию на светлейшего князя и новым при дворе происшедшим переменам.

Александр Матвеевич (Мамонов) почитался оставленным за болезнью в Нежине и от двора навсегда удаленным. Некоторые признавали к престолу приближенным Милорадовича²⁴, а другие — Миклашевского²⁵. Оглашенные в газетах царские милости, в бытность в доме Миклашевских явленные, почитались достоверным знаком монаршего к сей фамилии благоволения.

Г-н Судиенков, находящийся теперь с Миклашевским в ссоре, происшедшей недавно во время размежевания смежных им земель, крайне было приуныл, услышав весть о возведении Миклашевского от человека, недавно сюда из дальних мест через Нежин приехавшего, коего он почитал не в числе лжепророков. Но часа два спустя, получа из Киева, от людей, исправно его о всех происшествиях уведомляющих, письма и увидя, что в оных ничего о сказанной ему перемене упомянуто не было, ободрился, причем также проговорил: «Брехун, впредь я ему не поверю!».

Я сие знаю от малороссиянина, в лучшем согласии с г. Судиенковым живущего, но, к крайнему неудовольствию моему, ныне в отчизну возвратившегося. Чтоб убавить спеси у г. Львова, рассеявшего здесь о себе слухи, будто бы он у гр. Александра Андреевича (Безбородко) ворочает всеми делами, а во время болезни его и Ее И. В-ву докладывает, то г. Судиенков, как я слышал от него самолично, писал, между про-

чим, к Трощинскому тако: «Сказывают, что г. Львов правит у вас всеми делами, отпишите, пожалуйста, какими именно?». Г. Судиенков, проговоря сие, сказал: «Мне кажется, что это Трощинского так сильно огорчит, что он употребит все способы к удалению Львова от дел».

Между многими нелепыми слухами, носившимися здесь до прибытия его свет-сти в Киев, глупее не было сего, что его св-сть находился в Кременчуге недели две болен, а потом удалился в Нежин, где также лежал болен.

Николай Иванович (Салтыков)²⁶ негодует на не-включение его в число шефов. От того, с кем он о сем говорил, слышал я следующие его слова: «Я не понимаю, за что я обойден; я более других служил. Разве затем обошли меня, что я нахожусь при их и. в., да ведь и гр. Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) находится также при их и. в.; или же светлейший князь хочет показать свету власть свою, что он делает то, что хочет. Однако же я буду жаловаться на сие Ее И. В-ву по прибытии ее сюда».

Кн. Александр Алексеевич (Вяземский), отъезжая отсель, говорил одному из приятелей своих: «Когда я возвращусь сюда, то я буду с Ее И. В-вом говорить так, как теперь говорю с вами». Толкуют слова сии аки пророчество воскресения сил его политичества.

Подношу при сем сочиненную на кн. Александра Алексеевича сатиру неизвестным сочинителем.

1787 г., апрель

Ее высокопр-ство Анна Никитична (Нарышкина)²⁷, удостоясь получить 29 марта, ввечеру, орден Св. Екатерины, разослала тотчас всех официантов в разные церкви для принесения благодарственных Богу молебней, да и сам Александр Александрович (Нарышкин)²⁸ принес таковой тогда же в церкви Пресвятые Казанские Богоматери. Курьеру, привезшему орден, подарены 1000 руб. да золотая табакерка.

Сделанные Кенихом, с превосходнейшим вкусом и искусством, на стеклянном его св-сти заводе, корзинка с семью яйцами, поднесенные Петром Степановичем (Валуевым), посредством гр. Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), накануне Светлого Христова Воскресения их и. в., приняты с изъявлением благодарности весьма благосклонно. Яйца достались все и. в. молодым принцам и принцессам; но прекрасную корзинку е. и. в. вел. княгиня соизволила оставить у себя, потому что оная ее высоч-ву чрезвычайно понравилась.

Гр. Яков Александрович (Брюс)²⁹ вступился довольно горячо за Цыгорова, имеющего спорное дело с Баруковым, коему выданы из ломбарда лежавшие в оном Лариновы деньги. В сходствие повеления его сия-ва, дело сие производится в магистрате с нарочитою, в пользу Цыгорова, строгостью, и Баруков взят, 26 марта, под стражу, где и ныне содержится. Находящийся при графе у производства губернских дел надворный советник Михайлов, 30-го числа, обедал уже у Цыгорова на счет будущих по оному делу успехов.

Будучи у гр. Якова Александровича 4 апреля на поклоне, имел я случай слышать разговор секретарей его сия-ва, о сем деле между собою рассуждавших, коим я сказал: «Ежели Барукова повесить приговорено будет, то Цыгорову надлежит ассигновать на воздухе место аршина два выше Барукова».

С 19 февраля, то есть со времени прибытия сюда к Николаю Ивановичу (Салтыкову) курьера, привезшего ко многим разного сорта людям письма, слухи о болезни его свет-сти не только возобновились, но и против прежних умножились.

Многие спрашивали меня во дворце, 21-го и 28-го числа, нет ли известий? Все ли наши здоровы? И точно ли его св-сть из Киева уже выехал? Некоторые заподлинно утверждают, что Александр Матвеевич

(Мамонов) уволен для излечения болезней в чужие края.

Одни толкуют много о Миклашевском, а другие — о Милорадовиче. Вас почитают находящимся на Кавказской линии и посланным туда для приведения тамошних дел в порядок.

Николай Иванович (Салтыков) хранит переписку свою с Ее И. В-вом, уповательно касающуюся до введенных воспитанию его принцев, так секретно, что никто об оной ничего не знает.

Говорят в городе и при дворе еще следующее: графы Задунайской и Ангальт приносили Ее И. В-ву жалобу на худое состояние российских войск, от небрежения его светлости в упадок пришедших. Его св-сть, огорчась на гр. Ангальта за то, что он таковые вести допускает до ушей Ее И. В-ва, выговаривал ему словами, чести его весьма предосудительными. После чего гр. Ангальт требовал от его св-сти сатисфакции. К сему присовокупляют, что Ее И. В-во не благоволит к его св-сти.

Многие и меня вопрошали, правда ли это? Г. Судиенков судит о сем тако: «Статься легко может, что гр. Задунайскому взбрело на ум жаловаться на худое состояние войск, но и то правда, что в рассуждении старости лет не всяк его сия-ву поверит. Впрочем, все это брехня». К нему же писано из Киева, что его св-сть в Канев путь предпринять изволил.

Многие не в пользу его свет-сти толкуют и то, что его св-сть в монастыре, а не во дворце жить в Киеве изволил; во дворце-де живут Ее И. В-ва камер-фрейлина, Александр Матвеевич (Мамонов), гр. Петр Александрович (Румянцев-Задунайский) и гр. Ангальт.

Сейчас был некто у меня, которой уверял меня, что Александр Матвеевич в Москву отправился.

Гр. Яков Александрович (Брюс) живет с Петром Васильевичем Завадовским в добром согласии. Недавно отзывался первой о последнем, что он его за первейшего друга почитает.

10 апреля 1787 г.

Получа 6 апреля приказание о приискании на место умершего Боне другого искусного фабриканта, тотчас советовался я о сем с г. Германом, который отозвался, что он, кроме того, с коим предполагал было условиться прежде Боне, и именно Шейблера, ныне в Копенгагене находящегося, другого не знает, который бы мог заменить Боне. Вследствие сего Герман написал к Шейблеру приглашающее оного сюда письмо, которое г. Сутерланд отправил 8-го числа к комиссионеру своему в Копенгаген, для доставления оного кому следует для истребования на оное скорейшего ответа. Г-н Сутерланд, со своей стороны, никого не предлагал, потому что он, не имея с суконными фабрикантами никаких дел, ни одного из них не знает. А хотя он и рекомендовал мне некоего Кейля, служащего в Смоленском драгунском полку поручиком, но я не надеюсь, чтобы служащий в полку офицер мог на нашей фабрике употреблен быть с пользою: ибо невероятно, чтоб хороший фабрикант не умел есть приятнее офицерского хлеба.

Соображаясь с пространными знаниями покойного Боне в искусстве суконного дела, то в Шейблере есть уже маленький недостаток. Сей не разумеет красильного дела, да, по мнению Германа, вряд ли сыщется теперь такой фабрикант в Европе, который бы соединил в себе так, как покойный Боне, знание фабриканта сукон со знанием мастерства красильного. Герман уповает, что за 400 руб. годового жалованья лучшего красильщика сукон достать можно будет; да и заботиться о сем, по мнению его, надлежит предоставить Шейблеру или другому фабриканту, когда Шейблер приехать сюда не согласится.

Впрочем, Герман уверяет, что доколе новый фабрикант прибудет, работы на фабрике не только приостановиться не должныствуют, но и могут непрерывно продолжаться, и именно, можно упражняться прядением заготовленной в большом количестве шер-

сти и тканьем сукон. Оба сии рукоделья, доколе новый фабрикант прибудет, могут с желаемым успехом производиться, по данному от покойного Боне наставлению, под присмотром находящегося в Любавичах мастера Фринца, коего Герман отменно хвалит. Что же касается до крашения сукон и отделки оных, то к сему не прежде приступить можно будет, как тогда, когда уже новый фабрикант и красильный мастер на фабрику прибудут.

Говорил мне Герман и еще о каком-то фабриканте Гольме, живущем в Нарве, но за искусство сего Герман не ручается.

1787 г., май

30 апреля Петр Васильевич Завадовский сочетался с графинею Апраксиною законным браком³⁰. Свадьба была в Гостилицах и сколько мне известно, то, кроме Осипа Степановича, других гостей, прошенных со стороны жениха, не было.

Со времени отъезда Ее И. В-ва из Киева, не только все неприятные о его св-сти слухи вдруг умолкли, но и все говорят теперь о его св-сти весьма громко.

Говорят, что гр. Петр Александрович (Румянцев-Задунайский) просится усиленно в отставку подачею уже вторичного Ее И. В-ву письма.

Поговаривают также, что его св-сть многим полковникам, в том числе и кн. Дашкову³¹, изволил отказать от команды; да и Ивану Максимовичу Синельникову пророчествуют то же.

Выступление Архангелогородского пехотного полка в поход подало повод, как чужестранным министрам, так и здешним всем, твердить, что война с турками почитается неизбежной.

И. и. в. Александр Павлович³² и Константин Павлович³³ соизволят предпринять путешествие в Москву мая 22-го или 23-го чисел.

1787 г., весною

Его и. в. вел. князь наследник и супруга его ее в. вел. княгиня соизволили 17-го числа сего месяца предпринять путь в Царское Село, куда и их и. в. оба принцы (Александр, Константин) и две старшие принцессы (Александра³⁴, Елена³⁵) отправиться изволили. Младшая принцесса (Мария³⁶) оставлена на время здесь, дабы не иметь общения с двумя старшими, коим имеет быть привита оспа.

Того же числа был экзамен учащимся в учрежденной при Екатерининской больнице врачебной школе ученикам, над коими, во время настоящего отсутствия г. Кельхана, инспекторствует, под начальством Петра Васильевича Завадовского, г. Рейнесс. На экзамене присутствовали, сверх чинов, по должности к училищу принадлежащих, гг. здешний градоначальник, заемного банка начальник, здешней управы благочиния начальник, греческой гимназии начальник, двое врачей, г. купец Вейнахт и я. Речи, приветственная и благодарственная, говорены были на латинском, а диспуты производились на немецком языках.

Вы легко себе представить можете картину сего экзамена с помощью следующих примечаний. Тот, который более прочих льстим был приветственною и благодарственною речами, латинского языка, сколько приметить можно было, не жалуется. Тот, кому принадлежало быть диспутам судиею, немецкий язык почитает языком иноземским; а хотя и был тут, правда, и такой, который и речи, и диспуты слушал с отличным вниманием, но сей из любви к единице, кроме православного языка, других не... Что же касается до Петра Степановича (Валуева) и меня, то кто способнее нас судит о науке ескулаповой? Как бы то ни было, по окончании экзамена все начальники провозгласили, что они подобного училища в свете не видели.

Дело Барукова производится в магистрате, но граф Яков Александрович (Брюс) не занимается более оным и заниматься не желает.

Говорят, что кн. Дашков (сын кн. Екатерины Романовны Дашковой) проиграл в Киеве тысячу двести руб., которые заплачены его св-стью. Политика верхнего парламента предвозвещает из сего Дашкову великое благополучие.

По просьбе Аладовых, послан из сената в Володимир указ о возобновлении на отдающиеся на откуп тамошние питейные сборы торгов. Г. Завадовский более трех недель не приступал к подписанию сенатского определения, да и секретарю тому, который раза с три покушался ему оное подносить, сказал: «Что ты мне дела подкидываешь?». Не думайте, чтобы он для того не приступал к подписанию, что почитал просьбу Аладовых незаконною, ибо она была действительно законная.

Я уверен, что сей мой единоземец давно уже привык доброхотство свое к его св-сти соотносить с носящимися о его светлости слухами.

1787 г., июнь

Вейкарт, при отъезде из Херсона в Москву, журнала хотя и не прислал, однако же писал к Либерику письмо (я оно не видал) почти следующего содержания: После отъезда государыни в Тавриду остались мы здесь, как овцы без пастыря, или как сироты без отца и матери. Есть и пить нечего, купить негде, да и кого об оном просить — не знаем. Рожерсон и Мессинг, яко люди придворные, поехали туда же; а я придворных ухваток не знаю, да и никогда оных знать не желаю.

Говорят, что некто... недоволен указом, запрещающим дуэли: «Как можно благородному человеку искать удовлетворения за обиду порядком письменным?». В наследниковом кирасирском полку были пред сим весьма частые дуэли.

Вследствие полученного фирмана, первая из сераля рейсэфендия (Безбородко) наложница, Мария Алексеевна Грекова, соизволила отправиться на сих

днях в Москву, в препровождении кизляр-аги (черный евнух), г. Рубана, казначея бывшего откупщика Лукина, и немалой свиты, помещенной в двух четырехместных и одной двухместной каретах, да на нескольких российского изобретения повозках.

Некто из донских казаков, настигши в области Таврической, в лице незнакомого ему человека, гр. Фалькенштейна³⁷, спросил его: «Не в Петербург ли вы едете?» и как (Иосифа II) граф отвечивал да, то казак сказал тогда графу: «Брат мой родной служит в полку Леонова, который находится теперь в Петербурге. Я от брата давно уже не имею известия, не знаю, жив ли он? Сделайте одолжение, отдайте (вручая письмо графу) сие письмо брату моему повернее». И в самом деле, граф прислал оное сюда к римско-императорскому консулу, для доставления в собственные руки Вешинской станицы казаку Селивану Калундаеву. За сим казаком, находившимся верстах в 40 от столицы, у содержания бдению донцов вверенного поста, послан был нарочный, дабы он для получения письма явился здесь к консулу.

Дело между Фоминым и Собакиным* решено в пользу Фомина; но, три дни спустя после решения Фомин умер.

Слух носится, что Харьковская губерния имеет быть присоединена к наместничеству Екатеринославскому. Говорят, что его св-сти пожаловано сто тысяч рублей.

Многие о неизбежной с турками войне толкуют, а многие и удельное владение его св-сти обещают.

В Гатчине, где их и. в. пребывание свое иметь изволят, съезд гостей бывает чрезвычайно велик; но многие жалуются, что жить негде. Также стоят в лагере наследников кирасирский полк и батальон солдат морских, одетых на прусскую статью, и в коем, как сказывают, кроме немцев, нет других офицеров.

* Т. е. Яковлевым.

Подполковник Кнорринг едва ли удержится в полку, да и не проходит дня, чтоб офицеры не стояли за фронтом. Александр Николаевич Чичерин женится после Петрова дни на богатой девице Демидовой³⁸, уже с ним помолвленной. Сему никак не хочется и паки принять на себя звание вице-полковника.

28-й день июня, яко день восшествия на престол существа России благотворительного, ожидается всеми с крайнею нетерпеливостью. Обещаются два новые фельдмаршалы, многие другие чиновники прибавки трети жалованья и прочие царские милости. Плоды двадцатипятилетнего царствования премудрые Екатерины.

Июля 13-го дня 1787 г.

Коллежский резчик печатей находился при смерти, болен. Теперь сделалось ему полегче, однако же еще так слаб, что не только пути предпринять не в силах, но и на воздух выходить ему запрещено. Через неделю отправлю его к вам, снабдя его как досками, для вырезания гербов его св-ти потребными, так и нужными инструментами. По причине болезни его, и работа печати с императорским флагом остановилась.

Г-н Сутерланд отправил письма г. Юния куда следовало и надлежащую сумму денег ассигновал. Я из Кабинета 26 тысяч руб. еще не получил, почему и г. Сутерланда, терпящего в деньгах нужду, не удовольствовал. Сегодня обещал мне г. Стрекалов выдать те деньги на сей неделе.

Г-н Сухарев не в силах делать, касательно представления к повышению чинов, ни малейшего пособия. Г-н Колокольцов, уполномоченный кн. Александра Алексеевича (Вяземского), трезвонит теперь в сенате весьма громко. Г-н Голохвастов рекомендовал меня его прев-ству, и вы из письма к вам г. Колокольцова и приложенного при оном списка изволите усмотреть число пожалованных, по представлениям его св-сти, и имена тех, коим отказано. Полтавские

старшины все произведены, и вскоре о них указ к его св-сти пришлется.

Г-н Колокольцов принял меня весьма благосклонно и прилежно просил, чтобы я, в случае дел, до него касающихся, всегда бы прямо к нему адресовался. Он сказал мне также о сделанном в сенате определении, чтоб впредь отнюдь никого через чин не жаловать. Не жалко бы было, присовокупил он к сему, если б пользовались таковым преимуществом одни только те, которые от его св-сти к повышению чинов аттестуются. Но все наместники, не исключая ни одного, пользовались до сих пор таковым же правом щедрости сенатской: — было то, что в одну пятницу с лишком по сто человек через чин производились. По статской службе люди, почти ничего не значащие, менее 10 лет в бригадиры поступали.

Письмо от его св-сти к гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину), равномерно и депеши, следовавшие к его и. в., вручил я его сия-ву. Ответ его сия-ва, с вложением в оном письма от его высоч. к его св-сти, при сем подношу*.

Как приказано будет решить дело Михаила Федотовича Каменского³⁹ с г. полковником Ржевским?

Большой бурав, привезенный из Англии в числе инструментов для хлебопашества, отдан давно артиллерии г. полковнику Миллеру⁴⁰ для доставления оного к Николаю Ивановичу Корсакову⁴¹.

Доска с гербом его св-сти, на которой выбиты были, для касок музыкантских, бляхи, была медная, и сделавшись от выбития гербов к сему делу долее неспособною, употреблена в Преображенском полку в медное дело. Стальная несравненно будет лучше медной. Счеты от Дюваля истребованные сем подношу.

Кингстонша купила действительно во Франции недвижимое имение за два миллиона ливров. Таким образом часть ожидаемого мною наследства принесена

* См. это письмо в «Русской старине», изд. 1873 г., т. VIII, с. 856.

на жертву в храм Венеры какому-нибудь французскому купидону, сопернику моему.

Подношу при сем реестр вещам и депешам с подателем сего г. курьером Фитингом, к вам отправленным.

Царское Село, июля 28-го дня 1787 г.

Исключая Александра Александровича (Нарышкина) и супруги его впр-ства Анны Никитичны, никто из городских не имел чести видеть Ее И. В-ва до среды, т. е. до 14-го числа сего месяца. В среду же некоторые из первостатейных были уже представлены Ее И. В-ву. И. и. в. вел. князь и великая княгиня изволили отправиться в Павловское, на третий день приезда сюда Ее И. В-ва.

И. и. в. имеют тамо всегдашнее теперь пребывание и приезжают сюда только в праздники и в воскресные дни за час до обедни.

17-го числа был у Александра Матвеевича (Мамоннова) ужин, на котором изволила быть Ее И. В-во и несколько лучших из здешних и чужестранных особ.

18-го числа, т. е. в воскресенье, был первый большой обеденный стол, за которым угощено было с лишком полтора ста особ.

Того же числа возвратился сюда из Москвы рейс-эфендиев (т. е. Безбородко) сераль, и прибыли потом из Москвы же благополучно и. и. в. вел. князя Александр Павлович и Константин Павлович.

Как и. и. в. ожидали сюда, соображаясь маршруту их, не прежде 19-го числа, то они преждевременным приездом сюда сделали Ее И. В-ву и их и. в. вел. князю и вел. княгине весьма приятный сюрприз, ибо, приехав сюда, прошли во дворец садом и предстали к Ее И. В-ву в то время, когда государыня, вел. князь и вел. княгиня в карты с гг. кавалерами играть изволили.

22-го тезоименитство ее и. в. вел. княгини праздновано здесь до после обеда; по обеде же и. и. в. вел.

князя и вел. княгиня изволили возвратиться в Павловское, где был маскарад, открывшийся в 6 час. пополудни. Под вечер освещены были огнями те же самые предметы, что и в Петров день; кончилось все сие небольшим фейерверком.

В сей день вел. князь гораздо не так был весел, как в Петров день, и сколько узнать можно было, потому, что Ее И. В-во на маскарад пожаловать не изволила. Рота из морского батальона, стоящего теперь лагерем между Павловским и Графскою Славянкою, содержала и сей раз караул при Павловском дворце, с тою только разницею, что в Петров день содержащие караул расположены были посреди двора, лицом к фасаду дворца, а в Марьин день фронт стоял плотно у левого флигеля, лицом к правому.

Александр Александрович (Нарышкин), Анна Никитична (Нарышкина), гр. Ангальт и Александр Матвеевич (Мамонов) приехали на маскарад в 11-м часу пополудни. Анна Никитична принята здесь весьма благосклонно и почти непрерывно в Царскосельском дворце живет, быв к тому приглашена Ее И. В-вом.

26-го числа представлена была в царскосельском театре первая комедия, и именно французская, по окончании которой был ужин в Храме Дружбы, к ко-ему Ее И. В-во пригласить изволила лучших здешних и чужестранных министров.

Слышно, что государыня, прохаживаясь в саду, изволила спрашивать г. садовника Буша, где посажены присланные из Херсона за несколько времени пред сим вишневые деревья.

На оный вопрос донесено Ее И. В-ву: «они все пересохли».

— Я хочу их видеть пересохших,— соизволила сказать государыня,— покажите мне то место, где они посажены были.

Но как сказали, что они, яко пересохшие, уже выброшены, то Ее И. В-во так сильно разгневалась, что грозила Бушу отдать его в уголовную палату под суд.

Носится слух, что г. обер-полицеймейстер Рылеев⁴² имеет быть сменен находящимся при Александре Матвеевиче (Мамонове) любимцем его г. обер-кригс-комиссаром Козловым.

Все господа любопытствуют, где его св-сть? Долго ли в Кременчуге пробывать, куда оттоль путь предпринять и когда сюда быть изволит? Не исключаются из таковых любопытных гр. Александр Андреевич (Безбородко) и Александр Матвеевич (Мамонов), неоднократно меня о том вопрошавшие. И так, заподлинно известно, что здесь никто намерения его св-сти не знает, разве Ее И. В-во.

Некто кн. Бабичев, служивший в наследниковом кирасирском полку, отставлен от службы поручиком. С того, при выключке из полку, в который он задолжал по бытности в службе 70 руб., взято в платеже денег в срок расписка и при оной, в залог, данный ему из коллегии об отставке указ. Спустя два дни по прошествии назначенного к платежу срока его имп. выс. вел. князь дал знать собственноручным письмом графу Якову Александровичу Брюсу, чтобы сей по своему градоначальству принял надлежащие ко взысканию тех денег меры.

С Бабичева, страдавшего на одре болезнью, взыскать денег, при всей строгости гр. Якова Александровича, не было никакой возможности, почему ему в платеже оных на месяц отсрочено было, о чем и дано знать ордером в наследников кирасирский полк. По прошествии вторичного срока, вел. князь повторил к графу собственноручное, о взыскании помянутых денег, требование. Но и тогда нашли Бабичева в прежнем положении.

Граф, быв тронут состоянием сего бедняка, вознамерился было внести в полк за него собственные свои деньги, однако же, посоветуясь потом с своею политикою, и намерение свое оставил. Бабичеву и еще на месяц отсрочено было и тогда же ордером знать в полк дано. Наконец, по прошествии срока уже

третьего, вел. князь и паки повторил требование свое собственноручным же письмом. Но, как и сей раз, князь Бабичев найден в таком же положении, то находящийся при графе секунд-майор Беляев взнес за Бабичева свои деньги, которые при ордере графском в полк и отправлены.

Граф после того выговаривал г. Беляеву, какое он право имел платить за Бабичева, будучи сам бедным человеком, на что сей отвечивал его сият-ству: «Может быть, и за меня кто-нибудь заплатит, если со мною случится подобное несчастье».

Я сомневаюсь, чтобы кто более превозносил хвалами поход Ее И. В-ва в Тавриду, как Евграф Александрович Чертков⁴³. Сие преимущество отдаю я потому, что он льстить не умеет. Он, между прочим, рассказывал почти тако:

«Я был с его св-стью в Тавриде, в Херсоне и Кременчуге месяца за два до приезда туда Ее И. В-ва. Я удивлялся его св-сти и не понимал, что то́ было такое, что он там хотел показать Ее И. В-ву. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его св-сть позвал туда Ее И. В-во по-пустому. Приехав с государынею, Бог знает, что там за чудеса явились. Черт знает, откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Бог знает что... Какое изобилие в яствах, в напитках, словом, во всем — ну, знаешь, так, что придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя, я ли? Где я? Не мечту ли или не привидение ли вижу? Н-у! Надобно правду сказать, ему — ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать! Кажется, не видно было, чтоб он и в Киеве занимался слишком делами, ну, знаешь, все как здесь. Только и слышно было «Василия Степановича», да «Попова», — «Попова», да «Василия Степановича»; ну да все ведь одно.

Удивил! Ну подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживаются».

Богатый и первостатейный купец Долгов находится теперь в превеликих хлопотах. Будучи подрядчиком строения берегов Фонтанки, делал он ужасные притеснения и обиды мужикам, при строении находившимся. Граф Яков Александрович (Брюс) вывел сие наружу и донес Ее И. В-ву. Государыня крайне не благоволит теперь на Долгова.

Стараются, а особливо г-н губернатор, примирить его с мужиками, но, Бог знает, будет ли в том какой-нибудь успех.

Гр. Александр Андреевич (Безбородко) проговорил касательно дела сего тако: «Долгов каналья, негодный человек», и подлинно, поступал он с мужиками варварски. Однако же и граф Брюс затевает все такие дела, чтоб делать людей несчастными. Но недоставало средств, чтоб решить дело сие средством миролюбивым; а что касается до обер-полицеймейстера, то этот, взыскавши при сем случае какие-то сто пятьдесят руб., думает о себе так много, как будто бы он обогатил через то ужасно как государственную казну.

По случаю множества прошений, вступивших в Государственный заемный банк от людей, о выдаче на двадцатилетний срок денег просящих, Петр Васильевич Завадовский намерен, как слышно, доложить Ее И. В-ву, не благоугодно ли будет указать раздать вдобавок к прежним еще пять миллионов рублей.

Его сия-ство граф Александр Андреевич (Безбородко) удивлялся, что его св-сть продает Дубровицу за весьма дешевую цену. После сего сказал он: «Да, да; может быть, без фабрики, однако же и без фабрики дешево».

Его сия-ство ожидает верующего письма, сказав мне касательно одного тако:

«Может быть, оное пришлется ко мне с моим почтальоном, из Твери от меня к его св-сти отправленным».

Гр. Андрей Петрович (Шувалов)⁴⁴, который остался за болезнью в Москве, еще сюда не приехал.

Царское Село, 29 июля 1787 г.

По прибытии сюда в пятницу, т. е. 23-го числа сего месяца, в 11-м часу вечера, г-на Брозинского, полетел я на другой день с вашим письмом к Катерине Ивановне. Пришед к ней в десятом часу пополудни, застал я ее в пудренной рубашке, с распущенными по раменам с главы власами, искусством в строй еще не поставленными. Она, сестрица ее и Марья Юрьевна, сидя за круглым столиком, пили чай и кофе. Сначала я поклонился и, при засвидетельствовании от вас почтения, имел честь вручить ваше письмо, которое она, приняв от меня с изъявлением знаков отличной на лице радости, побежала вдруг к окошку, где сев на стул и распечатав письмо, занималась оным с лишком четверть часа. Между тем посадили меня на стул подле Марьи Юрьевны и потчивали чаем.

Приметя, что Катерине Ивановне весьма трудно было чтение письма, сколь она быстро глазами оное ни окидывала; потом, услышав и собственное ее в том признание словами: «Не без труда можно разобрать руку Василья Степановича» произнесенное,— принял я смелость доложить ей тако:

— Милостивая государыня! Потребна к тому привычка. А теперь, если угодно вам мне поручить оное прочесть, то будьте уверены, что я доверенности вашей не употреблю во зло. Тотчас подбежала она ко мне и, сев подле меня, заставила меня письмо прочесть.

— Ах, боже мой! Кажется, я никогда на Василья Степановича, касательно брата моего, не роптала,— сказала она по окончании письма,— да и не писала ему о том никаких выговоров. Я уверена, что все то, что он с братом делает, послужит к пользе его.

— Нет в том ни малейшего сомнения,— ответствовал я ей, присовокупя к сему: Василий Степанович всячески старается вам угодное делать.

Потом спросили меня, был ли я в Павловском, на маскараде.

— Был,— ответствовал я.

— А я не была ни на сем, ни на Петропавловском маскараде,— сказала Катерина Ивановна, переменив при сем случае вдруг радостные черты лица, вроде маленькой, приятной задумчивости.

— Неужели вам веселости и забавы омерзели?— спросил я ее.

— Нет, но что-то так скучно,— ответствовала она,— я и на даче Филиппа Ивановича (Бека) редко бываю.

— А я считал, милостивая государыня,— сказал я ей,— что вы, пользуясь летним воздухом, скоро в осенний превратиться имеющим, живете на даче, а здесь в городе только случайно бывать изволите.

— Никак нет. Напротив того, мы на даче случайно бываем,— ответствовала Марья Юрьевна.

Здесь последовали паузы, а за оными сказал я Катерине Ивановне:

— Василий Степанович приказал мне об обещанном Гейзере, которому вы доброхотствуете, всемерно стараться, —и чтобы Катерина Ивановна в таковом данном мне от вас приказании нимало не сомневалась, то прочел я ей статью о Гейзере из вашего письма, сказав ей при том, коль скоро граф Андрей Петрович (Шувалов) сюда прибудет, то я не премину предписанного в самой точности исполнить.

Катерина Ивановна благодарила вас за сие и уверяла меня, что она, г-н Бек и вся фамилия их будут вам и персонально за сие благодарить. Тут опять последовало молчание, после чего и паки я говорить начал:

— Во вторник отправлю я курьера, то я, буде писать изволите, буду иметь честь прислать к вам кого-нибудь для получения ваших писем.

— Буду писать, пожалуйста, пришлите,— сказала Катерина Ивановна, сделав мне при том поклон,— пожалуйста, пришлите. Засим, сделав и я каждой даме по поклону, поворотил восвояси.

Возвратясь на ночь в Царское Село, нашел я г-на Гельфрейха. По поводу полученных мною через него новых комиссий, принужден я был опять в город ехать. Явясь к Катерине Ивановне во вторник, застал я ее поющую при клавикордах с помощью Сольция, на оных игравшего. Она, при входе моем в горницу, петь перестала и, схватив письмо со стола, встретила меня с усилившимся на лице ее природным румянцем. Тут я, поклонясь ей, сказал:

— Тот, которого я за письмом прислать обещал, я сам.

Вручая мне письмо,— «напрасно вы сами трудились,— сказала она мне весьма приятным голосом, и при оном (указывая рукою на Марью Юрьевну),— посылаются к Василию Степановичу кокарды, которые вы получите от г. Рейнегса».

Я уверил ее, что это исполнено будет, за что она меня благодарила. Далее не хотел я ее заманивать в разговор, потому что обеденный стол был уже накрыт у них; спросил, однако же, ее, не будет ли еще каких приказаний?

— Прошу Василию Степановичу свидетельствовать мое нижайшее почтение.— После сего я откланялся.

Признаться надобно, что я принят был весьма учтиво и весьма почтительно, с наблюдением, однако же, с их стороны несколько осторожности. Прежде, нежели я имел честь быть у них (до получения письма вашего я у них никогда не был), некто,— и я подозреваю на Петра Степановича,— сказал им обо мне, что я из числа тех людей, которые к вам обо всем пишут.

Его сия-во гр. Александр Андреевич (Безбородко) и его прв-ство Александр Матвеевич (Мамонов) свидетельствуют вам свое почтение.

Мальчики ваши здоровы; давно уже не звал я их на генеральной экзамен, что не премину исполнить по возвращении двора в город. Наведываясь, между тем почасту, о состоянии поведения каждого из них, следующего не умолчу. Теперь более прочих подают о себе надежду тот, который учится писать, Расму-сов, и учащийся у повара, в доме г. Лазарева.

Бертенъ не вступил еще в должность по причине болезни своей, а то бы я отдал сего мальчика к нему. Имеющие за ними присмотр чрезвычайно ими довольны; равномерно и мальчики отменно довольны своими мастерами. Склонность, охота, прилежность и рачение у каждого из них к своему рукоделию весьма приметны; поведение же и усердие — примерные. За оными следует парикмахер; сей учится хорошо и ведет себя порядочно, но, по младости лет, слаб руками; нет сомнения, однако же, чтобы он не был со временем хорошим парикмахером. Кондитер проворный мальчик. После учиненного наказания, имения своего хотя и не проматывает, но конфеты понемногу ворует, если сие, позабыв правило придворных служителей, за воровство почестъ можно.

Всем мальчикам, при кондитерской находящимся, не запрещено есть конфет, сколько кому захочется. Но сих преимуществ, для нашего мальчика, не довольно. Он крепко держится правила: собирать, а не терять крупцы, падающие от трапезы богатого. В самое то время, когда он в делании конфет упражняется, окидывает всех присутствующих при том своими глазами, будто бы невинность изображающими, и прибирая полегоньку, так чтобы никто сего не приметил, излишние сладости со стола, ниспосылает их в небольшой свой карман. Нет, однако же, опасности, будет и сей добрым человеком и добрым кондитером.

Повар, обучающийся в доме у ее впр-ва Марьи Павловны, хотя и хорошего поведения, но туп. Сапожник — мальчик доброго же поведения, но сложения угрюмого и упрям. Сей жаловался мне на хозяйина, что заставляет его детей качать и воду носить и будто бы ничему его не учит. Это вздор. Нет нигде в свете сапожника, где бы мальчики сначала во все домашние работы не употреблялись. Терпение и сего сделает в свое время добрым сапожником.

Августа 4-го*. Ее И. В-во соизволила, в препровождении небольшой свиты, предпринять путь из Царского Села в Петербург к обеденному столу и, переночевав там, нечаянно обрадовать, 6-го числа после обеда, здешнюю столицу прибытием своим на шлюпке к Летнему дворцу.

6-го числа, воскресенье, Преображение Господне. Ее И. В-ву угодно было слушать обедню в храме Преображения Господня, что в Преображенском полку, коего штаб и обер-офицеры были потом приглашены к обеденному Ее И. В-ва столу.

Под вечер всемилостивейшая государыня благоволила переехать в Зимний дворец, после чего дано было знать всем придворным должностям, в Царском Селе находившимся, чтоб оные возвратились уже сюда.

Сильные дожди и беспрестанные туманы, чрез все почти лето здесь продолжавшиеся, суть причиною, что Ее И. В-во столь благовременно соизволила в нынешнем году переехать в город.

7-го числа поутру появилось на площади против дворца с 400 мужиков, присланных депутатами от общества четырех тысяч работников, у производства, при реке Фонтанной, работ находящихся, с жалобою к Ее И. В-ву на подрядчика Долгова, крайне их притеснявшего. Собравшиеся на площадь мужики тотчас дали знать о себе, что они не простые зрители, а

* См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XV, с. 9—38.

челобитчики. Всякий раз, когда случалось, какой ни есть даме подойти в комнатах Ее И. В-ва к окошку, то они, признавая таковую за государыню, кланялись низко и показывали держащую (sic) в руках жалобу.

Всемиловитейшая государыня, узнав о сем, изволила высылать к ним несколько особ, одну за другою, которые обнадеживали их именем Ее И. В-ва скорым удовлетворением их просьбы, с тем только, чтоб они разошлись по-свосям и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но нет! Средство сие не возымело желаемого действия. Мужики упорно настояли в том, что хотят просить самую государыню, и уверяли увещевавших их господ, что они не собрались бы толпою, если б прежде посланные от них в Царское Село с жалобой к Ее И. В-ву два мужика не были взяты под стражу; а особливо досадили они дежурному генерал-адъютанту графу Ангальту, сказав оному, что они с ним, как с немцем, не знающим по-русски, и говорить не хотят.

Пополудни, не знаю, каким образом, удалось захватить из них семнадцать человек, кои тогда же отправлены были за караулом в уголовный суд, с тем, чтоб осуждены были в учинении скопа и заговора. Сие увидя, прочие немедленно разбежались.

Между тем государыня собственноручным письмом повелела Николаю Петровичу Архарову⁴⁵ быть немедленно сюда, которое письмо, для скорейшего отправления в Новгород, через нарочную эстафету прислано было, при собственноручной же записке Ее И. В-ва к г. Эку. Некоторые думают, что г. Архаров сыскан сюда для того, чтоб разведать обстоятельнее дело мужиков с Долговым; а другие думают, что граф Александр Андреевич (Безбородко), не доброхотствующий князю Александру Алексеевичу (Вяземскому), покровителю Долгова, с умыслу замешательство сих дел подкрепляет и будто бы до того довести желает, чтоб князь Александр Алексеевич и никогда сюда из отпуска не возвратился.

Того же числа под вечер и через целую ночь велено было разъезжать около дворца конногвардейской и донской командам, дабы не допустить мужиков до новых собраний.

Два дни спустя после сего, настращавши довольно, взятых под стражу мужиков выпустили на волю, а дело их с Долговым производится с нарочитою строгостью в губернском правлении, в коем касательно дела сего велено, по именному указу, с прочими того правления чинами присутствовать и г. обер-полицеймейстеру.

8-го числа было поутру при дворе обыкновенное собрание.

9-го числа. Намерен я был отправить к вам курьера, испрося тогда письмо у графа Александра Андреевича (Безбородко), но замешкался отправлением одного в ожидании писем от Ее И. В-ва и Александра Матвеевича (Мамонова). Того же числа ночью приехал сюда г. курьер Фитинг; привезенные им депеши розданы им самим 10-го числа поутру. После подачи писем был я у Александра Матвеевича (Мамонова), который принял меня не обыкновенно, но отменно ласково и учтиво, так что я не знаю, чему приписать таковой отличной прием. Он, удостоив меня прочесть письма, присланные к нему касательно бывшего в Кременчуге торжества, как от его св-сти, так и от вас, пересказал также и то, что его св-сть к Ее И. В-ву писать изволил; наконец сказал мне: «Ее И. В-во крайне удивляется, да и я не понимаю, что бы тому за причина была, что на продажу Дубровиц купчая не прислана?».

После сего ходил я к графу Александру Андреевичу (Безбородко), который также дал мне знать, что государыня, в рассуждении неприсылки купчей, крайне удивляется. В сие время приехавший из Новгорода г. Архаров, являсь во дворец в графскую канцелярию, разговаривал с графом наедине с четверть часа. Граф, по окончании сего разговора, отправил

к вам г. Старова, коему тогда же Степан Федорович (Стрекалов) принес сверху в подарок от Ее И. В-ва золотую бриллиантами осыпанную табакерку. Потом граф, позвав меня к себе, и еще напоминал о купчей и притом сказал: «Скоро будет цареградской курьер, по приезде которого надобно будет нарочного к его светлости отправить».

После обеда представил Н. П. Архаров в служители к Александру Матвеевичу (Мамонову) приведенного им с собою 24-летнего ткача, ростом в три аршина. Остаток сего дня пропал в ожидании писем.

11-го числа. Получены здесь как верующее на Дубровицы письмо, так и прочие депеши, от 28 июля из Кременчуга отправленные. Александр Матвеевич (Мамонов), получа последнее ваше письмо (хотя оно и прежде Фитинга сюда отправлено было), изготовленные им письма, не отдавая мне, изорвав их, сказал:

— Теперь надобно будет писать другие; однако же подождите до завтрашнего дня. Государыня не очень сегодня здорова.

12-го числа. Его прев-ство, вруча мне письмо, сказал:

— Государыня велела верующее письмо переправить, о чем и дана гр. Александру Андреевичу (Безбородко) записка; сходите к нему.

Пришед к графу, сей сказал мне, что в рассуждении почистки надлежит помянутое письмо переправить. Сверх письма Ее И. В-ва, того, которое запечатано в письме Александра Матвеевича (Мамонова), прислал мне Александр Матвеевич еще другое. И граф, и Александр Матвеевич подтвердили мне неоднократно, чтобы я курьеру сему приказал спешить, и туда и обратно сюда, со всевозможною поспешностью. В рассуждении негодности почтовых лошадей, просил я графа, чтобы на каждой станции, доколе его свет-сть сюда не прибудет, содержать для наших курьеров по шести лучших лошадей, что его сият-ство тотчас г. Эку исполнить приказал.

Невероятно, чтобы г. обер-полицеймейстер сменился; но с губернатором здешним чуть ли сие не воспоследует. После отбытия Ее И. В-ва из Царского Села, морской батальон, стоявший в лагере, почти не шевелясь, принялся и паки за строгое учение.

И. и. в. великой князь и великая княгиня, исключая молодых принцев, имеют теперь пребывание свое в Гатчине.

Запримечено, что Ее И. В-во, по возвращении из похода, более невесела, нежели весела бывать изволят. Говорят, что неурожай во многих местах в хлебе причиняет Ее В-ву немалую скорбь и заботу.

Недавно привезен был сюда, на четырех кораблях из чужих краев, овес, который в одно мгновение ока раскупили, и дешевле национального.

Граф Воронцов возвратился уже сюда, а граф Шувалов еще не бывал из Москвы.

О прибавке в банк на двадцатилетнюю взаем раздачу пяти миллионов рублей подали уже доклад Ее И. В-ву.

Английский министр послезавтра отъезжает отсель восвояси, что предполагает исполнить и французской, недели две спустя. Сей последний уверял одного из моих приятелей, что его светлость еще не скоро сюда быть изволят, будто бы по причине, что турки шевелятся. Лучшие же из наших уверяют, напротив того, что его св-сть скоро будет, поелику к нему о сем писано; между тем все любопытствуют о сем. Еще говорят:

1) Винокурение запретится на некоторое время; водку французскую позволят выписывать беспошлинно и будут продавать оную в кабаках наместо простого вина, в коем неминуемо воспоследует недостаток, если винокурение запрещено будет.

2) В Польше имеет быть чрезвычайный сейм, на котором изберут его св-сть в наследники королю польскому.

3) Графа Орлова сюда ожидают, но не знаю которого.

Грекова почти уже брошена.

26 августа. Достоверно известно, что выключка некоторых людей, из числа продающихся с Дубровицею, причинила Ее И. В-ву нарочитое неудовольствие. Когда Петр Степанович (Валуев) просил, по получении вашего письма, гр. Александра Андреевича (Безбородко), чтоб вдобавок к прежним выключить еще 11 душ, то граф не только не взялся докладывать о сем Ее И. В-ву, но и дал знать, что лучше бы было выключить всех назначенных к выключке прежде, нежели к продаже Дубровиц приступлено, а в купчей ничего об них и не упоминать. Его же пр-ство Александр Матвеевич (Мамонов) хотя и сказал Петру Степановичу (Валуеву), что он охотно на выключку соглашается, но другим изъявлял на то свое неудовольствие, обратив оное более на Петра Степановича, почитая оного, сколько мне известно, графским шпионом и любимцем г. Судиенкова.

— Видно, это оба малороссияне спроектировали; князь в нескольких душах не имеет нужды, а верно Петр Степанович, по наущению, писал об них к князю. Рассуждения сего я сам не слышал, а мне оное пересказано.

Граф Александр Андреевич (Безбородко), по приезде последнего от его св-сти курьера, сего августа 16-го, прочитав письмо от его св-сти, пожал несколько губами, как будто бы чему удивился; потом, продолжая читать ваше письмо, следовавшее по вручению Е. И. В., поднес государыне руками Захара Константиновича (Зотова), Александр Матвеевич (Мамонов), прочитав свои, сделал также мину удивления, сказав притом: «ничего не пишут». Из сих слов и из поведения его заключаю я, что он, по своей теперешней силе, не весьма доволен, что к нему о делах ничего не пишут. Письмо, бывшее в его куверте к Ее И. В-ву,

поднесено государыне также руками г. Зотова. Итак, г. Зотов виднее прочих камердинеров.

Говорят, что Александр Матвеевич и довольно силен, и опасен графу Александру Андреевичу (Безбородко) и что последний много бы лишился доверенности, если бы не был теперь подкрепляем его светлостью.

Гр. Александр Андреевич живет теперь на своей даче; всякое утро приезжает во дворец, а к обеду возвращается паки на дачу.

Г. Судиенков был недавно два раза у Александра Матвеевича (Мамонова) для засвидетельствования его прев-ству почтения, но никогда принят не был, да и никого Александр Матвеевич не принимает. Рибопьер находится в прежнем положении и просиживает у его прев-ства часто до 3-х часов пополудни.

Еще неизвестно, зачем сыскан сюда Н. П. Архаров, который между тем бывает весьма часто в канцелярии графской и разговаривает с графом наедине. Бог знает, чем кончится дело мужиков с Долговым: губернатору же жестоко вымыли за оное голову.

Г. шталмейстер Ребиндер⁴⁶, упражнясь издавна в чтении Шведенборховых сочинений, сделал касательно себя исчисление, что ему в сем году, августа 12-го дня, надлежало непременно умереть. До наступления 12 августа писал он к родственникам в Лифляндию, чтоб они приехали сюда к тому числу для погребения его, а накануне того числа докладывал он сам о том Ее И. В-ву, прося притом, чтоб наместо его избран был другой.

12-е августа прошло, Ребиндер жив и подал немалую причину к смеху.

Гишпанского короля поверенный в делах при здешнем дворе просил здешнее министерство, чтоб графа Миранду, яко вредного королю его человека, выслать вон отсюда. Государыня изволила указать ответствовать на сие: «как Мадрит от Петербурга находится в неблизком расстоянии, то Ее И. В-во не уповает,

чтоб гр. Миранда мог в таком случае быть его вел-ву королю гишпанскому опасен».

16 августа представлена была в Эрмитаже сочиненная гр. Сегюром трагедия: «Кориолан»⁴⁷. Не удалось мне слышать, какой имела она успех. Граф Сегюр вскорости имеет отъехать, о чем и в газетах публикуется уже.

Площадная молва возвещает с турками войну, и для того его светлость не скоро сюда ожидают.

Подтверждаются слухи, обещающие его св-сти королевство Польское.

И Кабинет, и остаточное казначейство так деньгами оголели, что едва ли и 6-ю миллионами рублей в состоянии будут с долгами расплатиться. В статном же казначействе имеется не следующих в выдачу на статные расходы, или, лучше сказать, сбереженных от оных,— миллион рублей.

27 августа. Федор Иванович приехал сюда августа 24-го дня. Многие удивлялись курьерскому приезду его и — не хотя с пустяками,— не знали, с чем его к вам отправить. Без сомнения, прожил бы он здесь, в ожидании отправления, более, если б я, обязан будучи еженедельно отправить к вам курьера, не приступил к кому следовало с прошением писем. Сегодня обедал Федор Иванович у графа на даче. Ему крайне хотелось завладеть, посредством комнаты Александра Матвеевича (Мамонова), каким-нибудь за приезд подарком; но, сделав к тому небольшой приступ, не удалось. Не знаю, перескажет ли Федор Иванович вам о приезде своем так, как я докладываю; прошу, однако же, не обнажить меня пред ним.

Архаров спрашивал недавно одного из моих знакомцев: «Где ты живешь?» — «В деревне,— отвечал знакомец,— но правду сказать-то, жить там почти негде».

— Как жить негде,— сказал Архаров,— ведь там дом каменный?— Построенный из плиты, а потому,

по причине сырости, к житию не способен,— отвечивал знакомец.

— Ох, уже эта плита,— сказал Архаров,— кричали и писали о Херсоне, а сами же и говорят те, которые там были, что, настроивши из плиты домов, жить, кроме мазанок, негде.

Из пальцев Архаров слова сии не высосал.

Несмотря, что, по случаю бытности Ее И. В-ва в Тавриде, его светлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роют подкопы, да и рыть, доколе партия, противоборствующая его св-сти, не истребится, не престанут.

Г. Архаров принят был Александром Матвеевичем (Мамоновым) в комнате довольно хорошо, а потому и при дворе — также. Как Александр Матвеевич жалует забавного нрава людей, умеющих складно пороть чуху кстати и некстати, к чему (исключая прочих уловок) г. Архаров имеет немалые способности, то в продолжение времени легко бы можно ему было перейти из комнаты вышеписанной в комнату гораздо лучше.

Однако же зная, что Архаров предан партии, его светлости противной, учредил я так дела его, что далее комнаты довольно хорошо сей раз быть ему не удалось. Нельзя мне было не исполнить сего, когда я увидел, что граф Воронцов, никогда Архарова не посещавший, начал по утрам ездить к Архарову и с ним перешептываться. Бывал также Архаров по утрам у графа-докладчика (Безбородко), разговаривая по часу наедине.

Александр Матвеевич (Мамонов) имеет к графу-докладчику врожденную антипатию и даже имени графского не терпит; напротив того, граф усиленно старается приобрести дружбу его прев-ства. Граф ходил недавно сам и два раза г. Судиенков, к Александру Матвеевичу (Мамонову), но оба приняты не были.

Открывшимся Архарову входом желали они, без сомнения, пользоваться и, может быть, не без про-

жектов. Правда, что сильной силе слабая не опасна, но что многие слабые силы, соединясь вместе, могут иногда вредить сильной, и это — на опытах основанная правда. Граф-докладчик (Безбородко), хотя сам собою и не кажется быть опасным, однако же, в хитрости редко кому уступает, и притом связан тесною дружбою с такими людьми, которые всегда были, суть и пребудут его свет-сти вредны.

В доказательство, что Александр Матвеевич (Мамонов) графа-докладчика не терпит, может служить и следующее происшествие. На место покойного Бибикова⁴⁸, бывшего при театре, рекомендовал граф Ее И. В-ву Николая Александровича Львова⁴⁹. Львову было то место обещано, о чем и в городе уже знали; но сколь скоро узнал о том Александр Матвеевич, то отозвался, что, кроме людей партии графской, пусть кому хотят дадут то место. И, действительно, Львову теперь отказано.

Запримечено, что граф-докладчик (Безбородко) не так рано допускается к Ее И. В-ву, как прежде, да и по рекетмейстерским делам не с таким жаром исполняются повеления его, как прежде. Ощутительно, положение графское не первое. Если б его св-сти угодно было видеть на его месте другого и не конечно Храповицкого, то едва ли откроется впредь удобнее к тому случай.

Прошу не поставить мне в грех, что я к описанию происшествий присовокупил сей раз и собственные рассуждения. О первых, сколь они иногда ни худо на-граждаются, не могу я молчать, не преступив должной к его св-сти преданности; что же касается до последних, то усердие мое к его св-сти понудило меня к изъяснению оных. Я сужу так, как те обстоятельства в дело вникать мне позволяют, не противясь, однако же, тем, коим и дела и конец оных ближе известны, и кои в таком случае решительнее и здравее судить об оных могут. Хорошо быть с доброю головою, но не худо иметь при оной добрые руки, ноги и прочие чле-

ны, из коих зараженные антоновым огнем от здорового тела обыкновенно отделяются. Впрочем, Господь, да будет воля твоя!

Дело Логинова решено во вред Логинову. Когда в прошлом году рекетмейстер докладывал о сем деле, то Ее И. В-во изволила объявить просьбу Логинова справедливою; а теперь Логинов обвинен. Сему удивляться не надобно, потому что противная Логинову партия протезируется партией, его св-сти противною. Глебов, имеющий известный вам случай видеться с графом (Безбородко) ежедневно, советовал Логинову подать, через графа, вторичное Ее И. В-ву прошение и обещал всевозможную Логинову помощь.

Правда, что Глебов и обещает, и удовлетворяет теперь многим, но не даром. Мне показалось нехотать просить графа, устами г. Глебова, о таком деле, о коем не внял граф просьбе его св-сти. Я советовал Логинову поднести просьбу Ее И. В-ву руками г. Храповицкого⁵⁰ и стараться о протекции Александра Матвеевича (Мамонова). Чуть ли сим средством не возымеет Логинова дело желаемого успеха.

Государыня изволит теперь заниматься сочинением комедии. Г. граф Сегюр откланялся уже; трагедия его имела желаемый успех.

Г. Судиенков рассуждал недавно с Петром Степановичем (Валуевым) тако: «Что ежели бы графу (Безбородко) от двора удалиться! Ведь его домашнее положение весьма не авантажное. Весьма он много должен, и я не понимаю, на что он, подражая князю, пустился в строение дачи и в прочие, доходам его несоразмерные, издержки».

Четвертого дня возвратился сюда из Италии певец Капаскини и привез для графа Александра Андреевича (Безбородко) две молодые итальянки. Проба оным сделана, но не знаю, обе ли или одна из них принята будет в сераль.

Г. Завадовский просится на год в отпуск. Нельзя мне утаить и сего, что сколько можно приметить, то

граф Александр Андреевич делает весьма скорое по всем представлениям его св-сти исполнение.

30 августа. Вследствие данного мне его сият-вом графом Александром Андреевичем (Безбородко) приказания, отправляю сего курьера, не доложив об отправлении оного никому. Его велено отправить, не мешкав ни минуты, и следовать к вам, по случаю важности порученных ему депеш, со всевозможною поспешностью.

Булгаков, как из последних, полученных с цареградскою почтою, депеш явствует, взят уже под стражу. На сих днях, и я думаю после заутри, объявлен здесь будет о войне манифест. Нынешний набор рекрут положен с 500 душ по одному человеку, что составит около 18 000 рекрут; а ежели исключить из сего числа отданных в зачет, то будет только около 16 000 рекрут. Некомплект в армии простирается до 38 000 человек.

Граф Салтыков наряжен уже к своему месту. В курьерах, а особливо надежных, крайний недостаток; я принужден был на скорую руку отправить сего, недавно в службу определенного.

3 сентября. Накануне 30-го числа все милостивейшая государыня соизволила быть у всенощной в Александро-Невском монастыре. Александров же день празднован в Зимнем дворце; государыня была тогда невесела и после обеда плакала. «Цареградские неприятные известия и отлучка светлейшего князя, с коим в течение тринадцати лет, как Ее И. В-во сама изволила отозваться, сделала она привычку обо всем обстоятельно говорить и советоваться», причинили ей помянутую печаль.

А при том изволила государыня сказать: «Что меня более тревожит, то это, что князь ничего решительного не пишет, как будто бы и он чем-нибудь нечаянно встревожен».

На бывшем, после обеда, при дворе бале, через два часа продолжавшемся, государыня не более получаса находится изволила и занималась большею частью разговором с цесарским и французским министрами.

Граф Сегюр остался по-прежнему здесь, по полученному от двора его повелению. В Совете повелено присутствовать: графу Брюсу, П. И. Салтыкову, графу Мусину-Пушкину, графу Воронцову, графу Шувалову, Стрекалову⁵¹ и Завадовскому.

Указ о наборе рекрут, с коего имел я честь препроводить к вам копию, состоялся до прибытия цареградской почты: по прибытии же оной, указ тот возвращен был из сената, а наместо оного послан другой, помеченный прежним числом, коим повелено собрать с 500 душ по два человека.

Узнав о сем, также о делах, с цареградскою почтою полученных, и о письме его св-сти, коим прошено было, чтоб сей раз сделать сильный набор, потом, выправясь по коллегии о наборе, бывшем при начале прошедшие с турками войны, сделал я его сиятельству гр. Александру Андреевичу (Безбородко) тотчас словесное представление, что набор рекрут нужно увеличить.

Но как словесное представление не являло видов иметь желаемое действие, то я сделал письменное, с коего подношу при сем копию и которое поднес я его сиятельству сентября 1-го дня. Граф Александр Андреевич (Безбородко), прочев оное, имел со мною следующий разговор:

Граф. Хорошо, хорошо. То-то я и сам так думал; надобно было взять с 500 душ по три человека. Князь писал, чтоб сделать сильный набор, для чего же не написал он, какой именно?

Ответ. Когда его св-сть просил сделать сильный набор, то нельзя было разуместь под оным с 500 душ по два человека, потому что таковые наборы нередко и в мирное время бывали. Впрочем, нельзя было его св-сти назначить число рекрут, поелику его св-сти

теперь, кроме некомплекта по части войск его, некомплект в других частях неизвестен.

Граф. Как быть? Пусть теперь уже так будет; впредь сделаем мы и еще набор; да как велик некомплект?

Ответ. По военному времени потребно в армию, в артиллерию и во флот до 60 000 человек. Для нового наряда рекрут надобно наряжать новые для приема оных команды; а это сопряжено с затруднениями.

Граф. Ну что же делать? Теперь переменить нечем, указы уже посланы.

Ответ. Можно, еще указы не посланы; я справлялся.

Граф. Нет, нельзя, нельзя — пусть рассылаются. Я насилу упросил государыню, что и по два с 500 душ дать согласилась: однако же я прочту Ее И. В-ву завтрашнего дня вашу записку.

После сего Ефремов, подошед ко мне, сказал: «Граф досадует, для чего вы ему, прежде состояния указа, не подали вашей записки». На что я отвечивал: «Почему же мне можно было знать, что вы готовите о рекрутах указы, когда никто меня о некомплекте в армии не спрашивал, да и о наряде рекрут никто не говорил со мною ни слова».

Под вечер поднес я такую записку и графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину); поутру же не успел сего сделать потому, что спешил к графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы успеть остановить указы, что, однако же, не исполнилось.

2 сентября Ефремов и паки сказал мне: «Граф сердится на вас; если ему теперь по вашей записке докладывать, то государыня будет гневаться на него, зачем он, не выправясь обстоятельно с издачею о рекрутах указов, поторопился».

Того же дня предложил граф о рекрутах Совету, как будто бы он, без подачи моей записки, сам собою об оных заботился. В Совете разбились на разные голоса. Некоторые хотели, чтобы набор теперь же увеличить, а другие твердили, чтоб оный отсрочить, так

как и граф о сем мне говорил; последнее твердили известные люди. Граф докладывал потом от лица Совета Ее И. В-ву и просил, чтоб набор увеличить; однако же Ее И. В-во и слышать о сем не хотела, сказав: «Можно, коли надобность будет, после набор другой сделать».

Жалко мне было, что Совет, составленный большею частью из недоброхотов его св-сти, присвоил себе такую заботу, о которой он никогда не думал, да, может быть, и не так представил Ее И. В-ву, как бы надобно было. И для того решился я сего сентября 3-го дня подать мою записку Александру Матвеевичу (Мамонову), прося, чтоб его прев-ство поднес оную Ее И. В-ву, с тем, однако же, чтоб Ее И. В-во, если на прибавку рекрут согласится изволит, не дали знать о моей записке графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы меня с ним не поссорить. Ответа Ее И. В-ва я еще не имею.

Я знаю, что я на подачу сея записки отважился много, и может быть, и против воли его св-сти. Но и самый огонь, через который мне шествовать надлежало, не в состоянии был воспрепятствовать мне хлопотать о сем деле. Если бы, кроме его св-сти, предводительствовал армиею кто бы таков ни был, то бы я не заботился ни о таком, ни о большем числе рекрут. Но, зная, что его св-сть предводительствовать будет, не мог я спокойно уснуть, по случаю малого набора рекрут. Мне показалось, что этим хотели сделать его св-сти маленькое шиканство, зная точно, что его св-сть требовал сильного набора; а посему рад я был, если бы сим довелось прать и против рожна. Думаю, что теперь будут ожидать его св-сти отзыва: если потребует, то набор увеличится.

Достоверно известно, что Логинова дело решено во вред ему, по просьбе графа Воронцова. Гр. Безбородко чуть было с Воронцовым не поссорились за оное. Глебов обещает, за заплату 12 000 руб., сделать Логинову угодное.

Приехавший от вас третьего дня курьером артиллерии сержант и полученный в то же время от императора отзыв были Ее И. В-ву чрезвычайно приятны. Копия с императорского письма препровождается к его св-сти в письме Ее И. В-ва.

Уверили меня, что его св-сть теперешним письмом Ее И. В-ва будет доволен. Выпросил я, что по тракту к его св-сти поставлено по двенадцати лошадей для курьеров.

Находящемуся в отпуску графу Чернышеву позволено, по прошению его, отлучиться в Италию.

Александр Матвеевич (Мамонов) знал, что 30-го числа к вам курьер был отправлен. А я думал, что он не знал, потому что граф (Безбородко) велел мне одного отправить, никому не докладываясь.

Известно, что никто о сию пору не мог поколебать графа Александра Андреевича (Безбородко); но Александр Матвеевич (Мамонов) сильнее графа. Это неоспоримое дело. Граф Шувалов уже приехал.

4 сентября. Записка моя о рекрутах возымела уже некоторое действие. Весь нынешний набор хотят назначить на укомплектование войск, состоящих под командою его св-сти и графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Однако ж я и против сего подал записку, с коею подношу копию. Для укомплектования расположенных внутри государства войск, артиллерии и флотов хотят впредь новый сделать наряд; но ежели его св-сть отозваться изволит, то и нынешний набор велют увеличить.

Покорнейше прошу дать знать, коликое число рекрут вам потребно: для расписания знать сие нужно.

Его и. в. великий князь имеет пребывание свое в Гатчине, где бы и его сия-ству гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) беспрерывно быть надлежало; однако ж государыня указала графу бывать здесь по средам и четвергам.

Танеев, по причине слабости здоровья своего, предпринять путь не находит себя в силах. Его намерение

есть определиться к статским делам, и для того просит вас всенижайше, чтобы его от приема Орловского полка уволить.

Ее сиятельство гр. Екатерина Васильевна (Скавронская)⁵² не очень здорова. Ее сия-ство крайне здесь скучает.

И сего курьера велел мне гр. Александр Андреевич (Безбородко) тотчас к вам отправить, никому об оном не докладываясь. Однако ж Александр Матвеевич (Мамонов) говорил мне об отправлении одного еще вчера. Да и не знаю я, почему со вчерашним курьером рескрипты, ныне подносимые, не были к вам отправлены, ибо они еще третьего дня заготовлены были.

Манифест о войне еще не объявлен, и чуть ни Петр Васильевич Завадовский трудится над оным.

7 сентября*. В рассуждении настоящие почти повсеместные дороговизны в хлебе и прочих вещах, приказал мне гр. Александр Андреевич (Безбородко) сделать примерную ведомость сумме, потребной на экстраординарные расходы на армию гр. Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Я таковую подношу при сем и вам. Граф, рассмотря оную, сказал мне, что нужно будет отпуск суммы и на все, зависящие от его св-сти, войска увеличить; а притом поручил мне просить вас, чтоб вы соблаговолили доложить его св-сти: по старым ли ведомостям, от его све-сти Ее И. В-ву, поданным, производить отпуск экстраординарные суммы, или ожидать присылки новых, на обе армии и корпуса кавказской и кубанской ведомостей? Если будут новые,— то его сиятельство просит, чтоб поспешить присылкою оных, дабы генерал-прокурор, имеющий в скором времени сюда возвратиться, мог тотчас по приезде своем приступить к собранию потребных на армию денег.

Графская мысль, чтоб графу Задунайскому производить в год на его армию по 1 500 000 руб., а на

* В подлиннике другою рукою, сверху листа, помечено: «14 сентября».

армию его св-сти, вместе с корпусами, по 3 000 000 руб.: «хотя армия графа Петра Александровича (Румянцева) и не так велика, но у него все части находиться будут в движении, а у его св-сти не все войска находиться будут в движении». Сие сказал граф для того, что ежели бы отпуск его св-сти назначить соразмерно отпуску, графу Задунайскому предполагаемому, то бы его св-сти, по числу войск его, надобно было назначить более 4 миллионов рублей.

14 сентября. Душинкевичу, за привоз известий, вам известных, коими двор весьма доволен был, государыня изволила пожаловать золотые часы. Прежде, нежели оные ему даны были, спрашивал его граф:

— Из Херсона ли вы, или вы находитесь ординарцем при его св-сти?

Ее И. В-во, прочев реляцию о происшествии, с двумя нашими судами случившемся, соизволила тотчас послать оную к Александру Матвеевичу (Мамонову). Никто, однако же, сему известию столько не радовался, как сиятельнейшая графиня Екатерина Васильевна (Скавронская). Ее сия-ство крайне здесь скучает, а притом и не очень здорова.

Манифест еще не подписан; сочинен оный П. В. Завадовским, а на французский язык переведен г. Морковым. Копия с помянутого манифеста подносится его св-сти в письме гр. Александра Андреевича (Безбородко). Граф меня в сем уверил.

Александр Матвеевич (Мамонов) много может, нет в сем ни малейшего сомнения. Никто из предместников его не в состоянии был поколебать власти графа-докладчика (Безбородко), а он оную колеблет. Часть новых членов Совета, составляющих известную партию, не была рекомендована их главою; выбор оных предпочтен другим для того, что они уже и до сего, еще по прежней рекомендации, в дела употреблялись. Нужно, кажется, не дать им усилиться, пользуясь теперешним наиудобнейшим к тому временем.

Граф Воронцов что хочет, то делает с графом-докладчиком (Безбородко). Двор (Екатерина) предполагает сентября 22-го раздать многим статским чины, а другим Владимирские кресты.

Захар Константинович (Зотов), 5 сентября, женился на той камер-меджен, которая была с Ее И. В-м в походе. Чуть ли Захара Константиновича к сей свадьбе не принудили, ибо вскоре надобно ожидать родин.

Теперь, как кажется, двор (Екатерина) не весьма тревожится мыслью, войною, а сначала довольно уныния было. Совет держится, что мы никогда войны с такими выгодами не начинали, как теперь, и лучшую выгоду полагают в том, что все, назначенные к действию против неприятеля, войска находятся уже на границах, вместо того, что в прежние времена должно их было собирать на границу. Нетерпеливо ожидают от его св-сти курьеры, а по прибытии оных нетерпеливо желают знать привезенные ими вести.

Приятнее Ее И. В-ву получать письма от его св-сти из рук Александра Матвеевича (Мамонова), нежели из рук другого кого. Сие пишу я не наугад, а из опытов.

24 сентября. Александр Матвеевич (Мамонов) приказал мне и еще вас просить о скорейшей присылке к нему бумаг и планов, до Дубровиц касающихся; но если б таковые (находились в руках г. Пузина, то чтобы оные доставлены были Матвею Васильевичу (Мамонову-отцу). Его пр-во думает, как Дубровицкое имение составлено из разных частей, купленных у разных помещиков, то надобно быть на каждую часть особой крепости. Есть и здесь кое-какие планы, но я без повеления не смею оных представить ему; что же касается до крепостей или иных бумаг, то все таковые хранились у г. Хомутина и взяты им с собою.

Брат Александра Матвеевича (Мамонова) пожалован флигель-адъютантом.

При сем подношу:

Реестры вещам, с сержантом артиллерии Гофманом, 15 сентября, к вам отправленные.

Список новопожалованных.

№ 1. Разные письма от его св-сти.

2. Газеты. NB. В оных напечатана реляция ваша.

3. Разные депеши.

4. Сообщения коллегии.

5. Письма от его высочества с орденами г. Высоцкому

6. и Рахманову.

В ящике гусарское и немецкое для вас седла.

Вчера ужинал я в первой раз у Александра Матвеевича (Мамонова); его прев-ство отзывался об вас, что для его св-сти и жизнью жертвовать готовы, где только востребуется надобность.

Графиня Екатерина Васильевна (Скавронская), слава Богу, здорова и писать будет к его св-сти с г. Рибопьером.

26 сентября. Двор (Екатерина) был весьма доволен известиями, привезенными сюда курьером Драшковским сего сентября 25-го дня. Два часа спустя после приезда его, депеши, при сем подносимые, были уже, спасибо Александру Матвеевичу (Мамонову), к отправлению готовы. Однако же я продержал Драшковского, по повелению государыни, до сего дня.

Ее И. В-во, уважив скорую его езду, позволила ему отдохнуть здесь, как вы из приложенной при сем записки Александра Матвеевича, писанной к гр. Александру Андреевичу (Безбородко), а от его сия-ва мне сообщенной, усмотреть изволите. Да и особою запискою от Александра Матвеевича мне было знать дано о сем. Драшковскому подарены золотые часы.

Государыня, уведомясь о желании его св-сти быть сюда, начала было писать письмо («Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться»), кое, однако же, и было переменено старанием Александра Матвеевича (Мамонова), кажет-

ся, непоколебимо преданность к его св-сти сохраняющего.

Того же числа был при дворе, касательно введения пруссаками принца штатгальтера по-прежнему в его права, чрезвычайной Совет. Бог знает, как и о чем там судили.

По представлению о награждении г-на Комбурлея чином, сенат, заведя новый порядок, положил резолюцию: «Доложить о сем тогда, когда подобными чинами и другие награждаться будут». Сие заведено г. Колокольцовым, однако же не для тех, которые рекомендуются от его св-сти, но сенат уже распространил таковое учреждение на всех. Сегодня, во дворце, имел я с г. Колокольцовым следующий разговор:

Гарн. Есть ли уже резолюция о Комбурлее?

Кол. Нет еще, однако же скоро чин ему дадут. Не пишите о сем к его св-сти, ибо вы, по незнанию наших теперешних дел в сенате, не так напишите, как надобно, и подадите его св-сти повод к новому огорчению. Я сам буду писать обстоятельно. Когда курьер поедет?

Гарн. Сейчас. Я не смею не писать. Напишу, что не уважают представлений его св-сти.

Кол. Пожалуйста, не пишите. Продержите курьера до вечера, я буду писать.

Гарн. (Показывая письмо государыни). Надеюсь, сие лишает меня права дерзнуть задержать курьера.

Кол. Пожалуйста, не пишите; я буду стараться скорее Комбурлею чин доставить.

Гарн. Написать — напишу. За обещание, однако же, благодарю; а коли сенат ничего не сделает, то подам записку Ее И. В-ву с жалобою, что сенат никого по представлениям его св-сти не награждает.

Кол. Неужели вы графу о сем говорили?

НВ. Он видел меня несколько раз у гр. Александра Андреевича (Безбородко) не в числе 0 (т. е. нулей).

Гарн. С просьбою от его св-сти нетрудно до желаемого места продраться.

Не знаю, можно ли будет остаться здесь теперь г-ну Рибопьеру, поелику государыня о намерении его отъезжать отсель извещена была до получения им вашего письма. Графиня Катерина Васильевна (Скавронская) посылает теперь к его св-сти то самое письмо, которое она с г. Рибопьером отправить намерена была.

Записки руки Мамонова. «Как государыня считает, что присланный нынче от князя курьер устал, то приказала мне к вашему сиятельству написать: дабы вы отправили вместо него другого, или бы его продержать изволили до завтра».

30 сентября. Из уст г-на Глебова, в теперешние времена иногда устами рейс-ефендия (Безбородко) глаголющего: «Мамонов ведь не Ланской покойник; он десять раз опаснее Ланского князю; дает он себя знать, кто он таков, а мы каковы были, таковы и будем. Знаем, что князь болен, чудная болезнь: после горячки сделалась лихорадка. Знаем и то, что князь просится сюда; узнали графу Петру Александровичу (Румянцеву-Задунайскому) цену. Двор (Екатерина) уважает его теперь более князя. Князь требует к себе Менкоба и Великопольского; однако же Менкоб, когда его со сверстниками не поровняют, не поедет; черт ли велит ему ехать, да и Великопольский ехать туда не согласится. Говорят, что и Василий Степанович болен; чуть ли сей, под видом болезни, не имеет желания от князя отстать,— он здесь гораздо спокойнее будет».

Мне кажется, что стараются Александра Матвеевича (Мамонова) с его светлостью поссорить, а Менкобу хотят вперить мысли, чтоб сей подорожил собою. Сколько я вижу, то Александр Матвеевич хорошо расположен к его св-сти; что же касается до Менкоба, то сей, как я из уст его сам слышал, без всяких кондиций ехать к вам намерен.

С подарками, при сем к его св-сти подносимыми, намерены были г-на Рибопьера отправить; но как г. Рибопьер здесь остался, то и о посылке подарков

думать перестали. До сегодня не говорил я об оных ни слова, но сегодня я Александру Матвеевичу (Мамонову) о дне рождения его св-сти напомнил. «Ах, Боже мой, я и позабыл,— сказал он,— спасибо, что вы мне напомнили». После сего повестил я прочим об отправлении сего курьера.

Князь Александр Алексеевич (Вяземский) несравненно здоровее, нежели был прежде, приехал сюда 27-го сего месяца; его сиятельство принят при дворе (т. е. Екатериною) изрядно.

Из канцелярии рейс-ефендия получены почти достоверные известия, что в Екатеринославском наместничестве целых три пограничные уезда внутри России, от страха, турками им нанесенного, удалились; говорят, что это произошло от неосторожности г. Синельникова, рекомендовавшего сельским жителям в пограничных местах стекаться в крепости. Правда ли, что Александра Николаевича Самойлова⁵³ с корпусом турки разбили? Реляция о десанте при Кинбурне не весьма обстоятельна: турецкий корабль погиб действием ли нашего оружия или собственною их оплошностью? Публика: она твердит три недели кряду, что корпус Александра Николаевича (Самойлова), перешедший Буг-реку, турки разбили.

Князь Николай Васильевич (Репнин) просился, чтоб его определить в армию, куда и в чью команду заблагорассудится. На оное ответствовано, что в случае надобности употреблен будет.

Кених вырезал весьма искусно из белого мрамора профильной его св-сти портрет, наклеенный на мраморной доске коричневого цвета и в стеклянную рамку, отменно хорошей работы, вставленный. Сей портрет поднесен Ее И. В-ву и принят чрезвычайно благосклонно. Неизвестно, что Кениху за оный заплачено будет; между тем государыня изволила указать сделать таковой же портрет Александра Матвеевича (Мамонова).

По делу Логинова ничего не удалось сделать в пользу его посредством Александра Матвеевича. Я думаю, что Алексей Васильевич Храповицкий успел его прев-ству внушить, хотя несправедливые, но дурные о Логинове мысли. Логинов принужден был пуститься путем, г. Глебовым ему предписанным. Между тем, пока в пользу Логинова требуемые с него 12 000 руб. подействуют, сенат, или, лучше сказать, граф Воронцов, велел взыскать с Логинова претензию сенатскую и Барышникова; вчера, за невнесением Логиновым денег, проданы с публичного торга три его каменных дома.

НВ. Александр Матвеевич (Мамонов) иногда о делах с г. Храповицким советуется.

Сентябрь. Его и. в. великий князь изволит предполагать отправиться отсель в армию в будущем феврале месяце. Во время бытности его и. в. в походе, ее и. в. великая княгиня изволит уповать, что ей дозволено будет иметь пребывание свое в крепости Св. Елисаветы. Экипажи их и. в. и прочие к путешествию надобности приуготовляются со всевозможною поспешностью.

Говорят, что во время отсутствия графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), имеющего при ее и. в-ве находиться, вице-президентскую в Военной коллегии должность отправлять имеет Н. И. Салтыков.

Князь Александр Алексеевич (Вяземский) сильнее по своим делам, нежели каков был до отъезда к теплым водам в Царицын. Его сиятельство сделался, однако же, крайне нетерпелив, а сие не подало бы случая недоброхотам его восторжествовать над ним со временем.

Принц Виртембергский уволен из нашей службы. На письмо его, которым он просился об отправлении его в армию, государыня изволила ответить: «Je suis fâchée que vous vous êtes mis dans l'impossibilité de ne pouvoir plus servir la Russie».

Все приготовления, касающиеся до отправляемого в Средиземное море флота, производятся со всевозможною поспешностью. Все нетерпеливо ожидают взятия Очакова; одни заражены нетерпеливостью, чтоб унижить цену толь важному предприятию, почитая оное маловажным; другие же, из усердия к его св-сти. желают ему во всех его благонамерениях успехов.

Сентябрь. После выбора в совет новых чинов, государыня изволила два раза говорить г. Завадовскому, что Ее И. В-во не соизволит терпеть, если только услышит, что кто-нибудь покусится причинять хотя малое его св-сти оскорбление, особливо же рекомендовано дать знать о сем гг. графам Шувалову и Воронцову.

За два дня до получения здесь известия о взятии в Цареграде г. Булгакова под стражу, писал граф Александр Андреевич (Безбородко) в Гатчину к великому князю письмо, в коем Р. S. написаны были следующего содержания мысли: «сходственно с принятыми мною мерами, нельзя ни под каким видом ожидать с турками войны». Великий князь проговорить изволил после объявления войны: «Видно, граф не твердо знает положение дел, и, кажется, что он много берет на себя лишнего». В иностранной же коллегии говорят: «Дай Бог теперь счастье князю, если бы не он, то бы не было войны». Это, кажется, плоды отзыва Р. S.

17 сентября поднесены были Ее И. В-ву руками гр. Александра Андреевича (Безбородко) три записки о чиновниках, аттестованных к получению крестов Володимирского ордена гг. Завадовским и графами Шуваловым и Воронцовым. Государыня, просмотрев оные, изволила отозваться тако: «Я не знаю, на что меня беспокоят рекомендациями о таких людях, которых я не знаю. На это учреждена дума, которая должна свидетельствовать достоинства и отличности рекомендованных. Для чего же не подают в думу и хотят, чтоб я делала все то, что они хотят; да и мо-

жет ли быть, чтоб все эти люди, которых сии господа вздумали рекомендовать, были все отличившиеся чиновники?»

Итак, всем аттестованным помянутыми господами в крестах отказано. Узнав о сем, г. Завадовский пролежал два дни в постели, гр. Шувалов был вне ума, а гр. Воронцов умел скрыть свою досаду. В числе рекомендованных был и И. Н. Рубан, к получению креста 3-й степени аттестованный.

13-го было в думе собрание, в котором не был ни один из трех помянутых господ; гр. Александр Андреевич (Безбородко) играл тут ролю главного кавалера, дав знать о себе, что государыня поручить изволила ему учинить выбор кресты носить достойным. Многим отказано, в том числе и нашим коллежским штаб-офицерам, из коих и остальная часть к получению крестов представлена была; однако же многим графом кресты и назначены были. Поднеся список государыне, и тут не показал граф своего могущества, ибо едва десятую часть из выбора его крестами удостоили. Намерение Ее И. В-ва, чтоб отказом в крестах посбить спесь известным людям.

Знал я (все это) за несколько дней прежде графа, ибо Александр Матвеевич (Мамонов) удостоил меня сообщением мне оного. Чтоб скрыть сию с графом случившуюся досаду, г. Рубан рассказывает в городе тако: «Многим старанием графа Александра Андреевича (Безбородко), отказано в крестах для того, чтобы дать светлейшему князю знать, что кресты не так дешевы, как он думает. Он, откланявшись государыне в Харькове, уверял всех екатеринославских чинов, что у него и канцеляристы кресты носить будут».

Доложась Александру Матвеевичу (Мамонову), что я беспокоюсь, чтоб его светлость не огорчился переменою для его курьеров тракта, сказал он мне: «Хотите ли, я доложу о сем государыне? Я вас уверяю, что князь в мыслях государыни в таком положении, что никто не дерзнет сделать что-нибудь

вопреки ему». Хотя я его превосходительство и просил, чтоб он докладом о сем государыню не утруждал, однако же он сказывал Ее И. В-ву, что я переменою тракта беспокоюсь. Государыня изволила отозваться: «Скажи Гарновскому, что я Московской тракт назначила для князя для того, чтоб иметь ему удобнейшую корреспонденцию с комиссариатом. Пусть он не беспокоится, я позволяю, впрочем, ему пользоваться трактом, каким ему заблагорассудится».

Александр Матвеевич (Мамонов) приказал мне написать к вам еще следующее: «Пожалуйте, попросите Василия Степановича от меня, чтоб он писал ко мне обстоятельнее и чаще обо всем, что там происходит. Я буду письмо его читать государыне, что Ее И. В-ву будет приятно. Князя нельзя беспокоить, чтобы он писал обстоятельно и подробно, ему есть и без сего хлопот много, а Василий Степанович пусть пишет, дабы государыня, не получая через долгое время известия, не беспокоилась».

Я из сего примечаю, что его прев-ству хочется получать прежде всех ваши известия, да и нельзя ему сего не хотеть, когда его ведут на такой ноге, что никаких дел пред ним не скрывают.

В ожидании от вас известий, государыня до 19-го числа не весьма тревожилась, но с 19-го начала крайне беспокоиться, а особливо 22-го числа была весьма невесела. Вопросали многих, что бы тому за причина была, что нет известий, в том числе и графиню Катерину Васильевну (Скавронскую). Между тем в городе начали врать, что турки корпус Александра Николаевича (Самойлова) разбили и Кинбурн сожгли. Вы не поверите, сколько Ее И. В-во изволила тревожиться, как о состоянии дел ваших, так и о здоровье его светлости.

Четвертого дня приехал сюда князя Николая Васильевича (Репнина) адъютант с письмом к Ее И. В-ву, коим князь Репнин просил ее величество, чтоб его определить в армии в такую команду, куда госу-

дарыне заблагорассудится. По приезде Малиновского, государыня не престала быть невесела: болезнь его св-сти причиняет теперь беспокойствие ее величеству. Князя Александра Алексеевича (Вяземского) ожидают со дня на день.

20-го числа пожалованы анненские ленты гг. Высоцкому, Рахманову и Апраксину; к Апраксину отправлена она с нарочным от Александра Матвеевича (Мамонова) курьером.

Александр Матвеевич приказал также Рибопьеру написать к Апраксину письмо: не желает ли сей купить у Александра Матвеевича бриллиантовые сего ордена знаки.

22-го хотели г. Кушелева пожаловать гвардии в майоры, но не знаю, почему сие осталось.

Государыня, получа ваш о рекрутах отзыв, более дать не соглашается, как вдобавок к прежним и еще с пятисот душ по два человека.

Отправлено к его св-сти из полков пехотных, как вам уже известно, 6000 человек. Худо или хорошо сие его св-стью принято будет, не моя это инвенция, ниже графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина). Двору (Екатерине) это угодно было. Назначив первым нарядом небольшой набор, хотели отрядом старых солдат дополнить в войсках его св-сти недостаток. Что же касается до меня, то я твердил, что и здешнюю дивизию надлежит содержать в комплекте. В течение прошедшие с турками войны, хозяйствуя рекрутами, заменяли оных бывшими в Сибири и Оренбурге войсками, отчего, как известно, родилось великое зло (т. е. пугачевщина).

Не получая через долгое время от вас известий, приказано мне было сделать подобную той ведомости, которую я к вам представил, и на войска его св-сти. Слава Богу, теперь получены и ваши. Граф Александр Андреевич (Безбородко) сказал мне:

— Будем держаться тех, где более требуется денег.

Г. Рибопьер завтрашнего дня изволит отправиться.

Октябрь. Двор (Екатерина), желая еще в прошлом году очистить капралу Зайцеву вахмистрское, в Кавалергардском корпусе, место, предполагал одного корпуса капралов Ломана и Исаева отставить; но неумеренность просимого ими при отставке награждения произвела в решении дела сего остановку. Александр Матвеевич (Мамонов), убеждаем будучи между тем неотступною их просьбою, возобновил на прошедшей неделе дело их при дворе, с тем, чтоб их отставили с выгодами, хотя не с такими, каковых они просили. Сие, после некоторых разговоров, подало повод к следующему происшествию:

Д. Я отдам дело сие гр. Александру Андреевичу (Безбородко), чтоб он выправился, как подобные им награждались.

М. Как? Кому?— Только и людей на свете. Я вам сказывал уже сто раз и теперь подтверждаю, что я с Безбородкою не только никакого дела иметь, но и говорить не хочу. Нет смешнее, как отдавать человеку дела, рассмотрению его не принадлежащие. Не угодно ли вам, надев на него шишак и нарядив в кавалергардское платье, пожаловать его шефом сего корпуса? Очень кстати. Однако же и в то время я ему кланяться не намерен.— Я знаю, кто я таков, а он — такой-сякой и проч.* Я лучше пойду в отставку.

Д. Ну, ну!.. На что же сердиться. Я Храповицкому отдам, или ты сам отдай кому хочешь.

М. И. Храповицкому неприлично входить в дела ведомства военного начальства.

Сей спор кончился тотчас миром. Два дня спустя вздумалось Александру Матвеевичу (Мамонову) взять прошения помянутых кавалергардов назад; но как он не нашел их на том столе, на котором они лежали, то спросил:

М. Куда бумаги мои девались?

---

* Разные ругательства. Примеч. М. Г.

Д. Я думаю, что гр. Безбородко прибрал их с прочими бумагами. Скажи, пожалуй, что тебе граф сделал и для чего же не отдавать справедливости достоинству его и заслугам?

М. Хотел я наплевать на его достоинства, на его самого и на всю его злодейскую шайку.

Я стыжусь описать все ругательства, насчет графской и партии его произнесенные. Словом сказать, жестокая была ссора. Двор принужден был, наконец, присвоить графу имя без — — , бумаги о кавалергардах тотчас от него отобрать и целую ночь проплакать.

Примирение, о коем двор весьма сильно старался, насилу воспоследовало, после ссоры три дня спустя. Видно, хотя любовь и имеет свое могущество, но доверенность к триумвирату не совсем еще погибла; однако же триумвират уступает могуществу и уступит совершенно, если только надобно будет. Не избрал бы Александр Матвеевич (Мамонов) сам какого-нибудь нового докладчика, если таковой не будет избран его св-ию; нельзя кажется, не общипав триумвирату перья, надеяться на успехи в делах, особливо же грядущих. Лета источникивы, умножаясь, умножают купно и слабости его, следовательно, и доверенность к изобилующему хитростями триумвирату умножится со временем. Итак, не нужно ли, пользуясь настоящим случаем, каковых в течение десяти лет не бывало, всему грядущему злу предупредить? Что же касается до могущества любви, то оное, как опыты доказывают, не быв долговечно, не может быть опасно; следствие оно, в случае нужды, потребует само по себе перемены. Впрочем, предаю сие воле начальства, коему, как вам известно, я привык слепо повиноваться.

Касательно его св-сти Двор (Екатерина) отзывается тако: «Честь моя и собственная княжая требует, чтоб он не удалялся в нынешнем году из армии, не сделав какого-нибудь славного дела,— хотя б Очаков взяли. Бог знает, от чего он унывает, и почти

печальные письма пишет. Должно мне теперь весь свет удостоверить, что я, имея к князю неограниченную во всех делах доверенность, в выборе моем не ошиблась».

Совет: «Мы знали, что князь погорячился, дав флоту повеление выступить в море в такое время, которое к выходу судов совсем неспособно».

Я против сего возразил в пристойном месте, что начальствующий флотом имел свои намерения, которых, сидя здесь, предвидеть нельзя. К сему присовокупил я, что разбить флот турецкой, не дав оному соединиться с флотом капитан-паши, и облегчить через то осаду Очакова, было бы весьма хорошее дело, если б ветры тому не воспрепятствовали. Спасибо гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину). Сей за светлейшего князя идет грудью: «Дай Бог, чтобы князь завладел Очаковым, хотя с потеряннем десяти тысяч людей». Граф приуготовляет дух в совете к таковой потере людей для того, что в письме вашем к гр. Александру Андреевичу (Безбородко) изображено между прочим: «Меллер отправится в Херсон, чтоб приуготовлять артиллерию к осаде очаковской».

Уста, глаголющие устами рейс-ефендия (Безбородко): «Можно ли, чтоб государыня решилась когда-нибудь свою и купно государственную архиву оставить? Князь держится одними интригами, а граф — умом и трудами; граф (Безбородко) никогда доверенности не лишится».

Публика верхнего парламента:

— Князя вызывают сюда, а начальство над армиею хотят поручить гр. Румянцеву. Бог знает, на что князь против неприятеля малые партии отряжает. Правда ли, что Самойлова и Энгельгардта с их войском разбили? Говорят также, что сын И. И. Меллера убит.

Публика нижнего парламента:

— Самойлова и Энгельгардта с их войском разбили.

Двор (Екатерина) с частью (Павел), в Гатчине проживающею, опять в несогласии.

Душинкевич приехал сюда октября 2-го дня, в 1-м часу пополуночи. Наперед явился я с ним к гр. Александру Андреевичу (Безбородко); сей, страдая зубною болезнью, лежал в постели и, прочтя ваше письмо, сказал мне: «Может быть, есть письмо к Александру Матвеевичу (Мамонову), пожалуйста, отдайте мое письмо (ваше) и реляцию для поднесения государыне ему же; принесите мне на оные ответ». Александр Матвеевич, прочтя все бумаги, отослал их тотчас к государыне.

В 11-м часу поутру приехал и курьер Баранцов, через коего полученные депеши поднесены Ее И. В-ву Александром Матвеевичем. Пришед к Александру Матвеевичу в два часа после обеда, имел я с ним следующий разговор:

М. Да дадут ли починиться нашему флоту?

Г. Он стоит в безопасном месте.

М. Может быть, турки покусятся войти в гавань Севастопольскую?

Г. Найдут в предприятии таковом много препон.

М. Что делается около Кинбурна? Государыня желает знать.

Г. Судно, под начальством Ломбарда, творит чудеса.

М. Право?

Г. Точно так, и ваше пр-ство можете удостовериться от курьера, который сам был в Кинбурне.

М. Да что же оное судно вновь сделало?

Г. Разъезжая по проливу, содержит все турецкие суда в респекте, сражается с оными и с батареями очаковскими поминутно, и всегда с успехом возвращается к берегам кинбурнским.

М. Государыня рада будет слышать эти вести.

После сего говорил Александр Матвеевич (Мамонов) и сам с курьером, г. Душинкевичем.

Граф Безбородко, Воронцов и гг. Завадовский, Маврин, Судиенко и Петр Степанович (Валуев) обедают весьма часто вместе. Третьего дня обедали они у г. Лазарева, а сегодня у преосвященного Гавриила. Петр Степанович просил меня: «Пожалуйте, напишите, что, в день рождения его св-сти, митрополит с духовенством отправляли за здравие его св-сти молебен, и я там был». Петру Степановичу (Валуеву) крайне хочется, чтоб его разумели иначе, нежели каков он есть. Il n'est pas si bête comme il en a la mine.

Третьего дня гг. Глебов и Рубан привезли г-жу Грекову в театр на пробу; хотелось им посмотреть пробы, но г. Стрекалов, к немалому их удивлению, велел им из театра удалиться.

Александр Матвеевич (Мамонов) крайне любит собственные свои дела. Прочтя бумаги о несчастии, с флотом случившемся, тотчас спросил меня: «Не пишет ли к вам Василий Степанович о бумагах дубровецких?» Уведомив его, что о присылке оных дано г. Пузину повеление, сказал он мне: «Итак, я скоро их получу».

Графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) от простуды не очень здорова и потому сей раз писать не изволит.

Октябрь*. Граф Александр Андреевич (Безбородко), быв в то время болен, когда здесь получены были неприятные о Черноморском флоте известия, поручил мне тогда реляцию о сем, и письмо ваше представить, для поднесения государыне, Александру Матвеевичу (Мамонову). С тех пор все полученные от его св-сти (кн. Потемкина) реляции приказывал уже граф (Безбородко) отдавать Александру Матвеевичу, что случилось и с депешами, г. Бауером 15-го сего месяца сюда привезенными.

Я и г. Бауер ужинали того числа у Александра Матвеевича, который пред ужином объявил в шутку

* См. «Русскую старину» изд 1876, т. XV, с. 9—38, 237—265.

нам и прочим к ужину приглашенным, о коих подноситель сего донести вам не преминет:

— Кажется, собрались мы здесь все такие люди, которые не желают добра шефу Екатеринославской армии.

Заужиною только и разговаривали о славной победе под Кинбурном, над турками приобретенной. После ужины же сказал Александр Матвеевич:

— Я вам покажу план, из которого вы усмотрите, что впору бы было и покойному королю Фридриху сделать такое распоряжение, каковое турками сделано было при десанте и атаке Кинбурна. Некто из генералов, рассуждая о сем вверху, начал было кое-какие примечания делать, однако же я оному напрямик сказал: иное судить о делах, сидя в горнице, а иное производить оные на поле.

— Как государыня, довольна?

— Чрезвычайно. Да, полно, и есть чему порадоваться; по крайней мере люди, любящие отечество свое и князя Григория Александровича (Потемкина), должны радоваться сему.

16-го числа (октября) государыня изволила рассказывать всем, кто только ни был у Ее И. В-ва, историю сражения, под Кинбурном случившегося.

17-го числа велено было собраться поутру во дворец всем обоего пола знатым особам и чужестранным министрам. Обедню слушали государыня, великий князь, великие князья, молодые принцы, знатные особы, чужестранные министры и множество прочих чиновников, в церкви и в комнате пред оною теснившихся. После обедни читал гр. Александр Андреевич (Безбородко) реляцию, по окончании которой все бывшие в церкви поклонились Ее И. В-ву, ознаменовав, таким образом, принесенное ими с победою поздравление. Засим следовал непосредственно благодарственный Богу молебен, отправленный знатнейшим духовенством, при конце коего произвели с обеих здешних крепостей пушечную пальбу. Коленопре-

клонение соблюдено было всеми в церкви бывшими, не исключая и чужестранных министров. Между тем производилось молебствие и в Казанской церкви, где читал реляцию г. губернатор, который, по требованию народа, в церкви и на месте, оградю оную окружающим,— теснившегося, принужден был повторить оную четырехкратно. Народ изъявлял радость свою льющимися слезами, произнесением похвальных слов воинам нашим и вопросами о числе преданных смерти турок. Как в реляции написано, что из 5000 турок едва до 500 человек спаслося, то для некоторых... непонятно было, сколько турок убито.

Александрю Васильевичу (Суворову), кроме отправленного теперь собственноручного Ее И. В-ва письма, которое имел я честь читать в оригинале и запечатать под открытою печатью, другого награждения, без совета его св-сти, государыня не восхотела сделать.

— Если послать ему андреевскую ленту, то считать себе будут за обиду старшие пред ним.

Дадут, однако же, знак сего ордена, если это его св-сти угодно будет. Нельзя, кажется, уважать старшинства там, где требуют возмездия заслуги.

Г-ну Реху пожалован крест третьего класса, и еще отправлено к вам 6 крестиков, которых раздачу Ее И. В-во предоставить соизволила его св-сти; о прочих награждениях донесет вам податель сего, которому также пожалована бриллиантами осыпанная табакерка и 500 червонцев*.

Октябрь. Государыня не престаёт провозносить хвалами славные победы, мужеством войск наших при Кинбурне над турками приобретенные. В знак всевысочайшего благоволения ее к отличившимся в оном сражении препровождается при сем коробочка с собственноручною, на имя его св-сти, Ее И. В-ва надписью, в коей находятся ленты для чинов, кото-

* Вверху этого письма помечено время получения: «23 октября 1787 г.».

рым пожалованы отправленные пред сим с г. Бауером знаки. Сии с великим трудом приисканные в городе попечением Ее И. В-ва ленты уложены в коробочку собственными же ее руками. Вот как награждаются воины, под предводительством его св-сти находящиеся. Нельзя при сем случае не сказать спасибо и Александру Матвеевичу (Мамонову).

На сих днях пошлется к императору (римскому) ведомость о числе войск наших, против агарян ополчившихся. Император скучает, не получая от его св-сти будто бы никаких известий о движении войск наших, а притом же хотелось бы ему, чтоб мы, соскучив турецкими нападениями, обратили таковые на их владения.

Начальство над почтами, способствуясь подчиненными своими и другими случаями, получает иногда ведомости о течении дел в ваших краях прежде, нежели приезжают с известием об оных курьеры наши. Вчера приехал сюда из Тавриды почтальон, который привез известие о поражении закубанских татар. Рейс-ефенди (Безбородко) тотчас возвестил весть сию Ее И. В-ву.

Таковыми побочными предварительными донесениями уменьшают при дворе ту радость, которую бы двор, при нечаянном получении обстоятельного от его св-сти о победе известия, неминуемо почувствовал. Александр Матвеевич (Мамонов) заприметил мне сию статью.

Г-н Драшковский не успел сюда приехать, как весь город о приезде его узнал. Г. Завадовский, услыша о сем, проговорил: «Конечно, привез известие о взятии Очакова».

Во всю прошедшую войну (не миниховскую) мы Очаковом завладеть или не умели, или не хотели; и я не понимаю, почему г. Завадовский взятие Очакова почитает не затруднительным делом? От излишнего ли к его св-сти усердия, или... предаю сие на рассмотрение ваше.

Вышедшая недавно из Цареграда на Черное море эскадра турецкая имела подобное нашему флоту несчастье. Известия сии получены из Вены.

Уведомляют рейс-ефендия (гр. Безбородко), что число потерянным нами при Кинбурне людей несравненно превосходнее того, которое в реляции показано. Не рассудите ли за благо употребить способ к прекращению таковых переписок.

На прошедшей неделе Александр Матвеевич (Мамонов) говорил весьма много о его св-сти за обедом у Ее И. В-ва и утверждал, что никто в свете не может быть преданнее Ее В-ву, как его светлость (кн. Потемкин); потом предложил пить за здоровье его св-сти. Государыня, приняв оное с отличным благоволением и взяв с вином рюмку в руки, соизволила проговорить:

— Да здравствуют предводители обеих армий!

Сему примеру последовали все бывшие за столом господа. Но как дошло дело до Александра Матвеевича, то сей проговорил: «Да здравствует предводитель Екатеринославской армии!»

Третьего дня отправлено к графу Петру Александровичу (Румянцеву) серебряною монетою двести тысяч рублей.

Их и. высочества изволят иметь пребывание в Гатчине до 20-го числа будущего ноября.

Октября 23-го. Для курьеров, от его св-сти сюда присылаемых, равномерно и отсель к его св-сти отправляемых, поставлены лошади по Московскому тракту. Объясняясь о сем, сказали мне:

— Ведь нельзя, по случаю больших разгонов из обеих армий, ездить по одному тракту, а мы привыкли уже посылать к гр. Петру Александровичу (Румянцеву) по Белорусскому тракту.

Я, против сего, к его св-сти холодного, а к графу (Румянцеву) излишним мне показавшегося усердия, ничего более не возразил, как только сказал:

— Да и его св-сть (кн. Потемкин), желая скорее доставлять ко двору известия, оному нужные, изволит присылать сюда курьеров своих ближайшим трактом, т. е. через Белоруссию.

Рекрутский набор увеличится, сколь скоро угодно будет его св-сти. Между тем велено укомплектовать войска его св-сти и рекрутами, и старыми солдатами, как вы из подносимого при сем сообщения коллежского и прописанного в оном именного указа усмотреть изволите.

Двор (Екатерина) ожидает известий об успехах нашего флота. Повеление, данное оному от его св-сти сразиться с неприятельским во что бы то ни стало, рождает некоторую, в ожидании известий, нетерпеливость. Уповают, что таковые будут громки и подспеют сюда к торжеству 22 сентября (т. е. ко дню коронации).

Министр французский, при здешнем дворе пребывающий, старается, как слышно, внушить здешнему министерству, чтоб, не начиная войны, вступить с турками в новые переговоры. Некоторые думают, что французы миролюбивые статьи для того только предлагают, чтоб дать время туркам поисправиться. Многие твердят, что мы, взяв Очаков, войны продолжать не будем.

Его и. высочество, великий князь, хотя и предполагал, в сходствие данного ему позволения, отправиться в армию весною, но теперь, в угодность ее высочеству, сделал представление государыне, что он с великою княгинею расстаться не может; думают, что государыня позволит и ее высочеству ехать в Киев*.

Отпуски сумм, производившиеся на разные строения, в том числе и на дороги, велено впредь до указа остановить.

---

* См. об этом в исторических материалах, извлеченных из библиотеки дворца города Павловска, напечатанных в «Русской старине», изд. 1873 г., т. VIII, с. 860—865. *Ред.*

Третьего дня отправлен к гр. Алексею Григорьевичу (Орлову-Чесменскому), с письмом от графа Александра Андреевича (Безбородко), нарочный курьер. Сие подало повод публике думать, что гр. Чесменского приглашают и паки к командованию флотом; осведомясь ближе о сем, не мог я узнать, с чем курьер отправлен, однако же знаю, что не с инвитом.

Князю Александру Алексеевичу (Вяземскому) велено быть сюда. Манифест объявлен народу обыкновенным образом, то есть на улицах, при барабанном бое, вчерашнего числа, а сегодня было молебствие, при котором случае государыня изволила в церкви прослезиться.

Нет удобнее времени к набору рекрут, как теперешнее; духи расположены теперь к сему. Читая манифест, говорят: «видно и еще не миновать рекрутского набора».

На сих днях спорил я с известным вам человеком (Безбородко?) о манифесте.

«Манифест написан чрезвычайно и бесподобно хорошо», — сказал он. А я доказывал, что в нем есть ошибки даже в словах, например, в речи: «увенчать коварство наглостью» — слово увенчать употреблено некстати; 2-е: «затеи не суть дела, а дела не затеи». Сие ему крайне не понравилось. «Можно ли, да знаете ли вы, что это Петр Васильевич (Завадовский) писал?» — сказал он. Он почитает Петра Васильевича красноречивее Златоуста, а дерзнувшего противоречить сему признает достойным предану быть смерти.

Октября 15-го числа Александр Матвеевич (Мамонов) имел со мною, после ужина, наедине следующий разговор:

М.— После разбития бурею Черноморского флота, писал князь к графу Петру Александровичу (Румянцеву) отчаянное письмо, с которого граф прислал к Завадовскому копию. Сей прочел оную мне, а я, желая предупредить прочих докладчиков, пересказал содержание оного государыне. Напрасно князь

пишет чувствительность свою изображающие письма к таким людям, которые не только цены великости духа его не знают, но и злодействуют его светлости. Любя его светлость, как родного отца и благодетеля моего, желал бы я, с одной стороны, предостеречь его удержаться от такой вредной для него переписки, служащей забавою злодеям его; с другой же стороны, не хотелось бы мне, при теперешнем дел положении, ссорить его св-сть с графом, а тем менее огорчать и тревожить князя. Зная вашу преданность к его св-сти, вам сие открываю. Напишите к Василию Степановичу (Попову) и донесение вестей сих его св-сти отдайте на волю Василию Степановичу. Или нет, не пишите ничего; не надобно князя тревожить.

Г.— Кажется, надобно написать, чтоб предостеречь его св-сть. Я думаю, что Завадовский не преминул снабдить копиями своих союзников. Да и вам не без намерения он показывал.

М.— Это правда, что Завадовский предан графу (Румянцеву) и ведет с ним переписку; я это знаю. Однако же Завадовский справедливый человек и честнее всех союзников своих; одного я боюсь, чтоб его св-сть преждевременно сюда не приехал. Вот будут тогда злодеи иметь повод к разным толкам. Государыня, любя его и почитая честь его нераздельно со своею сопряженною, крайне сего боится; знаете ли, государыня уверяла меня, что князь, по получении позволения быть сюда, тотчас сюда будет, и хотела со мною об заклад биться, а я уверял, что князь, не устроив тамошних дел, не будет. Слава Богу, что сталося по-моему. Как государыня этому рада! Да и зачем князь был бы, не сделав какого-нибудь славного дела?

Г.— Расстроенное его св-сти здоровье требует перемены климата; а может быть, и состояние теперешних политических дел в Европе требует здесь присутствия его. Впрочем, наступает время вступления войск в зимние квартиры, что там зимою делать?

М.— Правда, зимою можно приехать, но не теперь. Если приедет теперь, то много себе повредит; князю некого здесь опасаться. Доколе я буду то, что теперь есмь, никто противу князя (Потемкина) ничего не посмеет; я вам честью клянуся в сем! Сначала господа новые советники затеяли было кое-что, но скоро им рот зажали; пусть князь ни о чем не тревожится. Что же касается до политических дел в Европе, то я оные читаю: с этой стороны также нечего опасаться. Дай Бог князю только здоровья, станет его не на одни турецкие дела, только б не поспешил сюда приездом.

17 октября, Александр Матвеевич (Мамонов) сказал мне опять наедине:

«Сегодня Завадовский сказал мне: из Вены получено известие, что не явившийся в Севастопольскую гавань Черноморского флота корабль приведен со всем экипажем в Цареград. Как завтра хотели докладывать о сем Ее И. В-ву, то я уже сегодня предупредил государыню, которая не встревожилась сим известием, а опасается только, чтоб князь, узнав об оном, не запечалился. Бога ради, напишите к Василию Степановичу (Попову), чтоб он князю возвестил весть сию как можно осторожнее, а особливо уверили бы его св-сть, что государыня не беспокоится этим».

Приехавший сегодня из Вены курьер привез к принцу де Линю повеление находиться при нашей армии корреспондентом с императором римским. По содержанию повеления сего принц де Линь послезавтра к вам отправится.

В городе все кричат, что князь Репнин послан его светлости на смену. Канальские слухи таковые происходят верно от господ союзников.

Все кричат о взятии Очакова, не ведая, что, может быть, предлежат предприятию сего непредвидимые здесь препятствия.

Учинив вам донесение о разговоре, 15-го числа случившемся, не опасаясь я теперь, чтоб вы меня побранили за поданную от коллегии последнюю за-

писку, с коей имел я честь препроводить к вам пред сим копию.

Я имел честь печатать все письма, от Ее И. В-ва к его светлости с подписателем сего отправленные*.

(*Конец октября 1787 г.*) Граф докладчик (Безбородко) бывает теперь весьма редко у государыни и старается притом бывать только тогда, когда Александр Матвеевич (Мамонов) не бывает. Если же случится Александру Матвеевичу прийти к государыне в такое время, когда граф докладывает, то граф, тревожась присутствием его прев-ства, всегда уходит. Недавно случилось следующее происшествие: граф (Безбородко), пришед к государыне в такое время после обеда, когда Александр Матвеевич бывает обыкновенно дома, велел доложить о себе. Взошед потом к Ее И. В-ву, где застал Александра Матвеевича, пришел он в такую робость, что на чтение дел, о которых он хотел докладывать Ее И. В-ву, и голосу не стало. Извиняясь болью в горле, просил он государыню, чтоб Ее И. В-во изволила прочесть сама принесенные им бумаги, которые он оставя у Ее И. В-ва, возвратился восвояси.

Государыня, прочтя его св-сти письмо о перемещении Штакельберга в Париж и проч., огорчена была до крайности. Много стоило Александру Матвеевичу труда успокоить по сей части Ее И. В-во, хотя, впрочем, и Александр Матвеевич досадовал, что ему ничего о сем знать не было дано. Нет ни малейшей надежды, чтоб государыня на перевод Штакельберга изволила согласиться, а особливо на помещение на место его Павла Сергеевича (Потемкина), Михаила Никитича (Кречетникова), яко людей, которых государыня не жалует.

В Преображенском полку находился по милости, как сказывают, г-на Арбузова, из каторжных — сержант, в армию в нынешнем году поручиком выпу-

---

* Помета времени получения сего письма В. С. Поповым: «27 октября 1787 г.».

щенный или отставленный от службы. Дело сие вышло наружу старанием Правительствующего сената. С каторжного велено снять чины; Арбузов же, который находится теперь в отпуску, требуется к ответу. Недавно Преображенского полку унтер-офицеры ободрали в эрмитаже ложу. Сие подало повод к изданию указа, чтоб впредь из разночинцев в гвардии унтер-офицеры не производить; ныне же из разночинцев, унтер-офицерами в гвардии служащих, выпускать в армию теми же чинами и поступать с ними, касательно производства их, на основании полковничей инструкции.

В конной гвардии появились унтер-офицеры, упражнявшиеся в деле фальшивых ассигнаций (Панкратий Сумароков, Куницын и проч.).

Я имел честь доложить вам, что три раза кряду реляции от его св-сти к государыне были поднесены Ее И. В-ву Александром Матвеевичем (Мамоновым), а его прев-ву же доставлялись по повелению графа Александра Андреевича (Безбородко). Реляции, которые привезены были г-ном Драшковским, поднесены были графом, за что Александр Матвеевич учинил выговор как мне, так и Драшковскому. Я нашел теперь способ доставлять Ее И. В-ву реляции руками его прев-ства Александра Матвеевича, не раздражая графа. Не знаю, однако же, всегда ли это сделать удастся; бывает такое время, в которое граф охотнее сидит дома, нежели ко двору ездит и именно после обеда; в сие время граф сам приказывает отдавать реляции Александру Матвеевичу.

Г-н Сегюр крайне заботится в ожидании Нассауского принца.

Вчера сказал мне Александр Матвеевич (Мамонов):

— Я рад, что князь теперь стал повеселее, если б он знал, сколько стоило мне это труда!

5 ноября 1787 г. Крайняя ненависть Александра Матвеевича (Мамонова) к графу (Безбородко) и

усильные старания г-на Храповицкого понравиться первому, о чем доходили до меня нередко основательные слухи, заставляли опасаться, чтоб из сего не родилось чего-нибудь. Будучи очевидным свидетелем таковым обстоятельствам, за две тысячи верст от вас отдаленным, неужели не имел я права пожелать вам добра преимущественнее пред прочими? Одна минута строит и расстраивает. Вот причина, побудившая меня поступить на тот шаг, за который вы гневаться изволите. Я уверен, что Александр Матвеевич вас любит; но сорочка ближе кафтана; всякой заботится о себе самом, не помышляя о других, а особливо о находящихся в отсутствии. Впрочем, кроме Ивана Степановича (Рибопьера), поистине усердного вам человека, я ни с кем касательно вас не говорил. Александру Матвеевичу (Мамонову) приятно чтение реляций, но еще приятнее гораздо дела дубровицкие, и так нужны и его прв-ству напоминовения.

К Сергею Лаврентьевичу (Львову) послал я нарочного в Старую Руссу; касательно же г-на Хорвата, то сей из банка денег не получил; да, за неимением оных в банке, и не получит. Он старается занять деньги у г-на Сутерланда, при котором случае, вскоре впоследствии имеющем, не упущу я взыскать принадлежащие вам 4200 руб.

Александр Матвеевич, желая всеусильно присокупить к Дубровицкому имению лес, купленный у князей Черкасских за 4500 руб., приказал мне написать к вам тако: «Пожалуйте, напишите к Василию Степановичу (Попову) и попросите его, чтоб он то, о чем я его в письме моем прошу, исполнил как можно скорее; он меня чувствительно одолжит, а особливо, когда придет, не дожидая другого отправления, с нарочным курьером. Мне кажется, это можно дни в два сделать; пожалуйста, попросите о сем Василия Степановича». Я не понимаю, почему его прев-ство почитает помянутый лес принадлежащим к Дубровицкому имению; да и какая нужда была г-ну Лузину

упомянуть Матвею Васильевичу (отцу Мамонова) о сем лесе. Запись, препровождаемая в письме Александра Матвеевича (Мамонова), писана по повелению Ее И. В-ва г-ном Терским.

У Петра Степановича (Валуева) имеются вотчины Дубровицкой люди, которые из продажи в купчей не исключены. Не прикажете ли, чтоб не иметь новых хлопот, отдать таковых его прев-ству?

Вчера просил я его сият-во князя Александра Алексеевича (Вяземского) о тех, кои от его светлости к повышению чинов в сенат представлены; он обещал исполнить.

(Ноябрь, после 5-го числа) Сергей Лаврентьевич (Львов)⁵⁴, будучи принят при дворе весьма дурно, жаловался о сем со слезами Александру Матвеевичу (Мамонову) и говорил его прв-ству, что весьма бы желалось ему быть в Екатеринославской армии. Его прв-ство почитает сей случай весьма удобным к переводу Ивана Степановича (Рибопьера) в Казанской кирасирской, а Сергея Лаврентьевича в Смоленской драгунской полк.

«Если сей перевод исполнится, то не худо будет, если его светлость уведомит о сем сам государыню, а дабы не возымели подозрения, что тут кроется какая-нибудь интрига, то можно государыне донести, что Ивану Степановичу (Рибопьеру), по иностранству его к нашей службе не привыкшему, приличнее быть в полку, находящемся внутри России, нежели в таком, который находится теперь в походе. Весьма мне приятно будет быть в Казанском кирасирском полку шефом, но надобно, чтоб и о сем его светлость сам писал к государыне, ибо касательно себя никогда я ее ни о чем не прошу. Признаться вам, что почти жить не могу без Ивана Степановича; да и для князя, может быть, лучше бы было, если б Иван Степанович был здесь. Я ни с кем не могу так откровенно говорить, как с ним».

Под каким бы то ни было претекстом и как бы то ни было, непременно нужно Ивану Степановичу (Рибопьеру) быть здесь. Утверждать не могу, но подозреваю, что Александр Матвеевич (Мамонов) с г. Завадовским дружится, по крайней мере бывают у них нередкие секретные конференции. Всякий раз, когда я у его прв-ства бываю, то напоминает он мне, чтоб я, когда услышу, что в городе говорят об нем, что он с Завадовским дружится, сему не верил.

Анна Никитична (Нарышкина) в таком положении, что государыня без нее теперь быть не может. Бог знает, что это значит.

Вчера и третьего дня Ее И. В-во, прогуливаясь по городу в карете, изволила оба раза заезжать к Анне Никитичне, дабы иметь оную сопутницею; однако же у дома Анны Никитичны Ее И. В-во из кареты вставать не изволила.

Некто отставной майор Казаринов и Кочубей весьма собою занимаются и везде публиче себя являют.

Наш посланник в Берлине будет непременно сменен, ибо наш двор поведением его крайне недоволен.

Вчера умер один из первейших графа Петра Александровича (Румянцева) корреспондентов здешних, и именно г-жа генеральша Леонтьева (Екатерина Александровна, сестра гр. Румянцева).

Граф Петр Александрович, чтоб скрыть пред лицом света, что он имеет с г. Завадовским переписку, доставлял к сему письма свои всегда почти под кувертом покойной г-жи Леонтьевой: к Александру же Матвеевичу (Мамонову) доставляет граф письма оной под кувертом г. Завадовского. Сие случилось и третьего дня, по прибытии сюда графского курьера.

Никто столько нас не злословит, как граф Александр Романович (Воронцов). Но как буесловие его не стоит того, чтоб о нем говорить, то донесу только то, на чем он основывает, может быть, свои виды.

«Когда б я был на месте графа Петра Александровича (Румянцева), то дал бы я себя знать князю.

Как это можно требовать, чтобы все повиновалось князю? Графу цена известна. Я бы на месте его просил государыню, чтобы не только армию, но и князя поручили бы мне в команду, а иначе от всего бы отказался. Сами станут после искать. Я не понимаю, зачем нас посадили в Совет, что мы — чучела, что ли? Посадил здесь на корень такого человека, что нельзя ни о чем говорить; все только то хорошо, что делает князь».

Вице-канцлер (гр. Остерман) получил откуда-то достоверное известие, что капитан-паша возымел верх над визирем. Из сего предвозвещают нам скорой мир; о сем слышал я от его пр-ва Александра Матвеевича (Мамонова), которой присовокупил к сему и следующие примечания:

«Авось кончится война в нынешнем году полезным для нас миром; в таком случае ни швед, ни пруссак в своих интригах не успеют».

В Англии касательно судов нам отказано. Государыня крайне сим недовольна. Здешние англичане уверяют, что причиною сему граф Семен Романович (Воронцов), коего будто бы в Англии не терпят. Вчера послали опять курьера в Англию. Не возвратится ли сей с лучшим успехом, чего непременно ожидать надобно, если г-да Воронцовы наиграют тут какие-нибудь интриги.

Граф Петр Александрович (Румянцев-Задунайский) прислал к Михайле Сергеевичу (Потемкину) требование, чтоб снабдить конницу, вверенную предводительству его сия-ва, старого образца палашами, потому что сабли, по его мнению, к употреблению не годятся.

По случаю недостатка в ружьях, заказано делать таковые в Могилеве и в селе Павловском, что в Нижегородской губернии. Бог знает, кто это опрожектировал, и нельзя поверить, что за беспорядок в делах: всякой лезет с докладами.

Дней с шесть назад доложил я его сия-ву гр. Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину): «Что́ бы тому за причина была, что великий князь не изволит никогда в публичных собраниях говорить с теми, кто принадлежит его светлости. Неужели его и. в. подозревает, что его св-сть причиною тому, что его в-ство в армию не пустили? Если это так, то я уверяю, ваше сиятельство, что его св-сть не только ожидал его и. в. с великим удовольствием, но и об отпуске его и. в. в армию просил государыню.

Граф Валентин Платонович ответствовал мне:

«Пред великим князем и небо, и земля теперь виноваты. Он сердится на всех. Я знал, что его св-сть с удовольствием его ожидал, и государыне о сем писал, да и я говорил е. и. в-ву неоднократно и впредь повторять не премину. Теперь он и на меня сердит; он думает, что я знал, что его не пустят. Что-то будет летом. Я думаю, что и тогда его не пустят... Но переделается рожь, все будет мука!»

Оба письма государыни к его св-сти печатал я; сие случилось уже не первой раз. Я думаю, что его пр-во для того заставляет меня их печатать, чтоб я вас уведомил, видевши их у него незапечатанными и, следовательно, ему известными.

(Конец ноября 1787 г.) Князь Александр Алексеевич (Вяземский) поднимается. Недавно сделал он общему господ сенаторов собранию выговор: «С приезда моего сюда, приезжаю я в сенат всегда в девять часов пополуночи, но господа сенаторы съезжаются не прежде как в двенадцатом часу. Когда прикажете дела слушать? Все дела остановились. Я прошу господ сенаторов наблюдать, законами, для съездов в присутственные места, предписанное время». Тогда были в собрании между прочими: граф Алексей Романович (Воронцов) и Петр Васильевич (Завадовский). Никто, однако же, генерал-прокурору не противоречил.

Князь Александр Алексеевич усиленно старается должность,— докладывать Ее И. В-ву по делам се-

натским,— присвоить по-прежнему себе. Бог знает, удастся ли ему достигнуть до желания сего. Между тем государыня изволила проговорить графу Алексею Андреевичу (Безбородко):

— Жалуются, что сенатские доклады выходят весьма медлительно.

На сие граф отвечал: «Я никогда к вам не вхожу и не выхожу от вас без дел, государыня. От вас зависит оные слушать».

Многим в городе стало уже приметно, что граф слабеет.

20-го сего месяца имел я с графом Алексеем Андреевичем следующий разговор:

Гр.— Государыня желает знать, послана ли из коллегии грамота на Дон о посылке донских казаков в команду графа Петра Александровича (Румянцева)?

О.— Донские казаки состоят в команде его светлости (Потемкина). Коллегия не имеет права иметь с ними непосредственную переписку. К графу Петру Александровичу наряжено четыре донских полка, коих для него, кажется, на первой случай довольно. Впрочем, все казаки находятся теперь в поголовном походе, и если графу Петру Александровичу потребно оных более четырех полков, то о сем надлежит отнестись к его светлости.

Гр.— Правда ли, что корабль «Слава Екатерины»* был разбит бурей, попался в устье Дуная в руки запорожцам, а граф Войнович насилу успел спастись на лодке? Не пишут ли к вам чего-нибудь о сем?

О.— О погибших во время штурма судах его светлость уведомлял, посторонние о сем слухи и доносы ложны. Посудите сами, ваше сиятельство, была ли хотя малейшая возможность переправиться на лодке в октябре месяце от устья Дуная в Севастопольскую гавань, где Войнович ныне пребывание свое имеет?

Гр.— Я и сам думал, что эти вести ложны.

---

* 66-пушечный корабль, заложен 26 мая 1779 г. в Херсоне. Спущен 16 сентября 1783 г. С 1788 г. назван «Преображение Господне». Л.

После сего объяснился я о рапорте графа Петра Александровича (Румянцева), доложив между прочим: «Граф Петр Александрович не весьма прежде жаловал рогатки; да и спрашивать об оных и об мостах значит то же, что, содержа крепость в осаде, вопрошать, позволено ли будет, для сбережения людей от выстрелов пушечных, делать рвы и окопы».

Господин Вейдемейер сказывал мне, что в совете читаны следующие вести. Корабль «Слава Екатерины», во время бывшего штурма, попался в руки запорожцам, Войнович полонен и отослан в Цареград. Совет поставляет Тизделю в великую неосторожность, что он не побросал в море имевшихся у него на корабле секретной композиции ядра; начали таковые же и в Цареграде делать. Кинбурн взят турками, а Тамань абазинцами». В городе врут еще хуже сего, но государыня изволит всему сему смеяться.

Недавно государыня изволила спросить пришедших к Ее И. В-ву на поклон:

— Что в городе нового слышно?

На сие ответствовано: «Говорят, что граф Алексей Григорьевич (Орлов-Чесменский) скоро сюда будет».

— Да! Слышно, что он и флотом в Архипелаге командовать будет,— изволила сказать государыня.

В совете мозголомствовали с лишком три недели над помянутым рапортом графа Петра Александровича (Румянцева), в копии пред сим от меня к вам отправленным. Голоса были разные. Узнав о сем, возымел я смелость доложить графу Александру Андреевичу, что дела в украинской армии не в таком беспорядке, как его сиятельство доносить об них изволит, и что представление его без всякого затруднения разрешить можно. Сказав сие, подал я графу Александру Андреевичу записку, с коей подношу при сем копию.

Докладывали Ее И. В-ву рескрипты, в Совете заготовленные, докладывали и мою записку. Государыня изволила указать отправить означенной рапорт к

его светлости и ожидать, что его светлость изволит коллегии повелеть на оный ответствовать. Мысль Ее И. В-ва, чтоб граф Петр Александрович сносился обо всем с его светлостью. Но ежели граф Петр Александрович и впредь подобные сему в коллегию представления чинить не престанет, то воля Ее И. В-ва есть, чтоб таковые тотчас на благорассмотрение и резолюцию к его светлости препровождены были. Получа сию полезную резолюцию, кажется, не погрешил я подачею записки.

Со дня на день заставляли меня отсрочивать отправления курьера сего. Не моя вина. Я всякой день бывал в канцеляриях, передних и на аудиенциях.

Повадится кувшин в ключ по воду ходить, то там ему уже и головку положить: князь Александр Алексеевич (Вяземский), что ни делает для его светлости, побуждается к сему страхом могущества его светлости. Но усердия нет. Раза два уже отзывался: «Уже все деньги повытасканы, а все-таки дай да дай».

На сих днях ожидают сюда графа Алексея Григорьевича (Орлова-Чесменского). С нашей стороны не останется, по отъезде графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), в Совете ни одного почти голоса. Не рассудится ли за благо употребить старание, посредством Александра Матвеевича (Мамонова), о помещении в Совет Ивана Перфильевича Елагина, человека и его светлости преданного, и говорить и писать умеющего.

Петр Васильевич Завадовский просится в домовый отпуск для свидания с женою, и говорят, что ему съездить туда позволено будет.

В Екатеринин день раздачи милостей не было.

Недавно зарезали в Измайловском полку одну женщину. Господин обер-полицеймейстер доложил о сем Ее И. В-ву первой. Случился тогда в передней комнате и Арбенов, которой, быв вопрошен о сем, ответствовать не умел. Государыня изволила на г-на Арбенева вознегодовать за сие и в Измайловский

полк прикомандирован на время подполковником Николай Иванович Салтыков.

В 1783 г. его светлость (кн. Потемкин) изволил поднести Ее И. В-ву сделанную в Генеральном штабе полуденным российским пределам с прикосновенными местами австрийскими и турецкими карту, которую употребляют часто в Совете. Государыня, сберегая, однако же, оную собственно для себя, изволила указать сделать таковую же другую. Сказаны только одни места, какую карту делать, но копию с помянутой карты снять не позволено, опасаясь, чтоб она не затерялась или не замаралась. Карту сию делают у нас в канцелярии взятые из Преображенского полку в помощь к нашим географам четыре унтер-офицера. Та карта, которую вы изволили приказать делать, успеет прежде, нежели господа наши офицеры обещали. Чрез две недели она будет готова.

Петр Степанович (Валуев) намерен проситься к вам для отдачи в делах своих отчета, чтобы побывать у себя в деревне, лишь бы там не остаться. Он открывался мне, что в доме графа Александра Андреевича (Безбородко) весьма приметно, что граф не в прежних силах. С г-ми Воронцовыми у графа Александра Андреевича неладно; и если по вторичному Логинова прошению доложит граф Александр Андреевич в пользу Логинова так, как его сиятельство обещает, то с г-ми Воронцовыми и совсем расстроится у него дружба.

Грекова от Безбородко уволена. Место ее заступила одна девица пятнадцати лет. Глебов и Рубан не последние люди, и сам Осип Степанович ласкает себя знакомством их.

Недавно в Совете граф Остерман поссорился с графом Александром Андреевичем. Граф Остерман говорил графу Безбородко, чтоб сей унял дерзость фаворита своего по делам иностранной коллегии г-на Моркова, а граф Безбородко дал знать графу Остерману, что г-н Морков генерал, а не мальчик, член

и набитой (sic) ему брат. Граф Остерман упрекнул графу потом девками; граф же Безбородко сказал:

— Я для того люблю девок, что имею власть их переменять, чего мужья с женами своими делать не могут, хотя и знают, что они б...

Если б не помешал сему Петр Васильевич Завадовский, то бы ссора сия кончилась хуже.

Граф Илья Андреевич (Безбородко) намерен, если его светлость сюда приедет, проситься в армию. Да со стороны их и. в-в будет тогда довольно просьб к его светлости, ибо ее высочеству о сию пору не дано позволения ехать в Елисаветград.

От французского посланника: двор французский дал повеление всем офицерам своим, с дозволения одного в турецкой службе находящимся, возвратиться восвояси. Делифид, в Очакове находившийся, отправился в Цареград.

От цесарского посла: в Цареграде весьма приуныли, получа известие о происшествии под Кинбурном. Капитан-паше, возвращающемуся из Египта со многими сокровищами, дано повеление явиться со всем турецким флотом на Черном море.

17 декабря 1787 г. 29-го числа прошедшего месяца, когда, по окончании в придворной церкви Божественной литургии, наступило время, в котором Ее И. В-во изволит обыкновенно духовенство жаловать к руке, то вдруг предстал пред Ее В-м граф Александр Андреевич (Безбородко) с держащею в руках митрою, похожею на архиерейскую. Духовенство подходило к руке, наблюдая очередь свою по старшинству, и преосвященный Гавриил, исполнивший свой долг прежде всех, приостановился было на несколько секунд пред Ее В-м и, как казалось публике, ожидал чего-то; но вскоре потом отступил назад. Прочие подходили и отходили, не останавливаясь; сколь же скоро подошел духовник Ее В-ва, то всемилостивейшая государыня; взяв митру из рук графа Александра Андреевича, соизволила возложить оную на главу помянутого

протоиерея, который, приведен будучи нечаянною сиею в изумление, пав на колени, дрожал и спросил: «На что это?»

Государыня изволила сказать: «Носить».

— Я не достоин,— сказал протопоп.

— Я тебя удостаиваю,— соизволила ответствовать Ее В-во.

Изустно сказано протопопу сему занимать место выше всех архимандритов. Вот новая в российской церковной истории эпоха, удачнее случившейся при царе Иване Васильевиче.

В среду, то есть 9-го числа сего месяца, находящийся здесь в отпуску полковник князь Дашков и гвардии офицер Иевлев, поссорившись на английском бале, предприняли намерение разведаться на поединке. Кн. Дашков танцевал с Татьяною Васильевною (Потемкиною), а Иевлеву вздумалось при сем случае занять такое место, посредством которого лишил он сию танцующую пару свободного в контрдансе вращения. Кн. Дашков, встретивший господина Иевлева в таком положении при начале сея пляски, учтиво просил его сойти с того места; но Иевлев, посмотрев на просителя гордым оком и несатым сердцем, с оно-го не тронулся. Князь Дашков, продолжая плясание, паки с Иевлевым повстречался и повторил к нему ту же просьбу, но и сей раз бесплодно; наконец, князь Дашков, столкнувшись с Иевлевым в третий раз, взял одного за плечи и с места сдвинул. Тут Иевлев начал на князя Дашкова нападать и язвительными словами требовать от него неукоснительной сатисфакции⁵⁵, а сей отвечивал Иевлеву тако:

— Вы знаете, что я живу в доме матери моей, следовательно, в доме, в городе довольно известном, а потому и сатисфакцию желаемую истребовать от меня успеете, да она и будет вам дана; прошу только перестать теперь бесчинствовать здесь на бале.

Князь Дашков, сказав сие, всячески старался удалиться от Иевлева; но сей, распален будучи гневом,

презирал просимую отсрочку и, несмотря на многие повторенные князем Дашковым о сем просьбы, преследовал его повсюду, ругал без малейшей пощады и грозил ему мщением. Может быть, что Иевлев поступил бы несколько благопристойнее, если бы Петр Лукич (Вельяминов?) не подуцал его беспрестанно, что происходило весьма явно и было для всей находившейся на бале публики весьма приметно. Вся компания находилась в смятении, а сестра князя Дашкова, княгиня Щербатова, так встревожена была, что закричавши: «Брата моего убить хотят!» — упала в обморок.

На другой день г-н обер-полицеймейстер докладывал о сем Ее И. В-ву, и все милостивейшая государыня, выслушав весть сию с крайним неудовольствием, соизволила тотчас дать приказание г-ну Татищеву Иевлеву дуэль строжайше запретить; графу же Александру Андреевичу (Безбородко) соизволила приказать, дабы он дружески посоветовал от себя графу Александру Романовичу, а сей дал бы знать князю Дашкову, чтобы он, бывши сюда отпущен на срок, которой уже кончился, и, откланявшись Ее И. В-ву, праздно бы здесь не проживал, а ехал бы к своему посту. Князь Дашков, увидясь после сего на бале у князя Василия Васильевича Долгорукого с г-м Рибопьером, жаловался оному на Иевлева, и притом говорил, что он Иевлева признает не иначе как за орудие, назначенное к прекращению его жизни и настроенное к сему будто бы его светлостью или Александром Матвеевичем, или же обоими ими вместе; напротив чего г-н Рибопьер убедительным образом дал ему чувствовать, что он, в рассуждении сих мыслей, находится в крайнем заблуждении, и того же дня пересказал о сем Александру Матвеевичу, которой в пятницу посылал г-на Рибопьера, как к кн. Дашкову, так и к Иевлеву, сказать им обоим, что Ее И. В-ву угодно, чтоб у них ни под каким видом дуэли не было. Сие было исполнено, а особливо рекомендовано было

Иевлеву, чтоб он в сем деле на протекцию Александра Матвеевича (Мамонова) отнюдь не надеялся. Однако же оба они были упрямы: первый сказал, что мириться не станет до тех пор, пока Иевлев не испросит у него прощения, а сей ответствовал, что просить прощения не станет, хотя бы его повесить велели. Между тем узнала о сем княгиня Катерина Романовна (Дашкова). Зная нрав сей штатс-дамы, легко вы себе вообразить можете положение ее, в кое она приведена была, услышав происшествие сие. Находясь в отчаянии, написала она к Александру Матвеевичу письмо, наполненное воплем, рыданием и мщением, изъяснив в оном между прочим и то, что для спасения жизни сыновней не пощадит она собственные своя, и готова сама биться с Иевлевым на шпагах, (на) поединке.

В субботу был кн. Дашков у Александра Матвеевича, и в самое то время, когда его превосходство, находясь с ним и г. Рибопьером в спальне, рассуждали о сем деле, то вдруг вошел в спальню камер-лакей с докладом, что Иевлев, несмотря на учиненной ему отказ, толкнув лакея в грудь, вошел в переднюю. Александр Матвеевич, огорчась сим Иевлева поступком, вышедши в переднюю, спросил его весьма грозно:

— Как вы смели войти ко мне тогда, когда я именно не приказал вас сегодня ко мне пускать?

— Извините меня, ваше превосходительство,— ответствовал Иевлев,— я был у вас сегодня два раза, и мне было сказано, что вы меня допускать к себе не велели; но я принужденным нашелся приехать к вам в третий раз и усилился войти для того, что имею крайнюю нужду вас видеть и с вами поговорить.

После сего Александр Матвеевич (Мамонов), отведши его в биллиардную, говорил с ним очень долго, и наконец его превосходительство принудил его испросить у князя Дашкова прощение. Примирение происходило в присутствии кн. Гагарина и Шаховского, полковника Уварова, Рибопьера и многих других

господ. Иевлев приветствовал кн. Дашкова сими словами: «Je vous demande pardon de vous avoir offensé», а кн. Дашков ответствовал Иевлеву тако: «Je reçois vos excuses et je souhait que tout soit oublié»*. Потом ужинали они у его превосходительства все вместе, и тем кончилась история сия, пересказанная мне человеком весьма достоверным.

Публика весьма много обвиняет в сем деле Петра Лукича, о коем слышал я и еще нечто предосудительное. Уже тому недели с четыре, как носят здесь в городе неприятные и вздорные слухи, что Кавказский корпус разбит, что генерал-майор (Степан Степанович) Апраксин убит, что в Тавриде татары бунтуют и что в Херсоне был весьма сильной пожар, превративший будто бы многие строения в пепел. Между прочим, и граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) спрашивал меня: справедлив ли слух о пожаре? На что я ответствовал его сиятельству, что ничего об оном не слышал. Некоторые возымели дерзость судить, что будто бы случившийся в Херсоне пожар есть не что иное, как вымысел Н. И. Корсакова, которой, желая обогатиться, вознамерился показать бывшие в ведомстве его казенные деньги погибшими в пожаре и строения такие погоревшими, которые никогда не существовали. Говорят, что Петр Лукич приписывает сие самому светлейшему князю, благодетелю своему.

У господина Рамбурха происходит с г-м Ковалинским спор о первенствующем советничьем месте. Г. Ковалинский присваивает себе первенство на основании обрядов, наблюдаемых в комиссариате, где чиновники не по старшинству армейскому, но по комиссариатскому места занимают, а Рамбурх присваивает себе первое место по старшинству армейскому. Спор сей предан на рассмотрение коллегии, которая держит сторону Рамбурха, а чем решится — не знаю.

---

* Я прошу прощения за то, что Вы имели обиду. — Я получаю Ваши извинения в надежде, что все забудется.

По письму вашему к графу Александру Андреевичу (Безбородко) о Гуттуеве еще не докладывано.

Отданное г-ну Зотову апраксинское место велено графу Апраксину возвратить. Графа Апраксина судили по именному указу, которой, однако же, не состоялся. В то время, когда докладывали Ее И. В-ву о неблагопристойном графа Апраксина в Управе благочиния поступке, Ее И. В-во изволила спросить:

— Что же вы хотите с графом Апраксиным делать?

На сие ответствовано: «Судить в уголовных судах».

Государыня изволила сказать: «Хорошо», и сии-то слова сочли за именной указ. Подношу при сем данные графом Апраксиным в уголовных судах ответы, которые, как сказывают, государыне очень понравились*.

Нижеследующие господа имеют быть, по прошениям их, уволены в домовый отпуск, о чем и указы пред отъездом Ее В-ва подписаны быть имеют:

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский — бессрочно.

Князь Николай Васильевич Репнин — на два года.

Князь Александр Алексеевич Вяземский — на полгода к Царицынским водам. Говорят притом, будто бы сему государыня изволила сказать, что отпуск его и долее отсрочится, буде он того пожелает. В отсутствие его должность его занимать имеют или П. В. Завадовский, или граф Александр Романович Воронцов.

(Декабрь 1787 г.). Открылось явно, что Франция не только голландскими делами теперь не интересуется более, но и вооружает в Тулоне флот, уповательно, на помощь туркам назначенный. Двор (Екатерина) нечаянным происшествием сим и заводимою в Польше, старанием короля прусского, конфедерациею весьма обеспокоен. Почитая короля прусского за причину настоящей с турками войны, нельзя было не ожидать,

* Ответов этих в наших бумагах не имеется. *Ред.*

чтоб он не наделил нас и другими делами. По крайней мере, что касается до меня, то я событие помянутых предприятий, равномерно и прочих впредь случиться могущих сим подобных, пророчествовал графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) за четыре недели пред сим, и на сей конец опасаясь гнева его светлости, взирал я беспокойным оком на отряд из здешних полков 6000 человек, в команду его светлости отправленных. Мне казалось, что и здешнюю часть войск следовало содержать, не причиняя им ни малейшего ослабления.

Но что делать? В Совете людей много, и много его светлости недоброхотов; да полно, не исключить ли из числа оных одного только графа Валентина Платоновича? Сей сегодня сказал мне:

— Весьма нужно, чтоб его светлость побывал здесь хотя на короткое время; я бы желал, чтоб он скорее сюда приехал.

9-го сего месяца проговаривал г-н Сегюр: «Слава Богу, двор французский согласен с русским; что-то будет делать г-н Фицгерберн, когда он приедет сюда! Я бы не желал быть на его месте».

Сегодня же говорил г-н Сегюр: «Французский двор старается примирить русский с турецким; ко мне о сем пишут из Парижа».

Против обыкновения, государыня сегодня очень мало с Сегюром разговаривать изволила. Князю Николаю Васильевичу (Репнину) велено поспешно следовать в команду его светлости; на дорогу выдано ему десять тысяч рублей. В городе начали теперь говорить, что кн. Репнин послан на смену его светлости. Неизвестно, согласится ли граф Алексей Григорьевич (Орлов-Чесменский)⁵⁶ принять над флотом команду.

Сегодня подал я графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) записку, противореча в оной о не-исправности войск донесению графа Петра Александровича (Румянцева); таковую подношу и вам. Может

быть, что я несколько погорячился. Но что делать! Я защищал его светлость.

(Декабрь 1787 г.). Двор (Екатерина) весьма скучает в ожидании от его светлости писем. Скучает также и Александр Матвеевич (Мамонов) в ожидании известий об известном лесе. Граф Алексей Григорьевич (Орлов-Чесменский) приехал сюда ноября 30-го дня. Его сиятельство от начальства над флотом, отправляющимся в Средиземное море, отказался, потому что Двор не согласился дать ему фельдмаршальского чина, в котором хотелось ему быть старее его светлости.

Вскоре его сиятельство отправится отсель обратно в Москву и женится там на девице Николевой. Дочери графа Володимира Григорьевича (Орлова) пожалованы фрейлинами; но княжнам Вяземским, по прошению отца их, в принятии во фрейлины отказано. В Андреев день государыня, по причине приключившейся слабости в здоровье, выходить не изволила.

Его и. в-во великий князь изволит точно предпринять путь в армию в будущем феврале месяце. Государыня изволила потребовать список тем особам, которых его высочество в походе при себе иметь желает. Таковой список еще не подан. Говорят, что и Михельсон имеет находиться при его высочестве.

С графом Александром Андреевичем (Безбородко) случилось мне о следующем разговаривать:

Гр.— Как вы думаете, кто в отсутствие графа Валентина Платоновича коллегиею управлять будет?

От.— Не знаю. Это ближе знать вашему сиятельству.

Гр.— Кажется, место сие ближе всех занять может Николай Иванович (Салтыков)?

От.— Теперешние дела в коллегии и господин (Карл Егорович Гантвих (генерал-поручик) исправлять может; впрочем, не худо бы посоветоваться о сем с его светлостью.

Гр.— Правда, может и Гантвих, но нужно, чтобы это был кто-нибудь из членов Совета или бы имел заседание в Совете.

Ее и. в-во великая княгиня находится от печали вне себя. Неделя уже тому, как ее высочество никакой почти пищи вкушать не изволит. Сие причиняет немалую скорбь его высочеству; государыня, объявив ее выс-ву множество резонов, по которым ее выс-ству невозможно быть его выс-ству в теперешнем походе сопутницею, изволила сказать, чтоб ее высочество более о сем Ее В-во просьбою утруждать не изволила.

Великая княгиня беременна двухмесячным младенцем^{*57}.

Логинов сыскал, посредством известного вам канала, некоторую протекцию. Но жалко, что гр. Дон. (?) слаб. Бывают теперь нередко дни, в которые он и четверти часа у Ее И. В-ва не бывает, и если будет докладывать Ее И. В-ву дело Логинова, то, конечно, от имени его светлости. На сих днях снабдил он Логинова рекомендательным по делам сенатским к господину Завадовскому письмом, в котором, между прочим, изъяснил тако: «Его светлость изволил писать о делах Логинова, и для того я вас покорно прошу и проч.». Если б не граф Воронцов, то бы Логинова дело не имело дурного конца.

— Да что такое князь и что это значит, чтоб все так делать, как князю хочется, не уважая других?

Недавно рассуждали в Совете, чтоб впредь брать рекрут и из тех губерний, которые до сих пор таковых не давали. На первой случай хотят набором таковым укомплектовать гарнизоны, а из оных в будущем году комплектовать полевые полки.

Из полков здешней дивизии назначено во флот для десантов из каждого по две роты, да из гренадерского один батальон, что составит до 5000 человек. В государстве есть много праздношатающихся людей. Не рассудится ли за благо, в предупреждение шалостей,

* Великая княжна Екатерина Павловна род. 21 мая 1788 г.

от них случиться могущих, брать таковых в солдаты. При всех стараниях о вооружении здешнего флота, говорят, что оный прежде июня месяца будущего года в море выступить не может.

Александр Матвеевич (Мамонов) приказал мне уведомить вас, что третьего дня получено от Штапельберга известие, что в Яссах между янычарами и молдаванами произошло весьма жестокое сражение. Для вспоможения городским жителям созывали деревенских — битием тревоги в колокола. Бог знает, кто одержал победу.

Князь Александр Алексеевич (Вяземский) предложил сенату, чтоб производство зависящих от сената чинов оставить по-прежнему. Весь сенат согласился с мнением генерал-прокурора, кроме г-на Завадовского и присоединившихся к голосу сего последнего графа Брюса и графа Воронцова; о сем поднесен доклад Ее И. В-ву.

Недавно проговорил граф Шувалов в одной компании:

— Я не знаю, что это такое, что князь (Потемкин) так долго ничего к нам не пишет, да и государыня крайне сим недовольна.

Министерские депеши переходят из рук графа Александра Андреевича (Безбородко) прежде прочих к графу Воронцову, с которым граф Александр Андреевич обо всем почти советуется. Не видно, чтоб старая связь их исчезала.

Вскоре отправится к вам господин Судиенков и, конечно, не по пустякам. Хочется ему, получа 1 января будущего 1788 г. чин действительного статского советника, переименоваться генерал-майором и служить волонтером при Екатеринославской армии. Есть, я думаю, и другие затеи.

В Георгиев день изволила Ее И. В-во разговаривать вслух с господином Сухотиным о флоте Черноморском и о тамошних гаванях. Из сего господа мор-

ские заключили, что г-н Сухотин отправлен будет к принятию команды над тамошним флотом.

Говорят, что вскоре отправится к вам г-н Пущин, под смотрением которого имеют строиться фрегаты на Гнилой Тоне.

(Половина декабря 1787 г.). Приключившиеся цесарскому послу на ногах раны принудили его весьма долгое время сидеть дома. 25-го числа сего месяца, поутру, имел он первый ко двору выезд; после обеда же, получа неприятное известие о неудачном предприятии цесарцев, Белградом, аки турки Кинбурном, завладеть восхотевших, и паки дня два сидел дома. Государыня, сожалея о сем происшествии, не изволила на другой день праздника выходить из внутренних своих покоев под претекстом болезни. Между тем двор наш доволен, что и цесарцы против агарян восстать уже дерзнули.

Государыня крайне недовольна молчанием его светлости.

— Христа ради, пишите о присылке сюда еженедельно курьеров, хотя бы там и ничего важного не происходило.

Седьмой уже день, как государыня находится в великой задумчивости и часто со слезами пеняет на светлейшего князя. Я извинял его светлость столько, сколько мог, и заботами и недосугами, но государыня изволит в том крепко настоять, чтоб конечно еженедельно курьеры сюда присылаемы были. Ее И. В-во изволила проговорить между прочим:

— Что обо мне думают? Если б князь знал, каково у меня на сердце, то бы он не мучил меня долговременным своим молчанием.

Сию статью, для донесения вам, объявил мне Александр Матвеевич (Мамонов).

Граф Чесменской ездил недавно в Кронштадт для осмотра приуготовляющихся к походу кораблей, хотя он, впрочем, и отказался от принятия над оными команды. Его сиятельство принят при дворе весьма хо-

рошо; однако ж, говорят, что сколько его ни ласкают, но он командовать флотом и впредь не согласится. Сей граф недоброхотствует графу Александру Андреевичу (Безбородко) и к маслянной возвратится в Москву.

Их высокоочия выписывают сюда г-на Архарова для употребления его к примирению с Александром Матвеевичем. Архарова ждут уже поминутно, а между тем Александр Матвеевич (ничего не говорит?) о намерении его приезда.

Его е. в-ву великому князю назначено получать из кабинета, по бытности в походе, по 10 000 руб. в месяц, исключая первого месяца, в который отпустится его и. в-ву 20 000 руб., что и исполнится в наступающем январе месяце. Граф Валентин Платонович (Мушин-Пушкин) болен от простуды и не опасно. Сделавшуюся у него на затылке затвердевшую шишку разрезали эскулапы, которые пошептом утверждают, что его сиятельство, не подвергая жизни своей опасности, не в состоянии будет пуститься в путь в феврале месяце. Обоз его высочества отправится января первых чисел. В начале же февраля и его высочество путь предпринять изволит. Все любопытствуют, кто будет начальствовать в коллегии, если граф Валентин Платонович отсель отлучится?

Двор принял Павла Сергеевича (Потемкина)⁵⁸ холодным образом. Еще до приезда его превосходительства сюда государыня, опасаясь принесения от него просьб, изволила проговаривать:

— Зачем он сюда едет?

Я думаю, что граф Воронцов обнес его превосходительство пред Ее И. В-вом, но это прежде, а не теперь, ибо теперь граф наряду с прочими членами их высокоочиями и по бóльшей части обретається в Мурзинке, даче своей.

Господин Завадовский выговаривал Александру Матвеевичу:

— Не говорили ли или не писали ли вы кому-нибудь о письме его светлости, к графу Петру Александровичу (Румянцеву) писанном, с коего я вам секретно показывал копию? Ко мне пишут оттоль, что князь (Потемкин) уже о сем знает.

Французский двор всеми силами старается примирить нас и цесарцев с турками; но если сие не удастся, то французы намерены и сами воевать против того, кто подаст повод не заключить мира. В Англии предложения наши приемлются весьма холодно.

Я хлопочу теперь об отпуске ординарных столовых денег, от двора, по сто рублей в день, его светлости определенных. Граф Александр Андреевич (Безбородко) обещал оные выходить.

1787 г.

Господин Завадовский* делал неоднократные попытки просить Александра Матвеевича (Дмитриева-Мамонова) к себе на ужин, но Александр Матвеевич, следуя советам г-на Рибопьера, всегда от одного отказывался. Декабря 6-го нужно было г-ну Рибопьеру отлучиться в Кронштадт; сим случаем пользуясь, г. Завадовский вынудил, наконец, у Александра Матвеевича обещание отужинать 8-го числа. Г. Рибопьер, возвратясь из Кронштадта, предвозвещал его превосходительству из сего ужина столько хлопот, что Александр Матвеевич весьма был встревожен.

— И в самом деле, стараются меня помирить с графом Александром Андреевичем (Безбородко); что князь (Потемкин) будет обо мне думать!

На ужин прошены были и ужинали большею частью те, кои к Александру Матвеевичу вхожи, в том числе и г. Рибопьер; был там и граф Александр Андреевич, но с сим Александр Матвеевич в разговор не входил. После сего зван Александр Матвеевич на ужин к графу Брюсу и г. обер-камергеру (Ив. Ив. Шувалову)⁵⁹.

* См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XV, с. 9—38; 237—265; 471—499.

14-го и 15-го дня (декабря) государыня была очень нездорова. Врачи опасались приключения горячки; но со вчерашнего дня есть Ее И. В-ву легче.

Двор доволен подвигами г. Текеллия. Однако же граф-докладчик (Безбородко) получил из Астрахани известие об оных, хотя необстоятельное, но за несколько дней до приезда г. Драшковского, 10-го сего (декабря) месяца сюда приехавшего. Подвиги закубанские были бы еще приятнее, если б трехнедельное (по счету Ее И. В-ва 27 дней) его светлости молчание не подало двору повода заниматься ожиданием нечитанных вестей со стороны Очаковской.

Государыня огорчена была до крайности таковым молчанием. Отсутствие его светлости из Елисавета не было принято в оправдание. Ее И. В-ву благоугодно еженедельно получать от его светлости вести, хотя бы они, кроме известия о благосостоянии войск и полуденных России пределов, ничего важного в себе не заключали. А сие, кроме других резонов, и для того, чтоб иметь случай отвращать публику от лживых, о положении наших тамошних дел, мыслей, почерпаемых в иностранных ведомостях, и опровергать беспрестанно носящиеся по городу несправедливые слухи.

Ее и. высочество великая княгиня (Мария Федоровна) не престаёт пребывать в крайнем унынии. Между тем его и. высочество великий князь (Павел Петрович) продолжает приуготовляться к походу (в Южную армию). Недавно подан государыне список тем особам, которых великий князь в походе при себе иметь желать изволит. Оные суть: граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин), г-да Вадковской, Бенкендорф, Марков и один офицер. Список сей еще не конфирмован.

Данная г. Логинову от графа Александра Андреевича (Безбородко) к г. Завадовскому рекомендация не возымела желаемого успеха. Г. Волков настроил г. Судиенкова сказать г. Завадовскому, что Логинову

дано было письмо для одного только наружного вида. Граф Александр Андреевич сердился на сие, но переменить не мог. Один Иван Перфильевич (Елагин) вознамерился подать в пользу Логинова голос.

Супруга г. Завадовского разрешилась от бремени, и на сей конец его пр-ство отпущен на 29 дней домой.

Петр Степанович (Валуев) намерен точно проситься к вам. Много резонов есть подозревать, что он, отпросясь потом в деревню, останется в оной навсегда.

1788 г.

(Января 9-го и 11-го чч.). Великий князь, услыша, что экипажу его, отправленному в армию, дано было повеление возвратиться сюда, представлял государыне, если Ее И. В-ву не благоугодно отпустить его в армию, то он, в таком случае, не может не согласиться с волею ее; но ежели сходственно с данным ему обещанием, позволится после разрешения от бремени великие княгини ехать туда, то на что возвращать сюда экипажи его?

После сего позволено экипажам продолжать путь свой, куда они отправлены. Между тем великая княгиня поручила графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) принести государыне благодарность за то, что ее с великим князем не разлучили*.

С тех пор как решено дело, чтоб великому князю до времени в армию не ехать, не говорил он ничего ни с Павлом Сергеевичем (Потемкиным), ни с Михаилом Сергеевичем Потемкиным, ни с г. Рибопьером и даже при отпускной аудиенции не сказал Павлу Сергеевичу (Потемкину) ни слова. Напротив сего, с графиною Екатериною Васильевною (Скавронскою) обходится великий князь по-прежнему, то есть весьма благосклонно.

---

* См. об этом в исторических материалах, хранящихся в библиотеке дворца в Павловске и напечатанных в «Русской старине», изд. 1873 г., т. VIII, с. 865—871 и др.

В конце прошедшей недели некто, находившийся при делах в Иркутской губернии, коллежской ассессор Парфеньев*, подал государыне, посредством дежурного генерал-адъютанта графа Брюса, запечатанное письмо, в котором, объявля, что он имеет донести Ее И. В-ву некоторое важное дело, просил, чтоб оное приказано было рассмотреть тому, кому Ее И. В-во заблагорассудит изволит, исключая только графа Безбородко и графа Воронцова, яко людей, преступлениями в доносе уличаемых.

Графу Брюсу поручено было учинить экстракт из сего доноса, в котором, как меня уверял тот, кто сочинял экстракт, находятся неоспоримые доказательства, что прекращение наших с китайцами торгов произошло от причиненных китайцам разных притеснений, которые, по желанию обоих графов, производил в действо г. Якобий. Намерение было вымучить от китайцев знатную сумму денег. При доносе приложены копии с писем, между Якобием и обоими графами по сей части производившихся, и если подлинники окажутся с копиями сходны, то, по мнению сочинителя экстракта, будет худо помянутой троице.

Государыня, прочтя экстракт, находилась в превеликом смущении, не говоря об оном никому ни слова; доноситель же отправлен, для исследования дел, в Тайную экспедицию.

Чтоб о сем доносе ближе узнать мысли Ее И. В-ва, принужден я был открыть происшествие сие, посредством г. Рибопьера, Александру Матвеевичу, которой до вчерашнего дня ничего и ни от кого об оном не слышал.

Вчера его пр-во разговаривал о сем с государынею, которая доносителя почитать изволит за сумасшедшего человека. Но как заключение сие не сходно с заключениями сочинителя экстракта, то я думаю, что государыня и от Александра Матвеевича мысли свои в сем случае скрывает. Впрочем, быть может и то,

* Доносчик на Якобия. Ред.

что доносителя назовут сумасшедшим, а особливо, если удастся графу Александру Андреевичу женить одного из Кочубеев на княжне, дочери генерал-прокурора.

Графа Александра Андреевича грешно назвать явным нам недоброхотом, ибо тайная Бог весть; но граф Воронцов злодействует везде. Касательно требования на переселение запорожцев денег один только он горланил в Совете вопреки сему, да и когда государыня согласиться на оное изволила, то не мог он удержаться не сказать:

— Что же мы в Совете пешки представлять будем?

9-го числа сего месяца Михайла Сергеевич (Потемкин) призван был в Совет для объяснения по некоторым делам. Кроме графа Воронцова, никто Михайле Сергеевичу не противоречил. Секретарю, читавшему представления его превосходительства, приказал граф Воронцов вдруг молчать; Совету же объявил:

— Мы после об этом одни трактовать будем.

Все сочлены Совета, услышав сие, сидели, потупив глаза, не говоря ни слова. И когда секретарь, по просьбе Михайлы Сергеевича, начал вновь читать, чтобы начатое прочесть до конца, то граф Воронцов и паки сказал грозным образом:

— Ведь я уже сказал, что не теперь об этом трактовать будем!

После сего Михайла Сергеевич принужден был из Совета выйти.

Тот же граф, будучи в Саратове, просил 100 000 руб. за уничтожение принесенных на г. Поливанова (саратовский губернатор) доносов; но как сей желал откупиться дешевле просимой с него суммы, то граф не рассудил за благо назвать виноватого правым. Его сиятельство поручил рассмотреть доносы двум своим креатурам, которые, будучи менее богаты графа, согласились обелить г. Поливанова за гораздо умереннейшую цену. Граф, спроведав о сем, дал делу новой

оборот. Старанием его г. Поливанова велено судить в московского сената департаментах.

Говорят, что разорвание коммерческого с Англиею трактата, союзу нашему с сиею державою толико противное, основано на подобном вышеписанной ухватке фундаменте. Немного России барыша от того, что Англия не рублями, но ефимками взносить теперь в казну обязана пошлинные за товары деньги. Недавно велено было предложить английскому министерству, что, по теперешним обстоятельствам, заключение с Англиею коммерческого трактата менее, нежели прежде, затруднениям подвержено. На сие английской первой министр отвечивал нашему посланнику:

— О сем поговорим мы после.

В течении многих дел наблюдается старая система. Граф Воронцов диктует. Граф Безбородко пишет и к подписанию подносит. Александр Матвеевич, будучи, впрочем, сильнее всех их, не входит ни в какие почти дела.

Пошептом говорят в городе, что г. Судиенков отправился к его светлости (Потемкину) для того, чтоб склонить его светлость на удаление от двора Александра Матвеевича (Мамонова); к сему присовокупляют, что и государыня на сие согласна.

Отправившийся в Малороссию г. Завадовской украшен рогами, Львом Кирилловичем (гр. Разумовским)⁶⁰ его превосходительству наставленными. История сия не подвержена ни малейшему сомнению.

На место г. экзекутора Рылеева, переименованного премьер-майором и в числе сухопутных войск в Средиземное море отправляющегося, определен в коллегию один из сыновей покойного Адама Васильевича Олсуфьева.

К командованию сухопутными войсками, в Средиземное море на кораблях отправленными, половина Совета прочила г. Гудовича, другая половина — г. Леонтьева. Двор же избирал к сему г. Заборовского,

ныне здесь находящегося. В городе., кроме Александра Матвеевича, от которого я весть сию услышал, никто о сем не знает. Александр Матвеевич уповает, что таковой выбор не будет его светлости противен.

Подношу при сем копию с указа, дополнительного к тому, которой состоялся о наряде войск в Средиземное море*.

Третьего дня получено здесь двору весьма приятное известие, что император (римский) решился уже объявить оттоманам войну. Интернунцию (в Константинополе), если не найдет способа к уходу, предписано сделать компанию нашему г. Булгакову (т. е. будет заключен в крепость).

Носятся слухи, что князь Дашков в Киеве женился. Княгиня, мать его (Екатерина Романовна), крайне печалится о сем.

Слышно также, что Евгений Петрович Кишкин увольняется от дел на два года и что должность его править повелено будет г. Архарову.

Недавно приехал сюда из Москвы князь Василий Васильевич Долгоруков⁶¹, который вскоре к вам отправиться имеет.

Говорят, что вышедшую замуж княжну Вяземскую снабдил приданым г. Сутерланд. Это быть может, ибо переводы денег приносят г. банкиру немалые доходы.

При сем подношу и еще копию, из рук в руки по городу носящуюся (?).

(Января 14-го). Граф Алексей Григорьевич (Орлов)⁶² отправился уже в Москву. Говорят, что его сиятельство намерен предпринять путешествие в чужие края. Сей граф до отъезда своего проговорил в одном месте за обедом:

— Уже с лишком двадцать дней прошло, как нет никаких от одного фельдмаршала известий.

* См. приложения в конце Записок Гарновского.

Вот небольшое доказательство, что и сия фамилия доброжелательствовать его светлости не намерена, сколько бы его светлость добра ей ни желал.

Ожидают сюда графа Федора Григорьевича (Орлова)⁶³.

Начальство над отправляющимся в Средиземное море флотом имеет быть поручено г. Грейгу. Сей, прочев (т. е. по прочтении им) взятые с полоненного с кораблем в Цареграде капитана Тизделя ответы, вопрошен был Ее И. В-вом, что бы он, находясь в обстоятельствах, подобных Тизделевым, сделал?

— Я бы, пользуясь тогдашним попутным ветром, решился пройти через Константинопольский канал в Средиземное море и свершил бы сей путь не более как в 30 часов.

Носятся площадные слухи, что граф Петр Александрович (Румянцев) намерен от командования армиею отказаться.

Его и. высочество великий князь изволит предполагать предпринять путь в Елисавет февраля 7-го дня. В маршруте обедов для его и. высочества не назначено, а одни только ночлеги и небольшое число растагов. Экипаж е. и. в. и 75 верховых лошадей отправились к вам генваря 17-го дня. Великая княгиня сделалась гораздо повеселее. Многие заключают из сего, что государыня изволит удержать великого князя здесь, под претекстом беременности великой княгини.

Здоровье графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) поправляется. Кого угодно его светлости (кн. Потемкину) видеть, в отсутствие графа Валентина Платоновича, начальником Военной коллегии?

Господин Рибопьер начинает и паки скучать здешним пребыванием своим. Не благоугодно ли будет подтвердить ему остаться здесь под каким-нибудь претекстом, какой вам изобрести заблагорассудится. Правда, он проживает здесь более, нежели бы прожить мог, живучи в полку, но что делать? Теперешнее дел положение требует, чтобы он остался здесь

непременно, а иначе по двору будет во многом неудача. Могу похвастать, что и я принят Александром Матвеевичем отменно благосклонно, но не столь откровенно, однако же, сколько г. Рибопьер. Его превство нередко изволит мне показывать его светлости и ваши (т. е. Василия Степановича Попова) письма, беседуя притом со мною о делах, до его светлости касающихся, и о преданности своей к его светлости. Но с г. Рибопьером разговаривают и рассуждают вместе повседневно о всякой всячине. Я наблюдал, впрочем, в поведении моем равновесие, дабы не быть подозрительным графу Александру Андреевичу (Безбородко), которого я столько же ласкаю.

По приезде сюда ваших курьеров, являюсь я, избрав удобное время, прежде всех к графу Александру Андреевичу и напоминаю его сиятельству, что мне тако поступать от вас предписано, и таким же образом поступаю и у Александра Матвеевича. В противном случае был бы или тот, или другой в претензии. Реляции Ее И. В-ву подносятся руками Александра Матвеевича, но с согласия графа Александра Андреевича (Безбородко).

В доме графа Александра Андреевича, находившемся в течение 11 месяцев в крайнем унынии, стало теперь повеселее. Накануне нового года был на даче у его сиятельства бал, на коем, кроме домашних, также цесарского посла, Хорвата, Глебова и Демидова, находилось 156 человек принцев и принцесс театральных. С нового года начались у него (Безбородко) и будут еженедельно представляться театральные зрелища. Г. Волков сказывал мне:

— Я вас уверяю, что граф стал теперь при дворе по-прежнему. Вы увидите сами; с ним для одного вида поступали дурно.

Напротив сего, люди, имеющие вход к Александру Матвеевичу, твердят противное сему.

С Александром Матвеевичем никогда я ни слова о Петре Степановиче (Валуеве) не говорил, и я не

понимаю, с чего ему вздумалось мне сказать о нем сегодня:

— Кажется, пора князю (Потемкину) расстаться с Волховским. Князь всех его штук не знает.

Будьте уверены, что не г. Рибопьер поселил о Волховском такие мысли, а чуть ли ни сама государыня, не знаю от кого о происках его спроведавшая.

Третьего дня исходатайствовал Александр Матвеевич г. Храповицкому в награждение 10 000 руб. Не подумайте, чтоб это награждение значило что-нибудь важное. Нимало нет. Это сделано в досаду графу Александру Андреевичу, чтобы дать публике знать, будто бы Храповицкий делами ворочает. В самом же деле у Храповицкого нет никаких дел. Сам г. Храповицкий не мог довольно надивиться приобретенному награждению, не зная, за что оное воспоследовало*.

Уже обоз г. Судиенкова отправился отсель, вскоре же и сам он отправиться к вам намерен. О сем сказал мне сегодня Александр Матвеевич:

— Я думаю, что князь не даст себя ему в обман.

Еще до приезда сюда г. Загорского готовил я отправление к вам, но должен был до сих пор ожидать подписания рескриптов и посылаемых, по повелению Ее И. В-ва, в письмах графа Александра Андреевича, разных копий. Александр Матвеевич приказал мне уведомить вас, что прежде сегодня нельзя было, за недосугами, г. Загорского к вам отправить. Я уповаю, что письмом Ее И. В-ва его светлость будет доволен. По приезде г. Загорского, 11-го сего месяца, Александр Матвеевич подносил Ее И. В-ву письмо его светлости, в коем, между прочим, прощено было о скорейшей присылке на привезенные г. Загорским депеши ответов. Государыня изволила сказать:

— У меня княжие письма не лежат без ответов, лишь бы князь был в переписке столько аккуратен, сколько я, и не заставлял бы меня ожидать своих курьеров.

* За переписку комедий.

Граф Александр Андреевич велел мне к послезавтраму приготовить другого курьера. Подоспели и еще депеши, с которых нужно сообщить его светлости копии.

На будущей неделе отправится к вам требуемый г. Билеру помощник, и с оным шифры, как бывшие в прошедшем году в употреблении, так и вновь выдуманные, дабы вы, в случае получения от кого-либо из наших министров секретных депеш, могли оные дешифровать.

Небезызвестно, что главнокомандующим банками предоставлено было право завести монетной двор. Теперь заведение такового монетного двора препоручено князю Александру Алексеевичу (Вяземскому). Оба начальники банков огорчены сим до крайности. В Совете занимаются теперь рассуждением о недостатке в государстве медной монеты, и князь Александр Алексеевич (Вяземский) торжествует по сей части над всеми. Спасибо ему, к его светлости расположен он изрядно. Бывши недавно у его сиятельства, помог я ему над банками издеваться и сим его столько тронул, что он сказал:

— Будь уверен, любезный друг, его светлость ни по армии, ни по строению черноморских судов не будет терпеть в деньгах недостатка. Я рад всеми силами служить его светлости. Недавно послал я к нему нарочного курьера с испрошением наставления насчет черноморских судов. Ни в чем и ни под каким видом не хочется мне с его мыслями повстречаться, но, напротив того, чтобы все шло по воле его.

Множество ассигнованных его сиятельством вдруг на армию денег утвердило истину пророчества сего.

Николай Иванович (Салтыков), приехав сюда, не намерен был нигде являться; но вдруг все узнали в городе о его приезде, почему он и принужден был посетить многих. Два раза был на аудиенции у Ее И. В-ва и принят весьма благосклонно. Вчера отправился он в деревню, отколь он, не заезжая сюда, об-

ратный путь продолжать к вам намерен. Кажется, он побывал здесь кстати: он успел об Очакове поселить во многих мысль, крепости оного приличную.

Недавно государыня изволила спросить графа Александра Андреевича:

— Зачем Глебов, подполковник, шатается здесь праздно?

Граф ответствовал, что его светлость позволил Глебову пробить здесь до окончания тяжёбных дел его.

И действительно, г. Глебов занимается делами, ибо, выстроив половину огромного дома за 100 000, старается отстроить и другую.

В русских газетах напечатана речь, сочиненная г. Грибовским, которую, от лица Правительствующего сената, намерен был говорить в новой год Ее И. В-ву Александр Алексеевич (Вяземский); но его высокопревосход-ству исполнить сего не удалось. Государыня, выслушав слова: «сенат приносит В. И. В-ву благодарность...» изволила речь прервать отзывом:

— Я довольна благодарностью сената.

Напротив сего, речь, говоренная преосвященным Гавриилом, понравилась Ее И. В-ву, и государыня приказать изволила подать оную себе на бумаге. Александр Матвеевич приказал мне препроводить вам копию.

Г. Рибопьеру хотелось бы хотя не более недели с вами повидаться. Это бы, кажется, не худо было. Вы бы успели кое о чем с ним переговорить, но и в таком случае обратно его прислать сюда нужно.

(*Конец января*). Во время пребывания и. и. в-честв в Гатчине государыня и паки изволила советовать великому князю остаться здесь до тех пор, пока великая княгиня разрешится от бремени, и как сего ожидать надлежит в мае месяце, то в июне позволено его высочеству предпринять путь в армию. Великий князь, быв сим предложением крайне недоволен, ответство-

вал, что ко удержанию его здесь и тогда какой-нибудь претекст найдется. Государыня, получа таковой отзыв, расположена была дать строгим образом чувствовать и словесно и письменно, что советы ее, не иначе как за повеления, требующие непременно исполнения, должны быть приемлемы; но кончилось сие по возвращении их и. в-ств из Гатчины, то есть 23-го числа сего месяца, оказанием с одной стороны покорности и изъявлением снисхождения — с другой*.

Господин Архаров сюда приехал. И сей чуждается теперь известного общества.

«Черт их знает, что им сделалось. Всем им неловко, да и сами-то между собою перессорились. Перестану к ним ходить, а особливо один из этих господ окружен все такими канальями, что гадко на них и глядеть. Это правда, что Орлов поедет в чужие края и в Италии будет, но я дам себя повесить, если он флотом командовать будет. Он от сего совершенно отказался, и этот нажаловался государыне на многих. Что он думает? Поверят ему?— Вздор! На князя (Потемкина) говорили, говорили, что денег много истрачено по-пустому, теперь государыня сама видела Херсон и разные в тех местах заведения, то может ли кто ее после сего уверить, что деньги истрачены даром. То же надобно разуметь и о прочих наместниках, которых он почти всех ввел в подозрение».

При дворе нередко бывает пасмурно, а особливо при получении ежечасных ведомостей о почти повсеместном недостатке в хлебе. Между тем комедии продолжаются. Дееписатели повествуют, что бывали времена, в которые несколько лет кряду случались неурожаи в хлебе. Дай Бог, чтоб история сия была басня. О г. Синельникове говорят везде крайне дурно.

Очаковым занимается площадь, публика, Совет и двор. Двор (т. е. Екатерина) имеет к его светлости до-

---

* См. об этом в подлинной переписке в. к. Павла Петровича и его супруги с императрицею Екатериною, хранящейся в библиотеке дворца в Павловске и напечатанной в «Русской старине» 1873 г., т. VIII, с. 870—871 и др. *Ред.*

веренность, но прочие три части разглагольствуют о сем сходственно с их познаниями, не посоветуясь однако же никогда с пятью чувствами, им дарованными. Некто из Совета, производя безрассудные ропоты на упущения и входя в споры, давно бы уже в семь дней завладел Очаковым, если б Бог всех зверей наделил рогами, хотя такими, каковые ему самому носить некогда случилось.

Отгадайте, кто лишил Москву Красной площади, остатками некоторых древностей гордившейся?

Указ о наряде в Архипелаг сухопутных войск не есть деяние рук коллежских. У кого палка в руках, тот и капрал. По причине болезни графа Валентина Платоновича проект означенного указа сочинен из слов графа Брюса и букв графа Александра Андреевича (Безбородко), Советом опробованных. Г. Боувер рекомендован — не знаю кем. Главным начальником отряда имеет быть г. Леонтьев. Охотников много, кроме казаков, из коих ни один несвойственной ему службы нести не желает. Однако же выберут из них охотников, хотя поневоле.

Александр Матвеевич (Мамонов) не престаёт продолжать своей к его светлости преданности. Боже избавь начать что-нибудь говорить, в присутствии его, против его светлости. Равномерно и Двор доброжелательствует его светлости по-прежнему, в доказательство сему может служить препровождаемый при сем от Ее И. В-ва тулуп в ящике, обшитом черною клеенкою, собственною Ее И. В-ва рукою на имя его светлости надписанном:

«Князь, может быть, там пообносился».

В рассуждении малого числа людей налицо в Преображенском полку, при бомбардирской роте находящихся, отправление оных к вам, до вторичного его светлости об них отзыва, остановлено. Государыня охотно их отправить прикажет, но теперь желает знать: не согласится ли светлейший князь приказать наперед укомплектовать означенную роту.

У князя Александра Алексеевича (Вяземского) происходят теперь балы по случаю известной свадьбы, 23-го числа сего месяца в доме его совершившиеся. Поздравя сим его сиятельство с моей стороны и принеся ему и паки благодарность за четырехмесячной отпуск экстраординарной суммы, с присовокуплением поклона, что, кроме его, никто бы не в состоянии был удовлетворить толь знатными суммами в такое короткое время. Его сиятельство отозвался:

— У меня на весь год деньги для его светлости (кн. Потемкина) готовы. В марте начну помышлять об отпуске оных на летние месяцы. Сверх отправленных медных денег, велел я записать и еще таковых, если оные его светлости потребны будут. За хлеб следующие в Смоленскую и Могилевскую губернии деньги я заплачу и буду оные вычитать из последующих отпусков.

После сего происходили шутки насчет банков, его сиятельству весьма приятные, а для нас полезные. Ибо без сего отпуски экстраординарных сумм производились бы помесечно. Граф Петр Александрович (Румянцев) удовольствован также по май месяц посредством кредитивов, через коллегия к нему доставленных. Червонцы дорожают. Менее трех рублей десяти копеек купить оных нельзя. Завтрашнего дня отправлю к вам 80 000 червонцев и 200 000 рублей мелкою серебряною монетою с господином премьер-майором Черниковым, нарочно для сего из здешнего гарнизона истребованным; ассигнации у меня все целы. На червонцы нельзя было ничего обменять, потому что с нуждою и вышеписанные 80 000 червонцев в городе набрать можно было. В том числе тысячу занял г. Сутерланд у графа Александра Романовича (Воронцова).

Столице графа Андрея Петровича (Шувалова) становится со дня на день хуже.

24-го числа сего месяца скончался старик Миних⁶⁴ на 88-м году от рождения своего.

Вскоре отправится к вам господин Глебов, о коем государыня несколько раз изволила спрашивать графа Александра Андреевича, зачем он здесь живет.

Подносимая при сем копия носится из рук в руки по городу, хотя в ней и ничего нет похожего на правду.

(Февраля 11-го). В прошлом 1787 г. выписаны были вновь из Англии к здешнему порту, через г. Сутерланда, разные для Черноморского флота вещи, коих, по примеру прежних, не хотели выпустить из таможи беспошлинно. Сначала адресовался я со словесною о сем просьбою к его сиятельству графу Александру Романовичу Воронцову, но сей потребовал от меня письменной подачи и уверял при том, что, кроме его светлости, ни для кого другого в свете он вещей из таможи беспошлинно не отпустил бы. Подношу при сем регистры помянутым вещам, письмо мое об них к его сиятельству и отзыв его ко мне. Не предвидя тут ни малейшего для его светлости личного одолжения, я для того лично в письме моем ничего о его светлости не упомянул. Теперь вещи уже отправлены на подводах Черноморского флота с генерал-лейтенантом Кургановым до Брянска сухим путем, отколь они отправятся в Херсон водою. Г. Курганову дано от меня 2210 руб. 17 коп., из коих он должен заплатить извозчикам за провоз до Брянска, полагая за пуд по 55 копеек, 1710 руб. 17 коп., остальные пятьсот рублей употребить на прокормление находящихся при нем 11 человек военнослужителей, для сбережения вещей из полков здешней дивизии ему данных, и на наем байдака до Херсона.

(В 20-х чч. февраля). На прошедшей неделе конфирмован поднесенной от правления ассигнационного банка доклад, коим уничтожено пять директоров и до ста пятидесяти человек прочих разного звания чинов, в ведомстве сего правления здесь и по городам нахо-

дившихся. Лишившимся мест велено, для получения новых, явиться в герольдию.

Вчера поутру трактовано в Сенате о поставщиках винных и о чинах статских. Касательно поставщиков хотят подражать «Титову милосердию», но чины чуть ли не вздорожают, соразмерно настоящей во всем дороговизне. «Не из дворян в чины не производить. Секретарям не из дворян, до сего звания дослужившимся, пребывать в оном чине не менее двенадцати лет. Чрез чин не производить; в одном чине служить, по крайней мере, три года. В год только один раз производить». Князь Александр Алексеевич (Вяземский) отупел и со дня на день более тупеет. Се плоды наступившей старости и старых гонений.

Вчерашнего дня, после обеда, отвратил Бог от России великое несчастье. Один из фонарей, висящих в Эрмитаже, упал в нескольких шагах позади императрицы, во время хождения Ее И. В-ва в Эрмитаже. Велено, чтоб впредь фонари не на вервях, но на цепях висели.

Известный донос похож на правду; вскоре придет сюда г. Якобий и другие из отдаленных мест к сему делу причастные. Доноситель Трифонов, а не так, как я прежде его назвал. Он находился пред сим секретарем при г. Якобии, где будучи имел случай записаться как копиями, так и подлинниками в немалом числе. Содержавшись у г. Шешковского более недели, ходит он теперь по воле, жительство имеет, однако же, у г. Шешковского же, утверждающего, что еще не было доноса, подобного сему, с столь ясными доказательствами. Мне пересказано содержание только трех бумаг, при доносе находившихся:

1-е — письмо г. Осунского, служащего секретарем при г. Якобии, к некоему Ладыженскому: «Двор, получа известие о прекращении с китайцами торгов, крайне досадовал. Но... подателя сего просит Иван Варфоломеевич (Якобий) употребить к уговариванию китайцев, чтоб они учинили на границы наши напа-

дение. Если китайцы произведут сие в действо, тогда и паки донесено будет двору, которой принужден будет прислать к нам войско. Известные вам при дворе многомогущие люди тако сего желают. Тогда-то достигнем мы до намерений наших».

2-е — ответ Ладыженского: «Письмо секретаря вашего я получил. Желал бы я получить таковое за подписанием собственной вашей руки, дабы тем удобнее мог соответствовать воле вашей».

3-е — ответ г. Якобия к г. Ладыженскому: «Подтверждаю секретарем моим к вам писанное». Были и другие гораздо важнее сих бумаг, которых, однако же, Трифонов, кроме г. Шешковского, никому не показывал; государыня грозит сделать по сему делу примерное наказание:

— Не могу оставить без примерного наказания людей, мною благодетельствованных, доверенность же мою во зло употребляющих.

По приезде г. Якобия имеет быть учрежден комитет под председательством графа Брюса.

... (Безбородко?) только и держится по делам иностранной коллегии, да и будет, сколько мне кажется, держаться.

— Не за кого взяться!

С приезда г. Завадовского известная связь склеилась крепче. Повседневно обедают у почтового двора и ужинают у нового рогоносца. Впрочем, кажется, как будто бы все дела находятся в расстройстве.

Г. Сухарева велено судить в сенате.

Велено, словесно, подавать от коллегии ежемесячные о числе больных, в обеих армиях находящихся, ведомости.

(Вторая половина февраля). Всем у приему при дворе прошений находящимся докладчикам велено, принимая прошения, немедленно по оным докладывать. Граф Александр Андреевич уделил после сего из числа набранных им прошений по несколько сотоварищам своим. Еще до сего граф просил государыню,

чтоб его от должности принятия челобитень увольить и, по примеру предместников его, определить в сенат. Государыня изволила ответствовать на сие:

— Хорошо, посмотрим.

Говорят, что Ивану Ивановичу Шувалову велено посоветовать графу Андрею Петровичу (Шувалову) идти в отставку.

16-го числа сего месяца г. рекетмейстер докладывал государыне прошение господ Собакиных*, приносивших жалобу в том, что дела их касательно раздела отцовского имения до сих пор не приведены к окончанию. Губернатору жестоко вымыли за сие голову.

— Я давно слышу и знаю, что у вас все дела так заведены, чтоб даром ничего не делать.

В сей день Двор был не веселого расположения и в сей день приехал сюда г. Драшковской**. К старой досаде присовокупилась новая, дней с пять кряду продолжавшаяся. Государыня недовольна, не получая от его светлости ответа на такую статью, на какую Ее И. В-во с нетерпеливостью ответа ожидать изволила; не знаю, однако же, на какую именно. Нужно его светлости продолжать с Александром Матвеевичем переписку, однако же, всегда такую, которую бы можно было показывать Ее И. В-ву.

По приезде Драшковского, государыня, поразмолвясь с Александром Матвеевичем (Мамоновым), пролежала на другой день в постели. Теперь опять все ладно.

Сиятельнейшая графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) вчерашнего числа ввечеру занемогла. Неизвестно, лихорадка ль или горячка ее сиятельство в постель свалила. Данное ее сиятельству рвотное несколько болезнь ее облегчило.

В здешнюю управу благочиния взяли недавно одного купца под стражу, которого, не дав ему знать вины преступления его, продержали под арестом три

* Т. е. Яковлевых, детей Саввы Яковлевича.

** Приехал вторично. В первый раз был 25 сентября 1787 г. *Ред.*

дни. Узнав о сем, совестный суд приказал, на основании высочайшего учреждения, оштрафовать управу 800 руб., из коих 300 руб. Никита Иванович заплатить должен.

По делам г. Поливанова (саратовского губернатора) старается здесь родной брат его, а как жена сего соделалась рейс-ефендиевою (т. е. гр. Безбородко) любовницею, то думают, что дела Поливанова преобразятся в другой вид.

Е. с. графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) дан недавно указ, коим предписано давать строгий отчет в деньгах, во время присутствия великого князя в Гатчине на прогоны издерживаемых; в прошлом году издержана на сие знатная сумма денег. Великий князь огорчен сим до крайности.

Прежде нежели назначен к командованию войсками сухопутными, в Средиземное море отправляемыми, г. Заборовской, г. Грейг рекомендовал Ее И. В-ву г. Гантвиха. Государыня изволила дать знать, что для сего дела потребен человек греческого исповедания.

Г. экзекутор Рылеев решился остаться при коллегии по-прежнему.

Подношу при сем копии с манифестов греков, сербов и молдаван к ополчению против агарян ободряющих.

(Февраля 23-го). На том самом основании, как я пред сим писал, успел я с банковым на первый год долгом поквитаться несколько часов прежде, нежели его сиятельство князь Александр Алексеевич (Вяземский) получил о сем письмо от его светлости. Сие полезно было многих ради причин: 1) Еще до наступления срока начали в банк вступать от покупателей кричевских деньги, которых ныне собрано более 30 000 руб. Сих денег не только в банке принимать не хотели, но и намерены были отправить их обратно к тем, от коих оные вступили, толкуя, что, не приводя касающихся до перевода дел к окончанию, банк с покупателями кричевскими не может иметь дела.

Спасибо банковому директору г. Туманскому, с помощью которого стоило мне немало труда удержать означенные деньги. Хотя партикулярно в банке о сем нужно было хлопотать до срока, чего его сиятельство князь Александр Алексеевич (Вяземский), не зная обстоятельства дела, исполнить бы не мог, и родились бы из сего, наконец, хлопоты, расчеты и переписки на долгое время. 2) Сначала писал ко мне г. Шталь, что, за исключением проданного имения, осталось на его светлости ежегодного банкового долгу 92 640 руб., но потом, учиня точнейший с покупателями расчет, как вы из подносимой при сем записки усмотреть изволите, открылось, что осталось на его светлости ежегодного в банке долгу только 89 760 руб. Сколь скоро вступят в банк от покупателей кричевских все 42 240 руб., то я оные поворочу в экстраординарную сумму, из которой поступило от меня в банк толикое же число денег вдобавок к той сумме, которую принял я здесь по ассигнации г. Шталя. Данную мне из банка квитанцию препроводил я к г. Шталю.

Кажется, хлопочу я о пользе дел его светлости (кн. Потемкина) столько, сколько более невозможно, не имея даже времени и не дерзая напомнить о себе, что, по теперешней во всем дороговизне, принужден претерпевать нужду и в покрове и в пище, яко вещах, необходимо человеку нужных.

(Март). За несколько времени пред сим украдены у г. Сутерланда, из кабинета его, золотые часы. Покража оных столь чувствительна была г. Сутерланду, что он не только публиковал об оной в газетах, но и просил убедительным образом г. обер-полициймейстера о даче строжайшего приказания полицейским служителям, чтобы сии употребили наиприлежнейшее старание в отыскивании вора. Некто из приятелей г. Сутерланда, проведавши колико он в сем случае заботился, написал к нему дружеское, но шуточное письмо, в коем, между прочим, изъяснился тако: «Как часы ваши украдены посетившим вас с Олимпа

Юпитером, то все поиски, клонящиеся к поимке оно-го, будут тщетны; ибо вор удалился с добычею паки на высоту неприступного жилища своего». Сей совет г. Сутерланду понравился. Он вознамерился об украденных часах более не думать, да и г. обер-полицеймейстера просил о том же. Разговор с сим последним был следующего содержания:

Историческое явление в доме обер-полицеймейстера.

Сут.— Хотя я ваше превосходительство прежде и просил об учинении поисков над похитителем часов моих, но теперь прошу более о сем уже не пещись.

Об.— Для чего?

Сут.— Для того, что я вора знаю.

Об.— Кто он таков? Как его зовут?

Сут.— Юпитер.

Об.— Что он за человек? Где он живет?

Сут.— На Олимпе!

Об.— На Олимпе! Я эдакого урочища здесь не знаю и никогда не слыхивал. (Потом, оборотясь к стоявшим в комнате его полицейским штаб- и обер-офицерам). Право не знаю! Да, да, бишь не на Петербургской ли это стороне?

Один из офицеров отвечивал:

— Нет, ваше превосходительство, я знаю немца Юпитера. Он серебряник и живет в Мещанской.

Об.— (К Сутерланду): Не он ли?

Сут.— Нет! Тот, которой мои часы украл, грек.

Об.— (К офицерам). Не знает ли кто эдакова грека?

Оф.— Не знаем.

Об.— Ну, черт его знает где искать!

Ежели бы спустя дней несколько после сего, граф Кирилла Григорьевич (Разумовский)⁶⁵ не истолковал г. обер-полицеймейстеру о Юпитере и Олимпе, то бы он о сию пору ничего об них не знал. Между тем в городе довольно сему смеялись.

Граф Яков Александрович (Брюс) занемог 22-го числа прошедшего февраля желчью, по всему его телу разлившуюся. Его сиятельство хотя не суевер, однако же исцеление недуга сего не хотел поручить искусству врачей-книжников. Следуя совету одного из своих официантов, вылечился граф совершенно и в короткое время нижеписанным средством: он смотрел в продолжение полутора часов на живую в небольшом судне беспрестанно плавающую щуку до тех пор, пока она, всосав в себя непостижимым образом всю графскую желчь, околела. Таинство симпатического сего лечения происходило в присутствии многих находящихся при его сиятельстве штаб- и обер-офицеров.

(*Март 1787 г.?*). Вследствие полученного в коллегии сообщения его светлости о размещении некоторых полковников в полки, г. Поликарпову предписано указом отправиться немедленно и непременно в полк, куда он, 7 марта, и действительно отправился уже. Сколько г. Поликарпов ни старался, чтобы наперед принести его светлости благодарность за доставление ему полковничьего чина, в Киеве, или где бы его светлость ни изволил обретаться, однако ж в том ему не только наотрез отказано было, но и в подтверждение рекомендовано, чтобы он указу не противился. Его и. в. великий князь, быв сначала на то согласен, чтобы г. Поликарпову ехать наперед в Киев к его светлости, при котором случае его высочество предполагал снабдить его рекомендательным письмом, вдруг потом изволил г. Поликарпову объявить:

— Настоящие обстоятельства требуют, чтобы ты, не быв в Киеве, отправился прямо в полк. Мое письмо сей раз не только не будет для тебя полезно, но и вредно. Не входя в исследование причин, делай то, что тебе граф Валентин Платонович советует, то есть поезжай в полк и старайся заслуживать благоволение его светлости.

Известно, что Ее И. В-во не весьма благоволит к сему новому полковнику. Сие, кроме прочих доказательств, заключают и из следующего происшествия. В то время когда был набор кавалеров для и. и. в. молодых принцев (Александра и Константина), и со стороны великого князя представлены были кандидатами господи Плещеев и Поликарпов, государыня изволила тогда сказать:

— Сии люди нужны его высочеству, да сверх сего они великие в свете знатоки и более знают, нежели подобает знать кавалерам, назначаемым к молодым воспитанникам.

Вот, уповательно, причина, почему графу Валентину Платоновичу (Мусину-Пушкину) да после того и великому князю не хотелось, чтобы Поликарпов съездил в Киев с рекомендательным от его высочества письмом. Я сие заключаю и из собственных слов его высочества, Поликарпову сказанных:

— Приезд твой в Киев и мой о тебе туда отзыв наделают, естли паче чаяния государыня о сем спроведает, его светлости хлопот. Да куда ты к князю хочешь ехать? И почему ты знаешь, что князь находится в Киеве?

Из сего явствует, как великий князь не думал, чтобы его светлость находился по сие время в Киеве, то посему и опасался снабдить туда Поликарпова письмом, дабы оное, в случае отсутствия его светлости, не попало в руки Ее Величеству. Да как его высочеству и думать о сем иначе можно было, когда, в чем я смело вас уверить могу, исключая одного судии и именно случайного человека, живущего в доме, окруженном львами, весь город твердил, что его светлости нет в Киеве. Одни говорили, что его светлость удалился из Киева, потому что государыня изволит негодовать на него по поводу принесенной графом Задунайским жалобы, прежде мною упомянутой. Другие толковали, что его светлость отправлен по некоторой комиссии в Варшаву. Еще другие, что

его светлость находится в других местах в Польше, а некоторые утверждали и то, что его светлость умер. Верите ли, что уже три воскресенья кряду, как по крайней мере тысяча человек меня о сем вопрошали, из коих каждому надлежало на его статью давать пристойный ответ. Вчера, то есть в воскресенье, некто из преданных его светлости, второклассной, у коего я был на поклоне, спросил меня, где Василий Степанович (Попов), и как я ему сказал: в Киеве, то он вторично спросил меня: разве Василий Степанович не с князем? На что я ответствовал ему, что и его светлость изволит находиться в Киеве. Я сие тем смелее сказать мог, ибо знал, что к вышеупомянутому судье писано было, что его светлость, купно с графом Александром Андреевичем, еще недавно изволили ездить в Белую Церковь и того же дня в Киев возвратились. После сего вопрошавший меня барин сказал:

— Боже мой, а меня уверили, что князь точно в Варшаву поехал.

Вы из сего ясно усмотреть изволите, что таковыми о его светлости повсеместными в здешнем городе сказками занимаются духи, не только в нижнем, но в верхнем парламенте, еще в превосходнейшем числе; разность сказок сих состоит только в том, что приверженные и доброхотствующие его светлости, услышав оные, тоскуют чистосердечно и, вопрошая о сем, имеют вид, прискорбие и печаль изображающий; когда, напротив того, другие, наслаждаясь сокровенно в сердце своем подобными сему лжищивательствами и ласкаясь событием оных, являют, вопрошая об оных, на лице своем притворную улыбочку, коварные помышления маскирующую. Однако же и сии робкие души, произнося имя его светлости, трепещут.

Великий князь подарил Поликарпову при отъезде 500 руб. и сюртук самого темнейшего зеленого сукна, с красными обшлагами, сказав ему притом, что:

— Ты можешь такие сюртуки и в полку ввести в моду.

Таковые сюртуки уже и прошлого года на половине его высочества носили.

Носятся здесь также слухи, что на Кавказской линии, по причине бунтующих горских народов, не весьма обстоит благополучно.

Михельсонша родила недавно сына; посему е. и. в. великая княгиня соизволила быть приемницею и, как известно, что Михельсон, живши пред сим не в лучшем с женою согласии, ныне живет с нею согласнее, то думают, что он для того с нею живет ныне согласно, что она родила ему сына, не любил же ее потому, что прежде все дочерей рожала. Но я о сем иначе заключаю.

Михельсон человек пронырливый. Зная, что госпожа Бенкендорфша состоит у е. и. в-ва великой княгини в милости, Михельсон весьма часто посылает теперь жену свою к сей госпоже на поклон, уповая сим средством найти себе кредит на половине великого князя. Вот причина Михельсонова с его женою согласия. Впрочем, я знаю, что Михельсон престрашной волокита и любит женщин горячего сложения, то по сему уверен я, что он холоднокровную жену свою никогда искренно любить не станет*.

(*Неизвестно какого месяца?*) Чрезмерная Петра Степановича (Валуева) задумчивость и частые вздыхания, сопровождаемые произнесением слов: «Ах, как бы дал Бог с честью от князя отстать», удостоверяют, что он, соделавшись помещиком, соделался купно и нарушителем собственного своего покоя. Я не думаю, чтоб кто-нибудь мучился неизвестностью будущего более, как он. Из числа нравственных его

---

* В «Русской родословной книге» изд. 1873 г., т. I, с. 235, значатся у Ив. Ив. Михельсона один сын — Григорий, родившийся 24 апреля 1791 г.; но если приведенные выше страницы (707—709) относятся к 1787 г., а не к 1788 г., как ошибся Лонгинов, поместив этот листок под 1788 г., каковая ошибка несомненна, так как гр. Безбородко с кн. Потемкиным ездили в Белую Церковь в феврале 1787 г. (Сообщ. Н. И. Григоровичем), то не был ли у знаменитого Михельсона еще сын, умерший в малолетстве и в родословии опущенный? *Ред.*

свойств трусость, недоверчивость и самолюбие виднее прочих. Побуждаясь действием сих страстей, нередко напоминает он мне:

— О, князь претонкой человек! — а Василий Степанович! Знаете ли вы его? — нет, сударь, вы его не знаете, а я знаю, довольно знаю.

Ответствуя всегда, что мы, имея волю избирать себе начальников, по выборе оных обязаны долгом повиноваться им, а не качества их рассматривать, не нравлюсь я Петру Степановичу, хотя, впрочем, и не нахожусь с ним в ссоре.

Третьего дня посылал я к нему нарочного, с которым имел он следующий разговор:

В.— Часто ли вы бываете у Гарновского?

Ч.— Редко. Да что и бывать по пустякам. Он также смотрит кверху, как и Василий Степанович. Ну, уж люди. Не дай Бог иметь с ними дела.

В.— Правда: и я это заметил. Черт знает, на кого этот Гарновский надеется. Он думает князю своею перепискою понравиться, — вздор! Князь его даже терпеть за это не будет. А Василий Степанович! — худо его Гарновский знает. Пусть только Василий Степанович приедет сюда, то и станут его, как онучу, употреблять. Вот в чем награждение ему состоять будет.

Ч.— Какою перепискою понравиться?

В.— Он, я думаю, всякую всячину пишет к Василию Степановичу.

Ч.— Что же он пишет? Он, мне кажется, ничего не знает.

В.— Конечно, не знает. Порет, что вздумается.

Ч.— Неужели он так неоснователен?

В.— Знаете ли? Никого не слушает и даже дружеским советам не внимлет. Кричит везде и распинается за князя. Посудите! Его ли это дело? Никого из больших не почитает, ну, пропащий человек. Нам ли с большими людьми связываться? Ведь за собаку пропадешь. Недавно подавал он о рекрутах записку,

которою многих господ огорчил. Это ему не так легко с рук сойдет, как он думает. У меня, слава Богу, есть кусок хлеба, а у него что? Будет раскаиваться, да поздно. Некоторые господа просили его к себе обедать, а другие ужинать; однако же он из одного упрямства не поехал к ним.

Ч.— Бог с ним, как посеет, так и пожнет. Что слышно о графе-докладчике (Безбородко)?

В.— Мамонов с ног его валит. Так и валит с ног. Однако же Мамонов не Ланской, покойник. Даст он себя знать и другим. Жалко, граф предобрый человек. Ну, что будет, если Василий Степанович поступит на его место?— Беда! Пропали челобитчики. С ним и черт не сладит. Ох, Василий Степанович! (покивавши главою) знаю я его; я уверен, что Василий Степанович менее графа князю предан будет. Тогда он более свои интересы и выгоды наблюдать станет.

Ч.— Неужели говорят об этом?

В.— Черт их знает, что они затеяли. Ох, князь! Князь претонкой человек. Князь скоро сюда будет.

Ч.— Право?

В.— Так точно. Я это верно знаю. Только Бог знает зачем. Вы ничего не слышали?

Ч.— Нет.

В.— Говорят, что начинают уважать старика фельдмаршала графа Петра Александровича, однако же сей пишет государыне, что ему дали босую, нагую и невооруженную армию, которую против неприятеля никак вести нельзя. Представьте вы себе, что у нас делается. Фельдмаршал старик, право, человек с достоинствами. У нас, видите, никто не надобен, а теперь понадобился и Лошкарев, который недавно послан был к очаковскому паше, чтобы склонить оного к сдаче крепости за известную сумму денег; однако же паша не согласился. Представьте, и Лошкарева ласкают теперь, которого Василий Степанович почитал за ничто.

Услышав вести сии и выправясь о помянутом графском представлении, опроверг я оное тотчас в присутствии графа Александра Андреевича (Безбородко) разными неоспоримыми доказательствами, а особливо некоторыми собственными графа Петра Александровича рапортами и коллежскими журналами, совершенно убеждающими, что неисправность в войсках украинской армии (если она существует) происходит единственно от того, что граф Петр Александрович (Румянцев) нередко изъяснял недоброхотство в исполнении данных ему, касательно реформы полков, из коллегии предписаний. Означенное представление графское читано уже в Совете. И так, я принужден буду, сколь скоро граф Валентин Платонович из Гатчины сюда прибудет, доложить его сиятельству, чтоб он оное, яко несправедливое и в предосуждении должности коллегиею написанное, постарался в Совете* опорочить.

Петр Степанович (Валуев) просится к вам для отдачи в делах своих отчета. Он знает, что вы теперь заняты делом. И так, ему не в том нужда, чтоб явиться к вам с отчетом, но в том, чтоб побывать у себя в деревне.

Двор.— Боюсь, чтоб князь не приехал теперь сюда. Он через это потеряет в публике всю свою репутацию. Однако же, он верно скоро сюда будет, я знаю его.

Глебов.— Граф Александр Андреевич не в таком теперь согласии с графом Воронцовым и г. Завадовским, как было прежде. Граф Петр Александрович поднимается, а в Екатеринославской армии только и воинов, что галера «Десна».

Сегюр.— Граф Безбородко князя любит; но Воронцов мешал всему. Теперь Воронцов не так с графом, как было прежде.

Чуть ли не Сегюр, о котором знают, что его светлость его любит, не настроен говорить тако. Многие

---

* Есть такие люди в Совете, которым зажимать рот нужно. М. Г.

думают, что граф Александр Андреевич для того расстраивает связь свою с графом Воронцовым, чтоб показать его светлости свою преданность. Но это дума, Бог знает, правда ли.

Какое бы ни было его светлости намерение, но я всех уверяю, что его светлость вскоре сюда быть изволит. Это нужно для того, чтоб содержать многих в страхе. Слава Богу, что, после отправления рескрипта, никто о скором прибытии сюда его светлости не сомневается.

Г. Мейнос, будучи весьма доволен двором, особливо же его светлостью, не замедлит своим к вам приездом.

Теперь производятся здесь сильные из гвардии и кадетских корпусов выпуски. Сегодня выпущено из греческой гимназии двадцать человек.

Господину губернатору Коновницыну предписано было объездить в здешней губернии все казенного ведомства селения, приглашая крестьян к переселению в полуденные места. Почти все крестьяне казенные согласны; да и помещичьих много охотников явилось, кои думали, что и до них таковое предложение касается.

Здесь, в Риге и в прочих остзейских городах, а может быть в Москве и других местах, скитается весьма много праздношатающихся людей. Не благоугодно ли его светлости составить и еще волонтирской полк?

Ее сиятельство графиня Екатерина Васильевна (Скавронская) была нездорова. Жестокая простуда причинила ей в левой щеке, в ушах и в горле такой вред, что к истреблению оного надлежало шпанскою мухою пользоваться. Слава Богу, теперь есть легче и гораздо легче.

Александр Матвеевич (Мамонов) намерен употребить все силы, чтобы с его светлостью никогда не ссориться.

— Я знаю, что двор иногда старается нашу братью с князем поссорить, однако же меня до этого никогда довести не в состоянии никто.

(*Месяца?*) Двор был весьма доволен отзывом его светлости, курьером Тиле, сюда привезенным. Некоторым наводило, однако же, скуку неполучение писем от вас. Я извинял вас слабостью здоровья, множеством дел, которыми вы заняты, и скоростью отправления курьера Тиле.

Александр Матвеевич, любя г. Рибопьера чрезвычайно, думает, что сей единственно из угождения к его превосходительству здесь оставлен. Почитая г. Рибопьера совершенно преданным себе человеком, его превосходительство неизвестен, что г. Рибопьер ведет с вами переписку, о которой, если бы он знал, то, несмотря на то, что она не содержит в себе ничего его превосходительству предосудительного, не имел бы он, по своей скромности и недоверчивости, теперешние к г. Рибопьеру доверенности. Не худо бы было писать иногда к г. Рибопьеру, кроме дел, вам потребных, и такие письма, которые можно было показывать его превосходительству, чего с последним вашим письмом нельзя было сделать по причине похвалы, в начале вашего письма, заключениям его изъясненным.

Присланные к вам из Астрахани виноград и арбузы поднесены мною его превосходительству Александру Матвеевичу, ее сиятельству графине Екатерине Васильевне, Екатерине Ивановне, Александре Степановне и г. Рибопьеру. Виноград был чрезвычайно хорош и гораздо лучше того, который прямо ко двору привозили. Он столь его превосходительству Александру Матвеевичу понравился, что часть оного поднесена Ее И. В-ву.

Весь город ожидает прибытия его светлости вскоре.

Желая испытать силы Александра Матвеевича, советовал я г. Рибопьеру, еще до получения им послед-

него вашего письма, сделать его превосходительству касательно вас предложение. Вчерашнего дня г. Рибопьер, пользуясь веселым его превосходительства расположением, происшедшим от отзыва его светлости, его превосходительству крайне любившегося, отозвался тако:

— Слава Богу, дела наши хорошо идут, князь тебя любит, Василий Степанович тебе предан, ты их также любишь, одного нам недостает...

— А чего?— спросил Александр Матвеевич.

— Чтобы сбыть с рук нашего недоброхота (Безбородко), а на его место возвести...

— Трудно,— ответил Александр Матвеевич,— однако же...

Выпуск из греческого корпуса учинен, как мне кажется, не без происков директора одного.

21 марта. На прошедшей неделе, пришед поутру на поклон к Александру Матвеевичу, его превосходительство изволил спросить меня: что вы (т. е. В. С. Попов) ко мне пишете? Оправились ли вы от болезни? Я отвечивал, что, между прочим, изволите требовать аптечки.

«Как? Аптечки!— сказал его превосходительство;— пожалуйста, не посылайте, сделайте одолжение, не посылайте. Я пошлю ему такую, которою он будет очень доволен».

После сего его превосходительство, потребовав пера, чернил и бумаги, изволил написать записку, которую поручил господину Зотову поднести Ее И. В-ву. Чрез пять минут принесли ответную записку, из которой его превосходительство дал мне знать только сии слова: «аптечку для Попова я велела тотчас приготовить».

Итак, вместо одной, получите вы вдруг две аптечки, одну дар Екатерины и другую — поднесение Рейнсесово.

Его сиятельство граф Александр Андреевич желает знать, что прикажете делать с Юговичем, пере-

водчиком нашим, и отправить ли его на флоте в Средиземное море?

В пакете, под № 4, изволите вы найти прекрасные стихи, подносимые вам г. Нарцискиным.

О прочих обстоятельствах донесет вам Иван Степанович (Рибопьер).

Марта 27-го. Его пр-ство Александр Матвеевич приказал мне, отправляя сего курьера, просить вас донести его светлости, что Ее И. В-во желает на письмо ее иметь от его светлости скорый, а притом и обстоятельный ответ, ибо чинимые в Швеции воинские приготовления обращают на себя все внимание нашего двора и учрежденного при оном Совета. Я рад, что государыня изволила решиться требовать, в сем случае, совета от его светлости, ибо сие послужит действующим лицам новым напоминовением, что они не во всем и не везде всеведущие.

Александр Матвеевич не теряет силы, да и партия не ослабевает. Ярость первого против последних укрощается чинимыми от двора подарками, до коих первой великой охотник; двор же (т. е. Екатерина) не щадит оных потому, что сим средством содержит между обоими равновесие. Отъезд отсель Ивана Степановича многим приятен, а для нас совершенно вреден. Утверждаю, что приятен не только по многим примечаниям моим, но и по словам Александра Матвеевича:

— Расставаясь с Иваном Степановичем, плакал я, как ребенок. Желал бы быть с ним навсегда вместе, но по теперешним обстоятельствам нельзя сему никак помочь. Скажу вам то, что я скрыл и от самого Ивана Степановича. Три недели тому назад, как государыня изволила мне сказать: «Рибопьеру пора ехать. Он имеет полк, а теперь военное время». Посудите, что после сего делать?

Из сего видно, что двор, почитая Ивана Степановича за предводителя его пр-ства, отъездом его доволен. Вреден отъезд Ивана Степановича для нас потому,

что для уловления его пр-ства расставлены сети. И сие утверждать буду, кроме других примечаний, собственными же его пр-ства словами:

— Какой прекрасной цуг ямских лошадей у Петра Васильевича (Завадовского)! Знаете, он мне хотел его подарить, однако же, я не взял, хотя, впрочем, подобного цугу в городе нет.

И так нужно Ивана Степановича прислать сюда обратно.

Псковского пехотного полку подполковник Языков отправлен в Швецию для разведывания о тамошних воинских приготовлениях.

Его и. в. великий князь крайне холоден ко всем тем, кто его светлости принадлежит, исключая ее сиятельства графини Катерины Васильевны. Надобно думать, что великий князь подозревает, будто бы отъезду его в армию помешал его светлость. Однако же теперь его и. в-ство сделался повеселее и с превеликим жаром приуготовляется вновь к походу.

Ее сиятельство графиня Катерина Васильевна не успела ничего писать, потому что изволила отправиться во дворец для принесения их и. высочествам благодарности за то, что во время болезни ее сиятельства их высочества о здоровье ее сият. изволили ежедневно осведомляться.

Четвертого дня благоугодно было Ее И. В-ву посетить нечаянно конногвардейской его светлости дом (Таврической дворец). Вновь сооруженные в зале колонны крайне Ее И. В-ву понравились. Служителям, при помянутом доме находящимся, пожаловано 100 руб., а модель римской Петропавловской церкви велено перенести в Эрмитаж.

Мне велено курьера сего отправить без всякого задержания.

Подношу ведомость, какова подана была государыне от графа Брюса о состоянии здешней дивизии, на прошедшей неделе.

Апреля 5-го. Отзыв о прибавочной сумме почел его сиятельство князь Александр Алексеевич (Вяземский) за сделанной ему со стороны его светлости выговор.

— Не от меня зависит сделать прибавку. Я сам предвидел, что она потребна будет, и для того спешил ассигнованием туда денег до наступления предписанных именным указом сроков, а притом старался доставлять таковые, сколько возможно было, в натуре. Теперь на меня же сердятся и мне выговаривают. Пусть его светлость пришлет исчисление, я доложу государыне. Мелкою-то серебряною монетою, которую только и берег для его светлости, сколько отправлено!

При сем восклицании возведены были очи на небо, изображенное иероглифом комнатного потолка. Выслушав сие, старался я наперед уверить его сиятельство, что светлейший князь чувствует все его одолжения, потом внушил ему, что отзыв о прибавочной сумме есть не что иное, как преданное благорассмотрению и благоволению его сиятельства представление. Ответы сии и присовокупленные ко оным другие примечания, кои предшествовали и кои сопровождаемы были покорность изъявлявшими поклонами, произвели в мыслях его сиятельства желаемое действие, ибо тотчас сделался он и веселее, и благосклоннее.

— Хорошо, любезный друг, конечно, прибавка потребна, спорить против сего нельзя. Были подобные сему примеры и во время прошедшей войны. Кто мог предвидеть такую неслыханную и в России никогда небывалую дороговизну! Почему, как мне, так и его светлости, можно было угадать, что четверть муки обойдется не дешевле семи рублей? Как же не быть прибавки, когда по исчислению отпускается за четверть только по 4 руб. по 50 копеек? Ты говоришь также, любезный друг, что его светлость кормит немалое число войск таких, которые в расписании не показаны. Это стоит уважения. Да для чего на них

ничего не требовано? Пусть светлейший князь пришлет исчисление, или я сделаю таковое примерное, которое пошлю к нему на апробацию.

Услышав слова «примерное исчисление» из уст, не всегда сердцу их свойственные глаголы произносящих, и у коих деньги почитаются кумиром Юпитером, доложил я его сиятельству, не прикажет ли сделать таковое исчисление в коллегии?

— Хорошо,— сказал он,— прежде, однако же, нежели оное ко мне по форме вступит, покажите мне его партикулярно.

Вчера поутру был я с оным у его сиятельства и он встретил меня тако:

— Здравствуй, любезный друг. Я, право, считал, что мне делают выговоры, ан, прочевши письмо в другой раз, вижу — твоя правда.

После сего, дабы приуготовить ко внятию просьбы о деньгах дух, к выдаче оных несклонный, пропел я в честь его сиятельству, в присутствии всех его секретарей, прозою несколько кантатов, к чему, правду сказать, подал повод сам его сиятельство рассказами о деяниях своих, честь, славу и пользу государству приносящих. Весьма при сем случае не позабыты были любовь к отечеству и преданность к особе Ее И. В-ва.

Дошло дело до сумм, ныне старанием его и попечением в обе армии на чрезвычайные расходы отпускаемых. Тут я, поблагодаря вновь его сиятельство за скорое оных доставление, поднес со всевозможным подобострастием исчисление мое. Приступив к рассмотрению одного, когда я заметил, что каждая прочтенная статья производила в нем вздохи, оханья и возведения глаз на небо, то я, напротив сего, при каждой же статье делал низкие поклоны и проклинал неслыханную дороговизну. Прочтя всю бумагу, какая сделалась в нем перемена, казалось, как будто приключилось ему бог знает какое несчастье, в таком он смятении находился. Сначала слышно было неодно-

кратное повторение три миллиона, жалостнейшим голосом произносимое, потом происходили подобные впадшему в отчаяние человеку телодвижения. Наконец, по долгом молчании, воспоследовали отзывы следующие:

— Да, надобна прибавка; если б я это знал сначала, то бы старался запасти деньги, но теперь где оные вдруг взять! Правда, есть у меня вне государства деньги, но чтоб оные получить, надобно вести переписку — туда почта идет 65 дней, да оттуда 65 дней. Я послал к его светлости исчисление, о чем докладывал и государыне. Буду теперь ожидать ответа или, хорошо, пусть ваше исчисление подпишет граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) и, при письме своем, пришлет оное ко мне; я поднесу оное государыне и буду стараться просимые деньги исходатайствовать. Я многим полезен быть могу, только сам для себя вреден и дурен. Спать не могу, когда озабочен каким ни есть делом. Ох, Боже мой, переживу ли я это хлопотливое время! Все только требуют, а никто в мою часть не входит. Намедни говорил в Совете, что из Белоруссии много людей в Польшу уходит, и предлагал, чтоб против сего приняты были меры. Однако же, хоть ты говори, хоть нет, все равно. Земли у нас много, но что значит земля без людей? Ведь никто об этом не думает.

При сем случае один из его секретарей сказал:

— Ваше сиятельство, надобно, чтоб нашим людям было лучше у нас, нежели там, куда они бегут, тогда они не будут от нас бегать.

По выходе моем от его сиятельства, вышли со мною вместе господа Лев Елагин и Борзов. Первой из них, остановя меня, сказал:

— И я вчера говорил его сиятельству, что до трех миллионов надобно прибавить, но он насилу и на два соглашался. Между тем за нужное нахожу сообщить вам следующее. Правда, теперь в некоторых местах четверть или куль муки, весом в девять пудов, прода-

ется по семи рублей четверть; но там, где вы хлеб покупаете, может быть в куле не более семи пудов весу, то не лишнее ли поставили вы в исчислении вашем, требуя за таковой куль по семи рублей с полтиною?

Я на сие ответствовал, что в моем исчислении ничего не упомянуто, ни о кулях, ни о весе, а только о мере, о которой и ему известно, что четверть продается по семи рублей с полтиною и дороже, с провозом же и сего дороже.

Известно, что и двору представления о деньгах неприятны, а еще сего неприятнее Совету, где завтра о сем трактовать будут, ибо письмо и при оном исчисление, с коих подношу при сем копии, отправлены к его светлости князю Александру Алексеевичу вчерашнего дня. Итак, подача исчисления от лица коллегии, кажется мне, будет его светлости приятна. Между тем прошу дать наставление, держаться ли сей подачи или требовать и еще прибавки, и какой именно? Надобно знать, что князь Александр Алексеевич сожалеет о выдаче денег не от недоброжелательства к его светлости, но от закоренелой привычки хранить и копить деньги.

1787 г.*

(Июль, после 11-го числа). Я имел уже честь донести вам, что вся санкт-петербургская публика ожидала 28-го дня июня с крайнею нетерпеливостью. Между прочим носились в ожидании одного слухи, будто бы присланы были в сенат и к его сия-ству графу Брюсу заключающие в себе объявление народу разных милостей указы, которые не прежде распечатать велено, как 28 июня, по окончании молебствия. Не было в городе того, который бы не ожидал каковой ни есть милости, толкуя об оных каждый по собственным до-

---

* Этот лист Записок Гарновского ошибочно был отнесен покойным Лонгиновым к 1788 г. Из Записок Храповицкого видно, что упоминаемый здесь приезд Екатерины II в Царское Село был 11 июля 1787 г. Н. Г.

гадкам. В самой день 28 июня собралось в Казанскую церковь, также и окружило оную, великое множество народа, мнимого объявления милостей ожидавшего. Но как нельзя было публиковать того, что тогда здесь еще не существовало, то все разбрелись по домам, утешая друг друга, что объявление таковое отсрочено до Петрова дни; а поелику и в Петров день ничего опубликовано не было, то начали говорить, что милостивые манифесты объявлены будут по прибытии Ее И. В-ва сюда, сентября 22-го дня. Действительное получение потом манифеста, в печатных копиях с сим курьером подносимого, решило каждого судьбу, исключая ожидавших чинов, кои ласкаются получить оные сентября 22-го дня. В числе сих состоит и Осип Степанович Судиенков, со статским советником Рубаном в одном чине быть не хотящий.

На бывшем, 29 июня, в Павловске маскараде было великое множество разного звания людей. Весь Павловский сад был под вечер иллюминирован, а в 11-м часу пополудни сожжен, не совсем удачно, небольшой фейерверк. Во время иллюминации видны были в огнях разные, нарочно для сего праздника сооруженные предметы, из коих главнейшим почесть можно было тот, на котором стояла надпись: «Храм супружной любви»; но что касается до прочих, то оные не только не имели ни малейшего к первому отношения, но и не были устроены с таким вкусом, чтоб можно было почесть распоряжавшего оными г-на Сергея Ивановича Плещеева⁶⁶, за великого в сем деле знатока. Итак, прейду я лучше историческое оные иллюминации описание молчанием. В сие время содержала при дворце Павловском караул рота гренадер из батальона морского. Одежда и прочий прибор сих солдат суть точь-в-точь такие, как будто бы оные нарочно сюда из Пруссии выписаны были. Рядовые употребляют старинного прусского фасона гренадерские колпаки, красные галстуки, прусского покроя кафтаны, камзолы, штаны и черные штиблеты. Унтер-офицеры

одеты так же; употребляют только вместо ружей предлинные эпантоны, выкрашенные иссиня-белесоватою краскою, с коими, попеременно, по два из них, примерно гвардейским уборным, содержат караул во внутренних комнатах офицеры (в целом батальоне и есть только один русской); носят мундир самого темнейшего цвета зеленого сукна, шляпы с узеньким, в палец ширины, позументом, черные штиблеты и также употребляют эпантоны. Живучи в Пруссии долгое время, я весьма доволен на тамошние войска нагляделся и посему смело могу сказать, что упомянутый батальон совершенная копия прусских солдат. Выписанной из прусской службы офицер, служащий теперь в здешней — капитаном, командует не только сим батальоном, штаб-офицеров не имеющим, но и ворочает наследниковым кирасирским полком, и занимает, как по всему видно, первое место по военным делам, когда, напротив сего, г-н Вадковской первенствует по комматным. Сначала существовала в вышеписанном убранстве одна только рота, батальон же восприял свое начало, как сказывают, в бытность Ее В-ва в Киеве, и в то самое время, когда здесь некоторые льстили себя надеждою, что нынешний покррой мундиров и наряд наших солдат отменится и будет все по-старому, а сие потому, будто бы не терпящие нынешней солдатской одежды успели доказать Ее И. В-ву, что старой мундир для солдат выгоднее и ческа волос им приличнее; вы из сего усмотреть изволите, что предубеждение в пользу старых мундиров действует так сильно, что многие о восстановлении оных не отчаиваются, а особливо любители войск прусских.

Многие мушкетерские полки опасаются лишиться гренадерских рот, почему Нарвской пехотный полк, опасаясь таковой потери людей, распределил рослых своих гренадер по другим ротам, гренадерские же роты составил из самых мелких людей.

Медико-хирургическое училище праздновало 1 июля двадцатипятилетнее царствование Ее И. В-ва. Русская

речь, которую говорил господин доктор Амбодик, никому в рассуждении многословия своего не понравилась, почему, по окончании празднества, Петр Васильевич Завадовской никому оные раздавать не велел. Однако же я оную достал и подношу вместе с немецкими, которые тогда же говорены и публике розданы были. Н. И. Рылеев запасся немецкими экземплярами более прочих, уповательно как для украшения библиотеки своей иностранными сочинениями, так и для памяти, что он присутствовал некогда при диспутах немецких, в предосуждение тем, кои почитают его чужестранных языков не терпящим человеком.

За два дня до прибытия сюда Ее И. В-ва отправил Петр Васильевич молодую жену свою, купно с ее матерью и М. В. Гудовичем⁶⁷, приезжавшим сюда на короткое время, в Малороссию. Его превосходительство намерен и сам проситься туда на год в отпуск. Будучи стыдлив, не хотелось ему вместе с женою предстать пред Ее И. В-м. Говорят, что жена раскаивается уже, что вышла замуж за злого, ревнивого, подозревающего и застенчивого меланхолика и мизантропа.

Слух носится, что его светлость подвел в дар Ее И. В-ву два эскадрона конницы и один батальон пехоты из своего польского войска.

Ее И. В-во соизволила прибыть благополучно в Царское Село в воскресенье, то есть сего июля 11-го дня, в 6-м часу пополудни. Их и. в-ства великий князь и великая княгиня, господа графы Брюс и Мусин-Пушкин, господа обер-гофмаршал Орлов, Соймонов и Турчанинов⁶⁸ имели честь встретить Ее И. В-во у самого крыльца. Все здешние губернии дворяне и находящиеся во оной чиновники намерены были встретить Ее И. В-во в Тосне, и Александр Александрович Нарышкин готовился при сем случае говорить Ее И. В-ву сочиненные господином Грибовским⁶⁹ две краткие речи: одну от лица дворянства, а другую — от лица Правительствующего сената; но таковая встреча прискакавшим из Валдая в Петербург курьером

отказана была. Ее И. В-во соизволила указать: никому из городских, приездом сюда до среды, ее не беспокоить.

Александр Матвеевичу (Мамонову) отведены комнаты во флигеле Ее В-ва. в среднем этаже, обок собственных комнат Ее И. В-ва. Сверх сего, занимает он в том же флигеле комнаты, как верхнего, так и нижнего этажа, так что у него всех до двадцати комнат будет. Никто не имел, да и теперь не имеет толикого числа комнат.

Господин обер-кригс-комиссар Козлов расположился жить, по приказанию его превосходительства, в нижнем этаже.

Того же числа прибыла сюда из деревень своих графиня Наталья Львовна Соллогуб; Марину же Осиповну Нарышкину ожидают в конце сея недели.

Их и. в-ства Александра Павловича и Константина Павловича ожидают сюда также в конце сея недели.

Мне не удалось поздравить в первой день приезда ни графа Александра Андреевича (Безбородко), ни Александра Матвеевича, однако же исполнил я сие на другой день, поутру. Поздравив наперед графа Александра Андреевича и по учинении некоторых взаимных учтивостей в речах, доложил я его сиятельству, не угодно ли ему, по случаю отправления курьера сего, писать к его светлости и к вам. Граф отвечал мне тако:

— До получения от его светлости ответа на посланную к нему из Твери с нарочным курьером весьма нужную и скорого ответа требующую депешу, писать теперь мне нечево.

Я на сие представил его сиятельству, чтобы написал хотя две строки, могущие преподать его светлости сведение о благополучном Ее И. В-ва сюда приезде, на что граф и согласился. В 12-м часу пополуночи не только вручил он мне письма к его светлости и к вам, но и двенадцать золотых выбитых на путешествие Ее И. В-ва медалей, для доставления оных к его светло-

сти. Одна из сих медалей запечатана в канцелярии его сиятельства, прочие же одиннадцать принял я счетом и у себя их укладывал. Александр Матвеевич сказал мне касательно ответа на вышеписанную нужную депешу то же, что и граф Александр Андреевич, из чего я заключаю, что Александр Матвеевич имеет об оной сведение такое же, как и граф Александр Андреевич. И его превосходительство заманил я писать таким же образом, как и графа. Сегодня получил я письмо и от него, со вложением в конверте, от него к его светлости, и письма от Ее И. В-ва.

Теперь здесь только и разговоров о превосходстве вверенных его светлости мест, морских и сухопутных строений и войск, о чрезвычайных угощениях и тому подобные. Многие все сие до небес хвалами превозносят, а особливо граф Александр Андреевич говорит, что никогда бы с теми местами не расстался.

Июля 12-го дня горела под вечер в Софийске небольшая иллюминация. Один только вензель Е. и по сторонам оного две пирамиды освещены были огнями. Никто из бывших в Тавриде, привыкши смотреть на чрезвычайности, чувства человеческие поражающие, смотреть на оную не хотел.

Того же числа сменил с дежурства графа Ангальта граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин), и граф Ангальт успел уже осмотреть в Царском Селе все места.

И господин Рейнегс негодует на Вейкарта, что он пустился в такую предосудительную переписку. Мне известно, впрочем, вся Рейнегсова с Вейкартом переписка, заключающая в себе одни только дела, до вверенной Рейнегсу медико-хирургической школы касающиеся и до женитьбы профессора Пиллаге относящиеся. Лучший здесь приятель г-на Вейкарта г. надворный советник Либерих, при почтовом правлении находящийся.

1788 г.

(Май). На другой день по прибытии сюда курьера Андреева, подписан подносимый при сем указ, из чего заключать должно, что перемена в Казанском кирасирском полку двору не неприятна была; а особливо доволен был двор (т. е. Екатерина) вашим письмом, коим вы советовали попенять на его светлость за крайнее о своим здоровье нерадение.

Нынешний отъезд Ее И. В-ва в Царское Село последовал столь нечаянно, что, исключая, может быть, одного Александра Матвеевича, никто об оном ни в городе, ни при дворе ничего не знал. 30 апреля, после обеда, Ее И. В-во, потребовав вдруг дорожный свой экипаж, изволила, не сказав никому — куда, предпринять туда путь. Узнали о сем по получении с Средней Рогатки дежурным генералом-адъютантом графом Брюсом собственноручной от Ее И. В-ва записки, в которой изображено было почти тако:

— Я поехала в Царское Село. Прикажите возвестить о сем в городе посредством пушечной пальбы. Должностям придворным, а особливо кухне, прикажите следовать немедленно за мною, учредя, впрочем, во дворце по старому обыкновению. Завтра быть Совету в Петербурге, а по окончании оного можете, коли хотите, приехать ко мне.

Граф Александр Андреевич ездил в Царское Село во вторник, то есть 2 мая, не более как часа на два, и пробудет здесь в городе, как он мне сам сказал, до четверга. По сим обстоятельствам принужден я был, для получения писем, и туда и сюда бегать. Его сиятельству хочется знать, принц Ангальт и Заборовский поместятся ли в штатное число генерал-поручиков? По его мнению, могут они оба быть сверх комплекта, дабы могли поступить в сие звание те, кои к сему надежду имеют и кои его светлостью аттестованы будут. Как мне кажется, то его сиятельству хочется, чтоб было производство, дабы был произведен

и Осип Степанович (Рибопьер), а без воинского — не будет статского производства. Приуготовляли такое к 22 сентябрю, к 24 ноябрю и, наконец, к 21 апреля, но тщетно. Теперь осталось дожидаться 28 июня.

В первый день мая погода нехороша была. Несмотря на сие, великий князь и великая княгиня изволили в Катерингофе быть на гулянье; ее вы-ство в парадной великолепной карете, пред которою шесть гусар ехали верхами, а его высочество, верхом же, в провожании из свиты своей многих кавалеров и других чинов. Ее сиятельство графиня Катерина Васильевна (Скавронская) изволила прогуливаться с послом в его карете, наряднее и богаче всех прочих экипажей. Во вторник, к обеду, и их и. вы-ства изволили предпринять путь в Царское Село, куда теперь и весь двор мало-помалу переселяться начал.

Паула Жонес⁷⁰, храбростью в прошедшую американскую войну прославившийся, принят в нашу службу контр-адмиралом и на сих днях имеет отправиться к вам для употребления в дело на Черном море. Он весьма государыне понравился, имеет вход в эрмитаж и, кроме англичан, крайне его ненавидящих, принят здесь всеми отменно хорошо, может быть — из угождения единого к двору, а может быть, и из почтения к его особе.

Граф Петр Александрович (Румянцев) поздравлял письмом великого князя с праздником Воскресения Христова. Как в письме не было означено, отколь оно писано, то великий князь отозвался, прочтя оное: «Voilà un arlequin des maréchaux qui ne marque pas l'endroit, d'ou il m'écrit». Тут же отзывается о Камери (?) Вадковском: «человек с такими отменными дарованиями, что нет той должности в свете, которую бы ему поручить нельзя было». О капитане же пруссаке: «Этот будет у меня таков, каков был Лефорт у Петра Первого».

Недавно ездил г. Завадовской в Ревель под претекстом гулянья на охоту. Надобно думать, что он туда

послан был, ибо, по приезде своем, имел он долгую при дворе аудиенцию, в восьмом часу утра случившуюся.

Некто бригадир Дьяконов, живущий с графом Александром Романовичем (Воронцовым) в крайнем согласии, отправился третьего дня, будто бы собственного ради любопытства своего, во Псков, Полоцк, Смоленск, Могилев, Чернигов, Киев, Новгород-Северский, Украину, Саратов, Астрахань, Кизляр и через линию обратно сюда. Чуть ли и сей не шпионом отправлен.

Двор весьма доволен полученным от графа Петра Александровича известием о взятии цесарцами Ясс. Известие сие напечатано уже в ведомостях.

Флоту, отправляющемуся в Средиземное море, потребно на его в год расходы около 7 миллионов рублей, которые употребятся из занятых в Голландии сумм. Касательно же наших государственных доходов, то едва в сем году и половина собрана будет. Курс теперешний рублю 35 штиверов, а говорят, что и 32 будет. Итак, г. Шталь, при открытии новых банков, говорил правду.

Как в городе рассеялся слух, что фрейлина княжна Щербатова⁷¹ влюблена в Александра Матвеевича и сей взаимно будто бы ее любит, то о сем говорили Александру Матвеевичу многие, в том числе и граф Яков Александрович (Брюс), советовавший его превосходительству поступать поосторожнее.

Александр Матвеевич почитал таковые слухи за пустые и негодные выдумки.

Между тем княжна поехала на резиденцию в Царское Село. Вам известно, что в Царское Село берут только тех фрейлин, о которых бывают просьбы, а посему надобно думать, что кто-нибудь о княжне просил. Чуть ли не просила о сем Анна Степановна Протасова для сыгrania какой-нибудь интриги. Сия особа крайне ненавидит Александра Матвеевича, так как и сей ее. Его превосходительство, кроме других, сказывал и мне, что государыня почитает Анну Сте-

пановну за шутиху. Как бы то ни было, Анна Степановна играет свои роли порядочно, и делают ей многие молодые люди кур, из коих лучше других принимается Кочубей. Кур делать немолодой невесте значит, как я думаю, не что иное, как иметь ее в потребном случае протекцию.

Мая 16-го 1788 г. Царское Село. Один португальский купец подрядился поставить во флот, отправляющийся в Средиземное море, 10 тысяч пуд пороху, коего на пробу привезено недавно к Кронштадтскому порту, на португальском судне, имевшем, кроме сего, апельсины и другие товары, до полутора пуд. Судно сие, еще до прибытия к брандвахтному фрегату, в 10 верстах от Кронштадта на якоре лежащему, дало знать, что имеет у себя порох, почему оно, по приказанию г. Грейга, имевшего о прибытии оногo предварительное сведение, тотчас отведено было в безопасное и от прочих, в гаванях лежащих, судов отдаленное место. Между тем происшествие сие подало повод к следующему в городе вранью:

«Пришло к Кронштадту, под английским флагом, подосланное от шведов или турок, судно с двумястами пятидесятью бочками пороху, которые, дабы их нескоро приметить можно было, закрыты были апельсинами. Намерение было, чтоб посредством оногo и с помощью находившихся на нем отважных людей ворваться во что бы то ни стало в военную гавань, потом зажечь и истребить весь флот наш. Спасибо командиру брандвахты, коего расторопностью уцелел от гибели флот. Всем судам, подходя к брандвахте, должно останавливаться, для дачи о количестве и качестве своих товаров предварительного отчета; но помянутое судно, плывучи мимо брандвахты, при тогдашнем способном ветре, под всеми парусами, давало о себе знать, что погружено одними апельсинами, что за имеющеюся течью остановиться не может и что желает скорее войти в пристанище. Брандвахтный командир, несмотря на сию выдумку, стал сперва по

судну стрелять, потом, снявшись с якоря, погнался за ним в погоню, принудил его остановиться, мачты на оном срубил и людей перевязал, которые содержатся теперь под секретным караулом и кои показали между прочим, что таковые же суда отправлены и к портам Рижскому и Ревельскому».

Государыня привезенными Малиновским депешами столько довольна была, что, прочтя оные, изволила отозваться:

— После сего не только фельдмаршал, но если б и вся Россия вместе с ним против князя восстали, я — с ним.

Довольна чрезвычайно государыня и тем, что от вас всякую неделю имеет быть курьер сюда отправлен. Письма государыни и Александра Матвеевича к его светлости, которые я читать удостоился, могут совершенно его светлость успокоить. Но, впрочем, здесь дремать нельзя, и то напоминовения, то объяснения нужны. Старались недавно внушить, что в Екатеринославской армии больных и умирающих много от того, что людей, вместо хлеба, будто бы за неимением оногo, кутьею кормят. Неужели, слыша сие и имея случай объясниться, молчать? Сия и подобные оной грубые лжи рождаются по большей части в доме графа Воронцова, говорится кое-что и в доме смирного графа (Завадовского?). Но из л... (?) язвительное, которое не стоит, чтоб о нем вспоминать, но которое доказывает, однако же, что связь графов неразрывна.

После крестин, которые имеют быть 21 мая, великий князь намерен проситься. Итак, сходственно прежнему донесению моему, его и. вы-ство будет вскоре у вас в гостях. Обе половины двора живут теперь в наилучшем согласии. Великий князь отменно государыне послушен, а притом и к Александру Матвеевичу толико же ласков.

Кто будет первенствовать в (военной) коллегии? Неужели кто-нибудь из двух старших аншефов? Если так, то дела до такой степени расстроены будут, что

нескоро лъзя их будет привести в порядок. Гантвиг из пределов воли его светлости не выступает или как его светлость заблагорассудит изволит. Нужно только предварить о сем государыню до отъезда отсель графа Валентина Платоновича, но не прежде, однако же, как тогда, когда об отъезде великого князя публично известно будет. Комендантов впредь коллегия, без воли его светлости, определять не будет. Граф доведен был до сего, желанию его светлости противного, поступка г. Наумовым и отчасти Русановым.

12 мая, поутру, видел я у Александра Матвеевича собственноручную записку, в которой, между прочим, написано было:

«Je pense donner le cordon d'Alexandre à m-r Zaborowski avant son départ, qu'en pensez Vous?*

Ответ был воле Ее И. В-ва соответствующий и того же дня помянутый орден дан г. Заборовскому, в Италию сухим путем отправившемуся.

Александр Матвеевич сказывал: «Представь себе, не только Жонеса с его светлостью, но и Заборовского с Грейгом хотели поссорить. Государыня всему предупредила».

Мая 29-го 1788 г. На другой день крещения великой княжны Екатерины Павловны, что случилось сего мая 21-го дня, хотелось уже мне отправить к вам курьера, но в течение прошедшей недели писем получить не мог, потому что государыня изволила заниматься шведскими делами, со дня на день более к войне, нежели к миру, клонящимися. Вчера государыня изволила графу Валентину Платоновичу объявить, что армиею против шведов командовать будет он, потому что граф Брюс по делам в столице Ее И. В-ву нужен. Какая радость для первого, сколько он ни холоднокровен, и какой удар для последнего! Только чувствовать, а не писать возможно. Первой могуществу его светлости приносит благодарность свою.

---

* Я думаю дать Александровскую ленту Заборовскому до его отплытия, что думаете Вы?

В Финляндию командированы три пехотных полка: Выборгской, Великолуцкой и Невской, да 200 человек из полку Леонова донских казаков, которые все, состоя в команде у г-на генерала-поручика Михельсона, расположены там будут по границе по рассмотрению его. Слава Богу, что поручено радующемуся, а не печалующемуся (т. е. гр. Румянцеву?), а то бы не было конца жалобам, приносимым государыне на неисправность войск здешних. Еще вчера жаловался государыне на Михаила Сергеевича (Потемкина) и, смело можно сказать, не дельно. Требуем, чтоб полки немедленно снабжены были ружьем наместо того, которое с выкомандированными в Средиземное море отпущено. На это потребно время. Граф Валентин Платонович оправдал его превосходительство пред троном, так как и пред наследником оного, которому Михаила Сергеевича рекомендовал в лице неисправного человека г. Бенкендорф.

Господин Игельстром донес Ее И. В-ву, что башкирцы прежде сентября месяца быть сюда не могут. Приказано здесь вербовать казаков, сколько оных набрать можно будет из мещан, ямщиков и вольных людей, добровольно в сию службу вступить желающих. Не знаю, с каким успехом это происходить будет, но невозможности нет. Граф поручил исполнение сего г-м Леонову и Паздееву. Делаются и другие к войне приготовления. Он же, г. Игельстром, опасаясь беспокойств на границе, ему вверенной, просил, чтоб корпус его усилить частью войск корпуса Сибирского. Кажется, Оренбургской корпус сам собою столько силен, что не требует подкрепления.

Флот отправится в Средиземное море июня 15-го числа, и разве шведы выходу оного воспрепятствуют. Думать, однако же, надобно, что шведы с объявлением войны дождутся выхода сего флота, хотя, впрочем, турки сделали им денежное вспоможение на тот только конец, чтоб выходу оного в Средиземное море непременно воспрепятствовать.

Обе половины двора еще никогда не жили в таком согласии, в каком они теперь находятся. Великому князю дано позволение (*vous etes le maitre de partir quand vous voulez*)* ехать в армию, куда бы его в-ство и отправился, если б наступающая со шведами война здесь его не удержала. Он охотнее против шведов, нежели против турок, воевать желает. Между тем верховые лошади великого князя, которые находились в Москве, отправлены в Екатеринославскую армию. Они там надобны будут его высочеству, если войны со шведами не будет, что решится около 20 июня.

Иван Степанович (Рибопьер) приехал сюда 26 мая. Он принят вверху так, как лучше быть нельзя.

Александр Матвеевич пожалован римским графом. Подношу при сем копию с указа, достоинство сие употреблять ему позволяющего, так как и список в день крещения новопожалованным. Таким образом, май доставил почестей добрый пай Александру Матвеевичу.

Вчерашнего дня ужинали у его сиятельства (Мамонова): государыня, камер-фрейлина, кавалера Нарышкина и ее супруг, здесь живущие, союзные посол и посланник, графы Брюс, Безбородко и граф И. Чернышев, недавно из чужих краев возвратившийся, да г-да Салтыков, Рибопьер, Бибииков, Михельсон, Уваров и Козлов. Пред ужином представлена была в комнатах его же сиятельства комедия французская. Граф (Мамонов) чрезвычайно доволен благосклонным его светлости (кн. Потемкина) отзывом, с генерал-адъютантским чином его поздравившим.

Письма от государыни и от графа Александра Матвеевича получены третьего дня, но, по именному указу, не велено было отправлять курьера до тех пор, пока не получу депеш от Александра Андреевича, которые только что теперь получены. Вчерашнего же дня, сходственно с желанием его светлости, возложен крест на преображенского протопопа, на георгиевской

* Вы — мой господин, и можете ехать когда хотите.

ленте. В день освящения Софийского собора, то есть 20-го сего месяца, происходила в церкви, до прибытия туда государыни, в одной карете с великим князем приехавшей, словесная баталия.

Владыка митрополит Новгородской не хотел с отцом протопопом Самборским вместе служить, а Самборскому нельзя было не служить, потому что двумя именными указами велено было непременно служить. Экстрактом донесу происшествие войны.

— Зачем ты здесь? я с тобою служить не стану! Знаешь ли, что из Киева пишут? Неурожай в хлебе оттого, что ты бороду бреешь, ты новую ересь заводишь! Брадобрение подает повод к расколам и к возмущениям народным. Что ты умничаешь! Отрасти бороду или предам и предаю тебя суду Божию. Воды освящать не позволяю и к причастию Святых Тайн не нахожу тебя достойным. Лицемер! Я не признаю тебя за протопопу!

Ответы:

— Здесь я — по именному указу. Служить должен, ибо власти не повиноваться нельзя. Отец мой, священник, ходил с бородою и в такое время, когда, по случаю неурожая в хлебе, был мор, от коего спасти борода отца моего не в состоянии была. Не умничаю, но не нахожу, чтоб борода составляла таинство веры. Охотно подвергаюсь суду Божию, быв крепко уверен, что лучше с Богом, нежели с человеком иметь дело. Чего ради причастия недостоин? Не виноват ни пред кем, а если виноват пред тобою, прости кающегося. (При сем случае Самборской пал к ногам преосвященного и прослезился). Протопопом называюсь, поелику самодержавной власти меня тако назвать благоугодно было.

Все сие происходило в алтаре и только недоставало кулачного бою, который бы немедленно последовал, если б святые отцы не старались прохладить жара спорившихся. Самборской вызывал владыку из церкви на площадь, дабы иметь диспут о вере. Бого-

служение отправлял архиерей в таком замешательстве, которое всем бывшим в церкви приметно было.

Жены камердинеров Бейера и Чернова, тоже Ремезова и сестра ее, да Бейер и Гавриленков, переправляясь на плотике чрез воду между садом и казачьим двором, потонули было, если бы казаки их из воды не вытащили. Плотик, с находившимися на нем, тонул от тяжести женщин, из которых тоньшая была гораздо толще покойной графини Катерины Михайловны. Гавриленков, при падении с плотика, попался одной из них... Казакам, спасшим жизнь утопшим, пожаловано от государыни сто рублей.

Июня 6-го 1788 г. Царское Село. Храбрый поступок покойного Сакена сооружал счастье родственникам его. Отцу пожалованы в Лифляндии гаки, а братьям чины и младшему из них, поступившему из конногвардейских вахмистров в корнеты, в тот же полк, 200 червонцев на экипаж.

Чтоб сделать конец жалобам, принесенным известным вам человеком на неисправность по части комиссариатской здешних полков, государыня изволила указать все оные осмотреть инспекторским смотром. Коллегия поручила исполнить сие Михаилу Сергеевичу (Потемкину), предписав осмотреть полки не настоящим инспекторским смотром, но только на тот конец, чтоб они, ежели надобность востребует, в поход выступить в состоянии были.

Полкам: Шлиссельбургскому велено быть сюда, Ингерманландскому карабинерному — в Нарву, 4 эскадронам Ямбургского — в Москву, Великолуцкому — в Финляндию. Итак, теперь в Финляндии четыре пехотных полка, три батальона егерей и двести казаков. Полевой артиллерии, сколь скоро для оной лошади искуплены будут, имеет быть отправлено 30 орудий. Деньги, по 30 рублей на лошадь, отпущены уже, так как и на заготовление там провианта и фуража 200 000.

Михельсон отправился для командования означенными полками, а в отсутствии его велено командовать конною гвардиею г. Боборыкину.

Кроме людей из полков здешних, для отправления в Средиземное море взятых, дано на сих днях из рекрут на Систербекские пороховые заводы сто, в канониры — сто, да в фурлейты 288 человек, а посему полки здешние в великом некомплекте.

По полученным известиям, посты на шведской границе усиливаются.

Некоторые советуют флот, назначенный в Средиземное море, здесь оставить, но государыня и слышать о сем не хочет. По мнению Ее И. В-ва, шведы войны вести не будут и только для того к оной приуготовляются, чтоб поквитаться с турками в пяти миллионах, первым от последних присланных. Ожидаемые из Швеции решительные ответы должны, конечно, возвестить продолжение мира или открытие войны. Если же ответы сии, паче чаяния, будут двоякого смысла, то вице-канцлер советует, не входя с шведами более в переписку, учинить на них со всеми силами военными, теперь здесь находящимися, нападение; но государыня мнит, что не нам надлежит произвести по шведам первой выстрел, дабы не огорчить против себя королей прусского, английского и их союзников. Когда донесено было Ее И. В-ву, что г. Жонес принят его светлостью отменно хорошо, то государыня чрезвычайно сим довольна была.

— *Mais se moi qui a arrangée tout cela**.

Ее И. В-ву крайне хочется, чтоб его светлость (кн. Потемкин) содержал в милости г. Жонеса.

Граф Петр Александрович (Румянцев) пишет, что он, для пользы государственных дел, увидится с светлейшим князем тогда, когда его светлость переправится через Буг.

* Ведь я — та, кто приведет в порядок все это.

Скоро пойдут в Финляндию наследников кирасирской полк и морской егерской батальон, квартирующий в Павловске.

Говорят, что дюк де Серра Кеприоли женится на княжне Вяземской. Граф Воронцов с некоторого времени, под претекстом болезни, сидит дома.

— Слава Богу, есть кусок хлеба, пойду в отставку. Будучи барином с дедов и прадедов, кстати ли быть в повиновении у молодого человека; одно только усердие к отечеству удерживает меня в службе.

По повелению графа Александра Матвеевича (Мамонова), препровождаю при сем копии с указов о последовавшей по Кавалергардскому корпусу перемене. Графу Александру Матвеевичу не хотелось, чтоб указы сии поднесены были, не доложась об оных его светлости, но государыня изволила сказать, что его светлости и без сих дел хлопот много. Указы писаны графом Александром Андреевичем (Безбородко). От единой искры бывают великие пожары. Может быть, намерение есть графа Александра Матвеевича с его светлостью поссорить. Но при теперешних обстоятельствах не дай Бог сего.

Иван Степанович (Рибопьер) в городе лихорадкою болен. Насилу мог он написать письмо к его светлости (кн. Потемкину). Вам он кланяется.

Я отправил бы вчера курьера, но ожидал копии с министерских писем, кои назначено было препроводить к его светлости. Между тем граф Александр Андреевич уехал в город, и я копии не мог дождаться. Пришлю оные с первым курьером.

(В 20-х числах июня, до 26-го числа). Малиновской приехал сюда июня 15-го дня. Он привез, кстати, хорошие вести, потому что государыня, размышляя о шведах, приуготовляющихся к войне, почти целую неделю невесела была.

Победа нашими судами над турецкими, 7 июня приобретенная, столь приятно здесь принята была, что сначала двор предполагал публично оную празд-

новать и, яко в нынешнем году за первую, принести Богу благодарственной молебн, но потом решился ожидать обстоятельного об оной известия, в ожидании коего находился он в некотором беспокойстве, которое со дня на день возрастало. Сегодня умножилось оное и более полученными из Швеции неприятными вестями. Решительного на вопросы наши мы ничего от них не получили, и король, хотя еще не объявил себя врагом России, но, впрочем, негодуя будто бы лично на графа Андрея Кирилловича Разумовского, повелел из шведских владений удалиться сему министру, которой, однако же, ответствовал, что не выедет из Стокгольма до тех пор, пока не получит о том повеления от государыни. Король жалуется, будто бы граф, наш министр, старался ввести в Швеции аристократию по-прежнему. Сегодня по поводу сего велено в городе собраться чрезвычайному Совету. По случаю недостатка генералов в здешней части 3-го и 4-го классов государыне угодно, чтоб его светлость оных назначил. Граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) располагает, в случае нужды, употребить господ генерал-поручика Гантвиха и Волкова да генерал-майоров князя Щербатова и Давыдова. Если его светлость не рассудит за благо уделить кого-либо из своих, то государыня довольна будет, если его светлость и из отставных надежных генералов сюда назначить изволит кого-либо по своему благорассмотрению.

Граф Ангальт, которой назначен был в Ревель к командованию полками, в Ревеле и Риге находящимися, отказался, да и просить его о сем не станут. Графу Валентину Платоновичу дал он знать, что желает быть аншефом, чтоб командовать войск отрядом, и что, кроме графа Валентина Платоновича, ни у кого другого в команде быть не хочет; графу же Александру Матвеевичу говорил он, что, в рассуждении крайней неисправности войск и некомплекта оных, командовать не хочет. И сим, России услуг еще не оказавшим, графом известные люди завладели! Од-

нако же, слава Богу, что сии люди мало или почти ничего теперь не значат.

Вчера играли здесь французскую комедию; но некто из придворных утверждал, будто бы играны были две комедии. Какие же? Собрание членов Совета и собрание членов театральных. И подлинно. Многие теперешний Совет почитают за собрание, в которое царь Давид входить запрещает. 15-го числа государыня, вошед в большую залу, заметила, что некто, отворив дверь с другого конца той же залы, тотчас оную, не входя в залу, опять притворил, сколь скоро государыню завидел. Велено было дежурному камергеру узнать, кто то был? Это был граф Андрей Петрович Шувалов. Спросили его сиятельство, для чего он не вошел в залу?

— Я в досаде иду из Совета, где врут и сами не знают что.

Якобий приехал. Был здесь, в Царском Селе, два дни, но государыню не имел чести видеть, и граф Александр Матвеевич его принять не восхотел. Теперь сей наместник засел в городе, под видом болезни, на квартире и никого, кроме людей, ему потребных, не принимает. Кто мажет колеса, тот шибче едет, а иркутскому наместнику есть чем мазать.

Цесарь, не знаю почему, недоволен его светлостью, и посол его, здесь пребывающий, желая ввести в лучший кредит при нашем дворе графа Петра Александровича (Румянцева), дружится сильнее прежнего с графом Александром Андреевичем (Безбородко). Граф Александр Матвеевич не хочет сему верить, но надобно, чтоб он верил. Он не хотел и тому верить, что прошедшей зимы граф Брюс и Завадовской его для того часто на ужин звали, чтоб после попойки воспользоваться слабостью его; но теперь этому верит, выслушав неоспоримые мои доказательства. Кто поверит, что Завадовской, ничего хмельного не пьющий, напивался допьяна? Неужели из преданности к графу Александру Матвеевичу?

В Выборг отправлены все, как лейб-казаки, так и полку Леонова. Пришедшая из Черкаска на смену новая лейб-казачья команда туда же пошла.

Еще отправлены туда две роты гренадерские Софийского и обе гренадерские роты Кексгольмского пехотных полков и вся сих полков полковая артиллерия. Из означенных четырех рот предписано сформировать гренадерской батальон, оставя при оном из полковых два орудия, а прочие шесть орудий отдать в Финляндской егерской корпус. Из полевой артиллерии отправлено пять орудий: два полупудовых единорога и три 12-фунтовые пушки, потому что только для пяти орудий лошадей искупить успели.

О башкирцах подношу при сем копию. Говорят, что в Финляндии кавалерию употреблять трудно. Не благоугодно ли будет его светлости повелеть сформировать вновь два драгунские полка, составя оные из рекрут и двух эскадронных команд, которые можно взять из пяти карабинерных полков, не находящихся в армиях?

Гвардейские команды приуготовляются также поспешно к походу.

Главнокомандующий украинскою армиею вопрошал на сих днях, что он еще до сих пор не знает, что ему делать? Представьте вы это себе! Не худо, что к сему случаю подоспело ваше письмо к Ивану Степановичу (Рибопьеру). Сегодня послан к нему рескрипт, коим велено действовать с вверенною ему армиею между Днестром и Прутом, турок, идущих сухим путем к Очакову, удержать и содействовать принцу Кобургскому, если сей генерал ко взятию Хотина приступить намерен. Прочтя сей рескрипт, спросили меня, доволен ли я и что я думаю? Признаюсь, кровь во мне закипела. Я отвечивал:

— Доволен, но сомневаюсь в исполнении повеления сего. Не дай бог, если граф так содействовать будет, как это случилось под Кюстрином.

Граф Александр Андреевич Безбородко, любя жену г. Поливанова, брата того, которой был губернатором саратовским, выхлопотал указ, коим велено отделить жену от мужа, будто бы она у мужа в опасности была. Граф Александр Матвеевич хочет докладывать в пользу Поливанова — не знаю, что будет.

По делу Богданова коллегия провиантская обвинила, несмотря, что в пользу Маврина поднят был в коллегии голос графом Ильею Андреевичем (Безбородко) и что Маврин старался убедить графа Валентина Платоновича то просьбою, то родом некоторых угроз. По решению дела г. Маврина крайне стараются, и теперь подана государыне записка, что коллегия признает провиантскую виновною, но что оную простить зависит от милости монаршей.

26 июня 1788 г. Реляция принца Нассау-Сигена принята здесь с толикою радостью, с коликим нетерпением оные ожидали. Резоны, побудившие прислать оную в переводе, признаны совершенно основательными. Воздаяние отличившимся при сем препроводить честь имею, исключая шпаг золотых, которые делать приказано. Сегодня приехал граф Апраксин. Какою радостью поразили всех привезенные сим нечаянные вести. Двор (т. е. Екатерина) толико важных успехов на воде не ожидавший, ныне восхищением оных упоенной, — вне себя. Будет молебствие и при оном торжество, соответствующее славе победоносной флотилии Херсонской. Дай только Бог, чтоб не помешали сему привозимые с севера неприятные вести.

Война со шведами близка. Получены известия вчера, что шведы пограничную нашу в Выборгской губернии таможду ограбили, а сегодня, что они же отправленной к Нейшлоту провиант отняли. Шведскому посланнику велено отсель убраться. Вдобавок к прежним полкам командированы в Финляндию лейб-гренадерской Нарвской наследников и Казанской, да

туда же следовать предписано Тобольскому пехотному и карабинерным Ямбургскому, Псковскому и Московскому. Наследников полк, проходивший вчерашнего дня здесь, государыня изволила смотреть с балкона и, смотря на оный, прослезиться. Да и всю прошедшую неделю, по день получения нассауской реляции, были ежедневные слезы.

Флот, которой был назначен в Средиземное море, останется на Балтийском, а сухопутной отряд высадится у Выборга на берег, где и присовокупится к собирающимся тамо войскам нашим. Однако же из сего пятитысячного отряда 800 человек находятся уже в Копенгагене, на трех стопушечных кораблях, туда отправленных.

Подношу копии с указов, по сей части воспоследовавших. Вы из оных изволите усмотреть, между прочим, что я буду иметь дело с новым командиром (Н. И. Салтыковым). Бог мне да поможет.

Граф Валентин Платонович отправится в Выборг 30 июня, а великий князь 1 июля. Сегодня дочь графа Валентина Платоновича пожалована фрейлиной.

Государыня, как слышно от надежных людей, переедет в город 30-го и потом изволит расположиться лагерем в Осиновой роще с резервным корпусом, которой имеет состоять из гвардейских батальонов и эскадронов. Во многих местах в городе караулы сняты, и дни четыре сряду содержали в обеих крепостях и городских караулы гвардейские полки. Теперь велено их отпустить и содержать гарнизонными, и то, по малому числу оных, только в самых нужнейших местах. Здесь можно бы сформировать волонтирские полки, наподобие екатеринославских. Но никто о сем не думает, а я, без воли его светлости, пропозиции сделать не смею. Сначала думали, что шведы только пустые виды делают, а теперь трусят. Из одной крайности в другую. Флот наш в таком состоянии, какового лучше желать нельзя.

Сего курьера надлежало бы вчера отправить, но не все депеши были готовы, а особливо анненские ленты, которые теперь только что присланы.

Граф Александр Матвеевич еще ни одним письмом его светлости не был столько доволен, сколько последним. Все делается по желанию его светлости. Граф Апраксин капитан-поручиком гвардии, с осыпанною бриллиантами табакеркой и 500 червонных; а курьер Рогозинской — прапорщиком и со 100 червонцами.

Июня 29-го 1788 г. Царское Село. Завтра переселится двор в город, где, в присутствии его, будет в Петропавловском соборе торжественной благодарственной молебен за победу, флотилиею над флотом одержанную. То ли бы было, если б не проклятые шведы. Если обстоятельная реляция не подоспеет, то будут оную читать экстрактом, из писем, от вас полученных, сочиненную. Движение шведских войск крайне двор беспокоит. Наших войск в Финляндии мало, ибо еще не все собрались из Риги, Ревеля и Олонецкой губернии; для защищения от нападения пушечного и чугунного заводов полков пехотных тронуть нельзя. Карабинерные же, Московской, Ямбургской и Ингерманландской разве недели через три поспеют. Из находящихся в Финляндии разделено несколько по крепостям; итак, для полевого сражения немного осталось. Потребна Божия помощь. У шведов галерной флот силен, а у нас его о сию пору нет. Впрочем, парусные суда наши в такой исправности, в каковой они никогда не бывали. Грейг уже получил повеление сразиться, если случай допустит. Из сухопутного отряда, который был назначен в Средиземное море, высадится из транспортных судов на берег в Петербурге 3000 человек, которые и отправятся тотчас в Финляндию. Прочие же сего отряда люди находятся в Копенгагене и на кораблях у г. Грейга. Батальон морской, находившийся в Павловске, велено отдать во флот... Просили, чтоб оный употреблен был в дело

на сухом пути и чтоб позволено было представить его государыне в Царском Селе, но отказано. Какая досада! Старанием графа Александра Матвеевича велено, однако же, людей сего батальона так употребить, чтоб его опять со временем собрать можно было. Граф Валентин Платонович отправится завтра к своему посту. Государыне он вчера откланялся и вчера явился к новому командиру. До сих пор он ко мне ласков, что будет вперед — не знаю. В субботу отправится великий князь.

Вы не поверите, сколь бы у нас во время праздников было слез, если бы не подоспели ваши приятные вести. Некоторые твердят государыне, что столица ее в опасности. Однажды в слезах сказано было (Екатериной):

— Если разобьют стоящие в Финляндии войска, то, составя из резервного корпуса каре, сама пойду.

Подношу копию с указа о пожаловании графа Александра Матвеевича в поручики кавалергардские. Более перемены не было.

Еще подношу копию с письма, которое писал король шведской к Михельсону. Сегодня продержал я курьера.

Государыня точно намерена стоять с резервным корпусом в лагере. Не было бы сие вредно здоровью Ее И. В-ва. Резервной корпус состоять имеет под командою графа Александра Матвеевича из трех гвардейских батальонов, трех конногвардейских эскадронов, егерей гвардейской команды и пехотных полков Кексгольмского и Софийского, от которых гренадерские роты и вся полковая артиллерия откомандированы в Финляндию. Хотели удержать в резерве полки Лейб-гренадерской и Нарвской, но чем же управятся в Финляндии? Кажется, и резерв бы нужно подвинуть, чтобы не раздробляться.

Г. Завадовской упражняется в сочинении манифеста.

Иван Степанович (Рибопьер) на сих днях отправится в полк. Если б все полки, по расписанию в финляндской армии показанные, были комплектны и исправны, какая страшная армия! Из церковников в приводе еще нет. На сих днях прибудет первая партия из Новагорода. В наследников полк делают кирасы на Сестербекском заводе. Хотелось бы и мне приняться за шпагу. Но кто против Бога и великого Новагорода! Без воли не смею.

Июля 4-го 1788 г. С.-Петербург. 30 июня двор переселился сюда и тотчас по приезде отправился в Петропавловской собор, где, за одержанную флотилиею над флотом победу, принесено было, при пушечной пальбе, благодарственное молебствие. Жалко, что к сему случаю не подоспел завоеванный флаг, толико здесь нужный для утешения плачущих и беспокоящихся. Весь двор потом расположился в Зимнем дворце, исключая великого князя, который ночевать изволил на Каменном острове, а на другой день отправиться в Выборг.

2 июля публикован манифест, при сем подносимый, а предисловие сего манифеста напечатано в русских газетах под № 51.

Шведы вошли уже в нашу границу, но не действуют. Я говорю, не действуют потому, что дают время нам оправляться. За распределением команд по крепостям, главнейшие наши силы, простирающиеся теперь до 8000 человек, кроме артиллерии, расположились под Вильманстрандом, заняв весьма выгодное место. Силы сии, с помощью крепости, в состоянии удержать супостата от произведения намерений его в действо. Идучи к Выборгу, помянутого места миновать ему нельзя, а Кексгольм, ситуациею своею охраняемый, постоит за себя при помощи небольшого числа войск полевых, в нем имеющих. В конце сея недели к главным нашим силам присовокупится из сухопутного отряда, которой был назначен в Средиземное море, с лишком три тысячи человек, да

Казанской кирасирской полк и Тобольской пехотной, которой везут сюда на почтовых, так как и многие другие команды. Авось либо поправимся. Находящимся здесь в городе господам помещикам предложено давать в солдаты, кто сколько пожелает, дворовых людей. Граф Безбородко дает 10, г. Завадовской тоже, а г. Волховской одного. Может, и сих наберем человек сот пять, а может быть, и больше. Посланник шведской убрался, через Полоцк, яко для него предписанной тракт, дабы глаза шведские не видели того, что происходит в Финляндии и Лифляндии. Накануне отъезда его секретарь посольства подал Ее И. В-вуноту, в которой предложены были мирные кондиции: «Шведам отдать Финляндию, а туркам возвратить Крым». Нота сия препровождается при письме государыни к его светлости.

Вы не поверите, колико государыня огорчена была подачею сея ноты.

От г. Грейга получили мы из Ревеля известие, что флот шведский удалился к своим берегам. Из Нейшлота пишут, что одним удачным пушечным выстрелом потоплена лодка с 19-ю вероломных шведов.

Сегодня в первой раз в жизни имел я счастье быть у великой княгини (Марии Феодоровны). Подносил ей от великого князя полученное из Выборга письмо и получил таковое же для доставления в Выборг. Граф Валентин Платонович поручил мне исполнение сего. Более меня не спрашивали:

— Давно ли вы из Выборга? Когда туда курьер поедет? Приходите ввечеру, письмо мое будет готово.

Когда я ввечеру пришел, то сказано: «Видите, как я исправна, письмо к великому князю готово».

В губерниях, здешней, Лифляндской и Финляндской велено платить прогонных денег на версту по 4 копейки.

Боже мой, что бы у нас было, если бы не последние ваши приятные вести!

Шпренгпортена хотят употребить к возмущению шведской Корелии.

Иван Степанович (Рибопьер) отправился на Новгородскую дорогу для принятия полку, походом сюда поспешающего.

Гусарской эскадрон комплектуется из вольных людей.

Арестанты, содержащиеся в кригсрехте, выпущены. Большая часть сих содержалась за побег.

Июля 13-го 1788 г. Происшествия наши северные описаны в подносимых при сем русских ведомостях, и в ожидании обстоятельной от г. Грейга реляции должен я, в дополнение к его краткой, донести вам следующее. Потерявший в бое руль, мачты и снасти, доставшийся в руки шведам, корабль наш, на котором командиром находился бригадирского ранга капитан Берг, называется «Владислав». Двум командующим кораблями от команды отказано. Робостью сих лишились мы означенного корабля и случая сделать над шведским флотом победу решительную. В Кронштадт привели два корабля, в сражении не только рули и мачты потерявшие, но и в испещренных кровью стенах поврежденные. Наместо сих отправлены к г. Грейгу два новые. Не входя в разбирательство флагов, взяв корабль и потеряв таковой же, помянутое сражение можно почитать за равное с обеих сторон, если б пред сим шведы не отняли у нас двух крейсировавших фрегатов и несколько галиотов, плывших из Риги в Выборг с казенным хлебом. Г. Грейгу послана андреевская лента, а генеральный адъютант его, г. Кутузов, за привоз сюда известий, пожалован в подполковники. Полоненного вице-адмирала повезли прямо из Кронштадта, через Царское Село, в Москву, потому что государыня видеть его не желала. В числе убитых находится между прочими предполагавший воевать в Средиземном море, при сухопутном войск отряде, гвардии офицер, князь Долгоруков, бывший пред сим флигель-адъютантом у его светлости. Луч-

шую надежду полагал король шведской на флот свой, которой экипировал искусными матросами, и если б шведам наш флот разбить удалось, то они намерены были, пришед к Кронштадту, оной сжечь и потом водвориться в Петербурге, где, по достоверным известиям, король предполагал препроводить зиму, а весною обещал любовницам своим дать фриштик в Петергофе. Когда флот наш, здесь остававшийся, соединясь вместе с тем, которой был назначен к отправлению в Средиземное море, о сю пору не успели восторжествовать над шведским, то что бы было тогда, когда бы лучшая часть нашего флота действительно отправилась в Средиземное море? Уже министру нашему велено было из Стокгольма убратся, а мы не отставали от того, чтоб не посылать флота нашего. Для чего?

— Государыне говорить не смеем.

Несмотря на сие, я говорить осмелился, и вот почему: 1) Открылось явно, что война со шведами неизбежна. 2) Что некоторые, надев маску усердия к его светлости, твердили государыне беспрестанно, чтоб флот, в угодность его светлости, поскорее отправить. Отправить для того (я достоверно узнал), чтоб иметь случай говорить после:

— Вот выгоды приобретений полуденных (стран); вот опасность столицы, вот наши услуги, без коих пропало бы все.

Вооружиться против сих коварных замыслов мне стоило много труда. Бог этому свидетель. Стоило мне и то труда уверить, что Финляндия, с помощью войск, теперь в ней имеющихся, в состоянии защищаться и что столица наша вне всякой опасности. Приготовляли к потере столицы и из Мурина повывезли в Москву почти всё. Жалко, что наш граф (Безбородко?) или не умеет, или не... входить ни в какие дела. А на такие дела, которые вверху, решительно сказано: «не всегда настраивать лъзя, чтоб не посадить себя на нож без всякой для дел пользы; я же теперь и

помощника (Рибопьера?) лишился, которой, приняв полк, находится с оным в походе. Хотят требовать из обеих армий полков. Можно ли? Укомплектовав здешние, будет с лишком 50 000 человек, следовательно, армия, превосходнее которой иметь против шведов нельзя ни в какое время».

С некоторого времени заметил я, что граф наш обходится с обществом ласково. Я не верю и по примечаниям, и по уверениям, чтобы граф с ними подружился. Но добрые люди умеют в мутной воде ловить рыбу. И я хотя вас не уверяю, однако же думаю, что от следующих причин произошла такая перемена.

— Ты видишь, что князь пишет к графу Александру Андреевичу дружески. Это неправда, чтоб они князю были злодеи. Как бы то ни было, и князь уважает их, как людей умных, государству полезных и мне необходимо нужных. Для чего же и тебе себя так не вести.

Внуша таковые правила, граф Воронцов владычествует всем. Владычествует точно, а граф наш, самолюбием ослепленный, не видит сего. Впрочем, уже граф наш (Мамонов) и скучать начал.

— Скучно; нет, мне долго здесь быть нельзя.

Если это сбудется, то ни от чего иного, кроме физических причин.

После взятия Очакова его светлости нужно побывать здесь. Это писать советовал мне и Рожерсон.

За усердие Николая Ивановича (Салтыкова), моего командира, не отвечаю, но по крайней мере не строгих он держится правил, (в) счетах, в коллегии основанных, как вы сие увидите из письма и рапорта его к его светлости.

После морского сражения король с войском своим и на сухом пути подался назад. Если это не для того, чтоб повыманить нас из авантажных и неприступных мест, где расположены наши войска, то он, конечно, трусил, и тогда я поверю, что слухи, якобы Англия и Пруссия ему содействовать будут, ложны.

Сейчас получено известие, которого я еще не возил во дворец. Деташамент, отряженной от Вильманстранда, разбил шведский редут у реки Пардокоски, отнял пушку, убил до ста человек, несколько полонил и теперь преследует шведов. При сем случае раздраженные наши против шведов гренадеры, следуя примеру казаков, чтоб схватить неприятеля, на другом берегу реки укрепившегося, бросились в воду.

Завадовский, поздравляя нашего графа (Мамонова) с победою, Грейгом одержанною, дал чувствовать его сиятельству, сравнивая оную с победою, на Лимане приобретенною.

— Со шведами не с турками иметь дело. Приметили вы, однако же, скромность, с которою реляция г. Грейга написана?

Яд лютейшего сего из двуногих зверей везде ощутителен. Поздравлял и Воронцов, но без примечания, кроме что в претензии, для чего знаков победы сюда не присылают.

Мне удалось у графа Александра Матвеевича прочесть письмо, которое государыня к императору (Иосифу II) писать изволила. Во-первых, государыня благодарит за поздравление, которое император приносил Ее В-ву с рождением четвертой ей внуки. Потом дано императору знать, что идущие с турецким войском против цесарцев визири подали его величеству случай увенчать себя и армию его лаврами, после коих Белград, сам по себе, будет в руках у его величества; наконец, описаны во всем их пространстве донкишотства одного из королей северных, нам враждующего.

Третьего дня приехал г. Боровской, в полковники пожалованной, а вчера к вечеру — г. Глазов.

Король шведской, если ему удачи не будет, намерен принять веру римско-католическую и жить в Риме партикулярным человеком. Гвардейские батальоны и эскадроны выступили уже в поход.

Июля 16-го 1788 г. После последней стычки со шведами под Пардокосками, по известиям, начинают шведы везде отступать. Стоят теперь спокойно под Фридрихсгамом, по которому уже стрелять было начали. Г. Левашов, находящийся в Фридрихсгаме с 2400 человек полевых войск, представлял, как в городе все строение деревянное и, следовательно, от осадной шведской артиллерии вскоре истребиться может, то для спасения войск, ему вверенных, не повелено ли будет ретироваться, оставя город на произвол судьбе?

На сие государыня приказала ответствовать, что он и для спасения войск, и для целого города должен в оном остаться.

Подполковнику Петровичу, разбитием шведов под Пардокосками себя отличившему, дан Георгиевской крестик 4-й степени. Будут награждены и рекомендованные от г. Грейга, коим уже прислан список, так как другие, по его же представлению, наказаны. Капитан Коковцов все выстрелы свои производил, не подходя к неприятелю на пушечной выстрел. Зато корабль его не ранен ни одним ядром, ни раненых не имеет.

Сиятельнейшая графиня (Браницкая) изволила предпринять путь вчерашнего дня в Белую Церковь.

Каменского с флагами ждут нетерпеливо. Реляция ваша напечатана уже в русских ведомостях, теперь подносимых.

19 июля 1788 г. 17 июля приехал сюда нечаянно граф Алексей Григорьевич (Орлов), которой того же дня обедал во дворце вместе с членами Совета, и начал твердить по-прежнему, что, занимаясь делами на полдне, привели государство в совершенную расстройку и что столица здешняя находится в совершенной опасности. Сей раз этот гость государыне в тягость, 1-е, потому, что многие еще до приезда его сиятельства пели Ее И. В-ву подобные его песням; 2-е, что опасность со стороны шведов почти миновалась.

Теперь у нас в Финляндии около 25 000 человек. Армия их на сухом пути ничего не предпринимает, а на воде и ожидать нельзя, чтоб они имели успехи. Слышно, впрочем, что в Швеции есть начало к междоусобной брани, а между тем в Дании, и на сухом пути, и на воде, в пользу нашу шевелятся.

Грейг не возложил на себя андреевской ленты и писал, что до тех пор не возложит, пока не сделается победителем шведов.

Из некоторых из подносимых при сем копий изволите вы усмотреть, что исполнение предписанного во оных ничуть не принадлежало, по роду своему, графу Якову Александровичу (Брюсу). Но что делать, с умыслу стараются дела ведомства воинского департамента привести в замешательство, дабы людям, любящим кричать, подать к тому удобной случай и удержать в социетете лишнего человека. Надобно вам знать, что теперь все Совета члены соединились воедино. Одно тело и одна душа с головою графа Воронцова. Однако же злодеи наши до сих пор мало имели пользы от происков своих, и крепко уповаю, что останутся навсегда без успеха.

Присланные от вас трофеи вчерашнего дня отвезены в Петропавловской собор. Флаги и вымпелы водою, а знамена — сухим путем, под прикрытием одного эскадрона Псковского карабинерного полку, идущего в Выборг. Г. Каменский ехал пред знаменами верхом.

Если г. Завадовской приносил его светлости поздравление с приобретенными на Днепровском лимане победами, то желательно, чтоб не было на оные ответа, ибо, получа оной, будет хвастать, что его светлости предан и что имеет с его светлостью переписку, словом сказать, будучи злодеем, даст о себе знать в некотором месте (т. е. у Мамонова), что он доброжелатель. Таковым он себя называет пред троном. К размышлению сему понудила меня рекомендация о г. Глазове.

— Ни к тебе, ни ко мне князь о Глазове ничего не пишет, а велел меня через Безбородку просить, чтоб пожаловать его в подполковники.

Граф Александр Матвеевич говорил мне тут: «Каким образом спорить мне теперь против ее, что они князю злодеи, когда князь сам имеет с ними дружескую переписку?»

Я мучился с его сиятельством часа три, стараясь уверить, что, кроме дел, обыкновенным порядком текущих, его светлость ничего к графу Безбородко не пишет. После сего послано было к графу Безбородко за письмом его светлости, и граф меня успокоил на том, что г. Глазов производится наряду с прочими.

Июля 29-го 1788 г. Граф Алексей Григорьевич Орлов нанял дом, следовательно, располагается здесь пожить. Весь город говорит, что он призван сюда по именному указу, но ближайшие и близкие к трону утверждают, что сей граф, беспрестанно государственное наше правление в черном виде представляющий, государыне крайне скучен. Злодеи его светлости, пользуясь настоящим положением происшествий, двор иногда тревожащих, делают все то, что только могут, к достижению адских намерений своих. Но тщетно. И когда я писал к вам, что желательно, чтоб его светлость вскоре нас посетить соблаговолил, то это не для того, чтоб была какая-нибудь опасность, собственно до особы его светлости касающаяся, но дабы не дать вкорениться во дворе посеянным в оном мыслям, что мы можем без его светлости обойтись. Одни ленивые не повелевают. Всякой лезет с чем хочет, всякой называет себя спасителем отечества и старается уменьшить цену деяниям людей несравненно превосходнее и полезнее себя. Один усердствует по-прежнему, но многого не видит и не все показывать лъзя, для того, что дела не поправит, а себе испортит. Надобно знать, впрочем, что в отсутствие Ивана Степановича (Рибопьера) со мною обходятся откровеннее прочих, а между тем другие строго за

мною присматривают, не я ли настраиваю. Недавно граф Александр Андреевич (Безбородко) велел мне выговор сделать, для чего я, зная, сколько его светлость дому его усердствует, не стараюсь бывать в его доме и что я от того много теряю.

Но как быть? Если мне бывать у него, то мне надобно или сделаться подозрительным графу Александру Матвеевичу, или подружить сего с графом Александром Андреевичем; что же из сего, наконец, родиться может? Конечно, зло, тем паче, что граф Александр Андреевич не отстает и не отстанет от графа Воронцова, и, следовательно, союзу сему не друг, но соперник нужен.

На прошедшей неделе шведы, сделав между Выборгом и Фридрихсгамом десант, приступили со всех сторон к осаде последнего, но потом вдруг удалились на судах своих неизвестно куда. Некоторые сию шведов ретираду приписывают их трусости и утверждают, что они бежали, опасаясь сразиться с отрядом наших войск, в помощь к находящимся в Фридрихсгаме, по получении о десанте известия, из Выборга отправленным; но другие приписывают ретираду несогласию, между шведами существующему. Говорят, что финские их полки, которых король хотел уверить, что мы начинщики войны, дали чувствовать, что свою землю защищать они готовы, но что на нашу нападать не хотят.

Вчера привез сюда генерал-адъютант Куликовской отнятой у шведов казаками под Фридрихсгамом штандарт. Сей штандарт оставили нам шведы взамен взятых ими у нас 29 человек больных из фридрихсгамского форштата. Тут приходило шведов только два эскадрона, и приписывают г. Левашову в великую неосторожность, что он дал время им уплестись. Оказалось на поверку, что то, что Павел Михайлович Глазов говорил о больных, касалось до больных турецкого флота, но графу Шувалову, из усердия к его светлости, угодно было дать словам г. Глазова соб-

ственной свой смысл, и тако пересказать о том государыне. Г. Шувалов спросил г. Глазова, отчего турецкой флот ушел из-под Очакова? Сей отвечивал, что людей потерял много и что также у него больных много. Граф же Александр Матвеевич услышал о больных от г. Шувалова, Михельсон, стоявший под Вильманстрандом, подвинулся со своим отрядом вперед. Он преследует шведов, которые, по полученным сегодня известиям, везде бегут.

Левашов перед осадю фридрихсгамскою (писал) следующего содержания письмо: «Я имею от многих дам детей, коих число, по последней ревизии, шесть душ; но как по теперешним обстоятельствам я легко могу лишиться жизни, то прошу, чтобы, по смерти моей, означенные дети, которым я, может быть, и не отец, были наследники мои».

Государыня приказала на сие ответствовать, что воля г. Левашова исполнена будет.

Monseigneur (в. к. Павел Петрович) дней пять кряду с графом Валентином Платоновичем не говорил. Разнообразие мыслей в рассуждении принимаемых к поражению шведов мер было причиною сего несогласия.

Сию минуту получено известие, что шведской флот, состоящий из 16 линейных кораблей, разъезжает по Балтийскому, разделясь на две части, из коих одна, увидя наш флот, удалилась в свою гавань Гельсингфорс, исключая одного корабля, севшего на мель, которой г. Грейг приказал сжечь, пересадив экипаж на свой корабль.

Г. Томичу поручено сформировать из вольных людей гусарской полк, наподобие сформированных у его светлости.

Г. Сенявину⁷² пожалована табакерка с бриллиантами и двести червонцев. Чин ему дать — отдано на волю его светлости. Он привез реляцию в тот самый день, когда мы получили известие, что десант шведской удалился, и так, сия радость, яко из места, от-

сель ближе Черного моря полученная, имела при дворе лучшее действие.

Августа* 1-го 1788 года. Шведы везде от нас бегут и почти уже все перебрались за реку Кюмень, в свою границу.

30 июля приступал граф Чесменский к государыне с новыми доказательствами о беспорядках, в государстве нашем существующих, а особливо сей раз критиковал более прочих часть воинскую, и доносил, между прочим, что солдаты наши ни ходить, ни стрелять не умеют, ружья имеют негодные и вообще войска наши в одежде и во всем никогда так дурны не были, как теперь.

Весь сей донос расположен был тако, чтоб внушить государыне, что всему сему причиною его светлость (кн. Потемкин).

Случившиеся тут граф Александр Матвеевич (Мамонов) и Михаил Сергеевич (Потемкин) принялись горячо оспаривать таковой несправедливой донос и умели дать оному такой толк, что государыня, почтя себя доносом Чесменского лично оскорбленною, дала с негодованием чувствовать, что, царствуя 25 лет, никогда она по своей должности упущения не сделала и что с сожалением взирает на заблуждения, в которых граф Чесменский находится. Это было графу Чесменскому очень неприятно.

31 июля граф Чесменский предпринял путешествие в Ораниенбаумской уезд, неизвестно куда именно и зачем.

Вчера под вечер привезли сюда отдавшегося добровольно в плен шведского майора Егергорна, отправленного от финского общества с доверенностью письменною просить о заключении с ними мира. Графу Александру Матвеевичу поручено было иметь с ним первую конференцию, что случилось в 11-м часу пополудни. При сем свидании отправлял я, сидя за

*См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XV, с. 9—38; 237—265; 471—499; 687—720; т. XVI, с. 1—32.

перегородкою, так что меня не видно было, секретарскую должность и записывал то, что из разговоров г-на майора более примечания достойно было. Это состояло в следующем:

«Сколько король шведской, наружными видами обольщенной, к войне ни склонен, но финны и шведы никогда не помышляли об оной, тем менее вести брань с таким сильным народом, какова есть Россия, и тем паче, что война, с какими бы успехами для короны шведской ведена ни была, не только никогда не может быть для Шведской Финляндии, яко театра войны, полезною, но оставит по себе в той части земли на многие лета весьма пагубные следы. Король, зная таковые подданных своих мысли, иначе не мог склонить народ свой, а особливо финнов, к поднятию против России оружия, как сильными убеждениями, что не он, но Россия начинает с ними войну. В таком случае и шведские, и финские полки собрались к защищению границ своих. Когда же приметили, что все королевские распоряжения клонились отнюдь не к защите собственных земель своих, но к нападению на чужие, как то сие сделалось явным при нападении на Фридрихсгам, то не оставалось ни малейшего сомнения в том, что не Россия, но их король виновник настоящей войне и вследствие сего все финские полки объявили королю, что земли свои защищать готовы, но на чужие нападать не станут. Финны, возвратясь после сего в свои границы, определили отправить меня со следующим к Ее И. В-ву прошением:

1-е — о восстановлении с короною шведскою, а особливо с финнами, мира.

2-е — о приведении шведского правления в такое положение, в каковом оно находилось до произведенной в государстве нынешним королем, по вступлении им на престол, революции,

то есть чтобы народу иметь право собирать сеймы, распоряжаться доходами, раздавать как воинские, так и гражданские чины и места посредством выбирае-

мых от народа сенаторов и других государственных чинов, от коих бы и королевская власть зависела.

3-е — чтоб со временем финнов, отделив от шведского правления, сделать независимым народом, собственное свое правление имеющим, чего теперь на первой случай сделать нельзя, дабы шведы, поступающие при теперешних обстоятельствах с финнами заедино, не возревновали к финнам.

4-е — чтоб при переговорах употребить г. Шпренг-портена.

5-е — чтоб уступить финнам некоторые из завоеванных нами крепости и места, которыми финны владели по Нейштадтскому трактату и о коих они, прося еще прежде быть независимыми, всегда здешний двор просили, дабы, сколько они теперь, пользуясь милостями Екатерины, от нападения ни безопасны, были таковыми и в будущее, в рассуждении наследников русского престола, и в неизвестные времена.

6-е — что на сие шведское войско, стоящее по ту сторону реки Кюмени, ожидало ответа.

К сему присовокупил г. майор еще примечание, что король их имел бы, может быть, до сих пор успехи, если б финны политически ему в том не препятствовали. Конференция кончилась тем, что майор обещал требования финнов подать письменно.

Когда гр. Александр Матвеевич докладывал о сем государыне, то письмо ее к его светлости написано уже было, и приключившаяся Ее И. В-ву ветреная колика воспрепятствовала приписать весть сию, в письме гр. Александра Матвеевича вкратце описанную. Может быть, его светлости странно покажется, что письмо от великого князя препровождается при письме Николая Ивановича (Салтыкова). Это оттого, что великий князь с гр. Валентином Платоновичем (Мусиным-Пушкиным) не говорит и письма свои к великой княгине посылает с нарочным курьером, вместе с которым прислано было и письмо к его светлости, доставленное к Николаю Ивановичу.

Алексей Васильевич Нарышкин подал по сенату в пользу г. Якобия голос.

О победе, на Черном море приобретенной, двор судит теперь весьма авантажно. Отдохнув после осады Фридрихсгамской, вникнули в обстоятельство, что два корабля сражались со многими.

Рекрут, кажется, опять потребно собрать со ста душ по одному человеку, а для препровождения их нарядить солдат из полков Тенгинского, Ширванского и корпуса Оренбургского или как повелено будет.

Книги Гибнерова сочинения, требуемые вами*, здесь нет, я приказал оную выписать.

16 августа 1788 г. Граф Чесменский ездил в Ораниенбаумской уезд для свидания с прежнею любовницею своею, супругою Петра Григорьевича Демидова (Екатерина Алексеевна, рожденная Жеребцова)⁷³. Возвратясь сюда, делал он новые покушения переиначить двор в расположениях одного к его светлости и настроить оный так, как хотелось социетету, когда его сиятельство выписан был сюда нарочно к такому времени, когда овладевшие двором беспокойствия обещали им в происках их наиболее успехов. К социетету принадлежит также камер-фрейлина (Анна Никитична Протасова), бесстыдно иногда горланящая, и цесарской посол Кобенцель, происки свои, по злобе императора на его светлость, продолжающий. В это время некоторые предметы и стечение обстоятельств представлялись вот в каком виде:

Стали судить, что гр. Чесменский говорит хотя просто, но правду, и говорит то, чего другие сказать не смеют. И что сей граф человек доброй, бескорыстной, не мстительной, усердной отечеству слуга и неправду ненавидящий. Стали повсеместно твердить, что гр. Безбородко сделался по комнате по-прежнему силен. Во время ежедневных собраний, бываемых при дворе пред обедом и после одного, государыня изволи-

* То есть Василием Степановичем Поповым.

ла наиболее разговаривать с гр. Воронцовым, отводя одного на сторону. Сей граф навязывался беспрестанно к гр. Мамонову с прошением позволения посещать библиотеку его и пользоваться ею.

Многие заприметили, что во время спуска корабля со здешней верфи, что происходило 26 июля, с неким отставным секунд-майором Казариновым, который служил пред сим в Преображенской гвардии и находился тогда на ординарцах у его светлости, разговаривали долго, сначала гр. Безбородко, потом Завадовской. Казаринова превозглашали, но, кажется, что означенные господа делают ему кур по-пустому.

Во время послеобедних или вечерних собраний Александра Матвеевича посылали часто гулять по набережной,— стали примечать, что у Александра Матвеевича происходит небольшое с кж. Щербатовою махание.

Все сие и стечение многих побочных обстоятельств заслуживало внимания и сему верить хотя нельзя было всему, но и не верить еще того хуже. Представля картину сего Александру Матвеевичу, пункт о Казаринове весьма его беспокоил. Он находился в таком смущении, что мне надлежало употребить многие способы к отвращению его от произведения по сей части следствия путем верховным. Поласкав самолюбию, сделался он повеселее.

— Судя об этих делах по-прежнему, ведь и лета уже не те, да и никто не был на такой ноге, как я. Что обо мне говорят в городе?

Я ответствовал:

— Многие вас похваляют за то, что вы из благодарности к его светлости преданы; касательно же вас и социетета, то та часть из двух имеет перевес, которая сильнее; например, стали говорить, что государыня часто беседует с гр. Воронцовым, тогда в публике социетет сильнее вас казался; когда же вы донос Чесменского опрокинули в глазах всего социетета, тогда публика почла вас сильнее социетета.

После сего спросил он меня:

— А ты что обо мне думаешь, скажи правду без лести.

Я отвечал:

— Доколе вы к его светлости пребудете преданным, сами захотите и не подадите повода уверить, что вы в кого-нибудь влюбились (чтоб он перестал с княжною Щербатовою махаться), вы будете таковы всегда.

Это его сиятельству так полюбилось, что он пожаловал мне тарелку с фруктами, присланную к нему от государыни и которая, если не ошибаюсь, назначена была княжне.

Между тем я рад был, что вырвался из лоскутного ряда без отрепьев и что после сего разговора дела восприняли совсем другой образ.

Гр. Чесменский начал собираться восвояси, куда и действительно уехал. Графу Безбородко были две сильные и на шутку не похожие погонки, и гр. Александр Матвеевич начал удаляться от сообщения с обществом, с которым он, как казалось, начинал было дружиться, что и Иван Степанович (Рибопьер), в бытность свою здесь, заметил и что и ему, и мне весьма неприятно было. Доколе был Иван Степанович здесь, его подозревали, а теперь я сделался в глазах многих подозрительным.

В конце прошедшей недели найден на берегу Невы-реки, против дворца, образ Св. Димитрия Ростовского и при оном письмо с надписью, чтоб кроме государыни никто оно не распечатал. Не знаю содержания оно, потому что, страдая геморроем, пятой день как со двора выходить не в силах.

Недавно граф Брюс, будучи во дворце в бильярдной комнате, завел разговор, что он, претерпевая убытки от поставки вина, продает вяземскую свою деревню, состоящую в 300 душах, богатому купцу Баташову, по 110 руб. душу. Гр. Александр Матвеевич упросил Брюса, чтоб сей продал оную деревню

ему. Это случилось в присутствии государыни. После сего Александр Матвеевич позвал меня к себе и мне все пересказал, с примечанием, что он в покупке не ошибся, потому что торговал заводчик и, следовательно, человек в покупке деревень толк знающий. Спустя дня два, осведомясь о сей деревне, послал я к графу вот какую записку. «Деревню торговал у графа Брюса не Баташов, но конногвардейской секретарь Артемьев и сторговал по 110 руб. душу. Сказано же было на Баташова для того, чтоб не дать государыне знать, что дело шло с Артемьевым, о котором она известна, что он нажил имение сбором оброков с недорослей. И так, не освидетельствовав, деревни покупать, кажется, нельзя». Гр. Александр Матвеевич, показав государыне записку, от покупки той деревни отказался. Теперь торгует он у Михаила Сергеевича (Потемкина) ярославских две тысячи душ, доставшихся его превосходительству от князей Долгоруковых.

От финн опасаться теперь нечего. Они отступили и от Нейшлота. Король трусит и к стороне Фридрихсгама окопался крепко. Флот шведской из Швепорга не выходит и претерпевает в съестном крайний недостаток. Недавно взял г. Грейг два корабля под прусским флагом, плывшие с солониною, которую они везли во флот шведской.

Последние из-под Очакова известия были двору неприятны. Нетерпеливо хочется, чтоб Очаков был взят прежде Хотина. Нетерпеливости двора нельзя удивляться, когда многие, не входя в обстоятельства, со взятием городов сопряженные, все почитают за безделицу и стараются то же внушить двору.

Гр. Петр Александрович прислал вместе с реляциями ко двору копии со всех ордеров, данных от него подчиненным генералам, и с рапортов от сих к его сиятельству дошедших. Хотят, чтоб двор занимался чтением по воинской части бумаг таких, которых и

секретари в коллегии никогда почти не читают. И тут без происков ни на минуту.

Г. Наумов в коллегии человек опасной. Бранные к Михайле Сергеевичу (Потемкину) указы — его, рукописи и распределение комендантов его же дело. Г. Гантвиг с ним за это побранился. Г. Гантвиг утверждал, что и прилично, и должно к его светлости о сем относиться, но Наумов кричал, что его светлость в коллегии только два голоса имеет, а не повелевает оною; основываясь на слове: «два голоса», велел он мне сказать, когда я впредь записки в коллегию посылать буду, то он велит меня посадить на гауптвахту, под караул, а надобно, чтоб впредь президент или заступающий его место, вместо записок, входили в коллегию с предложением. Однако же досталось г. Наумову за это от Николая Ивановича (Салтыкова). Г. Наумов ошибся. Он считал, что Николай Иванович перестроит коллегию по его мнению, но сей публично дал ему знать, что коллегия да будет так, как его светлости угодно.

2 сентября 1788 г. Шведский король удалился, как слышно, в Вазу. Негодуя на следствия начатой им войны, он намерен от правления отказаться, переменить веру и жить вне земель шведских. Нетерпимому подданными своими толико, сколько сей государь, кажется, и нельзя от правления не отказаться. Командовавший шведским флотом герцог Сюдерманландский командует теперь, наместо короля, укрепившимся в Гогфорсе шведским войском. Сей принц присылал к графу Валентину Платоновичу майора Егергорна, того самого, которой прислан был сюда от финского общества депутатом, просить о свидании с великим князем — но отказано. Принцу желается быть королем. Дела с финнами еще не приведены к концу; финны ожидают согласия шведов. Граф Валентин Платонович и великий князь переехали из Выборга в Фридрихсгам, куда перешла и гвардия, кроме конных эскадронов. Между тем, производя под

рукою мирные переговоры, приготовления к продолжению войны текут безостановочно. На сих днях отправлено будет к Фридрихсгаму несколько галер и построенных в Новгородской губернии, под смотрением г. Архарова, по образцу лиманских, бомбардирских и канонирских судов, для пресечения в лагерь шведской привоза съестных припасов. На прошедшей неделе великой князь, купно с графом Валентином Платоновичем, рекогносцировал стан шведской, при котором случае шведы по нашим стреляли и убили двух казачьих лошадей. По окончании действия сего, великой князь проговорил с отменным удовольствием следующие слова:

— Теперь я окрещен.

На графа Валентина Платоновича (в. к. Павел Петрович) негодует по-прежнему, а сей с Михельсоном пребывает в крайнем несогласии, когда, напротив того, наш Иван Степанович (Рибопьер) у всех трех на хорошей ноге. Полки кирасирские наследников и Казанской и эскадроны гвардейские, по ненадобности в кавалерии, скоро отпущены будут на зимние квартиры, да и война шведская при последнем издыхании, если не дадут ей жизни Англия и ее союзники. Уверяют знающие связь политических дел, что от Англии отделаться можно возобновлением коммерческого трактата, которой, однако же, по мнению их, до тех пор бытия своего воспринять не может, пока пребудет при дворе английском посланником нашим ненавистной оному граф Воронцов. Есть и другое, а может быть, и непреодолимое препятствие сему трактату: персональное государыни на короля английского негодование. Это замечено и из слов, на приватной отпускнутой аудиенции сказанных графу Нессельроду, третьего дня через Варшаву в Берлин на смену графу Румянцеву отправившемуся.

Флот шведской не смеет из Швобургской гавани показать носа и, уповательно, ожидает спасения своего от жестокости случающихся после равноденствия

ветров, могущих принудить флот наш, угрожаемый в открытом море множеством подводных и наружных камней, удалиться в гавань. Датчане объявили шведам войну. Теперь откроется поведение английского двора.

Гвардии сержант Ланской, за привоз известия о войне, датчанами объявленной, пожалован гвардии офицером. Граф Александр Матвеевич купил у Михаила Сергеевича (Потемкина) в Ярославской губернии 2432 души за 230 000 рублей. В Александров день, кроме пожалованных имениннику 10 000 р. и с бриллиантами трости, никому ничего не пожаловано. Накануне Александрова дня, в самой тот день и в последующий, гр. Александр Матвеевич был болен лихорадочным припадком. Теперь здоров по-прежнему. Вчера прислан к нему от императора диплом на графское достоинство. Графу Александру Андреевичу (Безбородко), которой для загородной езды пользовался всегда придворною каретою, запрещено употреблять оную. Публично приказано г. Ребиндеру, чтоб он без ведома и дозволения не осмелился никого снабжать придворным экипажем. Дело, за которое графу Александру Андреевичу была погонка, состояло вот в чем. Некто пермской прокурор Сафонов подал прожект новым способом вино курить, с ежегодною от сего для казны прибылью полтора миллиона рублей. Сенат сие рассматривал, испытывал, утвердил и поднес государыне доклад, которой пролежал у графа два года без доклада. Сафонов жаловался на сие государыне письмом, поданным им через бывшего тогда на дежурстве генерал-адъютанта графа Александра Матвеевича, за что и была помянутая погонка. Кроме коренных злодеев его светлости, весь город чувствует, что его светлости здесь быть необходимо нужно, и все, не исключая и графа Александра Андреевича (Безбородко), нетерпеливо ожидают прибытия его, ибо нет способу с двором сладить и дело похоже на кашу. Кто может, тот не

умеет, а кто умеет, тот не может, а между тем все со всякою всячиною лезут. Пусть так будет до приезда его светлости, дабы и злодеи его восчувствовали пред ним свое ничтожество. Но после взятия Очакова, в чем Бог да поможет, здесь его светлости конечно быть необходимо нужно, и для себя и для дел государевых и государственных.

Дан сенату указ о наборе рекрут с ста душ по одному. Набор начнется октября с 1-го числа, следовательно, месяцем ранее обыкновенного.

По получении депеши от графа Петра Александровича (Румянцева), пронесся в городе слух, что сей фельдмаршал положил твердое намерение идти в отставку; спрашивал я о сем графа Александра Матвеевича, которой меня уверил, что это неправда. Между тем, на другой день Александрова дня, г. Завадовский приходил к Александру Матвеевичу два раза, но допущен не был. Не писано ли чего-нибудь об отставке к г. Завадовскому, впредь узнаем, иначе я не понимаю, откуда бы слух об отставке пронесся. Впрочем, г. Завадовской, кроме дел, касающихся до графа Петра Александровича, не имеет никакого отношения к графу Александру Матвеевичу.

Сентября 21-го дня 1788 г. Болезнь, графу Александру Матвеевичу приключившаяся, принудила с отправлением сего позамешкаться. Накануне Александрова дня он с государынею немножко поразмолвился и от сего три дни пролежал, под видом лихорадки, в постели, с которой на четвертой день подняли его явленные ему милости словесные и существенные. Тут увидел я у него Александровский орден, которой хотели возложить на него в день кавалерского праздника, если б лихорадка не отсрочила исполнение сего до дня Рождества Пресвятыя Богородицы, то есть сентября до 8-го числа. Утешаясь знаками ордена сего, хотя он и сделался повеселее, однако же не переставал быть в задумчивости, ко-

торую, не зная настоящей причины, приписывал я 60 000 р., кои он занял у Сутерланда в число суммы, уплаченной Михаилу Сергеевичу за купленные у сего деревни. Можно бы было обойтись и без займа, ибо мы из нашего имущества сбыли с рук одни ассигнации, а с золотом ни под каким видом расстаться не хотелось. Не хотелось ему, впрочем, ни должником быть, ниже о заплате долгу кого следует просить. Сия-то, по догадкам моим, причина погружала его в задумчивость. Знающему странной его нрав сие не покажется удивительным, ибо его и безделица в состоянии мучить и тревожить. К сему подоспела новая неприятная для него встреча. Накануне 8 сентября вот что произошло вверху.

Брюс.— Я свою деревню продам, коли вы покупать не хотите?

Мам.— Продавайте! А кто покупает?

Бр.— Казаринов!

Мам. (Побледневши, весь в лице переменившись и почти умирающим голосом) — «Казаринов человек бедный, откуда он возьмет столько денег?»

Государыня.— Вишь не один Казаринов в свете. Покупает, может быть, не тот, о котором ты думаешь.

Брюс.— Сын покойного обер-секретаря сенатского.

НВ. Не один Казаринов! Стало быть, Казаринов известен, но, впрочем, покупающий деревню не тот, о котором говорят в городе.

Нельзя себе представить, в каком беспорядке граф тогда находился. Неизвестность, горечь, досада и отчаяние так сильно им овладели, что он принужден был, сказавшись больным, сойти вниз. Это было в исходе 10-го часа пополудни, при конце комнатных собраний, ежедневно при дворе бываемых. Пришед домой, начал он жаловаться на спазмы в груди, которые действительно начали его тогда же мучить и наконец до того усилились, что, в 1-м часу пополудни, надлежало ему пустить кровь, потому что жизнь его была в крайней опасности. 8-го числа государы-

ня, услышав о сем происшествии, залилась слезами. Между тем графу сделалось легче, так что он ходил вверх и возвратился оттуда с Александровским орденом. После обеда опять мучили его спазмы, хотя не так сильно, как накануне. Рожерсон и Мессинг были почти денно и нощно у него не без дела, но, несмотря на усердные их старания и действия целительных составов, изобильно больным принятых, спазмы то переставали, то возобновлялись почти две недели кряду, и при том не одни спазмы составляли терпимую им болезнь, но присовокупилась к оным и жестокая гипохондрия, которая не отставала от него ни на одну минуту; во время болезни он почти никого не принимал и даже посещения государыни были ему в совершенную тягость. Предо мною старался он всегда описывать непостоянство жизни человеческой, опасность своей болезни и напоминать об отличных милостях к нему монарших, дабы не подать повода к подозрениям, что у него, кроме болезни, есть на сердце печаль, которую он, однако же, сколько языком ни таил, но на лице скрыть не умел. Уверив меня крепко, что никого так не любили, как его, он стыдился открыть мне, что мечтающийся в уме его соперник мешает ему наслаждаться покоем. Я взирал с сожалением на сии преждевременные вздохи, и Казаринов нимало меня не тревожил. Меня беспокоила одна только графская гипохондрия и холодной его, несмотря на продолжение к нему милостей, прием известной особы, чем он легко мог наскучить. Что же касается до Казаринова, то я уверен был, что с сим никакой перемены не последовало, ибо с самых тех пор, как в городе начали говорить об нем, то я весьма надежному человеку поручил присматривать за ним; впрочем, как выше упомянуто, Казаринов знаком; знаком, однако же, только потому, что он везде, где случай позволяет, выставляет себя.

Приезд сюда Ивана Степановича (Рибопьера) восстановил все дела по-прежнему. Гипохондрик целовал

с радости приезжему руки, а двор, любящий больного по-прежнему, рад до бесконечности, что больной сделался здоров и весел.

18 (сентября 1788 г.) пожаловали ему бриллиантовую нового ордена звезду в 17 000 р. Во все сие время придворные, одни, проходя ту комнату, где висит графской портрет в Эрмитаже, говорили, что пора на место сего другой портрет повесить. Другие кричали, что русской табак не в моде, а Анна Степановна (Протасова) старалась всех уверить, что государыня смеется его болезни. Все это оказалось ложно, и графа любят сильно по-прежнему.

Великий князь возвратился сюда сего месяца 18-го числа. Ожидали, что его высочеству дадут за сделанную кампанию Георгиевский орден, но если одного завтра не дадут, то и неуповательно, чтобы в нынешнем году дан был.

Шведы выступили из границ наших. Место, на котором они лагерем стояли, заняли наши войска.

В Швеции собран быть имеет сейм, которому король желая воспрепятствовать, старался взбунтовать далекарлцов и приохотить сих к поднятию оружия против собственных соотчинов своих. Но тщетно: далекарлцы отказались. Теперь король адресовался ко многим европейским дворам с прошением, чтобы нас с ними помирили. Двор думает, что сей поступок может произвести в Европе войну гораздо опаснее шведской: может быть, захотят нас мирить с ним на кондициях, для нас несходных. Государыня недовольна и тем, что король с прошением мира не прямо к ней адресовался.

— Il frappe à toutes les portes pour demander la paix, mais c'est à moi qu'il devait s'adresser*.

Касательно сих дел от английского двора много будет зависеть; если сей нам не помешает, то и прусской злодействовать не будет. Уверяют, что с Англиею не

---

*Он стучится во все двери, чтобы просить мира, но это ко мне он должен обратиться.

трудно восстановить доброе согласие возобновлением, на первой случай, коммерческого трактата. Но доколе пребудет при английском дворе нашим министром граф Воронцов, до тех пор о возобновлении коммерческого трактата и помышлять нельзя. Сверх сего, главное затруднение состоит в том, что государыня англичан, а особливо короля их, не может терпеть. О цесаре продолжают хорошие мысли.

— *C'est moi qu'il aime, c'est à moi qu'il est attaché**.

Здесь цесарские наемники стараются утверждать мнение сие. Пусть бы это и так было, но жалко, что притом с прусским посланником обходятся крайне презрительно. Крайне презрительно, может быть, и против воли монаршей, ибо с некоторого времени государыня лично обходится с министром сея державы ласковее прежнего. Здесь цесарцы извиняют повсеместные неудачи свои тем, что они ведут вспомогательную войну.

На сей счет посол их кричит везде: *mon Dieu, mon Dieu, Oczakow!*** Сему подражают и наши наемники их; что же касается до государыни, то она нимало Очаковом не беспокоится, и все, что его светлость предпринимать изволит, превозносит хвальбою. Досадует на одно только то, что его светлость подвергает себя опасности. Какую пользу принесет Очаков, если виновник приобретения его постраждет.

Преданность гр. Александра Матвеевича к его светлости можно смело назвать примерною в свете.

(Начало октября). Граф Александр Матвеевич, скучая напоминовениями моими о приезжих от вас курьерах, отправления здесь ожидающих, приказывал мне, 28 сентября, одного из них к вам отправить с письмом своим, с шубкою от государыни и байками, о коих его светлость изволил к нему писать, чтобы оные скорее присланы были; но, имея тогда в виду тезоименитство светлейшего князя и донесение о де-

* Это меня он любит, это мне он был привержен.

** Мой Бог, мой Бог, Очаков!

лах, к сведению его светлости нужных, без письма государыни и таковых же от графа Безбородко, что бы значило отправление баек, и при оных известного мне неважного содержания его сиятельства письма? В оном значит, между прочим, что государыне, по причине обеда, писать (письмо) недосуг было. Нет — не обед был тому причиною, и это мне приметнее стало 30 сентября, когда я с знаменитым именинником приносил его сиятельству (Мамонову) поздравление.

Сей раз трудно было получить царское письмо, и граф, вручая оное мне, заприметил: государыня недовольна: 1) что не присылается сюда журнал об осаде Очаковской, 2) что от его светлости, в течение нынешнего года, не было принесено поздравления Ее И. В-ву ни с одним ее праздником, и наконец, 3) что от его светлости не воспоследовало ни малейшего отзыва о шпаге и золотом блюде, к нему посланных.

Все сие извинял я пред графом, а он пред государынею, столько сколько лучше можно было, а особливо последнее оправдывал еще тогда, когда, поднеся депеши, привезенные сюда последним курьером, государыня присылала к графу письмо его светлости с примечанием, через Захара объявленным: «наша посылка как в воду впала». Кроме сих причин, надобно быть еще другим, гнев таковой водворившим. Через все лето государыня была хорошего расположения, и претензии ее появились недавно. Я думаю, что во время графской болезни злодеи его светлости успели что-нибудь внушить. В числе злодеев занимает не последнее место цесарской посол, беспрестанно и неусыпно в происках коварных обращающийся. В сие время носился в городе повсеместно слух, родившийся, по догадкам моим, в Мурине, будто бы армия Екатеринославская, быв жестоко поражена очаковскими и капитан-пашинскими войсками, подвинулась семнадцать верст назад. Много было и теперь есть вранья, сему подобного, которым, яко ни малейшего внимания не стоящим, я вам не докучаю. Сию же

весть докладываю для того, что меня, справедлива ли она, спрашивали Совета члены многие и другие чиновники. Может быть, и государыня не знала, верить ли сему или нет. К сочинению сия вести несправедливые подал случай, как я думаю, отряд г. Уварова с полками. Государыня сверх сего занята была многими хлопотами и заботами, причиненными ей пропозициями о примирении нас со шведами, от королей прусского и английского последовавшими. 25 сентября в Совете определено было:

1) учинить обоим сим королям наглый отказ, а между тем, 2) в подкрепление оному отказу, украинскую армию, усилив ее полками из армии Екатеринославской и корпуса Кавказского, отправить в Польшу. 3) Собрать для такового же предмета в Белоруссии корпус, тысячах в тридцать человек. 4) В полуденных местах поступать против неприятелей, в случае прусской войны, образом оборонительным. Словом сказать, в собрании сей раз Совета, ежели голос одного Воронцова за Совет почесть можно, положено было по мере родить прусскую войну; всеильно заниматься приготовлениями к оной; возвысить сколько можно больше графа Петра Александровича (Румянцева); положить твердое основание к приведению в расстройку всех предположений его светлости, и посредством сего довести дело до такого замешательства, чтоб в мутной воде удобнее было рыбу ловить. Прочие члены Совета почитали мнение сие изречением вдохновения Божия. Да как и не радоваться таковому предложению? Одни льстили себе, что удастся им командовать отдельными корпусами, другие ожидали, в вознаграждение себе, от императора сокровищ; что же касается до государыни, то и ей мнение сие не нравилось, потому что старались ей внушить, что тако требуют сего честь ее короны, слава ее правления и польза общая и частная государственная.

Один граф Андрей Петрович (Шувалов) отважился утверждать противное сему. Сначала он объяснял-

ся с государынею словесно, потом отозвался в Совет с письменным голосом, с которого тогда же препроводил при записке к графу Александру Матвеевичу копию для поднесения государыне и просил, чтобы граф Александр Матвеевич, если патриот, любящий отечество свое, подкрепил мнение его. Голос сей, поданной сентября 28-го дня, возбудил в Совете великое на себя внимание. Поднялся шум и звон, а Воронцов от злости не знал, что делать. Чтоб обуздать сего хотя несколько и знавши, что его светлость писал пред сим к графу Александру Андреевичу, что королю прусскому напрасно отказано было неучтиво на сделанную им пропозицию помирить нас с турками, просил я Ивана Степановича внушить графу Александру Матвеевичу, чтоб он шуваловской голос подкрепил. Сие-то дел положение заставляло государыню скорбеть, сердиться и пребывать в суете, нерешимости и задумчивости. Мнение Воронцова казалось лестным, и голосом Шувалова пренебречь нельзя было. Между тем сегодня решилась государыня вести с королем прусским переписку учтивее прежней. Склонял я, впрочем, чтобы со всеми сими и многими другими важными делами отнеслись отсель к совету его светлости, но, с одной стороны, препятствует сему крайнее графское о делах нерадение, с другой же — неутомимые цесарских наемников происки, ибо сии, желая все дела решить так, как им хочется, стараются двор содержать в расположениях, намерениям их соответствующих. Дай Бог, чтоб не сделали привычки решать все сами собою.

Подношу копию с письма, которое писал здешний прусский министр к графу Нессельроду, новому нашему посланнику, отправившемуся в Берлин. Государыня изволила читать подлинное письмо и с тех пор обходилась с прусским министром ласковее прежнего.

Бенкендорфша родила мертвого сына. Великой князь и великая княгиня пожаловали ей при сем случае в подарок вексель в десять тысяч р., кои в три

месяца заплатить обещались. Подношу также копию с письма, собственно до меня касающегося, и при том всенижайше прошу о поправлении состояния моего, дабы я, в ожидании наследства, не пропал с голоду и холоду.

На шубке, подносимой его светлости, нашит ярлык с собственноручною Ее И. В-ва надписью.

Спустя после сего несколько часов, Малиновской отправился с сельдями, сыром, сливками и прочими вещами.

14 октября 1788 г. Король прусский требует, чтоб датчане от союза с нами отстали, а паче, чтобы покорять шведов они нам не помогали, в противном же случае грозит он отнять у них Голштинию. Отзывы государя сего, сделанные республике польской, также для нас не аванажны. Сколько приметить можно, то государыне крепко хочется побить пруссакам спеси, хотя же, в письме к его светлости, явного к тому намерения и не открыто, но это, я думаю, для того, чтоб его светлость не отсоветовал. Что, конечно, хочется — я не утверждаю, потому что непосредственного сношения не имею, догадка же моя основана на известиях, дошедших ко мне из вторых уст, и не из одних, которым, кажется, можно верить. После-завтра будет Совет, в котором, в присутствии главы оного, о сих делах трактовать будут. Полки пехотные Украинской армии хотят умножить числом людей, по новому штату, то есть в полку восемь мушкетерских рот, каждая в 212 человек, да и вообще сделать диспозицию армиям, куда какую часть, с кем и против кого обратить. Сие-то многих неприятных обстоятельств стечение заставляет желать его светлость здесь скорее видеть. Псковской драгунской полк формируется с прибавлением в оной рекрут, а не с присокуплением к нему Ямбургского полка. Вы спросите — почему? 1) что здесь много полков надобно, натвердили и твердят государыне; 2) хотелось дяде побережь племянника, хотя, впрочем, дядя в край-

не нехорошем положении при дворе, и 3) что граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) Ямбургский полк хвалит, потому что Михельсон его хулит. Я не знаю, что будет из Псковского полку: потребна куча лошадей и 980 рекрут, которых невозможно, кажется, приуготовить к весне конными солдатами! Святое дело, когда бы поступили по плану его светлости, и я продолжаю хлопотать о сем. У графа Валентина Платоновича с Михельсоном неладно. Их поссорили те люди, которые при начале шведской войны, описывая следствия оные, старались двору внушить, что, кроме графа Петра Александровича, шведов и наследников, их никто усмирить не может, и тот, которой тогда сам себя ласкал надеждою быть главнокомандующим финляндской армией. Реноме Михельсона печалило их, что графу достался в команду хороший генерал, а им хотелось, чтобы граф предводительствовал без успеха. Жалко, что граф поддается в подобные обманы и графа Брюса почитает своим другом.

Граф Валентин Платонович приехал сюда октября 7-го дня. Донесение его, что зимою никаких военных действий в Финляндии производить нельзя, не полюбилось: между тем для девяти тысяч человек делают из овчин куртки, валенцы и прочие зимние снаряды.

Храповицкий в моде, и с сим граф Воронцов всеми силами старается свести дружбу.

Подполковник Глебов взят, по именному указу, за долги под стражу, в надворной суд. Он должен с лишком двести тысяч рублей. Думают, что из сего дела произойдут худые следствия, ибо много взято денег с тем, чтоб по делам стряпать. Глебов посажен происками Цыгорова и по докладу здешнего главнокомандующего в губернии.

Подносимая басня сочинена, не знаю кем, на покойного Ивана Максимовича.

Четвертого дня племянник г. Завадовского шутил публично в банковом правлении: «под Очаковом три месяца уже (окружили), но гоноров о сю пору нет».

22 октября 1788 г. Войны с Пруссиею и Англией, кажется, избежать уже нельзя, потому что, с одной стороны, короли прусской и английской, приняв на себя вид повелителей вселенные, явным образом мешают нам во многих делах, с другой же, что государыня и Совета члены, признавая поступки сих королей непростительного наказания достойными, не полагают мщению соразмерных обстоятельствам пределов, и нет между раздраженными частями посредника. Если б пред сим перепискою хотя немного менажировали короля прусского и бывший в Берлине смененной Нессельродом министр не поступал бы там презрительно, то, может быть, не дошло бы до такой крайности. Письмо собственноручное к графу Нессельроду, с которого при письме к его светлости приложена копия, стоило двухдневных слез, чтоб согласиться выместить из него грозное и черное, что в нем прежде написано было. Трактую о сей материи, г. Завадовский всесильно старался графа Александра Матвеевича склонить на свою сторону, то есть внушить сему склонность к мщению, подобную своей и графа Воронцова. Господа сии сильно желают новой войны и всячески к оной настраивают и потакают. Сохрани Бог, если б все делалось по их внушениям. Непременно нужно его светлости побывать здесь, хотя на короткое время после, если даст Бог, взятия Очакова. Встревоженная со всех сторон, царица наша подвержена теперь век преждевременно съедающим беспрестанным печалям, сколько ее ни стараются веселить то комедиями, то другими забавами, и кажется, что свидание с его светлостью полезнее бы было в сем случае всех приобретений на свете. Граф Александр Андреевич опять немножко поправился, для того что дел исправлять некому, а Храповицкий хотя и моден, но с Бахусом не пресекает своего знакомства, да и способностей к делам таких, какие граф имеет, не имеет. Иван Степанович отлучился в Старую Руссу, где его полк стоит, на короткое вре-

мя. Никогда любовник к любовнице не может столько привязан быть, сколько граф Александр Матвеевич к Ивану Степановичу. Гвардейские роты велено укомплектовать 212 рядовыми и полк графа Петра Александровича (Румянцева) таким же образом.

Г. адмирал Грейг⁷⁴, к крайнему сожалению, скончался. Граф Иван Григорьевич (Чернышев)⁷⁵ с приезда своего из Италии почти все время сидел дома под видом болезни, явился же ко двору на другой день, получив о смерти графа известие; видно, хочется, чтоб, без согласия его, не был кто назначен к командованию флотом.

7 ноября 1788 г. Граф Шувалов, до подачи голоса своего в Совет, объяснял государыне содержание одного словесно, но как неусыпными стараниями известных господ предубеждения уже действовали, то голос сей государыне столько же не понравился, сколько несносен был Совету, которой, с своей стороны, именовал оной сумасбродством, ни малейшего внимания не заслуживающим, и мнениям, воле и достоинству Ее И. В-ва противным. Огорченной сим происшествием, граф засел после сего дома и занимался размышлениями в ожидании мщений, графом Воронцовым с товарищи ему приуготовляемых, хотя, впрочем, гр. Мамонов, убежден будучи мною и Иваном Степановичем, и защищал голос его. Тут не было, однако же, более успеха, как только что решились с берлинским двором вести переписку умереннее той, каковую предполагал Совет, привыкший словами язвить все то, что идет не по его мыслям. Да и сие снисхождение стоило довольно слез. Посетя графа в таковой его задумчивости и объявив ему, что его светлость с мнением его согласен, какой это был для него подарок? По его мнению, нельзя было избрать к употреблению в государственные дела вреднейших людей, как графа Воронцова, Завадовского и графа Безбородко.

«Воронцов главная всему пружина, человек тот, которой во всех своих деяниях и предприятиях не имеет другой цели, кроме причинения вреда его светлости, хотя бы сие и с самою государства пагубою сопряжено было; человек, который дал императору обет содержать здешний двор в таком расположении, чтоб мы всегда готовы были споспешествовать ему во всех его намерениях, хотя бы оные пользе наших дел не всегда соответствовали; интересант, советник многих для России бесполезных коммерческих трактатов, от которых только он и товарищи его получили свои корысти и, словом сказать, коварством преисполненной государственной злодей; Завадовский первой ему друг и товарищ, потатчик, Махиавел и исполнитель на бумаге умоначертаний Воронцовых, а Безбородко верховая лошадь Воронцова, человек, впрочем, добрый и полного понятия, но по связи своей опасной. Нет тайны в делах наших, которые бы не знали посол и вся канцелярия его; мудрено ли после сего, что дела наши в отношении к прочим державам европейским пришли до такого замешательства. Я вас уверяю, что грозящая нам прусская война и сопряженные с оною многие неприятности суть дела, от вымыслов их родившиеся, дабы им тем удобнее удалось в мутной воде рыбу ловить. Я многое предоставляю словесно пересказать его светлости, уповая, что он скоро будет сюда, если любит отечество свое. Какая нужда была прожектировать в теперешнее время с Польшею трактат? Для получения 12 000 червонцев! И какая нужда была рекламировать так скоро датской сикурс? Я предсказывал Совету, что король прусской вмешается по поводу сего в шведские дела, и тем паче не надлежало нам датского сикурсу требовать в нынешнем году, что для нынешней кампании он был для нас совершенно бесполезен, а для будущей — успели бы мы потребовать его в будущем январе месяце. Спешили для того требовать сикурс, чтоб скорее

подать повод к прусской войне. Это невероятно, что они против князя (Потемкина) предпринимали».

Я всячески буду стараться удержать графа в таком расположении к его светлости. От сего есть очевидная польза. Князь Вяземский одного с графом Шуваловым мнения; о графе Пушкине сомневаться нельзя, потому что сей никогда с Советом не был согласен, а Салтыков также, думаю, ополчиться не посмеет,— итак, в Совете сделались две партии, когда, напротив сего, прежде никто в Совете не посмел противоречить Воронцову и союзникам его, почитая изречения их почерпнутыми из монарших уст. Вчера трактовали в Совете: вводить ли в Польшу новые войска? Граф Шувалов отозвался письменно, что об этом Совету трактовать не следует, но надлежит оное предать благорассмотрению его светлости, яко фельдмаршалу и первому военному министру, которому ближе должно известно быть, надобно ли в введение в Польшу новых войск, сколько именно, куда и каких?

Иван Степанович еще из Старой Руссы не возвратился, а письмо ваше отправил я к нему с нарочным курьером.

Завадовский рассуждал: «Если бы князь не обнажил здешнюю часть войсками, то бы шведы никогда в войну с нами вступить не посмели, и если б под Очаковом не..., то бы король прусский никогда не посмел поступать с нами так дерзко. Верно, цесарцы для того Банат оставили, что граф Румянцев ближе к Дунаю подвинулся: одно имя Задунайского приводит уже турок в робость».

Граф Румянцев пишет сюда, между прочим, что и в тамошних местах теперь уже холодно и что куртки солдат не греют.

Сердечно и я желаю, чтоб его светлость после взятия Очакова соблаговолил поспешить приездом сюда, тем более что теперь и государыня желает его видеть здесь скорее. Не худо бы застать расстроенное

положение помянутых трех господ, которые весьма не в моде. Кажется, государыня узнала их и полезные их дела. Воронцов, под видом болезни, сидит уже две недели дома. Князю Вяземскому поручено сделать объяснение, почему наш рубль ходит не дороже 32 штиверов. Кажется, что сей не пощадит Воронцова. Дай Бог, чтоб его светлость поспешил, а то нужда в деловых людях, не имея на примете других, может быть, и опять принудит приняться за них, хотя они доведены теперь до весьма покорного положения. Нужен приезд его светлости более всего для того, чтоб огорчения... с ног не свалили. Прибежище к сочинениям комедии не унимает слез. Сколько, впрочем, ни крепятся, а, кажется, тревожатся и тем, что сделана ошибка в доверенности к людям, крайне дела наши расстроившим, и что не внимали тому, что от его светлости предсказано было.

Подношу при сем голос графа Шувалова и протокол Совета, голос шуваловской на свет родивший.

Подношу также ведомость, сколько экстраординарной суммы принято и сколько еще принять следует. Без отзыва его светлости ничего не дадут, потому что его светлость обещать изволил князя Александра Алексеевича (Вяземского) уведомить, сколько ему денег потребно. Вся принятая сумма отправлена к вам, как вы из ведомости, при письме графа Валентина Платоновича отправленной, усмотреть изволите. Теперь остались здесь одни плотничьи деньги, ежемесячно принимаемые, которые большей частью налицо, кроме 10 000, в расход уже поступивших, разумея сего года мая с 1-го числа месячные деньги, а за целый год прошлый, то есть сего года мая по 1-е число, и плотничья сумма к вам отправлена. Строевой же херсонской суммы в приеме не было. Здесь без денег быть нельзя, почему и удержана месячная сумма; то, что за расходом останется, конечно, представить в целости не премину.

Слух носится, что шведы собираются предать зимою корабли наши в Ревеле огню.

Сличите вы прежние два письма, к его светлости отправленные, с протоколом Совета, вы увидите, что много из протокола почерпнуто; в голосе витийством и восторгом упрекается сочинитель протокола, г-н Завадовский, а Воронцову за слова: коммерция наша выиграла бы более, нежели всевозможные с Францией договоры, грозит быть вечным злодеем. В прежних письмах писано к его светлости, чтоб после взятия Очакова приступить к переговорам с турками о мире. Мне весьма показалось это и смешно и досадно; смешно потому: «турки, несмотря, что некоторые европейские державы предполагают подать им свои пособия, может быть, согласятся к заключению мира»; досадно же потому, что мне казалось, не хотят ли через сие удержать в тех местах его светлость. Сказав мысли мои напрямик, что без его светлости не будет ни здесь, ни там никакого успеху, сей раз пишут они, приглашая его сюда.

Верите ли, что уже и этот проект был, чтоб, взяв Очаков, отдать им опять, дабы только помириться с турками и дабы иметь свободные руки воевать с пруссаками.

29 ноября 1788 г. Привезенные г-м Драшковским депеши касательно поведения нашего против прусского двора крайне не понравились, так что государыня принималась неоднократно писать выговоры. Удерживая от таковых, продержали отправление сего до прибытия сюда г-на Душинкевича, с которым присланная депеша относительно перемены политической системы, подобно первым, не понравилась же. Двор остается непоколебимо при прежнем своем намерении, да в отсутствие его светлости и немудрено содержать его в таковом расположении, неусыпным старанием тех людей, которые имеют от сего выгоды свои, льющиеся на них от беспрестанного повторения хитросплетенных, в честь двадцатисемилетнего цар-

ствования, песней, и которые довольно искусны, чтоб коварным замыслам своим дать вид пользы, будто бы нераздельно сопряженной со славою помянутого царствования и властью его самодержавною законодательною, по мнению их, на весь свет простираться долженствующею. Сею системою, целью приобретения власти над монаршим сердцем и скопище сокровищ имеющею, предводительствует граф Воронцов, способствуясь графом Безбородко и г. Завадовским, яко людьми к достижению желаемого им наиспособнейшими. Низвергая тут все то, что бы могло быть им преподною, не престают они злодействовать и его светлости, подкрепляя себя, в сем случае, императором, его здешним причетом и французским двором, коих на сей конец на свою сторону они преклонили. Слышно, что они внушили теперь императору, чтоб по окончании нынешней кампании он посетил здешнюю столицу; но неизвестно еще мне, событие воспоследует ли предположению сему. В усердии графа Александра Матвеевича сомневаться нельзя, да и силы его против прежнего не умалились, но сей не имеет в делах столько практики и чужд иногда той расторопности, чтоб уметь дать на все встречающиеся вопросы надлежащий ответ. Для сего-то постскриптум присовокупили в письме его к его светлости. Приписка, впрочем, не настоит для его светлости ни малейшей личной опасности, однако же быть здесь непременно нужно. Сего требует странное дел течение и состояние государыни, смущенной в духе, подверженной беспрестанным тревогам и колеблющейся без опоры. Есть надежда, что, по прибытии сюда его светлости, пойдут дела по желанию его. Хотя государыня и не сообщает собственноручных его светлости писем, однако же льстить умеющие находят нередко средство узнавать содержание оных из уст ее образом, для нее неприметным. Тут чинены были между прочим упреки, для чего его светлость не держится того же мнения, что говорил за два года пред

сим? Сие оправдал граф Александр Матвеевич сколько умел, и я, услыша оное от него, заприметил ему, что, во-первых, может быть, изречениям его светлости дан не тот толк, которой бы они иметь должны; во-вторых, что нередко бывает нужда соображать систему политическую с течением дел, а не настоять в невозможности, чтоб течение дел соответствовало системам, в воображениях наших родившимся, да сверх сего сказал: «Я боюсь, чтоб выговоры, если оные случатся, не удалили от дел государственных такого человека, которого государыня ничем в свете заменить не в состоянии будет и от чего не последовало бы падение государства».

Граф Шувалов подал новой голос, препровождаемой в письме его к его светлости; да сверх сего, после одного подачи, когда в Совете трактовано было, каким образом расположить будущие наши военные действия, он от суждения о сем отказался, дав знать, что о сих делах приличнее судить президенту коллегии. Весть о взятии Березани извлекла из него слезы. Один раз в разговоре сказал он мне:

«Нет вреднее государству человека, как Воронцов; когда мне случилось говорить с ним о делах государственных способом, его образу мыслей не соответствующим, то он мне всегда отвечивал: «*Que voulez vous de cette f... pair et de cette f... nation*». Он нередко внутренне сам смеется предположениям государыни, но не только никогда не отвлекает ее от дел, коих худые следствия он предвидит, но еще поощряет ее на то, дабы только идти всегда вопреки его светлости и не лишиться себя доходов. На сем основании заключены все коммерческие трактаты, ни малейшей пользы нам не приносящие, и, для получения 12-ти тысяч червонцев, прожектирован был трактат и с Польшею. Сей человек, обогащенный императором и французским двором, не жилец здешнего государства: при первом удобном случае переселится он в чужие края».

Слух носится, что Франция дала нам знать, что, прежде прошествия восьми месяцев, она нам ни в какой войне содействовать не может и что по поводу сего Воронцов просится туда чрезвычайным послом, чтоб союз с Францией привести в скорейшую деятельность и порядок. Если его туда пошлют, то надобно думать, что он никогда в Россию не возвратится. В поручении ему сего поста я, однако же, сомневаюсь, ибо он, будучи теперь при дворе в дурном положении, сидит под претекстом болезни дома, да для чего и не сидеть спокойно, когда помощники его здоровы.

Известно, что члены Совета не великие географы, однако же нельзя стать, чтобы они не имели никакого понятия о Березани. Получаю о сем известие, некоторые спрашивали, однако же, где лежит Березань и что значит взятие сего острова и крепости, лежащей на оном? Я отвечивал, что туркам, а особливо очаковцам, значит оно то же, что бы нам значила потеря Кронштадта.

От взятия Очакова обещают себе золотые горы. Уши болят от противных о сем здравому рассудку слухов, и боль сия тем чувствительнее, что занимаются таковым размышлением люди, над людским жребием непосредственные и посредственные властелины, одни чтоб умалить цену вещи, покупаемой дорогими трудами, а другие, сиречь настроенные, Бог знает почему утешают себя, что приобретение Очакова переменит все дела в Европе в пользу нашу, поселит страх во всех обывателях вселенныя и соделает их нашими обожателями. По крайней мере тут досадно то, что потеряно всяческое мироположение. Ожидали себя вести нетерпеливо к 24-му числу, и по наступлении оно не стыдились некоторые советники говорить громко, что некоторые вас видели с сею вестью приехавшего и говорили с вами. Ко мне приставали многие, где вы расположились квартирою.

Случай к миру со шведами, о котором упоминается в письме графа Александра Матвеевича к его светло-

сти, не значит, как я думал, ничего и чуть ли даже не обманывают нас наряду с прочими. Таким же образом утешали себя и тогда, когда получили известие, что Штакельберг подал сейму польскому грозную ноту. От подачи оные обещали себе великую перемену в делах польских, и если бы оным преждевременно не занимались, то воспоследовавший на оную ноту неприятный ответ с его следствиями, в польских газетах напечатанный, не столько бы нас опечалил, сколько сие действительно теперь последовало. Не удивляйтесь сему. Сим-то способом достигают до намерения своего те, которые желание к мщению желают умножить, дабы ускорить через то в делах расстройку.

Слышно, что шведы приуготовляются к зимней кампании, касательно же наших приуготовлений к таковым же зимой действиям, то об оных в городе и последние люди знают.

Препровождаю при сем копию с указа, о приуготовлении войск на будущие здешние воинские действия данного. К командованию над войсками галерными хотят определить генерала-аншефа, но неизвестно еще именно кого. Между тем войска, на галеры назначенные, поручаются графу Брюсу.

Здесьним флотом командовать будет Чичагов, впрочем, слышно, что хотят выписать г-на Сюфрена.

Рубль наш ходит в 30 штиверов, о сем подана была записка от генерал-прокурора, чтоб сие исследовать. Тут бы много открылось неполезного для графа Воронцова, однако же государыню и здесь успели предубедить: «Время курс унизило, время и возвысит».

Цареградские известия обещают в министерстве перемену визирю и капитану-паше. Оттуда же пишут, что Порта намерена праздновать при пушечной пальбе целую неделю, если Очаков отстоится.

Полоненной с ломбардом офицер Рачинской, помощию пребывающего при Порте французского министра, прибыл сюда. Он был представлен государыне, и теперь за болезнью здесь пребывание свое имеет;

вместе с ним приехали сюда, бывшие в полону же, Курского полку старший сержант и один рядовой; сержанта с сим препровождаю.

Душинкевичу пожаловано сто червонцев и, может быть, дадут капитанский чин, если утихнет гнев, происшедший от несогласия его светлости на продолжение теперешней системы.

На сих днях приехал сюда английской чрезвычайной министр Витфорд (?).

Граф Брюс подарил своему правителю канцелярии, г-ну Гоблицу, 10 000 руб.

В Екатеринин день государыня была невесела; при выходе в публику пятиклассных особ, в уборной комнате ее ожидавших, застала она графа Мамонова в разговорах с великою княгинею. Ревность и досада имела сильные свои действия, но прошло, слава Богу, все благополучно.

Г-н Русанов военным советником и секретарем Военной коллегии по-прежнему, с производством жалованья по сто рублей на месяц, вдобавок к секретарскому, доколе он при графе по случаю командования армией пребудет. Я не завидую счастью других, но больно быть в пренебрежении, а притом в неоплатном долгу, и не иметь и нужного пропитания; в сравнении сего, если не впятеро более, то по крайней мере столько же трудился, что делать! Кажется, пора удалиться от всех чинов и дел и за соху приняться. Неужели на степе (т. е. в степи?) земли кусок откажут.

1789 г.

3 января. Еще до приезда сюда г-на Боувера (Боур) государыня была уже нездорова; во время же принесения Богу за взятие Очакова благодарственного молебна сделалось ей от простуды хуже, так что после того пролежала она более десяти дней в постели. Есть теперь легче, но выходу из внутренних покоев не было до сих пор и, во все сие время, не изволила

пера брать в руки, отчего и отправление сего замешкалось.

Перемена в здоровье государыни весьма приметна, особливо же примечания достойное ее в том признание пред гр. Мамоновым. Говоря иногда о слабости здоровья, признает присутствие его светлости здесь необходимо нужным и располагает, когда его светлость сюда прибудет, отсель уже никуда не выпускать. Иногда же, помышляя о приезде его светлости, тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его светлость опрокинуть оную не возможет; но все сие, как мне кажется, не изъявляет твердости, чтоб системы переменить нельзя было, а посему и приезд его светлости тревожит.

Да и вообще что до приезда его светлости сюда касается, то у нас теперь такое время, каковому, по писаниям, надлежит быть при втором пришествии. Стоящие ощуюю трепещут, одесную же — радуются, судимы будучи без суда каждый плодами дел своих. Венской — ходит, прижавши хвост, который приподнять обещает ему французской — надеясь на прежний свой кредит у его светлости. Что же касается до прусского и аглинского — то сии ожидают его светлость нетерпеливо. Фразер, напившись допьяна на бале у Льва Александровича (Нарышкина), при питии здоровья его светлости, прокричал, что более всего делает чести победителю очаковскому, это то, что разогнал из армии принцев де Линьев, принцев Нассауских и Павлов Жонесов и взял город без их советов.

Накануне нового года сын г. Рибопьера пожалован в конную гвардию в корнеты, в награждение скуки, которую отец должен претерпевать, просиживая у графа.

Г-ну Рахманову пожалованы 2-й степени Владимирский крест и с бриллиантами шпага, чем, однако же, г. Рахманов недоволен.

И сегодня ни писем государыни, ни гр. Мамонова — получить нельзя было. Государыня с часу на час ожидает его светлость.

21 января 1789 г. После отъезда последнего отсель курьера, гр. Александр Матвеевич занемог и был почти две недели опасно болен от сделавшегося в горле чирья. Теперь опять здоров. Ожидая его светлость с минуты на минуту, писать ни под каким видом не хотели; да и меня от отправления сего удерживали. Новостей никаких нет, кроме что ненависть к прусскому двору усиливается. Дай Бог, чтоб отзывы, чинимые насчет сего, хотя они и приватно произносятся, не имели преждевременных следствий.

— Que se que se petit homme, je lui apprendrai bien son metier*.

Как не радоваться известным людям, что до сих пор сия статья идет по их желанию? Да и мудрено ли содержать ее в таком положении, когда беспрестанно представляют картину, изображающую короля, законодательнице непокорного, его надменность, слабость войск прусских и сему подобные, к достижению их видов клонящиеся предметы. Принц Нассауский, сколько с приезде ни тучен был, опираясь на славу дел своих, но вскоре потом узнал, что, без покорности к его светлости, нет ему у здешнего двора хорошего приему. Надобно, впрочем, отдать теперь сему принцу справедливость, что он ведет себя к его светлости весьма покорным. Г. Драшковский вчера сюда приехал, его уверили в Москве все г-да, что его светлость уже здесь. Привезенные им письма при сем подношу, в том числе и возвращаемое к покойному князю Волконскому.

Сейчас приехал г. Боувер. Я думаю, что с ним будут ответствовать.

Февраля 3-го 1789 г. Весь город ожиданием его светлости встревожен. Теперь, кроме касающихся до

---

* Это маленький человек, я научусь его ремеслу.

сего разговоров, других нигде не слышно. Государыня в ожидании сильно скучает.

— Боже мой, как мне князь теперь нужен.

Третьего дня вот какой был, между прочим, разговор с Захаром.

Государыня.— Скажи, пожалуй, любят ли в городе князя?

Захар.— Один только Бог да вы.

Получа сей ответ, призадумавшись, промолчала, потом, сказав Захару «прощай», размышляя, прогуливалась по эрмитажу.

Цесарское посольство хотя и продолжает к его светлости свою ненависть, но, однако же, прибытия его страшится, опасаясь в политической системе перемены, хотя, впрочем, и не теряет надежды устоять в своей, опираясь на известные здесь подпоры. Советник при сем посольстве г. Рат проговорил одному человеку:

«Неужели Рибопьер императора на князя променяет?»

Французский министр употребляет все способы замысловатым красноречием своим подкреплять пользы императора и двора своего. Г. Завадовской, услыша о надписях, сочиненных государынею на вратах, сооруженных в Софии в честь грядущему с полудня на север победителю, пожавши плечами, покивавши по-словенски и главою.

Графиня Соллогуб, выдержав несколько недель карантин в доме, вчера первой раз в публику явилась; одни говорят, что бывшая в доме оспа принудила ее дома сидеть, а другие говорят иное, и будто бы она потонула. Я достоверного о сем ничего не знаю.

В Царском Селе сооружены триумфальные ворота с надписями, сочиненными Ее И. В-вом. Слышно также, что от великого князя дано повеление морскому батальону и наследникову кирасирскому полку встретить вашу светлость с почестями, принадлежащими фельдмаршалу.

(Апрель). Его светлость, по прибытии вчера сюда, изволил остановиться у пристани против Эрмитажа, где стояла ожидавшая прибытия его шлюпка. Отправляясь в госпиталь, в препровождении Петра Лукича и подоспевшего скорым пришествием Михаила Сергеевича (Потемкина), изволил приказать, чтобы перемена лошадей через час готова была и ожидала бы возвращения его у пристани против дома Михаила Сергеевича. По возвращении из госпиталя изволил, с помянутыми особами, к коей присовокупиться приказано было и Федору Ивановичу, отправиться на дачу к Льву Александровичу (Нарышкину). Я не имел случая доложить об омофоре (?), которой, ежели верить словам Моллера, в субботу к вечеру успеет.

Вам известно уже происшествие до вчерашнего числа о явившейся на чулочной фабрике французской водке. Вчера же фабричные, возымев подозрение на Петра Степановича, по приказанию его не согласились отдать водку хозяину оные, и сколько я слышал, то и средства, судиею в разбирательстве сего дела употребленные, не соответствовали на сей раз обстоятельству дела. Петр Степанович, огорчась наконец непокорностью фабрикантов, доложил об их упорстве его светлости, к коему ездил на дачу. Его же светлость изволил приказать взять Волкова и купца того, коему водка принадлежит, под караул. Сидящих под стражею навестил я на съезжем дворе.

Волков утверждает, что принял в сохранение не французскую водку, а напитки. Купец же отпирается от своей водки и говорит, что не знает, чья она.

13 июня 1789 г. Паша Очаковской отправился уже со своею свитою через Москву в Харьков, а вслед за ним и г. Лашкарев 10-го сего месяца. Прочие турки посланы в Новгородскую губернию, исключая мореходцев и музыкантов, из которых первые отправлены на галерах, последние же, согласно с повелением его светлости, в Островки.

По взятии Крестины, г. Михельсон произвел другую, но неудачную атаку, стоившую нам весьма много людей. Все отдают честь г. Денисову, что он тут явил много храбрости и благоразумия, ибо спас весь наш бывший в расстройстве корпус от гибельного преследования шведов, а особливо наших многочисленных раненых, которые бы без помощи его всеконечно в руки неприятелям достались.

Государыня еще до получения сея вести была уже не очень здорова, получа же оную, не было расположения к отправлению к его светлости курьера, в ожидании приятнейшего из Финляндии известия. Слава Богу, крепость Св. Михаила взята, и с сим-то и курьер к вам отправлен. Гребной наш флот еще в Кронштадте, где находится и г. Турчанинов, которому поручено наблюдать, чтобы все, к отправлению сего флота потребное, шло поспешными шагами. Меня уверял граф Александр Андреевич (Безбородко), что касательно принца Нассау-Зигена держаться будут внушенных его светлостью правил, то есть воля принца всегда только четвертая часть исполняема будет. Супруга его принята здесь хорошо, но не так, однако же, сколько ей хочется, а особливо желает она жить в Царском Селе.

Двор паче всего занимается шведскими делами, и занимается оными сильно. Средства, к наказанию северного врага приуготовленные, нам кажутся недостаточными. На сей конец приказано Эстляндского егерского корпуса двум батальонам из Белоруссии быть сюда и одному из Риги в Ревель, да из Белоруссии сюда же двум пехотным полкам, которые к столице ближе, с тем, чтоб сии, из двух других, тамо находящихся, укомплектовались потребными им по штату людьми.

Известно достоверно, что король шведский в Финляндию уже прибыл, и говорят, что он с главною армиею к Фридрихсгаму путь предпринять имеет.

Г. Билер со дня на день ожидает отправления своего и, ожидая оно, очень скучает. От г. Чичагова нет никаких известий.

Русские песни при дворе в моде. Всякой день певчие поют, при чем и музыка играет.

21 июня 1789 г.* Accidit in puncto quod non speratur in Anno.** Мое пророчество сбылось. На сих днях последовала с графом Александром Матвеевичем (Мамоновым) странная и ни под каким видом неожиданная перемена, о которой донесу вам собственными его словами.

«Вам известно, что, по причине расстроенного моего здоровья, я еще зимою просился в Москву. Меня уговорили здесь остаться, и после всего того, что мне тогда из разных уст сказано было, я почитал себя от прежней моей должности уволенным. Отвращение мое к придворной жизни, которое происходило от болезненных припадков и грустью стесненного духа, усиливаясь во мне со дня на день, видно, наконец, наскучило. Я получил вот какое письмо».

Оное французское письмо дал он мне прочесть и, сколько я помню, было следующего содержания:

«Желая всегда тебе и фамилии твоей благодетельствовать и видя, сколько ты теперь состоянием своим скучаешь, я намерена иначе счастье тебе устроить. Дочь графа Брюса⁷⁶ составляет в России первейшую, богатейшую и знатнейшую партию. Женись на ней. На будущей неделе граф Брюс будет дежурным. Я велю, чтобы и дочь его с ним была. Анна Никитична (Нарышкина) употребит все силы свои привести дело сие к желаемому концу. Я буду помогать, а притом ты и в службе остаться можешь».

Как я прочитал сие письмо, то граф возобновил речь свою тако:

* См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XV, с. 9—38; 237—265; 471—499; 687—720; т. XVI, с. 1—32; 207—238.

** Долгие ненапрасные надежды осуществляются в одночасье.

«Я с графом Брюсом и его фамилиею не хотел иметь дела. Открывшись во всем государыне, я просил Ее И. В-во, чтоб мне позволено было жениться на княжне Щербатовой, в которую полтора года я влюблен смертельно. Спросили ее, и она меня любит, чего я до тех пор не знал. Для государыни все сии происшествия неприятны, но что делать. Советовала мне жениться... да и князю (Потемкину) я более не надобен, сколько я мог приметить из ее речей; что же мне оставалось? В противном случае, может быть, я бы и никогда не открыл своей страсти или по крайней мере долго бы оною мучился. Дай Бог, чтобы это не потревожило князя. Просите его светлость (тут он заплакал), чтобы он был навсегда моим отцом. Мне нужны его милость и покровительство, ибо со временем мне, конечно, будут мстить. Напишите о сем и к Василию Степановичу (Попову), я не в состоянии писать, и попросите его, чтобы и он князя обо мне просил».

Сим кончилась графская речь, которую всю едва он успел пересказать в сутки, потому что безостановочному продолжению ее мешали приходы частые Захара с записками, хождение графа к государыне, откуда он выходил либо притворно весел, либо задумчив, и посещения государыни.

Теперь донесу я, что касательно сей истории сам знаю.

По отъезде его светлости, все то здесь употреблено было, что только могло служить к увеселению графа, и силы его были несравненно превосходнее первых. По сим обстоятельствам не только я, но и никто не мог приметить, что дело с ним так к концу близко, и я уже думал, что я солгал перед его светлостью, когда пророчествовал, что графу долго тут быть нельзя. Государыня, по претерпении многих по сей части беспокойств, внутренне ее терзавших, решилась написать вышеписанное письмо, поутру 16-го числа сего (июня) месяца. После обеда двери у графа заперты были для всех. Государыня была у него более 4 часов. Слезы

текли тут и потом в своих комнатах потоками. После сего была у графа Анна Никитична (Нарышкина). Но ничто не могло его склонить ни здесь остаться, ни на женитьбу с графинею Брюсовою.

17-го числа (июня) препровождено в беспокойствах, и хотя отправление к его светлости и было готово, но мне оное отдано 18-го числа, в 10-м часу ввечеру. Может быть, граф поджидал обстоятельнейшего письма, нежели то, которое, не заключая в себе ничего, до сей истории касающегося, препровождается теперь в письме его к его светлости, и граф отнюдь того не знает, что секретно отдано Николаю Ивановичу (сей дежурным, а граф Безбородко в городе) другое — для доставления к его светлости, которое и препровождается в письме его высокопревосходительством к его светлости. Николай Иванович (Салтыков) мне ничего об оном не сказывал, а я узнал о том от Захара. Не могу понять, отчего вдруг с свадьбою заторопились, ибо сего же числа, в осьмом часу повечеру, был стовор в комнатах графских. При оном были государыня, Анна Никитична и Николай Иванович. Для всех прочих двери были заперты. Государыня при сем случае желала добра новой паре, таковыми изречениями, коих нельзя было слышать без слез. Надобно, впрочем, знать, что молодые, несмотря на милостивое к ним снисхождение, были в превеличайшей трусости, ибо обоим приключился обморок. Говорят, что свадьба будет в Петров день или после оного вскоре.

Со вчерашнего дня государыня сделалась повеселее. С ⁷⁷Зубовым, конногвардейским офицером, при гвардейских караулах здесь находящимся, обошлись весьма ласково. И хотя сей совсем не видной человек, но думают, что он ко двору взят будет, что говорит и Захар, по одним только догадкам, но прямо никто ничего не знает, будет ли что из г-на Зубова.

Государыня досадует, для чего граф не говорил ей прежде ничего о своей любви к княжне Щербатовой и зачем ее целой год мучил.

По именному указу Ивану Степановичу (Рибопьеру) велено быть сюда, и с сим нарочной к нему послан. Кажется, как будто бы всех подозревать будут, кто только был вхож к Александру Матвеевичу. Бог знает, что будет. Я не сомневаюсь нимало в усердии и преданности графа Александра Андреевича (Безбородко), но иногда и нередко нужны нам у двора и такие люди, которые бы не только потакать, но, имея бодрой дух, и противоречить к пользе дел умели. От внушения много зависит, в чем уповательно не будет теперь недостатка. Дай Бог, чтобы был кто-нибудь, которой бы мог противное внушать, если надобность сего требовать будет, а к сему не одно усердие, но и решительность потребна.

Граф Брюс взбесится, если узнает, что здесь касательно его дочери произошло, как выше упомянуто. Писанное государынею будут, конечно, таить, но едва ли утаить можно.

Граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) в кредите, который присвоили ему финляндские победы и громкие его о том реляции. Честность г. Русанова многие в Совете похваляют.

У графа с Михельсоном неладно, потому что последний первого, по дошедшим от сего жалобам, не слушает.

Подношу при сем реляции графа Валентина Платоновича, которые к его светлости препроводить мне поручил граф Александр Андреевич (Безбородко).

Третьего дня г. Боборыкин послан в Москву, чтобы предварить родителей графа Александра Матвеевича (Мамонова) о приключениях, здесь с ним последовавших.

4 июля 1789 г. 1-го числа сего июля свершилась графская свадьба⁷⁸ здесь в придворной церкви, куда, по желанию его, во время бракосочетания, кроме на свадьбу и потом к ужину малого числа приглашенных особ, никого не пускали. Теперь смело можно сказать, что никогда подобное сему происшествие не воспри-

яло счастливее сего конца, и великодушие, при сем случае графу (Мамонову) оказанное, превзошло всех и всякое чаяние.

Он имел до самого отъезда своего обыкновенной и свободной к государыне вход, а Захар ходил к нему с записками по-прежнему, так как г. Храповицкой, с государственными делами. Все отправления были в его руках, даже и те, которые в прошлом году собственно от графа Александра Андреевича (Безбородко) зависели. Тем из придворных, которые, приметя предстоявшую ему перемену, ходить к нему перестали, сказано было:

«Теперь я вас знаю, для чего вы не бываете у графа. Знаете ли, что я навсегда буду к нему расположена так, как и была».

Препровождаю при сем копию с именного указа, которым пожаловано графу до 3000 душ с собранными с них доходами (в указе написана третья ревизия, а теперь надобно считать число душ по четвертой ревизии). Сверх сего пожаловано ему из Кабинета сто тысяч рублей, которые, несмотря на крайний в деньгах по Кабинету недостаток, все ему выплачены сполна.

3-го числа сего (июля) месяца отправился граф с молодою супругою своею в Дубровицу, с тем, чтоб пробраться туда прямо, не заезжая в Москву. Он вручил мне, пред отъездом своим, отправление, при сем к его светлости препровождаемое, которое бы за два дни пред тем отправить надлежало, если б по случаю смущенных мыслей его, частью от внезапной перемены состояния родившихся, частью же происшедших от свойственной ему скупости, несмотря на которую он принужден был заплатить за жену долгу до 30 000 руб.,— он не позамешкался со своим письмом, которое, сколь оно ни мало, стоило ему сей раз много труда, бумаги и времени, а особливо поджидал он и паки от государыни обстоятельнейшего о жребии своем к его светлости письма, которое, однако же, и

теперь, подобно прежнему, мимо его ведома написано и отдано г. Храповицкому, а от сего уже к его светлости препровождается. Посылку сего письма таили пред всеми, и даже граф Александр Андреевич (Безбородко) ничего про оное не знал; но я сего уведомил об оном для того, чтобы не подать ему повода подозревать, будто бы я с Храповицким состою в связи, во-вторых, чтоб, по графской ко мне благосклонности и по его к его светлости преданности, не лишиться взаимной его откровенности, которая, при теперешних обстоятельствах, тем нужнее, чем неизвестные обороты, от новой перемены произойти могущие.

Зубов пожалован сегодня полковником и царским флигель-адъютантом, водворен же он здесь в одном нижнем этаже того флигеля, который весь занимал граф Александр Матвеевич (Мамонов).

Николай Иванович (Салтыков) был и есть Зубовым протектор, следовательно, и полковнику Зубову наставник. Зубов-отец, друг князя Александра Алексеевича (Вяземского), а Анна Никитична (Нарышкина) предводительствует теперь Зубовым и посему играет тут первую и знатную роль. Вот новая перемена со своею лигою, которые, однако же, все до сих пор при воспоминании имени его светлости неведомо чего трусят и беспрестанно внушают Зубову иметь к его светлости достодолжное почтение, что и г. Зубову твердили.

Бог знает, что будет впереди. Зубов... не заменит того, что был граф Александр Матвеевич (Мамонов), это доказывают слезы, пролитые в день свадьбы.

Граф Александр Матвеевич свел знакомство с нынешнею женою письменно и питал оное до женитьбы письменно же, причем употреблялись камер-лакеи; были, как открылось, у молодых и свидания...

Руководствовала, впрочем, по сим делам Марья Васильевна Шкурина, которую, однако же, государыня, из уважения к заслугам отца ее, простила...*

С Иваном Степановичем (Рибопьером) обошлись весьма ласково, ибо сей в интригах графских (т. е. Мамонова), до любви касавшихся, не участвовал.

В Финляндии дела не хорошо идут. К Михельсону, которого граф Валентин Платонович (Мусин-Пушкин) отпустил в Выборг для излечения болезней, послан вчера указ, чтобы был сюда. Сии оба не ладили между собою и Михельсон с Денисовым; ропщут также на графа Валентина Платоновича г-н Рен и принц Нассауский, чему, как говорят, способствуют большею частью интриги Кнорринговы и несколько секретарство г. Русанова. Псковской драгунской полк спешен, а гусарские его эскадроны употреблены для стражи лошадей драгунских. Галерной флот, по причине противных ветров, насилу доплыл до Фридрихсгама, откуда здесь ожидаются теперь нетерпеливо важных известий, и если на воде удача будет, то думают, что и на сухом пути, к той стороне, дела наши пойдут лучше. Принц Нассау жаловался, до прибытия своего в Фридрихсгам, на графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), что сей отнятием у него половинного числа войск, на галерах бывших, коих приказано было высадить на берег 6000 человек, привел флот галерный в несостояние производить в действо ему предписанное и вообще действовать противу неприятеля образом наступательным; а граф Пушкин отвечал, что к таковому поступку принудила его медлительность галерного похода и что он снимал людей с судов на одно только то время, пока суда подойдут к Фридрихсгаму, дабы между тем, при праздности галер, разумея через сие поход оных, высаженные

---

* Многие подробности о придворных событиях в СПб. в июне и июле 1789 г. заключаются также в «Дневнике Храповицкого», изд. 1874 г. по рукописи, принадлежащей кн. П. А. Вяземскому, см. с. 291 и др. Л.

войска могли быть употреблены в дело на сухом пути. Теперь сии войска опять посажены на галеры.

Сегодня и гессенской принц выпущен в полковники; его хотят отправить к его светлости (кн. Потемкину) в армию.

Сегодня же откланялся здесь г. Заборовской, к прежним своим губерниям отправленный.

7-го числа отправится к вам г. Билер и с ним вместе — родной его брат, человек молодой и весьма хорошо воспитанный, которого старший г. Билер желает препоручить вашему покровительству. Две недели, как я не был в городе, и теперь скачу туда, чтоб достать то, что к его светлости прислать предписано.

15 июля 1789 г. По устроению дел, касающихся до Зубова, Анна Никитична (Нарышкина) отправилась на принадлежащую супругу ее дачу, где живет уже другую неделю в ожидании государыни к себе. Такое обещанное посещение последует тогда, когда государыня, по случаю настоящих здесь жаров, соизволит предпринять, по намерению своему, путешествие в Петергоф; но, по-видимому, поход сей из любви к Царскому Селу будет отменен.

Я слышал от одного надежного человека, что в разговоре с Николаем Ивановичем (Салтыковым) о последней перемене сказано было:

«Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей».

Из сего видно, что Зубова хотят втравить в государственные дела, подобно Мамонову, коего почитают за немалого в оных знатока, собственными трудами десницы ему благодеющей к сему приуготовленного. Сегодня, так как вчера и третьего дня, Зубов, по слабости в груди и по причине насморку, лежит в постели, и понеже сии болезненные припадки приписаны сырости нижнего этажа покоев, то для поправления здоровья перевели его в средний этаж, где жил граф Александр Матвеевич (Мамонов); но я сомневаюсь, чтоб новая квартира в состоянии была поправить ис-

порченное здоровье человека, по примечанию докторскому, склонности к чахотке имеющего. Между тем Зубов успевает. Привязанность к нему усиливается, к удивлению всех, почитающих его за второй том Ермолова*, и если ему здоровье сколько-нибудь послужит, то доверенность, которою после Мамонова еще никто не пользуется, уповательно присвоена будет ему и купно с ним наставнику его (Н. И. Салтыкову), коему, в знак отличного благоволения, объявлено и содержание последнего к государыне его светлости до новой перемены касающегося письма. Откровение таковое не иначе теперь почитать должно, как за благосклонность, приобретенную наставником, посредством новой перемены; но впоследствии, если помянутая привязанность, чего по теперешним летам неминуемо ожидать должно, господствующей над страстями части повиноваться престанет, то тут родится, без сомнения, и доверенность, которая при графе Александре Матвеевиче заставляла часто пересказывать ему требовавшие сокровенности, сообщенные от усердия его светлостью ей единой слова, нимало к сведению графа не принадлежавшие. Это было для того только, чтобы приласкать графа и удержать его здесь. До сих пор с доверенностью скупаются, потому что боятся его светлости в подобных случаях предсказаний, и, пребывая в сем положении, нетерпеливо ожидают на второе о перемене к его светлости письмо его отзыва. Невероятно все боятся и представляют себя к услугам готовыми. Это приметно ощутительным образом вверху и из слов и поведения Николая Ивановича.

Граф Александр Андреевич (Безбородко) против того, что был при графе Александре Матвеевиче (Мамонове), гораздо сильнее, но еще отнюдь не в первом кредите. Храповицкий употребляется также много. Курьеры финляндские, которые пред сим, все

---

* Александр Петрович Ермолов, флигель-адъютант; значение его при дворе было кратковременно и относится к началу 1783 г., когда Потемкин представил его Екатерине II. М. Л.

без изъятия, как от графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), так и от принца Нассауского, адресовались к графу Александру Матвеевичу, а от сего туда обратно отправлялись, поручены теперь дежурным генерал-адъютантам, что немало способствует к умножению беспорядка финляндских дел, и кроме сего весьма неавантажнo идущих. Граф Брюс более всех защищает графа Пушкина в Совете, и самое короля шведского вступление в наши границы, по примечанию многих, к бесславию нашему служащее, приписывает граф Брюс малолюдству в Финляндии наших войск и благоразумным графа Пушкина предосторожностям, будто бы потребным для пользы последственных дел. Каков сей голос ни есть, он имеет, однако же, свое место, потому что нас теперь не столько дела, сколько перемена занимает. Лучшую надежду полагают на галерный флот и на командующего оным, и на сей конец флот галерный и еще подкреплен будет несколькими судами, на кои посажены будут идущие сюда из Белоруссии пехотные два полка и три егерских, Эстляндского корпуса, батальона.

Михельсон просится в армию к его светлости, а на его место командирован в Финляндию А. А. Волков. Михельсон принят был здесь изрядно.

— Не входя в разбирательство дел, происшедших в Финляндии, я прежнюю вашу службу никогда не забуду.

Впрочем, о положении в Финляндии войск государыня у него не изволила любопытствовать. По сказке Михельсона, то неудачное под Санкт-Михелем происшествие стоило нам только около 130 человек, да и это оттого, что не имеющих никакой дисциплины лейб-гренадеров, положившихся при сем случае на землю, нельзя было ни под каким видом принудить к исполнению в сражении должности; по уверению же одного раненного в сем деле капитана, потеря наша должна быть втрое более показания Михельсонова и произошла будто бы от следующей страта-

гемы: наши войска попались промеж двух шведских батарей, которые, быв маскированы, представлялись в наружном виде магазейнами, с коих первоначальный огонь открылся уже тогда, когда наши войска, почитая сначала оные батареи за действительные магазейны, покусились завладеть оными без всякой предосторожности.

У меня до сих пор с Зубовым только одно шапочное знакомство; однако же Зубов просил Захара, чтобы сей меня с ним познакомил, обещав назначить к тому время. Зубов собирается к его светлости писать и о сем намерен со мною посоветоваться.

Князя Александра Алексеевича (Вяземского) поразили паралич, но его сиятельство опять после сего припадка оправился. Государыню много озабочивало приключение сие, в рассуждении многих должностей, которыми князь занят и которые город раздавал уже многим.

Предпоследнее его светлости к графу Александру Матвеевичу (Мамонову) письмо, равномерно и ваше (т. е. В. С. Попова), государыня, прочитав и запечатав сама, тотчас велела отправить к графу с нарочным курьером; при получении же последнего от его светлости письма, которое, так как и первые, поднесено было графом Безбородко, сказано:

«Здесь уже нет ко мне письма, не для чего любопытствовать. Александр Васильевич (Храповицкий), отправь это к графу Александру Матвеевичу с нарочною эстафетою».

Их и. в-ва великий князь и великая княгиня в Гатчине. Ее в. чрезвычайно его светлостью довольна; примечаются следы, что последняя со временем возымеет, при своем многотерпеливом нраве, поверхность над первым (т. е. над в. к. Павлом Петровичем).

Между нелепыми и глупыми городскими новостями носится будто бы по поводу Зубова, доброхотствующего графу Румянцеву, сему фельдмаршалу

поручено командовать соединенною армиею; его же светлости (т. е. кн. Потемкину), будто бы повелено быть сюда.

Государыня отменно спокойна и весела.

По уверению Михельсона, шведская армия состоит не более как из 14 000 чел.; если это правда, то непонятно, каким образом допустили мы короля посетить наши границы, имея войск число по крайней мере вдвое против шведских. Сегодня получили опять известие, что шведы нашего генерала Шульца жестоко поколотили.

Рибопьер провожал графа Александра Матвеевича (Мамонова) до третьей станции, потом, возвратясь, был у государыни на отпускной аудиенции и теперь находится с полком в лагере под Нарвою.

5 августа 1789 г. Раутенфельд еще не присылал требуемого ответа, между тем оправдают уже его некоторые, говоря, что учиненная им ретирада совершенно соответствовала ордеру главнокомандующего, в котором не только будто бы ничего не сказано было, чтобы Раутенфельд имел сношение с постами, бывшими под командою г. Шульца, непростительно корпус свой на разные части рассеявшего, но и именно предписано было, чтобы Раутенфельд, в случае приближения неприятеля к посту его в силах превосходнейших, ретировался туда, куда Раутенфельд действительно учинил сие.

Последние из Финляндии известия гласят, что под Мемелем, неподалеку от Фридрихсгама, шведские посты нашими сбиты, при котором случае три шведские пушки достались нам в руки. Шведы лагерь свои везде укрепляют окопами, чему последуют и наши. Выбивать шведов из их укреплений дорого нам стоит, будет, а особливо из Генфорса, если наступающая осень не принудит их к выходу в свои границы, или же если не вытеснит их оттоль принц Нассау, к сражению на водах приуготовляющийся. Шведские посты, и на море защищавшие некоторые острова, на-

шими сбиты, и наш галерный флот, почитавший до сих пор сии без всякого укрепления острова сильно укрепленными, подвинулся теперь пять верст вперед.

Шкиперские известия, подтвержденные потом партикулярным письмом к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, сегодня поутру полученным, возвестили здесь, что флота нашего авангардии, под начальством г. Спиридова, сразились со шведскою арриергардиею. Сражение продолжалось несколько часов, и три наши корабля выбиты были из линии. Муловский убит в сражении ядром, но, впрочем, наших не столько погибло от неприятеля, сколько от разорвавшихся пушек. По причине штиля, нельзя было сей нашего флота части никакого пособия сделать, в противном же случае флот с флотом сразился бы. После сего присоединилась к флоту нашему бывшая в Дании с г-м Козляиновым эскадра, шведский же флот скрылся в Карлскрону.

Зубова болезни оставили, нездоровьем не поправился. Однако же он уже приметно чувствует перемену состояния своего: подкрепляем будучи в сем положении возрастающими к нему милостями, заставляют всех его надлежащим образом признавать и почитать. Но, по слабости его здоровья, для многих это еще загадка,— из благосклонности ли сие делается к нему или в отомщение его предместнику. Недавно пожалован паж Кутузов в камер-пажи за то, что уроненный Зубовым платок умел поднять кстати. Со мною Зубов ласков и к его светлости отменно почтителен, так, как и Николай Иванович (Салтыков).

Милорадович, молодой гвардии офицер, что прежде льстил себя надеждою, выписан опять сюда и живет у графа Александра Андреевича (Безбородко)... Великий князь и великая княгиня в Гатчине; а государыня вскоре в город изволит отбыть. Анна Никитична (Нарышкина) уверила и уверяет, что Зубов до смерти влюблен, и сие весьма много способствует его благополучию. Сейчас приехал курьер от

Чичагова с известием, о котором я выше упомянул. Собственноручное к его светлости (кн. Потемкину) письмо в рескрипте запечатано.

13 августа 1789 г. Шестого числа сего месяца получено известие о разбитии турок под Фокшанами. Государыня от радости плакала; к его светлости обращена была первая благодарность в присутствии многих придворных особ, вечерние при дворе собрания составляющих.

Потом позван был вахмистр Беринг, которому триста червонцев и вахмистрской чин пожаловано.

9-го числа поутру двор переселился сюда, и того же дня было в Казанской церкви за помянутую победу благодарственное молебствие, в присутствии государыни и их императорских высочеств, нарочно для сего приезжавших из Гатчины, куда они к вечеру опять возвратиться изволили.

10-го числа, после обеда, оба Зубовы посетили ближайшие к корпусу дворца комнаты его светлости, куда, несколько времени спустя, пожаловала также государыня и, ходя по комнатам, изволила Зубовым сказать, что у его светлости имеются отменно редкие картины; потом Ее В-во, спрося у камер-лакея, кто над оными имеет смотрение, приказала их на другой день к осмотру приготовить.

11-го числа и паки было посещение комнат, но не далее Шепелевской залы; тут благоугодно было Ее В-ву обратить внимание свое на ветхость сего дома обоев, которые приказано переменить, и сколько Зубов ни просил Ее В-во, чтоб сей раз и библиотеку его светлости, где картины порядочно расставлены были, посетить удостоила, но государыне рассудилось отложить осмотр оных до другого времени.

12-го числа сделанная Лабрестом печать, врученная мною, по повелению его светлости, Платону Александровичу (Зубову), поднесена была им Ее В-ву к отменному ее удовольствию, и сею новою печатью запечатано теперь препровождаемое ее, включенное

в письмо Зубова, к его светлости письмо. Государыня чрезвычайно довольна благосклонностью его светлости к Платону Александровичу, а сей признает оную за отличную к нему милость.

Весьма недовольна была государыня тем, что и при сем случае нечего было сообщить его светлости достопамятного из Финляндии, где все дела в прежнем положении.

От Раутенфельда еще нет ответа; а Шульцу, сходно с советом его светлости, не велено верить никаких особых отрядов.

Никогда двор и столица не имели толикого к его светлости почтения, как теперь; кто предан, тот говорит громко, а чье сердце наполнено ядом, тот молчит.

Услышав, что в Совете трактуют о запрещении ввозить в Россию некоторые чужестранные товары, я просил графа Александра Андреевича, чтоб и стекло включить в число оных. Граф обещал, и от сего заводу его светлости будет немалая польза, ибо наподобие английского, кроме помянутого завода, нигде в России еще не делают стекла, а особливо люстры наши, которые были смешаны с английскими, в сравнении с тем, по чему они продаются в английском магазейне, покупаются у нас за бесценок. Правда, что теперь шлифование стекла происходит на нашем заводе весьма медлительно, ибо всякую потребную вещь шлифуют из целого куска; но впредь я прикажу делать вещи посредством форм в огне, так, как они потребны; тогда останется только каждую заполировать подобно шлифованной посуде, и так то, что теперь делается в сутки, должно поспевать в час.

Михельсон завтра отправится к его светлости.

В Ревеле приказано приготовить легкую эскадру.

Подношу все вещи, требуемые для его с-ва князя Давыдова.

17 августа 1789 г. Сегодня поутру присылал ко мне г. Храповицкий записку следующего содержания:

«Ее И. В-во высочайше указать соизволила спросить вас, нет ли сегодня отправляющегося к его светлости курьера или к отправлению готового?»

Я отвечивал, что есть готовые.

Потом позван я был к г-ну Зубову, от которого получил препровождаемую при сем депешу от Ее И. В-ва к его светлости, содержащую в себе дополнительные от принца Нассау о победах его известия, вчера ввечеру полученные. Государыня рада до бесконечности сим происшествиям, уповая, что и его светлость порадуетя оным, столько же, сколько и Ее В-во.

— Слава Богу, что удалось помститься, теперь и мир не так затруднителен будет.

Принц Нассау в великом и, кажется, ничем непоколебимом кредите, тем паче, что удалось ему произвести в действо то, что наперед обещал, и после обещания жаловался на Круза, что сей, под предлогом разных неудобств, лишает его способа доставить Ее В-ву славную победу.

Круз был по поводу сего сменен Баллеем, которому, по словам графа Александра Андреевича (Безбородко), большую часть победы приписать должно.

Графом Валентином Платоновичем (Мусиным-Пушкиным) крайне недовольны, и более теперь потому, что не послушал принца, который советовал, чтобы граф сразился с неприятелем на сухом пути в то самое время, когда сражались флоты. Граф отвечивал, что не может вступить в дело с таким неприятелем, который сильнее его, а притом дал граф принцу чувствовать, что не до него принадлежит главнокомандующему давать советы.

Граф Штакельберг из подпоручиков гвардии пожалован армии в подполковники и получил тысячу червонцев и табакерку в 1800 руб. Впрочем, кроме посланного принцу Андреевского ордена, других наградений еще не было, потому что еще не получено обстоятельной реляции.

Государыня хотела сегодня, после полудня в 7-м часу, посетить конногвардейской его светлости дом (т. е. Таврический дворец), но приключившаяся слабость в здоровье заставила намерение сие отсрочить до другого времени.

Граф Александр Андреевич (Безбородко) прислал свои депеши под вечер, часу в девятом. Сколько я мог приметить, то сей недоволен, что г-на Зубова употребляют к отправлению к его светлости писем и что его вообще приучают к делам, по которым и Храповицкой употребляется.

Но понеже я обхожусь с его сиятельством, сколько позволяет осторожность и обстоятельства, довольно откровенно, то сия обида не столько ему чувствительна, сколько она была при Мамонове. Смело могу сказать, что граф его светлости предан, и уверен, что светлейший князь его любит.

Господин Зубов отменно ко мне ласков и почтителен, но неоткровенен, да и желать лучше, если не переменятся обстоятельства, нет никакой надобности. Дай Бог, чтоб его светлость был навсегда в таком искреннем почтении у двора и у публики, как теперь.

В русских, теперь посылаемых, ведомостях переведено происшествие парижской революции, с такими от переводчика добавлениями, которые довольно доказывают, что и нашему правительству не нравится тамошняя перемена. Сегюр, по обыкновению французов, не только не унывает, но и все к лучшему толкует.

В числе убитых на галерах находится граф Апраксин, тот, который был у вас, Растопчин и Терской, все три гвардии офицеры; Бальи и Винтер ранены.

Последнее ваше письмо, полученное мною вчера, через курьера, к князю Александру Алексеевичу (Вяземскому), возвратившегося, я показывал графу Александру Андреевичу (Безбородко), дабы внушить посредством одного двору, что отлучка его светлости

причиною тому, что обстоятельная реляция о деле под Фокшанами еще не прислана.

25 августа 1789 г. Препровождаю при сем копию с составленной мне г-ном Этоном записки, содержащей в себе экстракт доноса, который Жонес намерен был поднести государыне руками г-на Храповицкого, посредством коего доставлена Ее В-ву потребованная ею от Жонеса копия с описания его последней американской войны, которое он поднес государыне с приезда своего из чужих краев сюда и которое он теперь, возвращаясь туда, просил обратно. Жонесу вообразилось потом, что никто здесь на подачу его доноса не согласится, почему и решился он доставить оный в собственные руки через почту из Варшавы, куда он на сих днях отправился, с тем чтоб оттуда поскорее пробраться во Францию и воспользоваться, если удастся, корыстью от тамошней повсеместной расстройки.

Я не сделал здесь из сего лживого доноса никакого употребления, почитая оное отчасти ненужным, отчасти же предостерегая себя от объяснений с людьми, до коих бы сие коснуться могло, придворными, то есть такими, которые, применяясь обстоятельствам, нередко дают объяснениям не соответствующие существу их толки. Однако же понеже часто случается, что и ложные внушения плоды свои рождают, то, кажется, не худо бы было, если б его светлость предварил государыню о доносе, уведомля притом ее, что он известие об оном получил из Польши*.

---

* Джонс (Paul Jones), о котором несколько раз упоминает Гарновский, а также Екатерина II в ее письмах (см. ниже), по происхождению шотландец, род. в 1747 г.; это известный мореход и борец за независимость американской республики. Он отличился несколькими подвигами в войне на море, предводительствуя то американскими, то французскими кораблями. — Павел Джонс в апреле 1788 г. прибыл в Россию, где принят на службу контр-адмиралом, получил анненскую ленту, но, как видно из Записок Гарновского, не поладил с кн. Потемкиным, а потому оставил Россию. Он умер в Париже в 1792 г. *Ред.*

Никогда государыня не была лучше расположена к его светлости (кн. Потемкину), как теперь; в день воспоминает его раз по нескольку и весьма его здесь видеть желает.

...Случай Зубова продлится, без всякого сомнения, по крайней мере до возвращения его светлости.

Касательно финляндских дел не могу я ничего более донести вдобавок к тому, что описано в депешах и приложениях к оным, от графа Александра Андреевича (Безбородко) препровождаемых; впрочем, переведенная с французского реляция напечатана и в русских газетах, ныне посылаемых, так как и награждения, отличившимся розданные.

Петру Ивановичу (Турчанинову) весьма пристал Анненский орден. Он пробыл здесь не более суток, потом опять к принцу отправлен. Государыня хотела вчера курьера сего к вам отправить, но, получа вдруг краткое известие, что шведы из Генфорса ушли, соизволила приказать остановить отправление сие до сегодня, в ожидании о Генфорсе обстоятельнейшего известия. Оно не было и сегодня поутру, когда государыня нынешним числом помеченное письмо (кроме того, что находится в конверте г. Зубова, которое вчера написано) писать изволила. Уже ввечеру привезли ожидаемое известие, которое и препровождается в письме графа Александра Андреевича.

Принц Нассау, высадя войска свои на берег, пошел пресекать путь королю к Аборфорсу, но с сухопутной нашей финляндской армии, по причине истребленных королем через Кюмень мостов, никто еще не пошел подкреплять принца.

Двор весьма негодует на недеятельность главнокомандующего финляндскою армиею; принцу же (Нассау) честь, слава и доверенность.

Преврат дел во Франции переменял много образ мыслей в Павловске. Парадное там место велено Самборскому вспахать и засеять*.

Подношу два атласа ландкартам, лучше оных нет во всем городе, хотя в Европе и есть гораздо новейшие. Анчоусы и сыры, завтра получа из Кронштадта, отправлю к его светлости, а сельдей нет еще.

В реляции написано, что Бальи ретировался; говорят, будто наконец струсил.

Шведских пленных отошлют к его светлости. Государыня была дней пять нездорова, но, благодарность Богу, болезнь миновалась. Граф Александр Андреевич назвал реляцию принца бестолковою.

7 сентября 1789 г. Сколько мы ни ожидали следствий после победы, одержанной над шведским галерным флотом, но теперь потеряна уже к тому и надежда. По-видимому, дела, до Швеции касающиеся, останутся в нынешнем году на водах и на сухом пути без вреда и пользы той и другой стороне. По мнению государыни и по словам графа Александра Андреевича (Безбородко), недеятельность графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) всему причиною, ибо его сиятельство, отговариваясь и теперь малолюдством войск, под командою его состоящих, не только почитает за невозможность имеющимися при нем силами наказать шведов, но и предприятиям принца Нассау не восхотел сделать никаких пособий.

Принц Нассау будет на сих днях сюда; сей принц, при получении пакета с Андреевским орденом, долго оной не распечатывал, находясь в размышлении, не александровская ли была прислана к нему лента! Увидя, по распечатании, андреевской знак, он был рад без памяти.

---

* «Парадное место», т. е. большой плац, находилось в нынешнем Павловском парке — между тройной липовой аллеей и тем местом, где с 1798 г. стоит Константиновский дворец. Самборский — известный агроном и священник, впоследствии духовник великой княжны Александры Павловны, супруги палатина венгерского. *Ред.*

Принцу Нассау посланы два теплых халата, и дабы сей подарок имел свою цену, то ему дано знать, что и к его светлости (кн. Потемкину) таковые в прошлом году посланы.

Петр Лукич (Вельяминов?) теперь только что отправился в финляндскую армию, взяв туда с собою отставного секунд-майора Казаринова. Его прев-ство дал знать о себе, что он будет командовать тамо передовыми корпусами, с коими еще в нынешнем году уповает отличиться, обнадежив Казаринова при первой оказии с реляциею, посредством графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), отправить к государыне, дабы Казаринов имел случай повергнуть себя к стопам Ее В-ва. Казаринов хотел сначала ехать к его светлости и проситься в армию, состоящую под начальством его светлости, но Петр Лукич, назвав себя его светлости фаворитом, уверил Казаринова, что протекция его светлости простирается и на Казаринова, с тех пор как сей свел с Петром Лукичем знакомство. Впрочем, Петр Лукич без денег, а Казаринов, получа после дяди немалое наследство, с деньгами в Финляндию отправился.

Турки, бывшие на галерах, сюда возвратились. Из Кронштадта провожала их команда, на что они, привыкши быть на галерах нашими сотоварищами, а не нашими пленниками, весьма было вознегодовали; но потом довольны были, когда им внушили, что команда находилась при них не для присмотру за ними, но для сбережения их от здешней черни, дабы она с ними, яко с людьми в турецкой одежде, не поступила так, как башкирцы с бывшим при принце Нассау кавалером Варадене (?), который убит за то, что не имел русского мундира и не умел по-русски. Сих турок государыня изволила указать хорошо поить и кормить и с ними ласково обходиться. Прежде производилось им в сутки по 15 коп., а теперь велено производить по 30 копеек.

Шубину приказано вырезать из мрамора бюст его светлости (кн. Потемкина).

В Шепелевском доме и том отделении, которое к оному примыкается, велено, убрав оные, развесить картины его светлости; в том же отделении, которое примыкается к самому дворцу, спальню и перед-спальню одеть, для лучшего света, белым штофом, каковым одеты некоторые комнаты у государыни и у Зубова. Не проходит того дня, чтоб государыня не занималась его светлостью и весьма его светлость видеть желает.

Великий князь и великая княгиня в Гатчине, где имеет быть привита оспа младшей великой княжне. Князь Александр Алексеевич (Вяземский) трактовал в Совете, потом докладывал государыне, что он ни под каким видом не в состоянии довольствоваться в будущем году армию чрезвычайными суммами, ни из доходов государственных, ни внешними займами.

С. Ф. Стрекалов просит его светлость, чтобы пенсионная сумма в Кабинете не залеживалась. Все, что его светлость и вы требовать от сего изволили, отправлено уже, а когда, что именно и с кем — подношу регистры.

18 сентября 1789 г. Раутенфельда многие оправдают, основываясь на подносимом при сем в копии его ответе. Между тем именным указом предписано дело сие исследовать, к чему предварительно назначаются генерал-поручик Гантвих, генерал-майор князь Щербатов и артиллерии генерал-майор Бригман.

В Финляндии ничего не делается и уже помышляют о зимних квартирах; нетерпеливо ожидаем мы известия об успехах корпуса нашего, в Саволаксу против Стединга отряженного; но как сегодня десятый день, что от графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) нет курьера, то сегодня же г-н Турчанинов отправлен к графу разведать о причине толико долгого молчания и вообще о положении тамошних дел наших. Турчанинов снабжен притом к его сиятельству (Мусину-Пушкину) письмом от государыни, несколько негодования в себе содержащим. Кроме гра-

фов Брюса и Остермана, нет в Совете другой графу Валентину Платоновичу подпоры; впрочем, кажется, что и в государыне остаток в пользу сего графа, графом Мамоновым посеянного, исчезает.

Принцу Нассау много верят и уже начинают делать для будущей, на водах здешних, под его начальством, кампании сильные приготовления. 24 осадных орудия, которые, как вам известно, приказано было содержать здесь в готовности, велено теперь отдать на галеры, дабы оными заменить чугунные пушки; от них (т. е. от чугунных пушек) не только шведов, врагов наших, но и русских много в нынешнем году роковых (т. е. несчастных) людей погибло. Приказано также поврежденные суда немедленно исправить, и некоторые вновь построить; в сем числе шесть шебек на партикулярной верфи, под смотрением здешнего господина губернатора, яко исправным строителем судов принцем государыне рекомендованного. И действительно, утверждают все, что суда, на партикулярной верфи построенные, несравненно лучше тех, кои строились в адмиралтействе.

Наместо орудий осадных, к отдаче на галеры назначенных, велено вылить и содержать в готовности тоlikое же число на случай надобности на сухом пути. Надменность короля шведского, повсеместно им изъясняемая, а особливо в его повествиях о подвигах военных, до крайности нас оскорбляет и пресекает почти все способы к помышлению о мире; вся надежда на его светлость.

Государыня скучна; кроме дел финляндских, не по желанию идущих, слабое здоровье г-на Зубова должно быть не менее неприятно. Нередко и ночи препровождаются в бессоннице и в беспокойствиях.

От капитана 1-го ранга г-на Тревенена, разъезжающего с легкою эскадрою, получено известие, что он наказал несколько шведских судов, одно из них истребил огнем, а прочие загнал в Бурзунд, где и содержит их в блокаде. При сем случае один наш ли-

нейный корабль сел на камень, и неизвестно, удастся ли оный снять.

Князь Александр Алексеевич (Вяземский) поднес государыне, посредством графа Александра Андреевича (Безбородко), записку, содержащую в себе то, о чем я пред сим имел честь вас уведомить, то есть что он будущего января с 1-го дня не знает, откуда брать деньги, для экстраординарного продовольствия армии потребные. Сей князь почти совсем ослабел морально и физически.

Меньшой Zubov пожалован в подполковники и определен к командованию конвойными командами.

Государыня приказала спешить с убранством покоев его светлости.

Г. Тырской усиленно и всенижайше просит о явлении милости к сыну его, к его светлости отправленному. Его превосходительство посвящает себя навсегда к услугам его светлости и вашим (т. е. Попова).

3 ноября 1789 г. Государыня страдала несколько дней болью в пояснице. Сие продержало отправление подносителя сего до вчерашнего дня; шпаги же, при сем подносимые, которые теперь только что поспели,— до сегодня. Я уже доносил вам, что не проходит ни одного дня, в котором бы не занимались царские уста произнесением похвалы отличным подвигам светлейшего князя; сие продолжается и теперь, с прежним жаром. Недавно изволила государыня проговорить за столом:

«В прошедшую турецкую войну были и генералы, и предводители хороши; но в настоящую и генералы, и предводители гораздо виднее первых: почти менее нежели в два года сделано более, нежели в прежние семь лет».

Граф Мамонов не выходит из памяти; недавно поручено было Соймонову отправить к графу продолжение эрмитажных сочинений и несколько вновь вышедших эстампов. Граф благодарил государыню за сей подарок письмом, присланным для поднесения Ее

И. В-ву при особом письме, к Соймонову. Сей, рассуждая, что государыня графское письмо дурно принять изволит, отпрапортовался больным в тот день, в которой оное поднести надлежало, и для сего поднесение, как оного, так и того, которое собственно ему принадлежало, поручил Храповицкому. Сверх чаяния, оба письма приняты были весьма милостиво, и то, которое принадлежало Соймонову, показано было Зубову со следующим примечанием:

«Слог письма оправдывает сочинителя оного, что он еще не сошел с ума».

Таковое примечание произошло оттого, что в городе и при дворе беспрестанно твердили, будто граф с ума сошел; слух же сей почитают родившимся в доме Зубовых, партиєю коих разнесен оной по городу. Того письма, которое было писано к государыне, никто не видал, но говорят, что государыня была оным чрезвычайно довольна. Зубов сильно к графу ревнует, потому что привязанность к графу не исчезла, и не только одна сия ревнивость Зубова озабочивает, но ни Зубов, ни Николай Иванович (Салтыков) не могут терпеть, чтоб молодые видные люди ко двору являлись.

Петр Лукич (Вельяминов?) далее Выборга не был нигде. Там он рапортовался больным и по причине болезни возвратился сюда. На прошедшей неделе Николай Иванович объявил ему именное повеление, чтоб он, не находясь ни в какой армии, числил себя в отпуску до выздоровления. Думают, что сему причиною прожекство Петра Лукича, касательно Казаринова, и сие легко быть может, потому что Петр Лукич скромности не любит и, для подкрепления в публике кредиту своего, нередко много лишнего болтает. Казаринов, опасаясь после сего следствий, согнал после сего Петра Лукича из своего дома, где было Петр Лукич поселился. Сверх сего, Казаринов, боясь Николая Ивановича, потерял охоту и ко двору являться.

Государыня на помянутое графское письмо ответствовала, на которое граф и паки писал к государыне.

Когда Шкурина пред отъездом своим в Москву, где она живет в доме Мамонова, просила увольнения от службы, то ей велено было сказать через Соймонова:

«Услуги ее давно мне не надобны, и чем скорее оставит она дворец, тем приятнее для меня будет. Je vous prie*, Петр Александрович, от слова до слова перескажи, как я приказывала».

Когда камер-юнкер Бибииков возвратился из похода сюда, то всячески приказано было разведать, не участвовал ли и сей в делах, касающихся до любви Мамонова.

На генерал-майора князя Лобанова, бывшего дежурным при графе Валентине Платоновиче (Мусине-Пушкине), все ропщут. Некоторые на него жалобы дошли до сведения государыни, почему последовал именной указ, в копии при сем препровождаемый; тут, хотя Лобанов лично и не упоминается, но весь почти указ на его счет. Между тем вчера Лобанов, по прошению его и по внесенному о том от коллегии докладу, от службы уволен. Фрейлина Азанчевская вышла замуж за сержанта гвардии Спичинского, к свадьбе гвардии прапорщиком пожалованного. Князь Александр Алексеевич (Вяземский) немного оправился. После умершего в Москве богатого Апраксина все его имение определено духовною Степану Степановичу Апраксину. Алексей Алексеевич и Лев Алексеевич Нарышкины подали Ее И. В-ву прошение, которым, опорочивая духовную, означенное наследство почитают себе принадлежащим. Государыня ответствовала на сие прошение:

«Дела сего рода не принадлежат до моего разбирательства».

Между тем оное прошение отослано в Москву к Петру Дмитриевичу (Еропкину), при именном указе,

* Прошу Вас...

с тем, чтобы в наследстве имения поступлено было по законам.

Зубов-прокурор купил себе дом, куда перевозит из Москвы всю свою фамилию. С тех пор как сей Зубов занялся стараться о приобретении, со временем, генерал-прокурорского места, граф Воронцов потерял всю к тому надежду, которую он полагал на молодого Зубова, с коим его сиятельство предполагал подружиться, посредством Завадовского, живущего в добром согласии с князем Юсуповым, с которым молодой Зубов подружился. Зубов сильно старается вывести многочисленную фамилию свою в люди, о чем беспрестанно просьбами государыне докучает. При случае торжества о взятии Белграда турецкого сказал он государыне:

«Все празднуют сегодня две радости, а я три».

Государыня спросила, какая третья?

Зубов отвечал:

«Моя сестра благополучно от бремени разрешилась».

Государыня ничего на сие не сказала, из чего заключают, что ответ Зубова Ее В-ву не понравился.

Зубов спрашивал у меня, что его светлость ко мне в последнем письме писать изволит? Я показал ему письмо. Он, видно, сказывал об оном государыне, и я не знаю, государыня ли или Зубов посылает его светлости означенные в приложенном регистре книги, к коим присовокупил и я все, сколько в нынешнем году было только новых в привозе. Подношу теперь краски и бумагу лучшую, которую его светлость требовать изволил, и вновь вышедшую оду, которую, как говорят, сочинил г-н сенатор Ржевской.

24 ноября 1789 г. Государыня письмо свое 21-го изволила заготовить, граф Александр (Безбородко) свои 22-го, но курьера сего прежде сегодня отправить нельзя было, по причине приуготовления и исправления шляпы, вам известной, с ее прикрасами, от Ее И. В-ва теперь к его светлости препровожда-

емой. Кокарду и петлицу делал Дюк, повергающий себя к стопам его светлости для испрошения милости, которою его светлость прежде его, Дюка, жаловать изволил, венок же — Гезель; вещи сии стоят двести тысяч рублей. Что Зубов немного в подобных сему делах участвует, доказывает то, что он, говоря со мною о сих вещах, ценил их в 40 000. Захар весьма к его светлости усерден.

Подношу при сем хранившиеся у меня 8 бриллиантов, ограненных в Петергофе, и, по приложенному регистру, разные камни, жемчуг и золотые вещи, взятые из гардероба от Лаврентия, у коего золота в слитках не имеется, да полотна для его светлости 12 штук на рубашки, 12 — на простыни и четыре куска батисту, купленные мною по выбору Матвея Федоровича. Ионица после вашего отъезда занемог, теперь он выздоровел; сегодня отправил я его, брата его и плясуна Павлу Семеновского, да с ними же отправлена шитая ливрея, в приложенном регистре означенная. Погода здесь самая дурная и снегу нет ни капли; беда мне в рассуждении сего. Отправленные и отправляющиеся транспорты должны везде терпеть остановку, что немало голову мою кружит. Туликова через два дня отправлю, ибо тогда только успеет пряжка.

Для совершения купчей на купленное у князя Василия Васильевича (Долгорукого?) село Васильевское, ожидаю потребных из Москвы бумаг.

Новостей нет. Имя его светлости прославляется повсеместно. Предвозвещают и ожидают мира.

1790 г.

12 января. Фаворит лежит уже целую неделю в постели. Сначала обстоятельства болезни его, от простуды происшедшие, казались быть очень опасны, но теперь есть к выздоровлению надежда. Болезнь сего не составляла и сотой доли тех забот, которые зани-

мали нас во время (болезни) Мамонова, в припадках менее теперешнего опасности подверженных.

К Валериану Зубову не то благоволение, которым судьба обещала его наделить до приезда его из Бендер. Нескромные его на княжну Голицыну взгляды сильно не понравились, и следующие, с презрением выговоренные слова: «*Ce n'est pas ça, que j'avais lui destiné*»^{*} утверждают примечание сие. Между тем старший Зубов пользуется временем. Он принялся плотно стряпать по делам всех в государстве богачей, и сии весьма выгодные обороты приносят ему несравненно более пользы, нежели непосредственная царская милость. Одни его вам известные дела идут не по желанию. Венера, которую он вместе с графом Брюсом обожает, нимало не расположена отвечать ни тому, ни другому. Отзывом его светлости к принцу Виртембергскому, с коего принц прислал сюда копию, и великий князь и великая княгиня довольны.

Для выговора, со стороны их высочеств, принцу назначенного, пошлется бригадир Бенкендорф, о котором их в-ва думают, что сей преподает принцу лучшие советы, нежели определенный к принцу Будберг, на которого всю вину относительно принцева поведения возлагают.

Цесарской посол убегает разговоров о делах нидерландских, льстя себя надеждою, что Нидерланды по-прежнему присовокупятся к императорским владениям, сколь скоро император приведет к окончанию дела, касающиеся до настоящей войны турецкой и до будущей с Польшею и лигою Германскою, за неизбежную почитаемой. Император требует, чтоб мы имели в Белоруссии войско, и супруга принца Нассау вслух твердит везде, что поляки в будущем марте месяце непременно нам войну объявят.

Принц Нассау в сильном кредите при дворе, и многие господа делают ему отличную аттенцию. В сей мясоед много дано было в честь ему балов.

^{*} Это не то, чего он вечно добивался.

Прибывшие сюда граф Салтыков и Игельстром принимаются весьма ласково.

Граф Пушкин теперь здесь. Будучи болен ногами, не являлся он ко двору.

Русанов просится в отставку с награждением чина и пенсии, к чему удостоивается он подносимыми при сем бумагами, свидетельствующими подвиги его, на штурмах и сражениях оказанные.

Маврина не терпят. Бог знает, что, наконец, будет с Карадыкиным, который с Мавриным хотя и одного помету, но в кредите.

2 марта 1790 г. Сего числа отправлены краски, в подносимых регистрах означенные, так как и сто дюжин карт.

Отправлены также в Решетиловку (имение В. С. Попова) коллекция 64 эстампов в вызолоченных рамках и вещи, в подносимом при сем особом регистре означенные.

Ни одна английская кухарка ехать в Яссы не соглашается. Семена английские отправлю я в Решетиловку, как скоро оные получу от Гульда, с минуты на минуту привоза оных ожидающего. Гульд обещал приискать также хорошего русского садовника, а коли немец попадетсЯ за дешевую цену, то и такого можно в Решетиловку отправить.

На подмосковную Васильевское, купленное у князя Василия Васильевича, купчая совершена и деньги заплачены. Я писал к г. Пузину, чтоб он принял оное в свое ведомство.

Подношу при сем регистр деньгам экстраординарной суммы, с кем и когда отправленной. Теперь принимаются деньги, следующие на последние два месяца январской сего года трети.

Смерть императора (Иосифа II) навлекла нам немалые печали, которые, присовокупясь к заботам, отягощающим нас по делам шведским, умножили сильно припадки колики, коими весьма часто подвержена несравненная императрица наша.

В доме же цесарского посла похоже было совершенно на преставление света.

Мы делаем страшные приготовления к третьей кампании против шведов, не выпуская притом из виду дел прусских и польских. Возка легких судов по льду отсель до Выборга, беспрестанное отправление съестных и воинских припасов в Финляндию и Лифляндию производятся в таком сильном движении, что здесь с трудом можно найти наемных лошадей, для езды в городе потребных.

При перемене в Москве генерал-губернатора предлагала сия участь, старанием старика Зубова, тамошнему губернатору, обер-полицеймейстеру и многим другим.

Беклешова хотели в Москву, а Толя — в Ригу.

Не толкуют здесь нимало ни о войне, ни (о) мире, предоставляя и то и другое прозорливейшему благорассмотрению его светлости.

Подношу при сем сочиненные в Англии квартеты в честь победителя Бендер и Очакова. В книге, на которой надпись Flauto, на обороте заглавия адрес его светлости написан сочинителя рукою.

Подношу также регистр флактусу, в Херсон отправленному, остальное же оного количество, в Херсон потребное, с первыми кораблями сюда привезено будет.

21 марта 1790 г. О пожаловании его светлости гетманом великим никто здесь, кроме графа Александра Андреевича (Безбородко), не знал до тех пор, пока с сим известием не приехал от вас курьер. Какое было удивление в Совете при чтении бумаги, которою его светлость принес Ее И. В-ву за получение нового достоинства сего благодарность. Вся наша министерия занимается теперь рассуждением, не будут ли соединены со званием гетманским какие-нибудь преимущества. Я думаю, что граф Александр Андреевич не был бы в состоянии скрывать так долго вверенную

ему тайну, если б говорить о ней, под опасением потери милости, не было ему строжайше запрещено.

Балтийской порт был несколько часов в шведских руках. Подношу вступившие о сем происшествии в копиях рапорты. Государыня таковым шведским разбойническим поступком до крайности была огорчена. Над комендантом Робертием приказано произвести следствие, а наместо его отправлен отсель Софийского пехотного полку подполковник Колюбакин.

На сих днях взят под стражу некто подполковник Ливен, из Конной гвардии выпущенной. Сей вел со шведами вредную для нас переписку, но как дела сии принадлежат до Тайной экспедиции, то и нельзя знать, в чем точно состоит его преступление.

За поднесенное ее высочеству левантское кофе и великий князь, купно с великою княгинею, приказали его светлость благодарить, быв оным столько довольны, так как и государыня относительно части, ей поднесенной, что без ведома их не велели ни зерна употреблять.

Г. Бенкендорф сильно скучает; надеясь на ваше к нему благоприятство, он, желая быть при армии, предводительству его светлости вверенной, с нетерпеливостью ожидает повеления ехать туда.

Подношу два шитых мундира, из коих один вам, а другой, по вашему повелению, Василию Васильевичу принадлежит. Простые мундиры, так как и плащ, постараюсь прислать с первым курьером.

Подношу регистр семенам, с сим курьером отправленным, для пересылки оных в Решетиловку; я велел их отдать в Кременчуге в надежные руки.

Подношу остаток моего лекарства; употреблять оное надобно по утрам на тощий желудок в белом вине по 6-ти капель.

Подношу регистр вещам, с стеклянного завода к его светлости отправленным.

В число следующих за пекинские зеркала 26 000 руб. я получил только 7000 р., да и сии в течение

года в три раза. Теперь худо с казною иметь дело; с тех пор как напечатал я в нынешнем году подносимой при сем зеркальным стеклам тариф, открываются способы к выгодным с партикулярными людьми оборотам. В Москву потребовали для спекуляции на 10 000 р., да на прошедшей неделе некто гвардии офицер Пашков заказал оных с лишком на 7000, дав в задаток 1500 руб. Таковых в партикулярные руки заказов прежде не было.

Садовника еще приискать не удалось.

31 марта 1790 г. В письме к его светлости препроводил я рисунок чернильницам, которые в светлый Христов праздник поднесены мною государыне, великому князю и великой княгине. Много изъявлено за оные благодарности, и государыня изволила поставить свою в эрмитажную комнату, где собираются, под собственным ее смотрением, разные редкости. Заведение оных последовало после отъезда отсель его светлости.

В тот же день поднес Кених государыне его светлости портрет, из белого мрамора вырезанной, точно такой, каков им за два года пред сим поднесен уже был. Последний сделан, по именному указу, с лавровым венком.

На помещение Река в оренбургские коменданты государыня еще не изволила согласиться, потому что сей генерал назначен на галеры в команду к принцу Нассау, которой играет знатную роль.

Получены здесь известия, что шведы приутожили в шхерах брандеры для сожжения нашего в Ревеле флота. Сии вести нанесли много хлопот, и отсель строго предписано не только от сего зла всемерно остерегаться, но и стараться брандеры заблаговременно истребить, если возможность допустит.

Барон Пален назначен к Крузу, в секретную экспедицию с судами из Ревеля наряжаемому. У Палена будут в команде один пехотной полк, два морские и один егерский корпус финляндского батальона. Мед-

лительностию в делах Леопольда двор наш недоволен. NB. Относительно здешних переписок.

Подношу переделанную Дювалем архиерейскую шапку.

С некоторого времени в. князь сделал сильную привычку к задумчивости.

9 апреля 1790 г. Маврин подал письмо, которым просит другого места; говорят, что ему хочется в сенаторы. У него в провианте явился недостаток, а чтоб оный дополнить, то он собрал в здешних лабазах столько хлеба, сколько в магазейне недоставало. Перевозка оного производилась ночью; полиция, соблюдая закон, который из лабаз в магазейны хлеб покупать запрещает, помянутый транспорт арестовала, однако же, старанием приятелей г-на Маврина, арестованной полициею хлеб достался ему в руки и история не дошла до ушей царских.

Старому Зубову (отцу) убавили по сенату ходу. Он грозил подкреплять предложения свои именными указами, но не устоял в своем слове.

Весна наша в зиму, — Бог знает, надолго ли; между тем сия перемена причиною, что кампания финляндская не так рано откроется, как предполагали, хотя и вся гвардия, туда назначенная, уже в походе.

Подношу копии и регистр вещам, с г-м Душинкевичем отправленным; бумаги и остальное количество Кельнской воды завтра отправятся. Для его светлости туфли шьются, а платки обрубливаются, оные будут отправлены с первым курьером.

Завтра отправятся остальные, на январскую сего года треть, деньги, и именно 250 000 ефимков, 200 000 серебром и 24 000 червонцев.

Шабер находится в инженерном корпусе и будет переведен в греческую гимназию, по приказанию вашему.

Подношу копию касательно гравера, которого Иван Иванович Бецкой прислал ко мне для отправления к его светлости. Сколь скоро оный запасется всеми, по

художеству его потребностями, я его отправить не премину.

21 апреля 1790 г. Шведы заняли Пардакоски. Судя по донесениям, от г-на Игельстрома вступившим, то важной сей пост потеряли мы от оплошности г-на подполковника Петровича, с егерями стражу в оном содержавшего. Приключение сие обратило вдруг все наше внимание на Пардакоски тогда, когда мы ничем так сильно на сухом пути не занимались, как Нейшлотом, где собраны были главные наши силы. Часть сих поворочена поспешно к Пардакоски, откуда с нетерпеливостью ожидали мы поминутно неприятнейших вестей. Сейчас прибежал курьер; депеш, привезенных оным, я не читал, но, будучи на половине великого князя, слышал от Бенкендорфа, что покушение достать Пардакоски обратно в наши руки, произведенное под предводительством г-на Игельстрома, было весьма неудачно. Потеряв с 200 человек, мы отступили назад. Байков ранен, и принц Ангальт, и весьма опасно. Келлен послан лечить сего принца.

Сегодня не было чинам перемены, но после приезда помянутого курьера бригадир Васильчиков пожалован в Преображенской полк секунд-майором; сему велено как можно спешить сюда приездом, уповательно для принятия команды наместо раненого Байкова.

Сегодня вскрылась Нева, и сегодня же отправляется к вам г-н Бенкендорф.

Я подносил на прошедшей неделе записку, которою просил, чтоб привоз в Россию стекла запретить. Вчера сказывал мне граф Александр Андреевич (Безбородко), что государыня согласна, но только желает наперед знать, не будет ли в таком случае в стекле недостатка. Я отвечал, что не будет, да и смело беруся за то, что не будет. Если сей желаемой указ будет состояться, то от одного будет его светлости более до-

ходу, нежели от 50 000 крестьян, в лучших местах находящихся.

9 июня 1790 г. После неудачного на Ревельскую эскадру покушения шведской флот, исправясь починкою у острова Вульфа, обратился к Гогланду, от коего не в дальнем расстоянии находился, под предводительством самого короля, и весь шведской гребной флот, сильной числом судов, а притом снабженный избыточно людьми и всякого рода припасами. Что мы на море ни полагаем, шведы заблаговременно все знают, почему и немудрено им противоположать и предупреждать все наши намерения, сколь бы оные секретны ни были. Весь Совет знает их, а что знают два, не есть уже тайна. Известясь шведы о выходе Кронштадтской эскадры, гордый их флот пустился оной навстречу. Гордым его назвать можно было и потому, что герцог Сюдерманландский, стоя у Гогланда, останавливал все суда, плывшие к Санкт-Петербургскому порту, и, между прочим, сказал одному английскому капитану, вопросившему его высочество, каким успехом увенчалось нападение на Ревельскую эскадру:

«Дорого старой Чичагов заплатит мне за два корабля, мною тамо потерянные».

23 мая по сю сторону Сескаря началось сражение, описание которого ваша светлость изволите усмотреть из реляции, напечатанной в газете. Между тем я должен вашей светлости донести, что во время сражения здесь происходило. Как сражение было ближе сорока верст от Кронштадта, то пальба, хотя и томно, слышна была и здесь; город, около лежащие места и двор, быв преисполнены страха, находились в жалком положении. Двор, зная превосходство морского ополчения шведского, был не без причины озабочен участью нашей эскадры; а город считал оную совсем уже пропащею, судя по происшествиям и движениям, которые в то время в городе случились. Скоропостижное отправление в финляндскую армию и в

Кронштадт на галеры остававшегося за разными уже неоднократно выборами в столице, в Новгороде и в уездных здешней и Новгородской губерний городах воинства, составленного из солдат гвардейских, сенатских, полицейских, губернских, гарнизонных и водяной коммуникации, в том числе многих весьма престарелых людей, и устройство новых батальонов (о коих в письме Николая Ивановича Салтыкова к вашей светлости препровождаются копии с именных указов), в которые берут не только бродяг, но и многих под разными претекстами с чистыми паспортами, что заставило большую часть народа, для работ сюда пришедшего, удалиться отсель и теперь еще толпами удаляться,— все сие тревожило публику до крайности. К умножению беспокойства в городе присоветовали было спустить все караулы от полков гвардии, за уменьшением против прежнего не в большом числе теперь содержимые, и уже послано было повеление занять оные кадетами из корпусов сухопутного и артиллерийского, но потом приказание сие отменено. К сему присовокупились и еще два весьма неприятные обстоятельства: 1-е, в лаборатории артиллерийской, что была на Выборгской стороне позади партикулярной верфи, взорвало от неосторожности, происшедшей в сушиле, 500 начиненных бомб. Гром, оными произведенный, публика, почитая за приход в столицу шведов, находилась в чрезвычайном смятении. Вреда было только, что сгорела лаборатория, бывшие тамо припасы погибли и бомбою один солдат убит, да пропали во многих домах оконечные стекла, в том числе и в домах вашей светлости разбито оных до двух сот; к счастью, уцелел с порохом погреб, неподалеку бывшие лаборатории находящийся. 2-е, во время сражения шведов с Крузом на корабле, которым командовал капитан Одинцов, сбита была на грот-мачте верхняя оные часть. Одинцов, считая сие повреждение весьма важным, вышел за линию, не получа на то от начальствующего флотом позволе-

ния. Сей, не в свое время сделанной, за линию выход доставил было шведскому флоту случай иметь над нашим полную поверхность, если б Круз не сделал такого маневра, посредством которого наша линия, спустясь назад, построила с вышедшим за линию кораблем Одинцова новую линию. Принц Нассау, находившийся тогда, как и теперь, в Кронштадте, занимаясь устройством гребного флота, посылал беспрестанно, в течение сражения, легкие суда для примечания, что со флотами происходит, и преподавал о том сюда частые известия. В то время как Круз спускался назад для составления линии с кораблем Одинцова, находился для примечания на легком судне полковник Фенш, который почел помянутое крузово движение за побег нашего флота и с сим известием поспешил к принцу, а от оного был прислан сюда. Двор, получа оное, был крайне опечален; и восстановлено при дворе спокойствие, и то несовершенное, уже тогда, когда было получено известие, что Чичагов пришел с Ревельскою эскадрою к Сескарю. Тут шведы, опасаясь быть между двух огней, расположились со своим флотом в Выборгской бухте, в тесноте островов, где они и содержатся в блокаде. Кажется, что они не уйдут от предстоящей им гибели. Теперь нужно содействие до сих пор неподвижного нашего гребного флота, к выходу в море на сей неделе назначенного. Наместо потерянных под Фридрихсгамом судов поспеют на сих днях из здесь построенных числом до 70. Экспедиция, что была поручена Палену, отменена, и для употребления на галерах велено сюда быть из Ревеля Курскому полку, из коего одному батальону предписано следовать на почтовых. Палену также велено быть сюда.

О происшествиях на сухом пути реляции напечатаны в газетах, а что после того происходило, реляции препровождаются от графа Александра Андреевича (Безбородко) к вашей светлости, а я подношу рапор-

ты Слизова и мнение генерал-губернатора рижского, касательно защищения Риги.

По получении известия о соединении наших флотов, государыня в препровождении Протасовой, Зубова и графов Ангальта и Безбородки изволила быть в Петергофе и Кронштадте, где, осмотрев все приготовления, угодно было начальству тамошнему изъяснить высочайшее благоволение свое.

Таковое положение дел наших не давало до сих пор двору времени об отправлении курьера к вашей светлости помыслить.

Одинцов, по окончании сражения, отпущен был с своим кораблем в Кронштадт. Тут явилось, что сей корабль мог исправиться на месте, не быв в Кронштадте, почему корабль, исправясь, отправлен был на другой день ко флоту с другим капитаном, а Одинцова велено судить.

Г. Булгаков приехал сюда на прошедшей неделе; он был два раза у государыни, будучи, впрочем, болен ногами, к сидению его дома принуждающими.

Над принцем Виртембергским производил операцию Блок, в присутствии Бека, Крюза и Массота, который почел себе за обиду, что не ему операция досталась. Однако же Массот приемом великой княгини очень доволен, так как и перстнем, тысячи в две, в подарок ему пожалованным. Принц теперь вне всякой опасности, и их высочества, рассуждая, что, по случаю начинающейся кампании, вашей светлости Массот потребен будет, завтра отправляют его в Яссы, истребовав от меня все к отправлению его потребное. Недостаток в Павловске в деньгах и надежда на вашу к ним преданность понудили великую княгиню с сим ко мне отозваться, да и получа желаемое,— то есть я дал Массоту 1000 руб. на дорогу,— было столько от великой княгини благодарности, сколько более быть нельзя. Подношу при сем регистр фарфоровой посуде и отправляемым сегодня к вашей светлости вещам да ведомость деньгам.

Чтоб не тревожить двор, то запрещено стрелять по дачам из пушек, пускать ракеты и делать фейерверки.

Блокового мастера, о котором подношу при сем полученное от графа Ивана Григорьевича (Чернышева) письмо, я отправил в Херсон.

Лошадей я отправлю в Кременчуг с тем самым англичанином, которой их сюда привез и которой до сих пор при них находился, ибо нельзя лучше присмотра за лошадьми желать. В помощь ему даны будут один унтер-офицер и двое гусар, истребованных от майора Томича, исправнейших людей.

Коль скоро двор хотя мало успокоится, чего хотя скоро, но не прежде, однако же, ожидать должно, как тогда, когда участь шведов, на воде стесненных, решена будет, то граф Александр Андреевич (Безбородко) обещал непременно исходатайствовать указ, привоз чужестранного в Россию стекла запрещающий, а между тем я по заводу приуготовился к производству больше работ.

Купцы почти никогда у нас зеркального стекла не покупали, а на прошедшей неделе, услышав о будущем запрещении, купил один небольших мер зеркал на две тысячи рублей. В тарифе на все стекла положены великие цены, а чтобы оные у нас на заводе даром не лежали, то я определил делать уступки по десяти процентов, кто вдруг оных купит не менее как на пять тысяч рублей; сим, однако же, правом не пользуются те, которые делают зеркала на заказ. Касательно же наших на продажу готовых стекол, то оные не что иное, как из заказных, треснувшие в точке или полировке, следовательно — обломки. Впрочем, в тарифе с умыслу положены большие цены для того, что русские купцы любят торговаться, что я выше и назвал уступкою, весьма для завода выгодною.

Тариф посуде и прочим вещам, коль скоро поспеет, будет также напечатан.

Дрова, яко артикул к составлению стекла более прочих нужной, несмотря на повсеместную дороговизну, стоят мне сажень каждая полтиною дешевле того, что они стоили во все время владения вашею светлостью заводом. Причиною сему заведение собственных водовиков, весьма для экономии выгодное.

Распилено на мельнице к продаже готовых досок с лишком 30 000; сего также прежде не бывало, ибо я застал в действии один анбар, да и тот пилил чужие бревна, другие же два анбара я, кроме стен, вновь построил. Сверх вышеписанных, и еще пилятся доски, ибо зимою я заготовил до 8000 бревен. Кирпича сделают и выжгут на Овцыной даче полтора миллиона. Поташ дорог, потому что в чужие края много выпускают; я хочу при стеклянном заводе завести поташную фабрику, в городе золы пропасть. Определя известную цену за принос на завод известного количества чистой золы, никогда в оной недостатка не будет, и поташ, по вернейшему исчислению, втрое будет дешевле теперешнего. Я принял на завод четырех человек немцев, родных братьев, делающих, на французский манер, прекрасное, самое чистое стекло оконичное и зеркальное нелитое. Сего рода стекол берут много в городе, а особливо ко двору; у нас на заводе прежде не делали, да и делать не умеют. Скорости и проворству сих немцев должно завидовать, и я буду стараться, чтоб наши, определенные к ним в помощь, были таковы же.

40 000 рублей, по векселю от Лазарева к получению следующие, я для того в ведомости не показал, что часть оных мне потребна по заводу. Если б я получил из Кабинета все, которые при вашей светлости за стекло ассигнованы были, то бы в сих деньгах не было надобности. Однако же я за оные, не смешивая их с заводскими суммами, дам особый отчет, то есть чистыми деньгами сорок тысяч рублей.

Помета получения: «20 июня 1790 г.».

1 июля 1790 г. Заперши шведские флоты в Выборгской бухте, мы все уверены были, что ни одно шведское судно не уйдет из рук наших. Сею лестною надеждою питались мы три недели, производя во все сие время потребные к поражению неприятеля приуготовления. Сухопутные наши войска заняли на берегу все места, где могли быть десанты, а флот наш подвигался к шведскому со дня на день ближе, обращая беспрестанное внимание на все три выхода из бухты, на подносимой при сем карте красным карандашом означенные. В сем положении ожидали принца Нассау с галерным флотом, который прибыл к назначенному ему посту 24 июня. Сия медлительность произошла не столько от противных ветров, которым гребной флот, по выходе из Кронштадта, в пути подвержен был, сколько от ожидания новопостроенных судов, кои к составлению его сил потребны были; что же касается до флотилии в Выборге, под командою Козлянинова состоявшей, то она, быв блокирована вышеписанною позициею шведских флотов, держалася ближе к Выборгу без пушек, которые Козляниновым употреблены были на батареях, на берегу и на островах для защиты входа в Выборг построенных.

Все сии распоряжения обещали много; между тем не преставали помышлять о средствах, какие бы лучше были к истреблению шведских флотов, и поелику оные находились не в тесном месте, то употребление брандеров признавалось бесполезным. Чичагова мысль была, чтоб атаковать их с того самого выхода, где он сам стоял со своими кораблями, составлявшими наши кордебатальи и правой фланг, с тем, однако же, чтоб сему предприятию содействовал и гребной наш флот со стороны входа, между островом Биорко и матерюю землею лежащим. Тревснен, напротив сего, предлагал вход, который стережен был левым нашим флангом, загрузить, употребляя к сему ветхие суда, коих в Кронштадте находится множество. Загрузить оной вход почитал он необходимо нужным для того,

чтоб сократить дистанцию, на которую мы, не раздробляя сил наших, внимание иметь обязаны были. По мнению его, место сие было то самое, где стоял Чичагов. Атаку, прожектированную Чичаговым, почитал он за весьма опасное для нас дело. Множество мелей, теперь в Выборгской бухте запримеченных, о которых мореходцы наши не были прежде известны, доказывают, что атака наша, если б она существовала, не только стоила бы нам дорого, но и была бы неудачна. Если б поступлено было по мнению Тревиснена, то неприятелю не оставалось другого средства, как пробиваться через выход, где стоял Чичагов, и тогда бы не спаслося ни одно шведское судно; да и с левого фланга, если б были у нас на островах батареи, то и там не было бы им к выходу удачи; вот каково теперь двор рассуждает.

Принц Нассау отворил себе силою путь к Биорке, которое место защищал король галерами. Потеряв сей пост, король возвратился во флот, где держан был совет, в котором все единогласно утверждали, чтоб шведскому флоту оставаться в бухте и ожидать нападения от нас. Все обещали сражаться до последней капли крови. Однако же король, последуя совету находящегося при нем английского мореходца Шмита, требовал, чтоб пробиваться к выходу, хотя бы то стоило потери всего шведского корабельного флота, лишь бы галерной его флот спасен был. Морские весьма недовольны были таковым презрением, от короля им оказанным, и герцог Сюдерманландской не преминул публично сказать королю, что все флоту их приключившиеся несчастья должно приписывать самому королю, потому что всегда поступали по его наставлениям. Несмотря на сии укоризны, король произвел в действо предприятие свое так, как оно описано в реляции Чичагова, в депешах графа Александра Андреевича (Безбородко) препровождаемой.

Поставляется в вину Чичагову, что он не подкрепил эскадру Повалишина. Между тем, хотя и ожида-

ли больше, двор и теперешним выигрышем доволен. Нельзя не удивляться, что до сих пор неизвестно, куда девался король; при выходе из бухты он находился на шлюпке, шлюпку сию взяли наши потом, четверть часа спустя после того, как король пересел на другое легкое судно, которое также попало к нам в полон. Король и с того успел за четверть часа пересестъ на третье; с тех пор неизвестно, где он.

Сегодня был здесь Турчанинов, который тотчас назад отправлен. Вести, которые он с собою привез, неприятны и еще никому неизвестны. Мне сказывал Платон Александрович (Зубов), что мы потеряли несколько судов, но он не знает каким образом, ибо Турчанинова, который был здесь не более одного часа, он не видал; письмо же принца (Нассау) написано так конфузно, что его нельзя понять, а у государыни не хотел он спрашивать, дабы не навести ей скуки. Приезд Турчанинова причиною, что вести, Драшковским привезенные, не были приняты с тою радостью, которую они заслуживают.

Николаю Ивановичу (Салтыкову) хочется, чтоб галерами командовал граф Иван Петрович Салтыков; но сколько Николай Иванович теперь ни близок, я не думаю, однако же, чтоб он в состоянии был подорвать принцу (Нассау) кредит.

Каменской приехал еще проситься на галеры, не предвидя, однако же, чтоб желание его исполнено было; сегодня он, подошедши к государыне, просил позволения съездить в Выборг.

Государыня сему удивилась и спросила — зачем? Он отвечал, что из единого любопытства.

Последнее ваше письмо показал я и Платону Александровичу (Зубову), и графу Александру Андреевичу (Безбородко). Не хотя посылать к вам пустых вестей, для того и отправление курьеров медлительно было. Нередко и ко двору доставляются фальшивые и нимало на правду не похожие вести. Береговые начальники видели множество на воздух полетевших в

бухте Выборгской шведских судов и о сем поминутно двору доносили, которой тому несколько и верил; но полученные несколько дней спустя от морских начальников известия совершенно противоречили первым. Однако же я буду отправлять непременно всякую неделю курьера, хотя бы от двора и не было писем. Платон Александрович велел напоминать себе при каждом отправлении.

Тотчас еду в город, откуда отправлю Гульда и припасы, требуемые его светлостью.

Помета получения: «9 июля 1790 г.».

9 октября 1790 г. Государыня еще слаба здоровьем, так как и великий князь, коего здоровье расстроил не один физической припадок, происшедший от простуды, но к оному присовокупился и нравственной, угрозением прусской войны навлеченной.

Благоволением великой княгини я не могу довольно нахвалиться, должен, однако же, донести, что участь принца, брата ее, весьма ее высочество интересуется.

Игельштром, питавшийся надеждою быть войска начальником, весьма не доволен начальником, в лице графа Ивана Петровича (Салтыкова) назначенным. Мысль свою о сем сообщил Игельштром графу Безбородку, для внушения оные государыне. Неизвестно, каково сие принято будет, а между тем Игельштром гордится столько же заслугами своими, сколько и благоволением отличным, от двора ему являемым, так как граф Иван Петрович (Салтыков), уповая на помощь графа Николая Ивановича (Салтыкова) и Зубова, не теряет надежды остаться при вверенном ему начальстве, его светлостью ему доставленном.

Токаря, способного точить всякие вещи, в том числе и железные, я приискал; снабдя его всеми потребностями, поспешу отправить. Состав предписанного стекла от его светлости производится с поспешностью; коль скоро оное будет готово, не премину его тотчас вместе с гранильщиком отправить.

Цветные каменья, присланные от его светлости, отданы петергофскому мастеру Муромцову; через две недели оные поспеют.

На стеклянном заводе сделана знатная перемена; с тех пор, как сей завод существует, не было никогда в отливке без пороку зеркальных стекол, теперь льются оные без пороков с лишком в четыре аршина. Сошлюсь на самого Карамышева, что не одно его искусство к сему способствовало. Кроме того, что дрова ставятся на завод дешевле прежнего, печи перестроены таким образом, что они с меньшим количеством дров производят против прежнего лучшее действие и ровное, рождающее и лучший состав материй.

Бемское стекло делается у нас самое лучшее; при сей части находятся немцы, которые с русскими не согласны, а сие производит то, что и те и другие стараются взапуски отделявать работу свою, сколь можно чище и лучше.

Пред сим его светлость изволил требовать жемчуг из гардероба; я теперь узнал, что весь жемчуг его светлости хранится у Захара.

Подношу при сем вещи, его светлостью требуемые, и именно английских красок два ящика и сухих красок, по выбору г-на Козлова, два ящика. Гребней: для готлисовой работы — 1, для бесселисовых — 1, для сивонерических — 1.

(1790 г., месяц не известен).

Подношу при сем пряжку, которую при помощи Кениха делали туляки, по Московскому тракту к вам 29-го прошедшего декабря отправленные. Они снабжены достаточно всеми потребными к ремеслу их инструментами. Не сыскав в городе ни пол-аршина синего бархату, я принужден был просить одного потребное на кавалергардской мундир количество, посредством Захара, из казенной. Государыня изволила при сем случае сказать, что не только на кавалергардской мундир, но и все, что есть в казенной, к

услугам его светлости. Тридцать рук упражняются в вышивке...

Ананасов нет. Старов отправлен 10-го сего месяца, а Ризетти с мальчиками и девочками — уже тому почти три недели.

Греческие книги, что были у Волховского, еще при нем отправлены, не помню — в Кременчуг или Дубровку.

Подношу черное перо, которое и было в гардеробе только одно, прочие, по словам Лаврентия, раздарены его светлостью.

Девочку и мальчика, что у Пика, завтра отправлю.

Из числа купленных у княгини Мещерской крестьян десять человек с мая месяца упражняются, под моим присмотром, в делании фальшивого мрамора. На весну число сих учеников умножу, чего в прошедшем году сделать нельзя было, потому что, по контракту, купленные крестьяне обязались производить работу в Павловске прежде, нежели они куплены.

Лизонька ни на какие обещания графу не поддается.

Последнее его светлости ко мне письмо, милостивое его ко мне расположение изъявляющее довольно, дало мне чувствовать, до какой степени простираются ко мне милости высокие; клянусь, напротив сего, честью, что никто в свете более меня благодарен быть не может.

Примечание. На этом оканчиваются переданные нам А. И. Левшиным сто четыре тетради, в лист, Записок Михаила Гарновского. Кроме того, имеются, с ними же сообщенные, несколько копий с указов, реляций, списков произведенных в чины или награжденных; — некоторые из этих бумаг писаны рукою Гарновского и были сообщены им В. С. Попову для представления князю Потемкину; но так как эти официальные документы были в свое время напечатаны, то здесь и не приводятся.

Последующая судьба Гарновского довольно печальна: в царствование Павла он, как ближайший приспешник кн. Потемкина, навлек на себя с самого начала неблаговоление нового государя и вскоре за злоупотребления казенным интересом подвергся преследованию. Громадный дом Гарновского, — ныне казармы л.-г. Измайловского полка — взят в казну, а сам он, составитель напечатанных нами Записок, заключен в каземат Петропавловской крепости, откуда потом выпущен, но оставался под надзором полиции, от коего освобожден лишь по восшествии на престол императора Александра I. Год смерти Гарновского нам точно не известен, полагают, что он умер до 1810 г.⁷⁹ *Ред.*

ЕКАТЕРИНА
и
ПОТЕМКИН

Подлинная их переписка

1782—1791

Антропов А. П. Портрет императрицы Екатерины II.
1766

В 1875 г. «Русская старина» представила на своих страницах обширный очерк жизни и деятельности кн. Потемкина-Таврического; в текущем году, Записки Гарновского воскрешают на ее страницах быт двора Екатерины II, обрисовывают ее главнейших и ближайших сподвижников и доверенных лиц, вместе с тем указывают на отношения людей, у власти стоявших, к великолепному князю Тавриды.

Чрезвычайно важным дополнением, как к биографии Потемкина, так и к Запискам Гарновского, являются подлинные письма императрицы к Потемкину за время с 1782 по 1791 г. включительно. Приводим их из сборника, собранного многолетним трудом покойного П. С. Лебедева, профессора Николаевской академии Генерального штаба. Этот сборник приготовлен им самим к помещению в «Русской старине» и ныне сообщен нам детьми покойного. *Ред.*

1782 г.

Июня 3-го ч., пятница поутру

Батенька, князь Григорий Александрович, не только желание мое узнать о твоём добром состоянии принуждает меня послать к тебе сего нарочного, но и самая нужда по делам: в Крыме татары начали вновь не малые беспокойства, от коих хан⁸⁰ и Веселицкий⁸¹

уехали из Кафы водою в Керчь; Филисовым⁸² приняты не ласково; теперь нужно обещанную защиту дать хану: свои границы и его, нашего друга, охранить; все сие мы бы с тобою в полчаса положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти; всячески тебя прошу поспешить своим приездом, ибо ничего так не опасюсь, как что-нибудь проронить или оплошать. Adieu, mon cher ami, revenés au plus vite, portés vous bien*, а обо мне будь уверен, что я тебя, как душу, люблю.

Денег пошлю и суда наряжу, а о войсках полагаюсь на тебя, также кого пошлем, ведь ты гораздо избрать подобного.

Cette affaire me paroît délicate par ce quelle peut avoir des suites qu'il seroit bon d'éviter encore quelque temps**.

Англичане жестоко побили на море; французской адмирал с четырьмя кораблями взят в полон (у острова Доминго, близ Ямайки)⁸³; при сем прилагаю цидулу человека, тебе крайне привязанного и который жестоко по тебе тоскует.

Сентября 15-го ч.

Письмо твое, друг мой сердечный, от 10 сентября, из Могилева, я сегодня получила; сожалею о беспокойной твоей езде; пожалуй, побереги свое здоровье, лучше день позднее приехать и быть здоровым. Здесь ныне дни стоят изрядные. Из Цареграда получила я от Булгакова вести, что весь город выгорел, и горел 5 часов⁸⁴; пожар начался 10 августа (письма от 15-го числа), казармы янычарские, все судебные места, многие мечети, людей же тысяч до четырех сгорело, а несколько сот тысяч горело, и ожидали от сумятицы бунта, и для того сменен визир и Киага-бей; наместо первого сделан визирем очаковский паша, а наместо

* Прощай, мой дорогой друг, возвращайся возможно скорее и будь здоров.

** Это дело, мне кажется, деликатное по последствиям, и его надобно избегать на некоторое время.

другого — какой-то Елим-паша, который слывется умным и знающим человеком, а чернь злится на нас, и нас клевет в поджигании города, и улемы вранье подкрепляют; в городе же в хлебе оказывается скудость, мельниц и пекарен мало что осталось; пожараще простиралось от сераля, которой, однако, цел, так как Софийская мечеть. Прощай, мой милый друг.

Сентября 25-го ч.

Письма твои, батенька, из Херсона, от 16 сентября, я имела удовольствие получить сего утра, и хотя подробностей не пишешь, но как тебе самому кажется удивительно, сколько сии места после заключения мира переменились, то из того заключить уже можно, что сделано много. По известиям Веселицкого, хан спешит своим переездом, и так думаю, что вы с ним уже виделись. Об уходе крымцев в Анатолию и цареградские вести гласят. Удивительнее всего, что посреди сумятицы тамошней, после пожара, спешили уплачивать деньги, кои нам должны, и сие приписываю трусости. Благодарствую за добрые вести, что провиант и сено заготавливается с успехом и что урожай был добрый. Бауру есть легче. Прощай, друг мой сердечный, будь здоров и весел.

С будущими именинами тебя поздравляю, дай Бог тебе всякого добра.

Сентября 30-го ч.

С сегодняшними твоими именинами поздравляю тебя от всего сердца; сожалею, что не праздную их обще с тобою; желаю тебе, тем не меньше, всякого добра, наипаче же здоровья; о моей к тебе дружбе всегдашней прошу нимало не сомневаться, равномерно и я на твою ко мне привязанность считаю более, нежели на каменные стены. Письмо твое, от 19 сентября, из Херсона, до моих рук доставлено. Не блестящее описание состояния Очакова, которое

ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той империи об общем и частном добре, к которой по сию пору принадлежит; как сему городишке нос поднимать против молодого херсонского колосса! С удовольствием планы нового укрепления Кинбурна приму и выполнение оного готова подкрепить всякими способами. Петр Первый, принуждая натуру в Балтийских своих заведениях и строениях, имел более препятствий, нежели мы в Херсоне, но буде бы он оных не завел, то мы б многих лишились способностей, кои употребили для самого Херсона. Для тамошнего строения флота, как охтенских плотников, так и олончан, я приказала приискать и по партиям отправим: а сколько същутся, тебе сообщу. По письмам Веселицкого из Петровской крепости, я почитаю, что, скоро после отправления твоего письма, ты с ханом имел свидание. Батыр-Гирей и Арслан-Гирей исчезнут, яко воск от лица огня, так и они, и их партизаны, и покровители от добрых твоих распоряжений. Что татары подгоняют свой скот под наши крепости, смею сказать, что я первая была, которая то видела с удовольствием и их к тому еще до войны поощряла, всегда предписанием ласкового обхождения и, не препятствуя, как в старину делывали; здесь говорят, что турки до войны не допустят, а я говорю *cela se peut**, кажется, по последним известиям, что носы осунулись у них. Курьер рассказывает, что по всей дороге нет ни единого города, ни единого замка, который бы не заперт был по причине внутренних конвульсий каждого из тех городов и замков. Принц Виртембергский приехал сегодня⁸⁵ и завтра ко мне будет. Прощай, мой друг сердечный.

Октября 8-го ч.

Из писем твоих, друг мой сердечный, от 25 и 26-го числа, я усмотрела твое свидание с ханом и пустой

* Это быть может.

его страх. Пуганая ворона куста боится: татары о нас судят по тем правилам, по которым приобыкли судить турецкие распоряжения, и для того нам подножием служат ныне. Что-то хан к тебе напишет? Войск весьма достаточно наряжено идти, лишь бы в Крыму достаток был на зиму в фураже, а прочие заботы в моей голове исчезли, видя из твоих писем приготовление пропитания. Что мои письма тебе приятны, сие служит к моему большому удовольствию. Бог знает, Веселицкой или хан причиною недоразумений о Ахтиярской гавани, я никогда на эти слова много не полагалась, надобно будет — зайдем и без них, не надобно то перед ними...

1783 г.

Апреля 4-го ч.— Из Царского Села

Письмо твое, друг мой сердечный, из Полоцка, я получила, но оное без числа, и так, не знаю, когда доехал. Сожалею, что ты столь много трудностей нашел в дороге. Надеюсь, что ты всю экспедицию получил. Репнин, отъезжая, просил меня, чтоб когда ему вперед идти придется, чтоб его уведомить гораздо заблаговременно (пока же на его корпус пропитание имеется не долее 15 июня), дабы пропитание заготовить мог. Бог с тобой, будь здоров и пиши чаще ко мне и ставь числа, и уведомя меня подробно обо всем, тем самым убавишь во мне много беспокойства. Прощай, желаю тебе счастливого пути. Саша* тебе кланяется.

Апреля 9-го ч.

Письмо твое из Нарвы, без числа, я вчерашний день от Михаила Сергеевича** получила; жалею, что

* Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов.

** Потемкина.

дороги так дурны. Я чаю, ты весь разбит, пожалуй, друг мой любезный, будь здоров. Прощай, Бог с тобой.

Апреля 14-го ч. в Великую пятницу

Mon ami. J'ai reçu hier une lettre de l'Empereur, dont je vous envoyé copie; c'est la réponse a ma dernière; j'ai ordonnée de vous envoyer un résumé de tout le bavardage de Cobenzel; je ne fais aucune reflexion sur tout cela, parceque je suis très fermement résolue de ne compter sur personne, que sur nous meme. Quand le gateau sera cuit chaqu'un prendra de l'appetit.

Мой друг, я получила вчера императорское письмо и посылаю вам с него копию; это ответ на мое последнее послание; я приказала сделать вам суть всей болтовни Кобенцеля; я вовсе над этим не задумываюсь, потому что твердо решилась ни на кого, кроме себя, не рассчитывать. Когда пирог испечен, у каждого явится аппетит.

Примечание. Письмо императора Иосифа можно назвать образцом политической болтовни и искусства, сказав много, не высказать ничего. Мы оставляем его без перевода. Л.

Император Иосиф — Екатерине II

Le 8-e Avril 1783

Madame ma soeur, c'est encore de Vienne que j'ai l'honneur d'adresser à Votre Majesté Impériale ces lignes; nombre de petites affaires domestiques m'ont empêché jusqu'à présent et m'empêcheront peut-être encore quelque temps de faire la course que je lui avois annoncé en Italie. Je vois par la lettre que V. M. I. a bien voulu m'écrire, qu'il lui reste des doutes sur l'exactitude des Turcs a remplir en plein les engagements qu'ils viennent de contracter nouvellement pour l'accomplissement des trois points désirés par Elle du Traité de Kainardji; pour moi je suis peut-être trop confiant, mais je me flatte qu'en cette occasion, com-

me dans toutes les autres, le langage parfaitement uniforme et les démonstrations très positives y alogues que nous avons faites en commun, rendront la Porte plus souple et plus exacte à remplir dorénavant ce qu'elle aura promis, au moins V. M. I. pourra compter avec une parfaite sûreté, que je ne démentirai jamais ni mou Nom, ni mes titres, parmi lesquels celui d'être l'Allié et l'ami de Catherine Seconde,... est certainement le plus cher et le plus précieux.

Les devoirs de mon Etat, ce que je dois à la monarchie qui m'est confiée, et aux individus qui la composent m'ont engagé à détailler avec cette entière confiance que V. M. I. a soi (?) m'inspirer sa convenance, et ce que sa situation et les circonstances exigent pour sa sûreté. Je suis sûr que V. M. I. aura mis la vrai valeur à cette démarche de ma part, et qui ne peut que donner aux yeux clairvoyants et justes de V. M. I. le plus grand prix à ma franche et sincère façon d'agir avec l'intérêt personnel si vif que je mets à mériter toujours son amitié. Oser lui dire comme je l'ai fais voilà ce que je ne puis point, et voila ce qu'il me faut; c'est je crois donner la plus grande latitude à la sûreté et solidité aussi des assurances que j'ai l'honneur de lui donner de ce que je puis, et de ce que je ferai toujours pour Elle. Dès que les ordres de V. M. I. seront parvenus ici au prince Golitzin ou à Paris à sou ministre sur notre accession commune à la paix je ne manquerai pas de donner les ordres en conformité au comte de Merey. L'Angleterre qui reste tant de temps sans pouvoir convenir d'un ministère, et ce parlement qui dans le moment de la crise la plus terrible oublie tout-à-fait son patriotisme tant prôné, et qui tout à l'intrigue personnelle ne s'occupe que de cela est un de ces spectacles vraiment inconcevables et qui fait bien voir combien un gouvernement petit dans ces objets et mesures peut affaiblir le caractère et détruire la vigueur et par conséquent la considération de toute une nation. Depuis 20 années dans vos mains la monarchie Russe que n'a-t-elle pas gagné en considéra-

tion, opinion, et de force, elle n'avoit point le préjugé pour elle, et l'Angleterre qu'est elle devenue, malgré la prévention générale qu'on avoit de ses moyens, de ses ressources, et Me l'excellence de sa constitution! Cela apprend à nous autres commençans à nous dire: Imitons et évitons. Que V. M. I. veuille bien être persuadée que l'intêret qu'elle me témoigne prendre au bien être de la princesse Elizabeth m'est infiniment précieux, son person'el joint à tous ceux à qui elle apartient de si près, seroit déjà suffisant à ne me laisser rien négliger de ce qui peut lui être agréable. Que V. M. I. veuille bien me croire avec l'attachement et l'amitié la plus inviolable pour la vie.

Madame ma soeur, de Votre Majesté Impériale le bon frère et fidèle ami et allié Joseph.

Voudroit elle bien recevoir ici mes plus sincères compliments sur... rense grossesse de madame la grande duchesse, mes voeux sont inséparables de son bonheur.

Как мало я считаю на союзника, так мало я опасюсь и уважаю французской гром или, лучше сказать, зарницу. Сожалею, что от самой Нарвы от тебя строки не видала; пожалуй, не оставь меня без уведомления о себе и делах, дабы я, зная обо всем, излишнего беспокойства не имела. Будь здоров и пиши чаще. Александр Дм. (Мамонов)⁸⁶ тебе кланяется и ежедневно почти ходит, осведомляться. Татьяна Васильевна⁸⁷ здорова ли? Adieu, mon cher ami je vous souhaite santé et bonheur^{**}; с наступающим праздником тебя поздравляю.

Апреля 18-го ч.

Приходил Ефимович⁸⁸, хотел со мною проститься, я велела сказать ему, что с отрешенными за плутни судьями я знакомства не имею: везде, ходя, лжет на тебя, говорит, что ты ему полк дал; я тому не верю, понеже знаю, что для такого бездельника доб-

* Племянница Потемкина — Энгельгардт.

** Прощай, мой друг, желаю тебе счастья и здоровья.

рых и честно служащих подполковников не будешь обижать; а его дела скорее кнута, нежели полка, в награждение удостоены по суду. Я о сем спешу написать к тебе, дабы ты знал, как тебя облыгает Ефимович. Прощай, мой друг, желаю тебе здоровья и лучшую дорогу, знаю, что ты 10-го числа апреля приехал в Псков.

Апреля 27-го ч.— Из Царского Села

Друг мой сердечный, за поздравление твое с днем моего рождения благодарствую, также и за присланный подарок; хвалю тебя, что ты отдохнул несколько в Могилеве. Пассек⁸⁹ сам едет ради шкловских ди-ковинок*, и он, конечно, пресечет (их) наискорее и станет смотреть за ними. Винных накажет, а за прочим будет иметь бдение. Что людей ты нашел своим нынешним состоянием довольных, тому радуюсь; чего недостает, постараюсь поправить со временем. Прикажу и Смогоржевского унимать. Спасибо тебе, что числа вписал и место, откуда пишешь. Пожалуй, и впредь так делай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мне приятны; я здорова.

Мая 4-го ч.— Из Царского Села

По получении последнего твоего ответа, от 22 апреля, из Дубровны, я так крепко занемогла болью в щеке и жаром, что принуждена была, лежа в постели, кровь пустить; но как круто занемогла, так поспешно паки поправилась, и вся сила болезни миновалась коlikою в третьи сутки, и выздоровела царица и без лекарства, похоже, как в сказке о Февее написано⁹⁰. Я уже писала к тебе, что от цесаря ко мне два письма были, кои уже опять иным тоном (написаны). Я на него никак не надеюсь, а вредить не станет; на внутренних и внешних бурбонов я нимало не смотрю, а думаю, что война неизбежна; время у нас отменно

* Намек на Зорича.

хорошо и тепло, и, по тому судя, думаю, что и подножной корм у вас поспевает. В Малороссии сделано теперь распоряжение о платеже податей по душам⁹¹: таковые не худо делать и в местах Полтавского и Миргородского полков, кои приписаны к Новороссийской губернии, не касаясь новых населений, которым даются льготные годы. Тутолмина⁹² я велела отпустить к тебе. Прощай, мой друг сердечный, прошу быть столь уверенным в моей к тебе непрременной дружбе, как я в твоей ко мне верности. Прощай, будь здоров и весел, и имей во всем успех.

Мая 5-го ч.

Голубчик мой князь, сейчас получила твое письмо из Кричева и из одного и прочих депеш усмотрела, что хан отказался от ханства⁹³, и о том жалеть нечего, только прикажи с ним обходиться ласково и с почтением, приличным владельцу, и отдать то, что ему назначено, ибо прочее о нем расположение не переменяю.

Непростительно Ефимовичу оболгать тебя, повсюду он здесь везде в шарфе и в полковничьем мундире ходил.

Ответ твой великому князю, по причине Екеля⁹⁴, весьма пристоеен; на сих днях Грейг ко мне будет, и я посмотрю, можно ли будет в Кронштадте строить без него, или нужен ли он, по крайней мере, при начале работ, ибо он знает Бауеровы мысли.

Мая 6-го ч.— Из Царского Села

Письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона, я получила вчера: жалею много о приключившемся тебе беспокойствию дорогою и о том, что ты по адмиралтейству и по крепостному строению не все нашел в надлежащем порядке. Сюда приехал Ганнибал и уверил меня, что крепость совершенно в безопасном положении против нечаянного нападения и что корабли отстраиваются. Я, для славы города Херсона

и для гремящего сего града с младенчества имени, дала строителю большой крест Владимирский. Не сомневаюсь, что в твоих руках и твоим попечением все пойдет как должно. Крымских известий дальних ожидаю нетерпеливо, и думаю, что ныне уже объявлены российскими подданными; в Цареграде начали хулить суджукского паши предприятие на Тамань; из рапортов с разных мест вижу, что и с Темрюком последовало то же и нельзя (думать), чтоб Порта о том не знала.

Я не знаю, почему мои письма к тебе не доходят, кажется, я писала к тебе при всяком случае. Пока ты жалуешься, что от меня нет известий, мне казалось, что от тебя давно нет писем. Теперь я здорова, а с начала мая я здесь занемогла, по моему обычаю, круто; принуждены были кровь пустить, чем жар прервался.

Вчера получила письмо от короля шведского, которой к 13 июня собирается приехать в Финляндию и спрашивает, где может со мною увидеться; я назначила Фридрихсгам, куда к тому времени поеду на три дня, а всего день десять отселе отлучусь, и первой мой ночлег будет в Осиновой роще. Король шведский, взяв от французов денег для демонстраций, делает из шести полков лагерь у Тавастгуса, и в самое то же время, как подтрушивает свиданием.

Я не знаю, кто компоновал графине Браницкой русское письмо такое странное ко мне, что расхотаться надлежит, лучше бы она запросто писала сама. Adieu, mon ami, portés vous bien et écrivés moi le plus souvent possible; avés vous vu le maréchal Roumenzof ou ne l'avés vous pas vu? Qu'est ce qu'il fait; je pense rien*.

Мая 30-го ч.— Из Царского Села

Письмо твое из Херсона, от 16 мая, я получила вчера, и, по просьбе твоей выполняя, имею тебе объ-

---

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы и пишите мне возможно чаще. Видели или не видели вы фельдмаршала Румянцева? Что он делает? Я думаю — ничего.

явить, что я здорова, а в начале мая захворала так, что первое число, вместо гулянья, пустила кровь, и то лежа на постели.

Вместе с твоим письмом получила я из Вены курьера с письмом от Иосифа Второго, с которого при сем копию прилагаю; увидишь из одного, что твое пророчество, друг мой сердечный и умный, сбылось.

Дай Боже, чтоб татарское или, лучше сказать, крымское дело скоро кончилось; я думаю, что (чем) менее теперь станешь мешкать, то лучше, дабы турки не успели оному наносить препятствия, какие ни на есть, буде скорее узнают, нежели сделается; а на просьбу татар теперь не смотреть, а ногайские и так уже, по письмам Павла Сергеевича (Потемкина), о подданстве заговаривают.

Сожалею, что в Херсоне строения военные и цивильные не таковы, как желалось; надеюсь, что усердием все исправлено будет.

У нас весь май месяц так хорош, что лучше желать нельзя.

Святова я определяю в должность генерал-кригс-комиссара, а что пишешь о Завадовском, то трудно разбирать; не понимаю, как от сената да к собакам, а от собак к полководству дорога лежать может; я на время возьму к шталмейстерской должности или князя Николая Алексеевича Голицына⁹⁵, или Юсупова. *Adieu, mon ami, portés vous bien**. Саша тебе кланяется и сам писать будет.

По разным представлениям получишь резолюции.

Восьмое июня поеду на десять дней в Финляндию, где в Фридрихсгаме увижусь с королем шведским.

Июня 5-го ч.— Из Царского Села

Третьего дня получила я от короля шведского извещение с нарочным, что он приехал в Або благополучно, быв 22 часа на море, а вчера прислал он другого, с тем, что он, смотря войско при Тавасттусе, стоя на одном месте верхом, лошадь его, испугавшись

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы.

от пушечного выстрела, бросилась в сторону и Его В-во. упав с ней, левую руку, меж плеч и локтя, переломил наискось; присланный рассказывает, что с места короля понесли на кресле до Тавастгуса, он же сам правою рукою написал ко мне, чтобы я согласилась отсрочить свидание до двадцатого июня, и что тогда лекарь обнадеживает, что (с) перевязанной рукой ко мне быть может; я писала к нему с сожалением, послала камер-юнкера для осведомления о его здоровье и согласилась на отсрочку. *Pardi, mon ami, voila un héros bien maladroit, que de tomber comme cela dans un manœuvre devant ses troupes**.

Письмо твое, мой милой друг, от 18 мая, я получила; чтоб ханское желание в рассуждении голубой ленты удовлетворить⁹⁶ и при том сохранить все то, что мне и ему сохранить надлежит, то приказала я изготовить голубую ленту через плечо с медальоном овальным, на котором посреди алмазов слово из надписи ордена Святого Андрея: верность, звезда же бриллиантовая и с той же надписью, а ему при том сказать надлежит, что креста ни он носить не может, ни я дать не могу ему, потому что он не христианин; а даю ему голубую ленту с надписью ордена Святого Андрея и с преимуществом того ордена — с генерал-поручическим чином. Нетерпеливо жду от тебя известия об окончании крымского дела; пожалуй, займи прежде, нежели турки успеют тебе повергнуть сопротивление. К Павлу Сергеевичу и к тебе приказала отправить подарок: меха и вещи, которые ты требовал. Путь на Ригу и вверх по Двине, а там по Днепру, которой ты желаешь, чтоб единороги взяли, дабы Ахтиярской гавани доставить против неприятельских судов оборону, не есть ближней; конечно, ты имеешь тем путем иное намерение, буде тебе скорее, куда надобно, то везти в Смоленск, кратчайшей отселе путь. Отселе в Ригу будут три недели в пути, а

* Нечего сказать, мой друг, вот довольно неловкий герой, который упал таким образом перед своими войсками.

там вверх по Двине проедут ли, бог еще знает, а там переволок до Днепра. Однако ж отправить велела.

Фельдмаршал Румянцев пишет ко мне, требует Генерального штаба, инженеров и экстраординарной суммы; я приказала к тебе сообщить его письма, он же опасается, чтоб турки его не упредили. Как война не объявлена, то, кажется, все ко времени еще поспеть может. *Adieu, mon ami, portés vous bien**, после похода моего перемены генерал-кригс-комиссара.

Зорич ехал было сюда, но я послала ему сказать, чтоб он до решения дела Заковича не казался мне на глаза, и так просил, чтоб ехать в Сесвезен, чего я ему дозволила.

Июня 9-го ч.— Из Царского Села

Письмо твое, от 28-го прошедшего, я получила сегодня из рук Александра Дм. (Мамонова); я надеюсь, что мои письма теперь и подушка до рук твоих дошли, а когда изволишь писать: «дай Боже, чтоб вы меня не забыли», то сие называется у нас писать пустошь; не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я, как без рук: прошу тебя всячески, не мешкай занятием Крыма. Пугает меня теперь зараза для тебя и для всех; для Бога, возьми и вели взять всевозможные меры. Я очень жалею, что ты с фельдмаршалом Румянцевым, где ни на есть, не съехались; все на свете теперь на него находят заботы: штаба Генерального, инженеров, деньги экстраординарные и вестей от Булгакова просит, также боится быть упрежден турками. Чтоб чего не проронить, видя сие, приказала к нему послать что можно будет, а возле его все по-пустому. Верю, что тебе забот много, но знаю, что ты же заботами не скучаешь; что строение кораблей идет с поспешением — сие слуху моему весьма приятно. Потребное число людей стараться буду прислать. В

* Прощай, мой друг, будь здоров.

покупке хлеба удача была, а тажежных (?) недоразумений легко пособить в теперешнее время оной нужно. Король Швеции руку переломил в тавастгусском лагере, и для того наше свидание в Фридрихсгаме отложено до 20-го сего месяца. Adieu, mon ami, Христос с тобою.

Сего утра Измайловского полку майор Олсуфьев умре; напиши несколько достойных людей, из коих мне выбрать на его место, теперь поручила полк Левашову.

Июня 13-го ч.— Из Царского Села

Письмо твое, друг мой сердечный, от 1 июня, из Херсона, я третьего дня получила. Желательно весьма, чтоб ты скорее занял Крым, дабы супротивники как-нибудь в чем излишнее препятствие не учинили, а в Цареграде, кажется, о занятии уже глухие слухи доходят, а на это смотреть нечего: добровольно ли татары на то поступают или предаются, или нет. Отовсюду известия подтверждаются, что турки ополчаются. Я приказала к тебе сто тысяч рублей переслать на херсонские нужды, по твоим требованиям, на первый случай, понеже ты сумму не означашь, то я не знала, сколько переслать по тамошним потребностям, а избрала переслать сию сумму; я приказала людей число командировать следующих к адмиралтейству и надеюсь, что нарядом тем служба исправлена будет. Что осадной артиллерии впятеро более довезено, нежели под Бендерами было, сие подает надежду добрую; хорошо, что и в перевозах лучшая экономия наблюдаема, за что спасибо эконому. Пожалуй, не давай кораблям очень огромные имена, afin que des noms trop tôt fameu ne devienne a charge et qu'il ne soit trop difficile de remplir une pareil carrière*; впрочем, как хочешь с именами, ma bride en main, parce qu'il vaut mieu être que paraître

* Для того, чтобы слишком громкое не сделалось тяжким и чтобы не было слишком трудно исполнить подобное назначение.

et ne pis etre. Adieu, mon ami*; по прочим твоим требованиям ссылаюсь на данные резолюции.

Пожалуй, дай мне знать о продолжении, или утушении, или пресечении язвы; сия меня страшит, опасаясь все, чтоб не прокралась паки, от какой ни на есть оплошности форпостной, внутрь России. Прощай, будь здоров; послезавтра назначила ехать в Фридрихсгам; не знаю, как король с изломанной рукою снесет дорогу. Послала проведать. Александр Македонский пред войском, от своей оплошности, не падал с коня.

Саша кланяется.

Июня 29-го ч.— Из Царского Села

Друг мой сердечный, с праздниками тебя поздравляю⁹⁷; в прошедшую субботу я возвратилась из Фридрихсгама, где я виделась с королем шведским, которой много терпит от изломанной руки: ты его знаешь, итак, писать о том нечего, j'ai seulement trouvée qu'il étoit exessivement occupé de sa parure se tenant fort volontier devant le miroir, et ne permettant a aucun officier de se présenter autrement a la cour qu'en habit noir et ponceau et point en uniforme; ceci ma choqué parce que selon moi il ni a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme**.

Видела я Крейца⁹⁸, его нового министра; сей прямо из Парижа в Фридрихсгам приехал, il ma paru que Шефер avoit plus d'esprit***; лучший в suite королевской показался Таубе⁹⁹, что зимою был в Петербурге, а прочие все люди весьма, весьма молодые. Вот тебе вести наши; теперь ответственать буду на твое пись-

---

* С моею уздою в руке, потому что лучше быть, чем казаться или вовсе не быть. Прощай, мой друг.

** Я только нашла, что он чрезвычайно был занят своим убором и охотно держался перед зеркалом и не позволял ни одному офицеру являться ко двору иначе, как в черном и пунцовом платье; это мне бросилось в глаза, потому что, по моему мнению, нет платья почетнее и дороже мундира.

*** Мне показалось, что Шефер был умнее.

мо из Херсона от 12 июня. Что ты выбился из сил, о том весьма сожалею, ты знаешь, что ты мне очень, очень надобен, итак, прошу тебя всячески беречь здоровье; к оружию морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен — самому генерал-адмиралу поручен был; на все взятые тобою меры об укреплении Кинбурна, о доставлении повсюду провианта и о понуждении войска имеют твердую надежду, что все то пойдет как желается; одна чума меня страшит, чтоб не распространилась; для Бога, не упускай ни единого известного способа для предосторожности от оной, как для себя, так и для всех; опасаюсь иногда и того, чтоб не вкралась паки в Россию. Пехотные полки, по твоим представлениям, опробованы; генерал-кригс-комиссар сделан Святой; проект твой на Синоп или другие места, если война будет объявлена, недурен; отовсюду слышу, что турки сильно вооружаются, но друзья их удержат от войны до времени. О цесаре мысли мои с твоими весьма согласны, лишь бы он не был в том положении, как был в прошедшей войне, всякая иная нам от него полезна. Михаилу Сергеевичу Потемкину, по твоей просьбе, прикажу ехать к тебе; надеюсь, что, по сей час, судьба Крыма решилась, ибо пишешь, что туда едешь. *Adieu, mon ami, portés vous bien, je vous embrasse de tout mon coeur**.

Саша тебе кланяется.

Июля 6-го ч.— Из Царского Села

Отпуская майора Глазова обратно к тебе, по твоему желанию, вручить велела и сие письмецо, через которое уведомляю тебя, друга моего сердечного, что я с прошедшим курьером ответствовала на твое письмо о занятии Крыма; публика здешняя сим происшествием вообще обрадована: цапанье нам никогда не противно, потерять же мы не любим.

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы; обнимаю вас от всего сердца.

Напиши ко мне, отослал ли ты к Шагин-Гирею голубую ленту, да пришли ко мне имена людей, кои в майоры годятся в Измайловской полк, ибо Олсуфьев умер; также не забудь мне ответствовать о деревнях, кои Безбородко просит. Александр Дм. (Мамонов) выздоравливает от своего несчастливо с лошади упадения. С часа на час, месяц целый, ждем разрешения великой княгини, но по сию пору тщетно. *Adieu, mon ami, portés vous bien**, я здорова.

Июля 10-го ч.— Из Царского Села

Давным-давно, друг мой сердечный, я от тебя писем не имею, думаю, что ты уехал в Крым, опасаясь, чтоб болезни тамошние¹⁰⁰, как ни на есть, не коснулись, сохрани Боже, до тебя. Из Цареграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и рассказывает Булгаков, что они знают о занятии Крыма, только никто не пикнет, и сами ищут о том слухи утушать. Удивительное дело!

С часа на час ждем родины великой княгини¹⁰¹. Я здорова; отправляю ныне к тебе Святого, а на его место взяла я паки Ребиндера¹⁰². У нас теперь папский посол¹⁰³. Вот вести здешние. Только признаюсь, что жду нетерпеливо от тебя вестей; пуще всего береги свое здоровье.

Июля 15-го ч.— Из Царского Села

Ты можешь себе представить, в каком я должна быть беспокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель; сверх того, здесь слухи бывают ложные, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма, по крайнем сроке, в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и папа римский; сие неминуемо производит толки всякие, кои мне отнюдь не приятны; я тебя прошу всячески, уведомляй меня почаще, *afin que je reste au fil des choses*;

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы.

l'activité naturelle de mon esprit et de ma tête forge mille idées qui me tourmentent souvent*; сюда и о язве приходят всякие сказки; частым уведомлением успокойшь мой дух.

Иного писать не имею; ни я и никто не знает, где ты; наугад посылаю в Херсон.

Фельдмаршал Румянцев, как и всегда, выискивает разные неудовольствительные замашки.

Adieu, mon ami, portés vous bien et que votre histoire de la Crimée sera une fois terminée**.

Июля 20-го ч.— Из Царского Села

После долгого ожидания, наконец, вчерашнего числа получила я, любезный друг, твое письмо, от 10-го сего месяца, из Карасу-Базара, с приятными вестями о присяге Крыма и двух ногайских орд; за все то благодарю тебя. Авось либо все обойдется на сей раз без дальних хлопот; ожидаю теперь курьера с обстоятельными вестями; прошу тебя уверить трудившихся, что оставлены не будут; от тебя ожидаю о том представления. Сожалею только о том, что ты был болен и, в слабости быв, много труда понес; страшает меня чума, дай Боже, чтоб ты успел своих охранить от оной и в Крыме пресечь ее пребывание. Что принц Виртембергской охотник служить, скажу сестре***; с часу на час ждем разрешения сей.

Саша так больно ушиблен от английского коня, что почти в постели лежит недвижим, однако опасности нет; сие сделалось вчерась поутру, теперь ровно сутки. Adeu, mon cher et précieux ami, portés vous bien****.

Просит у меня Безбородко 2000 душ ранговых полковничьих деревень в Украине, говорит, что сие не

---

* Для того, чтобы я могла следить за ходом вещей; природная деятельность моего ума и головы выковывает тысячи идей, которые меня часто мучат.

** Прощайте, мой друг, будьте здоровы, и чтобы ваша крымская история один раз навсегда была кончена.

*** Супруге Павла, великой княгине Марии.

**** Прощайте, мой дорогой и драгоценный друг, будьте здоровы.

делает еще шестой доли того, что законы определяют за примыслы барыша короне, а он мало ли придумал; *il me semble que ce raisonnement est assés juste, cependant je serait bien aise de savoir ce que vous en pensés?**

Августа 13-го ч. — Из Царского Села

Письма твои, друг мой сердечный, из лагеря у Карасу-Базара, от 9 июля, я получила, и уже о прошедшем, по которому ты прислал объяснение, упоминать не буду; слава Богу, что ты и с тобою в лагере находящиеся войска, посреди сильной крымской язвы, здоровы; хорошо бы было, если б каждую татарскую деревню, для пресечения язвы, можно было до того довести, чтоб наблюдали обряд тот, который у нас каждая деревня наблюдала в подобном случае: скорее пресеклась бы зараза. За все приложенные тобою труды и неограниченные попечения по моим делам не могу тебе довольно изъяснить мое признание; ты сам знаешь, колико я чувствительна к заслугам, а твои отличные, так как и моя к тебе дружба и любовь. Дай Бог тебе здоровья и продолжение сил телесных и душевных, знаю, что не ударишь лицом в грязь.

Будь уверен, что не подчиню тебя никому, кроме себя. Что дешевле подряжаешь, и за то великое тебе спасибо; только, пожалуй, береги себя для меня. Я очень смеялась тому, что пишешь о слухах заразы размножения теми, у коих уборное место Спа и Париж, *c'est un mot délicieux***.

Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся¹⁰⁴, а дабы не ошибиться, кладу за верное, что объявят войну.

О чем ты писал, о том решение к тебе отправлено.

Во флот отправленные к тебе люди, чаю, уже до тебя доходят.

* Мне кажется, что это рассуждение довольно справедливо; однако же я была бы довольна, узнав, что вы об этом думаете.

** Это чудесное слово.

Радуюсь, что Корсаков¹⁰⁵ тебе пригодился и что мои о нем попечения и деньги не втуне остались.

Расписание малороссийских полков сделано, как сам усмотришь.

Прощай, мой друг сердечный, Бог с тобою.

Саша тебе кланяется.

Августа 18-го ч.— Из Царского Села

Вчерашний день я письмо твое, от 5-го сего месяца, получила через подполковника Томара, который привез и грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо.

Прямо ты — друг мой сердечный!

На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем.

По представлениям твоим дела не будут залеживаться, изволь прислать; о Томаре и Корсакове получишь с сим курьером, радуюсь, что сей последний столь искусен. Дай Бог тебе здоровья и всякое счастье и удовольствие. А про меня знай, что я навек к тебе непремenna.

Саша выздоровел и благодарит тебя за поклон.

Августа 31-й день.— Из Царского Села

Когда я получала от тебя не иные известия, как радостные о твоих успехах и, веселясь о том, на сих днях приказала отпустить на достройку петербургского твоего нового дома, на Литейной улице, сто тысяч рублей из Кабинета, ожидала ли я, чтобы ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни, которое усмотрела из письма твоего из Кременчуга; просила я тебя, да и прошу, ради самого Бога и еслили меня любишь, приложи более прежнего старание о сбережении драгоценного твоего для меня здоровья. Игельстрома¹⁰⁶ оставь у себя, буде тебе года (т. е. годен), а хану вели сам ехать куда рассудишь, лишь будь здоров; браниться с тобою и за то хочу,

для чего в лихорадке и в горячке скачешь повсюду; теперь крайне буду беспокойна, пока отпишешь, что каков. Сына Елфинстона¹⁰⁷ я взяла в службу, а с ним никто не уладит.

Дай Бог скорее услышать о твоём выздоровлении. Тогда станем паки веселиться о твоих успехах. Adieu, mon cher et bien aimé ami*.

Сентября 11-го ч.— Из Царского Села

Друг мой сердечный, я о тебе в крайнем беспокойстве, и для того посылаю нарочного курьера, чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто легче тебе, чего от сердца желаю, а наипаче, чтоб ты совершенно выздоровел. О делах тебе скажу, что мое мнение есть, аще турки не объявят нам войны прежде 1-го числа октября, чтоб, от того числа, войска расположить по винтер-квартирам; а именно где? О сем прошу прислать твое мнение, буде тебе в мощь, как надеюсь с помощью Божиею. Сыстренкевич^{**108} сюда приехал и отдал мне твое письмо, и я его всегда находила, как его описываешь. Как киевский наш митрополит умер, переведу в Киев ростовского, а дабы новгородской, московской и псковской не были в черных клобуках, когда тот наденет белый, то думаю всех трех нарядить в белые клобуки, дав им титул митрополита, а на Ростовскую и Владимирскую епархии, опорожненные, переведу, по синодскому докладу, из степени в степень. Теперь отовсюду французские интриги и происки до нас доходят; mais ils ne feront que de l'eau claire, pourvu que vous vous portiés bien. Adieu, mon cher ami***.

Два письма твои из Кременчуга, от 31 августа и 8 сентября, друг мой сердечный, я получила одно за другим; дай Боже, чтобы ты скорее здоровьем опра-

* Прощай, мой дорогой и любимый друг.

** Митрополит католических церквей западной России.

*** Но они толкут воду; лишь бы вы были здоровы. Прощайте, мой дорогой друг.

вился, всекрайне меня беспокоивает твоя болезнь; я ведаю, как ты не умеешь быть больным, и что во время выздоровления никак не бережешься; только сделай милость, вспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает, благо империи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что. Не токмо, чтобы осудить, хвалю тебя, что в Кременчуг переехал, но сие не должно было делать в самую опасность болезни; я ужаснулась, как услышала, что ты в таком состоянии переехал триста верст.

Саша¹¹⁰ благодарит за поклон, не пишет, чтоб излишним чтением не обременить больного.

Вести о продолжении прилипчивых болезней херсонских не радостные. Много ли тамо умерло или нет? Отпиши, пожалуй, и нет ли ее между посланными матросами и работниками; по причине продолжения оной едва ли поход мой весной сбыться может.

Прощай, друг мой любезный, молю Бога, да укрепит твое здоровье.

Сентября 17-го ч.— Из Петербурга

В коронацию мою белый клобук дам одному новгородскому архиерею¹¹¹, буде от тебя не получу письма прежде.

Сентября 26-го ч.— Из Петербурга

С днем именин твоих, любезный друг, сим я тебя поздравляю, и от всего сердца желаю слышать наискорее о твоём совершенном выздоровлении; последнее, полученное от тебя, письмо было от 8 сентября, следовательно, сегодня 18 дней, как о тебе ничего не знаю, ни о состоянии крымской и херсонской язвы. Здесь ее описывают свирепствующею, наипаче между корпусами твоим и Репнина, но как от тебя и от Репнина ничего о том не имею, то почитаю те вести

увеличенными, однако о сем грущу; увидишь из сообщенных бумаг твердой ответ цесарского двора французскому; теперь ожидаю с часу на час объявления войны по интригам французов и пруссаков. Adieu, mon cher ami, portés vous bien*.

Саша тебе кланяется.

Сентября 28-го ч.— Из Петербурга

Сейчас получила я твои письма, любезной мой друг, из Нежина, от 23-го числа, кои меня всекрайне встревожили, ибо, вместо того, что думала, что тебе есть легче, вижу, что ты слабее пуще прежнего; Бога прошу, да сохранит дни твои и даст тебе силы душевные и телесные. Мне чрезвычайно печально твое состояние; *je serais dans des inquiétudes mortelles si vous me laisserés longtems sans nouvelles***.

Adieu, mon cher ami, portés vous bien, quand vous vous porteré bien, tout le reste ira***; ничему так не дивлюсь, как в крайней болезни скачешь: тем болезни умножаешь; больному покой нужен.

Октября 3-го ч.— Из Петербурга

Письмо твое, от 27 сентября, из Нежина, любезный мой друг, тем наипаче мне нужно было, что в крайней печали погружена была по причине опасного состояния твоей болезни; мое беспокойство, однако, иначе не пройдет, как тогда, когда узнаю о совершенном твоём выздоровлении; дай Боже скорее о том узнать, много в том сам можешь способствовать.

Мне пришло на ум, естли Шагин-Гирей еще шалить станет, то приводить ему на память, что Портою смененные ханы по двести тысяч пенсии никогда не получали.

---

* Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы.

** Я буду в страшном беспокойстве, если долго оставите меня без вестей (о себе).

*** Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы; когда вы будете здоровы, все пойдет хорошо.

Французы посылают Шуазеля Гуфие¹¹² послом в Цареград; это тот, которой «Вояж Питореск де ла Грес» выдал и к оному предисловие, где предлагает из Греции составить республику; *je crois que vous connoissés cela, sinon je vous prie de lire la préfacé dans le livre; il est fort animé contre nous et décrit notre guerre avec les Turks avec la plus grande animosité**.

Прощай, любезный друг, Бога молю, да восстановит твое здоровье, мне столь нужное, скорее.

Письма твои, любезный мой друг, от 6-го и 7-го сего месяца, я получила, и хотя ты мне уверяешь, что тебе есть лучше, но мое беспокойство продолжается и продолжаться будет, дондеже узнаю, что ты совсем оправился, понеже знаю, каков ты, когда болен; на меня же черной год: на сей неделе умер фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын, и мне кажется, кто Рожерсону не попадетсЯ в руки, тот уже мертвой человек.

Слышу я, что Соммерио едет с тобою, и то мне беспокоит; дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел и сюда возвратился; ей, ей, я без тебя, как без рук, весьма часто; паче всего, сделай милость, побереги себя. О делах не пишу, увидишь из сообщений и из прочих моих писем. Кажется, в течение зимы по крымским делам мир или война решится. *Adieu, mon ami***, опасаясь долгим чтением тебя беспокоивать.

Принц Виртембергский к тестю писал, что он одну часть Херсона от язвы охранил, а другую не мог; но он с корпусом своим, в числе 28000, в целости остался; *c'est a vous apprécier la vérité du fait, du moins cela peut il vous faire une idée de l'homme****.

К сестре же и к жене он о сем не писал.

---

* Я считаю, Вам стоит отметить это, в противном случае, пожалуйста, прочитайте предисловие в книге, там описана наша война с турками с большим ожесточением.

** Прощайте, мой друг.

*** Вам оценить справедливость факта; по крайней мере это даст вам понятие о человеке.

Октября 19-го ч.— Из Петербурга

Сего утра получила я твое письмо, любезный мой друг, от 13-го сего месяца; Богу благодарение за то приношу, что ты выздоравливаешь; не могу тебе описать, в каком я была беспокойстве до сегодняшнего дня, по причине тяжкой твоей болезни. Знатно и фельдмаршал Румянцев оной испуган был, ибо пишет ко мне, что по причине настоящего кризиса, о мире или войне, подлежит наивяще все иметь в готовности для снабжения войск через зиму всем потребным, и просит меня, чтоб я ему наставление давала и сообщить приказала известие и о корпусах Кубанских и прочих, кои вступить могут или будут в его команде по объявлении войны.

Касательно снабжения войск всем потребным через зиму, я надеюсь, что места и люди, коим оное вверено, не упустят время, приличное к тому; надеюсь, что ты, мой друг, понудишь кого надлежит, а касательно расположения корпусов, кажется, его сиятельство заботится также излишне, ибо слышу, что нужное ему и от тебя сообщается.

Вадковской¹¹³, подполковник семеновской, на сих днях умер и в сенате паки по департаментам пусто становится, ибо и больных по городу много; не знаю, за кого взяться: армейских требовать не смею, по губерниям или молоды, или трогать не смею же, заглянула в придворных, прошу посмотреть, кому по старшинству следует в тайные советники, право, тут выбрать немного, знаю, что в сенате иногда *bouche trou** с именами быть могут, но признаюсь, что дельных людей лучше бы хотела; буде кого знаешь, скажи мне. *Adieu, mon cher ami, portés vous bien***.

Саша кланяется.

* заполнители.

** Прощайте, мой друг, будьте здоровы.

1784 год

Марта 14-го ч.

...^{*} Известия из Молдавии гласят, что молдаване завидуют состоянию Тавриды и что запорожцы беглые просят паки к нам, такожде и вышедшие из Крыма татары назад идут, а цесарь окончил хлопоты свои торговые с турками¹¹⁴, одержал выгоды почти что и мы.

Саша мне сказал, что Катя отъезжает¹¹⁵, и так начертала я сию хартию тем же пером, которым подписала сего утра похвальную грамоту князю Потемкину.

Апреля 15-го ч.

Друг мой сердечный, твое письмо из Дубровны, от 5-го сего месяца, я получила; хотя я все праздники выстояла, но, однако, я здорова, а за твои поздравления тебя благодарю и равномерно с прошедшим поздравляю, буде в прошедших письмах о том не упомянуто мною.

Скажи ты мне, друг мой, начисто: буде думаешь, что за язвою или другими препятствиями, в будущем году, в Херсоне побывать мне не удастся, могу ли тогда ехать до Киева? Лучше, чтоб Балмен тебя ждал на месте, только, пожалуй, сам не вдавайся в опасности, ты знаешь, каковы мне твои болезни.

У нас погода была прекрасная и самая теплая от половины марта, а теперь ненастлива, по вскрытии реки. Что персидские дела плавно идут, тому радуюсь.

В городе слух носится, будто в лейб-гренадерском полку ни копейки денег нет и будто полк так обеднел, что одною суммою затыкает другую, и перебиваются со дня ото дня.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и весел.

Саша кланяется.

---

^{*} Начала письма нет.

Апреля 25-го ч.— Из Царского Села

Носится слух по здешнему народу, будто язва в Херсоне по-прежнему свирепствует и будто пожрала большую часть адмиралтейских работников. Сделай милость, друг мой сердечный, примись сильной рукой за истребление херсонской язвы. Употребляй взятые меры при московском несчастьи. Они столь действительны были, что от сентября по декабрь истребили смертоносную болезнь; прикажи Херсон расписать на части, части на кварталы; к каждому кварталу приставь надзирателей, кои за истребление язвы бы ответствовали, одним словом, возмись за дело то, как берешься за те дела, коим неослабной успех дать хочешь; ты умеешь ведь взяться за дело; установи карантин и не упусти ни единой меры, кои к тому способствовать могут. Пиши, пожалуй, здоров ли ты сам, и для чего давно от тебя писем нет, а из губернии твоей рапортов?

Штат Тавриды я подтвердила.

Папский посол получил обещание, что вскоре наименован будет кардиналом¹¹⁶. Кобенцель получил по-сольский кредитив.

Adieu, mon cher ami, portés vous bien*.

Мая 5-го ч.

За поздравление со днем рождения моего благодарствую тебя, друг мой сердечный; я, слава Богу, здорова и желаю то же слышать о тебе, и чтоб повсюду болезни умялись, а тебе советую не вдаваться ни в какие опасности, ибо, для меня и для службы, твое здоровье нужно. О походе будущего года буду ожидать, что скажет господин генерал-фельдмаршал; только знай, что жестоко прогневаюсь, буде вдашь-ся в опасности тогда, когда можешь пресечь добрым одним порядком; не бойся, дружок, не позабуду тебя.

* Прощайте, мой друг, будьте здоровы.

Нельзя ли хана переманить на твердую землю. Adieu, mon ami*. Сашенька тебе кланяется и тебя любит, как душу, и часто весьма про тебя говорит.

Мая 17-го ч.

Письмо твое, друг мой сердечный, из Кременчуга, я получила; радуюсь, что местами язва пресеклась и надеюсь, что добрыми твоими распоряжениями вовсе и в Херсоне пресечена будет. Из Англии и из Дании столь много обстоятельных известий приходят о почти на сумасшествие похожие предприятия короля шведского на Норвегию и самый город Копенгаген, что об этом уже, не оплошая, почти сомневаться невозможно; Дании же ему атаковать невозможно, чтоб с нами дело не иметь, и для того, дабы шалости его скорее унять, приказала я на десять тысяч пехоты и три тысячи конницы, да сорок орудий полевой артиллерии заготовить генеральному штату за Невою лагерное место, а провиантской — в Финляндии, на то число провиант и фураж на целый год, а ты пришли сюда полка два или тысяч до двух казаков донских. Датчане готовятся на всякой случай; морского же вооружения будет столько, что всю Швецию раздавить можно, а именно: пять кораблей, идущих из Ливорно, три от города Архангельского да 7 из Кронштадта, а у датчан шесть — будут в Зунде. Шведскому посланнику я сказать велела, что слухи таковые носят и что хотя кажутся вероятия не стоят, но чтоб они знали, что на датчан наступать им неудобно, ибо союзники суть России.

Ты видел, что и речи короля шведского с Марковым¹¹⁷ на то похожи были; теперь посмотрим, выехавши из Франции, убавит ли дурачества или нет. Чаю, от турок помочи по-своему прославленным союзом, трактатом, которым хвастается, немного ему ожидать.

* Прощайте, мой друг.

У нас стужи непрерывные и листы на березе не более серебряной копейки, а липа и дубы и не думают за листы приняться. Великая княгиня опять беременна и думает в ноябре родить.

Пусть строят в Смоленске суда, а как ехать — всегда о том расположить можно.

Прощай, будь здоров: приятно мне было слышать, что упражняешься и по земским делам; несомнителен и успех, ибо когда прямо примешься, так уж пойдет, как по мылу.

Мая 28-го ч.

Вчерашний день я получила письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона: пожалуй, побереги ты себя и не очень ходи по зараженным местам, просим этим не чваниться. Приятно мне слышать было, что болезнь пресеклась в Кизикирмене; дай Боже то же узнать скорее и об Херсоне; осторожности, которые ты взял, я надеюсь, достаточны будут на сей раз, но все осторожности нужны, чтоб паки не привезли или не навезли. Кажется, письма Ибрагим-хана гораздо вежливее писаны¹¹⁸, нежели турецкие и иные персидские, когда до моих глаз дошли.

Пожалуй, дай мне знать, кто он таков? И как учинился ханом, молод ли или стар, силен ли или бессилен, и склонны ли персияне к нему? Что же до Шагин-Гирея надлежит, то, кажется, все теперь приведено в то положение, в котором желалось его видеть. Что у тебя ноги пухнут, о том я жалею, это знак слабости, и против этого лучшее лекарство — купаться, буде у вас тамо не так холодно, как здесь, где только-только что листы стали казаться. Из Италии пишут, что и тамо первое число мая, по нашему стилю, листов не было, а шел снег.

По известиям из Швеции вооружения продолжают; посмотрим, дадут ли французы денег на завоевание Норвегии. В Шкании и прочих Свенских областях совершенной недостаток в хлебе. Adieu, mon

bon et cher ami*, будь уверен, что забыть тебя никак не могу, понеже верен мне и любезен.

Александру Дм. (Мамонову) я кланялась от тебя, и он тебе кланяется же.

...** из сих непрестанных хлопот французской двор может видеть, что неудобно товар возить на военных судах, таможенные законы суть сделаны и оных отменять по прихотям, конечно, не буду. Если гр. Сегюр подаст жалобы, то рассмотреть велю. Я думаю, что они (т. е. французы) придирки ищут.

1786 г.

Ноября 19-го ч.

Вчерашний день мне твое письмо из Могилева, от 11-го сего месяца, обрадовало, ибо вижу, что ты здоров, мой друг; не любо же я усмотрела из твоего репорта, что корабль «Александр» вовсе пропал; слава Богу, что люди спасены; более месяца уже итальянские министры таскались с той вестью, а я ее поставляла за ложь. За антик благодарствую, где ты их берешь? Репнин сюда приехал и стал хуже старой бабы, вздумал в егорьевской думе зарождать сомнение; первой корпус армии — гвардия, которой я полковник, а он, дурак, за честь почитать должен, что подполковник, почитать ли тот корпус и инженерной за военной, с тем пришел, словесно мне доложил; je le rembouré come vous pouvés croire***, но как я думала, что ушам своим едва могу ли верить и не ослышалась ли я, то требовала, чтоб о том подал записку, и он оную подал. Что же мудренее всего, что в той же думе сидели вице-президент Военной коллегии и три майора гвардии¹¹⁹, аки сущие болваны, и не единый вопреки не растворил уста; то-то люди, ниже мухи с

* Прощайте, мой добрый и дорогой друг.

** Без начала и числа.

*** Я его отделала, как вы можете мне верить.

носа не сгонят! J'ai été fâché come un Démon de cette absurdité*, тот костит, а они нюхают.

Вольно тебе скакать, так что под тобою все ломается; изволь на всякие сто верст чинить, после того терпеливо, изломанное.

Лишь будь здоров, все прочее Богом исправлено будет. Александр Матвеевич¹²⁰ тебя благодарит за ласковое приписание, он сам тебя любит чистосердечно и с благодарным сердцем; я здорова и упражняюсь, как всегда, а более всего занимает нас наша езда. Прощай, мой друг, будь здоров.

Декабря 18-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, твои два письма ко мне дошли сегодня, одно через графа Безбородку, а другое через Александра Матвеевича. Восхитительное предложение князя Репнина принудило меня, в день Святого Георгия, надеть гвардейский мундир и гордиться им, аки пава.

Боюсь, чтоб Днепр и с нами не пошутил, как и с тобою; не у вас у одних балы, и у нас, да сверх того, еще хлопоты бесконечные. Les estrilleries du prince de Wurtemberg ont enfin obligé sa femme de se retirer chés moi parce que réellement elle étoit en danger de sa vie; j'ai saisi cette très favorable occasion pour les renvoyer tous les deux d'ici, et sous peu de jours nous en serons quite. J'ai fait ce que j'ai du faire et j'ai fait bien, la femme ira chés les pareils et le mari ou il voudra**.

Странно, как тебе князь Нассау понравился тогда, когда повсюду имеет репутацию d'un cerveau brûlé***, а

* Я была рассержена, как демон, этой нелепостью.

** Дурное обращение принца Виртембергского принудило, наконец, его жену удалиться ко мне, потому что действительно ее жизни угрожала опасность; я схватилась за этот удобный случай, чтоб отослать отсюда их обоих, и через немного дней мы будем квиты. Я сделала, что должна была сделать, и сделала хорошо; жена поедет к родным, а муж — куда хочет. Об этом событии см. в Записках Гарновского в «Русской старине», изд. 1876 г., т. XV, с. 19, и в Исторических материалах библиотеки дворца г. Павловска.

*** Сумасброда.

притом известно, что он храбр; твои с ним разговоры поправляют его в моих мыслях.

Сожалею очень, что тебя не увижу ранее, как в Киеве. Сегодня через две недели, то есть 2 января, непременно выеду отселе. Письмо императора к тебе я читала с удовольствием; оно самое ласковое, он же пишет правду; о пути его не сомневаюсь, что возьмет надлежащие меры. За перстеньки с антиками благодарствую. Мы все ничего так не желаем, как чтоб Бог нас отселе скорее вынес. Письмо твое к Александру Матвеевичу я с крайним удовольствием читала, и ты не ошибся: он тебя душою и сердцем любит. Прощай, мой друг, будь здоров; уж быть так, еслии скорее нельзя видеться, так увидимся в Киеве... весь свет отселе скачет, так что лишь завидно.

1787

Смоленск, 17 генваря

Письмо твое, друг мой сердечный, я сегодня получила здесь в Смоленске, где я остановилась дня четыре долее, нежели я думала, по причине той, что Александр Матвеевич был болен; да все устали, а многие и глазами жаловались; у вас начинается зелень, а у нас весьма холодно, здесь снега велики; я не сомневаюсь, что Таврида мне и всем понравится; завтра поутру еду отселе; дай Боже видеться с тобою скорее, и чтоб ты был здоров; сегодня у меня здесь был превеликой бал; я здорова. Прощай, мой друг, до свидания.

Без числа

Батенька, письмо твое, из Могилева, я, сейчас приехавши, в Сенном получила, то есть в 10 часов за полдень; весьма ласкательные речи графа Фалькенштейна приписываю я более желанию его сделаться приятным, нежели иной причине. Россия велика сама

по себе, я что ни делаю, подобно капле, падающей в море; что же его речи обо мне тебя веселят, о том не сомневаюсь, зная koliko меня любит любезный и признательный мой питомец. О свидании с графом Фалькенштейном отдаю на собственной его выбор, как день, так и час в дне, когда с ним познакомиться без людей.

Si je n'avois suivie que les mouvements de mon impatience et ma vivacité naturelle dès que votre lettre m'est parvenu, s'est a dire a dix heures du soir, je me serois remis en carosse et auroit courru sans m'arretter nulle part tout droit a Mogilef ou jai beaucoup de regret de savoir que m-r le C-te de Falkenstein m'aye devancé, mais comme cela auroit fait un breche à son incognito, la reflexion a retenu mon premier mouvement, et je m'envais suivre ma route comme vous savez qu'elle a été réglé. Je coucherai demain à Шклов et Dimanche je viendrai pour la Messe à Mogilef*, только тут не знаю, как выгоднее будет условиться о свидании без людей, ибо как приеду из обеда, тут люди ко мне повалят; опять отложить до после обеда — неучтиво будет, разве пока все люди со мною у обедни будут, не пожелует ли ко мне, дабы вошед я во внутренние свои покои, то есть пред спальнею, уже бы тут его нашла; но только буде лучше найдешь способ, то уведомя меня, а кажется и так ловко быть может. Как граф Румянцев ко мне пишет, что гость нигде не хочет обедать, то заключаю, что со мною обедать не станет за большим столом, о чем буду ждать уведомления; письмо его влагаю, дабы вы знали, что и как пишет.

Rien de plus flatteur ni de plus agréable que cette lettre que vous m'avés envoyé, je vous prie de reiterer

---

* Если бы я слушалась движения моего сердца и природной живости, то, по получении вашего письма, то есть в десять часов вечера, я снова села бы в карету и скакала бы, нигде не останавливаясь, до самого Могилева, где, к крайнему моему прискорбию, меня предупредил граф Фалькенштейн. Но как это нарушает его инкогнито, то размышление удержало мой первый порыв, и я следую по моему пути, как это было определено и вам известно. Я ночью завтра в Шклове, и в воскресенье приеду к обеду в Могилев.

a m-r le C-te de Falkenstein les assurances que mon premier desire est de me conformer en toute façon a tout ce qui pourra lui rendre le séjour de Mogilev supportable*.

Прощай, друг мой, мы очень тоскуем без тебя, я весьма желаю скорее увидеться с тобою.

Без числа.

Предложение о завтрашнем обеде сделано без расчета возможностей: сегодня его величество возвратиться должен водою в Канев 7 верст, завтра к обеду послать 7 верст, приедет 7; отобедавши паки отвезти 7 верст; шлюбкам возвратиться 7 верст к нам; тамо ехать в путь. В котором же это часу будет? Отъехавши три версты ради усталых шлюбок, кои двадцать восемь верст уже сделали, придется лечь паки на якорь. Когда я что определяю, тогда обыкновенно бывает то не на ветер, как в Польше часто случалось. Итак, еду завтра, как назначала, а ему желаю всякого благополучия и расчеты сделать по возможности.

Право, батенька, скучно.

---

* Ничего не может быть лестнее и приятнее письма, вами мне присланного; прошу выразить графу Фалькенштейну уверение, что мое первое желание — употребить все старания, чтобы сделать сносным для него пребывание в Могилеве.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II С КН. ПОТЕМКИНЫМ

(Из сборника профессора Николаевской
Акад. Ген. штаба П. С. Лебедева)

1787 г.*

(25 апреля 1787 г.)

Я на тебя сержусь, ты сегодня ужасно как неловок**.

---

* В первой серии писем Екатерины II к Потемкину («Русская старина», изд. 1876 г., т. XVI, с. 36, 38, 42, 45 и 55) вкралась погрешность, которую просим исправить: вместо Мамонов, в скобках изд., надо написать Ланской. Генер.-адъют. Александр Дмитриевич Ланской (— 25 июня 1784 г.). Как сильно огорчила императрицу смерть Ланского, видно из письма Безбородко к Потемкину (См. «Русскую старину», изд. 1873 г., т. VIII, с. 733).

** Гнев императрицы объясняется невозможностью сделать какое-либо малейшее изменение в ее путешествии, которое было предпринято ею в Новороссийский край; чтобы судить о трудности путешествия и громадности средств, для его исполнения, приводим список Днепровской флотилии, на которой Екатерина совершила переезд по Днепру.— Этот документ написан рукою Безбородко:

Галеры: Днепр — для Ее Императорского Величества.

Буг — для князя Григория Александровича, куда поместятся графини Браницкая и Скавронская.

Сноп — для графа Ангальта, графа Безбородко, генерал-майора Левашова и шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будет; тут же поместятся самые нужнейшие люди, для генерал-адъютанта и для канцелярии графа Безбородко. Сейм — послу, министрам и принцу де Линю, а в небытности поместятся и несколько иностранных или других, кому приказано будет.

Ипут — обер-шталмейстеру, обер-камергеру графу Шувалову и сыну его; тайным советникам Черткову и Нелединскому.

Сож — гофмаршалу тайному советнику Стрекалову; лейб-медику Рожерсону; действительному статскому советнику Храповицкому; советнику придворной конторы и чинам должности гофмаршальской и Кабинету.

Десна — столовая.

Трешкот Орел — графу Чернышеву с дочерью.

Водовики: Остер — камергерам Валуеву, Салтыкову; камер-юнкерам: Бибикову, Кочубею и двум или трем гвардии капитанам.

Трубеж — Коху, Кольхену, Вейкарту, Мессингу, Гревсу и двум Коллегии иностранных дел чинам. Лыбедь — камер-пажам и прочим кого поместить можно. П. Л.

Сказывал мне Александр Матвеевич (Мамонов) желание гостя*, чтоб я осталась здесь (в Каневе) еще на один или два дня, но ты сам знаешь, что по причине свидания с императором (Иосифом II) сие сделать нельзя, и так, пожалуй, дай ему учтивым образом чувствовать, что перемену делать в моем путешествии возможности нет. Да сверх того, всякая перемена намерения, ты сам знаешь, что мне неприятна.

Село Коломенское.— Июня 25-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, я здорова, сюда доехала и обед имела в Дубровице¹²¹, которое село таково, как вы сказывали, и естли вы намерены продавать, то покупатель я верный, а имя в купчую внесем Александра Матвеевича, вашего майора; праздники возьмем здесь, а там поедем далее; писем от вас не имею, будьте здоровы, а мы здесь чванимся ездою и Тавридою, и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях. Прощай, Бог с тобою.

Из Подъездного дворца.— Июля 1-го ч.

Папа, по написании моего письма последнего, я получила твое письмо; слава Богу, что ты здоров, пожалуй, поберегись. Я из Москвы уже выехала; мне, кажется, весьма рады были. Прощай, Бог с тобою.

Папа, я здорова; котенок твой доехал со мною, здоров же¹²².

Июля 6-го ч.— Тверь.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Когда из Москвы к тебе я собиралась писать, тогда твои письма от 22 июня из Кременчуга так были засунуты, что я их, спеша, найти никак не могла, наконец, здесь, в Твери, куда я приехала вчера, я

* Король польский Станислав Август.

уже их отрыла; извини меня, мой друг, в такой не-исправности, теперь на оные имею ответствовать: во-первых, расположение умов и духа в Кременчуге, по отъезде моем, мне весьма приятно, а твои собственные чувства и мысли тем наипаче милы мне, что я тебя и службу твою, исходящие из чистого усердия, весьма-весьма люблю, и сам ты бесценный; сие я говорю и думаю ежедневно.

Мы до Москвы и до здешнего места доехали здоровы, и дожди за нами следовали, так что ни от пыли, ни от жаров мы не имели никакого беспокойства; тебе казалось в Кременчуге без нас пусто, а мы без тебя во всю дорогу, а наипаче на Москве, как без рук. В Петров день на Москве в Успенском соборе Платона¹²³ провозгласили мы митрополитом, и нашили ему на белой клобук крест бриллиантовой в пол-аршина в длину и поперек...

При великих жарах, кои у вас на полудни, прошу тебя всепокорно, сотвори милость, побереги свое здоровье, ради Бога и ради нас, и будь столь доволен мною, как я тобою; прощай, друг мой, Бог с тобою, после обеда еду ночевать в Торжок.

За четыре эскадрона регулярных казаков благодарствую, ей-богу, ты молодец редкий, всем проповедую.

Июля 13-го ч.— Царское Село.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, третьего дня окончили мы свое шеститысячeverстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, и с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении и усердии, и попечении и порядке, вами устроенном повсюду, и так, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себе либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу.

Пожалуй, пожалуй, пожалуй, будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда, к тебе и дружна и доброжелательна.

Император Иосиф приехал в Вену.

Фландрия и Брабандия бунтовать не перестают; он туда наряжает 30 000 войск.

Голландцы двое суток держали принцессу Оранскую, сестру короля прусского¹²⁴, под арестом; посмотрим, как братец сие примет; Людвиг XIV за сие заставил бы их кричать курицею.

Англичане наряжают 12 кораблей и уже факции Оранской помогают деньгами.

Вот тебе вести, каковы есть в здешнем месте.

Тепло и фрукты мы наехали лишь на севере, а у вас ни жаров, ни фруктов нет; сим вас теперь дразнить станем.

Из Царского Села.— Июля 27-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович.

Письмо твое от 17 июля я получила на сих днях, и из оного увидела, сколько тебя обрадовало мое письмо из Твери. Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна, вот и все тут; врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи. Радуюсь, что ты здоров, от фруктов прошу иметь воздержание. Слава Богу, что нет болезни и больных. Дела в Европе позапутываются.

Цесарь посылает войска в Нидерланды; король прусской против голландцев вооружается; Франция, не имея денег, делает лагеря; Англия высылает флот и дает принцу Оранскому деньги, прочие державы бдят, а я гуляю по саду, который весьма разросся и прекрасен. Прощай, Бог с тобою.

Письмо кн. Потемкина

Август 1787

К Булгакову написать теперь, чтобы он не отставал требовать о предписаниях паше Ахалцихскому; он может на себя взять исходатайствовать, что двор наш останется доволен таковым запрещением и без наказания лично паши, приказать ему интересоваться посла французского, объяви ему отзыв Верженов по сему делу.

Весьма нужно протянуть два года, а то война прервет построение флота; когда бы угодно было Ее Величеству поманить французов чем ни есть в коммерческом трактате, чтобы в самом деле большого не значило, но их бы обязало нам служить, оставляя нанести им важной вред, которой они заслуживают, при удобном случае. Теперь же лучше иметь их оружием для пользы.

Государыня должна быть уверена, что я ее интересов не променяю на французские, но из усердия к отечеству, а паче еще к ее славе, представляю вышереченный способ крайне нужным. Россия не потеряет ничего из такового снисхождения; напротив, мы купим сей дешевою ценою великие пользы. А в свое время выместим втрое.

Я умерен в моих заключениях, что приближение к концу короля прусского наносит страх Франции, что мы с императором поведем в действие известной им план; боятся, чтоб мы не пособили ему и в промене баварском, и для того предупреждают нас занять турками. Но увидя нас благорасположенными к себе, а мы еще к тому ослепим их уверениями, что с Портой войны не желаем, то, по их пылкости, на первых порах они нам много пособят.

Граф Безбородко получает всегда от Булгакова, что посекретнее бывает из ведомостей. Мне всегда он дает читать их, и как теперь нужно знать больше, нежели когда, то я и прочел, которые и подношу.

Вы, матушка, изволите увидеть, какая кабала там действует, я знаю точно, что французы манят Порту помочь им недопущением флота нашего в Архипелаг и ссудою офицерами. Я почти догадываюсь, что и Кюстина они прочат куда-нибудь против нас, и то, не сомнительно, что пруссаки делают уверение, но сие только словами. О Шах-Мансуре много фабал*, а я думаю, разве не другой ли это или не тот ли, что турки к нему подсылали?

По прочтении пожалуйста мне сии бумаги обратно, дабы списать описание фигуры Мансуровой и расспросить тех, кои его видели.

Сколько мне кажется, то кашу сию Франция заваривает, чтобы нас озаботить. Боясь приближения смерти прусского короля, при которой они полагают, конечно, императору затеи на Баварию. Сие тем вероятнее, что во Франции приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, чего у них без намерения о войне никогда не бывает. Пусть, хотя и уверили французы, что не пустят нас в Архипелаг, однако же флот потребно иметь в состоянии. Прикажите себе подать ведомость о кораблях и фрегатах, с описанием годности каждого. Расположение духа в Швеции кажется в нашу пользу; но назначенный туда министр годится ли, по нынешнему времени, где устремлять все, что можно, против французов следует? Мне сии последние Булгакова известия, по многим обстоятельствам, вероятны.

Однако же я надежен, что французский посол, снесясь с Булгаковым, поворотит сии дела, чтоб получить у вас мерит**. К г. Сегюру привезен большой пакет из Константинополя. Завтра он у меня будет обедать, я сам не зачну говорить, а ежели он зачнет, то из сего можно будет заключение сделать. Главное то, чтобы выиграть несколько времени.

---

* Басен.

** Заслугу.

Императрица — Потемкину

Сентября 23-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович, услыша, что сегодня из канцелярии вашей отправляют к вам курьера, то поспешаю тебе сказать, что после трехнедельного несказанного о твоём здоровье беспокойства, в котором ниоткудова я не получала ни строки, наконец сегодня привезли ко мне твои письма от 13, 15 и 16-го сентября и то пред самую оперою, так что и порядочно оных прочесть не успела, не то чтобы успеть еще сего вечера на них ответствовать; ради Бога, ради меня береги свое драгоценное для меня здоровье; я все это время была ни жива, ни мертва, оттого, что не имела известий. Молю Бога, чтоб вам удалось спасти Кинбурн, пока его турки осаждают; не знаю, почему мне кажется, что Александр Васильевич Суворов в обман возьмет у них Очаков. С первым и нарочным курьером предоставляю себе ответствовать на ваши письма. Прощайте, будьте здоровы, и когда вам самим нельзя, то прикажите кому писать вместо вас, дабы я имела от вас известия еженедельно.

С вашими именинами вас от всего сердца поздравляю.

Сентября 24-го ч.

Любезной друг мой, князь Григорий Александрович, по семнадцатиденном ожидании от вас писем, вчерашний день я получила вдруг отправления ваши от 13, 15 и 16-го сентября, по которым вы получите немедленно мои резолюции, перечень же оных и здесь припишу, кой час кончу мой ответ на собственноручное ваше письмо, который я теперь начну тем, что я с немалым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену: они есть и будут искренно дружеские, а не иные. Беспокоит меня

весьма твое здоровье; я знаю как ты заботлив, как ты ревностен, рвешься изо всей силы; для самого Бога, для меня, имей о себе более прежнего попечение; ничто меня не страшит, опричь твоя болезнь. Dans ce moment ci mon cher Ami Vous n'êtes pas un petit particulier qu'i vit et qui fait ce que lui plait, Vous êtes à l'etat, Vous êtes a moi, Vous devés, et je Vous ordonne de prendre garde a Votre santé; je le dois, parceque le bien, la defense, et la gloire de l'Empire sont confiés a Vos soins, et qu'il faut se porter bien de corps et d'ame pour faire la besogne que Vous avés sur les bras; après cette exhortation maternelle que je Vous prie de recevoir avec docilité et obéissance je m'en vais continuer*:

Что Кинбурн осажден неприятелем и уже тогда четыре сутки выдержал канонаду и бомбардираду, я усмотрела из твоего собственноручного письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря неприятна, но положим так, то для того не унывать, а стараться как ни на есть отмстить и брать реванш; империя останется империею и без Кинбурна, то ли мы брали и потеряли; всего лучше, что Бог вливает бодрость в наших солдат тамо, да и здесь не уныли; а публика лжет в свою пользу, и города берет, и морские бои, и баталии складывает, и Цареград бомбардирует Войновичем: я слышу все сие с молчанием и у себя на уме думаю: был бы мой князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, если б где и вырвалось что неприятное. Что ты велел дать вино и мясо осажденным, это очень хорошо, помоги Бог генерал-майору Реку да и коменданту Тунцельману. Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало;

---

* В эти минуты, мой дорогой друг, вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет; вы принадлежите государству, вы принадлежите мне; вы должны, и я вам приказываю, беречь ваше здоровье. Я должна это сделать, потому что благо, защита и слава империи вверены вашим попечениям и что необходимо быть здоровым телом и душою, чтобы исполнить то, что вы имеете на руках. После этого материнского увещания (которое прошу принять с покорностью и послушанием) я продолжаю...

ты знаешь, что ничем так на меня невозможно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности*. Хорошо бы для Крыма и Херсона, если бы спасти можно было Кинбурн; от флота теперь ждать известие.

Несколько датских офицеров морских, услыша о войне, хотят к нам в службу идти. Писал ко мне князь Репнин, представляя свою готовность служить под кем и где мне угодно; я отвечала, что с удовольствием вижу его расположение и что не премину тут его употребить, где случай предстанет. Отпиши ко мне, надобен ли он тебе или нет, а он пишет ко мне из Сарепты, где он с Вяземским пили Царицынские воды, но последнего я послала еще при первом известии, а между тем они от Горичев, кои поехали в Астрахань, сведали о войне, и Репнин ко мне писал, как выше сего. Я не знаю, что граф Иван Петрович Салтыков мешкает; я, однако, велю писать, чтоб ехал скорей. Один рекрутской набор уже делают, а теперь сделаю другой и почитаю, что не 60, но 80 тысяч взято будет в оба; надеюсь, что сие достаточно.

Император, как ты увидишь из бумаг, пред сим к тебе присланных, готовит 120 тысяч, с коими действовать намерен, и множество генералов пожаловал, в числе которых и Линь.

Ласкать англичан и пруссаков — ты пишешь. Кой час Питт¹²⁵ узнал об объявлении войны, он писал к С. Воронцову, чтоб он приехал к нему, и по приезде ему сказал, что война объявлена и что говорят в Цареграде и в Вене, что на то подущал турок их посол, и клялся, что посол их не имеет на то приказаний от Великобританского министерства; сему я верю, но иностранные дела Великобритании не управляемы ныне английским министерством, но самим ехидным королем, по правилам Ганноверских министров; его величество уже добрым своим правлением потерял

* См. в «Русской старине», изд. 1875 г., т. XIII, с. 34—40, в биографии кн. Потемкина.

пятнадцать провинций, так мудро ли ему дать послу своему в Цареграде приказания в противность интересов Англии; он управляется мелкими личными страстями, а не государственным и национальным интересом.

Касательно пруссаков, то им и поныне, кроме ласки (ничего более) не оказано, но они платят не ласкою, и то может быть не король, но Герцберг¹²⁶; их войска действительно вступили в Голландию. Что французы теперь скажут, посмотрим, они, кажется, вступятся либо впадут в презрение, чего чаятельно не захотят. Король французский отдался в опеку, сделал принципал-министра, от чего военной и морской министр пошли в отставку.

На тот год флот большой велю вооружить, как для Архипелага, так и для Балтики, а французы скажут, что хотят; я не привыкла учреждать свои дела и поступки иначе, как сходственно интереса моей империи и дел моих, а потому и державы друг и недруг, как угодно им будет.

Молю Бога, чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то и тебе покоя нет; для чего не берешь к себе генерала, которой бы имел мелкой деталь; скажи, кто тебе надобен, я пришлю, на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтоб один из них занялся мелочью, а главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, того я уверена, но во всяком случае не унывай и береги свои силы; Бог тебе поможет и не оставит, а царь тебе друг и подкрепитель; и ведомо, как ты пинешь и по твоим словам, проклятое оборонительное состояние, и я его не люблю, старайся его скорее оборотить в наступательное; тогда тебе, да и всем, легче будет, и больных тогда будет меньше, не все на одном месте будет. Написав ко мне семь страниц, да и много иного, дивишься, что ослабел! Когда увидишь, что отъехать тебе можно будет, то приезжай, я очень рада буду тебя видеть всегда.

По издании манифеста о объявлении войны, великий князь и великая княгиня писали ко мне, просясь, он — в армию волонтером (по примеру 1783 г.), а она — чтоб с ним ехать; я им ответствовала отклонительно: к ней, ссылаясь на письмо к нему, а к нему — описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояние, позднюю осень и заботы, в коих оба фельдмаршала находятся, и коих умножают еще болезни и дороговизна и неурожай пропитания, хваля, впрочем, его намерение; на сие письмо я получила еще письмо от него с вторительной просьбою, на которое я отвечала, что превосходные причины, описанные в первом моем письме, принуждают меня ему отсоветовать нынешний год отъехать волонтером в армию. После сего письма оба были весьма довольны остаться, расславляя только, что ехать хотели. С неделю назад получила я от принца Виртембергского¹²⁷ также письмо с просьбою его определить в армию; сему я ответствовала пречистым, но учтивым отказом, чем и сестра, и зять довольны же. Прощай, мой друг, набор рекрутской приказан; Мекноб¹²⁸ прощен будет; ты пишешь, чтоб Грейга послать с флотом — я его пошлю, но не громчее ли было (бы) имя Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского? Однако сие между нами, и ни он не отзывается, ни я, а от изобилия мыслей написала, что на ум пришло. Деньги присланы будут. Также артиллерия в обеих армиях прибавлена.

Выпуск унтер-офицеров и кадет предписан и по прочим твоим письмам и докладам, что от меня зависит, во всем полное решение последовало; молю Бога да возвратит тебе здоровье.

Саша умен и любезен, как нельзя больше.

Сентября 25-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. С часу тому назад я получила твое письмо от 19-го сего месяца и реляцию твою от того же числа, из которых

вижу, что турки продолжают канонировать Кинбурн и что дважды предприняли учинить десант, которые, однако, были отражаемы; дай Боже, чтоб предприятия ваши на турецкие бомбардирские суда были удачны и чтоб вам удалось спасти Кинбурн; судить естли издали по обороне фрегата и по предерзкому поступку галеры «Десны», то неприятель будет отпотчиван самым храбрым образом. Теснит грудь мою ваше собственное состояние и ваши спазмы; чувствительность и горячность, которые производит усердие, понимаю весьма, что возбуждает в вас нетерпеливость, я сама весьма часто в таком же положении, паче же тогда, когда дела таковой важности, как ныне; но ничего хуже не можешь делать, как лишить меня и империю низложением твоих достоинств человека самонужного, способного, верного, да притом и лучшего друга; оставь унылую таковую мысль, ободрь свой дух, *roidissés votre esprit et Votre ame contre tons les événements, et soyés assuré que Vous les vaincrés' tous avec un peu de patience, mais c'est une vrave faiblesse**, чтоб, как пишешь ко мне, низложить свои достоинства и скрыться, от чего? я не ведаю; не запрещаю тебе приехать сюда, естли ты увидишь, что твой приезд не расстроит тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что побывание твое здесь нужнее, нежели тут, где ты теперь; приказание к фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе; вручишь ему оное как возможно позже, естли последуешь моему мнению и совету; с моей же стороны, пребываю хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством.

Как отъедешь от своего нынешнего поста, кому поручишь Кавказской корпус? О сем фельдмаршал Румянцев и о тамошних делах сведений не имеет и

---

* Укрепите ваш ум и вашу душу против всех случайностей и будьте уверены, что, с небольшим терпением, вы их всех победите; но ведь это настоящая слабость.

едва может ли оными управлять, и что из того выйдет — не ведаю; ты сам знаешь, как трудна мне показывается всякая мысль, к которой я никак не приуготовлена; на один такой для меня трудной шаг я решилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требует; здоровье твое мне нужно, я тебе его желаю, равномерно и продолжения дел славных для тебя и империи.

Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать команду фельдмаршалу Румянцеву, не понимаю, как одному командовать ужасной таковой громадою, разве в такое время, когда наверно будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий.

Сентября 30-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Поздравляю тебя с днем твоего рождения и именин и посылаю тебе гостинец; дай Боже тебе здоровья и всякого благополучия, нетерпеливо ожидаю от тебя вестей, что чаще прийдешь, то более на меня угодишь.

Прощай, Бог с тобою.

Октября 2-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, сего утра приехал сперва курьер, отправленной 26-го числа от вас с известием, что флот, по вытерпении бури, собирается в Севастополе, а несколько часов спустя я получила письма ваши от 24-го числа сентября; ни те, ни другие, конечно, не радостные, но, однако, ничто не пропало; сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю, неужели, что ветер дул лишь на нас? Как ни ты, ни я сему не причиною, то о сем уже более и говорить не стану, а надеюсь от добрых твоих распоряжений, что стараться будут исправить корабли и ободрить людей,

буде они унылы, чего, однако, я не примечаю; я сожалею всекрайно, что ты в таком крайнем состоянии, как ты пишешь, что хочешь сдать команду, сие мне всего более печально.

В письме твоём от 24-го ты упоминаешь о том, чтоб вывести войска из полуострова; естли сие исполнить, то родится вопрос, что же будет и куда девать флот Севастопольской? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надеюсь, что сие от тебя писано было в первом движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал, и что мысль таковую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лучше было естли б можно было сделать предприятие на Очаков либо на Бендеры, чтоб оборону, тобою самим признанную за вредную, оборотить в наступление; начать же войну эвакуацией (очищением от войск) такой провинции, которая донесъ не в опасности, кажется, спешить не для чего; равномерно сдать команду, сложить достоинства, чины и неведомо чего, надеюсь, что удержишься, ибо не вижу к тому ни резона, ни нужды, а приписываю сие чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию, которые имели не такой успех, как ожидали; но в таких случаях всегда прошу ободриться и подумать, что доброй дух и неудачу поправить может. Все сие пишу к тебе, как к лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама, но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова.

По известиям из Цареграда, в последних числах августа еще кораблей в море Черном не было.

По твоему желанию и теща тебя, я послала к тебе желаемой рескрипт о сдаче команды; но признаюсь, что сие распоряжение мне отнюдь не мило и не славно. Никто на свете тебе не желает более добра, как я, и для того тебе так говорю, как думаю. Естли же уже сдал команду, то прошу приехать сюда скорее, чтоб я могла тебя иметь возле себя и чтоб ты мог сам

узнать, как я думаю и о сем сужу; здесь найдешь, что, как всегда, к тебе с дружеским и искренним доброжелательством. Прощай, Бог с тобою.

А вот как я о сем сужу: *Que vous êtes impatient comme un enfant de cinq ans, tandis que les affaires dont vous êtes chargé en ce moment demandent une patience imperturbable. Adieu mon ami**.

Ни время, ни отдаленность и никто на свете не переменят мой образ мыслей к тебе и о тебе.

Р. S. Пришло мне на ум еще, по случаю того, что пишешь о выводе войск из полуострова, что через то туркам и татарам открылась паки дорога, так-то сказать, в сердце империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону, а теперь Крым в наших руках; как флот вычинится, то надеюсь, что сия идея совсем исчезнет и что она представлялась лишь только тогда, когда ты думал, что флота нет, но если хочешь, я тебе дюженку фрегатов велю построить на Дону; ведь и Севастопольский флот ими же пользуется и ныне.

Октября 6-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, нетерпеливо ожидаю я узнать о вашем здоровье и порученных вам делах, впрочем, я здорова и непременно к вам доброжелательна.

Октября 9-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, письма твои от 2 октября я получила; твои бесчисленные заботы я понимаю, и весьма жалею, что ты ночи не спишь и в крайней слабости; потеря флота Севастопольского не тебе одному нанесла удар, я сие несчастье с тобою делю. Что ты ничего не упускал, о сем ни

---

* Что вы нетерпеливы, как пятилетнее дитя, тогда как дела, вам порученные в эту минуту, требуют невозмутимого терпения. Прощайте, мой друг.

я, и никто не сомневается, и все твои распоряжения совершенно соответствуют возложенной от меня на тебя полной доверенности; слава Богу, что успел наполнить магазины.

О твоих спазмах...— я знаю, как они мучительны, наипаче чувствительным и нетерпеливым людям, как мы с тобою. Радуюсь, что ты теперь покойнее, и надеюсь, что ты стараться будешь о своем здоровье, как о делах моих, всякой раз, когда вспомнишь, что ты мне нужен и надобен. К князю Репнину я писала, чтоб ехал к тебе.

Пиши ко мне, что́ с Кинбурном происходит, уже с двумя курьерами о Кинбурне ни слова не упоминаешь. Дай Боже, чтоб вы предупели в защищении, но если б Очаков был в наших руках, то бы и Кинбурн был приведен в безопасность. Я невозможного не требую, но лишь пишу что думаю.

Прошу прочесть терпеливо; от моего письма ничто не портится, не ломается, лишь перо тупится, и то не беда. Будь здоров и не болен, вот что я желаю; будешь здоров и сюда приедешь, тогда переговорим, о чем нужно будет. Я свое беспокойство мало считаю и в счет не ставлю, авось либо Бог силу даст снести; один способ есть уменьшить мое беспокойство: чаще пиши и уведомя меня о состоянии дел; с нетерпением ожидаю обещанные детали; не забудь и о Кинбурне ко мне писать. С графом Алексеем Григорьевичем (Орловым) и о его поездке осведомлюсь, а Грейгу, конечно, ехать с ним или и без него. Конечно, лучше было, если бы equinoxe (равноденствие) пропустили, но что делать; что сделано, то сделано, разве буря лишь была для нас, разве туркам она вреда не нанесла, Очаковской эскадре разве от бури ничего не сделалось? Adieu mon ami, полно писать, тебе недосуг читать, я чаю; Бог с тобою.

Донесение Потемкина о Кинбурнском сражении

Елизаветград. 8 октября 1787 г.

Всемилоостивейшая государыня! Турки, в пяти тысячах трехстах человек отборного войска, в первый день сего месяца, произвели в действо отчаянное свое предприятие на Кинбурн¹²⁹, но дерзость их послужила к приобретению новых лавров победоносному вашего императорского величества оружию.

30 сентября, неприятель, сблизив суда свои к Кинбурну, производил сильную по оному пальбу до глубокой ночи. 1-го числа октября на рассвете возобновил он сие с большею жестокостью; жилó, внутри крепости, земляной вал и палатки в лагере претерпели некоторой вред и ранено несколько солдат. В 9 часов утра показались в 12 верстах от Кинбурна по Лиману пять судов, наполненных вооруженными запорожцами, которые старались выйти на берег, но отбиты с уроном.

Тогда ж поутру усмотрено не малое число турок на мысу Кинбурнской косы, беспрестанно умножающееся перевозимыми с кораблей. Они, с великою поспешностью, работали в земле, приближаясь к крепости. В одной версте расстояния от оной, генерал-аншеф Суворов решился турок атаковать, составя первую линию из пехотных полков Орловского и Шлиссельбургского, а вторую из Козловского с двумя легкоконными эскадронами. Трем Донским полкам приказал он быть на флангах. Генерал-майор Рек повел первую линию и мужественно атаковал неприятеля, который с не меньшею храбростью и упорством защищался в своих укреплениях. Скоро приспела вторая линия и вступила в дело. Генерал-майор Рек выбил турок из десяти ложементов, но как в самое то время получил он опасную рану в ногу, начальствовавшие же под ним секунд-майоры: Булгаков убит, Мунцель и Мамкин ранены, а флот неприятельской, придвинувшись к берегу, делал великой вред своими бомбами, ядрами

и картечами, то войска вашего императорского величества принуждены были уступить умножающемуся непрестанно числу неприятелей и потеряли несколько пушек.

Пример господина генерал-аншефа Суворова, в передних рядах присутствовавшего, остановил отступающих. Они, исправя фронт, возобновили сражение и паки прогнали неприятеля из нескольких ложементов.

В то время галера «Десна», на левом крыле флота неприятельского, сбила с места некоторые суда; крепостная артиллерия Кинбурнская потопила два канонирских судна, из полевой же артиллерии истреблены две большие шебеки, приблизившиеся к самому берегу. Одна потоплена, другая же сожжена при самом начале огня их.

Еще раз неприятель, подкрепленный свежими силами, принудил к отступлению войска вашего императорского величества, жестоко поражаемые чрезвычайною пальбою с флота. Генерал-аншеф Суворов ранен в левой бок картечью легко.

Пехотные полки ретировались в крепость, а между тем прибыли к месту сражения вновь отряженные: батальон Муромского полка, две роты Шлиссельбургского и одна Орловского, с бригадою легкой конницы.

Генерал-аншеф Суворов в третий раз начал битву. Пехотные войска, подкрепляемые легкоконными и казачьими полками, наступали на неприятеля с отличным мужеством; турки не могли более держаться в пятнадцати окопах. Выбитые из всех сих укреплений, претерпели они величайший урон, и остатки сброшены в воду за сделанный ими эстакад, где они бедствовали до самого утра. Таким образом, одержана совершенная над неприятелем победа, и как коса, так и окружающие оную воды, остались покрыты их трупами. Генерал-аншеф Суворов, пред концом сражения, еще ранен в левую руку пулею навывлет.

Потеря неприятельская состоит во всем высаженном на берег войске, кроме малого числа спасшихся в воде за эстакадом, коих едва до пятисот человек считать можно.

С нашей стороны побиты: секунд-майор Булгаков, подпоручик Юревицкой, нижних чинов, с умершими от тяжелых ран, сто тридцать шесть; ранены: кроме господина генерал-аншефа Суворова и генерал-майора Река, премьер-майор Вилимсон, секунд-майоры Мамкин и Мунцель, обер-офицеров четырнадцать, нижних чинов двести восемьдесят три.

Генерал-аншеф Суворов, отдавая справедливость мужеству и храбрости войск вашего императорского величества, приписует отличную похвалу генерал-майору Реку, неустрашимо предводившему первую линиею и до получения раны непобедимому. По нем заслужили также одобрение своими подвигами: подполковник Федор Марков, секунд-майоры Мунцель и Мамкин, оба раненые, ротмистр Шуханов, который с легкоконными эскадронами в третьем сражении, ведя атаки против неприятеля, по кучам их трупов, отбил у них все орудия артиллерии; капитан Колонтаев, израненный при храбром наступлении с батальоном Муромского полку, ротмистр Нелюбов и капитан Пахомов, также раненые; поручики Цыдульской, Арсеньев и Якобинской, прапорщики: Ключников и Федоров, отбивший знамя у неприятеля, корнеты: Радиванов, Андрей и Григорий Спесивцовы. Господин генерал-аншеф Суворов заметил самолично отменную храбрость некоторых нижних чинов, коим именной список приемлю смелость поднести вашему императорскому величеству, вместе с отнявшими у неприятеля знамена.

Войско Донское сильное произвело поражение в неприятеле, причем отличились войсковые старшины: полковник Орлов, подполковник Исаев и премьер-майор Сычов; есаулы Кутейников, Красной, Исаев и

Крюков; сотники Затвепилин и Черкесов; хорунжие Ожогин, Ерыжешков, Рубцов и Пристанков.

Комендант Кинбурнской полковник Тунцельман делал великой вред неприятелю пальбою из крепости, причем артиллерии капитан Крупеников потопил два судна канонирские.

Наконец, генерал-аншеф Суворов отлично похвалит за храбрость и исправление разных поручений своего генеральс-адъютанта Хастатова и посланного во время бою с приказами обер-аудитора Минеева, который и ранен пулею в шею.

Сам он, несмотря на полученные раны, не отлучался от места сражения и ободрял всех своим примером. Как его, так и войско, им предводимое, а вместе с оными и себя, приемлю я смелость повергнуть через сие к освященным вашего императорского величества стопам.

Список отнявшим у неприятеля знамена,
в сражении 1 октября на косе Кинбурнской.

Мариупольского полку поручик Пуганов, Козловского пехотного прапорщик Лев Федоров, того ж полку сержант Боготихов.

Рядовые: Шлиссельбургского Родион Данилов; Муромского Петр Щедрин, Степан Новиков.

Полков Войска Донского, хорунжие: Яков Ожогин, Архип Рубцов, Клим Пристанской.

Казаки: Ефим Турченков, Нестор Рекунов.

Оба сии казака оказали превосходную храбрость, заколов четырех турок, которые везли нашу пушку. Анкудин Харламов.

Нижние чины, отличившиеся в том же сражении своею храбростью.

Сержанты: 2-го фузелерного полку Рихтер; Орловского — Лисицын; Шлиссельбургского — Ямигин, Голубцов.

Артиллерии капрал Борщов, который, при прогнании с косы турок, великое их множество истребил

картечами; Муромского полку капралы ж: Иванов, Родионов.

Шлиссельбургского полку гренадер Степан Новиков, при первом отступлении наших войск, турками преследуемых, одного из сих заколол, другого застрелил, третьего погнал и способствовал обращению в бег неприятеля.

Императрица — Потемкину

Октября 16-го ч. 1787 г.

Друг мой, князь Григорий Александрович, вчерашний день к вечеру привез ко мне подполковник Баур¹³⁰ твои письма от 8 октября из Елисаветграда, из коих я усмотрела жаркое и отличное дело, от турок предпринятое на Кинбурн. Слава Богу, что оно обратилось так для нас благополучно, усердием и храбростью Александра Васильевича Суворова и ему подчиненных войск. Сожалею весьма, что он и храбрый генерал-майор Рек ранены,— я сему еще бы более радовалась, но признаюсь, что меня несказанно беспокоивает твоя продолжительная болезнь и частые и сильные пароксизмы. Завтра, однако, назначила быть благодарственному молебствию за одержание первой победы. Важность сего дела в нынешнее время довольно понятельна, но думаю, что ту сторону (а сие думаю про себя) неможно почитать за обеспеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках; гарнизон сей крепости теперь, кажется, против прежнего уменьшился; хорошо бы было, если б остаточный разбежался, как Хотинский и иные турецкие в прошедшую войну, чего я от сердца желаю. Я удивляюсь тебе, как ты в болезнь переехал и еще намерен предпринимать путь в Херсон и Кинбурн. Для Бога, береги свое здоровье, ты сам знаешь, сколько оно мне нужно. Дай Боже, чтоб вооружение на Лимане имело бы полной успех и чтоб все корабельные и эскадренные командиры столько отличились, как командир га-

леры «Десна». Что ты мало хлеба сыскал в Польше, о том сожалительно; сказывают, будто в Молдавии много хлеба, не придется ли войско туда вести ради пропитания?

Буде французы, кои вели атаку под Кинбурном с турками, были на берегу, то вероятно, что убиты; буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо отправить к Кашкину в Сибирь северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставлять турок. Я рассудила написать к генералу Суворову письмо, которое здесь прилагаю, и естли находишь, что сие письмо его и войска тамошние обрадует и не излишне, то прошу оное переслать по надписи. Также приказала я послать к тебе для генерала Река крест Егорьевской третьей степени; еще посылаю к тебе шесть Егорьевских крестов, дабы розданы были достойнейшим; всему войску, в деле бывшему, жалую по рублю на нижних чинов и по два на унтер-офицеров. Еще получишь несколько медалей, на егорьевской ленте, для рядовых, хваленых Суворовым. Ему же самому думаю дать либо деньги тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лучше не придумаешь или с первым курьером ко мне свое мнение не напишешь. Чего прошу, однако, чтоб ты учинил всякой раз, когда увидишь, что польза дел того требует. Сказывают, князь Нассау к тебе поскакал, а Линь все еще здесь и от своего двора — ни о своем произвождении и ни о чем неизвестен.

Прощай, мой друг; которой день я от тебя имею курьера, тот день я поспокойнее, а в прочие дни в уме и помышлении все одно нетерпение знать, что у вас делается и каков ты.

Прощай, Бог с тобою.

Пришло мне было на ум, не послать ли Суворову ленту андреевскую, но тут паки консидерация та, что старше его: князь Юрья Долгоруков, Каменский, Миллер и другие не имеют; Егорья большого, еще более консидерации меня удерживают послать, итак,

никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета, понеже ты еси во-истину советодатель мой доброхотной.

Октября 18-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, вчерашний день мы молебствовали за победу вашу под Кинбурном, вы из другого моего письма и из рескрипта усмотрите касательно до того; Бог видит, я день и ночь и во всякой час мысленно с вами, и мне ваше здоровье пуще всего беспокоит. Сего утра Линь получил от цесаря повеление ехать к вам; он думал иметь команду, взять Белград, а вместо того его шпионом определяют; естли он вам будет в тягость, то, чаю, его отправить можно в Вену, с условием о будущей или нынешней кампании, чтоб истолковал возможность либо невозможность того, что вы рассудите, что нам делать или не делать; кажется, по письму императора к нему, что нас от Валахии и Молдавии отдалить хотят, да и из Галиции пропитания не обещают, а оставляют все себе; тут есть что убавить, как обыкновенно во всех сношениях со всеми дворами, *mais il faut les ramener a la raison et les faire agir en conformité de ce qu'il nous convient autant que de ce qui leurs convient*^{*}.

Он отправляется завтра к вам, и сам весьма недоволен. Известия гласят, что 60-пушечной корабль севастопольской, а именно «Мария Магдалина», попала на турецкое адмиралтейство¹³¹ и что английской капитан Дистел хотел подорвать корабль, но экипаж не допустил. Что делать, быть так, прошу тебя только сие отнюдь не брать с излишней чувствительностью; я к тебе уже писала, естли надобно, то скажи слово, велю построить на Дону какие назначишь и какой

^{*} Но надобно научить их уму-разуму и заставить действовать согласно тому, как им и нам приличествует.

величины надобны фрегаты, в запас, вперед пригодятся.

Adieu mon Ami. С нетерпением жду обещанных курьеров, дай Боже, чтоб привезли о твоём здоровье лучшие известия.

Что император пишет о стороне Кавказа, откуда понимает, что тем самым турецкая сила принуждена делиться, и естли б у нас там не было войска, то бы татары и горские народы (к) нам бы пожаловали по-прежнему.

Октября 26-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письмо твое от 13-го сего октября я получила, из которого вижу, что ты предпринял путь в Херсон, Кинбурн и на флот; дай Бог, чтоб от сего похода ты бы не претерпел в своём здоровье; что раненные выздоравливают, сие мне приятно весьма слышать, желаю то же услышать о Александре Васильевиче Суворове и о Реке; весьма ты сделал хорошо, поехал потише: тише едешь, дале будешь, и пословица говорит. Здесь по городу носится слух о какой-то знатной победе на Кавказе; жду о сем от вас подтверждения и вестей всегда с нетерпением. Дай Бог тебе совершенного здоровья и милостей Божеских тьму; я здорова; прощай, Бог с тобою.

Обрати лист

Отпиши ко мне: плавучую батарею отыскали ли вы или она попалась туркам? Неужели что ветер и ее придул к Цареграду, к «Марии Магдалине»? Желательно, конечно, чтоб наши корабли военные узнали сей путь, но не таким образом. С тех пор, что тебе полегче, и мне стало лучше на сердце.

При сем посылаю тебе ленту для солдатских медалей.

Ноября 2-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, твой курьер, отправленный по твоём возвращении в Елисавет, в 23-й день октября, вчерашний день привез ко мне твои письма. Что ты, объехав семьсот верст, ослабел, о сем весьма жалею; желаю скорее слышать о совершенном твоём выздоровлении. О важности победы под Кинбурном и заочно понимательно мне было, и для того отправлено молебствие; знаменитую же заслугу Александра Васильевича в сем случае я предоставила себе наградить тогда, как от тебя получу ответ на мое письмо, о сем к тебе писанное. Из числа раненых и убитых заключить можно, каков бой упорен был. Я думаю, что огромной турецкой флот ушел к своим портам на зимование. Понеже Кинбургская сторона важна, а в оной покой быть не может, дондеже Очаков существует в руках неприятельских, то поневоле подумать нужно о осаде сего, буде инако захватить невозможно, по вашему суждению. Хорошо бы было, естли бы то могло сделаться с меньшей потерей всего, паче же людей и времени. Обещанные о сем от вас планы Миллера и Корсакова ожидать буду.

Жаль, что для помещения войск, особливо конных, в подкрепление Кинбурна, жилья нет на той стороне: я того и смотрю, что ты из тростника построишь дома и конюшни, видя, что из того делают в Херсоне, и сие для меня уже не было бы диво. Весьма мне нравится твое намерение: прежде, нежели вступить в зимние квартиры, наведя мосты на Буге и переправя часть войска генерала Каменского до Бендер, от себя послать до Очакова, дабы очистить от турецких detachementов, и в это время бомбардировать Очаков. Дай Боже тебе успеха и чтоб гарнизон выбежал, как Хотинской и иные подунайские. Приятно мне слышать, что больные в Херсоне выздоравливают; одинакие ли болезни в Херсоне и в Тавриде или разные? Одному из наших консулов с островов Венецианских случилось говорить с турецким каким-то начальником, ко-

торой его принял за веницианца, и ему сказывал, что в бытность мою в Тавриде мечетям и школам и всем их веры людям столько показано добра, щедрости и снисхождения, что и самые мусульмане того бы не сделали; вот как вести кругом ходят.

Надобно, чтоб буря, которая щелкала Севастопольской флот, велика была, что сделала оный совсем неупотребительным. О некомплекте в мушкетерских полках, и по той причине о доставлении к ним рекрут, по мере как соберут, уже от меня приказано. Нассау еще не приехал, я посмотрю, как его с лучшей пользою для вас употребить.

Прощай, Бог с тобою.

Действия на Кубани и за Кубанью я насилу на карте отыскала, и, найдя, вижу, что они, для безопасности Кавказской линии и самой Тавриды, немаловажны, и надеяться надлежит, что после экспедиции Текеллия¹³² уже через Тамань наездов не будет.

Ноября 6-го ч. 1787 г.

Дай Боже тебе терпения сие трилистное письмо прочесть.

Друг мой, князь Григорий Александрович, письма твои от 26 октября, сего 4 ноября, до моих рук дошли, и с сим же курьером получишь требуемые ответы; спасибо тебе за то, что ко мне пишешь откровенно свои мысли; я не сделаю употребление иное, нежели то, которое сходно будет с моею к тебе дружбою и с общею пользою, а французской министр о сем останется неизвестен. Князь Нассау еще не приехал, а как приедет, то приму его сходственно усердию, которое он повсюду выставляет; а Александр Матвеевич (Мамонов) постарается из него вывести *le fond du sac**. Но потому, что французское министерство употребляет подобные способы, вверяя половину доверенности Нассау, а другую половину Сегюру, оно не токмо само вредит своим делам, но еще показы-

* скрытые сведения (букв. дно сумки).

вает при том не малую слабость, а более охоту к интригам и каверзам, нежели (то) пристойно, прилично и прибыльно знаменитой державе; l'on voit que les moyens de Mieur l'Archeveque de Toulouse a la tete des affaires sont tous aussi bas et petits que ceux qui l'ont porté au poste de Principal Ministre, ils ont beau prôner leur situation présente, ils n'ont ni argent, ni troupes dans ce moment*, и щелчок, полученной ими в Голландии ныне, во мнении всей Европы их поставил нарочито низко.

Что князь Репнин приехал к тебе и показывает желание и охотно служит, сему я рада.

От твоей поездки на Буг и в Херсон, и Тавриду ожидаю не малое добро, дай Боже только, чтоб здоровье твое снова не почувствовало какой (ни) на есть вред от сей поездки.

После Кинбурнской победы, когда Сегюр услышал, что тут предводительствоваляли французы (что ему Линь сказал по моему внушению), тогда уже на другой или третий день он послал курьера во Францию с представлением, чтоб отозвали французов, кои у турок, естли хотят, чтоб здешние мысли о них были, что они нам не злодеи. Вообще Сегюр весьма уныл, и сам отзывается, что его двор ему менее верит прежнего и что епископ Тулузской и Монморен враги отцу его¹³³.

Французские каверзы, по двадцатипятилетним опытам, мне довольно известны. Но ныне спознали мы и английские, ибо не мы одни, но и вся Европа уверена, что посол английский и посланник прусский Порту склонили на объявление войны. Теперь оба сии двора от сего поступка отпираются. Пиль и Кормартен¹³⁴ клялись, что не давали о сем приказаний, и сами почти признали, что подозревают не самого короля и ганноверское министерство.

---

* Видно, что средства архиепископа Тулузского, находящегося во главе дел, так же низки и ничтожны, как и тех, которые выдвинули его на степень первого министра; они могут, как хотят, гордиться своим настоящим положением — у них нет, в настоящую минуту, ни денег, ни войск.

В «Алтонской»¹³⁵ газете нашла я странный артикул, который я, в иное время, поставила бы за ложь, но ныне оной привлек мое внимание: тут написано из Ливорно, что к английским консулам в Средиземное море писал посол Эйнсли¹³⁶, чтобы все английские вооруженные и военные суда, кои покажутся в портах, где английские консулы, присылали к нему. Я сей артикул послала к графу Воронцову, дабы его доставил до сведения английского министерства, дабы узнать от них, как судить о таком поступке их посла, и естьли осталась в них хотя крошка доброго намерения, то не возьмут ли намерения отозвать такого человека, на которого вся Европа говорит, что он огонь раскладывал, и они сами говорят, что он то делал без их ведома [следовательно, им ослушник]. Левантская же компания английская, сказывают, что весьма жалуется на Эйнсли и его мздоимство и корыстолюбие; естьли английские министры желание имеют с нами в дружбе и доверенности (быть), то, по крайней мере, не могут себя ласкать, что мы дали доверенность тем (или тому), кои нам так явно враждуют, они же никогда и ни в какое время ни (на) какой союз с нами согласиться не хотели в течение 25 лет. Франция конечно и бесспорно находится в слабом состоянии и ищет нашего союза, но колико можно долее себя менажировать; с Франциею и с Англиею без союза нам будет полезнее иногда, нежели самый союз, тот или другой, понеже союз повлечет единого злодея более; но в случае, естьли бы пришло решиться на союз с той или другой державою, то таковой союз должен быть распоряжен с постановлениями, сходными с нашими интересами, а не по дудке и прихотям той или иной нации,— еще менее по их предписаниям.

Я сама того мнения, что войну сию укротить должно колико возможно; я почитаю, что укрощение ее много зависит от ваших, дай Боже, успехов; вы столь благоразумно вели двухмесячную оборону, что враг имени христианского и нарушитель мира, пригото-

вась коварно и лукаво долгое время к войне и объявляя ее внезапно, хотя начал тотчас действовать наступательно, не выиграл, однако, нигде ни пяди. Буде вам Бог поможет, как я надеюсь, в нынешних ваших предприятиях, то тем самым откроется дорога к мирному трактованию и миру, но к сему не одна наша, но и неприятельская склонность нужна; теперь они еще горды и надуты своею спесью и чужими наущениями; а визирь, спасая свою голову, будет сутенировать, koliko ему можно, им начатое; но по смене его, скорее достигнем, я же от мира никогда не прочь, но вы сами знаете, что возвращение Тавриды и уничтожение всех трактатов и заключение новых — турецкой был предмет, которого не токмо на конференциях предлагали, но и в своем объявлении войны не постыдились внести; французскому двору сказано, что мы от мира не прочь и всегда готовы, когда только сходственно достоинства империи, слушать мирные предложения. Шуазель пишет к Сегюру, что он старается привлечь паки доверенность турок.

За величайшее несчастье почитать бы можно, естли б хлеба не было у нас; сие несчастье велико во время мира, а еще более, конечно, в военное время, и тогда облегчило бы таковое внутреннее состояние и то, чтоб армию ввести в неприятельскую землю [и тамо достать оной]; дабы же дороговизну для солдат облегчить и им доставить мясо, советую вам, на мой собственный счет, закупить в Украине, или где за удобнее найдете, тысяч на сто рублей или более, баранов и быков и оными производить порции солдатам, по стольку раз в неделю, как за благо рассудите.

Буде никакой надежды к миру через зиму не будет, то, как рано возможно, весной, отправим отселе флот; нужно, чтоб оному от Англии не было препятствия, конечно; но когда мои двадцать кораблей пройдут Гибралтарской пролив, тогда, признаюсь, чтобы и лестно и полезно быть могло, чтоб в авангарде их

была эскадра французская, и арьергард оной же нации, а наши бы корабли составляли кор-дарме, и так бы действовали и шли кончить войну, проходя проливы. За сию услугу и заслужа грехи, французам бы дать можно участие в Египте; а англичане нам в сем не помогут, а захотят нас вмешать в свои глупые и бестолковые германские дела¹⁸⁷, где не вижу ни чести, ни барыша, а пришлось бы бороться за чужие интересы; ныне же боремся, по крайней мере, за свои собственные, и тут кто мне поможет, тот и товарищ [касательно же нашего торго с Англиею, тут себе руки связывать не должно].

Прощай, мой друг, вот тебе мои мысли.

Король шведской поехал в Копенгаген и в Берлин; знатно он у французов ушел, а поехал достать, наместо французских, субсидий прусских или английских; странно будет, естли Англия ему даст деньги против датчан. И *faut avouer que l'Europe est un salmigondi bien singulier dans ce moment**.

Они как хотят, лишь бы Бог дал нам с честью выпутаться из хлопот.

Ноября 9-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Я получила сегодня твои письма от 1 ноября, в самое то время, когда я собиралася говорить с Нассау, и теперь, переговора с ним, так много имею к тебе писать, что воистину не знаю, с чего начать. Сегюр здесь предлагал также готовность его двора войти с нами в союз, как ты уже мог усмотреть из посланных к тебе сообщений, и ответ, ему сделанной; Нассау, говоря со мною, сказал мне теперешнее расположение французского двора и перемену в их образе мыслей. Я приняла все сие с приятным видом и сказала, что с удовольствием вижу, что инако думают, нежели думали,

---

* Надобно признаться, что Европа оригинальная мешанина в эту минуту.

и благодарила его за оказанное его усердие и добрые старательства и показывала опасение, чтоб тот двор паки не переменил свое расположение; на что он сам отозвался, что естли, по получении первого курьера, он приметит малейшее колебание в мыслях французского министерства, то он паки поскачет во Францию, чтоб употребить все свои силы к подкреплению того двора в добрых к нам расположениях. Когда он говорил о сближении союзом, я сказала, что я от него не скрою, что мы в весьма деликатных обстоятельствах в рассуждении нашего торго с Англиею и относительно великого морского нашего отселе вооружения, и что для сего мы привыкли находить прибежище в английских портах; на сие он предлагал французские, а я сказала, что локальное положение первых удобнее, что все сие, однако, говорится для того более, чтоб изыскать с ним удобства и неудобности в том или другом положении, и что я признаю и уже видела разные выгоды от дружбы Людовика XVI¹³⁸. И мы расстались весьма ладно, и все говорено, что можно было. Они вооружаются и войну иметь будут, ибо сами чувствуют, что от голландского дела, естли его оставить так, потеряют всю свою консидерацию.

Нассау мне сказал, что французы считают иметь короля шведского в своем кармане, а я ему говорила, чтоб они лишне на сего человека не надеялись, что доказывает езда его в Копенгаген, и даже, говорят, в Берлин, и что король шведский будет в кармане того, кто ему дает денег, чем иногда и неприятели Франции могут воспользоваться; вот тебе, друг мой любезный, чистая исповедь происходящего между мною и Нассау.

Возвращаюсь к твоим письмам. Во-первых, спасибо тебе за оные, и что ты так откровенно и прямо-дружески ко мне пишешь, и, при всех хлопотах по месту и должности, однако не оставляешь меня подробно уведомлять; я сие принимаю с отличным и сердечным чувством и тобою чрезвычайно довольна, и ты

развернул свету, в нынешнее время, такое обширное и искусное знание и поведение, которое моему выбору и тебе делает честь, и я тебя люблю вдвое более еще. Вижу, что Очаков тебе делает заботу, я тут уже, отдавая тебе полную волю, лишь Бога прошу, чтоб благословил твои добрые предприятия.

Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея¹³⁹, которой сей курьер к тебе и повезет.

Помоги тебе Бог очистить степь за Очаковом и к Бендерам и побить и отогнать нового хана от наших жилищ.

Сегюр имеет от Шуазеля письма, будто визирь уже в колебленном состоянии, и будто на него ропщут за объявление войны, и что доньне остается в недействии.

Что хлопоты тебя не допустят побывать здесь, хотя на короткое время, о сем весьма жалею; я к тебе бы поскакала, если сие можно было сделать без прибавления хлопот.

Что твое здоровье поправляется, сие служит мне к великому утешению, понеже люблю тебя весьма и тобою очень, очень довольна.

Фрегаты построить велю с большой артиллериею и по твоему чертежу.

О потере корабля «Мария Магдалина» более говорить не буду, что сделано, то сделано, также и о других потерянных судах; о «Ломбарде» же приказала — стараться его как-нибудь достать.

Касательно принца Гессен-Филипстальского¹⁴⁰, которой в конной гвардии служит и желает быть волонтером, я тебе скажу, что я уже многим и вообще всем отказала, кто ни просился волонтером, и для того и ему дозволить не могу; разве если хочет, то выпущу его в армию, и тогда подарю на экипаж; а волонтерам я отказала, имея на то разные причины,

и в последние кампании последней войны положено было: волонтеров не принимать ниоткуда.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, и никогда чтоб тебе на ум не приходило, чтоб ты мною мог быть позабыт.

Александр Матвеевич (Мамонов) тебя, как душу, любит.

Отпиши, пожалуй, каковы раненые и больные, и посылал ли ты мое первое письмо к Суворову?

Ноября 11-го ч.*

Друг мой, князь Григорий Александрович. Напиши ко мне, правда ли, что ногайские татары учинили нападение на Тамань? Здесь пруссаки таскаются с ложным слухом, будто татары ногайские не только учинили нападение, но и завладели Таманом *et qu'ils ont prit pied***; но я полагаю, что сия весть выдумана вот каким образом: когда получено известие, что Павел Потемкин ходил за Кубань, то приняли или конфондировали с Таманом, а зломыслящие или желающие сложили прочее, ибо, имея от тебя столь подробное описание состояния дел, нельзя, кажется, стать, чтоб ты не упоминал о чем подобном. Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров, бодр, весел и благонадежен на лучшего твоего друга, то есть я (меня), и напиши ко мне, что признаешь меня таким.

Ноября 23-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. По двенадцатидневном ожидании от вас писем, наконец, курьер приехал с вашими письмами от 12-го ч. сего месяца. От добрых ваших распоряжений осталось теперь ожидать, что татары в зимние свои операции не более преуспеют, как турки в осенние и в прошедшую войну: при впадении татар, где они нашли хотя малой отпор, тут вскоре обратились вспять. Что

*См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58; 239—262.

** И там утвердились.

цесарь¹⁴¹ доныне не объявил еще туркам войну, сие приписываю я интригам прусским и английским; сии дворы рассевают, что они нашли способ нас к себе переманить, несмотря на то, что они турок противу нас возбудили на объявление войны, и что мы должныствуем плясать по их дудке.

Данцигом прусскую политику манить нельзя, ибо и в лучшее время дружбы, за казус федерис положено и признано было, буде до Данцига коснется. Сему городу даны предками моими и мною подписанные гарантии о их вольности и пребывании как ныне существует, и в отдельной конвенции о Польше сие еще подтверждено.

Касательно цесаря еще скажу то, он не более ожидал войны, как и мы, также не готов, а теперь до марта и ждать от него нечего, понеже в трактате написано, что декабрь, январь и февраль исключаются для движения войск; а что приготовления у них великие идут, о сем везде известно. Я здесь послу напоминать велю почаще, а вы говорите Линье (принцу де Линь). Правда и то, что мы в прошедшей войне воевали одни против турок и воевали счастливо, но имея трактат и надежды к получению помощи, на оные в нынешнее время и положиться прилично, и по крайней мере надежнее, нежели на услуги и добрые намерения или расположение тех дворов, от которых за опыт имеем злодейственный поступок их в объявлении войны. Система с венским двором есть ваша работа, она и издревле, по полуденным делам и границе, предпочитаема была, ибо существует по локальному положению тех стран и общему интересу. Сам Панин, когда он еще не был ослеплен прусскими ласкательствами, на иные связи смотрел как на *ris allé**, которые не награждали в рассуждении общего врага, то есть турок, австрийского союза. Из многих ваших писем мне бы казаться могло, что вы колеблетесь в выполнении вами же начертанного и уже

* Ловушку.

начатого плана, в рассуждении турок, и относительно до того, но я сии мысли себе никак не позволяю и выбиваю их из головы, понеже не могу себе вообразить, чтоб в мыслях ваших находилась подобная колебленность, ибо нет ни славы, ни чести, ни барыша, приняв какое дело и горячо оное поведя, потом, не доделав, самовольно исковеркать, паки начать оное. Оборону границ вы вели с совершенным успехом, даст Бог здоровья, мой друг поведет с успехом и наступательные действия.

Морское здешнее вооружение готовится, к графам Орловым я писала и получила их ответ¹⁴², которой, кажется, отклоняет их езду, и я б его почитала отказом от принятия команды, буде бы тут же (не) написали, что едут сюда. Сия поездка теперь остановилась на несколько времени смертью старшего сына гр. Владимира Григорьевича (Орлова)¹⁴³, чаю, что для сего остались на несколько в Москве. Теперь для сего морского здешнего вооружения адмирал Грейг полагает до пяти тысяч регулярного войска; в прошедшую войну послано было всех: как из гвардии, так Шлиссельбургской полк, артиллерия, кирасир, всех чинов 2370 человек; теперь требую от тебя совета, что послать? Мне кажется, Грейг требует много, и кирасиры суть излишни; из которых полков послать? Послать ли полками или из разных полков батальонами?

Еще при сем наряде войск требуется генерал сухопутный на флот; сей может ехать прямо в Италию, и желалось бы, чтоб он был таков, чтоб от него можно было надеяться пользы; дай совет, кого послать?

С сим курьером получишь рескрипт о посылке князя Юрия Владимировича Долгорукова к цесарской армии.

Фельдмаршал Румянцев пишет: 1) О рогатках и о подвижных мостах, и о сем полагается на здешнее усмотрение; естли то и другое нужно, то советую вам снестись между собою и исправить на счет экстраординарной суммы. 2) О казаках, что не бывали к

нему,— но я надеюсь, что пока он писал сюда, оные уже от тебя отправлены или пришли к нему. 3) Об артиллерии для гренадерских полков,— нужно, чтоб вы оба, снесясь, назначили, каким числом и какого калибра орудиями снабдить сии полки и откуда людей для оных взять, и потом, приказав кому следует, о доставлении того, сюда донести обстоятельно. 4) О старых и увечных, тоже и о малолетних,— и тут прошу согласиться, кому и где оставить.

Касательно построения фрегатов на Дону, я генерал-прокурору и Пущину приказала, чтоб они, снесясь с тобою, сколько тебе надобно, старались тебя оными снабдить. Отпиши ко мне, правда ли (что турки и прочие недоброжелательные расславляют), будто корабль «Сл. (Слава) Екатерины» у них в руках¹⁴⁴, и они будто его взяли у дунайского устья, и будто Войнович на шлюбке с одного съехал?

Пожалуй, переименуй сей корабль, буде он у нас; не равен случай, не хочу, чтоб злодеи хвастались, что «Слава Екатерины» в их руках. Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и благополучен, а мои мысли непрестанно с тобою.

Декабря 16-го ч.

Сим свидетельствую, что я сама видела (и естьли б не видала, не поверила), что Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов сам резал присылаемую с сим аттестатом сердоликовую печать, и что Лебрехт к оному делу ни которую руку не приложил, а работал вышеписанный генерал-майор месяц целый, ежедневно один, весьма прилежно. Екатерина.

Декабря 16-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, не имея от вас уведомления месяц целой, наконец получила письма ваши от 30 ноября с уведомлением о успехе генерала Текелия; сии вести были полнее тех, с которыми давно носились по городу, но лжи опровергнуть

было нечем, понеже я находилась между опасением и надеждою, и в том неприятном положении, в котором нахожусь, когда так долго от вас писем нет. К Текелию посылаю Владимира 1-го класса.

Из Смоленска и Белоруссии хлеб собран весь.

С 12-го числа я не очень здорова,— простудная лихорадка; сегодня я первой день, как на ногах, но голова слаба и писать не могу; прощай, Бог с тобою.

Декабря 30-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Тебе известно, с чем Нассау¹⁴⁵ сюда приехал, и, приехавши, я его выслушала; вскоре потом Сегюр послал курьера во Францию, которого он и Нассау нетерпеливо ждали; сей курьер на сих днях действительно возвратился, и Сегюр, после того, имел конференцию с вице-канцлером, в которой искал своему разговору дать вид такой, будто я ищу с Францией установить союз и чтоб для того отселе посланы были полномочия во Францию, чтоб о том деле там трактовать, а не здесь. Нассау же просил, чтоб я его к себе допустила, и, пришед, мне сказал, что он в крайней откровенности и с глубоким огорчением долженствует мне сказать, что французский двор его, во всем здесь сказанном, совершенно *desavoué* рует и что оной двор с лондонским в негоциации находится, чего он от меня не скроет. Сколько во всех сих или предыдущих разговорах правды или коварства, оставляю тебе самому разбирать, но о том нимало не сомневаюсь, что то и другое более со стороны двора, нежели Нассау и Сегюра. Первой теперь едет к тебе, ибо более здесь остаться не хочет, и если поступит сходственно желанию его двора, то будет искать тебя отвратить от всякого предприятия против турок, к которым, кажется, склонность, как французского, так и английского министерства и двора равносильна в нынешнее время; гордое и надменное письмо лорда Кормортена к здешнему политическому щенку Фразеру к тебе по-

слано; отчет подобной никакой двор у другого требовать не властен, они же нам взамен ничего не предлагают, да и посла своего бешеного, нам в сатисфакцию, не отзывают, одним словом, и тот, и другой двор поступают равно коварно и огорчительно, тогда, когда они от нас не видали огорчения или каверзы против себя и мы их во всяком случае менажировали.

О неудачном предприятии на Белград со стороны цесарской, вам, чаю, уже известно; лучшее в сем случае есть то, что сей поступок обнаружил намерение цесаря пред светом и что засим уже неизбежно война воспоследует у него с турками.

Я тобою, мой друг, во всем была бы чрезвычайно довольна, если б ты мог себя принудить чаще ко мне писать и непременно отправлять еженедельно курьера; сей бы успокоил не токмо мой дух, сберег бы мое здоровье от излишних беспокойств и отвратил бы тысячу не одну неудобств. В сей час ровно месяц, как от вас не имею ни строки; из каждой губернии, кроме имени моего носящей, получаю известия дважды в месяц, а от вас и из армии ни строки, хотя сей пункт есть тот, на котором вся мысль и хотение устремлено, *s'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une**; вы ничем живее не можете мне оказать привязанность и благодарность, как писать ко мне чаще, а писать из месяца в месяц, как ныне, сие есть самой суровой поступок, от которого я страдаю ежечасно и который может иметь самые злые и неожиданные и нежелаемые от вас следствия. Прощайте, Бог с вами.

С новым годом вас поздравляю.

1788 г.

Января 11-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письма твои от 25 декабря и от 3 января до моих рук доставлены; из первого с удовольствием усматриваю,

* Это заставляет меня умирать не одною, а тысячею смертей.

что ты с оскорблением принял мысли, будто бы в твоих мыслях колебленность место иметь могла, чего и я не полагала; прусский двор менажируем, пока его вражеское поведение при разрыве в Цареграде смотря: немного доброго от него ожидать там; при сем посылаю тебе примечания о польском плане. Что ты был болен, возвратясь из Херсона,— о том весьма жалею, и я несколько похворала, но теперь оправилась. Здесь, в один день, и оттепель и от двадцати до двадцати пяти градусов мороза.

Что твои заботы велики, о том нимало не сомневаюсь, но тебя, мой свет, станет на все большие и малые заботы. Я дух и душевные силы моего ученика знаю и ведаю, что его на все достанет; однако будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения; я знаю, что они истекают из горячей твоей любви и усердия ко мне и к общему делу; пожалуй, отпиши ко мне, что у тебя пропало судов в прошедшую осень, чтоб я могла отличить все местное вранье от истины, и в каком состоянии теперь эскадры Севастопольская и Днепровская; дай Бог тебе здоровья в таких трудных заботах; будь уверен, что хотя заочно, но мысленно всегда с тобою и вхожу во все твои беспокойства по чистосердечной моей к тебе дружбе, и то весьма понимаю, что будущие успехи много зависят от нынешних приготовлений и попечений. Помоги тебе Всевышний во всем и везде.

Если тебе удастся переманить запорожцев, то сделаешь еще дело доброе, если их поселишь в Тамане, *je crois que c'est vraiment leur place**. Пугают меня болезни и болезни; я во флот Михельсона не пошлю, а думаю уговаривать Заборовского¹⁴⁶, он сюда будет; Михельсон в подагре¹⁴⁷, да он же и здесь нужен, буде шведы зашалили.

Что предприятие цесарское неудачно было на Белград, то хотя для них не очень хорошо, но для нас добро, понеже заведется дело далее, и сие сомнение

* Я думаю, это их настоящее место.

решилось. Авось либо решатся, как ты предлагал. О Польше и о казаках приказания заготовлять буду. О покупке же деревень по Бугу (вычеркнуто: «не ведаю еще, откуда денег взять, а как сыщу, то ассигную», и вместо того написано): спора нет, понеже сам отыскал деньги.

Кингсберг, чаю, уже ангажирован; давно курьер в Голландию поехал с сим приказанием, а что будет, то к вам отправлю. Что пишешь об окончании укрепления Кинбурна, оборонительном состоянии Херсона и о заготовлении осады Очаковской,— все сие служит к моему успокоению и удовольствию. Предприятия татарские авось либо, против прежних, нынешний раз послабее будут; а естли где и чего напакосят, то и сие вероятно, что будет немного значащее и им дорого станет; двух обещанных приложений я не нашла в моем пакете, разве находятся в других, а именно — какие ты отметки сделал в требовании графа Петра Александровича (Румянцева), а другое о Белграде, разве под сим ты разумеешь французский перевод. Зорич под чужим именем уехал из империи, был в Вене и оттудова уехал же, сказав, что вскоре возвратится из Венгрии, но не бывал. Прикажи спросить у Неранчича¹⁴⁸, куда брат его поехал? Прощай, мой друг сердечный, будь здоров; я молю Бога, чтоб укрепил твои силы душевные и телесные.

Великий князь собирается теперь ехать в армию, а как надежда есть, что она беременна, то особливо сие его остановит, только наверно ничего еще сказать нельзя. *Adieu mon Ami...*

Января 13-го ч.

Графы Орловы отказались ехать во флот, а после сего письменного отрицания по причине болезни граф Алексей Григорьевич сюда приезжал и весьма заботился о сем отправлении флота и его снабжении; но как они отказались от той службы, то я не рассудила за нужное входить уже во многие подробности, но со

всякой учтивостью отходила от всяких объяснений, почитая за ненужное толковать о том с не служащими людьми. Потом просил паспорт ехать за границу к водам, но, не взяв оной, уехал к Москве.

С чужестранными консулами в Херсоне можешь поступить без церемонии; вели им сказать учтиво, что, до заключения мира, Херсон не торговой город, но крепость военная, в которой пребывание их более не может иметь места по военным обстоятельствам, и чтоб ехали восвояси, а здесь двора́м о сем не дастся знать.

У тебя, мой друг, кригсрехт над сержантом Преображенского полка, о котором я требовала мнение; пришли оное, родня его мучит о решении, а он украл во дворце*.

Еще тебе скажу, что поручик Иевлев¹⁴⁹ так промотался, что чужие вещи закладывает и уже должники ко мне начали жалобы приносить; ему в гвардии едва ли прилично остаться по дурному поведению**. Прощай, мой друг, продолжи Бог милость свою над тобою и на твои предприятия, и будь уверен, что я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службе и горячему усердию ко мне; спасибо тебе и за то, что любишь Сашу и что ты ему отдаешь справедливость, он тебя любит всем сердцем. *Adieu mon cher Ami, portéz Vous bien****, — estampe к тебе посылаю киевского портрета¹⁵⁰.

Января 26-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович, твои письма от 15 января до меня дошли; дай Боже, чтоб сие отправление застало тебя в совершенном здоровье; здесь все люди больны насморком и кашлем, я

* См. в «Русской старине», изд. 1875 г., т. XIII, с. 148—149; доклад кн. Потемкина о сержанте Золотухине.

** Об этом Иевлеве см. в Записках Гарновского, «Русская старина», изд. 1876 г., т. XV, с. 489—491.

*** Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы.

думаю, что треть города, по крайней мере, сим обеспокоена и простудными лихорадками.

Великая княгиня брюхата и в мае родит, и он до ее родин не поедет уже. Пишешь ты ко мне, чтоб прислать к осаде очаковской Преображенскую бомбардирскую роту. В каком она числе и комплекте, при сем посылаю Татищева¹⁵¹ поданной список; буде ее комплектовать из прочих рот, кои и без того весьма слабы, то едва останется довольно людей ходить на караул; естли комплект набрать из напольных, то нынешний рекрутский набор оной не наградит, паче же тогда, когда на флот теперь из них наряжают пять тысяч человек; и так отложила сей наряд до тех пор, что от тебя получу ответ; прошу тебя дать совет, как рассудишь за лучшее.

Что у тебя больных много, сие весьма печально слышать; дай Боже, чтоб болезни скорее пресеклись.

Медные деньги к вам отправлены; дороговизна во всем ужасная, дай Боже силу снести все видимые и невидимые хлопоты; доныне я здорова.

Пришло мне на ум, что ты мои шубенки любишь, а которые есть, я чаю, уже стары, и для того вздумала снабдить тебя новою; носи ее на здоровье, прощай, мой друг, будь уверен, что я тебе чистосердечный друг и люблю, как всегда.

Саша без ума от твоих писем, и он тебя любит, как душу, и крайне благодарен.

Правда ли, что ты кременчугской дом перевез в Елисавет (град).

Кн. Потемкин — Екатерине II

Елисаветград. — Февраля 5-го ч.

Прибегаю с моею подданническою просьбою вторично о присылке сюда, ежели принят в службу, адмирала Кингсбергена¹⁵². Мне крайне он здесь нужен, понеже в трех местах надобно будет флотом брать... К тому же ему известен берег, он же, будучи старее

других, может тверже повелевать. Пред сим просил я об определении в флигель-адъютанты к генералу Суворову его родного племянника, князя Горчакова¹⁵³, сержанта преображенского. О сем повторяю мою подданническую просьбу.

Императрица — Потемкину

Февраля 10-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письмо твое от 23 января, в котором пишешь, что ты опять занемог, немало меня тревожит. Божусь тебе, что я почти дрожу всякий раз, что имею о твоём здравии известия не такие, как мне желается; дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел.

Вчера получен из Вены курьер с ведомостью, что цесарь объявил туркам войну. Заборовский приехал, и еслили возьмется, то пошлю его для командования войском во флот, буде нет, то думаю удержать князя Василия Долгорукова¹⁵⁴, которой сюда приехал с женою. Поудерживает меня маленько то, что не очень знаю, колико он тебе надобен; однако русской кто именитый во флот необходим, и так надеюсь, что в случае нужды его уступишь на сию посылку. Слушай, Рара, я тебя очень люблю и хочу, чтоб ты был всячески здоров и благополучен; я здорова, Бог с тобою.

Февраля 13-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. В американской войне именитой английской подданный Павел Жонес (который, служа американским колониям, с весьма малыми силами сделался самим англичанам страшным) ныне желает войти в мою службу; я, ни минуты не мешкав, приказала его принять и велю ему ехать прямо к вам, не теряя времени; сей человек весьма способен в неприятеле умножить страх и

трепет; его имя, чаю, вам известно. Когда он к вам приедет, то вы сами лучше разберете, таков ли он, как о нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже знаю, что тебе небесприятно будет иметь одну мордашку более на Черном море; дай Боже тебе здоровья, а мне скорее получить известие о твоём выздоровлении: последнее твое письмо меня тревожит, понеже ты разнемогался; обещанный курьер через день доныне — не бывал. Прощай, мой друг.

Февраля 22-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. К тебе князь Василий Долгорукий везет мое письмо, через которое тебя уведомляю, что именитой Пауль Жонес¹⁵⁵ хочет к нам войти в службу; а как я вижу, что приезд Кингсбергена весьма в даль тянется, и буде приедет, то приедет поздно, а быть может, что и вовсе не приедет, то я приказала Пауль Жонеса принять в службу и прямо поехать к вам; он у самих англичан считается вторым морским человеком: адмирал Гок¹⁵⁶ первой, а сей — второй; он четырежды побил, быв у американцев, англичан; Кингсбергена же постараюсь достать, но по причине того, во-первых, что он от генеральных штатов имеет лишь годовой отпуск, по конец которого он должен в мае явиться в Голландию, где имеет дело расчетное в Средиземном море по своей экспедиции, и потом взять увольнение, которое еще неизвестно получит ли, также тестя своего фон Гофта, которого хочет вывезти или на покое заставить жить, ибо боится, чтоб его за патриотизм не повесили на восьмидесятом году, из чего вы сами увидите, что Кингсберген к весенним действиям никак не успеет, а другой авось либо доедет ранее первого.

Что ты, мой друг, при отпуске последнего своего письма, был слаб и что у тебя больных много — о том весьма жалею; о сих пришли ко мне хотя ежемесячно

рапорт, также о убыли. Что ты о больных печешься, о сем я весьма уверена. Подкрепи Бог твои силы.

Татарские предприимчивости, по-видимому, против прежних лет и веков поубавились. По заграничным известиям, везде христиане единовѣрных своих ожидают, как израи(ль)тяне Мессию.

Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание; в людях же незнающих — чтоб не возбудилась мечта, будто за нужное нашли восстановить Сечу либо название.

Достохвальные твои распоряжения держали во всю зиму неприятеля в великом респекте. Зима здесь очень сурова и вижу, что и у вас на оную жалуются. Мне кажется, что цесарцы под Хотинѡм сделали петаду*, немного разнствующую от белградской; манифест их об объявлении войны повсюду опубликован.

Поляков решить теперь приказано будет. Гр. Бралицкого бригада примкнет к войскам, под твоим руководством и командою находящимся, да и прочих поляков ждать под команду тебе не трудно уже будет тогда.

Касательно волонтеров я тебе скажу, что я донѣне не давала дозволения ни нашим, ни чужестранным ехать в армию, по той причине, что в прошедшую войну, в последние кампании, уже положено было волонтеров никаких не принимать. Знатнейшие были командирам в тягость. Ныне же, когда повсюду недостаток и дороговизна в хлебе (а подымалось волонтеров сотнями), то я думала, что много едунов излишних в армии умножат дороговизну и недостаток; вы же жаловались на писателей ложных вестей; из Херсона и консулов я велела выслать, а тут бы нашлось число их еще умножено; представить себе не можете, сколько их наподымалось: действительно сотнями; тут же разбора делать нельзя и сказать — доброй

* Pétaud — беспорядица.

поезжай, худой останься. Датчан ехало 30, пруссаков 50, наши целыми полками записались; французов, итальянцев, испанцев, немцев, шведов, голландцев,— дождь волонтеров шел; сим я отделалась, что никого не приняла. Когда Бог даст пропитание достаточно и не скудно, тогда можно будет повсюду сообщенной уже отказ разрешить, *mjis à toute armée les bouches inutiles l'on tache de les éloigner ou diminuer**. Граф Дамас пускай с вами останется. Буде иные французы явятся, то с разбором впредь посмотрим, кому дать дозволение, о своих же, когда у вас кормление облегчится, тогда о них разрешить не долго, но сам пишешь, что дороговизна и оскудение в хлебе тебя озабочивают. Молитву к Богу я воссылаю и стараюсь, колико возможно моим силам, не оплошать.

Касательно требований фельдмаршала гр. Румянцева я усматриваю, что все сделано и не остается о чем, кажется, грустить.

Севастопольской гавани неудобство то, что не имеет реки, по которой довести бы можно, но сие не в нашей возможности поправить, и вы делаете, подвозя сухим путем таковые тягости, конечно, сверх возможности. Советую в экиноксию** не высылать никакую эскадру в Черное море, но пережди бури.

О кременчугском доме по городу носился слух. Что ты не гордишься, сие мне мило: кто не гордится, тот никогда не унывает.

Только, Бога ради, будь здоров, меня сие более всего страшит, что ты часто жалуешься головою и доньне прямо не оправился, и сие приписываю ужасным трудам твоим и заботам.

Штаты польским войскам, также о кавказских народах, о кабардинцах и о Фатали-хане, буде что до меня доставишь, то будь уверен, что не оставлю без

---

* Но во всей армии стараются удалить или уменьшить бесполезные рты.

** Equinoxe — равноденствие.

надлежащего уважения. Что Попов болен, о том жалею.

Во всех газетах огромность нашего флота написана.

Прощай, мой друг, радуюсь, что шубка моя тебе понравилась; китайские два шлафрока посылаю; я не сомневаюсь, что везде увижу твою ко мне любовь, верность и усердие; я сама, ваша светлость, вас очень, очень и очень люблю.

Прости, Бог с тобою.

Преображенских бомбардиров к тебе отправлю на почтовых.

Саша тебя любит и почитает, как отца родного, и ко мне, и к тебе чрезвычайно привязан, что ясно видно из всех его слов и поступков.

Кингсберген, быв в Вене и узнав, что я его хочу взять в службу, сказал, что он охотно бы пошел, но жена не пускает, понеже у ней отец, имя его Гофт, которой из главных противников штатгальтера; что он его постарается вывезти из Амстердама, куда назад едет, а там, взяв у Штатов отставку, буде отпустят, к нам приедет. *Voila bien des bêtises**, а все сие пишет Чернышев¹⁵⁷, увидев и говоря с ним в Вене, куда нарочно для свидания из Италии поскакал; дай Боже, чтоб Чернышев своим разговором дело не запутал только.

Февраля 26-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Усматривая из твоего письма последнего, что у тебя Попов и вся канцелярия так больны, что ты сам принужден писать текущие дела, и опасаясь, чтоб сие не умножило твою слабость, на которую жалуешься, пришло мне на ум послать к тебе Турчанинова; оставь его у себя, дондеже тебе в нем будет нужда, а там возврати его; буде же он излишен вовсе,

* Вот довольно глупостей.

то отправь его хотя на другой день, ибо он только с тем и послан, чтоб его употребить, буде годиться может, наипаче же, чтоб тебе доставить привычного человека, а Попову дать время оправиться, буде Бог изволит, чтоб жив остался. Прощай, мой друг, Бог с тобою, не сердись за присылку, ибо от самого доброго намерения.

Того же числа

Друг мой, князь Григорий Александрович. Из письма твоего от 15 февраля вижу я, что, при несовершенном здоровье твоём, ты принужден, по причине болезни твоей канцелярии, все сам писать; а как и Попов очень болен, то пришло мне на ум прислать к тебе, на время, твоего старого правителя канцелярии Турчанинова, естли инова; по крайней мере, он проворен, как сам знаешь; употреби его, либо возврати его обратно, как тебе угодно.

Пока у вас реки вскрываются и грязи, у нас еще зима глубокая, лед толстый и снег ежедневно умножается. Добрым твоим распоряжением, сия война с турками есть первая еще, в которой татары в Россию не ворвались никуда. Происшествия хотинские суть третья петада*, по моему счету, которую цесарцы сделали. Послу, со всякою благопристойностью, сказано, что мы имя цесаря без его дозволения или согласия не употребляем никогда, и для того на сии польские вести мало полагаемся, ибо оттудова часто приходят ложные и непристойные.

Касательно польских дел, в скором времени пошлются приказания, кои изготовляются для начатия соглашения; выгоды им обещаны будут; естли сим привяжем поляков и они нам будут верны, то сие будет первой пример в истории постоянства их. Естли кто из них (исключая пьяного Радзивила¹⁵⁸ и гетмана Огинского¹⁵⁹, которого неблагодарность я уже испы-

* Безурядица.

тала) войти хочет в мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана гр. Браницкого¹⁶⁰, жену которого я от сердца люблю, и знаю, что она меня любит и помнит, что она русская, храбростью же своею известна; также воеводу русского Потоцкого охотно приму, понеже он честной человек и в нынешнее время поступает сходственно совершенно с нашим желанием. Впрочем, поляков принять в армию и сделать их шефами подлежит рассмотрению личному, ибо ветренность, индисциплинность или расстройство и дух мятежа у них царствуют; оные же вводить к нам, наипаче же в армию и корпуса, ни ты, ни я и никто, имея рассудок, желать не может, но всячески стараемся оные отдалить от службы, колико можно. Впрочем, стараться буду, чтоб соглашение о союзе не замедлилось, дабы нация занята была.

Что рекруты собраны поздно, сему причиною отдаленность мест, и образ, и время, когда объявлена война; я о сем сведала в конце августа, а в первых числах сентября первый набор приказан был, которого, я думала, по первым известиям, достаточно; вскоре же потом и второй последовал. Дай Боже, чтоб болезни прекратились. Естьли роты сделать сильнее, то и денег, и людей более надобно; вы знаете, что последний набор был со ста душ; деньгами же стараемся быть исправны, налогов же наложить теперь не время, ибо хлеба недорода, и так недоимок немалое число.

Отгон скота в семи верстах от Очакова донцами и верными запорожцами и прогон турецкой партии я усмотрела с тем удовольствием, которое чувствую при малейшем успехе наших войск.

Что князь Нассау мною доволен и оказывает ревность к службе, мне весьма приятно.

Из письма моего, посланного через генерал-поручика князя Долгорукова, ты увидишь, что с Пауль Жонесом я уже вступила в переговоры и что он прямо к тебе поедет.

Оригинальное письмо Ломбарда я к тебе послать велела; из оного увидишь все его происшествие и сколько он пострадал и в полон попался от своих. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и к оному мало склонны; авось либо в нынешнюю войну лучше притравлены будут. Морские командиры нужны паче иных. На Кингсбергена не считаю, понеже разные связи его вяжут донныне. Дела в Голландии не кончены: принц Оранский старается сделаться владетелем¹⁶¹, жена его собирает под рукою себе партию, а патриоты паки усиливаются. Надо ждать весны, что тамо покажет.

Прощай, мой друг, будь здоров, Бог с тобою; я здорова.

Марта 8-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. В ожидании от вас курьера, я здорова. В проекте польского трактата, буде встретятся, как чаятельно, многие затруднения, то думаю, чтоб вы взяли от графа Браницкого и воеводы русского кондиции, на каких бы отдавали бригады свои на наше содержание и диспозицию, и тогда, что скорее и удобнее покажется, на то и согласиться с нашей стороны скорее можно будет; я без тебя, как без рук, и сама затруднения нахожу тут, где с тобою не нахаживала; все опасаюсь, чтоб чего не проронили; прощай, Бог с тобою, каков Попов? И доехал ли Турчанинов?

Марта 24-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Слух носится в Швеции¹⁶², будто бы король шведский в намерении имеет нас задирать; граф Разумовский, о сем слухе говоря со старым графом Ферзенем, сей ему сказал, что без сумасшествия сему верить нельзя, *mais d'un cerveau un peu dérangé on peut tout*

attendre*; что заподлинно в сем деле есть,— то, что в Карлскрону послано приказание вооружить двенадцать военных кораблей и несколько фрегатов, деньги в Голландии негосирует и в Финляндии Шведской делаются приготовления к лагерям; также три полковника из Финляндии призваны к королю в Стокгольм, и паки отправлены в Финляндию; генерал Пось¹⁶³ объезжает границу и делает магазин — 14 000 бочек всякого хлеба, сам же король поехал в Упсал на несколько времени. Все сие видя и слыша, благоразумие требует, не тревожась, взять приличные случаю осторожности, дабы пакости какой неприличной не учинил, и для того, кроме вооружения флота, которой пойдет в Архипелаг, вооружить здешние пять, да от города Архангельского столько же кораблей и фрегатов, держать наготове галеры и гребные суда, и оным предписать разъезд для сбережения наших берегов от нечаянной высадки и тому подобное; здешние полки и остзейские гарнизоны приводить в комплектное состояние, такожде артиллерию и тому принадлежащее; на все сие, касательно людей, требуется до восемнадцати тысяч рекрут; от архиереев подано еще прежде сего, что излишних церковников есть до двадцати четырех тысяч,— из оных годны в военной службе быть могут; иные сами требуют записаться в оную.

Петербургская губерния еще никогда не давала рекрут, с нее брать и набрать можно до семи сот. Я перечитала на сие время все прежние планы и почитаю, что ныне остаться должно при демонстрации на демонстрацию, буде же заподлинно вздумает нас задирать, то оборону обратить в наступление; есть подозрение, будто целит на Лифляндию; он туда посылал полковника Алмфельда¹⁶⁴, нивесть чтоб его сбыть либо заподлинно узнать тамошние места, но потом отменил. Еще бы был способ к комплектованию, но к сему также приступить еще опасаясь по

* Но от помешанного всего можно ожидать.

причине родить могущихся неудобностей, то есть: в столицах обеих находящихся беглых, к оружию способных, отдать в полки, чтоб служили дондеже сдаваемые (?) отыщут, либо с зачетом; из сего родиться будет ропот, сие не известно, но и умножить может побег, а люди надобны; буде бы крайность была, я чаю, и подпискою самих помещиков в городе здесь соберется великое число, но во всем недели две розницы не сделает большую розницу: рассудила писать к тебе, дай совет, как комплектовать; магазины мы соберем, и все приготовления прочие сделаем без огласки. Пока флот еще в Балтике, опасаться нечего; естли пакости быть, то по выходе оногo; шевелится его величество, нельзя, чтоб и датчане с нами общего дела не делали, и так, чаю, поодумывается, но хорошо, на всякой случай, приводить здешний край в почтительное состояние; башкир и калмыков приведем сюда хотя тысячи две.

Письма твои от 4 марта я получила и на оные не ответствовала донныне, чтоб привести в некоторую ясность вышеписанное. Видно, что грек, которой взял в Аджибее* судно, а тобою произведен мичманом, встревожил весь тот берег и до самого Очакова, что пальбу их везде слышно было. Добрым твоим распоряжением надеюсь, что все ко времени успеет, жалею лишь о том, что ты из сил выбился.

Морских офицеров надеюсь до тебя доставить добрых; Павел Жонес приехал уже в Копенгаген и думаю, что скоро получу известие, что принят и к тебе поедет; принц Оранский к Кингсбергену послал увольнение, я думаю, что тот ему в тягость, понеже не переставал ему твердить об умножении флота, а сей ту часть терпеть не может, а старается о сухопутной, чтоб иметь чем обуздать голландцев.

Французских артиллеристов, наипаче же инженеров, я приказала принять, и сам господин Дево (De

* Нынешняя Одесса.

Yaulx) едет. Я чаю, Нассау его знает. Которых ты выписал, за то тебя хвалю.

Прощай, мой друг, будь здоров, Бог с тобою. Я достала от Кениха¹⁶⁵ твой портрет мраморный; чрезвычайно хорош, и с него сделано *empreinte en pâte** и положено в моей коллекции. *C'est charmant***.

Апреля 14-го ч.

Любезный друг мой, князь Григорий Александрович.

Письмо твое от 27 марта я получила; замечания твои на польской трактат тем же курьером привезены и теперь на станке; буде тебе ружья нужны для поляков, то напиши к Кречетникову¹⁶⁶, ему от меня писано, чтоб отпустил по твоему требованию.

Третьего дня, с великим (?) курьером, получено известие через Венецию, будто турки, Булгакова освобождая¹⁶⁷, отправляют возвратно, но куда — не ведаю; не знаю еще, верить ли сему, понеже глухо Кауниц пишет к Кобенцелю; увидим, что почта привезет, она, по причине разлития вод, не бывала еще. С первым курьером о сих двух артикулах, то есть польском деле и освобождении Булгакова, яснее писать можно будет. У нас река прошла и время сырое и холодное, я чаю, у вас потеплее. С наступающим праздником тебя поздравляю. Здесь больных много; дай Боже, чтоб у вас здорово было, и считаю, что ты, на сих днях, уже войска приведешь в движение, считая по прошлогодней погоде в тамошних местах, понеже через неделю год будет, что я из Киева выехала. Посмотрим, сборы турок куда наклониться удобства найдут, желаю, чтоб нигде прощелины не нашли. Канонерских судов знатное, кажется, у тебя число. Ни о Пауль Жонесе, ни о Кингсбергене не имею снова

* Оттиск из массы.

** Это прекрасно.

известий, разве почта привезет прежде запечатания сего письма, тогда припишу.

Трудности в починке кораблей весьма понятательны, понеже места безлесные около Черноморских наших гаваней; прикажи, для будущих веков, горстями раскидать около гаваней дубовых желудей. Естьли б до нас живущих сие делали, то бы мы нашли лучше удобства; не пренебреги, при своих бесчисленных хлопотах, и сей совет.

Апреля 20-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письма и рапорты твои от 6 апреля я получила в самый день праздника, с которым тебя поздравляю и желаю тебе счастья и здоровья, и силы душевной и телесной в высшей мере.

Спасибо тебе, что немешкотно ты отвечал на мои письма о шведском вооружении; они в самом деле существуют, но будут ли употреблены в действие против нас — сие время докажет; между тем здравой рассудок требует, чтоб с той стороны были всячески обезабочены мы, наипаче во всех тех способах, кои от нас самих зависят, и для того на море изготовляются, как тебе уже известно, 10 кораблей и прочее, а вчерашний день я подписала набор из церковников, и так наша postura* теперь весьма почтительна; датчанам также сказано, чтоб свой долг не упустили, в чем не откажут, я уверена. Лишней же тревоги никакой, конечно, не окажем. Нолькен¹⁶⁸ сам собою изъяснился, по городovým слухам, о войне со шведами, с вице-канцлером, и между прочими речами сказал, что король его без сумасшествия подобной шаг предпринять не может, но что от молодежи, его окружающей, всякую нелепость ожидать немудрено, и естьли сие сделается, то он, Нолькен, поедет жить в Лифляндию. Сказывают, что шведская нация на сие

* Положение.

не будет взирать с приятностью; а очень статься может, что король, выманив деньги у других держав, под видом вооружения, потом оные покинет.

Отселе писано к Разумовскому, и надеюсь, что все на речах кончится. Перлюстрованное письмо Линьева сына не великое уважение прибавляет к распорядку нашего союзника, но лучше его иметь для, нежели против нас, как в прошедшей войне.

Пришли ко мне чертеж двойных шлюпок, как у тебя строятся и какие советуешь употребить. Касательно мещан и ямщиков пришли план и штат, как их формировать на казацкий образец. Я надеюсь теперь получить вскоре известие о выступлении войск, понеже и у нас уже трава показалась и погода весенняя и красная.— Прощай, мой друг, будь здоров и весел; по полученным из Цареграда известиям, то капитан-паша¹⁶⁹ выжидает только первую неудачу турок, чтоб сильно домогаться о мире, и повсюду разнесся (слух), что под осень заключен будет. Дай Боже, я сие от сердца желаю, и чтоб ты сюда возвратился и я б не была бы без рук, как ныне.

Как возьмешь, с Божьею помощью, Очаков, тем и кончится; а Булгакова я считаю теперь уже в Ливорно, понеже хотели его отпустить к половине марта морем*.

Царское Село.— Мая 1-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Сожалею, что ты простудился и от того почти оглох; прошу вспомнить, что твое здоровье мне нужно, и мои увещания, чтоб иметь о себе всякое попечение. Я вчерашний день из города сюда переселилась, понеже день был теплый, а к вечеру у нас слышен был издали гром. Сегодня год, как я была в Кременчуге.

---

* Яков Иванович Булгаков — чрезвычайный посланник в Константинополе с 1781 г.; заключен в Семибашенный замок, по повелению султана, пред началом войны с Россиею, где и просидел 27 месяцев. Л.

Пауль Жонес приехал сюда и дня через два или три поедет к вам; он ищет переводчика, которого дать ему приказала; он охотою к нашей службе пылает; он мне говорил, что для нашего флота полезно бы было иметь Синоп, либо гавань на той стороне, ради случиться могущих бурь; я на сие ничего не отвечала, чтоб тебе ничем руки не связать, а ты расположишь к лучшему. Теперь ожидать буду от тебя писем и известий о предприемлемых действиях и в чем вы с фельдмаршалом Румянцевым условитесь. Александра Матвеевича (Мамонова) я сделала шефом Казанского кирасирского полка и полковникам размениться приказано. О Браницком к тебе рескрипт подписан. Прощай, мой друг, будь здоров.

*(Без числа, но полагать должно — мая 2-го ч.).—
Из Царского Села*

В ответ, мой друг, на твое письмецо тебе скажу, что приезду твоему обрадуюсь; но хотя и знаю, что отъезд твой необходимо нужен, однако об оном и думать иначе не могу, как с прискорбием. Я вчера сюда приехала и с большим удовольствием глотала загородный воздух.

Царское Село.— Мая 7-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Вручителю сего письма контр-адмиралу и кавалеру Пауль Жонесу я долженствую отдать справедливость, что он показывает великую охоту оказать свое усердие, служа под вашим предводительством или руководством, где за благо найдете его употребить. Письма ваши, от 28 апреля, я получила и на них вскоре отвечать буду, пребываю к вам доброжелательна и прошу быть здоровым. Екатерина.

Прочтя сие письмо, мне оно показалось очень чинно написано и для того заблагорассудила сказать, что я тебя, мой друг, очень люблю запросто.

Кн. Потемкин — Екатерине II

Елисаветград.— Мая 10-го ч.

Матушка, всемилостивейшая государыня, полки частью подходят к Бугу, а и прочие в движении. Я скоро туда отправлюсь, и что придет передовых войск, то переправлю от Крымских степей к Очакову и Бендерам. Из приложенных писем Витта и показаний взятых турок изволите усмотреть, в какой крайности Хотин: цесарской полковник Фабри¹⁷⁰ взял и с деньгами транспорт, идущий в Хотин. Пора нашим в той части, где жилье и продовольствие, и по самой границе разом оказаться, да и переходить. Не должно оставлять цесарцов, которые, уже не шутя, повели действия в Молдавии.— Матушка государыня, в той части еще наш ни пистолет не выстрелил.

Мой мичман Глези¹⁷¹ уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему Володимирской крест, для поощрения других. Также и Платову¹⁷², армии полковнику и старшине Донскому. Какое прекрасное войско из однодворцев,— далеко перещегооляли донских.

Лодок канонерских, речных и мореходных, построенных в Кременчуге, числом сто; половина пришла в Херсон, часть в пути, а последние с катерами на сих днях отправятся.— Мало у меня только пороку, также бомб и ядер для флотилии. Транспорты, подвижные магазейны все в Елисавет (град) пришли, оприч трехсот фур из Харькова; мосты на своих местах; лошадей не получил еще для полевой артиллерии, на которых год уже, как деньги отпущены, но они покупались в Петербурге и в Москве; однако ж я здесь велел других скупить. Кавказскому и Кубанскому корпусам приказал идти; в Крыму предписал защищаться, стараясь впустить неприятеля в землю и отрезать от судов. — Дай Боже помощь; но при том помяну мою прежнюю мысль, что, не имея тамо крепостей надежных, ни флоту еще сильного, гораздо бы лучше было его оставить, и, дав войти неприятелю,

его выгнать. — Войска же его тамошние, находясь за Перекопом, могли, по обстоятельствам, действовать и умножить наше пититное* число, а теперь они, кроме обороны, по которой привязаны к Севастополю, в Тавриде, как в кошеле, лежать должны.

Матушка, всемилостивейшая государыня. — Я и пойду и буду действовать со всею ревностью, несмотря на новость моей пехоты, которая почти вся из рекрут; я везде собою показывать стану пример, с охотою принесу на жертву жизнь мою вам, моей матери, государству и, можно сказать, христианству, надеясь несомненно, что Бог мне поможет. Я везде сделал всевозможные распоряжения противу неприятельских покушений, но как успехи военные перемене подвержены, то если бы, за всеми моими стараниями, где-либо неприятель получил выигрыш, не причтите, всемилостивейшая государыня, мне в вину. Бог видит, сколько я распален желанием принести вам славу.

В Польше в большой фермантии, а особливо молодежи, а не меньше всех их г. Браницкий; матушка, прикажи поспешить, ибо их другой наклонить может. Пользуйтесь их расположением к нам. Ко мне приехал Пулавской, храбрый человек, известный на Волыни; он против Пугачева дрался, спрашивает только, чтобы мундир надеть и сюда явиться, а люди у него готовы; он хочет быть везде с Браницким...

(Конца письма в сборнике нет).

Императрица — кн. Потемкину

Царское Село. — Мая 11-го ч.

Любезный друг, князь Григорий Александрович. вчерашний день великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно, она — Екатерина; мать и дочь здоровы теперь, а вчера материна жизнь

* Малое.

была два часа с половиною на весьма тонкой нитке; видя крайность, я решилась приказать Ассофеиру* спасти ей жизнь, за что теперь мне и муж, и жена много благодарят.

Твои письма от 28 апреля я получила; из коротенького вижу, что ты летал повсюду, на сухом пути и на воде, и распорядил все нужное; курьера, обещанного из Елисавета,— буду ждать нетерпеливо. Брюс не хочет ехать, говорит, что ты в 1783 г., когда он просился в армию, ему от меня сказал, что он здесь оставляется ради командования против шведов; а что он говорил о том с Безбородкою, которому я приказала с ним о сей поездке говорить, то пускай сам к тебе напишет.

Прощай, мой друг любезный, я здорова. Пауль Жонес к тебе поскакал. Будь здоров и дай Боже тебе всякое счастье и благополучие.

У нас так холодно, что я, пишучи, почти замерзла.

Князь Потемкин — Екатерине II

Елисавет.— Мая 19-го ч.

Матушка, всемилостивейшая государыня! Я получил (известие) о разрешении ее императорского высочества и на другой день праздновал. В тот же день было освящение знамен казацкого прекрасного войска, что вы позволили составить из однодворцев Екатеринославских.

Греки крейсирующие весьма храбро и охотно поступают; хорошо, коли бы наши морские подобились им, но их погубила наука, которую они больше употребляют на отговорки, нежели на действия. Я произвел мичманами тех, кои сражались в близости флота неприятельского. По-видимому, турки смотрят, куда мы обратим свои силы, дабы туда же и им собраться. Войска почти все к Бугу пришли, выключая каза-

* Акушеру.

ков, которых Днепр удерживает. Подлежащее к осаде приходит в готовность; я был бы уже на Буге, но присутствие мое здесь нужно, для побуждения задних, дабы скорее шли. Переход за Буг будет в двух местах: 1) мост понтонной ниже Ольвиополя в двух верстах, где, с частью пехоты, переправятся почти все легкие войска и передовая конница, которую я составил из полков легкоконных Ольвиопольского и Воронежского. Сии состоят из чужестранцев, которые хотели все взять абшиды, но я их уговорил служить, согласясь на их просьбу — быть по-гусарски одетым, что и легко было сделать, переменя токмо одни камзолы, коих минул срок, на дулеманы. И тут была мне пакость: рассказали им, что из малороссийских полков брали карабинер в гренадеры, то и с ними будто то же будет, а они все почти из служивших в других армиях гусаров, то и не желали от страха остаться, разве бы сделать их гусарами. Сии два полка и полк волонтеров гусарской, да корпус казаков Екатеринославских регулярной, назвал я передовою конницею и впредь поднесу доклад, как сему корпусу быть в военное и мирное время. Как первая часть, перейдя Буг, достигнет тою стороною до места, противу Александровки лежащего, тогда наведется тут другой мост и перейдет все остальное. Соединя тут войска, пойду вперед до Аджичиола, где присоединятся ко мне, переправяся судами из Херсона, 6 батальонов пехоты и осадная артиллерия — переправляться будут у Русской косы на устье Буга. В то же время все суда подступят к Очакову и Александр Васильевич (Суворов) своими войсками наступать будет с моря, а я с сухого пути, да благословит Бог.

Матушка государыня, я слышу, будто император вам и, через посла, вице-канцлеру жаловался на недействие армий. С какой стати меня они тут припутывают. Войска, мне вверенные, большею частью хранить должны границы, наступательное же у меня на один пункт, то есть на Очаков, которое не может

им служить диверсиею и для чего я должен путем собратся и взять все меры, чтобы не плакаться так, как они с Дубицею, местом почти без укрепления. По нечаянной войне, мне было нужно сделать в 4 месяца то, чтобы должно было в два года произвести. Пускай другой мог бы возыметь кураж чинить совсем разбитой погодою флот, настроить гребных судов, могущих ходить в море такое множество, и сформировать совсем вновь шестнадцать батальонов пехоты, до десяти тысяч совсем новой конницы, составить большой магазин подвижной, снабдить артиллерию ужасным числом волов, изворачиваться в пропитании — и все это в 4 месяца, охраняя границы ваши, на которых, благодаря Бога, все сохранено, на степях, без достаточных квартир, а паче на Кинбурнской стороне, где с лишком на десять тысяч людей в три недели было должно построить жилища.

Им в содействие по своему положению следует единственно от армии Украинской, которая всюду могла обращаться, имея везде выгодные селения. Я весьма доволен Неранчиком: он, в короткое время, вывел уже тысячу гусар на службу*. Скоро и другая довербуется, и очень хорошо вооружена. Я признаюсь, что в нем много способностей, матушка всемилоостивейшая государыня, вы увидите, с какою я охотою пойду.

Р. S. У нас Александра Васильевна** отошла было на тот свет, но вдруг и неожиданно Бог помог.

Императрица — кн. Потемкину

Мая 27-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Вчерашний день, когда я сбиралась ответствовать обстоятельно на твое письмо от 10-го сего меся-

---

* Давид Гаврилович Неранчич, сводный брат Зорича, в 1789 г. генерал-майор, фл.-адъютант. Л.

** Графиня Браницкая, рожд. Энгельгардт, племянница кн. Потемкина.

ца, тогда приехал Рибопьер¹⁷³ с его отправлением от 19 мая. Исправное и подробное твое описание состояния дел и действий, также отправление ко мне курьеров чаще прежнего служит к моему удовольствию и спокойствию душевному. Я вижу из твоих писем вообще разумные твои распоряжения, что все уже в движении и что во всех случаях и везде соответствует, в полной мере, моей к тебе доверенности и моему выбору; продолжай, мой друг, как начал; я надеюсь, что Бог благословит твою ревность и усердие ко мне и к общему делу и увенчает твои предприятия успехами, а во мне, будь уверен, имеешь верного друга. От фельдмаршала Румянцева давным-давно я писем не имею и не ведаю, что он делает, а только о сем знаю через письма его, которые ты ко мне присылаешь; ужо скажет, я чаю, что смерть матери его¹⁷⁴ погрузила в такую печаль, что писать не мог*.

Мичману Глезие и полковнику Платову Владимирские кресты даны в крестины великой княжны Екатерины. Мне Рибопьер сказал, что ты Пауль Жонеса весьма ласково принял, чему я тем паче радуюсь, что он несколько опасался, что он тебе не понравится, но я его уверяла, что с усердием и ревностью тебе весьма легко угодить можно и что ты его приезд ожидаешь нетерпеливо, с чем и поехал. Вслед за ним, для подкрепления его в добрых расположениях, я к нему послала оригинальное письмо Симолина**, тогда полученное, в котором прописано было, как ты домогался Пауль Жонеса достать, что служить могло ему доказательством, как ты к нему расположен и о нем думаешь.

На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу: об нем идет война, и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь, и все труды и заведения пропадут, и паки восстаноятся набеги татарские на внутренние провинции, и Кавказский корпус от

* Графиня Марья Андреевна Румянцева, рожденная гр. Матвеева, скончалась 4 мая 1788 г., на 96-м году от рождения.

** Иван Матвеевич Симолин, полномочный министр в Париже. Л.

тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упражняемы будем и не будем знать, куда девать военные суда, кои ни в Днепре, ни в Азовском море не будут иметь убежища. Ради Бога, не пущайся на сии мысли, коих мне понять трудно и мне кажутся неудобны, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод и польз. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с одного, чтоб держаться за хвост. Впрочем, будь благонадежен, что мысли и действия твои, основанные на усердии, ревности и любви ко мне и к государству, каков (бы) успех ни был, тебе всеконечно в вину не причту.

В Польшу давно курьер послан, и с проектом трактата, и думаю, что сие дело уже в полном действии; универсал о созыве сейма уже в получении здесь. Граф Чернышев сюда возвратился.

Из письма твоего от 19 мая вижу, что ты получил мое извещение о рождении моей внучки Екатерины; при сем случае родители ее оказались, против прежнего, ко мне гораздо ласковее, также почитают, некоторым образом, что я матери спасла живот, ибо жизнь ее была два часа с половиной в немалой опасности от единого ласкательства и трусости окружающих ее врачей, и, видя сие, ко времени и кстати удалось мне дать доброй совет, чем дело благополучно кончилось, и теперь она здорова, а он собирается к вам в армию, на что я согласилась, и думает отселе выехать двадцатого июня, то есть после шести недель через день, буде шведские дела его не задержат; буде полоумный король шведский начнет войну с нами, то великий князь останется здесь, и я графа Пушкина назначу командиром армии против шведов, а Брюс бесись, как хочет: как мне дураку, который неудачу имел, где был, вверить такую важную в теперешнее время часть*.

---

* Мусин-Пушкин, гр. Валентин Платонович, ген.-аншеф, ген.-адъют., вице-президент Военной коллегии.— Брюс, гр. Яков Александрович, ген.-адъют., сенатор. Л.

Шведские дела теперь в самом кризисе; что по оным делается и делалось — усмотришь из сообщаемых тебе с сим курьером бумаг. Вооружения наши для Средиземного моря, о которых всем дворам сообщено, и следовательно, и шведскому, король шведской притворяется будто принимает, что то все против него, и в Карлскроне делает заподлинно великое вооружение; команду сего флота дал своему брату, поехал теперь в Карлскрону выводить корабли на рейд, а пред тем собрал сенат и оному объявил, что как Россия против него вооружается и его всячески к войне провоцирует* (к сему прибавил лжей и клевет на нас и на своего министра Нолькена), то он должен готовиться к войне же — все сенаторы хвалили его бдение. Выехавши из сената, приказал галеры вооружить и его гвардии, и еще шести полкам готовиться к переправе в Финляндию, куда, возвратясь из Карлскроны, сам отправиться намерение имеет; подозревают, что Порта ему дала денег на сие вооружение. Пока король сии распоряжения делал, его министр призвал датского министра и ему говорил, что, видя российское вооружение, он должен вооружиться и что надеется на их дружбу, что ему сие не почтут в недружбу. С сими вестями курьер приехал от Разумовского**. К сему разговору Оксенстиерны¹⁷⁵ с датским министром, и от сего последнего сюда сообщенного, теперь возьмем повод к объяснению: вице-канцлер скажет Нолькену, а Разумовский в Стокгольме Оксенстиерне, как ты увидишь из бумаг, и может быть, что дело кончится тем, что король, приехавши в Финляндию, со мною обошлется, как обыкновенно, комплиментом и своею демонстрациею будет доволен; но буде вздумает воевать, то стараться будем обороняться, а что с кого-нибудь получил деньги — о том сомнения нет. Средиземную эскадру теперь выводят

---

* Вызывает.

** Гр. Андрей Кириллович Разумовский, полномочный министр в 1786—1788 гг. в Стокгольме. Л.

на рейд, такожде войска отчасти уже посажены на суда. Датские и английские транспортные к нам явились с тем только, чтоб имели наш флаг — сей им я дозволила и о том и спора нет. Посмотрим, будут ли шведы сему флоту препятствовать выйти из Балтики или нет и получили ли на то денег; все сие в скором времени откроется.

Что греки у тебя весьма храбро поступают — сему радуюсь, а что наших наука погубила, быть легко может. Турки кажутся в немалом замешательстве; странно, что чужестранные у тебя захотели лучше гусарской наряд, нежели иной, а с сим нарядом пошли в передовую конницу. Александр Васильевич Суворов сделает, как я вижу, контрвизит Очакову. Бог да поможет вам. Кто, мой друг, тебе сказывал, будто император мне и, через своего посла, вице-канцлеру жаловался на несодействие твоей армии, тот совершенно солгал: о сем ни единого слова ни я, ни вице-канцлер ни в какое время не слышали ни прямо, ни стороною. Впрочем, кому известно столько, как мне самой, с открытия войны сколько ты трудов имел: флот чинил и строил, формировал вновь пехоту и конницу, собрал в голодное время магазины, снабдил артиллерию волами и лошадьми, охранял границу, так что во всю зиму ни кота не пропускал (NB. Сему еще примеру не было и сему же я много крат подивилась) и Кинбурн предохранил. Естьли для Неранчича желаешь иметь крест Владимирский, которого класса, то дай мне о сем знать. О болезни Александры Васильевны* много сожалею; присланные от нее ко мне деревья принялись, но выдержат ли зиму — не ведаю, садовники говорят, будто нет.

Усердие к России при тебе находящихся поляков мне весьма приятно. Друг мой, я бы рада была тебе позволить набрать войско, но не знаю, станет ли у меня на прибавку войск денег. Копию с письма гр. Пе-

* Браницкой, племянницы Потемкина.

тра Александровича* я у себя оставила; что за письма Зертис-Еффендия, кои пропали? Известия же гр. Салтыкова о намерении поляков почитаю за ложь. Прощай, мой друг, Бог с тобою, желаю тебе здравия, счастья и благополучия.

Александру Матвеевичу (Мамонову) от цесаря прислано графское достоинство . . . . .

. . . . .
ты его любишь как сына и так не сомневаюсь, что ты в сем возьмешь приятное участие.

Пришли ко мне скорее свой план о формировании казацких войск из ямщиков и мещан, такожде старшины казацкого.

Бог видит, я не сомневалась, что будешь поступать как честь и добрая вера приписывает, а теперь еще больше надеюсь на твое доброе и беспорочное расположение.

Князь Потемкин — Екатерине II

Елисавет.— Мая 27-го ч.

Капитан-паша с огромным флотом прибыл к Очакову; отправил я Пауль Жонеса на Лиман и в Кинбурн для осмотра, но еще не могу дожждаться ответа: по причине большой бури на Лимане не мог он переехать. Я бы, матушка все милостивейшая государыня, был уже сам за Бугом, где войска теперь находятся, но нужно дожждаться из Херсона от Пауль Жонеса уведомлений. Флот неприятельский многочислен и силен людьми. Как они пришли, то стоящая на брантвахте наша дупель-шлюпка от Кинбурна лишь отвалила, то за ней более тридцати разных судов кинулись. Командир оной, капитан-лейтенант Сакен, не могши более уходить, полетел с судном на воздух. Столь мужественная решительность заслуживает воздаяние его оставшим. Здесь дело, матушка, идет

* Петр Александрович Румянцев.

не на шутку, нужно, чтобы армия (Украинская) действовала, а то все на один пункт обратится. Моя наступательная сила состоит в 22 батальонах пехоты; конницы достаточно, прочие все на карауле; я должен и флот беречь, и Кинбурнскую, так называемую, крепость. Простите, матушка, всемилостивейшая государыня, я во всю жизнь, и проч.

Императрица — кн. Потемкину

Июня 4-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Вчерашний день до моих рук дошло твое письмо от 2 (27 ?) мая, с известием о приезде турецкого флота в Очаков. Мужественный поступок капитан-лейтенанта Сакена заставляет о нем много жалеть; я отцу его намерена дать мызу без платежа аренды, а братьев его приказала отыскать, чтоб узнать, какие им можно будет оказать милости*. Ко мне пишет фельдмаршал Румянцев, что он к тебе поедет за Буг для свидания, чтоб с тобою согласиться о действиях согласных. Пока сила турецкая на вас обращена, король шведский, получа от турок деньги, вооружил военных кораблей до двенадцати и перевозит войска в Финляндию; все сии демонстрации идут, я думаю, на тот конец, чтоб флот, снаряжаемой в Средиземное море, тем остановить; но сей, несмотря на то, пойдет в свой путь, и буде ему сделают на дороге препятствие, то будет искать истребления препятствия. У нас же мысли разделены, вице-канцлер говорит: «не выходя отселе, бить шведской флот, хотя и задерет»; другие говорят: «как наш флот уйдет, тогда шведы задерут», а мне кажется, они не задерут, а останутся при демонстрациях. Осталось решить лишь единой вопрос, терпеть ли демонстрации? Если б ты был здесь, я б решилась в пять минут, что делать, переговора с тобою. Если б следовать моей склонности, я б фло-

* См. Записки Гарновского, «Рус. старина» 1876, т. XVI, с. 14.

ту Грейга да эскадре Чичагова¹⁷⁶ приказала разбить в прах демонстрацию; в сорок лет шведы паки не построили бы кораблей; но, сделав такое дело, будем иметь две войны, а не одну, а, может быть, потянет за собою и следствия непредвиденные; и для отдаления сего, как шведский министр в Стокгольме говорил датскому посланнику, что сей сюда сообщал, то и писано, чтоб дело довести до объяснения; а между тем пиши ко мне скорее свое мнение, оно мне нужно, чтоб я могла установить бродящие мои мысли,— дней же двенадцать розницы не сделают никакой,— только скорее скажи, что думаешь, и хотя бы и Грейг пошел в море, у нас будут двенадцать кораблей, кроме датских, а с Грейгом всего двадцать семь военных кораблей, кроме фрегатов; смотря на сие, руки чешутся, но не без оглядки, правду сказать. Разбитие шведской морской силы дало бы и туркам острастку, но, однако, не хочется и шведского короля оправдать, который расславляет, будто он вооружается, имея опасение, что мы готовимся на него напасть, и будто для того привели к его границам калмыков и татар, что сущая ложь, как сам знаешь. У нас препакостная холодная погода и пятые сутки буря, что деревья ломает.

Прощай, мой друг, хлопот нам обоим довольно; но Бог милостив, он знает, как выведет, дай Боже благополучно; будь здоров и счастлив.

Начать нам и потому никак не должно, что если он нас задерет, то от шведской нации не будет иметь, по их конституциям, никакой помощи; а буде мы задерем, то они дать должны, и так полагаю, чтоб ему дать свободное время дурить, денег истратить и хлеба съесть.

Князь Потемкин — Екатерине II

*Лагерь на Буге между Чигаклей
и Чортица.— Июня 8-го ч.*

Матушка, всемилостивейшая государыня, выехав из Елисаветы не очень здоров, от сильных жаров в

дороге захворал, через что пришел в слабость, да и не имев при себе до сего моей канцелярии, ни курьеров, замедлил несколько присылкою писем.

Теперь, слава Богу, мне гораздо лучше.

Неприятель день от дня усиливает флот свой под Очаковым, наипаче гребными судами, которые и поворотливее и многолюднее наших, много меня заботят; я иду к той стороне, преодолевая все трудности, которые, по причине многих переправ, немало меня удерживают, а если бы обходить все речки и рвы, то бы еще больше труда было и в воде недостаток последовал бы. Партии мои открывают (сообщение?) к самому почти Очакову, но неприятель столь осторожен, что от пушек не отделяется, одним словом, не те турки и черт их научил.

Граф Петр Александрович необходимо должен оказаться Бендерам, а без того все силы устремлены будут ко мне, и так уже довольно, притом, все, что ни лучшее, то здесь. Я повторяю, что флотилия их на Лимане сильна и тяготит меня много.

Неранчичу крест второго класса Владимирского пожаловать прошу, ибо он трудился много.

Журнал Ефендию Фериери.

Об отправлении старшин для формирования казаков из ямщиков и мещан я приказал оставить.

Получил я договор с императором о препятствии королю прусскому на Польшу устремляться. Сие и без того могло быть. Будьте уверены, что они откроют, и тем решат короля прусского на предприятие. Венский двор добивался сего не для чего иного, как для того, чтобы сцепить нас с прусским королем, а и без того хлопот много, нужно крайне помириться здесь, а то трудно будет ладить с другими, и почти против всех. Сие я говорю...* как верный ваш подданный.

---

* Слово, которое совершенно невозможно разобрать. Несколько похоже на так.

Что касается до Швеции, то на что наш министр церемонится? Я думаю не токмо письменно подать, но и напечатать можно, что вы не намерены с ними нарушать мир, а что готовляете к защитам свои границы, видя их ополчения.

Эскадра наша близко турецкой; ежели что будет, тотчас донесу.

Г. Александра Матвеевича* я уже предварительно поздравлял. Во всю жизнь и проч.

Р. S. Из Тавриды не имею известия, последнее было от 31 мая, и тогда еще было спокойно.

Император поставил себя в оборонительное положение — ничего не делает.

Июня 8-го ч.

Всемиловитейшая государыня. При отправлении сего курьера получил я, через бригадира Корсакова, с Лимана рапорт, что наш флот был атакован шестьюдесятью турецкими судами. Всевышний даровал нам победу: три больших судна их взорвали, все суда их прогнаны с большою конфузию под крепостные пушки; ветер нам был противный, так что суда наши буксированы были запорожцами. В самом сражении капитан-паша стрелял по своим, чтобы их остановить; но ничто не помогло. Адмирал Пауль Жонес, бригадир Алексиано и все генерально офицеры и рядовые поступали мужественно. С нашей стороны вся потеря состоит от разорванных чугунных собственных пушек. Но принц Нассау поступал как герой, и, по справедливости, сия победа ему принадлежит.

Естьли бы брандеры наши из Херсона успели, то бы, конечно, дело было решительное, ибо они (турки) все в беспорядке стеснились в кучу под Очаковом. Всемиловитейшая государыня, засим донесу подробно о сем происшествии; сражение продолжалось четыре часа.

* Димитриева-Мамонова. Л.

Из лагеря на Буге.— Июня 15-го ч.

Матушка, всемилостивейшая государыня, мысль ваша святая, чтобы шведов не задирать, а флот в Средиземное море отправить, ибо, задравши, нация отдаст королю и власть, и способы. Хорошо, если бы наверно можно было истребить флот их; но они, приметя первое наше движение, отойдут к портам укрепленным, и так дело начнем напрасно и удержим флот свой, который единственною диверсиею для морских сил турецких, ибо вы изволите знать, какое ужасное неравенство между нашими силами на Черном море. Лучше стоять на дефензиве и уверять гласнее двор шведской, чтобы народ узнал, сколь ваше расположение есть вечно с ними сохранять мир, что сие есть непреложное правило государства нашего; если бы дошло как-нибудь, что завелась у вас прямо с королем переписка, тут бы всему конец был; тогда бы в откровенности можно было ему сказать: пусть он от Порты возьмет сколько хочет, что для вас это еще выгодно, да лишь бы сидел смирно. В друзья бы (?) сими обстоятельствами нужно приобрести короля прусского, а без того ей (богу) много хлопот будет. Я крайне скорблю о постановленном условии с цесарем, пусть оно токмо на случай, который не существует, и что от него зависит не привести сего в действо; однако ж, по желанию австрийскому нас сцепить со всеми, дадутся другие стороны. Я бы думал нам самим открыть ему.

О, коли бы нашелся способ нам примириться здесь скорей, тогда бы путным образом и стремительно можно было проучить шведского короля, но сие долженствует остаться весьма тайно.

Я уже о сию пору был бы под Очаковом, но дожди сильные и необычайные отняли у меня способ переправиться в том месте, где была удобность. Буг, вылившись из берегов, сделался неприступен. Насилу нашли место, подавшись назад 35 верст. Какое затруднение было подымать мосты вверх, того описать

нельзя, однако ж все исправлено и завтра все будет за Бугом. Половина давно уже между Солонихи и Чичаклеи.

В числе остающегося флота в Балтике прикажите на фрегатах прибавить, укрепления ради, 18-фунтовых пушек: они сим сделаются линейными. Тоже умножить на кораблях и фрегатах гаубиц и единорогов: их чиненные заряды несравненно вреда больше сделают. 7 июня, в один миг три судна турецкие полетели, иные на воздух, иные в воду, и ежели бы капитан-паша постоял еще час, то бы много сгорело.

Матушка, всемилостивейшая государыня, все сие дело произведено от флотилии принца Нассау, и он неутомим и ревностен. Не оставьте его отличить, через сие повернете головы у всех французов, да и справедливость требует.

Пауль Жонес весьма нам будет полезен, через него сделано приобретение немалое для службы, он знающ и в сооружении судов, мною совершенно доволен, и я, конечно, ему подам все выгоды, но не могу скрыть от вас, сколько принятием его людей огорчилось: почти никто не хотел остаться. Англичане все хотели оставить службу; тоже и наши многие морские. Бригадир Алексиано, — командир был эскадры, которую я Пауль Жонесу поручил, — чуть было с ума не сошел от печали; он и с ним все греки хотели оставить службу. Что мне стоило хлопот это все устроить. Я послал дежурного бригадира, писал ко многим и ласками и угрозами насилу удержал.

Алексиано¹⁷⁷, человек добрый, но упрямый и прямой, так было озлился, что насилу уговорили. Сказал, что он сердит на меня, да и на вас тут же; это было поутру, а в вечер пришел и объявил, что остается для того, что неприятель враг нашего закона, и греки все остались по его примеру. — Что ж сделалось потом? — 7 июня во всех такое было рвение, что друг перед другом рвались, и как, по причине ветра противного, парусные суда не могли тронуться с места, а

в дело вошла только флотилия принца Нассау, то все, даже больные, приехали на шлюпках. Пауль Жонес на шлюпке у Нассау был вместо адъютанта, а Алексано вел запорожцев, которыми тянули суда на буксире, и все кричал, чтоб целили на капитан-пашу; он с такою был холодностью, что всех удивил; доверенность к нему чрезвычайная.— Помилуйте, матушка, сделайте с ним милость, произведите его; ей-ей, он достоин; жаль будет его потерять, даже сам Пауль Жонес о нем просит.

В рассуждении морских, нельзя ли прибавить у них одной степени, которой у них нет,— сделать капитана-лейтенанта секунд-майорского чина. Через сие прибавился бы способ в нынешнее время к одобрению.

Молодой граф Дамас храбр, усерден и трудолюбив; в короткое время выучился уже по-русски.

Простите, матушка всемилостивейшая государыня; но смерть и проч.

Императрица — кн. Потемкину

Июня 16-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Письма ваши от 8 июня, из лагеря на Буге между Чичаклеей и Чартала, вчерашний день я получила; сожалею весьма, что, выехавши из Елисаветы, от сильных жаров на дороге ты занемог и пришел в слабость и что сим и иными препятствиями остановилось отправление писем к нам; мы же жили две недели в ожидании посреди пресильных жаров, что духоты, признаться должно, не уменьшало; радуюсь, что тебе есть гораздо лучше. Неприятели, усиливая день от дня под Очаковом наипаче гребными судами флот свой (хотя оные поворотливее и многочисленнее наших), однако, заботя вас много спекулятивно, в самом деле, подали случай к преодолению всех трудностей, что усматриваю из письма вашего, писанного при самом

отправлении курьера, на которое ниже сего особенно ответственность буду.— Я надеюсь, что трудности в переходе за Буг вы равномерно преодолеее. Что турки осторожнее стали и от пушек не отходят, сие не столь приписывать, может статья, должно искусству, колико опасности. Петр Александрович ко мне пишет, что он на Буге с вами хотел съехаться. Имеете ли вы какие вести — где визирь или та часть турецкой армии, наряженная против нас? Неранчичу крест второго класса Владимирский посылаю.

По случаю Жернак-ефендия можно сказать, что гора мышь родила.

Здесь слухи о шведском вооружении и намерении шведского короля нам объявить войну ежедневно и ежечасно умножаются; он в Финляндию перевел и переводит полки; флот его уже из Карлскроны выехал и его самого ожидают в Финляндии на сих днях; графа Горда¹⁷⁸ он из Берлина выписал, чтоб командовать финляндской армиею против нас. Сему человеку мы спасли живот, ибо его покойная императрица Елисавета Петровна, имея пленником, не выдала шведам, кои хотели его казнить, как казнили Горна и Брага¹⁷⁹ в 1756 г. В договоре или министерством данном венскому двору подтвердительном обнадеживании о целости польских посессий иного ничего не включено, как то, что уже в трактатах включено было, что им и сказано было, но они неотступно просили и для этого, казалось, браниться было не за что.

Июня 18-го ч.

Датчане начали с шведами говорить тоном твердым; я весьма рада буду мириться, но сей мир ничем не пойдет поспешнее, как успехами вашими, наипаче ж взятием Очакова, которого, дай Боже, услышать скорее.

Июня 19-го ч.

Вчерашний день получено известие в шведском флоте, что он встретился с тремя стопушечными

кораблями нашими, кои пошли вперед к Зунду, и шведы требовали, чтоб контр-адмирал фон Дезин¹⁸⁰ им салютовал, на что послал в ответ сказать, что по трактату между Россиею и Свейскою короною, 1743 г., 17-й артикул, положено друг другу нигде не салютовать; но понеже герцог Зюдерманландский¹⁸¹, брат королевский и двоюродный брат императрицы, то он его поздравил и выстрелил из 13 пушек, а шведы ответствовали из 8 пушек, и потом наши пошли к Зунду, а их от Гогланда на восток.

Теперь приступлю к ответу на твои письма, писанные при самом отправлении курьера: наша публика здесь несказанно обрадована победою, в Лимане одержанною, с которою тебя от всего сердца поздравляю; на три дня позабыли говорить о шведском вооружении; я вести, от тебя о сем полученные, скорее разослала повсюду. Теперь ожидаю от тебя подробности и с радостью раздам награждения по сему случаю и по всякому такому, где польза и одобрение службы того требуют. Прости, мой друг любезный, будь здоров и благополучен, и да поможет и благословит тебя Господь Бог.

Князь Потемкин — Екатерине II

Лагерь на марше к Солонихе. — Июня 19-го ч.

Всемиловитейшая государыня. Всевышний даровал вашему императорскому величеству победу¹⁸²: капитан-паша гребною флотилиею разбит: шесть кораблей линейных сожжено, два отдаст, будучи на мели, но не знаю, можно ли будет снять, тридцать судов разбиты, кои спаслись под пушки своей крепости. Между кораблями истреблен капитан-пашинской и вице-адмиральной. В плен взято людей с три тысячи, побито не меньше, наш урон мал. Генерал Суворов много вреда сделал неприятелю батареями, на косе сделанными.

Принц Нассау неутомим ни в усердии, ни в трудах — все сие его дело. Бригадир Алексиано во всем споспешествовал. Капитан-паша прогнан со стыдом и укрывается в Варне. Флаг генерал-адмиральского корабля и вымпел в наших руках, которые с обстоятельною реляциею засим повергну освященным стопам вашего императорского величества, а теперь повергаю себя и командовавших, как и всех бывших в действии; войско усердием и храбростью заслуживает высочайшее благоволение.

Вашего императорского величества вернейший подданный.

Лагерь на марше к Солонихе (без числа).

Матушка родная, всемилостивейшая государыня, поздравляю с победой знаменитой: капитан-паша, хотевший нас поглотить, пришед со страшными силами, ушел с трудом. Бог видимо помогает. Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лучшее, а осталась дрянь, с которою он уходит в Варну. Матушка, будьте щедры к Нассау, сие дело его трудов и усердия, и к Алексиану, который его сотрудником...*

Воздайте всем трудившимся. Я, по Кинбурнскому делу, имел столь великую доверенность, что вы мне вверили несколько Егорьевских крестов, из которых я не сделал злоупотребления. Ежели я буду столь же счастлив и теперь, то пришлите, матушка, 16 крестов, в том числе 4 третьего класса. Ежели дожидаться подробной реляции, то сие протянется, а моряков наградим, то впоследствии произведем еще больше пользы.

Принцу Нассау за первое дело я просил о втором кресте, но за сие нужно щедро его наградить имением, и тем привязать навсегда. Сколько он сделал и сколько подвергался смерти**! Тоже и Алексиано.

* Три слова, которые разобрать невозможно.

** Принц Карл-Генрих Нассау-Зиген, вице-адмирал (1745—1805), служил во Франции, Испании и в 1788 г. принят в русскую службу. Л.

Как я счастлив, что сие припало к празднику, от которого мое все истекло благополучие. Я от радости вне себя, и мочи нет много хлопот: все должно понуждать. Сейчас еду к первому корпусу. О, естли бы Бог даровал повергнуть стопам вашим Очаков. Матушка родная, я по смерть вернейший и благодарнейший подданный.

Р. S. Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля.

Не сказывая никому, но флот Архипелажской теперь остановить совсем можно, а вместо того прислать в самой скорости тысячи две хороших матросов, еще и штурманов, с прочими нужными (нижними?) чинами, также и офицеров. Бог поможет — мы и отсюда управимся, а то в Архипелаге, ежели они не выдут, да теперь и не с чем, то флот тамо будет понапрасну. Прикажете на переменных обывательских подводах прислать.

Без числа

Матушка, всемилостивейшая государыня. Сколь велика милость Господня, того изъяснить довольно неможно, ибо если бы им удалось, то нечем бы держать их было. Тут были сбиты самые прыткие. Запорожцы показали великую услугу: естли бы не они, то бы не могло ни одно наше судно двинуться. Я, получа подробное донесение, отправлю и буду просить для одобрения о награждении. Целую ручки ваши.

Р. S. Все с такою охотою были, что и больные выехали. Бригадир Рибас, от меня посланной, много показал услуги и, будучи в горячке, был в передовом сражении; он согласил раздоры, которые возникли по причине приезда Пауль Жонеса: никто почти не хотел оставаться в службе.

Без числа

Вы, матушка, всемилостивейшая государыня, всегда щедры были в возданиях. Как наши поколотили

капитан-пашу при всех препятствиях от ветра противного и какое рвение было во всех, и чем мы дрались против сильного числа и людей столь знающих действовать гребными судами,— Богу слава!

Я представляю на апробацию:

Принцу Нассау второй класс егорьевской. Пауль Жонесу — анненскую, тоже и Мордвинову — за большие заботы и труды.

Алексиано, который здесь старший бригадир,— контр-адмиралом, чего он весьма достоин.

Командирам батарей и судов, бывших в сражении: подполковникам и капитан-лейтенантам — шпаги золотые, червонцев в двести каждую, с надписью: За мужество, оказанное в сражении 7-го июня на лимане Очаковском.

То же бригадиру Корсакову и графу Дамадеражер*.

Запорожского кошевого Сидора Белого — полковником.

Походного атамана подполковника и кавалера Исаева — полковником.

Прочим, коим я могу сделать произвождение, дадутся чины.

Рядовым и запорожцам — по рублю.

Бригадиру Рибасу третий класс Владимирского (ордена).

Императрица — кн. Потемкину

Июня 20-го ч.

Сего утра из Стокгольма приехал курьер с известием, что король швейцарский прислал к Разумовскому сказать, чтоб он выехал из Стокгольма, привязавшись к нему за то, что он в ноте, поданной для изъяснения о вооружении, написал: король и нация, выражение, которое во всех трактатах со всеми державами, од-

---

* Граф Рогер-Дамас — французский волонтер. Л.

нако, употребляется, и королю шведскому казалось оскорбительно, из чего видно, что лишь искал слабой случай.

Пушкин, которого я наряжаю командовать в Финляндию, говорит, что генерал-майоров у него мало; я ему говорила, чтоб с Москвы, хотя из отставных или не служащих, достал, а буде можно, пришлите сюда кого отделить можете; правду сказать, из Москвы скорее доедут. С графом Ангальтом мы почти в ссоре: *je ne sais quelle mouche le pique**, когда ехать пришло, тогда начал требовать чин и команду, и буде не уймется, то заверное расстанемся, ибо закона себе предписать я, конечно, никому не дозволю.

Теперь Грейг разделяется наперед со шведами, а там отправится.

Июня 24-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Вчерашний день я получила твои письма от 15 июня; радуюсь, что твои мысли сходятся с моими по шведским делам; Разумовского король выслал; видя сие, хотя три стопушечные корабля уже и пошли к Зунду, но флот Грейга, состоящий в двенадцати, и здешняя эскадра в пяти линейных кораблях, будут крейсировать пред Ревелем, дондеже решится опасение, что, надеюсь, не замедлится, а буде Бог тучу пронесет, либо в нашу пользу будет решительное, тогда конечно отправлю флот в Архипелаг, а между тем и Архангелгородская эскадра подойдет, и из тридцати кораблей будет что отправить; на сухом пути теперь собираем, и все идет со всех сторон, и стараемся недостаток или некомплект комплектовать. Графу Валентину Платоновичу** я дала команду в Финляндию, великий князь едет с ним, Николай Иванович Салтыков будет сидеть до возвращения президентом или

* Не знаю, какая муха его укусила.

** Мусину-Пушкину.

вице-президентом в военной коллегии; Брюс и он, я написала, при мне остаются.

Когда Нолькену¹⁸³ сказали, чтоб ехал, тогда спросил: его миссия останется ли? Я велела отвечать, что смотря на то, что с миссиею нашею будет в Стокгольме; потом просил конвой; сей не дан будет, дабы не сказали, что выслан под караулом; он же едет через Финляндию. Везде запрещен первый выстрел и велено только поступать оборонительно. Мне нельзя переписаться теперь самой с королем; он же и в ноте Разумовского привязался не к делу, но слова лихо и развратно толковал; из Берлина есть известие, будто король прусской хочет вступить в медиацию между нами и шведами; я от сего не прочь, лишь бы кондиции были непостыдные, а сохранить мир настоящий либо на разоружении, что противу шведов мы согласиться можем, лишь бы с обеих сторон равное было. Для меня, конечно, выгодно, что денег взял у турок, ибо у них меньше будет.

Дай Боже вам способы примириться скорее. Простой народ у нас короля шведского хочет бить кнутами, и на него ужасно сердиты.

Слава Богу, что ты преодолел все препятствия; каковы сильны у вас дожди в начале июня, таковы у нас были две недели.

Июня 25-го ч.

Сегодня мы пели молебен за дарованную от Бога нам победу 7 июня; вышедши с молебна, великий князь свой кирасирский полк вел здесь мимо, а как сей прошел через двор, я получила весть от нейшлотского исправника, что шведы подослали потихоньку к заставе солдат, увезли к себе таможенного надзирателя и осмотрщиков; я приказала, чтоб исправник и губернатор¹⁸⁴ свою должность наблюдали, у себя ловили воров, а на шведских жаловались где надлежит. Из Дании есть известие, что они шведам сказали, что

они обязаны нам дать помощь и дадут; естли король прусский предложит медиацию, то прииму.

Храброе дело на лимане Очаковском меня и всех много обрадовало, я награждения с сим же курьером посылаю, к герою князю Нассау-Зигену, к Пауль Жонесу, к Алексиано, к Мордвинову и ко всем от тебя представленным, а тебе скажу, что ты мой друг любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и надеюсь от тебя видеть величайшие услуги, будь лишь здоров и благополучен. Что морские все сбесились от Пауль Жонеса, о том жалею; дай Боже, чтоб перестали беситься— он нам нужен. Я приказала к тебе послать несколько крестов Егорьевских и Владимирских в запас, кого рассудишь за благо отличить. Алексиано сделан контр-адмиралом по твоему представлению; а как у тебя их теперь четыре, то если неравно нужно их ввести под одну шапку, так тебе подписала я особой рескрипт. Что буде нужно будет и усмотришь надобность, то тем самым дозволяю князю Нассау употребить и поднять мой вице-адмиральской флаг, он же испанской генерал-поручик. О капитан-лейтенантских чинах посмотрим. Для Рожер де Дамаса шпага пришлется. Прости, мой друг крайний, Бог с тобою, я ни единую минуту праздную или без забот теперь не имею, однако я здорова...

Еще прибавить тебе за нужное нахожу, что я гр. Ангальтом недовольна; когда пришло его нарядить в Финляндию, тогда начал требовать главной команды и генерала полного чин; я велела сказать, что тут будет случай оный чин заслужить; он отвечивал, что шпагу не вынет без того чина, и так он не вписан в репортиции; у нас 23 человека военнослужащих его старее, да и по его старшинству в саксонской и прусской службе наши много старее. Он говорил: «*qu'il ira planter des choux*» et j'ai rpondu: *bon voyage**. Мне казалось, что я и так для него много делала, а ему бы

* Что он поедет садить капусту, на что я ответила: счастливый путь.

заслуживать,— и так, его поступок в такое нужное время мне весьма, весьма не нравился — оно глупо и неуместно. Я же его нашла, в разные случаи, нечто торопливым и не так, как люблю людей видеть.

Поправка в «Русской старине» 1876 г., т. XVI, с. 210 напечатано «Анна Никитична Протасова...» читай «Анна Никитична Нарышкина...»

Июня 26-го ч.

Друг мой любезный*. Сего утра я получила через графа Апраксина твои письма, коими меня уведомляешь, что Всевышний даровал нам победу, что флот капитана-паши гребною флотилиею разбит; шесть кораблей линейных сожжены; два посажены на мель, а тридцать судов разбитых спаслись под своею крепостью; что капитан-пашинской и вице-адмиральские корабли истреблены и более трех тысяч в плен нам попали и что батареи генерала Суворова много вреда сделали неприятелю; сему я весьма обрадовалась, великая милость Божия, что дозволил чудесно гребными судами победить военные корабли. Ты получишь рескрипт, в котором написаны награждения. Нассау даю три тысячи душ, Алексиано шестьсот и кресты посланы. Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попечения и да поможет тебе сам Бог; с нетерпением будем ждать подробности всего сего и прошу всем сказать от меня величайшее спасибо.

Отселе получишь не забавные вести: шведы атаковали Нейшлот,— в котором две роты егерей,— и война не объявлена. *Cela s'appelle agir en forban***. Мы со всех сторон войска собираем; на другой день праздников поеду в город и тамо буду жить, чтоб людей ободрить, хотя и дух не упал, однако все войска идут.

* См. «Русскую старину», изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58: 239—262; 441—478.

** Это называется действовать по-разбойничьи.

Rira bien qui rira le dernier; la justice, la raison et la vérité sont de notre côté*.

Сейчас подписала к Грейгу приказание шведский флот искать и стараться его атаковать и разбить, если Бог поможет. Я б желала, друг мой, чтоб тебе дать могла отселе скорее добрые вести, я знаю, что ты ими бы был обрадован, как сама я. А с вашей победою вас от всего сердца поздравляю. Даруй тебе Боже Очаков взять без потери всякой и будь здоров. Отселе теперь и думать нельзя, чтоб единого матроса тронуть; нельзя ли тебе пленных греков употребить, а, как здесь пооглядимся, тогда, что можно будет, то пришем, но на сей стороне все в дело употреблено. Прощай, мой друг; Бог да поможет нам.

С.-Петербург.— Июля 3-го ч.

Друг мой сердечный и любезный, князь Григорий Александрович. Во ожидании твоего курьера с подробным известием об одержанной победе на лимане Очаковском 17 (7) июня, я к тебе отправляю сего курьера, чтоб тебя уведомить о здешних неприятных происшествиях; по двухдневной стрельбе на Нейшлот, шведы пошли грабить Нейшлотский уезд; я у тебя спрашиваю, что тут грабить можно? Потом шведской секретарь требовал у вице-канцлера час и, пришед к нему, подал ноту, подписанную им по королевскому повелению, в которой, по многим оскорбительным мне самой и государству речам, его величество предлагает мне мирные кондиции; копия сей сумасшедшей ноты к тебе послана будет с сим же курьером; в ответ я приказала выслать подателя оной. Сказывают, шведы и финны равно недовольны королевским поведением против нас: он сказывал и уверял всех, что идет действовать оборонительно, а вместо того начал наступательно; сегодня пришла весть, что он от

* Хорошо смеется тот, кто смеется последним; правда, верность и истина на стороне нашей.

Аберфорса вошел в Финляндию 15 верст (и) идет к Фридрихсгаму.

Полки наши, сколько можно было, пошли; Пушкин поехал, а Михельсон давно там и взял позицию от Вильманстранда к Выборгу. Фридрихсгам может держаться несколько недель, как сказывают. Грейг с флотом, чаю, сегодня или завтра, съедется; дай Боже удачу, о сем прошу Всесильного Бога, которой ни в каком случае меня и государство не оставлял.

Король шведский себе сковал латы, кирасу, брасары* и квиссары** и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Стокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петергофе, а садясь на галеры, сказал, *qu'il s'embarque dans un pas scabreux****. Своим войскам в Финляндии и шведам велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачить Густава Адольфа¹⁸⁵ и окончить предприятия Карла XII¹⁸⁶. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции; также уверял он шведов, что он меня принудит сложить корону.

Сего вероломного государя поступки похожи на сумасшествие; с сим курьером получишь манифест мой объявления войны; оскорбления наши многочисленны; мы отроду не слыхали жалобы от него, и теперь не ведаю, за что разозлился; теперь Бог будет между нами судьей; буде нам Бог поможет, то его намерение есть уехать в Рим, принять римской закон и жить, как жила королева Христина.

Здесь жары преужасные и духота, я переехала жить в город; у нас в народе великая злоба против шведского короля сделалась и нет рода брани, которою его не бранили большие и малые; солдаты идут с жадностью, говорят: вероломца за усы приведем; другие говорят, что войну окончат в три недели, просят идти без отдыха, чтоб скорее дойти до шведов;

* Наручники.

** Наножники — вернее, наляжники.

*** Делает сомнительный шаг, т. е. начинает сомнительное предприятие.

одним словом, диспозиция духа — у нас и в его войске — в мою пользу. Трудно сие время для меня, это правда, но что делать — надеюсь в короткое время получить великое умножение, понеже отовсюду ведут людей и вещей. Прощай, мой любезный, что делает Очаковская осада? Будь здоров и благополучен.

При сем следует манифест и копия с сумасшедшей ноты*.

Июля 10-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Думали мы в начале весны вести получать от вас; потом платили мы вам отселе, за ваши хорошие вести,— дурными; но сего дня получите добрую новизну. Вчерашний день Грейг прислал ко мне своего адъютанта с известием, что он, 6 июля, имел сражение со шведским флотом, которое продолжалось от 5 часов вечера до 11 часов; развела их ночь. Вице-адмиральской корабль и на нем вице-адмирал шведской взят «Ростиславом» и шведской флот побежал от наших к Свеаборгу в ночную темноту; наш флот потерял корабль «Владислав», которой попался между четырех неприятельских, и, по сильной обороне, ими взят. Сие дело, хотя по себе не решительно, но следствия для шведов может иметь худые, буде Бог нам поможет; слух уже есть, будто за Кюмень убираются, но еще не верно.

Три батальона пехотной гвардии и три эскадрона конной пошли сию ночь за реку к Красной мызе и тут станут в лагере, под командою премьер-майора Татищева; люди все идут с радостью, и король шведской и шведы столь ненавидимы, как бессовестное его коварство и вероломство того достойно. Представь себе, что он, чтоб обмануть свой сенат, составил письма от Нолькена и от меня, кои Нолькен не писал, а я еще меньше, и нет лжи, которую он бы обо мне не рассе-

* Ни того, ни другого в делах нет. Л.

ивал; да сверх того он сам себе противоречит во многом; при прошедшем сейме он говорил, что дивится упорности сейма, тогда когда тот сейм никакой державою не подкрепляем, и воистину я, со времени его самовластия, не истратила тамо ни единой копейки. Подобному вероломству и в истории примеру мало.

Я от великих жаров не очень здорова. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Кондиции* хороши¹⁸⁷, кои сюда прислал, я подозреваю, не с ума ли сошел.

С.-Петербург.— Июля 13-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 1 июля и от 6-го того же месяца я вчера и третьего дня получила через подполковников Боровского¹⁸⁸ и Глазова, коих обоих я пожаловала в полковники.

Июля 14-го ч.

Четыре сражения на Лимане — мы пели два молебна и Бога благодарили за великое его милосердие. Заботит теперь меня Войнович: дай Боже, чтоб он дело свое успешно исправлял. Здесь беспокойствие, кажется, будто вид к лучшему получили; морская баталия совершенно выиграна, шведской вице-адмирал с кораблем своим, закрывая брата королевского, взят в плен; я надеюсь, что шведские дурачества хвалы не найдут нигде. Наши начали щелкать посты шведские, и три уже опрокинуты, и пушку у них отняли, и человек сто шведов на месте осталось. Сказывают, будто финское войско не идет вперед, и много еще говорят, но время покажет — правду ли. Нессельрод¹⁸⁹ поедет скоро в Берлин. Двойкости фельдмаршала Румянцева непростительны; при первом удобном случае посоветую ему сидеть дома. Произвождение по твоим

* Шведского короля — условия о мире.

запискам я сегодня сделала. И число рот, и людей в оных уставлено по твоему проекту. О флоте и доныне говорим, что пойдет в Архипелаг. Пошли сам от себя в Химару, а послу говорено будет по твоему желанию о прокормлении и о прочем. Касательно гребной флотилии я произведения и награждения сделала по твоему представлению, а теперь думаю к Нассау послать шпагу с надписью богатую, а прочие шпаги и медали с надписями делают. К тебе же, моему другу, как строителю флота, приказала, сделав, послать большое золотое блюдо с надписью, и на нем шпагу богатую с лаврами и надписью: «Главномандующему Екатеринославскою сухопутной и морской победоносной силою». Теперь прошу тебя унимать свой храбрый дух и впредь не стать на батарею, где тебя и всех с тобою находящихся могли убить одной картечью. К чему бы это, разве еще у меня хлопот мало: уморя себя, уморишь и меня.— Сделай милость, впредь удержишься от подобной потехи. Каменской еще не приехал. Дай Боже тебе успех на Очаков и чтоб ты как возможно менее потерял людей. Что ты ослабел — о том от сердца жалею.

Прощай, мой друг, Бога прошу, чтоб подкрепил твои силы душевные и телесные и дал бы тебе победу и преодоление на сухом пути и на море. При сем посылаю к тебе, что взято на шведском корабле и со шведским вице-адмиралом гр. Вахтмейстером; он сам говорит, что еще три корабля спускали флаг, но нашим за дымом не видно было; если б вице-адмирал не закрыл брата королевского, то сей бы взят был.

О сделаньи из карабинерного драгунского полка или как лучше придумаешь,— к тебе особо писано будет.

Июля 17-го ч.

Вчерашний вечер, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, приехал Каменской с флагами

и знаменами и привез твои письма. Трофеи сегодня церемониею пошли в собор Петропавловской, и хотя у нас дух отнюдь не уныл, однако сие послужит к народному ободрению. Железо, которое требуешь в Херсон, к тебе доставлено будет. Обер-кригс-комиссару Львову и генерал-адъютанту Рокасовскому Владимирские кресты даны будут¹⁹⁰. Касательно Ранцова, хотя он и сущий разбойник и пойман был в зажигании города Лондона и ты ему верить ничего не можешь, однако отпустить его к тебе велю; я из смиренного дома Арнаутского майора ныне послала против шведа. Дай Боже, чтоб ты взял Очаков безо всякой потери людей, мне сие страшает, а наши северные дела теперь взяли оборот несколько поуспокоительнее, ибо король шведский, кроме дурачеств, мало что делает. Повсюду и даже английской штатский* министр признает, что королевское поведение есть *le comble de l'extravagance***. Его взятый вице-адмирал (Вахтмейстер) величайший вертопрах, а он у него из лучших людей. Король, высадя войска в Финляндии, потерял лучшее время, да и доныне ничего не делают, и где с нашими сходятся, тут везде бегают шведы. Нейшлот иногда атакован, а иногда нет. Пред Фридрихсгам привели две пушки: одну 18 и одну 24 ф. и из них издалека стреляли несколько раз и паки перестали. У нас теперь в Финляндии 20 батальонов пехоты, казаков 800, два полка кирасир; я думаю, что сроду в Финляндии столько не было. Усердие и охота народная против сего нового неприятеля велика; не могут дожидаться драки. Рекрут ведут и посылают отовсюду; мое одно село, Рыбачья слобода, прислало добровольных охотников 65, а всего их 1300 душ. Царское Село возит подвижной магазейн. Сия народная диспозиция кажется такова, как желать можно: войска роздыха не хотели. Тобольскому полку мужики давали по семисот лошадей на станции. Здешний

* Государственный.

** Верх безрассудства.

город дал 700 не очень хороших рекрут добровольною подпискою; как услышали сие на Москве, то пошли подписки и Петр Борисович¹⁹¹ (гр. Шереметев? 30 ноября 1788 г.) первый подписал 500 человек. Остров Эзель прислал — ты скажешь: куда конь с копытом, туда рак с клешней,— дворянство и жители, что сами вооружаются против шведов, в обороне и недопущении врага общего, а просят только двести ружей и несколько пороха. Двадцать каноньеры (канонерские лодки) Архаров строит, и они в августе готовы будут; одним словом, кажется паче после морской баталии, что аспекты наши гораздо обратились к лучшему, и надеюсь, что скажешь, что я довольно проворно поворотилась. Есть еще маленькая штучка, которую изготавляю на севере королю шведскому, о которой еще говорить не смею, но, быть может, что она действительнее будет многого иного.

Здесь жары так велики были, что на термометре на солнце было $39\frac{1}{2}$,— в Португалии более 44 не помнят; в сей духоте, в городе сидя, я терпела духоту еще по шведским делам. *Petersbourg a Pair dans ce moment d'une place d'armes et moi meme je suis comme au quartier general**; в день баталии морской 6 июля дух пороха здесь в городе слышен был, *ainsi mon Ami j'ai senti la poudre***. Вахтмейстер, шведский плененный вице-адмирал, сказывал нашим, что они флот наш пренебрегали и, побив его, хотели идти прямо на Кронштадт, оный сжечь и, между тем, армейской их флот должен был идти к Красной Горке и сюда к Галерной гавани, но сие несообразимо, ибо сей армейской флот у Гельзингера войска высадил шведские, а на финнов они не очень надежны. Несколько пикетов шведских Михельсон пощелкал, и они бегут верст по десяти, не останавливаясь.

* Петербург в эту минуту имеет вид укрепленного города, и я как в Главной квартире.

** Таким образом, мой друг, я нюхала порох.

Радуюсь, что Войнович с флотом Севастопольским здоров; я думаю, что капитан-паша боялся, чтоб не сделали вы какое предприятие позади его, и для того поехал назад. *Adieu mon cheir Ami, portés vous bien**; будь здоров, счастлив и благополучен; я теперь маленько поотдохнула, понеже кажется, что дела здешние берут оборот к лучшему, а с вашей стороны мы весьма спокойны. Спешу к тебе сие письмо отправить, понеже вижу из твоих писем, что беспокоишься, тогда как мы уже поспокойнее.

Июля 19-го ч.

Слушай, мой друг, князь Григорий Александрович, у меня к августу поспеют каноньеры, авось либо Бог даст, что на них и на галеры посадить, то есть военных людей поболее; всего бы нужнее был кто ни (на) есть притравленной; у вас егорьевских кавалеров без счета, нельзя ли вам кого ни (на) есть к нам уделить, кто бы завел дух в них. В последнем морском сражении с шведами капитаны четыре заслужили виселицу, хотя прочие и храбро поступали; первых теперь судят, но на галеры выбрать не из кого, разве с неба кто ко времени упадет.

К нам грянул, как снег на голову, гр. А. Гр. Орлов; Бог весть ради чего трудился, но признаться должно, что от него духота не умалилась, он же как козы рога**. Сегодня ветер с севера и так думаю, что Грейг пошел паки искать шведов. Дай Боже, чтоб он их крепко побил. Из Финляндии сегодняшние вести гласят, что Нейшлот не шведов боится, но шведы Нейшлота и что шведы делают повсюду несообразное, и наши думают, что сей новой неприятель едва ли искусен.

* Прощай, мой дорогой друг, будь здоров.

** О его пребывании в это время в Петербурге и об отношениях к нему двора см. в Записках Гарновского: «Рус. старина», 1876 г., т. XVI, с. 28, 30.

Сюда приехал посланник испанской Галвеси¹⁹², которой был в Берлине; он старичок добренький; он сказывал, между прочим, что при отъезде его оттуда тамо говорили публично, что он увидит здесь в близости сумасшедшие предприятия короля шведского.

Июля 28-го ч.

Твое письмо от 18 июля, друг мой, князь Григорий Александрович, я получила через флаг-капитана Сенявина¹⁹³, которого, буде рассудишь, что его производить должно другим не обидно, то объяви ему чин моим именем; а как ты о нем не упоминаешь, то я его и не произвела, оставляя сие на твое благоусмотрение.

Действие флота Севастопольского меня много обрадовало: почти невероятно, с какою малою силою Бог помогает бить сильные турецкие вооружения!

Скажи, чем мне обрадовать Войновича¹⁹⁴? Кресты третьего класса к тебе посланы, не уделишь ли ему один, либо шпагу? Помоги тебе сам Творец во взятии Очакова; паче всего старайся сберечь людей, лучше иметь терпенья поболее.

Касательно наших хлопот со шведами я тебе скажу, что 22-го числа они приходили на Фридрихсгам с нарочитою силою и окружили его от моря и сухого пути и упражнялись в деланье батарей до 24-го, а того числа ночью кинулись поспешно паки в суда и с противным ветром пошли в море, а на сухом пути побежали к Аберфорсу и были таковы. Наши не знали, чему приписать таковой побег, но фридрихсгамский исправник, вышед из шведского плена, да еще ленсман один, решили задачу, как из приложенной копии с рапорта Выборгского губернатора¹⁹⁵ усмотришь*; тут видна рука Божия, наказующая вероломство. Гусарской полк вербует, но казацких старшин, тобою обещанных, доньне еще здесь нет; прошу прислать,

* Копии этой в нашем сборнике не имеется. *Ред.*

для формирования из ямщиков казаков. Грейг паки поехал искать шведов, и, кажется, дела наши пошли нарочито. Король прусский объявил, что в дурацких поступках шведа участия брать не будет. Датчане готовятся к войне. Трехдечные корабли с Архангельской эскадрою возвратятся. Нессельрод немедленно поедет.

К фельдмаршалу Румянцеву я писать велела, что он ничего не делает. Я, конечно, надеюсь, что Бог нам поможет, и теперь гораздо спокойнее уже. Теперь, мой друг, ты просил меня о уведомлении почаще; суди теперь сам, какова я была, не имея от тебя недели по три уведомления, однако я к тебе пишу и писала почти всякую неделю. Бог с тобою, будь здоров, и благополучен, и счастлив, и весел, и доволен, и спокоен. Adieu mon Ami.

Июля 31-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Зная, что тебе нужны офицеры морские, отправляю к тебе обратно Сенявина, о котором я к тебе писала в предыдущем письме.

Дурости короля шведского не описаны, лжи и клеветы его бесконечны; ныне пришла весть из Дании, что он прислал сказать в Швецию, будто он у нас взял Нейшлот, что суцая ложь; он дважды приходил к Фридрихсгаму и столько же раз паки от него отошел, а после последнего раза Армфелд, его любимец, прислал письмо с трубачом к князю Лобанову, чтоб установить картель для размена пленных, в коем дает выразуметь, что через сие они хотят открыть договоры о мире, а на другой день тот же Армфелд писал, но без подписи, письмо к генерал-поручику Гицелю, где уже о мире говорит яснее; из чего заключаю, что если через месяц после поданной ноты шведским секретарем, в которой гордые и полубешенные кондиции вписаны были, на коих требовали да или нет, ныне начали брать иной тон, то знатно, что им или худо от голода или бунта, или приходят к ним

вести отовсюду неприятные, либо хотят удержать теми переговорами или слухом об оных датчан, чтоб не решились в нашу пользу; и как все предприятия его величества шведского основаны, по-видимому, на лжи, клевете и каверзах, то я решилась не спешить ответом, чтоб яснее видеть, что откроется по обстоятельствам. Все же переговоры твердые с вероломцем постановить трудно, а когда Финляндия откажется от его подданства да шведы соберут сейм, тогда можно будет фуфлыге-богатырю подстричь крылья, чтоб впредь летал пониже.

Я, мой друг, здорова и желаю то же и от тебя услышать; прощай, дай Боже тебе всякое, всякое, всякое благополучие и счастье.

Слух носится, будто Грейг еще шведской корабль 64-пушечный сжег и 600 пленных взял, но от него еще не имею о сем вести, а только ведаю, что он 29 июля был в виду Ревеля*.

По написании сего, прислан ко мне от финских войск депутат майор Егергорт¹⁹⁶ с мемориалом на шведском языке, что они участия не имеют в неправильно начатой королем войне противу народного права и их законов, и много еще от них словесных предложений. Мой ответ будет, по моим мыслям, в такой силе, что естли они изберут способы те, кои их могут сделать от шведов свободными, тогда обязуюсь их оставить в совершенном покое, а переведаюсь со шведами. Что далее будет — к тебе напишу. Датчане 15 июля признали казус федерис и немедленно хотели начать действие водою и сухим путем. Грейг заподлинно сжег корабль 64-пушечный. Шведский флот от него между камнями прячется; пленные сказывают, что в Свеаборге лишь на неделю провианта, а подвозимый — Грейг старается перенять и одно судно уже взял.

---

* Часто упоминаемый здесь адмирал Грейг — Самуил Карлович — род. 1736, — 15 окт. 1788 г., оплаканный Екатериной II, которая ценила его мужество и дарования. См.: «Дневник Храповицкого», изд. 1874 г., с. 175 и проч. *Ред.*

Кн. Потемкин — императрице*Августа 6-го ч.*

...27-го дня (июля)¹⁹⁷ показался неприятель к левому флангу армии в 50-ти конных, кои открывали путь пред своею пехотою, пробиравшеюся лощинами. Турки атаковали содержащих там пикет бугских казаков; генерал-аншеф Суворов, на левом фланге командовавший, подкрепил оных двумя батальонами grenadier. Тут произошло весьма кровопролитное сражение. Число турок умножилось до трех тысяч. Неудобность мест, наполненных рвами, способствовала неприятелю держаться, но при ударе в штыки был оный совершенно опрокинут и прогнан в ретраншементы. В сем сражении grenadier поступали с жаром и неустрашимостью, которым редко найти можно пример. Но при истреблении превосходного числа неприятелей, отчаянно дравшихся, состоит и наш урон в убитых трех подпоручиках: Глушкове, Толоконникове, Ловейне, в прапорщике Какурине, в 138 grenadier и 12 казаках. Ранены генерал-аншеф Суворов легко в шею, секунд-майор Минеев, 3 капитана, 2 подпоручика, grenadier 200, казаков 4.

Императрица — кн. Потемкину*Августа 14-го ч.*

Послушай, мой друг сердечный, князь Григорий Александрович, не беспокоит меня ныне шведская война, ибо финские войска бунтуют и не хотят идти на нас наступательно; да, кажется, что и шведы также не точную охоту оказывают исполнять произвольные хотения фуфлыги-богатыря; но беспокоит меня твоя ногтоеда, о которой ты меня извещаешь своим письмом от 6 августа, после трехнедельного молчания; мне кажется, что ты ранен, а оное скрываешь от меня. Синельников¹⁹⁸, конечно, был близок возле тебя, когда

он рану получил. Не тем ли ядром и тебя зацепило за пальцы? Я же вижу, что ваше теперешнее состояние под Очаковым весьма заботливо и труднее, нежели себе представляли, и так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война, в которой смеха достойные ныне происхождения и, по-видимому, кончится собранием сейма в Финляндии и Швеции, и тогда станем со штатами трактовать о мире, и естли сие скоро сделается, как почти нет сомнения, тогда станем флот наряжать в Средиземное море, может быть, еще сей осенью; дай Боже только, чтоб ты ныне, как и прежде, управляться мог с капитан-пашинским, паки пришедшим флотом; но, ради самого Бога, тебя прошу: при экипировке прикажи нашим кораблям войти в порт, пусть буря бьет турок, наши были бы целы. Весьма жаль, что Александр Васильевич Суворов столько потерял людей и что сам ранен.

Пожалуй, повадсья писать чаще, а то до мира не доживу: я ныне два дни лежала в постели *d'une colique bileuse**, и с довольным жаром; сегодня первой день как встала. Отпиши ко мне, что и чем мне наградить жену и детей Синельникова.

Прощай, друг мой любезный, будь здоров и счастлив, колико только возможно.

Августа 29-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович.

При отправлении к тебе двадцать одной шпаги, хотя от вас две недели ни строки не имею, но пишу к вам, чтоб вам сказать вести дурацкой нашей войны с фуфлыгою-богатырем. Из Гогфорского своего лагеря, в 25 верстах от Фридрихсгама, заведши туда войска на высокую гору между двух устьей реки Кюмени, оставил команду брату своему, принцу Карлу,

* От желчной колики.

сам ускакал в Луизу*, оттудова, иные говорят — в Або, другие — в Вазу, а третьи — в Стокгольм, хотя туда и не очень свободно ехать, понеже наши суда разъезжают у Гангута; а я думаю, что он где-нибудь сидит в Финляндии еще, ибо он распустил слух, что Грейг дозволил двум яхтам проехать в Стокгольм, что сущая есть ложь. Финны же, приглася шведские войска и самого принца Карла, прислали просить амнистии¹⁹⁹; на сие им сказано, чтоб вышли из наших границ наперед, прежде нежели от них принять можно предложение; между тем шведской флот заперт в Свеаборге, откуда носа показать не смеет. Датчане объявили 9 августа шведам войну и действовать намерены с сухого пути сорока тысячами, а в море — двенадцатью линейными кораблями, а фуфлыга все завез в Финляндию, а в Скании все без войск, внутри же Швеции роптание час от часу умножается; что с Разумовским случилось²⁰⁰, усмотришь из посланных к тебе бумаг.

Прощай, Бог с тобою, будь здоров и пиши, ради Бога, почаще, что у вас делается на море и на сухом пути.

Финны и шведы требуют сейма, однако фуфлыга кутит между ними, и на них не много положиться должно; Нейшлот освобожден и вся наша граница, исключая Гогфорса. С завтрашним праздником тебя поздравляю²⁰¹.

Грейг судно за судном берет с запасами для шведского флота, они же в запасах скудны.

Августа 31-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письмо твое от 22 августа я сегодня получила; жалею весьма, что ты столь много обеспокоен Очаковской осадой; терпением все преодолевается; лучше тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности либо

---

* Левизу.

потере многолюдной; какова крепка земля тамо, из того заключить уже можно, что волами пашут. Я нимало не сомневаюсь, что ты ничего не пропускаешь, что делать возможное. Жаль и последнего человека, которой теряется и при удачном отражении вылазки, но что делать, естли инако нельзя; неприятные два случая, кои случились с бомбардою, взорванною от собственного огня во время действия; второй, сгорение магазейна снарядов для флотилии в Кинбурне, я усмотрела с ужасом, и какой вред вящий еще случиться мог, естли б не десница Божия сохранила бочки с порохом, числом до тысячи штук, кои остались целы! Я из Риги имела известия в июле, что пушки из Англии, выключая малое число для Днепровского флота, все из Риги везут через Витебск к вам, и шведам не попало из сих транспортов ничего.

Шведской флот блокирован в Свеаборге донныне; армейской их флот одна наша эскадра, также у Гангута, стоя в шхерах, держит, и шведы, кроме Гогфорского поста, теперь из всей Финляндии вышли. Король же сам сидит, либо в Гельсингфорсе, либо где невесть в углу в Финляндии, и кутит между своими, кои его хотя и не слушают в том, чтоб наступательно действовать противу нас, но он им внушает разные прихоти и нелепости; я им велела сказать, что ничего слушать не могу, пока не выйдут сами, либо не выгнаны будут из Гогфорса; ваши мысли ко времени и кстати употребляю.

Что неприятель тянется, по словам гр. Румянцева, к тебе, сие мне весьма не мило слышать: он бы мог в том ему сделать препятствие; что цесарцы разбиты, о сем и мы слышали.

Старшины казацкие для набору казаков еще не бывали; здешние неохотно, казалось, хотели приняться за набор казаков; говорили, что они, казаки, везде готовы служить и что в том нужды нет, понеже их повсюду станет. Я думаю, что думают, когда здесь будут казаки, тогда донских менее уважать будем;

видя сие, я остановила сие дело, пока пришлешь старшин; а теперь формировать я велела гусарской полка да Эстляндской егерской корпус, понеже Лифляндской — в армии, а нам люди нужны, и они заменят полки, кои без того сюда бы повернуть надлежало; я ныне, как видишь, бойкой воин стала, ты надо мною смейся, буде хочешь, однако что добро — прошу одобрить, *parcequ'il faut encourager le mérite naissant**.

Прощай, мой друг любезный, будь здоров, благополучен и счастлив.

Отпиши, каков Кутузов²⁰² и как он ранен? И от меня прикажи наведываться.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. При сем к тебе посылаю письмо, полученное мною от императора вчерашний день, понеже любопытно**. Прощай, Бог с тобою, будь здоров и благополучен.

Сентября 18-го ч.

Любезный друг мой, князь Григорий Александрович. Чтобы ответствовать на ваши письма от 1 сентября доброю отселе вестью, я, со дня на день, ожидала из Финляндии уведомления, что шведы Гогфорс оставили, что, наконец, и сбылось, и теперь уже в нашей Финляндии ни единова шведа нет, а флот их блокирован нашим в Свеаборге. Великий князь сегодня оттуда возвратился; гвардия также уже назад идет и два кирасирских полка; шведы и финны у короля требовали сейма, сенат также; но он им всем отказал, уехал в Далекарлию, чтобы тамо мужиков взбунтовать и вести их в Стокгольм²⁰³, взять банк и объявить себя самодержавным, но и в том едва ли успеет, ибо слышно, что и те ему объявили, что они ни против своих, ни чужих держав драться не хотят; теперь, чаю, скоро сейм шведской и финской сам со-

* Потому что надобно ободрять рождающиеся достоинства.

** Письма нет в сборнике.

бою соберется, и когда о сем нам объявят и готовность к миру, тогда станем трактовать; между тем король шведской писал ко всем державам, прося их, чтоб его с нами помирили, но какой быть может мир тут, где всей Европы интересы замешаны будут? Он сие нарочно сделал, чтобы больше замешать дело, а заподлинно он мира не хочет, как все сказывают, а думает протянуть, авось либо что ни есть для него оборотится к лучшему.

Продолжение осады Очаковской усматриваю из ваших писем, также, что турки упорно сидят и не сдаются. Слава Богу, что Войнович высидел екинокцию в гавани.

Письма гр. Петра Александровича Румянцева всегда одинакие, то есть с двоеточием; напрасно он не имел с тобою свидания и не следовал твоему совету; я писала к нему, чтоб он сберег хотя от Бендер нашу границу. Жаль и весьма жаль Корсакова²⁰⁴. В Финляндии умер, также своею смертью, Семен Уваров. Ради Бога, рекомандуй хорошего полковника в мой любимый лейб-гренадерский полк. Гренадеры по нем плакали, как ребята.

Пошли, пожалуй, от меня наведываться, каков генерал-майор Кутузов? Я весьма жалею о его ране. Пожалуй, ради меня, будь здоров; божусь тебе, мои заботы ныне почти выше сил моих, наипаче июль месяц был таков, что я думала, что занемогу; теперь немного лучше.

Касательно рекрутского набора, думаю, что теперь очень трудно оный исправить по твоей записке. Сия операция есть из тех, кои во время мира предпринимать надлежит, а то людей, кои теперь нужны, не соберешь; вздумай сам, каково дворянам будет — всех наголо почитать в службе записанными, а теперь они наполнены усердием и бог весть что дать собирались.

Драгунской полк будем формировать; гусарской также; старшины казацкие приехали и вступят в дело; на гребных судах теперь до весны в притрав-

ленном нужды нет, и так, дай Винтеру (?) время выздороветь, я же писала, своей рукою, к Мальтийскому гроссмейстеру²⁰⁵, прося его самого, чтобы выбрал и прислал мордашек; посмотрим, что-то будет, а он мне всякие ласки казал.

Теперь привезли ко мне твои письма от 11 сентября; я весьма терпеливо смотрю на осаду Очаковскую и ведаю, что ты делаешь всевозможное.

Письма Мавроения и присланные к тебе и сюда от фельдмаршала Румянцева, кроме вранья, ничего не содержат; о Хотине еще ничего не знаю, хотя вчера от гр. Петра Александровича (Румянцева) имела письма.

Прошу тебя себя сберечь от ядер и картечи; я напишу Еропкину²⁰⁶, чтоб Вахтмейстера послал в Калугу.

Дай Боже тебе успеха над турецким флотом. Архангелогородская эскадра пришла в Копенгаген и думаю, что она с датчанами и с фон Дезиным пред Карлскроною находится. Прощай, мой друг.

Сентября 30-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. С днем ваших именин сим вас поздравляю и вам всякое благо от всего сердца желаю. Письма ваши от 11 и 19-го сего месяца я получила и на оные впредь ответствовать буду; отселе новейшее есть, что король шведской от королей английского, прусского, французского, датского и республики голландской просил примирения, говоря каждой стороне, что ей в руки ввергается; сам же поехал в Далекарлию мужиков вооружать против дворянства, которое просит сейма, в чем он им отказал; датчане с стороны Норвегии вошли в Швецию.

Прощай, Бог с тобою; посылаю к тебе красной камень, прошу дать знать о получении оногo, такожде получено ли у вас блюдо золотое и шпага с алмазами и с надписью?

Октября 10-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Генерал-майора Берхмана я приказала определить в мой полк, на место умершего Уварова. Ты, в письмах твоих, говоришь еще о вооружении фрегатов, а у нас снег выпал четвертый уже день, наравне с набережными перилами, да морозы пятиградусные, а как с семью градусами река мерзнет, то я уже послала повеление, чтоб флот вошел в порты.

Все же адмирал Грейг²⁰⁷ при смерти, был болен горячкою, а без него не думаю, чтоб что быть могло очень знаменитое на нынешнее время. Доднесь шведской флот, как парусной, так и гребной, заперт в Свеаборге и в шхерах, сам же король ездил в Далекарлию и там из мужиков набрал два полка, на что мужики согласились с уговором, чтоб оных из Далекарлии не выводить. Оттуда король теперь, сказывают, на обратном пути. Он писал ко всем дворам, чтоб ему доставили мир, всякому двору обещал нераздельно миротворчество.

Весьма жаль, что визирь бьет и гонит цесарцев; они с турками воевать, по-видимому, не умеют.

За добрый аттестат *pour les mérites non pas naissants mais innés** я тебя от всего сердца благодарю.

Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю из письма твоего от 29 сентября. О верности же твоей и привязанности ко мне нимало не сомневаюсь.

Гр. Румянцев, по письмам его, в сорока верстах был от Рябой Могилы, когда Хотин сдавался.

Мои мысли суть, чтоб Кобург шел в Валахию, где он и Темешворскому Банату сделает тем самым помощь, а фельдмаршал Румянцев тогда в Молдавии будет иметь свободные руки расположиться, как делам полезнее, сносаясь с тобою; о сем походе принца Кобургского вы б Линье (принцу де Линь) писать велели, а здесь послу также говорено будет.

* Достоинства не рождающиеся, а врожденные.

Что адмиралтейством построенные фрегаты дурны, о том сожалительно; но при том вспомнить надлежит правила адмирала Колинса, который говаривал, что судно без крайности разломать не должно, а поправить можно и что на всех верфях всегда много есть охотников к ломке судов, понеже при ломке много барышей ломателям, а флоту ущерб (одним судном меньше).

Что больных много, о том очень жалею.

Дай Боже, чтоб твои крейсера уцелели.

Ради Бога, помогите советами цесарцам, ведь Линье (де Линь) напишет, что вы ему говорить будете. Желаю тебе всякого благого успеха.

Цесарь принял предложение короля шведского с пренебрежением и, сколько известно, оставил без ответа. Шведская нация поныне еще весьма слабо оказывается и упражняется в тихом роптании.

Константину не быть на севере²⁰⁸; естьли быть не может на полудне, то остаться ему где ныне; Константин со шведами не единого закона, не единого языка; все же тамо три брата, да и сын; сей с матерью нам бы был всего полезнее, а Константина никак туда не дам, да и в том нет ни малейшей возможности*.

Липецкие заводы приказано возобновить. Драгунский, гусарский и казачий полки формируют, как ты представил. Прощай, мой друг любезный, будь здоров, счастлив и благополучен.

Октября 13-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Хотя всячески ищем ладить с прусским двором, но, по его подвигам, можешь судить об его намерени-

---

* Речь идет о великом князе Константине Павловиче (род. в 1779, † 1831). Его, вероятно, кн. Потемкин предлагал возвести на шведский престол, но императрица Екатерина прочила Константину Павловичу другую корону. «Константин мальчик хорош,— отозвалась о нем его августейшая бабка 9 октября 1789 г.:— он через 30 лет из Севастополя проедет в Цареград. Мы теперь рога (Турции) ломаем, а тогда уже будут сломлены, и для него легче». См.: «Дневник Храповицкого», с. 312, 46, 84, 89, 247.

ях: он теперь ищет приводить датчан в недействие и отвлекает их от нашего союза, а Польше декларациею запрещает с нами заключить союз и какой ни есть трактат. Сей диктаторский тон, который удалось ему взять с Голландии, ему понравился, и сии поступки весьма схожи с поведением шведского короля.

Дурные вести до меня дошли о здоровье адмирала Грейга: он очень болен горячкой с желчью, уже тому две недели, и очень слаб.

Прощай, мой друг; мне весьма жаль, что не имею для тебя лучших вестей. Будь здоров и благополучен. Буде бы по взятии Очакова тебе удалось заводить о мире переговоры, то бы было добро.

Октября 19-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Пока ты упражнен пред Очаковым, у нас вот что происходит: король прусский сделал две декларации, одну в Польшу, против нашего союза с поляками (который до того еще, видя, что от того может загореться огонь, я до удобного времени остановить приказала); другую датскому двору, грозя оному послать в Голштинию тридцать тысяч войск, буде датский двор войдет, помогая нам, в Швецию.

Датчане, однако, действительно уже вступили и взяли в полон шведского генерал-поручика с 800 человеками и десять пушек; но ответ, какой датчане дали прусскому королю, еще не известен.

Сию датскому двору от прусского короля сделанную декларацию прусской посланник здесь прислал к вице-канцлеру, с выписью из королевских писем, которая не лучшего же слога: то есть, что день ото дня более открывается намерение и взятой ими план, не только нам всячески вредить, но и задирать в нынешнее, и без того для нас тяжелое, время. Дело голландское им удалось, теперь тот же диктаторский тон берут с датчанами и тако до нас добираются; я всячески избегаю, чтоб им не давать повода к сему

привязаться; однако, без примечания да не будет, что, не дождав от нас ответа на их предложенные медиации, которые король шведской шести дворам вручил, они уже датчанам сделали подобное объявление, в его единую пользу, а нам во вред, несмотря на то, что первым качеством посредника быть должно беспристрастие; но тут явно и ясно противное: моему союзнику за то, что он мне дает помощь, грозят нападением, я же обязана его оборонять или по крайней мере помогать толико же, как он мне помогает. По сей материи я заготовила письмо к графу Нессельроду, с которого здесь копию прилагаю, я оное нарочно пошлю просто на почту; пусть оное раскроют и читают, авось либо постыдятся или на время, хотя мало, позадумаются, а большего действия от оногo не ожидаю; но думаю, на случай открытия со стороны короля прусского вредных против России и ее союзника намерений: 1) армию фельдмаршала гр. Румянцева обратить, как в твоём большом плане предвидено было, против короля прусского, укомплектовав в ней полки мушкетерские по новому осьмиротному военному штату. 2) Для закрытия границ и для умножения войск на действия, иметь до тридцати тысяч корпус, расположенный в Лифляндии и Белоруссии, к составлению которого назначаю здесь новформируемый Эстляндской егерской корпус и полк пехотный, в Риге находящийся, да имеющиеся здесь и в Белоруссии четыре кавалерийские полка. В дополнение к тому нужно еще из армии шесть полков и один драгунской, да тысячу донских или уральских казаков; о сем дополнении оставляю на твое усмотрение назначить, из которых частей сии полки назначить удобнее; наипаче же стараться надлежит, дабы они к весне сюда, то есть в Белоруссию и Лифляндию, прибыть могли.

Армия в Финляндии останется как есть; гвардию я комплектую.

О сем, пожалуй, напиши ко мне подробнее и скорее, чтоб не проронить мне чего нужного, а пуще всего, по взятии Очакова, старайся заводить мирные договоры; пока забудь, что Булгаков в семибашенном доньне сидит.

Вчерашний день я еще получила худую весть, что адмирал Грейг²⁰⁹, по трехнедельной болезни, от горячки с желчью, в Ревельской гавани, на стопушечном корабле «Ростиславе», ко всеобщему сожалению, скончался; я посылала к нему Рожерсона за две недели, когда я слышала, что он столь опасно занемог, но ничто его спасти не могло от воли Божией.

Спиридов²¹⁰ с шестью кораблями уже возвратился в Кронштадт, и все прочие уже идут на зимовье. Я смертью адмирала столь чувствительно тронута, что сказать не могу, и сия потеря для империи, на сей случай, есть несчастье, ибо не имеем во флоте, кто мог бы с таковым же искусством и репутациею его место заступить.

Прощай, мой друг любезный, дай Боже тебе здоровья, счастья и благополучия; ждем от тебя вестей, дай Боже добрых.

Р. S. В корпуса, которые я полагаю собрать в Лифляндии и Белоруссии, прошу дать совет, кого из полных генералов, генерал-поручиков и генерал-майоров определить и каков на то будет князь Юрий Владимирович Долгоруков, увольняя его от езды в цесарскую армию, куда другого, несмотря на чины, определить всегда можно, а сие дело нужнее.

Ноября 7-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Письма твои, от 17 октября, до моих рук доставлены, из которых усматриваю с удовольствием, что все благополучно у вас; план осады открыл мне всю трудность, которую имеешь; умали Бог упорность гарнизона Очаковского. Я удивляюсь, как капитан-паша может держаться в море в бурливую и позд-

ною осень; я думаю, что он опасается возвратиться в Стамбул и чтоб визирь его не лишил места или жизни²¹¹.

Сожалительно, что принц Нассау не мог сжечь суда, кои вычинились в Очакове. Пауль Жонес имел, как сам знаешь, предприимчивую репутацию доньине. Естли его сюда возвратишь, то сыщем ему место.

Я для Селим-Гирея приказала сделать, по твоему представлению, владимирские знаки; первой ли требуешь или второй класс, не ведаю, а как он еще не генеральского чина, то думаю, что и второй класс для него бы довольно; опасаясь, что не примет, так как и Шагин (-Гирей) тогда не принял же; они к знакам, думаю, что не привязывают такую мысль, как у нас люди имеют.

Сенявину твоему дай крест Георгиевской из тех, кои у тебя остались не розданы. Отпиши ко мне, жив ли подполковник князь Лобанов и каков генерал Кутузов?

Доброй аттестат, который даешь Александру Николаевичу (Самойлову), знатно, что он заслужил, быв везде в опасности. Каковы твои ноги, отпиши ко мне.

Граф Румянцев сюда писал, что он отрядил графа Салтыкова и что сей две недели не шел; а неприятеля фельдмаршал считает иметь противу себя хана татарского, тысяч в шестнадцать; но сей счет, чаю, весьма слишком.

Что ты отрядил к охранению границ 5 полков, сие хвалю весьма.

Ты увидишь, какой странный договор о перемирии король прусской принудил датчан учинить, а лучше сказать, датчане ненужно оробели от угроз прусских.

Я о том никак не сомневаюсь, что пишешь ко мне, что лига формирована против меня. Им сказано, так как пишешь, что я не прочь от мира, лишь бы союзники были включены, но они, то есть лига, тем еще не довольны, они требовали, чтоб я с Польшею союза не заключала, говоря, что сей противен их интересам; я

и на сие согласилась, велела отставить сей проект о союзе с Польшею; теперь требуют, чтоб я войска вывела из Польши; на сие, правду сказать, согласиться мудрено; они хотят меня лишить союзов, действуют в пользу шведов и турок; предписывают мне законы; грозят, буде не исполню, и, сверх того, жалуются еще на меня и каверзы всякие устраивают мне во вред и в поношение. Из всего, что они делают в пользу шведского короля, выигрыш оборотится в пользу французов; а делает сие Elliot²¹², английской министр.

Вы вспомните, мой друг, что предложение о трактате прусской король делал в самое то время, когда он узнал, что император признал казус-федерис; сие предложение с тем и делано было, чтоб остановить помощь, ожидаемую от той стороны. С Англиею я никак не разорвала трактата: они не захотели его возобновить по истечении, а вместо того они заключили с французами и с ними признали нейтральные правила, а нам в том отказали.

Стечение обстоятельств прошу не поставить мне в вину; воистину я напрягаю весь свой смысл к лучшему обороту, но на неудачу я никогда не пеняю, пока же ежедневно бывают удачи и неудачи; естли я чего недосмотрю, то сие простительно, понеже я человек, а без греха лишь един Бог.

Естли ты возьмешь покой, то о том весьма жалеть буду и приму сие за смертельный удар, тем паче что через то меня оставишь посреди интриг, за что, думаю, от меня спасибо не ожидаешь; но я надеюсь, что когда все кончится благополучно, то, любя меня, что и сия мысль исчезнет, и будешь, как и был, вернейший.

Что цесарские дела не так идут, как бы желательно было, сие прошлого года знать неможно было. Прощай, дай Бог тебе счастья, здоровья и всякое добро.

Какие дурачества делает княгиня Дашкова в своей ссоре с обер-шенком Нарышкиным²¹³, ты себе пред-

ставить не можешь! И ежедневно выходит новая комедия между ними, и все над ними смеются.

Ничего на свете так не хочу, как чтоб ты мог по взятии Очакова и по окончании зимних распоряжений, в течение зимы, приехать на час сюда, чтоб, во-первых, иметь удовольствие тебя видеть по столь долгой разлуке, а во-вторых, чтоб с тобою о многом изустно переговорить. Прощай, Бог с тобою.

Ноября 27-го ч.

Друг мой*, князь Григорий Александрович, письма твои от 17 ноября вчерашний день я получила и из оных вижу, что у вас снег и стужа, как и здесь. Что вы людей стараетесь одевать и обувать по-зимнему, что весьма похваляю. О взятии Березани усмотрела с удовольствием; молю Бога, чтоб Очаков скорее сдался; кажется, теперь, когда флот турецкий уехал, уже им ждать нечего.

Пленному в Березани взятому двубунчужному Осман-паше жалую свободу и всем тем, кому ты обещал; прикажи его с честью отпустить. Из Цареграда друзья капитан-паши домогаются из плена нашего освободить какого-то турецкого корабельного капитана, как увидишь из рескрипта, о том к тебе писанного; за него бы требовать Ломбарда, который с ума сходит и зарезался было. Желаю весьма получить добрые вести о Текелии.

Ненависть против нас в Польше восстала великая и горячая; любовь, напротив, к его королевскому прусскому величеству, сия, чаю, продлится, дондеже соизволит ввести свои непобедимые войска в Польшу и добрую часть оной займет. Я же, не то чтоб сему препятствовать, и подумать не смею, чтоб его королевскому прусскому величеству мыслями, словами

*См. «Русскую старину», изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590.

или делом можно было в чем поперечить, его всевысочайшей воле вся вселенная покориться должна.

Ты мне повторяешь совет, чтоб я скорее помирилась с шведским королем, употребя его королевское прусское величество, чтоб он убедил того к миру, но естли бы его королевскому прусскому величеству сие угодно было, то бы соизволил шведского не допустить до войны. Ты можешь быть уверен, что сколько я ни стараюсь сблизиться к сему всемогущему диктатору, но лишь бы я молвила чтоб то ни было, то заверно уничтожится мое хотение, а предпишутся мне самые легонькие кондиции, как, например: отдача Финляндии, а, может быть, и Лифляндии — Швеции; Белоруссии — Польше; по Самару-реку — туркам; а естли сие не приму, то войну иметь могу; стиль их, сверх того, столь груб, да и глуп, что и сему еще примеру не бывало, и турецкой — самой мягкой в рассуждении их.

Я всемогущим Богом клянусь, что все возможное делаю, чтоб сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущий прусской, делают; но он так надулся, что естли лоб не расшибет, то не вижу возможности, чрез посрамление, на все его хотения согласиться; он же доньне сам не ведает, чего хочет, либо не хочет.

Теперь английской король умирает²¹⁴, и естли он околеет, то авось либо удастся с его сыном (который Фокса и патриотической английской партии доньне слушался, а не ганноверцев) установить лад, а ведаю, что лиге немецкой очень не нравились поступки прусские в Дании.

Позволь сказать, что я начинаю думать, что нам всего лучше не иметь никаких союзов, нежели переметаться то туда, то сюда, как камыш во время бури; сверх того, военное время не есть период для сведения связей.

Я ко мщению несклонна, но что чести моей империи и интересам ее существенным противно, то ей и вредно; — провинции за провинциею не отдам, за-

конов себе предписать — кто дает — они дойдут до посрамления, ибо никому подобное никогда еще не удавалось; они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду, дураки, кладут, что мы уступчивы будем!

Возьми Очаков и сделай мир с турками, тогда увидишь, как осядутся, как снег на степи, после оттепели, да поползут, как вода по отлогим местам. Прощай, Бог с тобою, будь здоров и благополучен.

О Максимовиче я жалею очень.

Ноября 28-го ч.*

Друг мой, князь Григорий Александрович.— Поздравляю тебя со взятием Березани, дай Боже тебе всякие успехи, здоровье и силы телесные и душевные. У нас вестей теперь иных нет, кроме болезни короля английского, о которой говорят розное, но все в том согласны, что он безнадежен, и с часу на час ждут смерти его.

Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Донесение кн. Потемкина о взятии Очакова

Очаков.— Декабря 7-го ч. 1788 г.

Всемилоостивейшая государыня. Всевышний даровал свою помощь овладеть Очаковом, который взят штурмом сего месяца шестого дня. Войско вашего императорского величества поступило с неописанным мужеством и порядком.

Неприятель потерял множество; с нашей стороны, по пропорции, благодаря Бога, мало. Большая потеря состоит в офицерах, которые, подавая собою пример, первыми везде находились. Ген.-майор кн. Волконской²¹⁵ и бригадир большой Горич²¹⁶ убиты. Сии достойные и храбрые офицеры первою были жертвою:

* Прежде было 27, но рукою императрицы переправлено 28.

один взошел на ретраншемент, а другой — на крепостную стену.

Я приказал вести атаку вдруг на ретраншемент, Гассан-пашинский замок и на крепость. Она произведена была шестью колоннами, и все взято в час с четвертью.

Трехбунчужный Гусейн-паша взят в плен со многими чиновниками. Собрав обо всем точные сведения, не умедлю я всеподданнейше представить вашему императорскому величеству. Себя же, с вверенным мне воинством, приемлю смелость повергнуть через сие к освященным вашим стопам.

В представлении за штурм Очакова:

Александр Суворов. Командовал в Кинбурне и под Очаковым; во время же поражения флота участвовал немало действием артиллерии со своей стороны.—....
Перо в шляпу.

Императрица — кн. Потемкину

Декабря 16-го ч.

За уши взяв обеими руками, мысленно тебя целую, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, за присланную с полковником Бауром²¹⁷ весть о взятии Очакова; все люди вообще чрезвычайно сим счастливым происшествием обрадованы, я же почитаю, что оно много послужит к генеральной развязке дел; слава Богу, а тебе хвалу отдаю и весьма тебя благодарю за сие важное для Империи приобретение в теперешних обстоятельствах. С величайшим признанием принимаю рвение и усердие предводимых вами войск, от высшего до нижних чинов. Жалею весьма о убитых храбрых мужах; болезнь и раны раненых мне чувствительны; желаю и Бога молю о излечении их. Всем прошу сказать от меня признание мое и спасибо; жадно ожидаю от тебя донесения о подробностях, чтобы щедрою рукою воздать кому следует по справедливости. Труды армии в суровой зиме представить

себе могу, и для того не в зачет надлежит ей выдать полугодовое жалованье из экстраординарной суммы. Располагай смело армию на зиму в Польше; хотение поляков тем самым скорее паки возьмет естественное свое течение, à une armée de conquérant l'on n'a encore jamais refusé de quartier*. Теперь мириться гораздо стало ловчее, и никаких не пропущу мер, чтоб скорее к тому достигнуть. Всем, друг мой сердечный, ты рот закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушные слепо и ветренно тебя осуждающим.

Прощай, мой друг; до свидания, будь здоров и благополучен.

Известно тебе, я чаю, что король английский с ума сошел так совершенно, что четыре человека насилу его держать могут, когда приходит на него раж.

Я ожидаю наверно, что, по распоряжении нужного по твоей армии, я буду иметь удовольствие тебя видеть здесь, как я о сем уже в предыдущих моих письмах к тебе писала и теперь повторяю.

1789 г.

Января 21-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович! Полковник Баур вчерашний день привез ко мне твое письмо из Кременчуга, от 15 января, из которого увидела с удовольствием, что ты уже к нам приближаешься, и сколько ни желаю тебя видеть после столь долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю, во-первых, за то, что ты не отлучился, пока все нужные и надобные распоряжения не окончил. Что пишешь о Херсонском и Лиманском флоте, такожде и отправлении корабля «Владимира» в Севастополь — служит мне новым доказательством о твоём попечении о сей части. Доезжай до нас с покоем, побереги свое здоровье и будь

* Победоносной армии не отказывают в квартирах.

уверен, что принят будешь с радостью, окончив столь славно и благополучно толь трудную кампанию.

Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Февраля 2-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Сей час получила я твое письмо из Дубровны от 31 января; радуюсь весьма, что к нам приближаешься, и с удовольствием узнала, что корабль «Владимир» благополучно прибыл в Севастополь, а что граф Войнович ушибся — о сем сожалею; льды везде толсты, даже в гаванях Средиземного моря, как скажут, а правда или нет — не ведаю, понеже сама не мерила; переезд твой из Кременчуга в Могилев был подобен птичьему перелету, а там дивишься, что устал; ты никак не бережешься, а унимать тебя некому; буде приедешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему приезду, однако, при первом свиданье, за уши подеру, будь уверен, морщись, как хочешь, а здоровьем не шути; вот какая у нас готовится встреча победителю!

Прощай, до свиданья, Бог с тобою*.

Без числа, карандашом

Пуще всего остерегайся, чтоб язву не навезли, а впрочем сии (?) суда могут иногда быть полезны для скорейшей пересылки, и как султан умер, то думать надлежит, что дела иной оборот возьмут.

Без числа

Je crois que Choiseul a envoyé ce bâtiment exprès pour nous faire savoir que le Sultan est mort**.

* 4 февраля 1789 г. кн. Потемкин приехал в Петербург и пробыл здесь до 6 мая того же года. П. Л.

** Я думаю, что Шуазель послал это судно нарочно, чтобы известить нас о смерти султана.

Без числа

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович.

Вчерашний день я получила письма твои из Великих Лук и из Смоленска, ты летаешь, а не едешь; жаль мне только то, что не наблюдаешь моего предписания касательно сбережения твоего здоровья, а приедешь на место, буде не совсем болен, по крайней мере замучен. Что часто начал писать, за то благодарю тебя, такожде за добрые вести, присланные из Севастополя о крейсерах, видно, что люди храбрые. Что у Каменского люди без обуви и рубах, сие не хорошо, старайся скорее довести иным путем, нежели пресеченным врагами нашими, в угодность капризам прусским. Без конвоя же везти полякам на грабеж, чего, может быть, и желают, никак неудобно, кажется. Авось либо реки скорее придут в свои границы; здесь время сухое и холодное. При сем прилагаю письмо к тебе, которое показать можешь графу и графине Потockим. Недостаток в чинах для кораблей Черноморских стараться станем наполнять колико возможно; отставные флотские уже начали являться.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь счастлив, здоров и благополучен.

Апреля 22-го ч.

Рукою Потемкина: Добивался цесарской посол иметь число наших войск, не прикажите ему давать, а сказать, что я сообщу, будучи сам на месте. Здесь Сегюр узнает, а они все туркам рады показать, лишь бы снискать их милость.

Рукою Екатерины: Да и англичане и пруссаки не менее же нам враждуют, да сии сверх того ныне, наипаче же пруссаки, враги особы Екатерины II, и где могут умалять ее славу и честь и отвратить от нея умы и сердца — тут не оставят прило-

жить труда, и естѣли сыскать могут, кто бы ее убил, то и сие не оставят.

Рукою Екатерины II. (Другая записка): Что ты пишешь от усердия, о том спора нет, но как мною сделано все возможное, то мне кажется, что с меня и более требовать нет возможности, не унижая достоинства, а без сего ни жизнь, ни корона мне не нужны.

Кой час обещать Польше что ни есть из земель турецких, ныне тот час же его королевское прусское величество нам о сем прещение с угрозами непременно чинить будет, с принятым с нами грубым тоном, который либо глотать должно будет, либо отмщать, и для того полагаю избежать лучше, не обещая полякам ничего и давая им блажить, дондеже престанут, то есть у себя в Польше пусть портят и делают что хотят, но к себе их не пущу, и для того полки, кои к Лубнам обращены, пусть пойдут к Белоруссии.

Мое мнение есть фельдмаршала Румянцева отозвать от армии и поручить тебе обе армии, дабы согласно дело шло.

Я гневных изречений, мой друг, с тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбления короля прусского принимаю с нетерпением и с тем чувством, с которым прилично, за сие прошу меня не осуждать, ибо я б недостойна была своего места и звания, естѣли б я сие чувство в душе не имела.

Все, что пишешь о операции армии, весьма хорошо, и мое мнение было всегда, чтоб Бендеры и Бессарабия были предметом сей кампании, а на Ольту незачем.

Примечание. Предыдущие две записочки и письмо отысканы нами в другом портфеле, но по числам и содержанию относятся к началу 1789 г. П. Л.

à Czarsko Çelo, ce 13 May.

Je vous prie, mon Prince, d'assurer le general de l'artillerie Comte Potosky, quand vous le verrés, de toute l'estime que m'a inspiré la conduite vraiment

patriotique, de meme que son caractère fèrme et inébranlable; ce vertueux citoyen peut être persuadé, que je n'oublierai jamais les sentimens qu'il a témoigné pour moi et mon Empire, et que je saisirai en vérité avec empressement les occasions, où je pourrai lui témoigner à lui meme, à mad. son épousé (que vous saluerés aussi de ma part) et à ses enfans ma reconnaissance, leurs interets me sont devenus chers, et je ne demande pas mieux que de pouvoir leur donner des preûves du désir que j'ai de leur être utile. Catherine.

Перевод. Прошу вас, князь, уверить артиллерии генерала графа Потоцкого, когда вы его увидите, в полном моем уважении — за его истинно патриотические действия, а также за твердый и непоколебимый характер; этот добродетельный гражданин может быть уверен, что я никогда не забуду чувств, выраженных им мне и моей Империи, и что я поспешу воспользоваться случаями, когда могу доказать ему, его супруге (которой поклонитесь от меня) и детям мою признательность. Их интересы сделались мне дороги, и я не прошу ничего более, как возможности дать доказательства моего желания быть им полезною.

Мая 16-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письмо твое из Дубровны от 11-го числа мая и прочия твои письма от того же числа, с приложением от Каменского, я вчерашний день получила и вижу, что хлопоты у вас без счета по причине прокормления армии, однако надеюсь, что ты из оных выпутался. Не диво, что ты дорогою измучился, по твоей езде; молю Бога, чтоб ты был здоров. Преображенского полку капитан Уваров ко мне написал письмо, жалуясь на выпуск младшего его; я призвала Татищева и отдала ему то письмо с тем, чтоб он Уварову оное возвратил и написал бы к нему, что и я, и предки мои выпускали из гвардии и определяли в оную по своей воле, чего

никогда и никому обидно быть не может, а ему тем менее, что его рота трижды нашлась не в лучшем порядке. Также ротмистр Олсуфьев везде ходит, жалуется на сделанную ему обиду, но до меня как дойдет, то свою правду не отдам в обиду; дураки вздумали сами свои достоинства выхвалять тогда, когда не им о том судить.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, спасибо тебе, что часто пишешь.

Мая 31-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 22 и 23 мая, из Кременчуга, я получила вчера и третьего дня, и за оные тебя благодарю. Что ты устал, о том весьма жалею; из оных вижу, что ты жителей переводишь в Городище, а правление в Екатеринославль. Морских офицеров к тебе отправляют, по мере как оных достают. Наша гребная флотилия поплыла в Кронштадт и оттуда пойдет сутки через двое; есть известия, будто шведский флот будет крейсировать в близости Карлскроны; Ревельской и Кронштадтской — соединились.

Дай Боже королям шведским и прусским ногтедицу на каждом пальце, а чтоб твои пальцы перестали болеть. Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь — тем самым успокаивается мой дух.

Поляки успокоятся и жалеть будут, когда увидят, что не через Польшу, а мимо их все везем, и свою дорогу имеем; накажи их тем, чтоб не купить у них ничего. Прощай, мой друг, Бог с тобой; люблю тебя, как душу.

Июня 2-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Посол цесарской, получа (получил?) от императора повеление домогаться о продолжении договора, в 1781 г. сделанного, — я оный письмом к императору в равной силе, как его ко мне, продолжила без дальнего

формалитета, и оные письма разменены, безо всякой огласки, в прошедший четверг.

Июня 2-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Сей час получила я от графа Пушкина уведомление, что от Веккера Михельсон пошел 31 мая в Шведскую Финляндию, где разбил неприятельской пост из шестисот человек, огражденных ретраншементом, завладел оным, взял две пушки, двух майоров, 4 обер-офицера и немало рядовых, и Михельсон идет вперед к Христине. Нассау пришел в Кронштадт с гребною флотилиею, откуда пойдет через 3 дня.

Вот вам наши вести, при желании всякого благополучия.

Июня 20-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письма твои от 10-го дня июня я получила, тому несколько дней назад; жалею очень, что ты замучился, ездя повсюду; молю Бога о твоём здоровье и надеюсь, что, по твоему благому обыкновению, преодолеешь все затруднения; желаю тебе везде счастье и удачу. Из рапортов князя Репнина видела я состояние Украинской армии; не похвально с нею поступил фельдмаршал Румянцев, тем паче что ничего не исполнил, что приказано было. Касательно Очакова я все того мнения, что дондеже не устроена новая граница, его не разрывать, ради безопасности Лимана и вывода кораблей; однако готова принять, во всякое время, убедительные доказательства против, ибо польза дел... единственное мое желание. Прощай, мой друг, будь здоров.

Июня 29-го ч.

Письма твои, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, от 19 июня, из Ольвиополя, третьего

дня до моих рук доставлены. Я вижу, что ты о моем здоровье беспокоился, но я ныне здоровее, нежели я давно была, и, против прошлогодного, не в пример покойнее: с одной стороны, полагаюсь на милость Божию и в прочем уповаю, что ты не пропустишь ничего того, что делать возможно для разрушения вражеских затей; здешние дела идут хотя не совсем еще так, как бы желалось, но, однако, неприятель не может хвалиться успехом, и надеюсь, что вскоре лучше пойдет. Что ты в своем здоровье поправляешься, тому я весьма рада. У нас лето прекрасное и воздух теплой, и я без выезда в городе живу.

Естьли твои советы цесарцам не помогли, то уже не знаю, как им с турками управляться, а думаю, что в немцах *terreur panique** против турок, равной силы, как пруссаки в Семилетнюю войну имели против нас, по собственному признанию умершего короля прусского в его сочинении, напечатанном посреди Берлина.

Указы о погонщиках давно посланы. Прощай, мой друг, да будет тебе сам Бог помощник, будь здоров, и счастлив, и благополучен.

Июля 6-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 25 июня, из Ольвиополя, я получила, и, касательно дел, сей курьер везет к тебе мои ответы и резолюции. Что ты польского или, лучше сказать, прусского либела** пренебрегаешь — о сем нимало не сомневаюсь. Голцу я сделала прием ласковый, и он скромнее предместника своего. Гр. Салтыков приехал в Москву, я его оттудова пошлю по-нукать. По мере как Нассау с галерным флотом вперед идет, шведы назад отступают; дней через шесть, думаю, что флоты съедутся. Михельсон²¹⁸, поссорясь

* Панический страх.

** Libelle — пасквиль.

с Денисовым, сказался больным, а мой гренадерской полк так зол на Михельсона, что его называют изменником.

Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, женись в воскресенье на княжне Щербатовой, отъехал в понедельник с своею супругою к своим родителям, и естли б тебе рассказать все, что было и происходило через две недели, то ты скажешь, что он совершенно с ума сошел, даже да (?) и друг его и конфидент Рибопьер, и тот говорит, что он аки сумасшедший. . . . . и несообразимое поведение, так что самые его ближние его не оправдывают. При сем прилагаю к тебе письмо рекомендательное самой невинной души, которая в возможно лучшем расположении, с добрым сердцем и приятным умоначертанием. Я знаю, что ты меня любишь и ничем меня не оскорбишь . . . . .

Adieu mon Ami. Приласкай нас, чтоб мы совершенно были веселы. Анна Никитишна (Нарышкина) дружески со мною очень поступила и до вчерашнего дня не покинула.

Царское Село.— Июля 11-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Замешкался сей мой ответ на твое письмо от 29 мая, затем, что у меня был жар и бред три дни и горло болело, а теперь я выздоровела, мне кажется, совершенно от той сильной простуды, и сверх того имею к тебе сообщить вести отселе приятные; а именно, генерал-поручик Михельсон занял Христину; потом пошел к Сент-Михелю, но тут ему не посчастливилось как-то, а сию ночь получила известие, что 8 июня все сие поправилось действительным его, Михельсона, вступлением в Сент-Михель, где завладели наши — шведским магазином хлебным и амуничным, а порох шведы подорвали; сказывают, что шведы уныли и сами говорят, что засим от них обороны мало будет.

Шульц по другой дороге идет туда же и также ретраншемент и обоз взял. Нассау в море; о шведском флоте ничего не слыхать. Когда вице-канцлер — Келлеру* сказал, что ты все транспорты и магазины выводишь из Польши, тогда он деконтенансировался** до того, что скрыть не мог, колико ему неприятна была сия весть.

Лорд Стормотт, который при многих дворах был министром, в английском парламенте публично говорил речь, доказывая, что прусской союз для Англии не токмо вреден, но и разорителен быть может, и сказывают, будто Питтов кредит в нации начинает упадать.

Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров, счастлив и благополучен.

Июля 14-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 5 июля, из Ольвиополя, я получила вчера. Любопытна я знать, какие вести получишь от известной особы, через посланного от тебя к нему в Польшу? Касательно короля прусского, кажется, все возможное делается, чтобы его удержать и гнев его умягчить. Как выведешь магазины из Польши, то ему уже надлежит выдумывать новые лжи и клеветы, чтоб поджигать поляков.

Теперь шведы до Аньялы прогнаны, осталось их выжить из Кюменогородского поста.

На второе письмо твое, полученное через Н. И. Салтыкова, я тебе скажу, что я все твои слова, и что ты мне говорил зимой и весною, приводила на память, но признаюсь, что тут есть много несообразного***. Рибопьер о всем знал, он и брат его жены сосватали; говорил ли он тебе или нет о сем чистосердечно, не ведаю, но помню, что ты мне однажды говорил, что

---

* Барон Келлер, посланник прусский при петербургском дворе.

** Не совладал с собою. П. Л.

*** Дело идет об отзывах Потемкина о Мамонове и об удалении последнего от двора. П. Л.

Рибопьер тебе сказал, что друг его достоин быть выгнан от меня, чему я дивилась. Естьли зимою тебе открылись, для чего ты мне не сказал тогда? Много бы огорчения излишнего тем прекратилось и давно уже он (т. е. Мамонов) женат был.

Я ничей тиран никогда не была и принуждения ненавижу, *est il possible que vous m'ayez méconnu jusqu'à ce point! et que dans votre esprit la générosité de mon caractère vous ayez échappé et que vous m'ayez cru un vilain égoïste, vous m'auriez guéri tout d'un coup en me disant la vérité!*

Правду говоришь, когда пишешь, что ты у меня в милости ни по каким обстоятельствам, кои вреда тебе причинить не могут; прошу сохранить ко мне сию доверенность, она мне драгоценна, и я ее заслуживаю; злодеи твои, конечно, у меня успеха иметь не могут, *mais mon ami ne soyez pas aussi ombrageux sans aucune raison et mettez vous au dessus des ombrages minutieux**.

От досад, конечно, колико только можно, тебя избавлю. Утешь ты меня, приласкай нас.

НВ. У нас сердце доброе и нрав весьма приятный, без злобы и коварства... четыре правила имеем, кои сохранить старание будет, а именно: быть верен, скромн, привязан и благодарен до крайности... **

Я приказала гр. Безбородко выжить фельдмаршала Румянцева²¹⁹ из Ясс, они лучше знают как — не жели я; это второй том его житья в Данциге.

Прощай, мой друг, извини буде я тебе сим письмом и чтением его причинила скуку.

Июля 24-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письмо твое от 9 июля, с приложенной запискою, я получила исправно; что враги России и

* Но, мой друг, не будьте без причины так подозрительны и станьте выше мелочных подозрений.

** Говорится о Платоне Зубове. П. Л.

мои равномерно и тебе ищут делать досады — сему дивиться нечего, ибо ты им опаснее всех по своим качествам и моей к тебе доверенности. Авось либо Бог нам будет заступником. Не упущу случая, будь уверен, где только можно будет, выводить на белый свет коварства прусского двора. Охранительной, от тебя обещанной, план ожидаю теперь, и что скорее пришлешь, то лучше.

Бог да будет тебе помощником, будь здоров и весел, а мы ждем от тебя ответа на посланные отселе пред сим письма.

Здесь слух носится, будто граф Мамонов с женою из Дубровицы отправился в Рязанскую деревню и сему ищут резон, как будто бы графине его тамо способнее родить, но я сим слухам не верю. Il ne faut croire que la moitié de ce qu'on dit. Adieu mon ami, je vous aime de tout mon coeur*.

Кн. Потемкин — императрице

(При представлении реляции о сражении
при Фокшанах)

Июля 30-го ч.

Всемилоостивейшая государыня! Подноситель сего — генерал, преисполненный усердия и достоинств военных; отдавая ему справедливость, не могу умолчать о состоянии его. Он, имея сельцо, которого сам основатель, и хотя награжден деревнями, но скуден доходами; вы, по Евангелию: «насыпайте меру благу и переливающуюся», поставьте и его в изобилие.

Императрица — кн. Потемкину

Царское Село.— Августа 5-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович! Из рескрипта, мною сегодня подписанного, увидишь положение дел по войне финляндской.

---

* Надобно только наполовину верить тому, что говорят. Прощайте, мой друг, я люблю вас от всего сердца.

Письмом твоим от 18 июля, из Ольвиополя, я весьма довольна, рассуждения твои справедливы; теперь жду нетерпеливо твои ответы на посланное мое письмо . . . . . сей (Зубов) уже несказанно обрадован тем, что ты большего его брата взял к себе в дежурные²²⁰; он пишет и хвалится ласкою твоих племянников; есть у него меньшей брат²²¹, который здесь на карауле теперь, наместо его, сущий ребенок, мальчик писанной, он в конной гвардии поручиком, помоги нам со временем его вывести в люди...

Я здорова и весела, и, как муха, ожила; мы ждем теперь отовсюду вестей и вскоре, надеюсь, что дела получат оборот такой, которым будешь доволен. Дай и тебе Бог здоровье и всякое счастье, удовольствие и по сердцу твоему. Прощай, мой друг, люблю тебя, как душу, и знаю, что и ты меня любишь.

Генерал Миллер²²² приехал и привез мне твое письмо, также и Измаил-бея²²³, и для них сделала по твоим представлениям.

С.-Петербург.— Августа 12-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Курьером твоим, от 30 июля, из Ольвиополя, я весьма была обрадована и тотчас назначила молебен петь, в четверг, то есть через день от получения курьера, и сама приехала в город, прямо к Казанской, где с коленопреклонением приносили Богу благодарение за дарованную победу при Фокшанах, и все люди несказанно обрадованы сею победою. Дай Боже тебе везде успеха и победы, чего заслуживаешь своими качествами, усердием ко мне и к общему делу, своим рвением и трудами; будь здоров и благополучен, вот чего я тебе от искреннейшего сердца желаю.

Вложенное твое письмо ответное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостью наполненными глазами, а как сердце и ум весь составлен из чувств, то и благодарность

и искренность за долг почитается; сам оной изъяснить не оставит*.

Об интриге, коя продолжалась целый год и кончилась свадьбою, уже упоминать нечего; я нарочно сберегла последние его письма о сей материи, где суды Божии кладет на людей, доведших его до того, и где он пишет, как в уме смешавшийся; да Бог с ним; жалею о том только, что не открылся ранее**. Благодарствую за прекрасную печать, которую мне от тебя вручил Платон Александрович; я сие письмо через него к тебе посылаю. Сержант Беринг от меня пожалован в армию капитаном. Твоими распоряжениями я весьма довольна; я здорова и гораздо веселее, нежели ты меня оставил, хотя здешние дела еще не так идут, как бы желательно было, однако худого нету. Прощай, Бог с тобою, я тебя люблю всем сердцем, как искреннейшего друга.

Анне Никитишне (Нарышкиной) я сказала твой поклон, и она тебе кланяется.

Le 12 d'août.

Je suis bien aise mon ami, que vous sovéz content de moi et du petit noiveaux, c'est un enfant fort aimable.... il ne manque point du tout d'esprit, il a coeur très bon et j'espère qu'il ne se gatera pas.

Il vous a fait aujourd'huy d'un trait de plume une belle lettre, dans laquelle il s'est peint au naturel. Adieu, je vous embrasse de tout mon coeur***.

Августа 15-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Сейчас получила я от принца Нассау изве-

---

* Говорится о Платоне Зубове.

** Намек на графа Дмитриева-Мамонова.

*** Мне очень приятно, мой друг, что вы довольны мною и маленьким новичком; это довольно милое дитя: не глуп, имеет доброе сердце и, надеюсь, не избалуется.

Он сегодня, одним почерком пера, сочинил вам милое письмо, в котором обрисовался, каким его создала природа. Прощайте, обнимаю вас от чистого сердца.

ствие, что он 13-го ч. сего месяца разбил совершенно шведской галерной флот, между островов Котка и Кутцалмулин и у шведов взял адмиральское судно, пять больших судов и один куттер, а пропало у них две трети, а одна треть едва осталась; с сей вестью приехал гвардии подпоручик граф Штакельберг, а подробности после будут; у нас две галеры взорвало, пленных шведов, офицеров и рядовых, весьма много.

Прощай, мой друг, Бог с тобою. Будь здоров и весел.

Августа 17-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Вчерашний день я получила от принца Нассау курьера, с которым пишет, что он еще обстоятельного рапорта прислать не может для того, что ежечасно еще приводят к нему суда и пленных, кои за островами спрятались; что судов у него уже девять шведских, 1200 пленных и до сорока офицеров; что он решился сделать десант и короля атаковать. Причем ко мне прислал приложенное к тебе письмо, и так ожидать имеем следствий его предприятия; я писала к графу Пушкину, чтоб он сими обстоятельствами воспользовался и старался Кюмень перейти. Я спешу, мой друг, тебя уведомить о сем и о добрых аспектах на сей стороне, зная, что они тебя беспокоили; дабы твой дух мог быть спокойнее.

Я здорова и весела, в неделю мы пели два благодарственные молебна; дай Бог тебе здоровья и всякое добро.

Le nouveaux est rempli de la meilleur volonté du monde, et quand il a l'occasion de Vous écrire il le fait avec un empressement bien marqué... Adieu mon cher Ami, je Vous aime de tout mon coeur*.

---

* Новичок весьма усерден, и когда приходится ему вам писать, он это делает с замечательною готовностью. Прощайте, дорогой друг, я люблю вас всем сердцем.

Августа 23-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Ответствуя на письмо твое от 10 августа, я с нуждою пишу, ибо меня ветреная колика замучила, сему сегодня шестой день, а со вчерашнего вечера стало лучше, и сегодня так слаба, что ни на что мочи нет, да и не велят иметь аппликации.

Усердность греков мне весьма приятна; что здесь происходило на водах финских, усмотришь из подробностей, сегодня к тебе отправленных. Прощай, мой друг, более писать сегодня мне трудно было; желаю тебе здоровья и во всем успех; с часу на час жду курьера о высадке Нассау за Гекфорсом.

Августа 24-го ч.

Замучена я с неделю, мой друг, ветреною коликою, и ни писать, ни читать почти не могу и не велят; при том из Финляндии добрые вести одни за другими; шведы выгнаны из Гекфорса, о чем я приказала Платону Александровичу к тебе написать; я им и брата его поведением весьма довольна: сии самые невинные души и ко мне чистосердечно привязаны; большой очень неглуп *et l'autre est un enfant intéressant*; le Papa²²⁴ *est arriv de Moskow pour les voir, je crois qu'il a de l'esprit... Adieu mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur**.

Сентября 6-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 21 и 24 августа из Дубоссар я получила; они меня застали еще немного слабою от спазматической колики, которая продолжалась целые две недели; теперь я совершенно выздоровела,

---

* Другой — интересное дитя; папа приехал из Москвы, чтобы их видеть; полагаю, что он умен. Прощайте, мой друг, я вас люблю всем сердцем.

что приписываю много подушкам с ромашкою, кои С.-Петербургский митрополит мне советовал обложить около всего тела.

Сказав о себе, теперь буду ответствовать на твои письма. Чему дивишься, что тебе Бог определил готовить или приготовить для всех? для тебя ниже переправы не изготовили; в тебе одном более ревности к общему делу и к моей службе, нежели в прочих, и ты же замысловатее. Помоги тебе Бог во всех твоих предприятиях; я, с вашей стороны, весьма покойна, ибо прошлогодняя кампания оправдала совершенно мои о тебе мысли и доверенность; ты же ко мне пишешь часто и подробно *et par consequant je suis sans inquiétude de Votre coté!* Что Кобург после победы хвастается — тому не дивлюся, им (т. е. австрийцам) удача не в привычку, *ils ressemblent en cela aux parvenus, qui sont étonnés de se voir des beaux meubles et qui ne cessent d'en parler et de les admirer**.

Говорят, будто турецкой флот слаб людьми, также будто Булгаков освобожден, но ни то, ни другое, может статься, не справедливо. Желаю тебе от всего сердца преодоления над врагом и над всеми препятствиями. Пакости поляков вытерпеть должно до времени. Я думаю писать к Румянцеву, что его присутствие в Молдавии подает случай к слухам, моим и общим нашим делам вредным, и что я желаю и требую, чтоб он выехал из Молдавии. Мысли твои по делам теперь ожидаю, ты знаешь мои правила: что полезно — всегда не отрекусь делать, лишь бы сходно было с честью и достоинством империи. Французские суда перестанут ходить к нам, Монморин писал к Шуазелю, чтоб перестал оные посылать. Французские беспокойства переносятся в Брабандию и в Голландию и озабочивают уже берлинской двор; услышите вскоре, что оне окажутся и в областях прусских, ибо народ гол, а войска чужестранные.

---

* В этом отношении они похожи на выскочек, которые дивятся своей хорошей мебели и беспрестанно говорят о ней и удивляются ей.

Что ты нашей галерной победе рад был, сие я себе представить могу; ты увидишь из посланных подробностей, что наша потеря менее, нежели сгоряча думали; из Гекфорса и Кюменгрода шведы вышли; по сей час Пушкина ничем принудить неможно было воспользоваться сим случаем, чтобы нанести шведам наивящий вред. Сей мешок нерешимой мне весьма надоел, и воистину он командовать не умеет. Преображенского полка капитана Черткова да прапорщика Сизирева и Терскова приказала послать к тебе, чтоб ты их притравил либо из полку выгнал.

За ласку к Платону Александровичу и его брату тебе спасибо; я не знаю брата, который у вас, а он сам себя ведет так, как только желать можно: *il est d'une humeur égale et très aimable**, а сердце предоброе и благородное, *en un mot, il gagne a etre connu*.

Adieu mon Ami, portés Vous bien et soyés assuré de toute mon amitié**.

Сентября 6-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Платон Александрович очень скромн, которое качество, однако, я нахожу достойным награждения, как сам скажешь: ты шеф Кавалергардского гвардейского корпуса, не нужен ли тебе корнет? Помнится, ты запискою о сем докладывал; прежде сего не пришлешь ли чего подобного. Дитяти же нашему не дать ли конвой гусарский? Напиши, как думаешь, но тут достойный теперь человек, которого обижать никак не хочу. Дитяти нашему 19 лет от роду и то да будет вам известно. *Mais j'aime beaucoup cet enfant et il m'est fort attaché, pleurant comme un enfant****, естли его ко мне не пустят. Воля твоя, во всех сих распо-

* Характера ровного и приятного.

** Словом, он выигрывает по мере того, как его знаем. Прощай, мой друг, будьте здоровы и уверены в моей дружбе.

*** Но я сильно люблю это дитя; оно ко мне привязано и плачет, как дитя.

ряжениях, кроме тебя, никому не вверяюсь. О графе Мамонове слух носится, будто с отцом розно жить станет, и старики невесткою недовольны. На сих днях Мария Васильевна Шкурина²²⁵ отпросилась от двора, и я ее отпустила; они, сказывают, ее пригласили жить с ними. Adieu mon Ami, portés Vous bien et aimés moi comme je Vous aime.

Сентября 7-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Посылаю к тебе медали три, кои ныне лишь успели; я в них любовалась как на образ твой, так как и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, зная его усердие и рвение ко мне и к общему делу, совокупно с отличными дарованиями души и сердца. Благослови Бог все твои добрые начинания, а я не престану быть, как и всегда, к тебе непременно. Екатерина

Сентября 17-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Письма твои от 31 августа из Дубоссар я получила; они меня извещают, что все в движении и что ты сам до Прута объезжал все места и нашел землю разоренною более своими, нежели турками. Графа Румянцева всячески стараюсь вывести из Молдавии и естли инако нельзя, то напишу к нему письмо, чтоб непременно выехал, а команду заверю ему не поручу; молю Бога, да поможет тебе во всяком благом предприятии. Графом Валентином Платоновичем Мусиным-Пушкиным я весьма недовольна по причине нерешительности его и слабости: он никаким авантажем не умеет воспользоваться, en un mot c'est une bete; между генералами его завелись кабалы такие, по слабости его, кои общему делу вредны; одним словом, его и всему его генералитету смена неминуемо предлежит; на буду-

щий год либо Миллера, либо Долгорукова* пришли сюда, а прочих перетасовать нужно, о чем заранее подумать нужно.

Дитя наше, Валериана Александровича, я выпустила в армию подполковником, и он жадно желает ехать к тебе в армию, куда вскоре и отправится, и я ему дам особое к тебе рекомендательное письмо.

Je suis persuadée que Vous dirés tout comme moi que c'est un enfant intéressant et qui meurt d'envie de bien faire**.

Пожалуй, люби его; оба брата сердца предоброго и наполнены благодарностию и любезными качествами. Прости, мой друг, я здорова и тебе того же желаю и милость Божию.

Сентября 22-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович***.

Вручитель сего, подполковник Валериан Александрович Зубов, желая служить в армии, просил быть отправлен к тебе; в молодых его летах, я должна ему отдать справедливость, что, сколько я приметить могла, он в самых добрых расположениях и полон усердием выполнить все, ему порученное; он отнюдь не желал здесь жить празднен и спешит теперь к тебе застать осенние военные действия; я совершенно уверена, что ты сего молодого человека будешь жаловать, *il me paraît à moi que c'est vraiment un enfant intéressant*****, брат же его чрезвычайно любит и всю свою надежду на тебя кладет, что его не оставишь, в чем, надеюсь, и не обманется. Третьегоднишней курьер твой привез нам добрую весть,— за что

* Меллер-Закомельский и кн. Юрий Владимирович Долгорукий.

** Я уверена, что ты, подобно мне, скажешь, что это занимательное дитя, умирающее от желания все хорошо делать.

*** См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58; 230—262; 141—478; 571—590; т. XVII, с. 21—38.

**** Мне кажется, это интересное дитя.

тебя весьма благодарю, — что бригадир Орлов разбил авангард Гассан-паши и что князь Репнин идет к Измаилу.

Помоги тебе Бог во всех твоих предприятиях и да даст тебе здоровье и силы душевные и телесные; я совершенно здорова, и своим нынешним состоянием довольна и ничем не могу жаловаться, кроме глупым, унылым и слабым поведением графа Пушкина и его интригантного генералитета, который перетасовать надобно; как я к тебе уже писала, ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умеет; но полно о сей скучной материи говорить, я хочу, чтоб ты был в веселом расположении и не смотрел сентяbrem; ведь ты не любишь, как я нахмурюсь, так же и я не люблю, когда морщишься. С будущими твоими именинами тебя поздравляю и посылаю к тебе с Валерьяном, что он тебе вручит, по прочтении сего письма.

Прощай, мой друг, Бога прошу да поможет тебе.

(Без числа,
но вероятно, в исходе сентября).

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 10 сентября, из Кишинева, и от 16-го, из Каушан, я получила одни за другими; последние меня много обрадовали, понеже я, к удивлению моему, увидела, что тут не одна, но множество побед. Естли б ты был здесь, то бы я, взяв тебя за ушки, поцаловала, а теперь заочно премного тебя благодарю, и я, и вся публика чрезвычайно обрадована; сегодня у нас был молебен и пушечная пальба — 101 выстрел. Подарок один послан к Кобургу, а шпаги для него и для Суворова делаются.

Подробностей жду нетерпеливо, только ты, право, умница, спасибо, мой фельдмаршал, что дела ведешь умно и с успехом.

С пруссаком употребляется что возможно; но с врагами вообще ничего нет исцелительнее, как их бить. Напиши ко мне именно, кто битой визирь, ибо,

по нашим вестям, Юсуф-паша смнен и на его место кто сделан — тот умер. Помоги тебе Бог достать Бендеры даром.

Прощай, мой друг, будь здоров; курьера твоего я пожаловала полковником. *Adieu mon Ami; je Vous aime de tout mon coeur et je Vous trouve tout-à-fait charmant de m'avoir envoyé tant de bonnes nouvelles à la fois**.

Октября 4-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. За поздравление твое со днем моей коронации благодарю тебя. Жаль, что шторм препятствие сделал нашему флоту. Успехами армии, под твоим предводительством находящейся, все много обрадованы и ждем подробностей нетерпеливо. Бога прошу, да благословит твои предприятия на Бендеры и повсюду. Прусского Геркулеса либо дубину его стараемся уgomонить всевозможной ласкою, а Англию также. От мира я не токмо не прочь, во всякое время, но оногo сердечно желаю. Из рескрипта увидишь, что я Суворова пожаловала графом Суворовым-Рымникским²²⁶. Касательно финляндских дел я жду ответ твой на мое письмо, в котором тебе писала о Миллере либо Долгоруком, но и наипаче первого я б охотнее хотела, нежели Салтыкова, которой ссор между генералами не укротит, но притом глуп и упрям, и не сделает, опасаюсь, ничего, как Пушкин; сему остаться никак неможно, его наипаче гвардия бранит; я чаю, также и казаки, и сам Денисов.

Корнет (П. А. Зубов) в Кавалергардском корпусе сделан²²⁷.

Касательно же Валериана, то сей уже выпущен прежде и, чаю, уже к тебе приехал.

---

* Прощайте, мой друг, я люблю вас всем сердцем и нахожу вас чудесным за то, что разом послали мне столько хороших новостей.

Графа же Туровского я в полковники пожаловала, о чем сведаешь с сим же курьером.

Прощай, мой друг, будь здоров и помоги тебе Бог. Новый твой корнет кавалергардский — человек обстоятельный, которой доныне не балуется; я им очень довольна, сей аттестат я ему должна. Будь милостив к дитяте и наставь его на путь истинной, у него сердце доброе и воля добрая.

Октября 5-го ч.

Здесь по городу слух идет, будто граф Мамонов с ума сошел на Москве; но я думаю, что солгано: дядя его о сем ничего не знает, у него спрашивали. Если это правда, то Бога благодарить надобно, что сие не сделалось прошлого года; конфузии в речах я, в самой день свадьбы, заметила, но сие я приписывала странной его тогдашней позиции. Извини меня, мой друг, что я тебя утруждаю чтением сих строк, при твоих прочих заботах, но, рассуди сам, если бы ты был здесь, то бы мы о сем поговорили же. Покои твои я приказала убирать почище, я по них проходила и нашла, что они так замараны и так гадки, что полководцу прославившемуся — в оные ввести непристойно, а полюбится ли тебе, как я их прибрать велела—не ведаю; для меня недурно, но, зная твой вкус, опасаясь, что тебе не понравится; но, как бы то ни было, они красивее землянки либо палатки.

Князь Г. А. Потемкин — императрице
Рапорт о сражении при Рымнике

Белград на Днестре.— Октября 6-го ч. 1789

Всемиловитейшая государыня. Об одержанной союзными императорскими войсками над верховным визирем при речке Рымник, 11-го минувшего сентября, победе присланное ко мне от генерала Суворо-

ва обстоятельное донесение с планом баталии* имею счастье всеподданнейше представить вашему императорскому величеству через полковника Золотухина, который, быв при нем дежурным, может подробно донести вашему величеству, колико ознаменовал себя в тот день господин Суворов. Его искусством и храбростью приобретена победа, и я приемлю смелость повергнуть его через сие, с храбрым воинством, к освященным вашего императорского величества стопам.

Реляция на 12 страницах писана вся рукою Суворова; в ней замечательно следующее место:

Сего месяца 6-го числа, в ночи, получил я письмо от принца Кобурга, в котором уведомляет, что великий визирь с многочисленным войском от стороны Браилова переправился через реку Бузео и стал лагерем при деревне Градешти; что он ждет от него нападения и я бы не медлил ни часу для соединения с ним корпуса команды моей; через сутки другое письмо равного содержания, с прибавлением, что визирь лагерь свой перенес вперед 4 часа и расположился при Мартинешти, лежащей от него 4 же часа, и что он на завтра ожидает от него атаки.

Соображая сии обстоятельства, неможно было медлить; я выступил в ночь на 8-е число из-под Пуцени с батальонами двумя егерскими, четырьмя гренадерскими, четырьмя мушкетерскими и легким сформированным (sic) из мушкетер на шесть кареев в две линии,— при них в 1-й генерал-майор и кавалер Позняков, во 2-й бригадир Вестфален, на сей случай дела прикомандированный,— 12-ю карабинерными эскадронами, при сих бригадир Бурнашев,— прочий генералитет за болезнью остался назади,— двумя казачьими полками и арнаутами.

---

* Плана баталии в нашем сборнике не имеется. Л.

Императрица — кн. Потемкину

Октября 10-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Пишет ко мне генерал граф Николай Петрович Салтыков, что бригадир Селим-Гирей ушел к туркам и живет теперь у Калги-султана в турецком войске; сей неблагодарный человек доказал, сколь мало на магометанскую к нам верность считать можно. Voilà un vilain Monsieur de plus et puis c'est tout, а со временем у турок будет без головы, как Шагин-Гирей. Сие письмо отдаст тебе Николай Александрович Зубов, который обратно к тебе едет и весьма хвалится твоею к нему ласкою, за что брат его премного тебя благодарит; они все люди добросердечные, niais la perle delà famille, selon moi, c'est Platon lui même, qui est d'un caractère vraiment aimable et ce caractère ne se dement dans aucune occasion*.

Я здорова и тебе желаю того же, и чтобы сам Бог тебе помогал и подкреплял во всех случаях. Прощай, мой друг.

Октября 18-го ч.

Поздравляю тебя, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, со взятием Белграда на Днестре; сия весть к нам пришла в самый день молебна за взятие Белграда-на-Дунае, итак, молебен пели здесь за оба Белграда совокупно. Знатно, что имя твое уже страшно врагам, что сдались на дискрецию, что лишь показался. Спасибо тебе и преспасибо, кампания твоя нынешняя щегольская! Бога прошу, да увенчает ее Бендерами и да даст нам через тебя полезный и честный мир.

Прости, мой друг, я здорова и весела и тебя очень, очень люблю.

* Но, по мне, перл семейства — Платон, который поистине имеет прекрасный характер и не изменяет себе ни в каком случае.

К вещам для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебе покажутся не довольно богаты.

Октября 18-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Описание, которое делаешь Днестровскому Белграду в твоём письме от 2 октября, показывает, что туркам сие наше нынешнее приобретение важно было. Подробности о баталии, выигранной Суворовым и Кобургом над визирем, еще не привезены; я думаю, что курьер занемог на дороге, тот, которого ты обещал отправить 4 октября. Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая совокуплена, сопряжена со всем тем, что в свете может только быть придумано поносного и несносного. *Mon cher ami, je parle d'experience, j'ai vu ce joug malheureusement de fort près et j'ai sauté de joie, vous en êtes témoin, lorsque j'ai aperçu seulement une petite lueur pour en pouvoir sortir**. Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками, тогда хлопоты многие исчезнут и будем почтительны,— после нынешней твоей кампании сие ожидать можем.

Помоги тебе Господь Бог сам взять Бендеры. Посылаю тебе гравированный портрет с резного камня Очаковского победителя; и камень и портрет вырезаны у меня в Эрмитаже. Александру Васильевичу Суворову посылаю: орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую весьма богатую; осыпав его алмазами, думаю, что казист будет. А что тунеядцев много, то правда, я давно сего мнения. Что ты замучился, о том жалею, побереги свое здоровье, ты знаешь, что оно мне и государству нужно. *Adieu, mon ami, Христос с тобою, будь здоров и счастлив.*

---

* Мой дорогой друг, я говорю по опыту, я, к несчастью, близко видела это ярмо, и вы свидетель, как я прыгала от радости, едва только увидела надежду выйти из этого положения.

Мы пруссаков ласкаем, но каково на сердце терпеть их грубостью и ругательством наполненные слова и поступки, один бог весть. Я жду твоего ответа на мое письмо о перемене команды в Финляндской армии, и хотя ты писал о графе Иване Петровиче Салтыкове, но нельзя ли, чтоб чаша сия шла мимо Финляндской армии; тут паки, кроме упрямства и глупости, ничего не выйдет, мне кажется; а, право, уже две кампании потеряны, и не дай Боже видеть третью, наполненную упрямою глупостью.

Октября 18-го ч.

Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу; по написании двух первых, приехал Золотухин²²⁸ и привез твои письма от 5 октября, из которых усмотрела, что ты еще в Белграде, где приводишь все в порядок, в ожидании полков, от Гаджибея идущих. Бога прошу, да поможет тебе взять Бендеры, а наипаче без потери людей, и естели, паче чаяния, чего Боже сохрани, недостаточно где было пропитания или провианта, так чтоб с неба шел хлеб и сухари, как дождик. К графу Суворову, хотя целая телега с бриллиантами уже наложена, однако кавалерии Егорья большего креста посылаю, по твоей просьбе; он того достоин, паче же мне нравится, куда его прочим. Дай Бог тебе здоровья. Письмо Кобурга обоим честь делает.

Платон Александрович тебя весьма за брата благодарит; я никак не сомневаюсь, что ты слово сдержишь, они же люди очень хорошие, с добрыми сердцами и ко мне привязанные, и отнюдь не криводушные. Я любопытна знать, кто у Суворова генералы, кои за болезнью остались позади? Мне кажется, что и твой Войнович не очень на море идет вперед, однако не в осуждение ему да будет сие, я знаю его силу и турецкую; желаю от всего сердца, чтоб флотилия и флот были бы целы и здоровы. Засим, прости, мой друг, будь здоров и благополучен — я здорова.

Октября 19-го ч.

Друг мой сердечный, здесь, как я тебе уже писала, прекрайняя нужда в Финляндской армии в генерале, понеже Пушкин, быв две кампании, оказал свое несмыслие, на него даже гвардия и прочие все войска за недействие ропщут; генералов же он не умеет содержать в субординации. Писал ты ко мне, чтоб графа Салтыкова к тому употребить, но и сей, мне кажется, к сему посту не более способен, как и Пушкин. Я жалею, что князь Бернбургской — из младших генерал-поручиков; не знаю сама почему, моя доверенность, в сем случае, наклонилась бы скорее к нему, нежели к иному. Ради самого Бога, реши ты мою нерешимость скорее и напиши вторично ко мне и дай мне совет доброй, кого мне употребить в сей стране? Также и прочий генералитет перетасовать в Финляндии нужно; назначь кого на место Кнорринга и прочих, кои выслать нужно, определить надлежит. Нумсена, Корсакова, Берхмана, Бавера я здесь оставляю; Стронтманн почти ослеп, Левашов никуда не годится, а Волков — вял. Я сожалею, что сими хлопотами тебя беспокою, но они мне крайне нужны кажутся, по важности здешних дел; от Пушкина* ничего добиться неможно и уже способа не осталось, ибо моих ордеров не слушался, сколько ни было писано, а к крайности приступить также не хочется, понеже я ему персонально обязана. На Москве он отнюдь не годится.

Прости, мой друг, будь здоров и благополучен.

Смотря по списку, я нашла, что Кречетников и Игельстром²²⁹, старшие генерал-поручики; я бы согласилась на кого из них, наипаче первого.

Ноября 15-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Недаром я тебя люблю и жаловала, ты совер-

* Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин.

шенно оправдываешь мой выбор и мое о тебе мнение; ты отнюдь не хвастун и выполнил все предположения, и цесарцев выучил турок победить; тебе Бог помогает и благословляет, ты покрыт славою, я посылаю к тебе лавровой венец, который ты заслужил (но он еще не готов*); теперь, мой друг, прошу тебя, не спесивься, не возгордись, но покажи свету великость своей души, которая в счастии столь же ненадменна, как и не унывает в неудаче. *Il n'y a pas de douceur mon Ami que je ne voudrais Vous dire: Vous êtes charmant d'avoir pris Benders sans qu'il en aye coûté un seul homme**.*

Усердие и труд твой умножили бы во мне благодарность, естли б она и без того не была такова, что увеличиться уже не может. Бога прошу да укрепит силы твои; меня болезнь твоя очень беспокоила, однако, не имея от тебя более двух недель писем, я думала, что возишься около Бендер либо завел мирные переговоры. Теперь вижу, что догадка моя не была без основания. Нетерпеливо буду ожидать приезда Попова; будь уверен, что я для твоей вверенной армии генералитета все сделаю, что только возможно будет, равномерно и для войска: их труды и рвение того заслужили. Как обещанную записку о цесарских награждениях получу, то и тебе скажу и мое мнение. Любопытна я видеть письма Волосского господаря и капитана-паши бывшего о перемирии и твои ответы; все сие уже имеет запах мира, и тем самым не противно. План о Польше, как его получу, то рассмотрю и не оставляю тебе, как скоро возможно, дать решительный ответ. В Финляндии начальника переменить крайне нужно, ни в чем на теперешнего положиться нельзя; в Нейшлот я сама принуждена была послать соль отсюда, ибо люди без соли в крепости; я велела мясо дать людям, а он мясо поставил в Выборг, где

* Приписано рукой императрицы.

** Нет ласки, мой друг, которую бы я ни хотела сказать вам; вы очаровательны за то, что взяли Бендеры без потери одного человека.

мясо сгнило без пользы; ни на что не решится; одним словом, не способен к предводительству, и под ним генералы шалят и интригуют, а дела не делают, когда прилично; из сего можешь судить, сколько нужно сделать перемен там. Присланного от тебя молодца я пожаловала полковником и во флигель-адъютанты за добрые вести²³⁰. *L'enfant trouve que Vous avés plus cl'esprit et que Vous etes plus amusant et plus aimable, que tous ceux qui Vous entourent; mais sur ceci gardez nous le secret car il ignore que je sais cela**; за весьма ласковой твой прием они крайне благодарны; брат их Дмитрий²³¹ женится у Вяземского на третьей дочери.

Adieu mon cher Ami, portés Vous bien.

Ноября 25-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Попов приехал с бендерскими ключами и с твоими письмами от 9 ноября; за Бендеры Богу благодарение мы приносили, а теперь тебе скажу еще раз спасибо. Попову дана лента Святые Анны да денежная дача; приятно мне было его видеть и говорить с ним о щегольской твоей кампании, в которой, попечением твоим отличным о людях, они сбережены, а города неприятельские покорены. Планы сих городов я получила, они доказывают, что Бог нам помощник и что турки более боятся оружия российского и наших полководцев, нежели цесарских. От всего сердца теперь желаю, чтоб Христос тебе помог заключить честный и полезный мир, сей нам нужнее всего, к чему, кажется, теперь и есть надежда. Переписка твоя с Гассан-пашою, с Мавроени и твои весьма разумные ответы подают к тому надежду; нельзя, чтоб твои знаменитые успехи не сделали впечатление глубокое в неприятельских умах и чтоб, чувствуя свое расстройство, не обратились скорее на нужное спасение

---

* Дитя (Платон Зубов) находит, что вы умнее, занимательнее и любезнее всех, вас окружающих; это храните в тайне, ибо он не знает, что это мне известно.

остаточного, нежели на суетные обещания и внушения враждующих нам европейцев. Покоряя Бендеры, Vous avés couronné l'oeuvre de cette campagne и свой план выполнил; я думаю, что Булгакова к тебе отпустят; лично тебе трактовать, конечно, неловко. Как брабантские дела идут весьма плохо по сю пору, то думать можно, что цесарцы в мире имеют столько же нужды, как и мы, и захватывают Валахию для того, чтоб удержать лишь нужное.

Volontiers je chanterai avec Vous la chanson que Vous avés faite, que

Nous avons pris neuf lançon,
Sans perdre un garçon,
Et Bender avec trois pachas,
Sans perdre un chat.

J'aime à Vous voir en aussi bonne humeur et Vous avés lieu de l'être d'après une aussi brillante Campagne, soyés assurez que je me rejouis bien sincèrement de Vos succès*.

Я решилась взять сюда Салтыкова с Кубани и велела послать к нему курьера, также Игельстрома и принца Ангальта. Письмоводец графа Пушкина уже отходит, а генерал-майоров прошу прислать хороших и не все немцев.

Николаю Александровичу Самойлову посылаю Александра Невского, а Энгельгардту — Владимира второго класса.

Monsieur le moine point de moinerie, voilà ce que j'ai à repondre au mot келья, à propos de vos apartements que je me suis fait un plaisir particulier d'enjoliver**.

---

* Охотно я пропою с вами вашу песню:

Мы взяли девять баркасов,
Не потеряв даже мальчика,
И Бендеры, с тремя пашами,
Не потерявши кошки.

Люблю вас видеть в таком хорошем расположении духа, и вы можете быть таким после блистательной кампании. Будьте уверены, что я чисто-сердечно радуюсь вашим успехам.

** Прошу не монашествовать, господин монах, это я отвечу на слово «келья» оваших комнатах; я нахожу удовольствие украсить их.

После мира отдохнешь, и Бог подкрепит твои силы телесные и душевные.

Кубанской корпус пусть будет под твоей командою, как был. Пруссак мы ласкаем, касательно Польши, сие нужно сообразить с другими делами и настоящим нашим положением, чтоб каши не заводить более теперешнего. После мира и белорусцов прибрать можно. Сан бендерских бинь-пашей компонован, чтоб диван извинил сдачу города, я думаю. *Adieu Mon Ami portés Vous bien*, сие желание часто повторяем в разговорах с Платоном Александровичем, которым я весьма довольна, и ко мне привязан до крайности, вот ему аттестат, как корнету Кавалергардского корпуса к шефу оного.

Декабря 2-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Посылаю я к тебе, с последним курьером, что план твой о Польше требует разные соображения и что предоставляю себе о том к тебе писать по прошествии праздников; сие ныне исполню сим письмом и, во-первых, тебе скажу, что план твой весьма хорош, и желательно, чтоб обстоятельства способствовали произведению его в действо. Именованіе гетмана войск казацких Екатеринославской губернии затруднению не подлежит и рескрипт о том недолго заготовить, но от подписания меня удерживает только то одно, что тебе самому отдаю на разрешение: не возбудит ли употребление сего названия в Польше безвременного внимания сейма и тревогу во вред делу? Я полагаю, что для надежного производства в действие твоего плана необходимо нужен мир с турками и шведом; о последнем здесь приложено будет всевозможное старание, отдаляя всякие затруднения, колико только дозволит сохранение достоинства государственного. Касательно турецкого мира, кажется, успехи войска, тобою предводимого, уже столь далеко распространены, что следует ожидать податливости

со стороны сего неприятеля, повсюду побежденного. Да благословит Бог мирное дело успехом равным, как военные подвиги.

По восстановлении покоя откроется путь к начинанию сего важного дела, которое, кажется, всего удобнее предпринять при возвращении войск наших через Польшу. Разве король прусской обнажит прежде свои замыслы, нам вредные, либо займет часть Польши, тогда, отложив уважения, приниматься за сие дело. О заготовлении оружия имеешь рескрипт от 6 июля сего года, в сходство которого можешь предписать Кречетникову оное в Туле заготовить; а если пушки нужны, то вели оных вылить в Брянске либо на новом Екатеринославском литейном заводе, либо завоеванные пушки на то обрати. Для безопасности наших границ со стороны Польши нужно будет, чтоб место фельдмаршала Румянцева праздно не оставалось, но командующий генерал туда послан был, к чему думаю, что Кречетников всего бы полезнее был. Касательно Белоруссии и прекращения унии твои примечания равно основательны и оные исподволь в действие производить нужно; но принуждать помещиков жить в Белоруссии будет нарушение трактата, да и у нас многие живут и ездят, в силу законов, вне Империи, да и не хочу нажить нареканий подобных, как нажил мой союзник, император. Прощай, мой друг, будь здоров и благополучен.

Декабря 3-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Через Василия Степановича Попова посылаю тебе аптеку целую моих лекарств и желаю от всего сердца, чтоб тебе в оной никакой нужды не было; я, кроме наружных лекарств, все прочия давно кинула, но узнав, что желаешь их иметь при себе, посылаю.— Вторая посылка есть лисья шуба да соболья шапка, чтоб тебе холод не вредил,— носи на здоровье.

Лавровой венец еще недели через две поспеет. Пожалуй, пришли ко мне скорее репортицию Финляндской армии с назначением генерал-майоров, в чем нужда крайняя; у шведов умножается дезерция ныне. Еще, мой друг, прошу тебя в досужий час вспомнить приказать Сартию сделать хоры для «Олега»²³²; один его хор у нас есть и очень хорош, а здесь не умеют так хорошо компоновать; пожалуй, не забудь.

Когда король шведский услышал о сдаче Бендер, тогда остановил, сказывают дезертиры, свою поездку в Швецию и сказывают, будто сейм собирает в Або́ве. У короля английского в Ганновере поднялся бунт²³³ против капитуляции; правительство требовало от генералитета, чтоб собрали войска и оные ввели в города Ганновера и Целла, но они отказались то учинить, говоря, что на войска свои не надежны, а опасаются, чтоб не пристали к народу; с сим посланы курьеры в Англию; что будет — не ведаю, но сия зараза по немецкой земле распространяется.

Прощай, мой любезный друг, дай Боже тебе успех такой же в мире, как в войне.

Декабря 7-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Из письма твоего от 22 ноября вижу я, что ты уже прибыл в Яссы и что рано наставшая зима причинила тебе новые заботы; что люди бережены, но скота спасти нельзя было; я уверена, что ты трудов не щадишь, но что же делать, с погодою бороться нельзя. Из писем Гассан-паши еще не видно, чтоб турки тогда весьма заботились о мире, но если с ними негоциация откроется, то ты отнюдь не связан трактовать обще с цесарцами; у нас давно договорено, в сем деле всякому стараться о себе, а мириться, как лучше может; я бы того и желала, чтоб не через французов и не через кого сие дело происходило, но беспосредственно. Кауницова куча советников пускай остаются у Кобурга, а до нас и до тебя им дела нет;

касательно молдавских цинутов, кои еще у цесарцев, перепишись с Кобургом, чтоб вывел войска в Валахию и оные оставил. За поздравление с днем моего ангела благодарствую, также за прекрасные турецкие чашечки. Что ты устал, о том жалею и желаю, чтобы Бог подкрепил твои силы душевные и телесные; прости, мой друг, я здорова и весела.

Вчера мы вспоминали штурм очаковской и я была у молебна.

Декабря 20-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович*. Письма твои от 5 декабря я сегодня получила и спешу на оные ответствовать с едущим к тебе курьером; ты дивишься моему совету, чтоб ты не заспесивился, — вот каково писать за тысячи верст; естли б я с тобою говорила в ту минуту на словах, то б ты, поцаловав руку у меня, расстался бы со мною со слезами радости: как мне тебе сказать — не заспесивься, видя тебя покрытого успехами, коими тебя Бог благословил? *Mon âme, remplie de joye, ne fait rien autre chose que de Vous avertir un instant, qu'elle souhaitait que Vous évitiés la seule chose qui pouvoit nuire à toute la grandeur de la Vотре, Usés y mon amitié vraiment maternelle pour Vous, et puis c'est tout, qui a mieux mérité cette couronne de Laurier que je Vous envoyé aujourd'hui que Vous? la voilà, puissiés Vosu la porter cent ans. De mitre Episcopale assurément Vous n'en aurés jamais de moi, et un couvent ne sauroit être habité par celui dont le nom retentit dans l'Asie et dans l'Europe, il est trop petit pour lui**.*

* См. «Русскую старину», изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590; т. XVII, с. 21—38; 206—216.

** Исполненная радостью душа моя хочет только одного — выразить желание, чтобы вы избегнули единственной вещи, которая могла бы повредить величию вашей души; узнайте в этом только одно материнское к вам дружество. Кто лучше вас заслужил сегодня посылаемый вам лавровый венец? Примите его и носите, если возможно, сто лет. Епископской митры вы, разумеется, никогда от меня не получите и монастырь никогда

По твоим цареградским известиям видно, что там уныние великое. Булгакова они заподлинно выпустили, и он, как ты уже о том ведаешь, я чаю, из Вены приехал 3 декабря в Триест; я писала, кой час сведала о сем, к нему, чтоб ехал к тебе, а в Вене чтоб укоротили ему карантин. Странно, что поныне неизвестно, кто визирем? О Польше я писала к тебе через Попова и жду твои ответные письма о сем; о кубанских и кавказских войсках также через него к тебе писано. Дай Бог, чтоб на мир враги наши податливы были, но естли мира не будет, то, конечно, стараться должно о будущей кампании. Что из Швеции польской министр пишет, будто здесь революция вскоре будет, сия весть и к нам пришла из Финляндии, где король шведской оную основал на том: будто, для того и боясь оной, я сюда велела идти шести батальонам гвардии зимовать, из чего он заключил, что сие страха ради революции, и сказал, что шести полкам велено уже для того идти к Петербургу. Однако, слава Богу, мы здесь в добром здоровье.

Дамы венские умнее выдумывают пояса и перстни, нежели наши барыни; благодарствую за присланный перстень княгини Эстергази.

Декабря 21-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Прочтя в другой раз твое письмо от 5 декабря, я тронута была до слез изъявлением души и сердца и чувствами твоими; да благословит сам Господь Бог все деяния твои; что я для тебя ни делала, ты всего того достоин. Прости, умница, будь здоров и благополучен.

1790 г.

Императрица — кн. Потемкину

Января 10-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Сего утра получила я твое письмо от 26 декабря; ты меня благодаришь с таким чувствием, что до слез тронута была; дай Боже тебе здоровья и всякого благополучия, и (при)соединить к победам имя миротворца, в сем теперь нам главнейшая нужда, ибо не осталось почти никакого сомнения, чтобы король прусской не имел в намерении, обще с поляками, весною напасть на наши владения, как то усмотришь из предлинного рескрипта, с сим курьером отправленного, в котором я нарочно велела прописать всю историю, чтоб осталась в архиве *comme une pièce authentique*. Уже здесь и Иван Петрович Салтыков, приехал сегодня; сей говорит, будто с Кубани тысяч десять взять можно, не испортив дела; но сие ты получишь его смыслишь, итак, полагаюсь на тебя с полной доверенностию. С сегодняшним из Вены приехавшим курьером император сам ко мне пишет, что он очень болен и печален, по причине потери Нидерландии; естли в чем его оправдать нельзя, то в сем деле; сколько тут перемен было: то он от них все отнимал, то возвращал, то паки отнимал и паки отдавал. *Dieu sa t ce qu'il faisait, mais l'événement a montré qu'il ne faisait rien qui vaille**.

Жалею весьма, друг мой, что рука у тебя так сильно болит; я чаю, есть в аптечке твоей камфарная мазь, или масло, или состав; прикажи лекарю отыскать, которая для ревматизма действительнее, еще мыльного спирта; но прошу ее без лекаря не употребить, помнится, я о ней сказала Попову. Твой кавалергардской

* Бог знает, что он делал, но последствия показали, что он не сделал ничего путного.

корнет, о котором просишь прикрасы и которой оной, право, достоин, шестой день как лежит в постели, думали — горячка, и теперь слаб и худ таков, что на себя не похож; сушая простуда и за ушами жилы опухли. Ну, мой друг, добра только и ждать от вас и с вашей стороны; с нетерпением желаю скорого приезда твоего обещанного курьера. Как тебе Бог даст заключить мир, то ты будешь благословлен в мужах.

Adieu mon cher et précieux ami*.

Февраля 6-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Замерзшими чернилами, понимаю, что писать неловко было; не имев три недели от тебя писем, наконец, получила твое письмо от 23 января, и жалею весьма, что ты был болен от стужи и простуды; прошу побережь здоровье, оно мне нужно; в холодное время впредь употреби флягу и чарку, которые сей курьер к тебе привезет, *je souhaite que ce petit meuble vous fasse autant de plaisir, que j'en ai à vous l'envoyer de bon coeur***. Быть может, что турки делают попытку ради выиграния времени, но кажется мне, что ви-зирь, имея полную мочь, наперед хочет спасти свою голову, и для того сам, со своими пашами, отписал в Цареград дурное свое и войск состояние, что не идут из провинций к нему, что нет ни денег, ни провианта, ни людей,— надеясь тем представлением от Дивана выманить повеления точные, либо слова какие, кои бы его принуждали приступить к мирной негоциации.

О сем нимало не сомневаюсь, что мир скорее делается, когда Бог даст, что наступишь, как пишешь, им на горло. Как тебе не выигрывать у турецкого народа доверие, вящее их начальников: во-первых, ты умнее тех, во-вторых, поступаешь с ними вели-

* Прощайте, мой дорогой и драгоценный друг.

** Желаю, чтобы эта вещица доставила вам столько же удовольствия, как мне ее посылка от чистого сердца.

кодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слышали о своих.

О польских делах ты давно уже от меня разрешение имеешь, но, при отпуске твоего письма, еще отселе отправленный курьер до тебя не доехал. К Штакельбергу писано, чтоб он сидел смирно и не суетился. А конфедерация, ты сам вспомнишь, сделана была в таком виде, чтоб заключить с Польшею союз; сему прусской король препятствовал грубым образом, как сам знаешь. Теперь жду нетерпеливо твои ответы на мой рескрипт и репортиции войск. Пуще всего, чтоб упор нашли, где хотят нападать. А что войска устроишь полезным образом, не сомневаюсь; изволь трудиться, господин великой гетман²³⁴, вы человек весьма умной, хороший и нам верный, а мы вас любим и милуем. Об союзнике моем я много жалею, и странно, как, имея ума и знания довольно, он не имел ни единого верного человека, которой бы ему говорил — пустяками не раздражать подданных; теперь он умирает, ненавидим всеми, что же была (за) диковинка короноваться королем венгерским, благо что подданные привязаны к короне; мать его они спасли в 1740 г. от потери всего, я бы на его месте их на руках носила. *Votre couronne de laurier Vous ira à merveille et je serai charmée de voir un Chevalier de St. André aussi digne de cet ornement et auquel je l'ai donné parcequ'il l'avoit mérité par ses services et la fidélité**; твою благодарность, и что по сему случаю пишешь, без слез читать не могла. О намерении твоём действовать флотом в разговорах говорено будет; по твоему совету, скажем, что распутица причиною, что ничто не довозится, и тому подобное, но ради Бога сам берегись, не вдавайся излишне где в опасности, *je ne veux pas Vous perdre, mon cher Monsieur***. Второй твой курьер до сего часа не приехал; ты говоришь,

* Лавровый венец превосходно пойдет к вам, и я буду очарована, видя кавалера Св. Андрея, достойного украшения, мною ему данного за его заслуги и верность.

** Я не хочу вас потерять, мой дорогой.

что посылаешь его через Польшу, уже не лучше ли их посылать через Россию, чтобы иногда не перехватили их с чем нужным; не имея твоих писем о боярах, ничего сказать не могу, такожде о войсках малороссийских, а что получу, то ответом не помешкаю. За простыни благодарствую, в Царском Селе сделаю из них употребление. Прости, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и благополучен. Мы говеем и твой корнет в анненской ленте и поведения беспорочного.

Марта 1-го ч.

Друг мой, князь Григорий Александрович. Из рескрипта, мною подписанного, увидишь положение дел²³⁵ до сего часа и колико нужно готовиться к отпору злых намерений врагов наших; всевозможные меры употребляются укротить их злобу, отвратить и удалить принятые ими единожды правила унижить Россию и влещи ее за собою в их намерения и виды, по своим мнимым интересам немецким. Надлежит теперь смотреть — смерть императора какие окажет обстоятельства, но судя по прошедшему о будущем, то дела останутся почти в том же положении, понеже и из сообщений берлинскому двору предварительные кондиции мира с прощением их добрых официй; они из оных сделали употребление коварное, злое и гордое, доказывающее умоположение того двора и бешеные намерения Герцберга, который королем властвует. Теперь требует у Польши Торун и Данциг; я говорю, пусть берет, но помню, что в 1763 году Бестужевым записано в протокол конференции, что сие — казус-федерис, понеже о Данциге трактаты и гарантии особенные, я и все то знаю, ведаю и помню, что после того для и против говорено и делано, — и стараюсь обратить все к лучшему и к утушению, чтобы не все вверх дном пошло, как пишешь; но наше одно старательство тут не довольно — одним пером, а надлежит врагам показать, что нас сюрпренировать невозможно и что зубы есть, готовые на оборону отечества,

а теперь они вздумали, что, потянув все к воюющим частям, они с поляками до Москвы дойдут, не находя кота дома. Пространство границ весьма обширно, это правда, но естьли препятствий не найдут, то они вскоре убавят оные. Мир нужен, но я с тобою весьма одного мнения, что турки, увидя сильную диверсию, оный не так скоро сделают, как бы сами желали, не имея таковой надежды; а набиваясь и домогаясь у турок мира, ничего не будет. Цесарцы торопливостию много дела свои испортили; увидим, что теперешний король венгро-богемский учинит. Пришли ко мне репортиции тех войск, кои к границам белорусским отряжаешь; не могу обещать, чтоб шесть месяцев, коих просишь, выиграны были, а несколько времени мы, кажется, что уже выиграли. С кавказскими жителями чтоб обходиться мне милостиво, как пинешь, затруднения не будет; следовательно, и ничего сказать не могу. Что ты, мой любезный друг, болен был, о том сердечно сожалею и прошу тебя всякое попечение иметь о своем здоровье. Каково дела пойдут в Венгрии и Трансильвании при новом государе, увидим, а брабандцы теперь в таковой конфузии, как французы; однако их несогласия между собою остановила Англия и Голландия признать независимость их. Питт старается доньне отвратить войну, но, может быть, заведен будет берлинским двором и принцессы Оранской поневоле; теперь еще, быть может, и то, что выбором короля римского аттенция несколько оборотится на ту сторону. Однако готовностью нашею ничто не испортится. Господин великой гетман екатеринославских и черноморских казаков, живи здорово; поделай дела добрые, и будь уверен, что я Бога прошу, да благословит твои предприятия к пользе дел моих и Империи. Прощай, мой друг любезный, я здорова, корнету твоему аттестат даю беспорочной.

Марта 18-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Вручителя сего письма, флигель-адъютанта моего Валериана Александровича Зубова, прошу жаловать и любить, как молодого человека, наполненного охотою к службе и доброй волею; он никуда не захотел сам, кроме к тебе в армию, он же едет к тебе с тем, чтобы действительно служить и быть употребленным куда изволишь; с таковой диспозициею, я надеюсь, что его не оставишь праздно; сии молодые люди в самом лучшем расположении и при том весьма добросердечны и честны, и нельзя их не любить и за них не интересоваться. Я надеюсь, что мне в слово не выдашь. Прощай, Бог с тобою.

Алкораны при сем посылаю, которые ты требовал.

Марта 19-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. На письма твои от 25 февраля сим отвечаю. Я того мнения, что ты простужаешь голову и что она оттого часто у тебя болит; я помню, когда у меня были боли ужасные в голове, тогда ни от чего облегчения не чувствовала, кроме того, когда лоб нагреется; дай Боже, чтоб сие письмо тебя нашло в добром здоровье, чего от сердца желаю, паче ныне, при скором открытии кампании, как сам пишешь. Мое теперь внимание не столько о том, что делается в Вене, занято, как в других нам враждующих дворах. Новой король венгро-богемской, по кончине императора, еще из Флоренции, тотчас по получении первого известия, ко мне писал самое дружеское письмо, на которое я отвечала; князя же Голицына теперь ни сменять, ни переменить не для чего, понеже он там привык и любим, а новой государь, хотя и миролюбив, но в сей кампании не иначе поступит, как прилично к до-

стижению мира, то есть *avec nerf et vigueur**, что ты сам усмотреть мог из писем князя Кауница; а к ладу с прусским и английским дворами теперь поводов у венского на время, то есть до Петрова дня, довольно будет, по случаю выбора короля римского, и, кажется, столько времени осталось к приготовлениям, кои сильнее всего удержат и опрокинут каверзы, еслили удержать не удалось. А как бы то ни было, здравой рассудок ожидать надлежит с одной турецкой стороны: как нанесем им какой ни есть еще чувствительный удар, то каверзы европейские у них разрушим и принудим взяться за мир, о сем получишь в рескрипте все те разрешения, кои ты потребовал; Бога молю, да благословит тебя добрым и полезным успехом в военном и мирном деле. Во втором письме пишешь, что ты не получил мое письмо, а получил лишь рескрипт о произвождении; мое письмо отправлено, сказывают, с другим курьером, и теперь, чаю, уже в твоих руках. Хотя визирь Кирджали желает мира, но известно тебе уже, что в Цареграде согласились заключить союз наступательный и оборонительный с прусским королем и что Юсуф-пашу привезли в Стамбул, иные думают, дабы предводительствовать на море, а другие — дабы сделать его визирем, но для сего незачем, кажется, его было везти в столицу; в конгрессе барыша не будет, а интриги и помешательства бесконечные, и весьма разумно о сем судишь. Корреспонденцию твою с визирем и с Бароцием я читала; желательно, чтоб произвела в турках полезные нам действия; еслили треть того числа людей, чем грозит Гассан-паша, поставишь в обсервационной армии, то прусской король будет говорить учтивее и остановишь приготовленную им диверсию в пользу турок. Я не понимаю, против кого союз с турками нам заключать, и сие бы было дело к непрестанным с ними ссорам и хлопотам для и против них; сию мысль лучше оставить и с врагами христиан не свя-

---

* С живостью и силою.

зываются союзом; каков подобный союз грекам одним был бы горестен, сам рассуди. Король прусской близ миллиона истратил денег в Венгрии для возбуждения бунта, но доньне не предупредил. Чин бригадира, по твоей просьбе, дан Салиг-аге, но вспомни бригадира Селим-Гирея, который и с владимирскою лен-тою ушел, и прикажи засим и его корреспонденциею, через жидов, с пруссаками и поляками, прилежное око иметь. Что ни Мавроений, ни визирь тебя [моего воспитанника]* не окупят, о сем не сомневаюсь, а корреспонденция с поляками и пруссаками через Яссы ближе, нежели через Италию. В рескрипте найдешь разрешения, кои ты требуешь о мире и крепостях, — князя же в Молдавию теперь наименование никак не удобно, сие точной повод будет прусскому двору к поспешению своего злого намерения, которое и без того уже другой год отдаляем с трудностию, и против лихих затей которого теперь необходимо нужны войска, о коих, как для обороны границ назначенных, так и для армии обсервационной, какие полки именно, откуда, когда и куда отправляются? И к которому времени поспеют? Да и кого генералов советуешь определить? — Пришли ко мне скорее сведения. Пришло на ум, не возможно ли тебе употребить большую сумму денег моих на тех, кто из кредитных при Порте и миру способствовать могут; пожалуй, постарайся. Ты скорее в них успеешь, нежели они в тебе. Прощай, мой друг, Бог с тобою, будь здоров и счастлив.

Я через Валериана Александровича посылаю к тебе Алкораны, кои ты у меня просил, а он сего же дня едет.

Марта 30-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович! Письма твои от 10 марта из Ясс я получила и весьма жалею о твоей болезни, и крайне она меня

* Приписка под строкою. Л.

беспокоит; дай Боже скорее услышать о твоём выздоровлении. Великая теперича нужда о скорейшей присылке от тебя обещанной репортиции войск в обсервационной паче армии, понеже от нее зависит, так-то сказать, целость и безопасность Империи, а враги висят на носу. Штакельбергово письмо к тебе безумное, я приказала его отозвать, а Булгакова назначила посланником в Польшу; из рескрипта и к нему приложенных бумаг увидишь, колико стараются постыдными делами вовлещи нас в унижение и посрамление, и нашими же руками вынуть из огня каштаны, а на пятьдесят лет заключили трактат наступательной с турками, со врагами имени Христова. Дай Боже, чтоб полки, идущие в Украину, могли скорее степь перейти. Прикажит-ко, барин, когда тебе удобно будет, по степи, на каждые двадцать верст, сделать сарай или корчму из тростника, камыша или мазанки, как я построила в здешней губернии деревянные и в Финляндии, на тридцати саженьях, в коих проходящие войска весьма покойно умещаются; в каждой живет отставной солдат; гвардия, когда шла, не захотела стать нигде, таковы мои сараи; как я ведаю, что ты любишь более всего пользу, то и сей мой совет тебе да не будет противен. Не опасайся, мой друг: без крайности крайней, не велю двигаться обсервационной армии, ибо не теперь время наступательно действовать на врага нового, но оборонительно тогда, когда нас задерут заподлинно.

Известие есть, что со стороны Силезии пруссаки в движении.

Бог с тобою и да даст тебе всякий успех.

Апреля 8-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои, от 18 марта, получа, на оные сим отвечаю; что ты болен был, о том весьма жалею и желаю скорее услышать о восстановлении сил и здоровья твоего.

Касательно совета твоего, чтоб скорее помириться с турками, ты уже получил, после отправления твоих писем от 18 марта, во всем и всех статьях совершенное от меня разрешение, и если турки не вовсе ослеплены каверзами прусскими, то, кажется, нельзя не приступить к миру. О смене Штакельберга и определении Булгакова приказания посланы. Меры, тобою взятые для обороны границ и, на случай разрыва, для действия и исполнения плана, весьма хороши; желательно же было бы только, для вящего здесь спокойствия, чтоб, сверх кордона по такой обширной границе, можно было иметь в окolicности Риги резервной корпус тысяч от пятнадцати до двадцати, который в состоянии был бы всегда двинуться в здешнем крае, куда нужда укажет, для отпора, на случай, если бы король прусской обратил что-нибудь к ближним отсюда нашим границам. И для сего, и чтоб таковой корпус отделить, как в существе для нас бесполезной, настоять более на сделание в Швеции конституции, чтоб король не властен был начать войну, понеже он всякую нарушит; ему, королю, ныне сделано через гишпанского министра внушение о мире, по приезде его в Финляндию, на которое ответ короля шведского покажет прямые его намерения, но между тем нельзя не действовать усиленно на сухом пути и на море, понеже шведские флоты, как корабельной, так и галерной или армейские, выходят в море. В Вене сменить посла не нахожу нужды, ибо дела делать здесь можно с их послом; князь Голицын там приятен, а ежели при нем кого нужно послать, то разве графа Андрея Разумовского. О казаках из мещан в российские города не удобно, понеже сие требует соображения с Городовым положением, а противоречить своим же учреждениям я не нахожу приличности. Ничего на свете так не желаю, как мира, а тогда я, чаю, не найду нигде охотников наказать Бранденбургского курфюрста за все его обиды и неправду, и я так уверена, как здесь сижу, что он останется безвреден. Вот как я

применяться к обстоятельствам приучилась. Мы выиграем время, колико можно; но выиграв, об заклад бьюсь, что (не) будет ничего, а великодушно скажем: «Бог с ними, что с ними связываться». Здесь теперь холодно и во льдах сидим еще по уши. Англия доныне не ответствовала на наше предложение о торговом трактате. Что в Финляндии много войск, лишь бы оным умели действовать, в том я твоего мнения; но буде наши тамошние начальники, быв вскормлены, так сказать, на войне, не умеют воевать, то мне их перепекать, аки тесто, также нельзя же. Теперь, мой друг, до Петрова дня недель десять; сколько из оных Бог велит выиграть — не ведаю, а то знаю, что старание прилагается колико можно. Прощай, помоги нам Бог, я здорова, тебе желаю от всего сердца всякого благополучия и счастья.

Я думаю, что Валериан Александрович доvez до тебя уже теперь мое письмо; ему и брату его я продолжаю давать наилучший аттестат; они таковы, как только желать можно: добросердечны, усердны и честны, и привязаны ко мне лично.

Апреля 19-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Меня пуще всего беспокоит твоя болезнь; ради Бога берегись, ведь ты не из слабых людей, но с годами нужны некоторые осторожности, охраняющие здоровье более, нежели в первой младости; дай Боже, чтоб ты скорее оправился совершенно. Кажется, вести из Вены удовольствительны: король венгро-богемский уверяет меня в своих письмах, что он намерен содержать все брата своего обязательства с нами. О мире, кажется, имеем совершенную развязку, но жаль, что Гассан-паша умер. Бароциев журнал²³⁶ довольно показывает положение дел; все зависит теперь от того, кого изберут визирем: бешеного Юсуфа, либо к миру склонного. Поберегись, Христа ради, от своего турка, дай Боже, чтоб я обманулась, но у меня в голове

опасение, извини меня, чтоб он тебя не окормил; у них таковые штуки водятся, и сам пишешь, что Гассан-паша едва ли не отравлен, а к сему пруссаки повод, и может быть, и умысел подали, и от сих врагов всего ожидать надлежит, понеже злоба их паче всего личная противу меня, следовательно, и против тебя, которого более всего опасаются; я желаю, чтоб я обманулась, а нельзя не сказать, когда на ум пришло. Хорошо, конечно, с другой стороны, приласкать сего человека, естли он чистосердечен, и другим туркам подавать повод, чтоб потеряли отвращение к нам.

К фельдмаршалу Румянцеву от меня сего же дня отправлено письмо, где к нему пишу, начисто, чтоб выехал из Молдавии, либо к водам, либо в Россию, ибо его пребывание вредно моим делам,— посмотрим, что будет.

За поздравление с праздником благодарствую и тебе желаю же Бога помощником во всех твоих деяниях к пользе Империи. Прощай мой друг, Христос с тобою.

Мая 13-го ч.*

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Мучит меня теперь несказанно, что под Ригю полков не в довольном числе для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит по обстоятельствам дел. Я надеюсь, что на Ригу, без большой армии, предприятие всякое тщетно будет; корпус прусской, сюда назначенной, сказывают, тридцатитысячной, дезерцию в оном старание приложено будет умножить. Но со всем тем корпус войск в Лифляндии крайне был бы нужен. Король шведской мечется повсюду, яко угорелая кошка, и, конечно, истощает все свои возможности на нынешнее время; надолго ли сие будет, не ведаю, только то знаю, что одна премудрость

---

* Одного письма, с известием о разбитии шведского флота, недостает. Дело было у Ревеля. Л.

Божия и Его всеильные чудеса могут всему сему сотворить благой конец. Диспозиция шведского великого адмирала, принца Карла, нечаянно сама собою в оригинале приплыла к ревельскому берегу с созженного шведами, я чаю, корабля; как они втрое были сильнее, то хотели наши корабли, окружа корабль за кораблем, пленить, и для того были определены фрегаты, коим плененные корабли отвести надлежало, но вместо того Богу угодно было нам отдать шведской корабль, а наши — все целы. Теперь Кронштадтской флот пошел на соединение с Ревельским, а я молю Всевышнего, да поможет нам чудесами своими: когда люди коротки, тогда Бог всеильной оказывает свое могущество. Любопытна я знать, кто визирем; здесь вести есть, будто Юсуф-паша объявитель войны. Странно, что воюющие все хотят, а им нужен мир; шведы же и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора, которой вздумал отнимать и даровать провинции, как ему угодно: Лифляндию посулил с Финляндией шведам, а Галицию полякам; последнее заподлинно, а первое — моя догадка, ибо шведской король писал к испанскому министру, что когда прусской король вступит в войну, тогда уже без его согласия ему нельзя мириться, да и теперь ни на единый пункт, испанским министром предложенный, не соглашается, а требует многое себе по-прежнему.

Пришли, пожалуй, скорее известие, где и как войска расположены, для выполнения твоего плана, также о Кречетникове; Христос ведает, где он, а в Украине доньне его нет. Прощай, мой друг, будь здоров и уведомляй меня почаще.

Твоему кавалергардскому корнету непрерывно, ни единой минуты продолжаю давать самый лучший аттестат.

Мая 14-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. По написании вчерашнего письма, твой курьер

приехал с отправлениями от 2 мая. За поздравления твои с праздниками благодарю и весьма знаю, что они искренны и чистосердечны.

Экспедиция генерал-поручика Бибикова²³⁷ весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что он с ума сошел, людей держал сорок дней в воде почти, и без хлеба; удивительно, как единой остался жив, я почитаю, что немного с ним возвратилось; дай знать, сколько пропало, о чем весьма тужу. Если войско взбунтовалось у него, то сему дивиться нельзя, а более сорокадневному их терпению. Сие дело несколько похоже на Тотлебеново и Сухотина²³⁸ во время прошедшей войны. Что тебе забот и трудов будет стоить испорченное поправить, это правда, дай Боже тебе силы и здоровья. Только сим письмом, на которое теперь отвечаю, ты весьма на меня угодил; как Бог даст, что мир заключишь, тогда увидим, что делать надлежит; я писала без гнева, одно мое опасение, что обиды, сделанные Российской империи, иногда не принимались с тем чувством, которое рвение к достоинству ее в моей душе впечатлело, *toute ma vie a été employée à maintenir la Splendeur de la Russie, il n'est donc pas étonnant que les offenses et les injures qu'on lui fait me soient insup. portables à supporter en silence et à les dissimuler comme nous avons fait jusqu'ici par cette prudence momentanée qui l'exige; mais souvent en les étouffant de pareils ressentimens intérieurs jusqu'ici, n'en deviennent que plus vifs**. Я с тобою говорю, яко с собою, а делать буду, что разум самый беспристрастный укажет к стати и ко времени.

Если визирь выбран с тем, чтоб не мешать миру, то, кажется, ты нам вскоре доставишь сие благополучие; с другой же стороны, дела дошли до крайности, как увидишь из бумаг; если б в Лифляндии мы

---

* Вся жизнь моя была посвящена поддержанию блеска России и потому неудивительно, что обиды и оскорбления, ей наносимые, я не могу терпеть молча и скрывать их, как мы это делали доньше, ради минутной осторожности, того требовавшей; но весьма часто подавляя в себе подобные чувства внутреннего злопамятства, мы их тем более усиливаем.

имели корпус тысяч до двадцати, то бы все безопасно было; да и в Польше перемена ускорила. Я к тебе писала, что ловчее всего Андрея Разумовского туда послать, жена его венка, и он там связи имеет, неглуп и молодость уже улеглась, *et il paroît être devenu beaucoup plus prudent**, обжегся много, даже до того, что оплешивел. Принц Виртембергской²³⁹ приехал, и в жалком состоянии, я его сего утра видела впервые и опасаясь, чтоб не было в последний, *on veut lui faire deux operations, il est fort resigné, sa soeur croit qu'au bout de six semaines il pourra s'en retourner à l'armée, mais les chirurgiens regardent l'operation comme très dangereuse. Adieu mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur*** и молю Бога о твоём здоровье и благих успехах в мире и войне, а ты умница.

Спасибо тебе еще за то, что ты ласков к Платону Александровичу, он того стоит — чистосердечною привязанностию ко мне, добрым нравом и качествами души и сердца его.

К фельдмаршалу Румянцеву я писала, чтоб непременно выехал из Молдавии.

Из Финляндии на сей час нового ничего нет.

Июня 8-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Письма твои от Троицына дня и от 29 мая мною получены; ежели ты обрадовался много чудесам Божиим у Ревеля, то последствия оных не менее тебе приятны будут; когда шведы узнали, что Круз с флотом вышел из Кронштадта, они вздумали помешать соединению обеих эскадр и, пришед в Гогланд, близ Сескаря, атаковали Кронштадтскую эскадру, 23 мая, без всякого успеха; сия стрельба продолжалась и

* И, кажется, он сделался гораздо благоразумнее.

** Ему хотят делать две операции, он совершенно покорился своей судьбе; сестра его думает, что, по прошествии шести недель, он может возвратиться в армию, но хирурги считают операцию весьма опасною. Прощайте, мой дорогой друг, я люблю вас всем сердцем.

24-го, и 25-го, где уже адмирал Круз за ними шел, они все старались подойти к ним ближе; в последний день шведы из целого корабельного лага, примечено, что не более трех ядр пускали. Все сии три дня, как в городе, так и здесь, стрельба весьма ясно слышна была, и то нами примечено было, что стрельба отдалялась.— 26 мая шведы узнали, что от Ревеля адмирал Чичагов идет с одиннадцатью кораблями на соединение с Кронштадтскою эскадрою; тогда они соединились с своею гребною флотилиею, которая их втянула за мели, за каменья и между островов в Выборгский залив; тут они доднесь еще здравствуют, быв с моря заперты нашим всем флотом корабельным, с боков же старание прилагается день ото дня гребному флоту их, зашедшему в Березовой Зунд, отрезать возможность к выходу; позади шведского флота у Странгзунда стоит с тридцатью галерами вице-адмирал Козляинов, а Нассау должен идти от правой стороны Кронштадта с гребными судами к Бирке, Слизов же из Фридрихсгама приидет с добрым числом канонерских лодок к нашим же кораблям и фрегатам; от Ревеля же идут бомбарды и прамы, и, если Бог поможет, то, кажется, что из сей мышеловки целы не выйдут.

Между тем в бухте Выборгской они мечутся, аки угорелые кошки, то туда, то сюда, и делают десанты, и стараются где-нибудь находить или поделать пролазу: в ночь с 6 на 7 июня они атаковали Буксгевдена на острове у Ронсара, но он их с большим уроном принял на штыки и прогнал на воду паки, в конфузии, до лодок, откуда вышли; в плен взял 40 человек, двух офицеров, четыре знамени. Сказывают, у них половинную порцию производят людям, и когда по воду посылают, тогда люди бегут, и таковых уже человек сто. Ферзен и Рек стоят близ правого берега, от Выборга по сю сторону, и содержат коммуникацию с Систербекем, где на батарее Милосин. Я ездила 29 мая в Петергоф и Кронштадт, тут стрельба так слышна была в три первые дни, что окна тряс-

лись; вот, мой друг, каковы мои загородные упражнения, есть чем заниматься, и, кажется, по сию пору Бог помог; молимся, да продлит милость свою. В те дни, когда шведской флот атаковал Круза, Армфельд атаковал Хрущева²⁴⁰, но сей его прогнал; тут роты Семеновские отменно хорошо поступали и двое капитанов получили и заслужили Егорьевские кресты, итак, прошу не называть их иначе, как храбрыми людьми. Васильчиков же очень хорошо ретираду закрыл Денисова, итак, прошу к нему быть ласковым, он того заслуживает, а Маркова я сделаю секунд-майором; в нынешних обстоятельствах он будет никак неизлишен, ибо почти вся гвардия в деле, и с большим усердием и рвением, они же ко мне лично привязаны, и я их очень люблю, и все лучшие люди почти из них вышли, и ваша светлость сами и теперь Преображенского полка подполковником.

Я писала к принцу владетельному Ангальт-Бернбургскому²⁴¹, дабы узнать о состоянии жены и матери покойного генерал-поручика того дома. Что пишешь о том, что ты оделся в кафтан, сделанный из солдатского сукна, сие я весьма хвалю и желаю, чтоб все генералы и офицеры переняли.

До половины июля надеюсь, что дела протянем с пруссаками. А твой присланной по сей материи план в полной мере я апробую, и то хорошо, что кн. (Юрию Владимировичу) Долгорукову поручить намерен, я думаю, что он уже у вас. Если мир сделаешь, то все облегчится, но трудно думать, чтоб турки, без крайности, к оному ныне приступили. Счастливый тебе путь в Херсон желаю, здоровья и сил, душевных и телесных. Прощай, Бог с тобою.

Чистосердечная, усердная привязанность кавалергардского корнета (Пл. А. Зубова) и его добронравие сим засвидетельствую, а брата его, резвушу, тебе снова поручаю и прошу тебя иметь о нем попечение, а брат несколько о нем беспокоится, но я надеюсь, что причин не имеет; он к нему не пишет.

Кн. Потемкин — императрице

(Помета: получено по почте, июня 23-го)

Матушка всемилостивейшая государыня! Давно уже написав мое отправление, ожидал всякий день возвращения из посланных моих к визирю; получа первое теперь, подношу копию с письма визирского.

Матушка родная, при обстоятельствах, вас отягощающих, не оставляйте меня без уведомления; неужели вы не знаете меру моей привязанности, которая особая от всех; каково мне слышать со всех сторон нелепые новости и не знать, верно ли или нет. Забота в такой неизвестности погрузила меня в несказанную слабость: лишась сна и пищи, я хуже младенца. Все видят мое изнурение. Ехать в Херсон, сколько ни нужно, не смогу двинуться.

Ежели моя жизнь чего-нибудь стоит, то в подобных обстоятельствах скажите только, что вы здоровы*.

Положение шведского флота столь нам по милости Божией полезно, что остается довершить, что должно учинять, как можно скорей; ежели пойдет вдаль, могут случиться разные обстоятельства, а паче от погоды. Есть в арсенале пушки длинные, которые носят на дальнюю дистанцию; поставя на суда, какого ни на есть роду, галиоты и другие годятся, ими, не подвергая выстрелам, бить можно.

Мортиры морские пятипудовые, с медными платформами, посылают бомбы на четыре версты, а всего лучше, положя надежду на Христа Спасителя, идти прямо.

Как слабость пройдет, отправлю курьера с подробным описанием неприятельского положения. Пока жив, вернейший и благодарнейший подданный князь Потемкин-Таврический.

---

* Этот отрывок был напечатан у Бантыша-Каменского, см.: Биографии российских генералиссимусов и т. д. СПб., 1840. Ч. 2-я, с. 75, и Словарь достопамятных людей. IV. 214. П. Л.

Корнета моего* я паче и паче люблю за его вам угодность; о брате его я все приложу попечение сделать его годным в военном звании, в котором проведу через все наши мытарства; не упущу ничего к его добру, а баловать не буду.

Екатерина II — князю Потемкину

Июня 28-го ч.

Ну, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, есть что писать. Король шведский с корабельным и галерным своим флотом был заперт от 24 мая до 21 июня, как я к тебе писала; во все то время веял востовой (восточный) ветер и совершенно противный нашему гребному флоту; между тем успели паки настроить в Петербурге канонерских шлюпок наместо потерянных Слезовым²⁴²; наконец, 20-го повеял и ветер, способной гребным судам, и принц Нассау, с оным вышед в Березовой Зунд, имел с королем шведским самим и его гребными судами пятичасовое дело, по котором король шведской отступил и пошел далее по Выборгской бухте и, соединясь с корабельным своим флотом, предпринял с оным пробиться сквозь наш флот; что же сделалось по власти и мудрости Божеской? Зажегши три брандера, шведы пустили оные, при сильном нордовом ветре, на пять кораблей отряда контр-адмирала Повалишина²⁴³; но брандеры сцепились с двумя шведскими кораблями и все пять шведские взлетели на воздух, наш ни один; потом шведы шли четыре часа мимо Повалишина. Что он взял, что он потопил, а за ним Ханыков²⁴⁴, увидишь из реестра, а моей памяти недостает; Чичагов, Круз

---

* Слово *моего* прибавлено князем Потемкиным, конечно, после, потому что оно написано немного повыше строки, почерком более толстым и другими чернилами.

Здесь говорится о Платоне Александровиче Зубове. Кн. Потемкин был шефом Кавалергардского полка, а П. А. Зубов в 1790 г. пожалован корнетом Кавалергардского корпуса. П. Л.

и Пушкин²⁴⁵, снявшись между тем с якорей, пошли вдогонку; что они взяли и разбили — прошу прочесть также; за галерным шведским флотом пустился равномерно Нассау, один 60-пушечный корабль ему сдался; у Питкопаса стоял Кровн²⁴⁶, сей и ныне еще шлет пленные галеры одну за другою в Кронштадт; в Ревель приведено один 44-, а другой 64-пушечной корабль, и теперь еще ловля идет; одним словом, донныне еще все обстоятельства сей совершенной победы не собрано, пленных тысяч до пяти, пушек до восьмисот, а мелких судов счету нет еще. Король, сказывают разно: одни — будто ушел на баркасе, между провиантских двух судов; другие, что был на своей яхте «Амфион», коя потоплена, и будто, сошед, сел на галеру, сия галера взята, с ней соскочил в шлюпку; сия шлюпка также взята, со шлюпки сошел в бот, бот сей ушел; завтрак его взят: он состоял из шести сухарей, копченого гуся и двух штофов водки. Брат королевской уехал на своем, весьма разбитом, корабле в Свеаборг, пред которым теперь Чичагов крейсирует. Поздравляю тебя с сегодняшним праздником и с сею победою; разрешил нас Бог от бремени и обрадовал тебя Чичагов еще раз, как видишь; вчерась, в день Полтавской баталии, был у меня здесь молебен, а в воскресенье поеду в город, и будет молебен в морской церкви у Николая Чудотворца. Прощай, Бог с тобою; сказывают, будто пруссаки, с первого июля, выступят в поход, о чем такожде тебя извещаю; через Курляндию хотят идти к Риге, а король уже давно в Бреславле и переговоры донныне еще идут в Рейхенбахе.

Корнет твой обрадовался твоей присылке и продолжает непрерывно по-прежнему свое похвальное поведение.

Июля 1-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Вчера я ездила в город для приношения Богу

благодарения за победу, одержанную при выходе шведского флота из Выборгской бухты; доднесь никто у нас не ведает, куда девался король шведской; странно, что и из-за границы выходящие дезертиры о сем ничего не ведают, а пленные шведы, в сем сражении взятые, его клянут и проклинаяют, и дух их даже до того обращен в нашу сторону, что своих не слушали, а наши что велят — исполняют непрекословно.

Сего утра получила твои письма из Кокотани от 13 и 23 июня. Вижу я из оных, что полномочные из Цареграда после байрама отправятся; но берегись, чтоб не проехали мимо тебя в Рейхенбах в Силезию, на мнимый конгресс короля прусского, где он старается трактовать и нам законы предписать, либо поставит посреди пяти огней. Союзник, какой ни есть, но без него еще тяжелее быть может, ибо законы принять от прусского короля мне не сродно, а России — еще менее. Что Кобург плох, сие довольно известно. Не будет нам покоя, пока прусской король не будет бит, и надобно необходимо промышлять — чем. Теперь, мой друг, сам пишешь, как тебе беспокойно было, не имев известий от нас; рассуди сам, каково мне, когда не имела недели по три и по четыре писем от тебя. Я не знаю, как по сю пору силы доставало, однако доньше я здорова и жалею очень, что ты жалуешься на слабость; молю Бога, да укрепит тя. Что пишешь о своем корнете и его брате, его совершенно успокоит, и он будет весьма благодарен, в беспорочности сердца своего, которое без каверз совершенно. Прости, мой друг любезный, Бог с тобою.

Июля 17-го ч.

Благодарствую, друг мой любезный, князь Григорий Александрович, за твое поздравление с прошедшим праздником восшествия моего и за чувства, при том изъясненные; я ведаю, что они чистосердечны; жалею, что здоровье твое не по моему желанию. Дай Боже, чтоб турки нашим флотом от предприятия на

Тавриду отражены были, подобно как шведы при выходе из Выборгской бухты, о чем думаю, что ты, вскоре по отправлении твоих писем от 5 июля, получил отселе уведомление. Но после сей, прямо славной победы, шесть дней (спустя) последовало несчастное дело с гребной флотилиею, которое мне столь прискорбно, что после разнесения Черноморского флота бурей, при начатии нынешней войны, ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие. Описание увидишь из посланных бумаг; пуще всего — великая потеря в людях. Не унывая в сем несчастье и замыкая печаль горькую в сердце моем, я стараюсь, чтоб общему делу возвратить поверхность колико можно. Вижу из твоих писем, что полки в движении, но что, при лучшем присмотре, больных много. Вы жалуетесь, что у вас были жары сильные, а здесь от самой весны ни единого дня теплого еще не было, а все холодно, так что окошек нельзя открыть. Я думаю, что король венгерской старается протягивать негоциации. Булгаков поехал в Польшу, и более двух недель на Москве и в Белоруссии не проживет. Благодарствую за присланные ко мне материи; платье из них заказала шить в ожидании теплого времени; по числам каникулы, но по погоде самой сентябрь, дожди и ветры с моря почти непрерывные.

О переформировании здешних полков и морских баталионов я тебе скажу, что теперешнее время неудобно: здесь войска мало, и к зиме великой некомплект окажется; подобные распоряжения лучше делать в мирное время. О егерском корпусе Финляндском пишешь, чтоб его отдать, по заочности графа Ангальта, барону Палену, но сей корпус разделен в армии по всей Финляндии на сухом пути, и барон Пален также отсутствен, командует на гребной флотилии, где необходим же. 20 июля барон Игельстром будет иметь свидание с обер-камер-юнкером Армфельдом²⁴⁷; что они сложат, не ведаю, но буде слухи справедливы о народном волнении в Швеции,

то вероятно, что мир не замешкается. Вот тебе наши хорошие и дурные вести. Христос с тобою.

Корнет твой мне вручил твои посылки и непрерывно тот же.

Июля 27-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Дарованная нам от Бога над турецким флотом победа, о которой ты краткую записку приложил при отправлении твоих писем от 13 июля, меня много обрадовала; теперь живу в ожидании присылки от тебя обстоятельного известия о сем деле; между тем получишь с сим курьером о здешних происхожденииях уведомление; через несколько дней узнаем, коварно ли или с прямым намерением заключить мир король шведской завел непосредственные переговоры о сем деле; естли заподлинно правда, как слух носится, что в Швеции завелись замешательства, то чаю, что непродолжительно мир совершится; по пленным судя, кои при Выборгском деле взяты, то его величество у них ныне не в лучшем кредите. Я чаю, когда турки услышат, что он мирится, а пруссак замешкает, поляки же от наступления отнекиваются, то неужели что они глаза не откроют; чего им ждать лучшего, как получить мир, потеряв лишь по Днестр, а короли шведский да и прусский с них бездну денег возьмут, а на пятак барыша не принесут. Прощай, Бог с тобою, пиши почаще.

Англичане или, лучше сказать, король английский слепо предался в веления прусского; ежели же венской двор особенно помирится, мы останемся, как были в прошедшей войне, но уже не будет, как доныне было; а ежели пруссаки нас задерут, то венской двор должен будет вступиться; но до сего, вероятно, что не дойдет, ибо наступательно ежели ему поступать, то его союзники поодумаются.

У нас три дни лето было, а вчера опять стало дождливо, однако хлебá и сено повсюду весьма изо-

бильны. Будь здоров; я при всех хлопотах довольно здорова.

Хороший и приятный нрав твоего корнета многие скуки прогоняет.

Августа 5-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места. Сего утра я получила от барона Игельстрома курьера, который привез подписанной им и бароном Армфельдом мир без посредничества, 3 августа; отстали они, естли сметь сказать, моею твердостью личною одной, от требования, чтоб принять их ходатайство у турок и способствование к миру, но тпрру! не получили, а королю прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет; теперь молю Бога, чтоб тебе помог сделать то же и с турками. Победу Черноморского флота над турецким мы праздновали вчера молебствием в городе, у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным. Ты видишь, что сим наскоро отвечаю на твои письма от 20 июля, и так спешу, как нельзя более, чтоб тебя скорее уведомить о наших немаловажных вестях.

Пришли, Христа ради, скорее расписку Очаковского паши о получении денег от турок, пересланных к нему, чтоб французы перестали мучить вице-канцлера о получении им тех денег; они вздумали, что у нас деньги подобные крадут и удерживают, как у них. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Твой корнет, по своей привязанности чистосердечной, несказанно рад миру, что сам тебе изъяснит.

Августа 9-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Сегодня разменяют в Вереле ратификации мирные со шведом, и сей курьер отправляется к тебе,

чтоб тебе сообщить сюда присланные, по-моему постыдные декларации, размененные в Рейхенбахе. Касательно до нас предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест²⁴⁸, а постарайся заключить свой особенной для нас мир с турками, в силу тебе данной и мною подписанной инструкции.

Пруссак паки заговаривает полякам, чтоб ему уступили Данциг и Торн, сей раз на наш счет, лаская их, что им отдаст Белоруссию и Киев. Он все-светной распорядитель чужого. Гольцу сделан будет учтивой ответ, ничего не значущий, на его сообщение о рейхенбахской негоциации. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

(В августе).

Одну лапу мы из грязи вытащили; как вытащим другую, то пропоем Аллилуия. А *propos de cela* Платон Александрович мне отдал Сартиевы хоры, два очень хороши, а «Тебе Бога хвалим»²⁴⁹ — жаль, что в церкви петь нельзя, по причине инструментов, он всего искуснее.

Благодарствую за сию присылку, теперь «Олега» заготовят к праздникам северного замирения, в котором мы приобрели пресечение военных действий и, следовательно, сберегли людей и деньги; шведы же почувствуют надолго, и весьма его величество у них становится нелюбим. Сказывают, что король прусской 120 офицерам своим в Силезии вдруг дал абшид. Прямой причины еще никто не знает, если сведаешь — скажи мне. Hertzberg (*lit à qui veut bien l'entendre qu'il est lui accablé de chagrin, on n'en devine pas la cause, ce ne sauroit être les affaires de son maitre qui lui donnent ce chagrin, car elles vont à merveille, ils ont dépensé 25 millions en armement, et en intrigue aussi quelques millions, mais qu'est ce que trente mil-*

lions pour des gens qui prétendent faire la loy à tout le monde, et qui ont un trésor immense d'argent monayé*.

Августа 22-го ч.

Князь Григорий Александрович. По заключении мира с королем шведским, французской службы волонтер, служивший на гребной нашей флотилии, полковник граф Ланжерон, просил меня дозволить ему ехать в армию нашу, под вашим главным предводительством находящуюся; в чем, видя его желание, отказать причины не находила; а как он везде оказал, паче же при биоркском прогнании шведского гребного флота, приличные его благородству поступки и храбрость, лично же отнюдь не заражен народа своего нынешней, обществу зловредной, пагубой, но оную оплакивает при всяком случае, того для рассудила за благо ему сие для него рекомендательное письмо начертать; окажи ему приятной прием, он своевременно, в своей земле, будет один из тех, кои стараться станут о восстановлении королевской власти непременно. Пребываю, как всегда, к тебе доброжелательная Екатерина.

Августа 29-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Чрез сии строки отвечаю на письма твои от 3, 10 и 18 августа касательно несчастной потери части флотилии, о коей упоминаешь; вот каково мое было поведение в сем деле: кой час Турчанинов ко мне приехал с сим известием, я более старалась умять несчастье и поправить, как ни на есть, дабы неприятелю не дать время учинить нам наивящий вред, и

---

* Герцберг говорит каждому, кто хочет слушать, что он удручен скорбиею: не могут угадать тому причины, но он грустит не о делах своего государя, которые идут чудесно: он истратил на вооружение 25 миллионов, да на интриги еще несколько миллионов; но что значат тридцать миллионов для людей, которые хотят предписывать законы целому свету и имеют сокровища в звонкой монете.

для того приложила всевозможное попечение к поднятию духа у тех, кои унывать бы могли; здесь же выбрать было не из много излишних людей, но вообще действовано с наличными, и для того я писала к Нассау,— который просил, чтоб я его велела судить военным судом,— что он уже в моем уме судим, понеже я помню, в скольких битвах победил врагов Империи, что нет генерала, с кем не могло случиться несчастье на войне, но что вреднее уныния ничего нет, что в несчастьи один дух твердости видно; тут ему сказано было, чтоб он собрал, что собрать можно, чтоб истинную потерю описал и прислал, и все, что надлежало делать и взыскать, и наконец сими распоряжениями дело в месяц* до того паки доведено было, что шведской гребной флот паки заперт был, и в таком положении, что весь пропасть мог, что немало и помогло миру. Что ты сей мир принял с великой радостью, о сем нимало не сомневаюсь, зная усердие твое и любовь ко мне и к общему делу. Ласкательно для меня из твоих уст слышать, что ты оный приписуешь моей неустрашимой твердости. Как иначе быть Императрице Всероссийской, имея шестнадцать тысяч верст за спиною и видя добрую волю и рвение народное к сей войне. Теперь, что нас Бог благословил сим миром, уверяю тебя, что ничего не пропущу, чтоб с сей стороны нас вперед обеспечить, и доброе начало к сему уже проложено: от короля шведского сюда едет генерал Стединг, а я посылаю фон дер Палена на первой случай²⁵⁰.

Я уверена, что ты, со своей стороны, не пропустишь случай, полезной к заключению мира, неужели что султан и турки не видят, что шведы их покинули, что пруссаки, обещав им трактатом нас и венский двор атаковать в прошедшую весну, им чисто солгали, с них же требовать будут денег за издержки, что вооружились; чего дураки ждать могут: лучше мира от нас не достанут, как мы им даем; а послушают ко-

* Было написано и зачеркнуто: «в две или три недели».

роля прусского — век мира не достанут, понеже его жадности конца не будет; я думаю, ежели ты все сие к ним своим стилем напишешь, ты им глаза откроешь.

У вас жары, и засуха, и реки без воды, а у нас, с мая месяца, как дожди пошли, так и донныне нет дня без дождя, и во все лето самое несносное время было, и мы рук не согрели. С неслыханною скоростью ты перескакал из Очакова в Бендеры, мудрено ли ослабеть после такой скачки? Рекомендованных от тебя, а именно, твоего достойного корнета и графа Безбородку, о которых просишь, будь уверен, не оставлю без оказания милости и отличия. За присланную ко мне прекрасную табакерку и за хороший весьма ковер благодарствую, то и другое весьма мне нравится, и следовательно, сдержи слово: ты обещался быть весел, ежели понравятся, а я люблю, чтобы ты был весел. Празднование шведского мира здесь я назначила в осьмой день сентября, и стараться буду, сколько смысла есть, изворотиться; но часто, мой друг, чувствую, что во многих случаях хотелось бы с тобою говорить четверть часа. Игельстрома pošлю с полками, финскую войну отслужившими, в Лифляндию. Что болезни у вас в людях умножаются, о сем очень жалею; несказанно сколько больных было и здесь с весны. Касательно до фельдмаршала Румянцева и его пребывания, под разными выдумками, в Молдавии, я думаю, что всего лучше послать ему сказать, что легко случиться может, что турки его вывезут к себе скоро, ежели он не уедет, а если сие не поможет, то послать к нему конвой, который бы его, сберегая, выпроводил; но воистину, ради службы прежней, сберегаю колико можно из одной благодарности и памятую заслуги его персоны, а предки мои иначе бы поступали.

Булгаков уже должен теперь быть в Варшаве; мир со шведами там, так как везде, порасстроил злостные умы; увидим, какие меры возьмут, а ежели тебе Бог поможет турок уговорить, то наивящие враги уй-

мутся. Прощай, мой друг, Христос с тобою. Завтра, в день Святого Александра Невского, кавалеры перенесут мощи его в соборную того монастыря церковь, и ее освятят в моем присутствии, и стол кавалерской будет в монастыре, а за другим с великой княгиней будет духовенство и прочие пять классов, как бывало при покойной императрице Елисавете Петровне. Пребываю с непременным доброжелательством.

Завтра, даст Бог здоровья, при столе в Невском монастыре, будут петь со всеми инструментами «Тебе Бога хвалим», что ты ко мне прислал. Новгородскому и Петербургскому митрополиту я, в знак моего признания при строении церкви, сегодня вручила панацию с изумрудами гораздо хорошую.

Что ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами, на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1787 г., а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно будет меру; я же гораздо веселее становлюсь, к сему служит много приятный нрав и обхождение твоего корнета рекомендованного.

Августа 29-го ч.

Позабыла я тебе, друг, сказать в сегодняшнем письме, что ко мне прислана из Голландии, от купца в подарок, выкраденная из Архива французских дел военных книга: Описание, французскими инженерами сделанное, турецких набережных мест; планов, однако же, и карт по сю пору нет. Ее довольно любопытно знать, и для того ее к тебе посылаю в подарок, авось либо в чем ни на есть тебе пригодится. Прощай, Бог с тобою.

Сентября 8-го ч.

Князь Григорий Александрович. Праздную днесь мир с королем шведским, не могу запомнить доб-

рые советы ваши, как по той войне, такожде и касательно мирного сего дела, и в знак моего признания посылаю к вам перстень бриллиантовой; пускай лучи, из оного исходящие, ударяют во зрение врагов наших, да отверзнут очи, закрытые лестью, доводящей их даже до неверия о сем мирном постановлении. Бога прошу, да поможет тебе совершить и с ними мир благополучный; пребываю доброжелательна Екатерина.

Сентября 10-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович*. Утомясь до крайности в первый день праздника мира и пролежа вчерашний весь день, так что головы почти подымать была не в силах, теперь лишь могу приняться за перо, дабы к тебе писать. Последнее твое письмо от 29 августа меня извещает, что ты поехал во флот; признаюсь, что теперь, по позднему годовому времени, меня сие несколько страшает, тем паче что при равноденствии тамо всегда и здесь ныне сильные бури; пусть буря бы расстроила турецкие морские предприятия, а наши суда бы переждали равноденствие в порте. Желаю всем сердцем, чтоб Бог помог тебе преодолеть все затруднения вообще, а паче еще то, которое оказывается, как пишешь, в перевозе провианта. Что поляки лагерь или войска в Браславле (имеют), нам известно.

Vous verrez Mon Ami par le registre comment ai me suis tirée d'affaire des fêtes de la Paix. J'ai taché d'être juste, et j'ai recompensé avec splendeur et générosité partout là ou j'ai pu découvrir l'ombre des services rendus, j'espère que ce nouvel exemple imité des exemples précédens servira d'aiguillon pour encourager les gens à bien servir, c'est dommage qu'on ne puisse incalquer (?) à un chaqu'un l'habilité et les talens, cependant je suis bien aise de voir, que parmi les jeunes generaux il

*См. «Русскую старину» изд. 1876 г., т. XVI, с. 33—58; 239 — 262; 441—478; 571—590; т. XVII, с. 21—38; 206—216; 403—426.

у en a qui sont et deviennent meilleurs que ceux que j'ai vu dans la guerre de Sept ans finie en 1762*. Булгаков приехал в Варшаву; от короля шведского прислан сюда Стединг, которой человек изрядной и мною принят, сколько можно лучше. Теперь фон дер Палена отправить велю в Стокгольм. За выбор генералов, сюда присланных, вообще через сие тебя благодарю; всякой из них делал свою должность с усердным рвением, и они все люди изрядные.

Денисов имел с королем шведским разговор образцовый, но переводчик не все перевел, что он ему сказать велел.

Прощай, мой друг, мочи нет писать; от празднества голова кружится, мне ничто так теперь не нужно, как несколько дней отдохновения, а там примусь за дело. Странное происшествие занимало нашу публику в день молебствия и публичной аудиенции. Когда, вышедши из церкви, люди собирались в галерею, где трон поставлен был, и ожидали моего прихода, вдруг прусской поверенной в делах, Гюттель (NB. Un des principaux employés de M. Hertzberg)**, получив вертиж, упал на землю так жестоко, что лоб и нос расшиб до крови, и принуждены были его кровь с пола стереть до моего прихода, и по всей галерее пошла молва, что пруссак расшиб нос у подножия российского престола. Шведским миром совершенно они не обрадованы. Adieu Mon Ami, Бог с тобою.

Ты корнета кавалергардского (т. е. Платона Зубова) найдешь в росписи, я ему дала александровскую

---

* Вы увидите, мой друг, из списка, как я из всего вышла при празднествах мира. Я старалась быть справедливою и награждала блистательно и великодушно всюду, где могла открыть тень сделанной заслуги. Я надеюсь, что этот пример, как подражание примерам предшествующим, послужит для возбуждения и поощрения хорошо служить; жаль, что нельзя каждому вдохнуть умение и талант, но мне приятно видеть, что между молодыми генералами находятся такие, которые теперь лучше и будут еще лучше, чем те, каких мне удалось видеть в 1762 г., по окончании Семилетней войны.

** Один из главных чиновников Герцберга.

ленту, и что о нем написано, то воистину самая правда, что я засвидетельствую.

Сентября 16-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Вчерашний день от меня назначен был для обеда со всеми офицерами четырех полков гвардии, коим давно обеда не было²⁵¹. Я шла одеваться, когда прискакал твой генерал-адъютант Львов с отлично добрыми вестями о разбитии турецкого флота между Тендром и Хаджибеем, чему я, обрадована быв, тотчас приказала, понеже сей день был воскресенье, после обедни отпеть молебен при большой пушечной пальбе, и за столом пили, при такой же пальбе, здоровье победоносного Черноморского флота, награждения же оному прочтешь в рескрипте, мною сегодня подписанном; и так, мой пир, твоими радостными вестями, учинился торжеством редким; я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать при сем знаменитом случае, понеже Черноморской флот на Днестре строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оного заведения: и капитан-паша взят, и корабли турецкие взяты, прогнаны и истреблены.

Я всегда отменным оком взидала на все флотские вообще дела, успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских ее подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшею. Черноморской же флот есть наше заведение собственное, следственно, сердцу близко.

Контр-адмиралу Ушакову посылаю, по твоей просьбе, орден Святого Егория второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии за его храбрость и отличные дела; Львову я дала крест же и подарок, а к тебе не посылаю крестов Егорьевских, понеже пишешь, что еще имеешь.

Спасибо тебе, мой друг, и преспасибо за вести и попечения и за все твои полезные и добрые дела; к тебе пошлю, когда бы только поспел скорее, прибор кофейной золотой, для подчивания пашей, кои к тебе приедут засим для трактования мира. Я надеюсь, что за действиями морскими и когда увидят, что сухопутные корпуса идут, они скоро за ум возьмутся, а лесть покинут, но при сем весьма желаю, чтоб ты был здоров; я сама захворала было, но теперь поправляюсь; от мирного торжества грудь залегла и кашлять стала. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Сентября 30-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 10 и 11 сентября я получила. Короля шведского, надеюсь, не трудно будет уловить, и мы будем жить дружно, ибо у него нет гроша; полки все будут укомплектованы, и лодки по Двине я строить приказала, но его величество прусский король уже изволит изъясниться, что нас не атакует, чему не трудно и поверить, паче же, ежели Бог тебе поможет турок побить, а потом мир заключить, а не побив их, турецкие союзники будут всячески турок от мира удерживать. Графу Н. Салтыкову поручила команду над Двинской армиею, а под ним Игельстром и князь Юрий Долгорукой²⁵². Хорошо, что поляки глаза открывают; когда, Бог даст, сделаешь мир, тогда реконфедерацию составим, а прежде того она не нужна, да и в тягость быть может, понеже ее подкрепить должно будет деньгами и людьми.

Плюнь на пруссаков, мы им пакости их отмстим авось либо.

Извини, мой друг, что я дурно и коротко пишу, я не очень здорова; кашель у меня, и грудь и спина очень болят, я два дня лежала на постели, думала перевести все сие держась в испарине, а теперь слаба и не ловко писать. Твой корнет за мною ходит и такое попечение имеет, что довольно не могу ему спасибо

сказать. Прости, друг мой, поздравляю тебя с именинами и посылаю тебе перстень, меня уверяют, что камень редкой.

Октября 1-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь ту дачу, которую ты у меня просил²⁵³, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мне оную продать. Прощай, Бог с тобою, я ужасно как слаба.

Октября 8-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Из подписанного сегодня к тебе рескрипта увидишь, в каком положении дела находятся и что его величество король прусской снова весьма горячо за вооружение принялся; я чаю, сие чинится отчасти, дабы бородачей удержать, как долго возможно, от заключения мира, как с нами, так и с повинующимся им венским двором; ибо известие есть, что Люзи* пишет, что после 25 конференций он в турках не более произвел к миру склонности, как усмотрел при новой; но если тебе Бог даст успех, то, чаю, скорее произведут мир, нежели все коварные трактования прусские. Мне гораздо лучше, но очень я была больна и теперь еще довольно слаба. Прощай, мой друг, Бог с тобою.

Ноября 1-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. По двадцатидевятидневном ожидании от тебя курьера, наконец привезены ко мне твои письма из Бендер от 16 октября. Адъютанта твоего Армфельда я пожаловала в премьер-майоры и дала ему перстень и пятьсот червонных, а в Швецию он ехать не хочет.

* Лукезини?

Простудясь я в мирное торжество и получив кашель, оной обратился в лихорадку; сия прошла, как все мои болезни, сильным п...м, но сей оставил мне ветреные колики, кои меня держат без мала три недели, почти всякой день несколько часов; когда сих пакостных болей нет, тогда хожу и езжу, однако слабость чувствую, но ничего не принимаю, опасаясь умножить болезни.

О кавказском сражении усмотрела из твоих писем с удовольствием, в ожидании подробной реляции. Приезд сюда Ботал-паши и адмирала будет сильным доказательством ненавидящим нас, что, несмотря на их планы и коварства, турки поражены повсюду. О смерти Н. Н. Меллера-Закомельского весьма жалею. Увидим, когда флотилия подойдет, каков будет успех под Килиею; дай Боже, чтоб потеря была в людях как возможно менее.

Что турки везде запираются в крепостях, доказывает, что в поле держаться не могут против наших войск, а ищут нас остановить против стен. С удовольствием вижу, что ты обрадовался, как даче, так и перстню.

О польских делах тебе скажу, что деньги на оные я приказала ассигновать, до пятидесяти тысяч червонных, из которых Булгаков тебе возвратит же (те?) двадцать тысяч червонных, кои ты ему дозволил употребить из ассигнованных тебе сумм. Барон Сутерланд пошлет с курьером в Варшаву вексель сей. Чтоб умы польские обращать на путь, нами желаемой, о сем Булгаков имеет от меня, за моим подписанием, довольные предписания: на сеймиках же ему самому действовать не должно и нельзя, а посредством приятелей наших, что ему также предписано. Ничего бы не стоило обещать Польше гарантию на ее владения, естли бы то было удобно на нынешнее время, но они сами торжественным актом отвергли всякое ручательство. Воли удержать внутренние дела я от них, конечно, не отнимаю; но в нынешнем положении все

подобные обнадеживания инако давать нельзя, как в разговорах министра нашего с нашими друзьями и внушая им, что когда нация частью хотя образумится и станет желать ручательства и прочее, тогда могут получить подтверждение оногo. Равно и о связи с ними он им может внушать, что если они, видя, в какую беду их ведет союз с королем прусским, предпочтут сей пагубе наш союз и захотят с нами заключить союз, мы не удалены от оногo, как и прежде готовы были, с разными для них выгодами и пользою. Кажется, что обещаниями таковыми, не точно определенными, избежим о Молдавии противоречия, в котором мы бы нашлись пред всей Европою, обещав возвратить все завоевания Порте, удержав только границу нашу по реку Днестр. При всех действиях наших в Польше, хотя и не открытых, надлежит нам остерегаться паче (всего) не дать орудия врагам нашим, чтоб не могли нас предъявить свету яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англия в деятельности и пособии королю прусскому не вступала, в Балтику кораблей не присылала, да и другие державы от нас не отвратились, и самой наш союзник не взял повод уклониться от соучастия. Что касается до хлеба польского, то, по последним известиям варшавским, хотели на сейме сделать конституцию и разрешить его выпуск. Итак, кажется, что на сей раз все наши действия в Польше должны к тому стремиться, чтоб составить, ежели можно, сильную партию, посредством которой не допустить до вредных для нас перемен и новостей, и восстановить тако связи с ней обоим нам полезно и безопасно; а между тем обратить все силы, и внимание, и старание достать мир с турками, без которого невозможно отважиться ни на какие предприятия. Но о сем мире с турками я скажу, что ежели Селиму нужны, по его молодости, дядьки и опекуны, и сам не умеет кончить свои дела, для того избрал себе пруссаков, англичан и голландцев, дабы они более еще интригами завязали

его дела, то я не в равном с ним положении, и с седой головой не отдамся им в опеку. Королю прусскому теперь хочется присоединить себе Польшу, и старается быть избран преемником той короны; а чтоб я на сие согласилась, охотно бы склонился на раздробление Селимовой посессии, хотя с ним недавно заключил союз и обещал ему Крым возвратить из наших рук; но ему Польши, а туркам — Крыма не видать, я на Бога надеюсь, как ушей своих, а слабые турки одни обмануты союзником, и продержит их в войне, как возможно более. Король шведской был в подобном положении, но вскоре, видя свое неизбежное разорение, взялся за ум и заключил свой мир непосредственной с нами. Естьли рассудишь за полезное, сообщи мое рассуждение туркам и вели визирю сказать, что тому дивимся, что за визирь ныне у них, который ни на что не уполномочен, кроме того, что пруссаки, англичане и голландцы ему предписывают, будто это все равно — иметь дело с интригами всей Европы, либо разобратся с нами запросто. Русская есть пословица: много поваров кашу испортят, да другая — у семера нянь дитя без глаза! Ласковое с Польшею обращение, обещание ей гарантии и разных выгод, буде они того потребуют, и все, что о них выше сказано, я кладу на такой случай, ежели республика не примет сторону неприятелей наших образом явным; но буде совершит договор свой с Портою, и пристрастие окажет на деле с королем прусским, ежели он решится против нас действовать, — в то время должно будет приступить к твоему плану, и стараться с одной стороны доставить себе удовлетворение и удобства против нового неприятеля, насчет той земли, которая служила часто главным поводом ко всем замешательствам.

Вот тебе мои мысли. Бог да поможет нам. Прощай, мой друг, Христос с тобою. Мне вчера и сегодня лучше. Морозы настали, а целый год мы имели непрестанные дожди. Касательно твоего дома, я уже приказала его осмотреть, и ежели можно будет, то в

нем артиллерийский кадетский корпус помещу: все же строить для него необходимость заставит же. К Сартю с сим курьером посылаю за музыку к «Олегу» тысячу червонных и подарок вещь. Сегодня «Олега» в третий раз представляют в городе, и он имеет величайший успех, и к воскресенью уже все места заняты; спектакль таков, как подобного еще не было, по признанию всех.

Твой корнет непрерывно продолжает свое похвальное поведение, и я должна ему отдать истинную справедливость, что привязанностию его чистосердечною ко мне и скромностью и прочими приятными качествами он всякой похвалы достоин.

Фон дер Пален приехал в Швецию, а Стединг здесь — и дела со Швециею на лад идут; Стединга я ласкаю весьма, и он человек изрядный*. Потоцкого проект — дабы сделать прусского короля королем польским и соединить Пруссию с Польшею — не рассудишь ли за благо сообщить туркам, дабы яснее усмотрели каверзы своего союзника, о которых и его адской политике уже вся Европа глаза открывает, и ближние его содрогаются, и сама Голландия, да и Англия не во всем с ним согласны.

Ноября 11-го ч.

Князь Григорий Александрович, к тебе князь Вяземский пишет письмо сегодня о ассигновании сумм на будущий год и о зачете хлеба; а как сие дело есть самое нужное, то надеюсь, что скорее о сем дашь сюда знать, дабы и здесь можно было взять надлежащие меры к распоряжению, что потребно будет.— Препываю к тебе доброжелательна.

---

* Барон, впоследствии граф, Стединг, шведский фельдмаршал, род. 1746 — 1837 г.

Ноября 12-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 26 октября привез вчера генерал-майор Бенкендорф, из которых усмотрела с удовольствием сдачу Килии, за что сегодня молебствие отправляется с пушечною пальбою; пора бородачам приняться за ум и высвободиться из зловерного им опекуинства: пруссаки прельстили их тем паче, что будто нас принудят возвратить туркам Тавриду, которую им, однако, не видать, как ушей своих. Вскоре услышим, что англичане начнут войну с Гишпаниею. В ожидании обещанных от тебя известий, сказав тебе рескриптом и сим самым спасибо большое, к тебе доброжелательна. Я же сама все почти в одном положении, день-другой получше, там опять чувствую ветреные и геморроидальные колики, но кажется, что боли не так сильны, либо к ним привыкаю. Прощай, Бог с тобою. Река паки вскрылась, и корабли приходят, а через лед ходили три дни. Гудовича я пожаловала генерал-аншефом²⁵⁴, к принцу Виртембергскому посылаю синюю ленту, а Бенкендорф получил Св. Анну: ты видишь, что не оставляю твои представления без уважения и твоим рекомендациям даю место; прошу и моих не предать забвению и об них не забыть.

Князь Потемкин — императрице

Бендеры.— Декабря 18-го ч.

Всемилоостливейшая государыня! Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в тридцати с лишком тысячах, истреблена в укреплениях пространных в первой на десять сего месяца.

Слава Богу, всегда нас победителями творящему.

Положение локальное сего места навело бы всегдашнее беспокойствие квартирам и разрезывало бы Килию с Сыретским кордоном; флотилия осталась

бы без сообщения; сии резоны, а паче высочайшая воля наносить всегда вред не покоряющемуся злодею, решили меня предписать штурм; храбрый генерал граф Суворов-Рымникский избран был мною к сему предприятию. Бог помог, неприятель истреблен, более уже двадцати тысяч сочтено тел, да с лишком семь тысяч взято в плен, а еще отыскивают; знамен триста десять уже привезено, а еще, сообщают, пушек будет до трех сот; войска ваши оказали мужество примерное и неслыханное; обстоятельно донесу после; отправляюсь ради осмотра Дуная, а флотилия уже готовится на новые предприятия.

Повергаю к освященным стопам вашего императорского величества командующего штурмом генерала графа Суворова-Рымникского, его подчиненных, отлично храброе ваше войско и себя. Вашего императорского величества вернейший и благодарнейший подданный.

(Без числа)

Если будет высочайшая воля сделать медаль генералу графу Суворову, сим наградится его служба при взятии Измаила. Но как он всю кампанию один токмо в действиях был из генерал-аншефов; трудился со рвением, ему сродным, и обращался, по моим повелениям, на пункты отдаленные правого фланга с крайним поспешением, спас, можно сказать, союзников, ибо неприятель, видя приближение наших, не осмеливался атаковать их, иначе, конечно, были бы они разбиты,— то не благоугодно ли будет отличить его гвардии подполковника чином или генерал-адъютантом.

Анапа и Суджук-Кале — места отнюдь неспособные для удержания за собою, ибо они нездоровы и ни к чему не служат, гарнизон же в оба места за семь тысяч быть должен,— то я и представляю мое мнение, чтоб помянутые крепости, по срытии, отдать тамошним народам с тем, чтоб они не дозволяли отнюдь

строить на тех местах вновь туркам,— чего и сами они желают — народы горские признать вольными и всегдашними союзниками России; для привязания их к себе позволить им брать соль из озер на кубанской нашей части, которую теперь они крадут, на Тамане построить крепость, хорошее место, здоровое, где, учредя ярмарки и торговлю, нужд ради горцев, их вяще еще привязать можно.

Екатерина II — князю Потемкину

Декабря 20-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович! Письма твои от 16 ноября и 3 декабря я получила; что чаще писать будешь, то мне приятнее будет, ибо неизвестность для меня труднейшее состояние. Со всеми от Бога данными успехами тебя поздравляю; флаги мною отосланы с церемониею в крепость; для генерал-майора Рибаса²⁵⁵, на первой случай, посылаю крест второй степени Св. Егория, которого он завоевал по справедливости, а потом оставляю себе его и далее награждать, по усмотрению. Что Лукезини к тебе приедет, о сем и здесь слышно было, но что он тебя не обманет, я уверена; посылаю к тебе, чем щеголять пред ним. О политике здесь не распространяюсь, понеже в рескрипте все сказано по сей материи. Граф Разумовский к тебе заедет.

Мысли твои по делам, в письме твоём от 3 декабря ко мне прописанные, тем паче мне нравятся, что везде вижу меры твердые. Обещанной генеральной подробной план прошу прислать скорее с потребным сведением о войсках, какие и куда обратятся для операции, дабы здесь заранее все сообразить и изготовить можно было. По польским же делам поступать надлежит с крайнею осторожностью, дабы не от нас был первой выстрел и союзники прусского короля, сколько можно меньше имели права толковать в свою пользу *Casus foederis*, почитая нас за нападателей.

Еще об одном деле тебе скажу: многие штаб-офицеры просят об определении в коменданты; мест же комендантских вакантных до пятидесяти, о помещении же на оные ожидает коллегия от тебя известий, а между тем меня просители сих мест письмами заматали, паче же немцы; кончи, пожалуй, скорее сие дело.

Здоровье мое поправляется. Je crois que c'est la goutte qui s'est placé dans mon estomac et dans les intestins, je l'en cliasse avec du poivre et un verre de vin de malaga, que je bois tous les jours, je n'ai senti du soulagement que de cela, et quand je néglige ces deux articles: de manger du poivre ou le verre de malaga, les douleurs me prennent de rechef, voilà le quatrième mois. Adieu, portés vous bien, nous attendons les nouvelles de devant Ismail, à dire la vérité, c'est un point important dans ce moment qui décidera de la paix ou de la prolongation de la guerre*. Помоги тебе Бог, друг мой сердечный, прощай.

(В декабре)

Батинька друг милой, я, кроме что горло болит маленько да согреться не могу ничем, сегодня жаловаться не могу, но как насморк продолжается, то Рожерсон просил в стужу не ходить; останусь дома да велю читать. Прощай, душа, будь здоров.

---

* Я думаю, что это подагра, которая перешла ко мне в желудок и внутренности; я изгоняю ее рюмкою малаги с перцем, которую пью ежедневно; это одно и дает мне облегчение, и когда я не делаю двух вещей, т. е. не принимаю перцу и рюмки малаги, боли снова ко мне возвращаются, и так уж четвертый месяц. Прощайте, будьте здоровы; мы ожидаем известий из-под Измаила, т. е., истинно, это важный пункт в настоящую минуту: он решит или мир, или продолжение войны.

1791 г.

Императрица — князю Потемкину

Января 3-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Прошедшее воскресенье рано приехал Валериан Александрович Зубов и привез мне твои письма от 18 декабря; я тотчас приказала после обедни отправлять молебствие за взятие Измаила, с большою пушечною пальбою; я и вся публика наша сим происшествием чрезвычайно обрадованы. Поздравляю тебя от всего сердца с сим счастливым успехом и отлично удачной кампаниею, как сам о том пишешь. Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половину против турецкого гарнизона, в оном находящимся, почитается за дело едва ли еще где в истории находящееся и честь приносит неустрашимому российскому воинству. С нетерпением ожидаю генерал-майора Попова с подробностями; дай Боже, чтоб скорее лишь приехал; что урон был более очаковского, о том весьма жалею; дай Боже, чтоб успехи ваши заставили турок взяться за ум и скорее заключить мир; при случае дай туркам почувствовать, как прусской король их обманывает, то обещая им быть медиатором, то объявить войну нам в их пользу, якобы та и другая роля могла бы идти вместе; все сие выдуманно только для того, дабы турок держать, как возможно долее, в войне и самому сорвать, где ни на есть, лоскуток для себя. Я думаю, что теперь последует смена визиря²⁵⁶, а при сей откроется тебе случай открыть переписку с новым визирем, а может быть, и трактовать о мире непосредственно: оба двора здесь уже сказали, что не настаивают уже более о медиации.

По аттестатам твоим и присланным от тебя, я Валериану Александровичу Зубову дала крест Егорьевской 4-го класса. Его предостойной брат чрезвычайно обрадован, что ты брату его подал случай оказать его

усердие. Пожалуй, напиши ко мне: поручил ли ты Ферьеру трактовать о чем в Вене? Сейчас он ко мне прислал курьера и счет в 3000 и столько червонных, кои издержал, и говорит о своих негоциациях с самим императором, который ему будто сулит пушек, и орудия, и людей; естли ты ему ничего не поручал, то его унимать я велю, а то аптекарских счетов наделает, а сам деньги проест.

Спасибо тебе, мой друг сердечный и любезный, за все добрые и полезные дела, тобою поделанные, за порядок и неустрашимость войск; скажи им спасибо от меня и о награждении себе предоставляю говорить по получении, через Попова, подробностей и твоего представления. Я здорова, поправляюсь, боли реже чувствую и не столь сильные, но не совсем еще миновались. Прощай, Бог с тобою, желаю тебе всякого добра и поздравляю с новым годом.

Января 22-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Двадцатого числа сего января приехал Баур и привез твои письма от 11-го числа и реляцию о действиях Кубанского корпуса, кои в сентябре и октябре произошли; жаль, что сей край столь отдален, что вести из оногo сюда приходят по прошествии четырех месяцев: таковое расстояние время убавляет участие и удовольствие в приемлемом, и само по себе, важном происхождении. Из Америки и Сибири скорее приходят вести, нежели оттуда. О смерти генерал-поручика Розена²⁵⁷ весьма жалею и почитаю ее потерю. Что покорение Измаила страх нанесло туркам, сему легко поверю; но действия того страха жадно желаю узнать и полагаю, что, во-первых, последует смена визиря, а засим, может быть, переговоры о мире. Признаюсь, что я с кипящею кровью нетерпеливо ожидаю шестую неделю тобою обещанные подробности о взятии Измаила, через Попова, ибо я не очень

люблю пословицу *qu'il vaut mieux tard que jamais**, а люблю свеженькие известия о том, что меня интересует.

Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь; сверх сего, на словах говорить и писать, конечно, разница, и скорее сношения быть могут в разговорах, нежели на письме. Но дело паче в том, в сих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важные минуты, которыми воспользоваться ты можешь, быв там, скорее, нежели здесь, для восстановления мира с турками по нашему желанию, итак, почитаю за необходимо нужное, чтоб ты тамо ожидал вестей о импрессии, кою сделает в Цареграде взятие Измаила; ежели оне таковы, и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испортит, мирные договоры не отдалит, либо раннее открытие кампании тем не остановится, тогда дозволяю тебе приехать с нами беседовать; но буде турки окажутся тебе к миру склонны, как легко быть может, паче же когда увидят, что стараясь всячески набрать ныне войска, оные никак не идут и идти не хотят; либо раннее открытие кампании приездом своим сюда остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучаться; но, заключа мир, возвратиться яко миротворец, либо устроив все к принуждению турок к оному самыми действиями, тогда приехать.

Пишешь ты ко мне, что Лукезини возвращается в Варшаву из Сиштова; ничего там они столько не опасались, как того, чтоб ты Сиштовской конгресс не разогнал казаками, им казалось сие возможно; знатно они ошиблись, ибо ты не послал; смешно бы было, ежели б, схватя весь конгресс, ты бы, послав (их) сюда через Петербург, домой отправил.

У вас весна, а у нас зимы нет и еще доньше, только один день было семь градусов мороза, а прочее время

* Лучше поздно, чем никогда.

каплет, замерзание, либо тает, а вчера я сама видела из эрмитажа, что карета, парюю запряженная, обломилась на реке и передние колеса попали под лед.

Корнет твой кавалергардской непременно продолжает свое похвальное, и примерное, и разумное поведение; я чрезвычайно довольна честностью, добросердечием и нелицемерной его привязанностью ко мне; он весьма благодарен за ласки твои к нему, и ты его найдешь достойным оных. Мое здоровье поправляется и уже дни по четыре и по пяти я отдых имею, а именно с прошедшей пятницы ничего отнюдь не чувствую. Что ты болен был, о том очень жалею. Прощай, мой друг, Бог с тобою, и да наставит тя.

Примечание. Это письмо первоначально написано на-черно, и черновое находится в той же связке. П. Л.

Января 24-го ч.

Друг мой любезный, князь Григорий Александрович. Ожидая с часа на час генерал-майора Попова с подробными вестями о взятии Измаила, донныне нахожусь еще в невозможности, за сие важное дело, изъявить мою признательность к тебе и ко всем. Со вчерашним же курьером получила твое письмо от 15 января из Ясс. Самые недоброхоты, хотя злятся, но оспаривать не могут великие тобою приобретенные успехи, коими Всевышний увенчал усердные и искусные твои труды и рачение, что же оным не гордишься, по совету моему, сие хвалю, и да не будет в тебе также унижение паче гордости, а желаю, чтоб ты веселился своими успехами и был приятен и любезен в своем обхождении; сию задачу тебе выполнить не трудно, понеже когда природный твой ум находит свободное сопряжение с твоим добрым сердцем. Vos sentiments à mon égard me sont connus, et comme je suis persuadée qu'ils font partie de Votre existence, je suis persuadée aussi qu'ils ne sauraient changer, je

ne Vous en ai encore jamais connu d'autres*. Господин питомец мой, ты оправдал мое о тебе мнение, и я дала и даю тебе аттестат, что ты господин преизрядной, а пруссаки дураки злые. Я писала к тебе в предыдущем письме, что ежели дела не претерпят от твоей езды сюда, чтобы ты сам решился, когда ехать. Теперь вижу из твоего письма, что считаешь нынешнее время, яко глухую пору, итак, думаю, что ты уже в дороге, а сие пишу в запас, паче чаяния ежели не поехал и возобновляю тебе дозволение приехать, когда усмотришь, что приездом твоим дела не портятся. Когда Валериан Александрович (Зубов) приехал, тогда я думала, что за ним немешкотно генерал-майор Попов будет, и сего я ожидала всякой день доньне, но не бывал. Прощай, мой друг сердечный, до свиданья.

Примечание. Это письмо также написано начерно, и черновое находится в той же связке. П. Л.

Феврели 15-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. В ожидании скорого твоего приезда²⁵⁸ не ответствовала я доньне на письма, привезенные генерал-майором Поповым, но видя, что твой приезд замедлился, ныне пишу к тебе, дабы тебе сказать, что письма твои я с Поповым получила, и после того ни строки; когда приедешь, тогда переговорим изустно обо всем; ожидаю тебя на Масленицу, но в какое время бы ни приехал, увижу тебя с равным удовольствием. Прощай, Бог с тобою.

(Рукою Потемкина помечено: апреля 4-го ч.)

Батинька, первое письмо королевское от 30 января я читала и сама оное Стедингу вручила; письмо, писанное Игельстромом, мною апробовано и поправ-

---

* Ваши чувства ко мне мне известны, и как, по моему убеждению, это часть вашего существования, то я уверена, что они никогда не изменятся; я вас никогда иным не знала.

лено было. А что я нашла тут совсем новое — есть то, что оную посылку Игельстрома отклоняют²⁵⁹ и что болезнь королевская будет служить предлогом к не-свиданию, чему я весьма самодовольна; впрочем, я сама сказала Стедингу, что король не имеет причины сомневаться обо мне, что я готова заключить с ним союз и что в оном договоримся о субсидии; о границе зимою располагать неудобно было, а контрпроект остановился лишь затем, что тебе от них же предложено было свидание, которое не сбудется же. Если шведы посольства не хотят, то отложить оное недолго же, но всему надобна благопристойность. От границы же бог ведает, какие уступки хотят.

Пугательным прусским выдумкам, пришедшим сего утра, я еще отлагаю придать веру, дондеже подтвердятся. Подобные мы многие уже видели; тут же, они, как и всегда, оставили себе открытые калитки, чтоб вынырнуть, как сам увидишь, ибо говорят, что второго курьера с датской интермиссиею из Англии ожидают. План твой получила, написав сие, и, положив перо сие на стол, стану читать.

(Без числа)

Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силам сухопутным и морским произвести действие наискорее, а то войну еще протянем надолго, чего, конечно, ни ты, ни я не желаем.

(Рукою Потемкина: Le 25 avril)

Je trouve Votre idée de composer au mieux un corps respectable en Finlande et avant toutes choses d'y nommer pour chef le Comte Souvoroff — très bonne, et pour hâter la besogne je Vous envoyé le billet si joint pour le général Souvoroff, si vous jugés à propos de lui remettre*.

* Я нахожу вашу мысль — составить значительный корпус в Финляндии и назначить его начальником графа Суворова — весьма хорошою

Июля 25-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Рапорт к тебе князя Репнина от 14 июля я, раскрыв, читала, и по оному, кажется, ожидать должно на суше и на море важное. Бога молю да благословит успехом, а тебе желаю благополучного пути. Просил ты меня, чтоб я тебя избавила от Каменского, а ныне от графа Безбородка слышу, что просишь его к себе; пожалуй, отпиши ко мне: он или я ослышались? Я помню, что говорили, что он грызется.

Августа 3-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои из Могилева до рук моих дошли. Как турецкой флот от нашего удаляется, то видно, что они избегают драки, а пойдут куда-нибудь ближе к своим берегам, под пушками лягут на якорь, а тогда не ловко нашему флоту будет с ними дело иметь. Признаюсь, что ничего на свете так не хочу, как мира. О Каменском посылаю к тебе повеление²⁶⁰. Спасибо за то, что вестьми не оставляешь.

Прощай, Бог с тобою, и да поможет он тебе.

Сие письмо посылаю с Василием Степановичем Поповым.

Августа 9-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои из Кременчуга от 1 августа я получила, и по оным тебе заготовленным рескриптом отвечаю. Спасибо за то, что часто пишешь, пожалуй — продолжи: сие служит к моему удовольствию совершенному; я радуюсь надеждою о мире, кажется, на лад идет. Что на море ничего не будет, из того видно было, что турки отходили от боя, а наши догоняли,

---

и, чтобы это ускорить, посылаю прилагаемое письмо генералу Суворову, если вы признаете нужным отдать это письмо.

а теперь опасаться надо экиноксии сентябрьской, и в нее чур по морю не ходить, памятуя несчастье 1786 г.

Сказывают, что язва из Александрии перенесена в Цареград; Бога для возьми всевозможные осторожности, чтоб к тебе не затащили, а от тебя внутрь России. Что ты замучился и болен, о том всем сердцем жалею, помоги тебе Бог. Прощай, любезный друг.

Августа 12-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Обрадовал ты меня нечаянно прелиминарными пунктами о мире, за что тебя благодарю душою и сердцем, дай Боже скорее совершить сие полезное дело заключением самого мира. Осьмимесячной срок перемирия долог, пожалуй, постарайся кончить скорее, тем паче что и дворам сказано и они согласились, естли в четыре месяца турки не кончат, тогда их покинут, а нам вольно уже и повысить кондиций, итак, осьмимесячной срок контрадикция с четырехмесячным, а только сказать можно, что Репнин не знал условия со дворами, туркам помогающими. Другое дворам сказано, что крепости строить всякому на своей земле есть право всякого государя, итак, постарайся, пожалуй, сие одержать и по трактату, оно же и артикул Канарджийского, который уже турки восстановленным признали.

Желаю весьма, чтоб великие жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда, в теперешнее паче время, когда всякая минута требует твоего труда. Adieu mon Ami, помоги тебе Бог; у нас все ужасно как рады.

(Без числа)

В один день, мой друг, два праздника, да сверх того еще чудесные дела: принятие наших кондиций союзниками, *il faut qu'ils aient bien envie de finir puisqu'ils prennent pour pretexte la navigation sur la Rivière du*

Dnester, sur laquelle les vaisseaux marchands ne feront pas beaucoup de chemin n'ayant pas d'eaux*. Завтра приеду в город праздновать. Прощай, друг мой, Бог с тобою; об отличившихся буду ожидать твои представления.

(Без числа)

За добрые вести спасибо, мой друг, я завтра приеду в город молебствовать со всеми у Казанской, а обедать буду в Летнем дворце. Бога молю, чтоб мир последовал скорее засим.

Августа 28-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 15 августа до моих рук доставлены, из которых усмотрела пересылки твои с визирем, и что он словесно тебе сказать велел, что ему беда, и что ты ответствен, почитая все то за обман. Но о чем я всекрайно сожалею и что меня жестоко беспокоит — есть твоя болезнь и что ты ко мне о том пишешь, что не в силах себя чувствуешь оную выдержать. Я Бога прошу, чтоб от тебя отвратил сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения. О разогнании турецкого флота здесь узнали с великою радостью, но у меня все твоя болезнь на уме.

Смерть принца Виртембергского причинила великой княгине не малую печаль. Прикажи ко мне писать кому почаще о себе. О назначении полномочных усмотрела из твоего письма; все это хорошо, а худо то только, что ты болен; молю Бога о твоём выздоровлении. Прощай, Христос с тобою.

Платон Александрович тебе кланяется и сам пишет к тебе.

---

* Должно быть, они хотят скорее кончить, потому что взяли претекстом судоходство по реке Днестру, по которому ни одно купеческое судно не может ходить, по недостатку воды.

Сентября 4-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письмо твое от 24 августа успокоило душу мою в рассуждении тебя самого, понеже увидела, что тебе есть легче, а до того я была крайне обеспокоена, но не понимаю, как, в крайней слабости быв, можешь переехать из места в место.

Контр-адмирал Ушаков весьма кстати Селима напугал; со всех мест подтверждаются вести о разграблении Мекки арабами и что шерифа Меккского держат под караулом, а Меккою завладели; я весьма любопытна видеть журнал обещанный. Пожалуй, напиши ко мне — через кого ты послал к Дюку Ришелье²⁶¹ орден Св. Георгия, шпагу и мое к нему письмо, он доньне ничего не получил еще.

Платон Александрович (Зубов) тебе кланяется и сам писать будет к тебе; он весьма беспокоился о твоей болезни и один день не знал, что и как печаль мою облегчит. Прощай, Бог с тобою, я здорова, у нас доньне теплые и прекрасные дни.

Сентября 16-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Твои письма от 29 августа и 6 сентября мною получены; первое меня много обрадовало, ибо видела, что тебе было легче, а другое паки во мне умножило беспокойство, видя, что четверо суток ты имел непрерывной жар и боль в голове; прошу Бога, да подкрепит силы твои; не сомневаюсь, что по делам все пойдет, но каково больному дела, я по себе знаю. Я, слава Богу, здорова и колики отстали вовсе, что приписываю... и венгерскому (вину), что вы посоветовали употребить. Прощай, мой друг, Христос с тобою.

Платон Александрович благодарит за поклон и сам к тебе напишет.

Сентября 30-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Всекрайно меня беспокоит твоя болезнь. Христа ради, ежели нужно, прими, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может, да приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противного. Бога прошу, да возвратит тебе скорее силу и здоровье. Прощай, мой друг.

Платон Александрович (Зубов) тебя благодарит за поклон и весьма тужит о твоём состоянии. С именинами тебя поздравляю²⁶² и посылаю шубенку.

Октября 3-го ч.

Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович. Письма твои от 25-го и 27-го я сегодня, через несколько часов, получила и признаюсь, что они крайне меня беспокоят, хотя вижу, что последние три строки твои немного получше написаны и доктора твои уверяют, что тебе получше. Бога молю, да возвратит тебе скорее здоровье.

Князь Потемкин — императрице

Яссы.— Октября 4-го ч.²⁶³

(Рукою Попова). Матушка всемилостивейшая государыня. Нет сил более переносить мои мучения; одно спасение остается — оставить сей город, и я велел себя везти к Николаеву. Не знаю, что будет со мною. Вернейший и благодарнейший подданный.

(Рукою Потемкина бессвязно и беспорядочно написано): одно спасение — уехать...

КОНЕЦ

КОММЕНТАРИИ

¹ *Вяземский Александр Алексеевич* (1727—1793), князь, один из доверенных сановников Екатерины II, в качестве генерал-прокурора Сената (с 1764 г.) следивший за расходованием казенных средств и имевший репутацию неподкупного чиновника. Практически единолично руководил всецельной Тайной экспедицией, и через его руки прошли почти все известные политические дела царствования Екатерины II: Е. Пугачева, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и других лиц. В сентябре 1792 г. А. А. Вяземский по болезни вышел в отставку, причем выполняемые им многочисленные обязанности Екатерина II возложила на нескольких человек. В браке с Еленой Никитичной Трубецкой (1743—1832).

² *Валуев Петр Степанович* (1743—1814), один из зачинателей изучения древностей в России, главноначальствующий Кремлевской экспедицией, действительный тайный советник (1798). С 1772 г. был женат на Дарье Александровне Кошелевой (1757—1836), дочери статского советника Александра Родионовича Кошелева от брака с Анастасией Егоровной Еремеевой, была родной сестрой Родиона Александровича Кошелева.

³ *Зотов Захар Константинович* (1755—1822), камердинер князя Потемкина. Около 1780 г. помещен Потемкиным при императрице Екатерине II, стал ее доверенным человеком и служил камердинером до кончины императрицы.

⁴ *Безбородко Александр Андреевич* (1747—1799), гос. деятель, малороссийский дворянин, в 1775 г. по прибытии в Москву поступил к императрице для принятия прошений, поступающих на высочайшее имя. Со временем стал самым могущественным из всех ее статс-секретарей: все бумаги и прошения стекались в его руки. Фактически руководил внешней политикой Российской империи после ухода в отставку в 1781 г. Никиты Панина, главный директор почт Российской империи. Один из инициаторов разделов Польши. Владелец Слободского дворца в Москве. За два года до смерти удостоен

Павлом I высшего по тем временам ранга канцлера Российской империи.

⁵ *Густав III* (1746—1792), король Швеции с 12 февраля 1771 г.

⁶ *Зорич Семен Гаврилович* (1745—1799), один из фаворитов императрицы. Потемкин представил Екатерине Зорича до его официального появления при дворе. Зорич смог удержаться около императрицы всего 11 месяцев. Он бросил вызов Потемкину и немедленно получил отставку. Жил большей частью за границей и в своем имении Шклов в Белоруссии. Оказался замешанным в дело о фальшивых ассигнациях, которые изготовлялись в его имении.

⁷ *Потемкин Михаил Сергеевич* (1744—1791), младший брат Павла Сергеевича Потемкина (троюродный брат Г.А. Потемкина); имел придворный чин камер-юнкера. Волонтером сражался в армии Румянцева. Сделал блестящую карьеру. Стал камергером, в 1783 г. получил пост генерал-кригскомиссара, ответственного за снабжение армии.

⁸ *Мусин-Пушкин Валентин Платонович* (1735—1804), граф, участник Семилетней войны и дворцового переворота 1762 г. Во время турецкой войны сражался в Крыму и заслужил Георгия 3-й степени. В мирные годы состоял при наследнике престола великом князе Павле Петровиче, был вице-президентом Военной коллегии, получил чин генерал-аншефа. Назначенный главнокомандующим Финляндской армией (в 1788 г.), действовал неудачно и был смещен. Павел I пожаловал Мусина-Пушкина в фельдмаршалы.

⁹ *Долгоруков Василий Васильевич* (1752—1812), генерал-поручик и премьер-майор лейб-гвардии Семеновского полка. Сын знаменитого генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова-Крымского, занявшего в первую турецкую войну Крым. В 31 год имел чин генерал-поручика. В первую турецкую войну служил адъютантом у своего отца. При штурме Очакова командовал третьей и четвертой колоннами. Ходили сплетни, что главнокомандующий благоволил к его молодой жене Екатерине Федоровне, урожденной княжне Барятинской (1769—1849). Впоследствии Долгоруков перешел на гражданскую службу и имел чин действительного тайного советника.

¹⁰ *Завадовский Петр Васильевич* (1739—1812), полковник, сын зажиточного землевладельца Черниговской губернии. Окончил Киевскую духовную академию (одно из лучших учебных заведений тех лет), поступил в Малороссийскую коллегию в Глухове при гетмане К.Г. Разумовском. Выдвинулся при П.А. Румянцеве, сделавшись правителем его секретной канцелярии. Участник Русско-турецкой войны. Румянцев очень

ценил Завадовского и его друга А.А. Безбородко. Потемкин по совету Румянцева выдвинул Завадовского на пост статс-секретаря императрицы. Потемкин не мог предположить, что заискивающий перед ним Завадовский станет его соперником. Фаворит императрицы в 1775—1777 гг. Пользуясь поддержкой своего друга Безбородко, занимал видные посты в администрации. В 1780 г. он был пожалован в тайные советники, сенатором и членом Воспитательного общества благородных девиц, через год ему поручается руководить петербургским Дворянским и Городским заемными банками. В 1787 г. женился на графине Вере Николаевне Апраксиной. Первый министр народного просвещения Российской империи (1802—1810).

¹¹ *Ермолов Александр Петрович* (1754 — 1835), офицер, адъютант Г.А. Потемкина, в феврале 1785 г. пожалован в флигель-адъютанты, генерал-майоры и действительные камергеры, фаворит императрицы до июля 1786 г.

¹² *Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич* (1758—1803), дальний родственник Потемкина, сменивший фаворита А.П. Ермолова. С 1784 г. адъютант Г.А. Потемкина. В 1786 г. Дмитриев-Мамонов произведен прямо в полковники и сделан флигель-адъютантом императрицы; в том же году пожалован чином генерал-майора и званием действительного камергера и получил помещение в Зимнем дворце. Впоследствии действительный камергер, генерал-адъютант. Екатерина была очень привязана к Мамонову и тяжело пережила его измену в 1789 г., когда узнала, что фаворит мечтает жениться на княжне Дарье Щербатовой. Императрица лично благословила жениха и невесту, отослав от двора. Император Павел, к которому Дмитриев-Мамонов во время «фавора» относился почтительно, по восшествии своем на престол возвел его в 1797 г. в графское достоинство Российской империи, но не вызвал ко двору.

¹³ *Румянцев-Задунайский Петр Александрович* (1725—1796), граф, военный и государственный деятель, на протяжении правления Екатерины II (1761—1796) управлявший Малороссией. Во время Семилетней войны командовал взятием Кольберга. За победы над турками при Ларге, Кагуле и др., которые привели к заключению Кючук-Кайнарджийского мира, удостоен титула «Задунайский». В 1770 г. получил чин генерал-фельдмаршала. Остаток жизни провел в своих многочисленных поместьях, украшением которых неустанно занимался: Гомеле, Великой Топали, Качановке, Вишенках, Ташани, Троицком-Кайнарджи. Оставил ценные труды по военной науке.

¹⁴ *Воронцов Александр Романович* (1741—1805), граф, канцлер Российской империи, сын генерал-аншефа графа Р.И. Воронцова; брат княгини Е.Р. Дашковой, графини Е.Р. Воронцовой и дипломата С.Р. Воронцова. Сенатором (с 1779 г.), президент Коммерц-коллегии, но стоял в отдалении от двора. С 1787 г. — член Совета при высочайшем дворе. Вскоре после заключения Ясского мира (1791) Александр Романович должен был подать в отставку (1794) и оставался вдали от дел до воцарения Александра I, который в 1802 г. назначил его государственным канцлером и главой Комиссии по составлению законов. Вместе с А.Н. Радищевым подготовил проект первой российской конституции — «Всемилоостивейшую жалованную грамоту».

¹⁵ *Туманский Федор Осипович* (1757?—1810), издатель журналов «Зеркало света» (1786—1787) и «Российский магазин» (1792—1794). Родился в конце 1750-х годов. в семье председателя Новгород-Северской уголовной палаты. В 1774 г. окончил Кенигсбергский университет, по завершении учебы служил чиновником в разных ведомствах. С февраля 1786 г. по сентябрь 1787 г. совместно с И.П. Богдановичем издавал общественно-политический и литературный журнал «Зеркало света». С 1792 г. по 1794 г. выпускал первый русский исторический журнал «Российский магазин». В этом издании печатались статьи по истории и топографии Санкт-Петербурга и его окрестностей, генеалогии знаменитых русских дворянских родов, этнографические исследования, важные документы по истории Украины. Умер в декабре 1810 г. в своем имении Родионовка.

¹⁶ *Павел I, император* (1754—1801); 1796—1801, сын императора Петра III (1728—1762) и императрицы Екатерины II (1729—1796); родился 20 сентября (1 октября) 1754 г. в Петербурге. В 1761 г. воспитателем к нему был назначен Н.И. Панин. Женат с 29 сентября 1773 г. первым браком на принцессе Августе-Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, нареченной великой княгиней Наталией Алексеевной (1755—1776), скончавшейся после неудачных родов. Вторым браком с 26 сентября 1776 г. женат на принцессе Доротее-Софии-Августе-Луизе Вюртембергской, нареченной великой княгиней Марией Федоровной (1759—1828). От второго брака дети, великие князья и великие княжны: Александр (1777—1825); Константин (1779—1831); Александра (1783—1801); Елена (1784—1803); Мария (1786—1859); Екатерина (1788—1818); Ольга (1792—1795); Анна (1795—1865); Николай (1796—1855); Михаил (1798—1849). В 1781—1782 гг. супруги совершили путешествие по ряду европейских стран, во время которого

Павел открыто критиковал политику матери, о чем ей стало известно. По возвращении великокняжеской четы в Россию императрица подарила им мызу Гатчина, куда переместился «малый двор», где Павел, унаследовавший от отца страсть к военному делу, создал свою небольшую армию на прусский манер, проводя маневры и парады. Вступил на престол 6 ноября 1796 г.; короновался 5 апреля 1797 г. Приход Павла I к власти сопровождался милитаризацией жизни двора и Петербурга в целом. Новый император сразу же попытался вычеркнуть все сделанное за годы царствования Екатерины II, что стало одним из важнейших мотивов его политики. Важным законодательным актом Павла I явился изданный в 1797 г. закон о порядке престолонаследия, действовавший в России вплоть до 1917 г. В 1798 г. возникла угроза воссоздания Наполеоном самостоятельного Польского государства, Россия приняла участие в организации антифранцузской коалиции. 16 декабря 1798 г. император принял на себя обязанности великого магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, бросив вызов французскому императору, захватившему Мальту. В 1798—1800 гг. русские войска успешно сражались в Италии, а русский флот — на Средиземном море, что вызывало беспокойство со стороны Австрии и Англии. Отношения с этими странами окончательно испортились весной 1800 г. В это же время началось сближение с Францией, и даже обсуждался план совместного похода на Индию. Не дожидаясь подписания соответствующего соглашения, Павел I приказал выступить в поход донским казакам, которые были остановлены уже Александром I. Осенью 1800 г. в среде высших гвардейских офицеров возник заговор против Павла I. В заговоре принимали участие последний фаворит Екатерины II Платон Зубов и его братья, петербургский генерал-губернатор Пален, генерал Беннигсен. О планах заговорщиков были осведомлены великие князья Александр и Константин Павловичи. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики во главе с графом Паленом проникли в только что выстроенный в Петербурге Михайловский замок. Император отказался подписать отречение от престола, его начали душить шарфом, ударили в висок массивной табакеркой. Народу было объявлено, что Павел I скончался от апоплексического удара. Погребен 23 марта 1801 г. в Петропавловском соборе.

¹⁷ Мария Федоровна, императрица. (1759—1828), урожденная принцесса Вюртембергская Доротея-София-Августа-Луиза, родилась 14 октября 1759 г. в Штутгарте; дочь Фридриха-Евгения, принца (затем герцога) Вюртемберг-Штутгартского и Фридрики-Доротеи-Софии маркграфини Бранденбург-Шве-

ринской; вторая супруга императора Павла I (1754—1801). Прибыла в Петербург 31 августа 1776 г.; миропомазана 14 сентября, обручена 15 сентября, обвенчана с великим князем Павлом Петровичем 26 сентября 1776 г. От этого брака дети, великие князья и великие княжны: Александр (1777—1825); Константин (1779—1831); Александра (1783—1801); Елена (1784—1803); Мария (1786—1859); Екатерина (1788—1818); Ольга (1792—1795); Анна (1795—1865); Николай (1796—1855); Михаил (1798—1849). Вступила на престол вместе с супругом 6 ноября 1796 г.; коронована 5 апреля 1797 г.; по воцарении супруга получила главное начальство над Воспитательным обществом благородных девиц (Смольный монастырь); с мая 1797 г. осуществляла главное заведование Воспитательными домами С.-Петербургским и Московским, с принадлежащими к ним Сохранною и Ссудною казнами; в 1799 г. основала Екатерининский институт в Петербурге и приняла в свое распоряжение Александровскую бумажную мануфактуру; в 1801 г. открыла Повивальный институт в Москве на капитал П.И. Демидова. Овдовела 12 марта 1801 г. В 1802 г. учредила Екатерининский институт в Москве, дом призрения в Гатчине и больницу в Павловске; в 1803 г. больницы для бедных и вдовьи дома в Петербурге и Москве; в 1805 г. Александровское женское мещанское училище в Москве; в 1806 г. первое училище глухонемых в Павловске; в 1807 г. приняла под свое покровительство женское отделение петербургского Военно-сиротского дома; в 1809 г. ввела во всех своих заведениях прививание оспы; в 1814 г. учредила дом призрения для инвалидов в Павловске; в 1820 г. Училище солдатских дочерей в Петербурге; в 1821 г. дом призрения в Симферополе; в 1823 г. открыла Коммерческий институт в Петербурге. В царствование сына Николая I приняла в свое ведение петербургскую Обуховскую больницу с домом умалишенных, богадельню и сиротский дом. В честь императрицы, оказавшей поддержку в финансировании строительства, названа Мариинская водная система — соединившая Волгу с Балтийским морем. Скончалась в Петербурге 24 октября 1828 г., погребена 13 ноября в Петропавловском соборе.

¹⁸ *Рибопьер Иван Степанович* (1750—1790), швейцарец, родился в Эльзасе. Познакомился в Тюбингенском университете с русскими аристократами, князем Н.Б. Юсуповым и С.С. Апраксиным. С рекомендательным письмом Вольтера отправился в Россию в 1778 г. Был принят на русскую службу, генеральс-адъютант Потемкина. Женился на фрейлине Аграфене Александровне Бибиковой (дочери знаменитого генерала). Близко сдружился с адъютантом Потемкина А.М. Дми-

триевым-Мамоновым задолго до его возвышения. Когда Мамонов стал фаворитом, Рибопьер получил свободный доступ во дворец. Поддерживал Потемкина и тайно от Мамонова сообщал Попову придворные новости. Женитьба фаворита на княжне Д.Ф. Щербатовой (Мамонов встречался со своей возлюбленной в доме Рибопьера) заставила его друга уехать в действующую армию. Бригадир Рибопьер героически погиб на штурме Измаила. Его сын Александр женился на внучатой племяннице Г.А. Потемкина — Екатерине, дочери М.С. и Т.В. Потемкиных. Оставил интересные «Записки».

¹⁹ *Екатерина Васильевна Энгельгардт* (1761—1829), племянница Потемкина. Фрейлина императрицы Екатерины II. Вышла замуж за графа П.М. Скавронского.

²⁰ После страшных сцен, которые принц Фридрих Вюртембергский (брат великой княгини Марии Федоровны) устроил своей жене принцессе Августе, последняя осталась в покоях императрицы и просила о защите. Тянувшаяся несколько лет семейная драма (принц бил свою жену, таскал ее за волосы, запирали на ключ) закончилась. Если раньше Екатерина II пыталась решить дело, отослав принцессу к ее родителям, то теперь она приняла свои меры: принцесса была отправлена с небольшой свитой в замок Лоде близ Ревеля, принцу было предложено подать в отставку. Принц Фридрих не желал идти в отставку, но императрица настояла на своем. «Дикарь из Монбелиара», как называла его Екатерина, был отставлен без собственноручного указа императрицы. Его сестра великая княгиня Мария Федоровна и великий князь Павел Петрович пытались смягчить императрицу, но Екатерина осталась непреклонной. «Он написал мне бешеное письмо,— писала она Гримму,— но все-таки ему пришлось собраться в дорогу» (Сборник РИО. Т. 23. С. 388). Ранняя смерть принцессы Августы в замке Лоде и нежелание Екатерины II выносить сор из избы послужили основанием для распространения легенд о насильственной смерти принцессы «по приказу императрицы».

²¹ Старший брат жены наследника Павла Петровича принц Фридрих Вильгельм Карл Вюртемберг-Штутгартский был принят на русскую службу с чином генерал-поручика, награжден орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

²² *Граф Ангальт Феодор Евстафьевич* (1732—1794), сын наследного принца Ангальт-Дессау и дочери купца. В Семилетнюю войну сражался под знаменами Фридриха II против австрийцев и русских. В 1783 г. на службе в России, генерал-поручик, генерал-адъютант. С 1786 г. возглавлял кадетский

корпус. Оставил по себе добрую память как воспитатель и педагог. С началом шведской войны Ангальт претендовал на чин полного генерала и на поручение ему главного командования в Финляндии.

²³ Супруга генерал-майора Христофора Ивановича фон Бенкендорфа (1749—1823), урожденная баронесса Анна Юлиана Шиллинг фон Канштадт (1758—1797), была подругой детства императрицы Марии Федоровны, с которой вместе приехала в Россию из Монбельяра. Великий князь Павел Петрович считал ее главной виновницей семейных неурядиц во время фавора Нелидовой. В 1791 г. госпожа Бенкендорф была удалена с мужем в Дерпт с прекращением выплаты пенсии, назначенной ей по случаю бракосочетания Марии Федоровны.

²⁴ *Михаил Андреевич Милорадович* (1771—1825), генерал от инфантерии (1809), один из предводителей русской армии во время Отечественной войны 1812 г., санкт-петербургский военный генерал-губернатор и член Государственного совета (с 1818). В апреле 1787 г. произведен в прапорщики. В чине поручика участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг. 1 января 1790 г. произведен в поручики, 1 января 1792 г. — в капитан-поручики, 1 января 1796 г. — в капитаны, 16 сентября 1797 г. — в полковники того же полка. С 27 июля 1798 г. — генерал-майор и шеф Апшеронского мушкетерского полка.

²⁵ *Михаил Павлович Миклашевский* (1756—1847), глава ряда губерний на территории современной Украины (в 1797—1802 гг.), сенатор. В 1796 г. был назначен волынским, а в 1798 г. — малороссийским губернатором. В 1799 г. за употребление в донесениях несвойственных в российском языке слов был уволен императором Павлом, но в 1801 г. назначен был вновь начальствовать Новороссийским краем.

²⁶ *Салтыков Николай Иванович* (1736—1816) — генерал-аншеф. Участник Семилетней и Русско-турецких войн. Имея чин генерал-поручика, Салтыков в 1773 г. получил важное назначение. «С самого начала поставить себя в такое положение, чтобы вас уважали», — писала Салтыкову императрица, поручая ему стать во главе малого двора. В инструкции говорилось также о том, что Салтыков будет жить при дворе и может являться к императрице, «когда вздумает» (РА. 1864. № 9. Стб. 932—934). Пользуясь доверием Екатерины, Салтыков сумел завоевать расположение Павла Петровича. С 1783 г. государыня возложила на Салтыкова ответственность за воспитание своих горячо любимых внуков Александра и Константина. Салтыков в царствование Екатерины стал генерал-адъютантом, графом, вице-президентом Военной коллегии. Павел I пожаловал его в генерал-фельдмаршалы. Александр I

возвел Салтыкова в княжеское достоинство и поставил во главе Государственного совета.

²⁷ *Нарышкина Анна Никитична* (1730—1820), урожденная Румянцева, дочь генерал-майора Никиты Ивановича Румянцева и княжны Марии Васильевны Мещерской; двоюродной сестры графа П. А. Румянцева-Задунайского. С 1749 г. замужем за Александром Александровичем Нарышкиным (1726—1795). Анна Никитична была очень дружна с императрицей Екатериной II, при ее содействии устраивались свидания великой княгини с Понятовским. К посредничеству Нарышкиной императрица прибегала во время разрыва с Мамоновым, место которого при покровительстве Анны Никитичны занял П.А. Зубов. 15 (26) сентября 1773 г. Нарышкина была пожалована в статс-дамы, в 1787 г. получила орден Св. Екатерины, с 12(23) ноября 1796 г. — гофмейстерина Высочайшего двора. Нарышкина была хозяйкой села Тарутина, где в 1812 г. произошло сражение между русскими и французскими войсками. Овдовев, жила в доме своего двоюродного племянника Н.П. Румянцева на Английской набережной, где и скончалась в феврале 1820 г.

²⁸ *Нарышкин Александр Александрович* (1726—1795), троюродный брат императрицы Елизаветы Петровны, видный царедворец из рода Нарышкиных. В кратковременное царствование Петра III находился в числе лиц, составлявших тесный круг его приближенных. При вступлении Петра III на престол был возведен в звание гофмаршала, а вскоре назначен обер-гофмаршалом. В 1760 г. награжден орденом Александра Невского, а 6 апреля 1762 г. ему был пожалован орден Андрея Первозванного. Летом 1762 г. при сборах Петра III в Померанию входил в число шести лиц, которым император в свое отсутствие предполагал поручить управление внутренними делами. Сопровождал Петра III, уже утратившего престол, в его последнем путешествии из Ораниенбаума в Петергоф и из Петергофа в Кронштадт. По вступлении на престол Екатерины II был переименован в обер-шенки Высочайшего двора. В 1768 г. назначен сенатором. Скончался 21 мая 1795 г. в Петербурге и погребен в Александро-Невской лавре.

²⁹ *Брюс Яков Александрович* (1732—1791), граф, генерал-аншеф, генерал-адъютант. Внучатый племянник знаменитого сподвижника Петра I шотландца Якова Брюса. 12-ти лет записан в лейб-гвардии Семеновский полк. В 19 лет женился на графине П.А. Румянцевой, родной сестре будущего фельдмаршала. Отличился в Семилетней войне. Петр III пожаловал Брюса в генерал-майоры и майоры гвардии. В войне 1768—1774 гг. сражался волонтером, проявил большую личную хра-

брось. По возвращении в Петербург осыпан наградами. Впоследствии занимал должности главнокомандующего в Москве и Санкт-Петербурге.

³⁰ *Завадовский Петр Васильевич* (1738—1812), был женат с 30 апреля 1787 г. на одной из первых красавиц своего времени, графине Вере Николаевне Апраксиной, дочери жившей у графа К.Г. Разумовского его племянницы и «метрессы», графини Софьи Осиповны Апраксиной. От этого брака он имел 9 дочерей и 4 сыновей, из них 8 детей умерли в младенчестве.

³¹ *Князь Дашков Павел Михайлович* (1763—1807), сын княгини Е.Р. Дашковой, в 1772 г. был записан в гвардию и сразу же получил чин прапорщика (из уважения к заслугам матери). Он вернулся в Россию с ученой степенью магистра искусств, которую получил в Эдинбургском университете, занимаясь науками под наблюдением матери. Потемкин взял Дашкова к себе в генерал-адъютанты с чином капитан-поручика лейб-гвардии Семеновского полка. Состоял губернским предводителем московского дворянства. Его знаменитая мать умерла, так и не простив сына за его женитьбу на дочери купца-откупщика Алферова. Брак был несчастливый. Со смертью Дашкова старинный княжеский род угас.

³² *Александр I, император Всероссийский* (1777—1825), сын императора Павла I, любимый внук Екатерины II. Вступил на трон в 1801 г.

³³ *Константин Павлович, великий князь* (1779—1831), второй сын императора Павла I, считавшийся до самой смерти старшего брата Александра Павловича наследником русского престола. Генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса, генерал-инспектор всей кавалерии.

³⁴ *Александра Павловна, великая княжна* (1783—1801), старшая дочь императора Павла I (1754—1801) и императрицы Марии Федоровны (1759—1828). В 1796 г. Екатерина II сделала попытку организовать брак великой княжны Александры Павловны со шведским королем Густавом IV. Однако брак не состоялся из-за требования шведской стороны переменить веру будущей супруги короля. С 19 октября 1799 г. супруга эрцгерцога Австрийского, палатина Венгерского Иосифа (1776—1847). Скончалась после тяжелых родов в городе Офен 4 марта 1801 г., погребена в местечке Уром, в Венгрии.

³⁵ *Елена Павловна, великая княжна* (1784—1803), вторая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны; с 12(23) октября 1799 г. в супружестве с Фридрихом-Людвигом, великим герцогом Мекленбург-Шверинским (1778—1819); скончалась в городе Шверине 12 сентября 1803 г., где и была погребена.

³⁶ *Мария Павловна, великая княжна* (1786—1859), третья дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны; с 22 июля 1804 г. супруга Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского (1783—1853); от этого брака дети: Мария (1808—1877); Августа (1811—1890); Карл-Александр (1818—1901), герцог с 1853 г. Со 2 июня 1828 г. великая герцогиня. Славилась благотворительной деятельностью, покровительствовала деятелям искусства и науки (восторженные отзывы о ней оставили Александр фон Гумбольдт, Шиллер, Гёте). Овдовела 28 июня 1853 г. Скончалась 11 июня 1859 г. В память великой княгини на городском кладбище была выстроена православная церковь, носящая имя Марии Магдалины.

³⁷ *Император Священной Римской империи Иосиф II* (1741—1790) в 1777 г. посетил Францию под именем графа Фалькенштейна. Европейские газеты много писали о скромности императора, осматривавшего достопримечательные места без свиты и подчинявшегося правилам для обычных посетителей. В 1780 г. в Могилеве состоялось первое свидание австрийского императора Иосифа II с Екатериной II. Позже Иосиф II посетил Москву и побывал инкогнито под именем графа Фалькенштейна в Петербурге.

³⁸ *Чичерин Александр Николаевич*, сын петербургского обер-полицмейстера Николая Ивановича Чичерина (1724—1782); женат на переводчице Елизавете Петровне Демидовой (1767—?).

³⁹ *Каменский Михаил Федотович* (1738—1809), генерал-поручик. Участник Семилетней войны. В кампании 1774 г. командовал корпусом, который Румянцев (вместе с корпусом Суворова) направил за Дунай. Каменский, будучи моложе Суворова, получил свой чин раньше него, следовательно, имел старшинство. Он был вынужден жаловаться Румянцеву на Суворова, не желавшего подчиняться «мальчишке». Конфликт между генералами так обострился, что Суворов был вынужден самовольно покинуть (сославшись на болезнь) армию. Румянцев не стал разбираться в конфликте, и лавры победы достались Каменскому. Он был награжден орденами Александра Невского и Георгия 2-й степени. Суворов при торжестве мира получил богато украшенную шпагу и никогда не забывал нанесенной ему обиды. Каменский при Павле I получил чин фельдмаршала, но так и не сумел подтвердить своей репутации военачальника. Отличавшийся вспыльчивым и жестоким характером, он был убит своими крепостными.

⁴⁰ *Миллер (правильно — Меллер) Иван Иванович* (1725—1790), артиллерист, участник Семилетней войны, первой и

второй Русско-турецких войн. Награжден орденами Андрея Первозванного и Георгия 2-й степени, возведен в баронское достоинство (по представлению Г.А. Потемкина) с прибавкой к фамилии почетного наименования «Закомельский». В чине генерал-аншефа был смертельно ранен под стенами турецкой крепости Килия в осенней кампании 1790 г.

⁴¹ *Корсаков Николай Иванович* (1749—1788), участник Рус.-турецкой войны, руководил возведением осадных батарей.

⁴² *Рылеев Никита Иванович* (1749—1808), генерал-поручик (1795), обер-полицмейстер и генерал-губернатор Санкт-Петербурга. Будучи уже полковником и и. о. Спб. полицмейстера, он 1 января 1784 г. назначен был обер-полицеймейстером и 24 ноября того же года пожалован в бригадиры. Петербургским губернатором был назначен 2 сентября 1793 г. Император Павел I 7 января 1797 г. переименовал Рылеева из генерал-поручиков в тайные советники, а затем, 9 июня того же года, уволил в отставку.

⁴³ *Чертков Евграф Александрович* (1735—1797), участник переворота 1762 г. Младший брат генерала В. А. Черткова. В 1777 г. тайный советник, камергер; 4 апреля 1795 г. произведен в действительные тайные советники. Часто сопровождал императрицу в поездках и выездах.

⁴⁴ *Шувалов Андрей Петрович* (1744—1789), граф, писатель, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного, сын фельдмаршала Петра Ивановича Шувалова. Записанный на 4-м году в Конную гвардию, в 7 лет получил офицерский чин. Камер-юнкер (1757), камергер (1761). Поклонник Вольтера, с которым познакомился лично в 1765 г. Участвовал в Большой комиссии по составлению нового Уложения. Впоследствии действительный тайный советник, управлял Ассигнационным банком, считался авторитетом в финансовых вопросах. Вступил в масонство и вскоре стал председателем одной из масонских лож.

⁴⁵ *Архаров Николай Петрович* (1742—1814), генерал-майор и московский обер-полицмейстер. Выдвинулся во время подавления чумного бунта в 1771 г. и наведения порядка в Москве. Служил губернатором в Москве (1782), генерал-губернатором Новгородского и Тверского наместничеств (1784—1796). Смерть Екатерины застала его генерал-губернатором Петербурга. Павел I уволил Архарова в отставку. Полицейские получили в народе прозвище «архаровцев» по имени своего начальника.

⁴⁶ *Рибиндер Василий Михайлович* (1730 — после 1800), генерал-майор.

⁴⁷ *Граф Сегюр Луи Филипп* (1753—1830), французский посол при петербургском дворе с 1788 по 1789 г., автор трагедии

«Кориолан». В 1880 г. были опубликованы письма графа князю Потемкину. (См.: Письма графа Сегюра к князю Потемкину // Ист. вестн. 1880. № 7).

⁴⁸ *Бибиков Василий Ильич* (1746—1787), камергер, тайный советник, актер-любитель и драматург. Автор пьесы «Лихоимец», которая шла с успехом в столичных театрах. В 1781—1785 гг. был директором русской труппы Императорского театра. По его плану в 1799 г. в Петербурге было создано театральное училище.

⁴⁹ *Львов Николай Александрович* (1753—1803/1804), архитектор, график, поэт, переводчик, музыкант. В 1783 г. избран в Российскую академию, с 1785 г. почетный член Академии художеств.

⁵⁰ *Храповицкий Александр Васильевич* (1749—1801), сенатор, кабинет-секретарь императрицы Екатерины II, автор записок.

⁵¹ *Стрекалов Степан Федорович* (1728—1805), статс-секретарь императрицы. Официально состоял «у принятия прошений», вел протоколы Совета при императрице. Впоследствии сенатор, тайный советник.

⁵² *Энгельгардт Екатерина Васильевна* (в первом браке — графиня Скавронская, во втором — графиня Литта; 1761—1829) — одна из племянниц светлейшего князя Потемкина, жена с 1781 г. графа Павла Мартыновича Скавронского (1757—1794), второй брак с 1798 г. с графом Джулио Литта. В 1824 г. получила звание гофмейстерины.

⁵³ *Самойлов Александр Николаевич* (1744—1814), племянник князя Потемкина, адъютант своего дяди, поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Был среди трех самых доверенных лиц — свидетелей тайного венчания Потемкина с императрицей. После смерти Потемкина Екатерина II доверила Самойлову пост генерал-прокурора. Он был заслуженным боевым генералом, участником штурмов Очакова и Измаила. В конце царствования Екатерины возведен в графское достоинство. На его дочери женился внук Екатерины и Григория Орлова граф А.А. Бобринский. Тем самым Орловы породнились с Потемкиными.

⁵⁴ *Львов Сергей Лаврентьевич* (1740—1812), генерал от инфантерии (1800), герой Очаковского штурма. В 1790 г. пожалован флигель-адъютантом императрицы. В 1791 г. находился при князе Потемкине, во время предсмертной поездки последнего в Яссы, и присутствовал при его кончине. По окончании войны с Портой был пожалован шефом Белорусского егерского корпуса.

⁵⁵ 9 декабря 1786 г. на балу в Петербурге офицер-преображенец Петр Иванович Иевлев устроил ссору с князем Дашковым и вызвал его на дуэль. Императрица приказала командующему преображенцами Татищеву запретить Иевлеву дуэль. Графу А.Р. Воронцову было передано желание государыни сообщить Дашкову, чтоб он ехал к своему полку, ибо его отпуск закончился. Дашков жаловался, что Иевлева настроили Потемкин или Мамонов. Фавориту с большим трудом удалось помирить противников. Иевлев в 1789 г. был выключен из полка «за неуплату долгов».

⁵⁶ Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1737—1807), военный и государственный деятель, сподвижник Екатерины II, младший брат ее фаворита Григория Григорьевича Орлова. Граф с 1762 г. Генерал-аншеф (1769), лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, Кавалергардского корпуса поручик. В 1768—1769 гг. он разработал план военной операции против Турции в Средиземном море (Первая Архипелагская экспедиция). В 1769 г. получил командование эскадрой русского флота; за победу в Чесменском бою генерал-аншеф граф Алексей Григорьевич Орлов награжден 22 сентября (3 октября) 1770 г. орденом Св. Георгия 1-го класса, а также получил право присоединить к фамилии своей проименование «Чесменский» и именоваться графом Орловым-Чесменским. Получил от императрицы Екатерины II повеление доставить в Россию княжну Тараканову, что и исполнил, притворившись ее сторонником. В 1775 г. Орлов получил отставку (к этому времени его брат Григорий утратил милость Екатерины).

⁵⁷ Екатерина Павловна, великая княжна (1788—1818), четвертая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны; родилась в Царском Селе 21 мая 1788 г. Вступила в брак 18 апреля 1809 г. с Петром-Фридрихом-Георгом, принцем Ольденбургским. От этого брака дети: сыновья, принцы Ольденбургские: Павел-Александр (1810—1829); Петр (1812—1881). Имела большое влияние на Александра I, который советовался с ней по различным вопросам внешней и внутренней политики, посвящал ее в свои планы. 15 декабря 1812 г. овдовела. 12 января 1816 г. вступила во второй брак с Фридрихом-Вильгельмом, наследным принцем Вюртембергским. От этого брака дочери, принцессы: Мария-Фредерика (1816—1887), София (1818—1877). С 18 октября 1816 г. — королева Вюртембергская. В Вюртемберге заботилась о народном образовании, устроила «благотворительное общество» во время голода 1816 г., содействовала устройству домов трудолюбия. Скончалась 29 декабря 1818 г. в г. Штутгарте.

⁵⁸ *Потемкин Павел Сергеевич* (1743—1796), троюродный брат князя Г.А. Потемкина. Образование получил в Московском университете. Поэт и переводчик. Первым перевел на русский язык «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо. Службу начал в лейб-гвардии Семеновском полку. Отличился в турецкой войне, был награжден Георгием 4-й степени и быстро продвинулся в чинах. Последующей карьерой во многом обязан своему знаменитому родственнику. В 1774 г. возглавлял секретные комиссии, расследовавшие обстоятельства и причины народного возмущения. В 1783 г. подписал Георгиевский трактат о протекторате России над Картли-Кахетинским царством. Участвовал во второй турецкой войне. Стал кавалером Георгия 3-й и 2-й степеней. В польской кампании Суворова был его помощником и заместителем. Генерал-аншеф, граф.

⁵⁹ *Шувалов Иван Иванович* (1727—1797), государственный деятель, генерал-адъютант (1760), фаворит императрицы Елизаветы Петровны, меценат, основатель Московского университета и Академии художеств. Почетный член Императорской Академии наук (с 1778 г.), действительный член Императорской Российской академии (с 1783 г.), один из создателей Академического словаря. Обер-камергер (с 1778 г.), действительный тайный советник (с 1773 г.). Графского титула он (в отличие от своих двоюродных братьев) не имел.

⁶⁰ *Разумовский Лев Кириллович* (1757—1818), граф, генерал-майор, владелец усадьбы Петровское-Разумовское и дворца в Москве на Тверской (позднее Английский клуб). Сын фельдмаршала Кирилла Разумовского, брат Алексея Разумовского. В 1782 г. получил чин полковника и был переведен генерал-адъютантом к князю Потемкину. Вместе с ним принимал участие в военных действиях против турок. Командовал егерскими полками под начальством А.В. Суворова и был дежурным при князе Репнине. Отличился в битве при Исакке, затем 3 сентября 1789 г. преследовал турок до Измаила и бомбардировал эту крепость. 2 ноября того же года участвовал во взятии Бендер. В 1789 г. произведен в бригадиры, а в следующем году в генерал-майоры. 28 июля 1791 г. принимал участие в победе при Мачине.

⁶¹ *Долгоруков Василий Васильевич* (1752—1812), князь, генерал-поручик русской императорской армии. На гражданской службе — действительный тайный советник. Младший сын полководца Василия Михайловича Долгорукова-Крымского. Военную карьеру начал в Селенгинском пехотном полку, вместе с которым принимал участие в походе в Крым; с 10 лет был адъютантом отца. По окончании этой кампании императрица Екатерина пожаловала князя Василия чином пол-

ковника, 17 августа 1771 г. В 1775 г. последовало производство его в бригадиры, в 1777 г. — в генерал-майоры, в 1783 г. — в генерал-поручики. В 1788 г. князь Долгоруков находился при осаде и штурме Очакова. Император Павел I произвел его в действительные тайные советники, а 21 августа 1799 г. уволил от службы.

⁶² Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич, граф (см. примеч. 56).

⁶³ Орлов Федор Григорьевич (1741—1796), граф. Во время первой турецкой войны оставил гражданскую службу и в 1770 г. поступил в эскадру капитана Спиридова Первой Архипелагской экспедиции русского флота. Отличился при взятии крепости Короны. За военные подвиги был произведен в генерал-поручики. В январе 1772 г. возвратился в Санкт-Петербург. В день заключения Кючук-Кайнарджийского мира произведен в генерал-аншефы с увольнением, согласно прошению, от службы. С 1775 г. жил в Москве, где выкупил под загородную резиденцию усадьбу Нескучное. В подмосковном имении «Неразстанное» (рядом с «Отрадой» брата Григория) воспитывал пять внебрачных сыновей и двух дочерей.

⁶⁴ Граф Иоганн Эрнст Миних, в русских документах Сергей Христофорович Миних (1707—1788), политический деятель, дипломат, мемуарист из рода Минихов. Дед баронессы Криднер, имевшей влияние на Александра I. В Россию приехал в возрасте 13 лет. В 1737 г. получил чин камергера, в 1740 г. — обер-гофмейстера и звание генерал-поручика, пользовался расположением императрицы Анны Иоанновны, а после ее смерти — Анны Леопольдовны. После свержения последней, в 1741 г. был вместе с отцом схвачен, осужден, лишен чинов и поместий, после чего сослан с семьей в Костромскую губернию, а в 1743 г. — в Вологду, где и пробыл в ссылке 20 лет, вплоть до кончины императрицы Елизаветы Петровны. В 1762 г., с воцарением императора Петра III, был помилован и вернулся в Санкт-Петербург. Тогда же ему были возвращены чины, награды и утраченное имущество. В 1763 г., уже во время правления императрицы Екатерины II, получил чин действительного тайного советника. С 1764 г. — член Таможенной комиссии, главный директор таможенных сборов страны. С 1774 г. и вплоть до самой смерти — председатель Коммерц-коллегии. Мемуарист, в годы вологодской ссылки написал «Записки графа Эрнста Миниха...», интересные подробным изображением придворной жизни времен Анны Иоанновны и портретами политических деятелей той эпохи.

⁶⁵ *Разумовский Кирилл Григорьевич* (фамилия при рождении — Розум; 1728—1803), граф (с 1744 г.), последний гетман Войска Запорожского (1750—1764), генерал-фельдмаршал (1764), президент Российской академии наук в течение более чем полувека (с 1746 по 1798 г.). Основатель графского и княжеского рода Разумовских.

⁶⁶ *Плещеев Сергей Иванович* (1752—1802), географ, переводчик, вице-адмирал. Службу начал мичманом в 1764 г. В 1765 г. был командирован в Англию для прохождения морской практики. В 1765—1770 гг. каждый год курсировал на кораблях английского флота вдоль берегов Северной Америки. Принимал участие в Первой Архипелагской экспедиции. Состоял при константинопольском посольстве князя Н. В. Репнина. Произвел съемку пролива Дарданеллы (1775) и побережья Черного моря у Синопа и Трапезунда (1776). В 1781 г. был назначен состоять при цесаревиче Павле Петровиче, сопровождал его в путешествии по Европе, которое сам же и описал в отдельном издании. Вступив в 1788 г. в авиньонское братство «Народ божий», Плещеев по возвращении в Россию получил известность как масон. По воцарении своего покровителя Плещеев был назначен его адъютантом, а при коронации (в 1797 г.) был произведен в вице-адмиралы. Вышел в отставку 28 июля 1798 г.

⁶⁷ *Гудович Михаил Васильевич* (1752—1818), граф, брат фельдмаршала И.В. Гудовича, генерал-майор. В службу вступил в 1768 г. солдатом в Преображенский полк. Через три года выпущен поручиком в Астраханский пехотный полк, в составе которого принял участие в войне с турками. В 1775 г. произведен в майоры в Киевский легкоконный полк, в 1779 г. назначен адъютантом к графу П. А. Румянцеву и в 1784 г. произведен в полковники в Киевский карабинерный полк. После участия в новой войне с турками и в военных действиях против поляков произведен из бригадиров в генерал-майоры (1793). Как и все братья Гудовичи, выиграл от вступления на престол Павла I, получив назначение шефом Ярославского мушкетерского полка. Однако уже 15.09.1797 был уволен от службы по собственному прошению с гражданским чином действительного статского советника.

⁶⁸ *Турчанинов Петр Иванович* (1746 — после 1823), правитель канцелярии Потемкина. Он был рекомендован Потемкиным Екатерине и стал статс-секретарем по военным делам (1783). Играл заметную роль в правительственной администрации. Дослужился до чина генерал-поручика.

⁶⁹ *Грибовский Адриан Моисеевич* (1767—1834), кабинет-секретарь Екатерины II в последний год ее правления, извест-

ный главным образом как автор записок об этом времени. Во время Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. находился при походной канцелярии. Зимой 1789 г. сопровождал Потемкина в Петербург. Как человеку, владевшему литературным пером, ему поручено было составление журналов военных действий, по которым составлялись донесения Потемкина Екатерине, а на Ясском конгрессе — обязанности конференц-секретаря. 14 января 1792 г. прибыл в Петербург и через четыре дня, переименованный из надворных советников в подполковники Изюмского легкоконного полка, он назначен правителем канцелярии Зубова и скоро сделался его правой рукой. Императрица узнала и оценила способности и усердие Грибовского и 11 августа 1795 г. сделала его своим статс-секретарем по принятию прошений. По заданию императрицы изучал гражданские законы и церковные уставы для составления нового устава Сената, а также работал над замечаниями на Генеральный регламент Петра I.

⁷⁰ *Пауль Жонес* (Джон Поль Джонс) (1747—1792), национальный герой США, предводитель флота Конгресса во время Войны за независимость. Шотландец, переселившийся в колонии, торговал рыбой. С началом войны предложил свои услуги Конгрессу и успешно сражался против англичан. Джонс с маленькой флотилией нападал на отдельные корабли своей бывшей родины, объявившей его «врагом». После войны жил в Париже. Зная о поисках Потемкиным флагмана для Черноморского флота, императрица решила пригласить Джонса на русскую службу. Переговоры шли при посредничестве русского посланника в Париже И.М. Симолина. Джонс не оправдал надежд и в октябре 1788 г. был отослан князем в Петербург. Потемкин остановил свой выбор на Ф.Ф. Ушакове. Джонс жил в столице и весной 1789 г. попал под следствие по делу о покушении на девичью честь. Только заступничество Потемкина спасло его от суда. Джонс вынужден был покинуть Россию: писал жалобы-доносы императрице, оставленные без внимания.

⁷¹ *Княжна Дарья Федоровна Щербатова* (1762—1801) осталась в малолетстве без матери, была забрана теткой у отца и воспитывалась при дворе. В 1787 г. пожалована во фрейлины. Ее роман с Мамоновым длился 8 месяцев. В 1789 г., после разрешения, дарованного императрицей, обвенчалась с А.М. Мамоновым.

⁷² *Сенявин Дмитрий Николаевич* (1763—1831), адмирал. Когда в 1787 г. началась Русско-турецкая война, имел звание капитан-лейтенанта. На первом этапе боевых действий состоял флаг-капитаном при командующем Черноморским флотом

адмирале Марко Войновиче, возглавив во второй половине 1788 г. успешную операцию по уничтожению вблизи берегов Малой Азии порядка десяти османских торговых кораблей, что на время отвлекло внимание турецкого флота от основного района боевых действий — осады Очакова. В декабре того же года получил за эту операцию орден Св. Георгия 4-й степени. После победы под Очаковом был отправлен в Санкт-Петербург, чтобы лично доложить императрице Екатерине II об одержанной победе. Был известен своим крайне непочтительным отношением к командующему Федору Ушакову, за конфликт с которым однажды даже оказался в карцере с угрозой понижения в звании.

⁷³ *Демидов Петр Григорьевич* (1740 — 1826) — тайный советник (1800), обер-директор Санкт-Петербургского коммерческого училища (1800—1805), владелец усадьбы «Сиворицы» (ныне — село Никольское). С 30 июля 1764 г. Петр Григорьевич был женат на Екатерине Алексеевне Жеребцовой (1748—1810), дочери генерал-аншефа, сенатора Алексея Григорьевича Жеребцова (1712—1777) и Марии Михайловны Нарышкиной. Ее брат Александр был женат на Ольге Александровне Зубовой, сестре знаменитых братьев Зубовых. Демидова была известна в обществе по своему фавору, которым она пользовалась со стороны графа А.Г. Орлова-Чесменского. Когда Орлов жил в Италии, в начале 1770-х гг., она жила в Пизе, и там все ее считали весьма близкой особой к графу. В 1782 г. Демидова сосватала своему старому любовнику родную племянницу Е.Н. Лопухину.

⁷⁴ *Грейг Самуил Карлович* (1736—1788), российский адмирал шотландского происхождения, отличившийся в Чесменском (1770) и Гогландском (1788) сражениях. Скончался 15 октября 1788 г.

⁷⁵ *Чернышев Иван Григорьевич* (1717 или 1726—1797), граф, генерал-фельдмаршал по флоту, фактический глава Адмиралтейств-коллегии в президентство Павла Петровича (на протяжении 28 лет, с 1769 г.).

⁷⁶ Императрица, заметив охлаждение Мамонова к себе, решила вызвать молодого человека на откровенность и найти достойной выход из сложившегося положения, предложив фавориту в невесты графиню Екатерину Яковлевну Брюс, которая была богатейшей невестой (хотя ей исполнилось всего 13 лет, Екатерина отозвалась о ней Храповицкому как о вполне сформировавшейся девушке). Впоследствии она была замужем за графом В.В. Мусиным-Пушкиным, сыном известного генерала.

⁷⁷ *Зубов Платон Александрович* (1767—1822), последний фаворит императрицы. Зубов после смерти Потемкина стал графом, затем князем, шефом кавалергардов и начальником артиллерии. В его ведение были переданы южные губернии, в которых он никогда не бывал.

⁷⁸ Свадьба А.М. Мамонова с княжной Щербатовой состоялась в Царском Селе. Новобрачные отправились в имение Мамонова Дубровицы в ночь на 3 июля.

⁷⁹ Год кончины Михаила Антоновича Гарновского уточнен его внучкой Е.Н. Ахматовой — 1817 г. (См.: Ахматова Е.Н. Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Май. С. 406).

⁸⁰ Турция, избегая прямого столкновения с Россией, поощряла своих сторонников в Крыму на свержение хана Шагин-Гирея (1746—1787).

⁸¹ *Веселицкий Петр Петрович* (1711—1786), статский советник. Дважды был резидентом при крымском хане. В 1780 г. был направлен в Крым и перед самым отречением Шагин-Гирея (17.IV.1783 г.) был смещен С.Л. Лащкаревым.

⁸² *Филисов Федор Петрович* (1731—1784), генерал-майор. 17.V.1782 в Керчи встретил хана, бежавшего на русском судне из Кафы, отдав ему почести, как владетельной особе.

⁸³ 1/12.IV. 1782 г. английский адмирал Джордж Бриджес Родней (Родни — 1718—1792) разгромил в сражении французский флот. Адмирал граф Франсуа Жозеф Поль де Грасс (1722—1788) попал в плен. Французы потеряли 7 кораблей.

⁸⁴ Страшный пожар в Константинополе, о котором посол Я.И. Булгаков донес 15 августа 1782 г., резко изменил обстановку. Смена везира и других высших чиновников ослабила партию войны. У Порты не было средств на ведение боевых действий.

⁸⁵ Старший брат жены наследника Павла Петровича принц Фридрих Вильгельм Карл Вюртембергский был принят на русскую службу с чином генерал-поручика, награжден орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

⁸⁶ Редактор ошибочно указал в скобках фамилию Мамонова, имеется в виду Ланской Александр Дмитриевич (1758—1784), фаворит императрицы. В начале октября 1779 г. был приближен ко двору, сделан флигель-адъютантом и действительным камергером. На Святой неделе 1780 г. Ланской поселился в Зимнем дворце в должности флигель-адъютанта императрицы в чине полковника; в 1783 г. произведен в генерал-поручики и назначен шефом Кавалергардского полка; 1 февраля 1784 г. пожалован генерал-адъютантом.

87 Младшая из сестер Энгельгардт Татьяна Васильевна (1767—1841), фрейлина с 1781 г. Она отправилась в свите князя на юг, чтобы навестить в Белой Церкви свою сестру, графиню А.В. Браницкую, у которой недавно родился сын. В 1786 г. Татьяна Васильевна вышла замуж за М.С. Потемкина, а после его смерти вышла за князя Н.Б. Юсупова.

88 *Ефимович Иван Николаевич*, полковник. В 1779 г. служил вице-президентом конторы главного магистрата. Во время войны 1768—1774 гг. был адъютантом Потемкина.

89 Генерал-губернатор Могилевского и Полоцкого наместничеств П.Б. Пассек получил повеление лично расследовать дело о фальшивых ассигнациях.

90 Автором сказки, изданной анонимно в 1783 г., была сама Екатерина. В «Сказке о царевиче Февее» говорилось, как больную царицу, которой ничто не помогало, вылечил лесной врач, приглашенный по совету Решемысла (под этим именем выведен князь Потемкин). Он посоветовал царице изменить образ жизни, распространенный при дворе,— больше двигаться, мало есть, вовремя отдыхать.

91 Губернская реформа должна была ввести единообразие в местное управление. Малороссия, пользовавшаяся из-за своего пограничного положения некоторыми льготами, уравнивалась с другими губерниями.

92 По предложению Потемкина было образовано Екатеринославское наместничество (на месте Новороссийской и Азовской губерний). Первым правителем наместничества стал Т.И. Тутолмин.

93 Речь идет о сложении Шагин-Гиреем своего достоинства.

94 *Екель (Экельн) Федор Андреевич* (1746—1804), работал над возведением новых сооружений в Кронштадте под руководством С.К. Грейга. Экельн был зачислен в свиту принца Вюртембергского. Впоследствии генерал-лейтенант, начальник над Тульскими оружейными заводами.

95 *Голицын Николай Алексеевич* (1751—1809), князь, камергер. Впоследствии был сенатором, послом в Швеции.

96 Шагин-Гирей просил Потемкина передать императрице о своем желании получить «голубую ленту» — знак высшего Российского ордена Св. Андрея Первозванного. Для бывшего хана были выполнены специальные знаки (медальон и звезда), чтобы исключить христианскую символику.

97 День вступления императрицы на престол — 28 июня.

98 *Крейц Густав Филипп* (1731—1785), шведский граф, дипломат.

99 *Таубе Эверт* (1737—1799), генерал-адъютант короля Густава III.

100 В Крыму свирепствовала чума.

101 29 июля родилась великая княжна Александра Павловна.

102 М.С. Потемкин («Святой») занимал придворную должность шталмейстера. После его назначения генерал-кригс-комиссаром императрица взяла в шталмейстеры Ребиндера Василия Михайловича (1730 — после 1800), имевшего чин генерал-майора и уже занимавшего эту должность в 1779 г.

103 Папа Пий VI направил в Петербург архиепископа Халкедонского, нунция в Варшаве (с 1775) Аркетти Джованни Андреа (1731—1805). Ему поручалось добиться отказа русских властей от поддержки запрещенного ордена иезуитов.

104 Мусульманский праздник Большой Байрам начинался в 1783 г. в середине августа.

105 Н.И. Корсаков несколько лет провел в заграничной командировке, изучая инженерные науки.

106 *Игельстром Иосиф Андреевич* (1737—1817), барон, боевой офицер периода первой Русско-турецкой войны. 15.V.1784 г. именно Игельструму удалось заставить Шагин-Гирея покинуть Тамань. Игельстром получил чин генерал-поручика и пост генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств. Участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг. В 1792 г. получил графский титул. Назначенный чрезвычайным и полномочным министром и командующим войсками в Польшу после второго раздела, Игельстром был застигнут врасплох восстанием в Варшаве в ночь на 6.IV.1794 г. и понес большие потери. Уволен в отставку. Павел I вернул его на службу, назначив оренбургским генерал-губернатором. Генерал от инфантерии.

107 Младший сын Эльфинстона Самуель в 1770 г. имел чин мичмана. В 1784 г. командовал кораблем на Балтике. Капитан 1-го ранга в 1788 г. Умер в 1790 г.

108 *Сестренцевич-Богущ Станислав* (1731—1826), могилевский римско-католический митрополит.

109 *Митрополит Гавриил Кременецкий* (в миру Григорий Феодорович, р. в 1708 г.) умер 9 августа 1783 г.

110 Ланской А.Д.

111 Архиепископ Гавриил был пожалован 22 сентября 1783 г. в митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского.

112 Французский посол граф Огюст Лоран Шуазель-Гуфье (1752—1817), написавший в своей книге «Живописное путешествие по Греции» строки, враждебные России (в духе французской дипломатии, поддерживавшей турок), впоследствии, вместе с другими французскими эмигрантами, оказался в Петербурге. При Павле I получил чин тайного советника и зани-

мал пост директора Академии художеств. После реставрации вернулся во Францию.

¹¹³ *Вадковский Федор Иванович* (1712—1783), генерал-аншеф, подполковник лейб-гвардии Семеновского полка.

¹¹⁴ Торговый трактат между Австрией и Турцией был заключен 13(24).II.1784 г.

¹¹⁵ А.Д. Ланской сообщил об отъезде графини Е.В. Скавронской, отправлявшейся в Неаполь к мужу, который был назначен туда посланником.

¹¹⁶ Папский нунций Аркетти провел в России почти год, до 2(13) июня 1784 г. Хотя его миссия не увенчалась успехом, он был 9(20) сентября 1784 г. посвящен в сан кардинала.

¹¹⁷ *Марков (Морков) Аркадий Иванович* (1747—1827), статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швеции с 1783 по 1786 г. Активный сторонник окончательного раздела Польши. Впоследствии граф, тайный советник. Посол в Париже в 1801—1803 гг. В донесениях Моркова о беседах с Густавом III сообщалось об агрессивных планах короля, вооружавшегося на французские деньги. Россия, связанная с Данией союзным договором, не могла остаться безучастной в случае нападения Густава III на принадлежавшую Дании Норвегию. Французская дипломатия содействовала заключению трактата между Швецией и Турцией, подготовив тем самым главные театры войны против России, начатой нападением Турции в 1787 г.

¹¹⁸ *Шушинский хан Ибраим*, союзник царя Ираклия II, притеснял армян Карадага и Карабаха, которые просили защиты у России. По поручению Потемкина П.С. Потемкин потребовал от Ибраим-хана покорности.

¹¹⁹ Вице-президентом состоял в это время граф В.П. Мушин-Пушкин. Среди майоров гвардии могли быть: семеновцы В.И. Левашов и князь В.В. Долгоруков, преображенцы Н.А. Татищев и князь С.Ф. Голицын, измайловец И.И. Арбенев, конногвардеец И.И. Михельсон.

¹²⁰ *Дмитриев-Мамонов А.М.* сменил фаворита Ермолова А.П.

¹²¹ Бывшая родовая усадьба князей Голицыных. При князе Б.А. Голицыне — дядьке Петра I — в Дубровицах была построена белокаменная церковь Знамения, выдающийся памятник московского барокко. Потемкин приобрел Дубровицы в 1782 г. у Голицыных. Екатерина решила купить имение для А.М. Дмитриева-Мамонова.

¹²² Племянница Потемкина графиня Е.В. Скавронская сопровождала Екатерину.

123 29 июня 1787 г. после литургии в Успенском соборе Кремля архиепископ Платон был провозглашен митрополитом Московским.

124 Имеется в виду жена штатгальтера Фридерика София Вильгельмина (1750—1820), сестра прусского короля Фридриха-Вильгельма II. В июне 1787 г. по пути в Гаагу принцесса была задержана республиканцами и обратилась с просьбой о защите к Пруссии и Англии.

125 *Питт Уильям*, так называемый *Младший* (1759—1806), государственный деятель Великобритании, ставший в 23 года премьер-министром от партии тори и непрерывно возглавлявший правительство до 1801 г. (а также в 1804—1806 гг.).

126 *Герцберг Эвальд Фридрих* (1725—1795), граф, один из руководителей внешней политики Пруссии при Фридрихе-Вильгельме II. Инициатор создания широкой антирусской коалиции. Подстрекая турок к войне, Герцберг пытался при поддержке Англии добиться от Польши уступки Данцига и Торна. Был вынужден подать в отставку в 1791 г. после разоблачения внешнеполитических интриг прусской дипломатии.

127 *Принц Фридрих-Вильгельм* с началом войны сделал еще одну попытку вернуться на русскую службу после своей скандальной отставки в 1786 г. Екатерина ответила отказом.

128 *Мекноб Федор Иванович* (род. в 1737), полковник. Участник первой Русско-турецкой войны, кавалер Георгия 3-й степени. За ссору в 1781 г. с комендантом Керчи генерал-майором Борзовым отдан под суд.

129 *Кинбурнская баталия 1787 года* — эпизод Русско-турецкой войны 1787—1792 гг., когда русские войска под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова разбили 1 (12) октября турецкий десант на Кинбурнской косе (современная Николаевская область). Противник был потрясен поражением при Кинбурне; во время сражения погибли отборные янычарские войска.

130 *Баур (Боур) Карл Федорович* (1767 — после 1811), подполковник, генерал-адъютант Потемкина. Сын генерал-поручика Ф.В. Боура, генерал-квартирмейстера Румянцева в кампании 1770 г. Отличился при штурме Очакова в 1788 г. Был в числе лиц, сопровождавших Потемкина в его последней поездке из Ясс в Николаев, во время которой Светлейший князь скончался. Впоследствии генерал-лейтенант, участник Швейцарского похода 1799 г.

131 Один из трех линейных кораблей Севастопольского флота «Мария Магдалина» был занесен бурей в Константинополь и бросил якорь неподалеку от турецкого адмиралтейства.

¹³² *Австрийский серб Петр Абрамович Текелли-Попович* (1720—1793) в 1747 г. перешел на русскую службу и с отличием сражался в Семилетней войне, в войнах с Турцией. Храбрый серб имел чин генерал-аншефа и пользовался уважением своего старого боевого товарища Суворова. Очевидно, императрица писала о сообщенном Потемкиным плане экспедиции Текелли за Кубань.

¹³³ Посланник Франции в Петербурге граф Сегюр пытался обеспечить сближение своего двора с российским, но французский кабинет занял выжидательное положение. На настроение Сегюра повлияла отставка его отца с поста военного министра. Новый министр иностранных дел граф Арман Марк де Монморен (ок. 1745—1792) выдвинулся благодаря своему влиянию на Людовика XVI, воспитателем которого он был в годы его юности. После революции Монморен пытался спасти монархию, был арестован и убит в тюрьме в 1792 г.

¹³⁴ *Кармартен Френсис* (1751—1799), маркиз, лорд Осборн, секретарь по иностранным делам (министр иностранных дел) в кабинете Питта с 1783 по 1791 г. Впоследствии герцог Лидс.

¹³⁵ «Альтонская газета», газета, выходившая в г. Альтон, в настоящее время слившегося с Гамбургом.

¹³⁶ *Энсли Роберт* (ок. 1730—1812), английский дипломат, с 1776 по 1792 г. находился в Константинополе в качестве чрезвычайного и полномочного посла Великобритании.

¹³⁷ Георг III и правительство Питта заняли враждебную антирусскую позицию и действовали в интересах прусского короля.

¹³⁸ Совместные усилия России и Франции позволили быстро локализовать прусско-австрийский вооруженный конфликт из-за баварского наследства. Молодой французский король относился к России и лично к Екатерине II вполне лояльно. Однако король с его нерешительным характером не смог противостоять политике втягивания Франции в изнурительную войну с Англией на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов. Война привела к огромному долгу и подорвала финансы Франции.

¹³⁹ Императрица обыграла девиз «За веру и верность» ордена Св. Андрея Первозванного.

¹⁴⁰ *Принц Гессен Филипстальский Фридрих Вильгельмович* (1764—1804), сын владельца маленького германского княжества. Служил в России. Полковник Изюмского гусарского полка. В 1790 г. тяжело ранен при штурме Измаила.

¹⁴¹ *Цесарь* — император Иосиф II официально объявил войну Порте 29.I(9.II) 1788 г.

142 Письмо Екатерины II графам А.Г. и Ф.Г. Орловым с приглашением их командовать флотом и посаженными на него войсками, которые должны отправиться из Балтики в Архипелаг, помещено в «Сборнике РИО». (Т. 1 С. 109—110). Орловы ответили отказом.

143 *Младший из братьев Орловых* — граф Владимир Григорьевич Орлов (1743—1831) после отставки с поста директора Академии наук в 1775 жил в Москве, занимаясь воспитанием детей. Его сын граф Александр Владимирович Орлов (1769—1787) скончался от чахотки во Франции 12 октября 1787 г.

144 О распространяемых в столице слухах писал Гарновский, сообщивший о своей беседе с графом Безбородко 20 ноября: «Правда ли, что корабль «Слава Екатерины» был разбит бурей, попался в устье Дуная в руки запорожцев, а граф Войнович насилу успел спастись на лодке..?» — спрашивал граф Гарновского. Последний уверил Безбородко в том, что «посторонние о сем слухи и доносы ложны», что контр-адмирал граф Войнович пребывает с флотом в Севастополе. «Я и сам думал, что эти вести ложны», — заметил Безбородко. Среди распространяемых слухов Гарновский упомянул и слух о взятии турками Кинбурна (РС. 1876 Т. XV. С. 485—486). Потемкин приказал переименовать корабль «Слава Екатерины», который стал называться «Преображение Господне». Этот корабль участвовал во всех морских сражениях с турками.

145 Официально Россия делала предложения о союзе через посланника графа Сегюра. Неофициально — через принца Нассау-Зигена, ездившего в Париж. Попытка создать противовес коалиции во главе с Англией и Пруссией (в которую вошли Голландия, Турция, Швеция) окончилась неудачей.

146 *Генерал-поручик Иван Александрович Заборовский* (1735—1817), генерал-губернатор Владимирского и Костромского наместничеств, был послан в Италию и Грецию для организации восстания против турок. В 1774 г. его отряды ближе всех подошли к Константинополю и способствовали успешному заключению мира. Посылка флота в Архипелаг с десантными войсками не состоялась из-за агрессии Швеции летом 1788 г.

147 Речь идет о генерал-поручике И.И. Михельсоне, который все же принял участие в начавшейся войне со шведами.

148 *Неранчич Давыд Гаврилович* (1751—?), генерал-майор, флигель-адъютант Екатерины II, серб, родной брат С.Г. Зорича, принявшего по смерти бездетного дяди генерал-поручика М.Ф. Зорича его фамилию. Служил в Екатеринославской армии у Потемкина, командуя гусарскими полками.

149 Офицер-преображенец Петр Иванович Иевлев в 1789 г. был выключен из полка «за неуплату долгов».

150 Крепостной художник Потемкина М. Шибанов выполнил в Киеве портрет Екатерины II в дорожном костюме (ныне хранится в ГРМ). Государыня послала Потемкину эстамп с этого портрета.

151 *Татищев Николай Алексеевич* (1739—1823), генерал-майор, кавалер Георгия 4-й степени (за отличия в первой турецкой войне), премьер-майор лейб-гвардии Преображенского полка, подполковником которого был Потемкин.

152 *Голландский адмирал Ян-Генрих Кинсберген* (1735—1819) во время первой Русско-турецкой войны служил на Черном море. С ничтожными силами в 1773 г. одержал две победы над турецким флотом и был награжден Георгием 4-й и 3-й степеней. Вернувшись на родину, принял участие в войне с Англией, затем в войнах, вызванных французской революцией. Возведенный Наполеоном на голландский трон Людовик Бонапарт осыпал Кинсбергена наградами. Адмирал стал маршалом королевства и графом. Потемкин настойчиво искал искусного флагмана для молодого Черноморского флота. Кинсберген не смог вторично отправиться в Россию.

153 *Горчаков Алексей Иванович* (1769—1817), князь, племянник А.В. Суворова.

154 *Князь Василий Васильевич Долгоруков* (1752—1812), генерал-поручик и премьер-майор лейб-гвардии Семеновского полка, отправился в армию Потемкина.

155 Указ о принятии Джона Поль Джонса (Пауль Жонес) на русскую службу дан 16 февраля, и 5 марта Потемкин отправил в Париж своего адъютанта К.Ф. Боура для переговоров с американцем, но тот был уже на пути в Копенгаген.

156 *Гов (Хоу) Ричард* (1726—1799), адмирал, прославившийся деблокированием осажденного Гибралтара, в 1783 г. стал первым лордом Адмиралтейства. В 1794 г. подтвердил свою репутацию выдающегося флотоводца, разгромив французский флот под Брестом.

157 Имеется в виду вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев.

158 *Радзивилл Кароль Станислав* (1734—1790), князь, крупнейший магнат Польши, воевода Виленский. Во время Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. примкнул к сторонникам Пруссии.

159 *Огинский Михал Казимеж* (1729—1800), князь, Великий гетман Литовский, претендент на королевскую корону. В 1771 г. примкнул к Барской конфедерации и напал на русские войска. Суворов совершил марш из Люблина в Брест

и разгромил Огинского. Гетман бежал в Пруссию, затем во Францию. После амнистии вернулся в Польшу. Обещал поддержку России в случае возвращения конфискованных имений, но продолжал интриговать против короля. Сторонник пропрусской партии.

¹⁶⁰ *Браницкий Франциск Ксаверий* (1731—1819), граф, крупный военный и государственный деятель Речи Посполитой, полковник (1757), подстолий великий коронный (1764—1766), староста галицкий (1765), ловчий великий коронный (1766—1773), генерал-лейтенант коронных войск (1764), генерал литовской артиллерии (1768—1773), генерал-адъютант королевский (1762), гетман польный коронный (1773—1774), гетман великий коронный (1774—1793). Сын каштеляна брацлавского Петра Браницкого (—1762) и Мелании Терезы Шембек. Один из лидеров пророссийской конфедерации польско-литовской шляхты, позднее — генерал от инфантерии на царской службе (1795). В русских документах фигурирует как Ксаверий Петрович Браницкий. От брака с Александрой Васильевной Энгельгардт (1754—1838), племянницей князя Потемкина, имел двух сыновей и трех дочерей.

¹⁶¹ Партия патриотов потерпела поражение, и многие ее представители вынуждены были эмигрировать. 4(15) апреля 1788 г. был подписан англо-голландский договор о союзе, а 2(13) августа в Берлине был заключен тройной союз Англии, Пруссии и Голландии, направленный как против Франции, так и против России и ее союзников.

¹⁶² Сведения о враждебности короля Густава III доходили до императрицы и ранее, см.: Сборник РИО. Т. 29. С. 1—2.

¹⁶³ *Поссе Фредрик Арвидсон* (1727—1794), граф, генерал-лейтенант шведской армии (с 1778 г.), командовал войсками в Финляндии. Впоследствии генерал от инфантерии.

¹⁶⁴ *Армфельт Густав Маврикий* (1757—1814), барон, полковник, камер-юнкер Густава III и его близкий друг. В конце крайне непопулярной в Швеции (и особенно в Финляндии) войны против России Армфельт 3.VIII.1790 подписал по поручению короля мирный договор. Покушение на Густава III и его смерть вынудили Армфельта бежать из Швеции и тайно поселиться в России. При Густаве IV он вернулся на родину и занимал высокие посты. Низложение короля заставило его навсегда покинуть Швецию. Армфельта ценили в России, он управлял присоединенной к ней Финляндией, имел чин полного генерала и получил от Александра I графский титул.

¹⁶⁵ *Кених (Кениг) Георг Генрих* (умер в нач. XIX в.), скульптор, медальер, выходец из Германии. Работал в Австрии, Англии, затем в России.

¹⁶⁶ *Кречетников Михаил Никитич* (1729—1793), генерал-поручик, тульский и калужский генерал-губернатор, его высоко ценили императрица и князь Потемкин. Впоследствии в чине генерал-аншефа командовал одной из двух армий, выставленных Россией против Польши в войне 1792 г. Награжден графским титулом, но не успел узнать об этой милости, скончавшись до получения рескрипта Екатерины II.

¹⁶⁷ Известие не соответствовало действительности: арестованный и посаженный в Семибашенный замок русский посланник Я.И. Булгаков был освобожден лишь в конце 1789 г.

¹⁶⁸ Имеется в виду шведский посланник барон Нолькен.

¹⁶⁹ Командовавший турецким флотом капудан-паша Газы-Хасан считался сторонником мира, но его соперник, верховный везир Юсуф-паша, возглавлял партию войны.

¹⁷⁰ Полковник Фабри из корпуса Кобурга практически без сопротивления занял Яссы. Когда же турки послали в Молдавию войска, Фабри ушел из Ясс. Румянцев полагал, что австрийцы стремятся переложить всю тяжесть войны на своих союзников.

¹⁷¹ 29 апреля 1788 г. Глези взял два турецких судна и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

¹⁷² *Платов Матвей Иванович* (1751—1818) был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, впоследствии прославившийся в войнах с Наполеоном предводитель Войска Донского.

¹⁷³ *Рибопьер Иван Степанович* (1750—1790), швейцарец, родился в Эльзасе. Был принят на русскую службу, генерал-адъютант Потемкина. Женился на фрейлине Аграфене Александровне Бибиковой, дочери генерала. Близко сдружился с адъютантом Потемкина А.М. Дмитриевым-Мамоновым задолго до его возвышения. Когда Мамонов стал фаворитом, Рибопьер получил свободный доступ во дворец.

¹⁷⁴ *Марья Андреевна Румянцева*, урожденная Матвеева (1698—1788), обер-гофмейстерина, статс-дама, скончалась 4 мая 1788 г. Фельдмаршал Румянцев тяжело переживал смерть матери.

¹⁷⁵ *Оксенштиерна (Оксеншерна) Иохан Габриель* (1750—1818), граф, шведский государственный деятель, рейхсмаршал (глава Государственного совета).

¹⁷⁶ *Адмирал Самуил Карлович Грейг* (1736—1788) должен был 15 июня идти в поход вокруг Европы. Адмирал Василий Яковлевич Чичагов (1726—1809) командовал эскадрой, остававшейся на Балтике. Опытный моряк, полярный исследователь, участник первой Русско-турецкой войны, Чичагов, после смерти Грейга 15 октября 1788 г., возглавил Балтийский флот и нанес шведам ряд поражений.

¹⁷⁷ *Алексиано Панаиоти Павлович* (?—1788), грек-волонтер на эскадре адмирала Г.А. Спиридова в 1769 г. Участник Чесменского сражения. Командовал фрегатом, крейсировавшим в Средиземном море. Овладел турецкой крепостью Яффа (1772), участвовал во взятии Бейрута (1773). Награжден Георгием 4-й степени. В 1787 г. в чине капитана бригадирского ранга командовал одной из эскадр Севастопольского флота (другой командовал Ф.Ф. Ушаков). Потемкин назначил Алексиано командиром Лиманской парусной эскадры в конце 1787 г., а в мае 1788 г. сменил его Джонсом. По отзывам Суворова и Корсакова, главная роль в победах на Лимане принадлежала Алексиано. Награжденный чином контр-адмирала, он вскоре скончался от тяжелой болезни.

¹⁷⁸ *Горд Иохан Людвиг* (1719—1798), граф, шведский аристократ, генерал-лейтенант прусской армии. Во время Семилетней войны имел чин полковника и попал в русский плен. Освобожден Петром III и сделался его любимым собеседником. Автор мемуаров.

¹⁷⁹ В 1756 г. придворная партия во главе с графом Эриком Браге (1722—1756) и графом Адамом Горном (1719—1778) потерпела поражение в острой политической борьбе за власть с парламентской партией. Обвиненный в попытке государственного переворота Браге был казнен. Горн спасся, так как незадолго до этих событий был послан в Россию.

¹⁸⁰ Имеется в виду адмирал Виллим Петрович фон Дезин (1740—1826).

¹⁸¹ *Принц Карл* (1748—1818), брат короля Густава III.

¹⁸² 16.VI командующий турецким флотом Газы Хасан-паша ввел в Лиман свои корабли. Сражение началось в 4 часа утра 17.VI и длилось до сумерек, завершившись разгромом турецкого флота.

¹⁸³ *Нолькен* — посланник Швеции в Петербурге, был выслан в ответ на высылку Разумовского из Стокгольма.

¹⁸⁴ Выборгским губернатором состоял генерал-поручик Карл Христианович фон Гинцель (р. в 1741 г.).

¹⁸⁵ *Густав II Адольф* (1594—1632), король Швеции, знаменитый полководец. При нем Швеция стала великой державой. Захватил Водскую пятину бывшей Новгородской волости, отрезав Московскую Русь от Балтийского моря. У Польши захватил Лифляндию. Принял деятельное участие в Тридцатилетней войне на стороне протестантских князей. Убит в сражении при Люцене.

¹⁸⁶ *Карл XII* (1682—1718), король Швеции, полководец. Разгром армии Карла XII при Полтаве привел Швецию к утрате статуса великой державы.

187 Кондиции (условия), на которых Густав III предлагал прекратить военные действия, носили явно провокационный характер. Среди прочего король выставил требования: 1-е, наказать примерно графа Разумовского за его интриги, клонившиеся к возмущению народа; 2-е, отдать Финляндию и часть Карелии до Систербека, или все то, что Швеция Нейштадтским миром и Абоским трактатом России уступила; 3-е, принять мир с Портою, отдавая Крым и уполномочивая уступить все завоевания, в минувшую войну приобретенные, с утверждением границ, до 1768 г. бывших.

188 *Боровский Федор Артемьевич* (1742 или 1744—1805), полковник, участник Русско-турецкой войны. Кавалер Георгия 4-й степени. Генерал-майор.

189 *Нессельрод (Нессельроде), граф Вильгельм-Карл* (1724—1810), уроженец Вестфалии. Служил в Австрии, Голландии, Франции, Пруссии, России; тайный советник. С 1778 г. чрезвычайный посланник в Лиссабоне, где у него родился сын — будущий канцлер России граф К.В. Нессельроде. Назначая Нессельроде вместо графа С.П. Румянцева, Екатерина II хотела воспользоваться его опытом и связями с придворными кругами в Берлине для нейтрализации Пруссии.

190 Имеются в виду представленные Потемкиным к наградам обер-кригскомиссар Андрей Львов и генерал-адъютант князя подполковник Иван Рокасовский (Рокусовский).

191 *Граф Петр Борисович Шереметев* (1713—1788), был женат на дочери князя А.М. Черкасского — одной из богатейших невест России. Шереметев без труда мог выставить 500 рекрутов сверх официальных наборов.

192 *Галвеси* — испанский посланник, переведенный из Берлина в Петербург. По поручению своего двора сделал представление Густаву III о прекращении войны с Россией.

193 *Сенявин Дмитрий Николаевич* (1763—1831), капитан-лейтенант, любимец Потемкина и его флаг-капитан. В 1790 г. генерал-адъютант главнокомандующего Черноморским флотом. В 1791 г. капитан 2-го ранга. Впоследствии прославился победой над турецким флотом в 1807 г. Адмирал.

194 *Войнович Марко Иванович* (1750—1807), граф, адмирал, (1801), командующий Черноморским флотом. Один из основателей Черноморского флота. В 1788 г. Войнович вышел в море для отвлечения турецкого флота от осажденного Очакова и 3 июля выдержал упорное сражение с турками близ острова Фидониси. Командуя эскадрой из 36 судов, вступил в бой с 47 турецкими судами под командованием Гасан-паши. 66-пушечный корабль Войновича «Преображение Господне» выиграл бой с двумя 80-пушечными кораблями турецких вице- и

контр-адмиралов: оба дважды загорались и в конце концов вынуждены были уйти за линию огня. Авангард под командованием Ушакова (корабль «Св. Павел» и 4 фрегата) поджег корабль капудан-паши. Войнович получил Георгия 3-й степени, но в январе 1789 г. был смнен Ф.Ф. Ушаковым — героем сражения у о. Фидониси. Потемкин внимательно разобрался в конфликте между Войновичем и Ушаковым и поддержал Федора Федоровича Ушакова.

¹⁹⁵ Имеется в виду фон Гинцель.

¹⁹⁶ *Егергорн Юхани Антти* (1757—1825), финн, майор шведской армии, адъютант командовавшего войсками в Финляндии графа Ф. Поссе. Один из вождей Аньяльской конфедерации, сторонник отделения Финляндии от Швеции. Вел переговоры с русским правительством о независимости Финляндии. В 1790 г. бежал в Россию.

¹⁹⁷ 27 июля 1788 г. турки предприняли вылазку из Очакова против левого фланга русских войск, которым командовал Суворов. В схватке он был ранен пулей в шею, а сменивший его генерал Ю.Б. Бибииков не сумел организовать отход. Войска понесли большие потери.

¹⁹⁸ *Синельников Иван Максимович* (1741—1788), генерал-майор, правитель Екатеринославского наместничества. Прибыл в лагерь под Очаковым и 25 июля во время рекогносцировки крепости был ранен пушечным ядром. Он стоял в двух шагах от Потемкина, и в ответ на слова сочувствия раненый просил князя «не подвергать себя такой опасности, ибо Потемкина в России другого нету» (РС. 1895. № 9. С. 175). Через два дня Синельникову ампутировали ногу, но операция не спасла его.

¹⁹⁹ Речь идет о переговорах финских офицеров с русскими властями. Противодействие финнов сорвало планы Густава III нанести сильный внезапный удар с суши на Петербург.

²⁰⁰ Разумовский не успел покинуть Стокгольм до начала военных действий и подвергался преследованиям со стороны короля. Только в конце августа ему удалось покинуть Швецию на купеческом судне.

²⁰¹ 30 августа праздновался день памяти Св. князя Александра Невского.

²⁰² 18 августа 1788 г. во время вылазки турок Михаил Илларионович Кутузов, находившийся на одной из батарей, был ранен мушкетной пулей в голову. Очевидец его ранения принц Де Линь сообщил в письме императору Иосифу II о том, что, по его мнению, генерал-майор Кутузов не доживет до утра.

²⁰³ Офицеры, составившие Аньяльский союз, действовали нерешительно и позволили королю разгромить дворянскую

оппозицию. 87 аньяльцев были приговорены к смертной казни, замененной тюрьмой и ссылкой. Полковник Хестеско был обезглавлен. Несколько человек бежали в Россию.

204 Инженер-полковник Николай Иванович Корсаков 24 августа 1788 г., осматривая осадные батареи, поскользнулся, упал в ров и накололся на собственную шпагу.

205 Мальтийские кавалеры славились как знающие дело морские офицеры. Героем прошлогодних боев на Лимане был мальтиец Дж. Ломбард. Письмо Екатерины к гротмейстеру ордена не разыскано. 68-м гротмейстером с 1775 г. был герцог Жан Эммануэль Мария Роган Поль (1725—1797). Он послал в Россию несколько кавалеров, которые приняли участие в войне против шведов.

206 Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805), генерал-аншеф, сенатор, главнокомандующий в Москве. В 1769—1771 гг. возглавлял Главную соляную контору и одновременно надзирал «за здоровьем всего города Москвы». Пользовался особым доверием императрицы, не забывавшей его твердости и распорядительности во время «Чумного бунта» 1771 г. (После подавления бунта Еропкин направил императрице донесение о московских событиях, одновременно прося уволить его с должности. В ответ Екатерина прислала ему лично приказ об увольнении с не проставленной датой, предоставив ему воспользоваться им по собственному усмотрению. Кроме того, она прислала ему 20 тысяч рублей «за распорядительность и мужественное подавление мятежа» и наградила орденом Андрея Первозванного. Помимо денег и андреевской ленты, Екатерина II даровала Еропкину 4 тысячи душ крестьян, но он от них отказался).

207 23 сентября 1788 г. адмирал Грейг заболел, хотя накануне выходил на перехват шведских кораблей; императрица послала к нему своего лейб-медика Роджерсона, приказав флагманскому кораблю «Ростислав» идти в Ревель.

208 Императрица предполагала утвердить своего внука великого князя Константина Павловича на троне восстановленной Греческой империи.

209 Адмирал Грейг скончался 15 октября 1788 г. в Ревеле.

210 Спиридов Алексей Григорьевич (1753—1828), контр-адмирал, сын флотоводца адмирала Г.А. Спиридова, героя Чесмы. Участвовал в Чесменском сражении. Командовал отдельными кораблями. В 1788 г. флагман в эскадре, входившей в состав флота Грейга. После воцарения императора Павла I награжден в 1797 г. орденом Св. Анны 1-й степени и в 1799 г. был произведен в чин адмирала. Был отправлен в отставку, но вскоре снова был принят на службу и назначен главным

командиром Ревельского порта. В 1792—1811 гг. главный командир Ревельского порта. В царствование императора Александра I был назначен также ревельским генерал-губернатором и в 1807 г. был пожалован орденом Св. Александра Невского. 19 апреля 1811 г. был назначен военным губернатором Архангельской губернии, а 7 июля того же года — главным командиром Архангельского порта. В 1812 г. ему были пожалованы алмазные знаки к ордену Св. Александра Невского. В сентябре следующего года был снова назначен ревельским генерал-губернатором и главным командиром Ревельского порта и занимал эту должность до своей смерти. Умер в Ревеле 18 марта 1828 г.

211 Между капитан-пашой Газы-Хасаном и везиром Юсуф-пашой существовала давняя непримиримая вражда.

212 *Elliot* — *Эллиот* Хью (1752—1830), английский дипломат, был полномочным министром в Мюнхене, Берлине, в Дании (1782—1791) и Саксонии. Содействовал выходу Дании из войны.

213 Загородные имения княгини Е.Р. Дашковой и Нарышкина находились по соседству. Ссора возникла из-за разводимых у Нарышкиных свиней, которые перерыли клумбы в саду Дашковой. Княгиня приказала своим слугам убить их, возникло целое дело, которое обсуждали в придворных кругах.

214 Состояние здоровья Георга III менялось, он пережил Екатерину на 24 года. Только в 1811 г. было установлено регентство наследника — принца Уэльского, будущего короля Георга IV (1762—1830).

215 *Волконский Сергей Авраамович* (1748—1788), князь, генерал-майор.

216 *Горич-Большой Иван Петрович* (1740—1788), бригадир, родом черкес. Вместе с братом Иваном добровольцем вступил в русскую армию. С отличием сражался в первую турецкую войну. Кавалер Георгия 4-й степени. Во время штурма Очакова командовал 6-й колонной. Похоронен в Херсоне. В Очакове установлен памятник «бригадиру Горичу».

217 *Боур (Баур) Карл Федорович* за доставку известия о взятии Очакова пожалован в полковники.

218 И. И. Михельсон поссорился не только с Денисовым, но и с Мусиным-Пушкиным и был вынужден подать в отставку, но князь Потемкин взял его в свою объединенную армию.

219 В конце Семилетней войны Румянцев командовал заграничной армией, действовавшей против Пруссии. Он не возвращался в Россию после отстранения от командования, живя в Данциге. Императрице с трудом удалось убедить генерала

в своем уважении к его талантам, и Румянцев вернулся на службу.

²²⁰ Имеется в виду старший брат фаворита Зубов Николай Александрович (1763—1805), служил в армии в чине подполковника. Потемкин взял его в дежурные, чтобы сделать приятное императрице. За доставку в столицу известия о Рымникской победе Николай Зубов был пожалован в полковники. Впоследствии генерал-поручик, шталмейстер.

²²¹ Зубов Валериан Александрович (1771—1804), из поручиков Конной гвардии выпущен в подполковники в армию и отправлен императрицей к Потемкину. За участие в штурме Измаила Валериан Зубов получил Георгия 4-й степени. В Польской кампании 1794 г. потерял ногу. Назначен командовать войсками, отправленными в Персидский поход. В 25 лет получил чин генерал-аншефа. За покорение Дербента награжден Георгием 2-й степени. Вместе с братьями возведен в графское достоинство. При Павле I все три брата были в опале. Прощенные императором, приняли участие в заговоре и убийстве Павла I. После восшествия на престол Александра I потеряли свое влияние.

²²² Меллер-Закомельский Иван Иванович (1725—1790), генерал-аншеф, барон (с 1789 г.), герой 2-й турецкой войны в царствование Екатерины II. По его плану велась осада и штурм Очакова. Награжден за взятие этой крепости орденами Святого Андрея Первозванного и Святого Георгия 2-го класса (16(27) декабря 1788 г.). В кампанию 1790 г. был поставлен во главе отдельного корпуса, назначенного для взятия крепости Килии, при штурме которой был смертельно ранен и через четыре дня умер.

²²³ Атажукин Измаил-бей (1750—1811 или 1812), кабардинский князь, адъютант Потемкина, подполковник. Участвовал в осаде Очакова, герой поэмы М.Ю. Лермонтова. После заключения мира со Швецией в 1790 г. храбрый кабардинец успел вернуться на юг и за отличие при штурме Измаила (заслужил похвалу самого Суворова) был награжден Георгием 4-й степени — высшей офицерской наградой за мужество и доблесть. Измаил-бей в начале XIX в. принял участие в восстании горцев и погиб (по преданию) от руки своего двоюродного брата Росламбека Миостова в 1813 г.

²²⁴ Зубов Александр Николаевич (1727—1795), действительный статский советник, отец фаворита. Поспешил в Петербург, узнав о фаворе сына, и уже 21 сентября 1789 г. был пожалован членом в Сенат вместо удаленного оттуда Д.Ф. Сухарева. Корыстолюбивый Зубов-старший несколько раз попадал в истории, но благодаря заступничеству сына не понес

наказания. В 1793 г. вместе с женой и детьми пожалован в графское достоинство.

225 *Шкурина Мария Васильевна* (1755—1824), дочь преданного Екатерине II еще в бытность ее великой княгиней В.Г. Шкурина, пожалованного после переворота из обер-камердинеров в гардеробмейстеры с чином бригадира, в 1763 г. возведенного в потомственное российское дворянство. Фрейлина. Способствовала роману Мамонова с княжной Щербатовой и была вынуждена покинуть двор, уехав к Мамоновым, но не ужилась с ними, постриглась в монахини. Сменила несколько обителей. Похоронена в московском Новодевичьем монастыре.

226 Рескрипт был подписан 3 октября 1789 г. Специальным рескриптом на имя Потемкина Екатерина разрешила Суворову принять и титул графа Священной Римской империи, пожалованный ему Иосифом II.

227 Платон Зубов получил это звание, которое приравнивалось к чину армейского генерал-майора.

228 *Золотухин Василий Иванович* (1758—1792), полковник Фанагорийского гренадерского полка, шефом которого был Суворов. Отличился при Фокшанах и Рымнике.

229 Кречетникова Потемкин оставил в своей армии, ценя его как крупного администратора и военачальника. Командовавший Оренбургским корпусом Игельстром был переведен в Финляндскую армию.

230 Валериану Зубову не было еще 20 лет. Так делали карьеру обласканные императрицей братья ее нового фаворита. Напомним, что Суворов получил чин полковника 32 лет от роду, имея за плечами более 10 лет действительной службы и богатый боевой опыт.

231. *Зубов Дмитрий Александрович* (1764—1836), камер-юнкер. Женился на княжне Прасковье Александровне Вяземской (1772—1835), дочери генерал-прокурора Александра Алексеевича Вяземского, который был другом отца Зубовых.

232 Пьеса «Начальное управление Олега» была написана Екатериной в конце 1786 г. Летом 1789 г. было решено поставить ее в Эрмитажном театре. Несмотря на огромное количество государственных дел, императрица не прекращала своих литературных занятий. Премьера «Олега» состоялась в октябре 1790 г.

233 Представители Ганноверской династии английские короли, начиная с Георга I, одновременно были курфюрстами Ганновера. Вызванные введением подушной подати (*capitation фр.*) беспорядки очень встревожили британское правительство.

234 Указом от 10 января 1790 г. князь Потемкин был наименован Великим Гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск.

235 28 февраля 1790 г. императрица подписала рескрипт Потемкину о действиях Берлинского и Лондонского дворов и способов противодействия опасности, возникающей от союза Пруссии с Портой (договор был подписан в Константинополе 20(31).1.1790).

236 Потемкин переслал императрице журнал Бароцци, возвратившегося от везира Газы Хасана, где отмечалась готовность турок к переговорам.

237 Командовавший Кавказским корпусом генерал-поручик Юрий Богданович Бибилов (1743—1812) в ответ на набег закубанцев в январе 1790 г. самовольно двинул свои части в поход на Анапу. Генерал не рассчитал сил, в результате чего отряд понес большие потери. Бибилов, успешно преодолевая сопротивление турок и горцев, попытался с ходу взять Анапу, но был отбит. Окруженный со всех сторон, корпус прорвался к своим, вывезя раненых, но потеряв часть обоза и много лошадей.

238 В 1768 г. было решено послать в Грузию русские войска для помощи царям Ираклию II и Соломону I. Отрядом командовал генерал-майор граф Готлиб Курт Генрих фон Тотлебен (1710—1773), который в конце Семилетней войны был уличен в шпионаже в пользу Пруссии. Его спасла перемена на российском престоле. Действия Тотлебена вызвали недовольство местных правителей и открытое неповиновение войск во главе с бригадиром Александром Николаевичем Сухотиным (1726—1805).

239 Принцу Карлу сделали операцию (паховой грыжи), которая прошла успешно, и вскоре принц вернулся в армию. Через год он скончался от тяжелой болезни.

240 Хрущев Алексей Иванович (1741—1805), генерал-майор. Направлен Потемкиным в Финляндскую армию по просьбе императрицы, желавшей иметь опытных боевых командиров. Впоследствии генерал от кавалерии.

241 Владетелем княжества Ангальт-Бернбург-Шаумбург был принц Карл Людвиг, старший брат погибшего генерал-поручика принца Виктора Амадея.

242 Слизов Петр Борисович (1736—?), капитан бригадирского ранга. В службе с 1749 г. Участник Семилетней войны и Архипелагской экспедиции. В Чесменском сражении едва не погиб, находясь на взорвавшемся «Св. Евстафии». С началом войны со шведами командовал шхерным отрядом и флотилией. Сменен принцем Нассау. За первое Роченсальмское сраже-

ние награжден Георгием 4-й степени. Впоследствии капитан генерал-майорского ранга.

243 *Повалишин Илларион Афанасьевич* (ок. 1739—1799), контр-адмирал. Сменил фон Дезина во главе Копенгагенской эскадры. За участие в Выборгском сражении награжден Георгием 2-й степени.

244 *Ханьков Петр Иванович* (1744—1813), контр-адмирал. За Ревельское морское сражение награжден Владимиром 2-й степени, за Выборгское — Георгием 3-й и золотой шпагой.

245 *Мусин-Пушкин Алексей Васильевич* (?—1803), вице-адмирал, в службе с 1746 г. Участник Семилетней войны. Служил главным образом на Балтике и на Белом море. Один из флагманов Балтийского флота с 1789 г. За Ревельское сражение награжден золотой шпагой. Впоследствии адмирал. Уволен от службы в 1800 г.

246 *Кроун Роман Васильевич* (1754—1841), капитан 2-го ранга. Шотландец, перешедший в 1788 г. на русскую службу из британского флота. За отличия в кампаниях против шведов награжден Георгием 4-й степени и золотой шпагой.

247 Густав III пытался требовать территориальных уступок в Финляндии, но Екатерина заявила, что король должен подтвердить мирный договор, заключенный в 1743 г. в Або, иначе переговоры будут прекращены. После свидания с Армфельтом Игельстром поспешил донести, что «к миру надежда есть».

248 Участники Рейхенбахского конгресса решили собраться в Бухаресте на новый конгресс, куда приглашались Турция и Россия.

249 Потемкин переслал через П.А. Зубова хоры к «Олегу», написанные Сарти. Лучший из них — «Тебе Бога хвалим» был написан с оркестровым сопровождением и не мог исполняться в православной церкви.

250 Густав III направил посланником в Россию барона Стединга (Штединга) Курта Богислава Людвига Христофора (1746—1836), одного из самых способных шведских генералов, блестяще зарекомендовавшего себя в минувшей войне. Впоследствии он стал графом и генерал-фельдмаршалом. В Швецию был направлен барон фон дер Пален, доблестно сражавшийся в кампании 1790 г.

251 В связи с началом шведской войны гвардейские полки были переброшены из столицы на театр военных действий и приняли участие в боях. Традиционные обеды императрицы с гвардейскими офицерами в дни полковых праздников пришлось отменить. Назначая общий обед, Екатерина хотела тем

самым поблагодарить гвардию за мужество и ревность, проявленные в защите Отечества.

252 Граф. И.П. Салтыков, используя возросшее за время отсутствия князя Потемкина влияние своего родственника Н.И. Салтыкова (вице-президента Военной коллегии, только что получившего по случаю мира графский титул) и его протекже П.А. Зубова, получил пост командующего Двинской армией. На этот пост претендовал барон Игельстром. Князь Ю.В. Долгоруков, посчитав себя обойденным, подал прошение об отставке.

253 Речь идет о пожаловании князю Потемкину поместья в Екатеринославской губернии.

254 *Гудович Иван Васильевич* (1741—1820), генерал. Участник трех Русско-турецких войн. По представлению Потемкина 12 ноября 1790 г. получил новый чин. Гудович должен был возглавить войска под Измаилом. Не проявил решительности и был смнен Суворовым. В 1791 г. взял штурмом Анапу. Павел I пожаловал его в графское достоинство. При Александре I командовал войсками в Закавказье. Генерал-фельдмаршал.

255 Важной частью Нижнедунайской операции (по плану Потемкина) должен был стать прорыв флотилии Рибаса и флотилии черноморских казаков в Дунай и их содействие сухопутным силам в овладении цепью турецких крепостей. 20.X, уже после сдачи Килии (18.X), флотилия Рибаса прорвалась в Дунай, дерзким десантом с судов захватив сулинские укрепления. Потемкин приказал Ушакову, прикрывавшему поход флотилии, возвращаться в Севастополь.

256 3(14) февраля 1791 г. Шериф Хасан-паша был умерщвлен в Шумле по приказу Селима III. Новым визирем стал во второй раз Коджа Юсуф-паша, сторонник войны.

257 17 декабря скончался от болезни командующий Кавказским корпусом барон В.И. Розен.

258 28 февраля 1791 г. князь Г.А. Потемкин-Таврический прибыл в Санкт-Петербург.

259 Король Швеции отклонил предложение назначить барона Игельстрема посланником в Швецию. Екатерина направила в Стокгольм графа Штакельберга.

260 Принятие на службу М.Ф. Каменского обернулось серьезным конфликтом между ним и М.В. Каховским, которого Потемкин вызвал из Крыма для поручения главного командования армией. Каменский, как старший генерал-аншеф, попытался взять в свои руки командование, вызвав гнев императрицы.

261 Герцог Арман Эммануэль Ришелье, граф Шинон дю Плесси (1766—1822) принял участие в штурме Измаила в числе других иностранцев, под именем Дюка де Фронсака. Был награжден Георгием 4-й степени и золотой шпагой. Впоследствии перешел на русскую службу, был градоначальником Одессы и губернатором Новороссии. После реставрации Бурбонов вернулся во Францию и возглавил правительство. В Одессе ему был установлен памятник работы И.П. Мартоса, уцелевший после революции.

262 Именины Потемкина приходились на 30 сентября.

263 Последнее собственноручное письмо Потемкина императрице. В этот день Попов сообщил о ходе болезни князя императрице, что состояние князя ухудшилось, его мучили боли и рвота, силы его «изнурены до крайности». 5 октября 1791 г. князь Потемкин-Таврический, направляясь из Ясс в Николаев, умер от перемежающейся лихорадки неподалеку от молдавского села Рэдений Веки.

СОДЕРЖАНИЕ

Лобашкова Т. А. Документы и лица царствования Екатерины II	3
---	---

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ГАРНОВСКОГО 1786—1790

1783 г.	29
1786 г.	31
1787 г.	38
1788 г.	126
1787 г.	161
1788 г.	167
1789 г.	227
1790 г.	260

ЕКАТЕРИНА и ПОТЕМКИН.

Подлинная их переписка. 1782—1791

1782 г.	283
1783 г.	287
1784 год	309
1786 г.	313
1787	315

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II

С КН. ПОТЕМКИНЫМ.....	318
-----------------------	-----

1787 г.....	318
-------------	-----

Письмо кн. Потемкина.....	322
---------------------------	-----

Императрица — Потемкину.....	324
------------------------------	-----

Донесение Потемкина о Кинбурнском сражении.....	334
--	-----

Императрица — Потемкину.....	338
------------------------------	-----

1788 г.....	355
-------------	-----

Кн. Потемкин — Екатерине II.....	359
----------------------------------	-----

Императрица — Потемкину.....	360
------------------------------	-----

Кн. Потемкин — Екатерине II.....	374
----------------------------------	-----

Императрица — кн. Потемкину.....	375
Князь Потемкин — Екатерине II.....	376
Императрица — кн. Потемкину.....	378
Князь Потемкин — Екатерине II.....	383
Императрица — кн. Потемкину.....	384
Князь Потемкин — Екатерине II.....	385
Императрица — кн. Потемкину.....	390
Князь Потемкин — Екатерине II.....	392
Императрица — кн. Потемкину.....	395
Кн. Потемкин — императрице.....	411
Императрица — кн. Потемкину.....	411
Донесение кн. Потемкина о взятии Очакова.....	427
Императрица — кн. Потемкину.....	428
1789 г.....	429
Кн. Потемкин — императрице (При представлении реляции о сражении при Фокшанах).....	440
Императрица — кн. Потемкину.....	440
Князь Г. А. Потемкин — императрице Рапорт о сражении при Рымнике.....	451
Императрица — кн. Потемкину.....	453
1790 г.....	465
Императрица — кн. Потемкину.....	465
Кн. Потемкин — императрице.....	482
Екатерина II — князю Потемкину.....	483
Князь Потемкин — императрице.....	503
Екатерина II — князю Потемкину.....	505
1791 г.....	507
Императрица — князю Потемкину.....	507
Князь Потемкин — императрице.....	517
Комментарии.....	518

В оформлении обложки использованы фрагменты картин:
портрет Г. А. Потемкина У. Джеймса
(по оригиналу И. Б. Лампи-старшего), 1789,
портрет императрицы Екатерины II А. П. Антропова, 1766,
гравюры «Красная площадь в 1787 году».

ISBN 978-5-85209-415-5

Подписано в печать 02.11.2017.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 26,6. Тираж 500 экз.
Заказ № . Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

